

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины»

Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь

Российский центр науки и культуры в Гомеле

**СЛАВЯНСКАЯ
ФРАЗЕОЛОГИЯ И ПАРЕМИОЛОГИЯ**

**ТРАДИЦИОННЫЕ И НОВАТОРСКИЕ
РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ**

К 80-летию со дня рождения
профессора В. М. Мокиенко

Сборник научных статей

Гомель
ГГУ им. Ф. Скорины
2020

УДК 811.16:398.9

Славянская фразеология и паремиология: традиционные и новаторские решения проблем: К 80-летию со дня рождения профессора В. М. Мокиенко / редкол.: Е. В. Ничипорчик (отв. ред.) [и др.] ; М-во образования РБ, Гом. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2020. – 264 с.

ISBN 978-985-577-686-5

В сборнике помещены статьи, которые отражают результаты исследований славянских фразеологизмов и паремий, а также исследований истории и современного состояния славянских языков на материале фразеологических и паремиологических единиц. В статьях сборника предложены как традиционные, так и новаторские решения целого ряда научных проблем. К числу таких проблем относятся определение интернационального и уникального в национальных фразеофондах и паремиофондах; описание и сохранение диалектного фразеологического и паремиологического наследия; реконструкция аксиологической картины мира, объективированной в славянской фразеологии и паремиологии; интерпретация образной и символической составляющей семантики фразеологизмов и паремий; определение коммуникативно-прагматических и дискурсивных характеристик фразеологических и паремиологических единиц; выявление и описание новообразованных устойчивых единиц в славянских языках.

Адресуется языковедам, лингвокультурологам, социолингвистам, преподавателям и студентам-филологам.

Сборник издается в соответствии с оригиналом, подготовленным редакционной коллегией, при участии издательства.

Сборник издан при финансовой поддержке Российского центра науки и культуры в Гомеле

Рекомендован к изданию научно-техническим советом учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

Редколлегия:

Е. В. Ничипорчик (отв. ред.), В. И. Коваль,
И. Г. Гомонова, А. Л. Стрижак

Рецензенты:

доктор филологических наук В. С. Новак,
кандидат филологических наук М. М. Козловская

ISBN 978-985-577-686-5

© Учреждение образования
«Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины», 2020

К 80-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, профессора Института славистики Университета имени Эрнста Морича Ардта, почетного доктора Оломоуцкого университета, почетного председателя Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов, известного во всем мире ученого, прекрасного педагога, фразеографа, паремнографа, постоянного участника «Славянских встреч» в городе Томеле

Валерия Михайловича Мокученко

Е. В. Ничипорчик

О СЛОВЕ МАСТЕРА

(в честь Юбиляра профессора В. М. Мокиенко)

Все тексты роднит одно свойство – они создаются для адресата. Правда, не многие создатели текстов думают об адресате как о друге. Читая монографии, словари, статьи, учебники, рецензии, отзывы о диссертациях, слушая доклады на симпозиумах, форумах и конференциях, просматривая видеолекции уважаемого Юбиляра профессора В. М. Мокиенко, ловишь себя на мысли, что адресат всего написанного и сказанного Валерием Михайловичем присутствует не только в его уме, но и в сердце.

Мое давнее желание рассказать о проявлении дружеских тактик в идиостиле мэтра славянской фразеологии В. М. Мокиенко – автора 1240 публикаций, в числе которых 243 книги (51 монография, 156 словарей, 36 учебников), – удивительным образом совпало с желанием Юбиляра подать на нашу конференцию статью о дружбе. Не могу не процитировать дружескую увертюру Валерия Михайловича к статье, которая опубликована в нашем сборнике научных статей: *«Раздумывая о сюжете очередного доклада на ежегодном фразеологическом вече в гостеприимном Гомеле, я перебрал в памяти немало достойных этого славистического форума тем. И, после глубоких раздумий, остановился на концепте “Дружба”. Ведь именно сейчас, когда весь мир скован цепями враждебного человечеству ковида-19, когда привычные и крепкие дружеские узы обратились в неосязаемое дистанционное общение, а жившие ранее в мире и гармонии страны инъецируются злобой и враждой, нам, фразеологам и паремиологам, самое время громко говорить о Дружбе и Товариществе».*

Даже в этом небольшом фрагменте чувствуется подчеркнутое внимание ко всем, кого связывают дружеские лингвистические узы в непростое «ковидное» время. Здесь и комплимент гомельчанам, и отклик на предложенное организаторами конференции разделение фразеологии и паремиологии в проблемном поле конференции, и намек на непростые политические отношения в мире, и сожаление о невозможности встречи в привычном формате, и оптимистическая тональность, вселяющая веру в то, что Доброе в мире восторжествует. Умелое использование аллюзии, метафоричность и оценочность лексики (*фразеологическое вече, гостеприимный Гомель, достойный, славистический форум, скован цепями, враждебный человечеству, крепкие дружеские узы, неосязаемое дистанционное общение, инъецируются злобой и враждой, мир и гармония, Дружба и Товарищество*) позволяют сказать так много и так свежо и метко в абсолютно лаконичном слове. И это слово сродни живописному полотну, на котором мастер, выражающий свои мысли и чувства, уверенными мазками, наносимыми лингвистической кистью, изображает мир.

Как не узнать руку все того же живописца в другом его творении – в здравнице, написанной в этом году по случаю юбилея польского фразеолога профессора Войцеха Хлебды: *«Wojciech Chlebda – одно из самых частотных, устойчивых и любимых словосочетаний, входящих в активный “Идиоматикон” всех фразеологов мира. Прозрачность его внутренней формы, излучающей сакральную библейскую формулу (“Хлеб наш насущный ДАждь нам днесь” Мф 6, 11), обеспечивает его необыкновенную устойчивость и всеобщую воспроизводимость во всех сферах науки и жизни. Именно поэтому наш Юбиляр столь щедр и востребован не только в широких научных кругах, но и в высших научно-бюрократических сферах. К последним, понимая заслуженную В. Хлебдой честь, мы, фразеологи, ревнуем, ибо из-за административной активности и перегруженности нашего профессора мы, фразеологи, стали редко видеть его на наших конференциях, одним из инициаторов которых он был»* [1, с. 11]. И вновь мы ощущаем удовольствие, смакуем удивительно тонкий и изящный мокиенковский

стиль с проявлением в нем души художника слова, этимолога, фразеолога, крылатолога и просто друга, который с легкой юморинкой говорит о сокровенном от имени друзей и для друга, выражая ему свое глубокое почтение. Позволю привести здесь еще несколько фрагментов здравицы, подтверждающих сказанное: *«Не сгибаясь под тяжестью всех столь почётных и поедающих время должностей и функций, В. Хлебда успешно продолжает одарять славистов-фразеологов своими научными трудами, ставшими для многих из нас хлебом насущным, а для творческой молодёжи – и вратами истинной учёности. <...> Синтез богоискательства и судьбоносности, отражённый мощными “горячими” материалами русских постперестроечных средств массовой информации, стал объектом проникновенного лингвистического диагноза в монографии “Fatim i nadzieja. Szkice do obrazu samoświadomości językowej dzisiejszych Rosjan”.* <...> *Но на анализе лишь русской (resp. советской) ментальности наш Юбиляр не остановился. Родная польская ментальность им вскрыта тем же методологическим скальпелем объективного лингвиста»* [1, с. 12, 20]. Можно бесконечно цитировать здравицу в честь В. Хлебды и получать удовольствие от созданного Валерием Михайловичем текста, в котором проявляется свойственное стилю автора смелое соединение художественного слога с научным: *«Но если в случае с выше расшифрованной внутренней формой его фамилии он полностью подчинился её семантической доминанте, став Хлеבודарителем для нескольких поколений филологов, то в случае с топонимом [речь идет о топониме Глухолазы – название небольшого города, в котором родился В. Хлебда] он поступил антонимически – т. е. решительно воспротивился его этимологическому диктату. <...> сопротивляясь диктату родного ему топонима, он изошрился своё от рождения неглухое ухо тонким филологическим образованием и восприимчивостью к родной и славянской речи. <...> В. Хлебда ни разу ещё не предпринял никаких Głuchich łazów, т. е. “глухих вылазок” против кого-либо или чего-либо, поапостольски распространяя в нашей среде идею мира и братского научного взаимодействия»* [1, с. 11, 12]. А вот фрагмент комплиментарной и удивительно доброй, дружеской финальной части здравицы: *«Сознательно опуская в этой юбилейной реляции обзор неисчислимых рецензий, критических заметок и аналитических информационных В. Хлебды и обозревая всё его необозримое научное наследие, ставшее неоценимым вкладом в славистику, хочется думать, что жители его родного пограничного городка Глухолазы выступают с инициативой – переименовать свой город в более благозвучный и гордый топоним – Хлебдары, а жители деревни Ярнотувек – в Хлебдувек. Зная скромность Юбиляра, однако, мы подозреваем, что он сам в год своего 70-летия решительно воспротивится этому. Но мы, почитатели его лингвистического дара и культиваторы хлебдолюбия во всей необъятной Славии, будем решительно на этом настаивать через 30 лет»* [1, с. 25]. Какой естественной и уместной здесь кажется антитеза, основанная на повторе, и авторская неология, как поразительно точны эпитеты, как гармонично соединение высокой лексики с обыденным словом! *«Умри, Денис, – лучшие не напишешь!»* – более меткого определения, чем это крылатое выражение, думаю, и не подобрать для характеристики того, что рождено умом и сердцем Валерия Михайловича, преисполненного желания выразить почтение ученому и обаятельнейшему человеку Войцеху Хлебде.

Полагаю, что со мной согласятся многие, если скажу, что стиль Валерия Михайловича легко узнаваем, к каким бы жанрам его письменно зафиксированной мысли мы ни обращались. Индивидуально-авторские метафоры и окказионализмы, креативно используемые евангелические, пословичные, фразеологические выражения, разного рода межтекстовые переключки, подтекстовая составляющая, юмор, каламбур – все это составляет приметку стиля В. М. Мокиенко. Вот несколько небольших купюр из работ Валерия Михайловича: *«В языке вообще, а во фразеологии в особенности такое сплетение национального и интернационального происходит постоянно. Как ни один народ не*

может полнокровно существовать без разносторонних контактов с иными народами, так и язык истоцился бы сам в себе, не находя подкрепления в других языках и не отдавая им, в свою очередь, собственных живительных соков» [2, с. 8]; «Если мы, диалектологи, не успеем в последний момент зафиксировать сохранившиеся пока в некоторых регионах жемчужины народного творчества, то искусственный интеллект будущего века (а быть может, и настоящего) предаст их забвению. И неизвестно, когда ещё наши потомки откопают этот зарытый в компьютерные толици естественный речевой талант – талант народной речи» [3, с. 84]; «Этот честный, хотя и нелюбезный диагноз, собственно, и вызвал к жизни тему нашей сегодняшней Белгородской конференции. *Quo vadis? Камо грядеши? Куда мы идем?* – вот главный вопрос, который мы, фразеологисты, задаем себе сейчас» [4, с. 11]; «Самокритично признаю, что этим “в старину” мы в какой-то мере усыпили интернациональную бдительность когнитологов, всегда ищущих повода для “национализации” собственно русской языковой картины» [4, с. 15]; «“Вишенкой же на торте” славянской неологизации сейчас нередко становятся кальки-американизмы. Но и они, наслушавшись на славянский фразеологический торт, не портят его первородного вкуса, а, наоборот, придают ему особую современную образную “брендовость”» [5, с. 144]; «Дегустируя такого рода образные языковые “лакомства”, я невольно пытался подобрать им наши русские ассоциативные параллели» [6].

Отдельно нужно сказать о потрясающем умении профессора В. М. Мокиенко в серьезную речь добавлять долю юмора. Причем и юмор у Валерия Михайловича особый, он – разный: по-дружески восхваляющий или, напротив, по-дружески разоблачающий; разрушающий дистанцию или намеренно создающий дистанцию (как правило, для выражения доброго почтения и почитания); подтрунивающий и горький или, наоборот, прощающий и поддерживающий. Одна особенность, правда, остается неизменной – юмор Валерия Михайловича всегда утонченный, с лингвистической изюминкой, фразеологическим послевкусием, узнаваемо мокиенковский: «Если выражение *богатенький Буратино* выросло из советского литературного источника, то оборот о чукотском юноше – симбиоз известных анекдотов о некоторых жителях крайнего Севера, который, как поётся в песне, напрасно называется “крайним, потому что он бескрайний”...» [5, с. 141]; «Любой фразеолог, неожиданно для себя увлеченный желанием заняться исследованием, а тем более словарным описанием фразеологических неологизмов, рискует тут же стать мальчиком (а ещё вероятнее – девочкой) для битья» [5, с. 137]. И даже в тех случаях, когда, кажется, в пору сокрушаться, а не шутить, Валерий Михайлович может смягчить удар, прибегая к антифразису, иносказанию, намеку, помещая критику в контекст упоминания о достоинствах: «Когнитивные исследования фразеологии давно уже стали мировым филологическим “брендом” Белгородского университета. Вдохновленные одним из признанных когнитологов профессором Н. Ф. Алефиренко, его последователи проводят в стенах своей *alma mater* уже 4-ю Международную научную конференцию по когнитивной фразеологии. <...> В речи же художников слова они [крылатые выражения] способны творчески преобразовываться создавая неповторимую мозаику художественной картины мира <...>. Преобразовываться в соответствии с законом, сформулированным в известной фразе А. С. Пушкина “Разум неистоим в соображении понятий, как язык неистоим в соединении слов”. То есть, следуя когнитивному процессу, который не менее ясно и четко Н. Ф. Алефиренко (2012) называет созданием “предзнаковых форм мотивации фраземосемиозиса”» [7, с. 15, 25]; «И хотя сама идея стара как мир – достаточно вспомнить “учителя народов” Яна Амоса Коменского, книга которого “*Orbis Sensualium Picti*”, изданная в 1657 году, так и называлась “Мир с картинка”, или В. Гумбольдта, – но новое, молодое вино в эти старые идейные мехи подлила Анна Вежбицкая. Ею была предложена реконструкция русской языковой картины мира,

достаточно рельефно отличающейся от языковых картин западного (особенно англоязычного) мира. Многие наши русисты с энтузиазмом подхватили и начали развивать эту идею, не заметив, что польская русистка, окончившая московскую аспирантуру и работающая в Австралии, нам поднесла “Елизабет Воробья” вместо полноценной русской души» [6].

Казалось бы, что может быть серьезнее такого жанра, как отзыв о диссертации? Но и в этом жанре Валерий Михайлович умеет снять напряжение, проявляя неизменную дружескость. За неявной, намеченной лишь штрихами игровой словесной формой, к которой порой обращается Валерий Михайлович для выражения похвалы или критики, кроется мудрость Ученого и Учителя: *«Всего три года назад отечественные лингвисты и любители вкусной пищи дегустировали оригинальную монографию Е. А. Юриной “Вкусная метафора: пищевая традиция в зеркале языковых образов” <...>. Казалось, теперь уже все в гастрономической метафорике изучено и подвержено последовательному и детальному когнитивному анализу. И вот теперь ученица томской исследовательницы представляет Ученому совету диссертацию на ту же всегда актуальную для человечества тему. <...> Как легко видеть, моя оценка исследования А. В. Балдовой столь же положительна, как и оценка большинства пищевых концептов диссертантом и потребителями гастрономических объектов. Лишь привычный лексикографический и редакторский взгляд обнаружил одну досадную опечатку в автореферате: на с. 6, где приводится наш с профессором Алиной Михайловной Мелерович словарь “Фразеологизмы в русской речи”, фамилия моего соавтора вызвала германоязычные ассоциации, понятные для региона, где германо-русские контакты привели к освоению Сибири» [8]; «Не будучи диалектоносителем, я, как неофициальный рецензент кандидатской диссертации З. Р. Боуфал, хочу выполнить иную задачу: заключить свой отзыв без всякой неуверенности, нерешительности и колебаний самой высокой положительной оценкой этого научного исследования» [9]; «Мне не представляется обоснованным и подтвержденным анализируемым материалом включение в корпус диссертационного исследования составных терминов и наименований типа вопросительный знак, Российская Федерация, Московский педагогический государственный университет <...>. Я еще понимаю, почему Нгуен Тхань Ха включила в этот список сочетание Московский педагогический государственный университет: как говорится *Noblesse Oblige*, – в этом авторитетном вузе проходит сейчас ее защита. Однако включение такого рода разнородных и безобразных словосочетаний превращает объект ее исследования в открытый ряд. К счастью, этого не случилось, ибо включение такого рода единиц лишь декларируется, а в самой диссертации они практически не анализируются. Тем более что автор сама подчеркивает, что “во вьетнамском языке они не относятся к фразеологии” (с. 28). По секрету скажу: их не относят к фразеологизмам и большинство русских фразеологов. Да и трудно представить себе словарь, в котором бы идиоматика, пословицы и крылатые выражения попали в один переплет с сочетанием Советский Союз или Социалистическая Республика Вьетнам. Я сделал бы в таком словаре лишь одно исключение – сами понимаете, для обозначения какого вуза» [6].*

Многие начинающие исследователи, получив поддержку у профессора В. М. Мокиенко, уверенно идут к своему олимпу. А как это важно, чтобы труд вовремя был оценен, чтобы молодой ученый, вдохновленный одобрением доктора наук, вливался во Фразеологическое содружество и, *«следуя в кильватере <...> мощного течения»*, находил *«свой собственный азимут»* [10]. В. М. Мокиенко, как никто другой, умеет отзываться о молодых ученых по-отечески тепло: *«Конференция по славянской диалектной фразеологии проводится нашим гостеприимным хозяином профессором Матеем Раком <...>. Мне помнится, как 15 лет тому назад на конференции в Ополе ко мне подошёл молодой студент с вдохновенными глазами и сказал: “Позволит ли мне*

пан профессор подарить ему свой словарь – фразеологический словарь моей родной деревни?» Я не только позволил ему подарить мне свой словарь, но и всю ночь изучал яркую народную фразеологию gwary Dębna, с любовью описанную в этом словаре. Это был *Słownik frazeologiczny gwary Dębna w Górach Świętokrzyskich (SFGD)*. И не успел я насладиться чтением первого его труда, как в 2007 г. вышла ещё одна книга этого же автора – *Językowo-kulturowy obraz zwierząt utrwalony w animalistycznej frazeologii gwar Gór Świętokrzyskich i Podtatrza (na tle porównawczym) <...>*. Видя, с каким тщанием и лингвистическим вдохновением написаны эти книги, я подумал: «Этот студент наверняка скоро станет профессором». Автором словаря, как вы уже догадались, и был студент М. Рак. И, как видите, моя научная гипотеза подтвердилась ...» [3, с. 83–84].

Когда-то и я, в свое «предзащитное» время, получала письма-поддержки от профессора В. М. Мокиенко как рецензента моей монографии, укрепившие меня во мнении, что исследовательская стезя выбрана верно: «Уважаемая Елена Владимировна, с вниманием прочитал Вашу монографию и простите, что затянул с отзывом: <...> я не привык листать хорошие книги, а люблю их дегустировать» (апрель 2015); «Так что держите паремиологический хвост пистолетом и помните клич француза Беранже: “Бей в барабан – и не бойся!” Желаю Вам и Вашим близким счастливого, здорового и блестящего Нового года» (декабрь 2015); «Голгоф не бойтесь: они закаляют нас, паремиологических оловянных (а не бумажных!) солдатиков! Желаю плыть вперёд без страха и сомненья! С почтением. В. М.» (январь 2016). Да и сейчас как приятно получать от Валерия Михайловича добрые напутственные слова: «Дорогая Елена Владимировна, Вам – все по плечу!» (декабрь 2019). Конечно же, я понимаю, что в комплиментах лишь доля истины, преувеличенная по закону жанра, однако важен сам факт, что найдено время, найдено слово, и не сомневаюсь, что оно есть у Валерия Михайловича для всех, кто вносит свою, пусть и небольшую лепту в общее фразеолого-паремиологическое дело.

Кто еще из ученых, обладая многими почетными званиями и регалиями, постоянно погруженный в лексико-, фразео- и паремиографическую работу, найдет время сразу откликнуться на письмо, наполнив свои ответные послания светлой авторской неологией, юморинками (иногда с тайными нотками легкой иронии), а главное – душевной теплотой и истинной интеллигентностью: «Вы правы: я тоже думаю об открытом забрале и отправлю забральный вариант» (январь, 2016); «Спасибо за полезную информацию. Всё соблюду и буду действовать по разработанной программе» (ноябрь 2019); «Мастер-класс так мастер-класс. Вот тема: Непонятное в понятном: знаем ли мы библейские крылатые выражения? Всего науКлассного» (октябрь 2019); «Нет слов... Одни восклицания! Паремиологические!!!» (ноябрь 2019); «Желаю успеха и неспешности в подготовке Конференции, которую предвкушают все фразеологи и паремиологи» (ноябрь 2019); «Очень жаль, что приходится отказываться от поездки, к которой я так тщательно готовился. И – главное – хотел увидеть любимую команду фразеологов и паремиологов. Но... как всегда, подчиняюсь паремиологическому велению: Человек предполагает, Бог располагает...» (ноябрь 2019); «А Вас от души поздравляю с успехом Конференции. Слух о Вас прошел уже по всему фразеологическому миру...» (декабрь 2019); «За фото М. А. Бредиса – особенное благодарение» (декабрь 2019); «Спасибо за попытку *elibrarować* мою статью» (декабрь, 2019); «Народ к Вам обязательно хлынет или завебинарит. Всего науПаремиологического!» (сентябрь 2020); «Друзьям-Гомельцам **СЕРДЕЧНЕЙШИЕ ПРИВЕТЫ!!!**» (ноябрь 2020).

Получая такого рода послания, читая опубликованные работы Валерия Михайловича, так и хочется равняться на человека, слово которого никогда не скучно, подкупает искренностью, приятно в силу образительности и абсолютной ясности выражения глубоких мыслей. А разве может лексиколог, фразеолог, паремиолог, крыла-

толог, лингвокультуролог, историк языка, славист, выпестовавший 156 словарей, говорить не увлекая, не поражая адресата удивительно точным и «зримым» словом, не воспитывая любви к языку: «*Что ж, раз так поступали и французы и немцы, то поди докажи, кто первый бросил этот фразеологический камешек в языковой огород соседа. Как поется в популярной песенке Новеллы Матвеевой:*

*По дороге позабыли,
Кто украл, а кто украден, –
И одна попона пыли
На коне и конокраде...*

Такая «попона пыли» осела на многих фразеологических интернационализмах за века кочевий из одного языка в другой. Сдунуть пыль, а точнее – стереть слой за слоем, помогает лишь скрупулезный этимологический анализ. Иногда, правда, адрес заимствования как будто так и начертан на самом устойчивом обороте» [2, с. 29]. Читателя, которому адресованы все книги профессора В. М. Мокиенко, не покидает ощущение, что их автор, наслаждаясь любимым занятием, с невероятной легкостью пишет свои лингвистические полотна, желая донести сокровенное научное слово для всех друзей Фразеологии и Паремологии и являя образец истинной преданности Лингвистике.

В. М. Мокиенко в свой юбилейный год заслуживает многих высоких похвал, но это тема другого эссе с достойным Мэтра славянской фразеологии превеликим списком библиографии Юбиляра. Мне же хотелось лишь подчеркнуть истинную любовь к слову, проявляющуюся на фоне удивительной любви к людям, которая сквозит в любом творении глубоко уважаемого всеми профессора В. М. Мокиенко.

Список использованных источников

1. Мокиенко, В. М. Слово о профессоре Войцехе Хлебде / В. М. Мокиенко // *Język i pamięć. Księga jubileuszowa dedykowana Panu Profesorowi Wojciechowi Chlebdzie z okazji 70. Urodzin; pod redakcją Walerego M. Mokijenki i Jadwigi Tarsy.* – Opole : Uniwersytet Opolski, 2020. – S. 11–25.
2. Мокиенко, В. М. Образы русской речи. Историко-этимологические очерки фразеологии / В. М. Мокиенко. – Ленинград : Изд-во Ленинградского университета, 1986. – 280 с.
3. Мокиенко, В. М. Диалектная и историческая фразеология. Перспективы взаимодействия / В. М. Мокиенко // *Słowiańska frazeologia gwarowa II; pod redakcją Macieja Raka i Valerija M. Mokienki.* – Kraków : Księgarnia Akademicka, 2020. – С. 83–92. (Biblioteka „LingVariów” Т. 28. Redaktor naukowy serii Maciej Rak)
4. Мокиенко, В. М. Когнитивное в диахроническом и диахроническое в когнитивном / В. М. Мокиенко // *Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами : сб. науч. тр. по итогам III Междунар. науч. конф. (Белгород, 19–21 марта 2013 года) / отв. ред. проф. Н. Ф. Алефиренко.* – Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. – С. 10–16.
5. Мокиенко, В. М. Современная славянская неофразеология: сходства и различия / В. М. Мокиенко // *Славянские лингвокультуры в пространственном и временном континууме : сборник научных статей / редкол. : Е. В. Ничипорчик (гл. ред.) [и др.] ; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины, Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь, Российский центр науки и культуры в Гомеле.* – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – С. 137–146.
6. Мокиенко, В. М. Отзыв официального оппонента о кандидатской диссертации Нгуен Тхань Ха «Отражение национальной культуры во фразеологизмах русского и китайского языков» [Электронный ресурс] / В. М. Мокиенко. – Режим доступа : https://spbu.ru/sites/default/files/otzyv_mokienko_ngyen_than_ha.pdf. – Дата доступа : 2.10.2020.
7. Мокиенко, В. М. Русские крылатые слова-библейзмы в художественной картине мира / В. М. Мокиенко // *Фразеология в языковой картине мира: когнитивно-прагматические регистры : сборник научных трудов по итогам 4-й Междунар. науч. конф. по когнитивной фразеологии (г. Белгород, 26–27 марта 2019 года) / редкол. : Н. Ф. Алефиренко, Е. Г. Озерова, К. К. Стебунова [и др.].* – Белгород : «Эпицентр», 2019. – С. 15–26.

8. Мокиенко, В. М. Отзыв об автореферате диссертации, представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук, А. В. Балдовой «Микромоделирующая аксиологическая функция пищевой метафоры в русском языке» [Электронный ресурс] / В. М. Мокиенко. – Режим доступа : https://spbu.ru/sites/default/files/otzyv_mokienko_baldova.pdf. – Дата доступа: 2.10.2020.

9. Мокиенко, В. М. Отзыв об автореферате диссертации, представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук, «Актуализация модусных категорий в диалектном высказывании: авторизация и персуазивность» З. Р. Боуфал [Электронный ресурс] / В. М. Мокиенко. – Режим доступа : https://spbu.ru/sites/default/files/otzyv_baufal.pdf. – Дата доступа : 2.10.2020.

10. Мокиенко, В. М. Отзыв об автореферате диссертации, представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук, «Теоретические основания русской семантической персонологии: объект и метод» И. В. Башковой [Электронный ресурс] / В. М. Мокиенко. – Режим доступа : https://spbu.ru/sites/default/files/otzyv_mokienko_0.pdf. – Дата доступа : 2.10.2020.

УДК 811.161.1'42'373.612.2:398.91(=161.1)

О. Б. Абакумова

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА И КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ С ГЕНДЕРНЫМ КОМПОНЕНТОМ

Статья посвящена анализу семантики русских пословиц с гендерным компонентом для конструирования образа женщины на основе концептуальной метафоры в русской лингвокультуре. Анализ проводится с использованием аппарата когнитивной семантики и тематической роли «квалитатив».

Ключевые слова: пословица, гендер, русский язык, концептуальная метафора, образ женщины.

В данной статье под гендером предлагается понимать «совокупность норм поведения и позиций, которые обычно ассоциируются с лицами мужского и женского пола в данном обществе. В основе гендера лежит идея о том, что важны не биологические или физические различия между мужчинами и женщинами, а то культурное и социальное значение, которое общество придает этим различиям» [1, с. 7].

Среди отечественных и зарубежных исследователей, описывающих в своих научных трудах гендерный фактор, нужно упомянуть В. Н. Телия, А. В. Кирилину, И. В. Зыкову, В. А. Виноградова, Л. И. Сидорову и др.

Прежде всего в области отечественных гендерных исследований следует выделить монографию В. Н. Телия [2], где автор анализирует воззрения на женщину, характерные для обыденного русского менталитета, и приходит к следующим выводам: 1) женщина в русском обыденном самосознании не воспринимается как слабый пол; 2) во всех фразеологизмах о женщине как сексуальном партнере используется гастрономическая метафора «женщина – лакомый кусок»; 3) в православной русской культуре сложился стереотип женщины-домоседки; 4) особенное место отводится нравственной характеристике женщины, ей отводится сначала роль честной девушки, потом – верной жены; 5) наличие культурно-национальных коннотаций в образных основаниях фразеологизмов проявляется в оценке интеллектуальных способностей женщины как «недочеловека» по сравнению с мужчиной.

Рассматривая гендерные стереотипы в русской и немецкой фразеологии, А. В. Кирилина замечает, что по многим параметрам обнаруживаются общие черты:

андроцентричность (ориентированность языка на дефиниции и оценки, производимые с точки зрения мужчин); женщина подается как объект действия, предмет потребления; положительно оценивается женщина только там, где она может быть полезной для мужчин [3].

Пословицы находятся в центре внимания ученых различных областей: фольклористов и лингвистов, что объясняется неоднозначностью их природы. С одной стороны, это самая краткая *литературная форма*, с другой, – она является *языковым знаком*. Л. Г. Пермяков указывает на тройственную природу пословицы, выявляя в ней свойства единицы языка, логики (так как она выражает суждение) и литературного произведения (поскольку это художественная миниатюра) [4, с. 8]. Пословица обладает синтаксической структурой, что позволяет заниматься исследованием *синтаксиса пословиц*. Этим проблемам посвящены работы З. К. Тарланова [см., напр., 5].

Исследователи фольклора, относящие пословицы к текстам, считают, что их семантика складывается из темы (идеи), образа и синтаксической конструкции (структуры) (см. работы Каньо, Кууси, Григаса и др.), но ведущим, по мнению К. Григаса [6], является ядерный образ, связанный с метафорой.

В нашем исследовании мы будем придерживаться точки зрения, которая определяет пословицу как сложный языковой знак с текстовыми характеристиками и прагматическими функциями, фразеологизм со структурой предложения, практическое оценочное суждение, косвенный речевой акт директивного типа, используемое как тактическое средство реализации коммуникативной стратегии говорящего [7].

И. В. Зыкова исходила из понимания фразеологической единицы как трехуровневого знака, обладающего структурой, семантикой и референцией [1, с. 11]. Исследователь предлагает включить гендерный компонент в структуру фразеологизма.

В данной работе для выявления образа мы будем обращать особенное внимание на пословичную метафору. Метафоры являются репрезентантами культурных кодов сопоставляемых языков и дают оценку культурно-значимым явлениям и концептам. М. Л. Ковшова отмечает, что слова-компоненты пословицы являются именами не реалий (в широком смысле этого слова), а культурных знаков, т. е. реалий, получивших культурное переосмысление. «Ключевые слова-компоненты пословицы изначально являются знаками вербального кода культуры, и в этом качестве они воспринимаются носителем языка, вызывают представления, знания, ассоциации, которые соотносятся с предметами, текстами и действиями культуры» [8].

С. Ульман выделил три универсальных типа метафоризации: антропоморфизм, перенос от конкретного к абстрактному и синестезию. Другие исследователи выделяли пространственные, метеорологические, антропоморфные, зооморфные, ботанические, технические, социоморфные метафоры [9, с. 17]. Дж. Лакофф и М. Джонсон [10] предлагают рассмотреть ряд метафор: ориентационные метафоры (с оппозициями: верх-низ, центр-периферия, далеко-близко и т. п.), онтологические, метафоры типа контейнер и др.

Для нашего исследования были отобраны русские пословицы по гендерным маркерам структуры, т. е. те паремические единицы, опорными компонентами структуры которых являются слова, обозначающие лиц мужского и / или женского пола (структурный принцип). Было исследовано 340 русских пословиц по данным словаря В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной «Народная мудрость. Русские пословицы» [11].

Рассмотрим типы концептуальных метафор, формирующих образ женщины, которые нам удалось выявить на материале русских пословиц с гендерным компонентом. Анализ проводился с использованием аппарата когнитивной семантики и предложенной нами тематической роли «квалитатив» [7].

Онтологические метафоры:

– метафоры объективации: *Девка – чужой товар; Девки – чужой хлеб; Держи девку в тесноте, а деньги в темноте* (квалитатив предмета купли / продажи); *Не видят*

– *девка золото, увидят – девка олово; Смирная девушка – ожерелье* (квалитатив ценности); *Девки подымаешь – как за окно кидает, а сына подымаешь – как взаймы даваешь* (квалитатив невысокой ценности); *Нет старухи – купил бы, есть старуха – убил бы* (квалитатив ценности и антиценности);

– зооморфная метафора: *В девках курочка – в бабах дурочка* (квалитатив недалекого ума); *Курица – не птица, а баба – не человек* (квалитатив низкого социального статуса); *Девка не лошадь: без сбруи не сбудешь* (квалитатив упрямства); *Баба да корова – одна порода* (квалитатив легкомысленности); *Баба что кошка: глаза выцарапает* (квалитатив сварливости); *Курицу не накормишь, а бабу не нарядишь; У девки золотом уши завешены* (квалитатив жадности);

– ботаническая метафора: *Девка не мак: в один день не облетит* (квалитатив возраста); *Девушка – не травушка, не вырастет без славушки* (квалитатив репутации); *Девушка без любви – цветы без солнца / цветок без запаха* (квалитатив предназначения);

– метафора контейнера: *Баба что горшок: что ни влей – все кипит* (квалитатив сварливости, несговорчивости); *Баба что мешок: что положишь, то и несет* (квалитатив плодородия); *Бабье сердце что в котле кипит* (квалитатив страстности, эмоциональности); *Бабье сердце, что горшок с кипятком: что всплыло, то и было* (квалитатив несдержанности, повышенной эмоциональности);

– социоморфная метафора: *Бабья доля – что рабья воля* (квалитатив бесправия); *Не быть курице петухом, а бабе мужиком; Знай, баба, свое кривое веретено* (квалитатив низкого социального статуса); *Две бабы – базар, три – ярмарка* (квалитатив разговорчивости, общительности); *Баба в доме – во всем порядок* (квалитатив трудолюбия и хозяйственности).

Ориентационные метафоры:

– оппозиция «далеко / близко»: *Мужик да собака всегда во дворе, а баба да кошка всегда в избе; Бабе дорога – от печи до порога* (квалитатив ограниченного пространства, низкого социального статуса);

– оппозиция «верх / низ»: *Обошёл мужик жёнушку дубинным корешком* (квалитатив униженности); *Баба с кашкою, а дед с ложкою* (квалитатив услужливости, низкого социального статуса); *Баба с кровати падает – семьдесят раз мужика обманет* (квалитатив хитрости);

– оппозиция «начало / конец»: *Какова ни будь красна девка, а придёт пора – выцветет* (квалитатив возраста); *Девка красна до замужества* (квалитатив социального статуса / возрастной трансформации); *Рассытался бы дедушка, кабы его не подпоясывала бабушка; Бабушке один только дедушка не внук* (квалитатив родственной любви, заботы).

Анализ показал выраженную андроцентричность русских пословиц, где видение мира осуществляется через призму маскулинной системы ценностей, женщина рассматривается чаще всего как существо второго порядка, как сексуальный партнер, представляющий ценность и антиценность одновременно, которого можно рассматривать как объект купли / продажи, недалекого ума, жадный, сварливый, упрямый, предназначенный для любви и замужества, обязанный заботиться о своей репутации, портящийся с возрастом, имеющий многочисленные обязанности по дому, но легкомысленный, чрезвычайно общительный, с низким социальным статусом, находящийся в ограниченном пространстве, своенравный, обладающий смекалистым умом и хитростью, дарящий всем свою любовь и заботу. При кодировании образа женщины в русской лингвокультуре используются антропный, предметный, зооморфный, ботанический, социоморфный, пространственный и временной коды культуры.

Список использованных источников

1. Зыкова, И. В. Способы конструирования гендера в английской фразеологии / И. В. Зыкова. – М. : УРСС. – 232 с.
2. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
3. Кирилина, А. В. Гендер: лингвистические аспекты / А. В. Кириллина. – М. : Институт социологии РАН, 1999. – 189 с.
4. Пермяков, Г. Л. От поговорки до сказки (заметки по общей теории клише) / Г. Л. Пермяков. – М. : Наука, 1970. – 239 с.
5. Тарланов, З. К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика / З. К. Тарланов. – Петрозаводск : Изд-во ПГУ, 1999. – 448 с.
6. Григас, К. Литовские пословицы: Сравнительное исследование / К. Григас. – Вильнюс : Вага, 1987. – 331 с.
7. Абакумова, О. Б. Пословицы в языке, сознании и коммуникации / О. Б. Абакумова. – СПб. : Алеф-Пресс, 2012. – 352 с.
8. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры / М. Л. Ковшова. – М. : Либроком, 2012. – 453 с.
9. Гак, В. Г. Метафора: универсальное и специфическое / В. Г. Гак // Метафора в языке и тексте. – М. : Наука, 1988. – С. 11–26.
10. Lakoff, G. Women, fire and dangerous things/ What categories reveal about the mind / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago and London : The University of Chicago Press, 1990.
11. Мокиенко, В. М. Народная мудрость. Русские пословицы / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011. – 416 с.

The paper deals with analysis of Russian proverbs with gender component aiming at reconstruction of the image of woman based on conceptual metaphor in Russian linguoculture. The analysis was done by means of apparatus of cognitive semantics extended by the thematic role of qualitative.

Keywords: proverb, gender, Russian language, conceptual metaphor, image of a woman.

УДК 811.161.1'42:398.91:070

О. Б. Абакумова, Е. В. Проскуракова

ПОСЛОВИЦА, ОЦЕНКА И РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В ТЕКСТАХ СМИ (на материале газетного текста)

В статье представлен анализ реализации оценочного смысла пословицы в дискурсе средств массовой информации, в частности в газетном тексте. Дается определение пословицы как практического оценочного суждения, косвенного речевого акта директивного типа, который может быть использован автором газетной статьи для осуществления речевого воздействия на читателя с целью заставить его разделить предлагаемую оценку описываемой ситуации.

Ключевые слова: пословица, оценка, речевое воздействие, газетный текст.

Пословицы и поговорки являются неотъемлемой частью любого языка. Они отражают богатство языка, через пословицы мы лучше можем понять культуру и ценности того или иного народа, а также сопоставить разные картины мира народов. Мы придерживаемся определения пословицы, в котором она понимается как фразеологизм со структурой предложения, являющийся практическим оценочным суждением, косвенным речевым актом директивного типа, и служащий средством достижения коммуникативной стратегии говорящего [1, с. 225]. В своей работе мы анализируем послови-

цы, реализованные в текстах массмедийного дискурса, который, согласно Т. А. ван Дейку, является результатом когнитивной и социальной деятельности журналистов по производству текстов и их значений, а также результатом интерпретации текстов читателями газет, производимой ими на основе их опыта общения со СМИ [2, с. 116].

Категория оценки имеет большую значимость в организации пословицы. С помощью оценки человек выражает то, что считает значимым, хорошим или плохим. В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой дается следующее толкование оценки: «Оценка – суждение говорящего, его отношение – одобрение или неодобрение, желание, поощрение и т. п. – как одна из основных частей стилистической коннотации» [3, с. 293]. Пословица по своей природе обладает характеристиками оценочного высказывания, так как несет в себе назидательный смысл и в сжатом виде передает накопленный целыми поколениями опыт. Пословица не просто выражает определенное отношение к тому или иному явлению, а показывает отношение субъекта, выражающего оценку, к объекту высказывания, и опирается на эталон, базирующийся на понимании общества о том, что является пользой или вредом. В текстах массмедийного дискурса пословица помогает авторам статей выразить их отношение к тем или иным событиям с целью правильного восприятия этой информации читателями. Пословица и выраженная в ней оценка помогает подать информацию таким образом, чтобы у адресата сложилась наиболее близкая к авторской оценка коммуникативной ситуации, что также достигается посредством правильно выбранной автором коммуникативной стратегии и пословицы как тактического средства ее реализации.

Для нашего исследования мы отобрали русские пословицы, реализованные в текстах массмедийного дискурса. Было отобрано 165 примеров употребления пословиц в текстах СМИ. Оценка в пословицах определялась на основе классификации Н. Д. Арутюновой [4, с. 75–76] с учетом оценочной модальной рамки Е. М. Вольф [5]. Анализ проводился с использованием предложенной О. Б. Абакумовой когнитивно-дискурсивной модели актуализации смысла пословицы в дискурсе [1].

Учитывая ограниченные возможности статьи, рассмотрим один пример реализации коммуникативной стратегии автора в статье Натальи Вдовиной в газете «Комсомольская правда» от 28 июля 2015 г.

Краткое содержание коммуникативной ситуации, описанной в статье Н. Вдовиной «Русский «Енисей» и современные технологии», следующее. Одного из преуспевающих алтайских фермеров пригласило в Стокгольм шведское предприятие *Vaderstad*, производящее сельскохозяйственную технику. Опыт работы со шведской техникой у предприятия уже имеется, ее повсеместно используют алтайские фермеры из-за высокого качества, надежности и долгого срока эксплуатации. Виктор Косач сравнивает условия ведения сельскохозяйственного бизнеса в России и Швеции и приходит к выводу о том, что в европейской стране значительно тяжелее обрабатывать землю в связи с тем, что в Швеции нет земли и чернозема, там камни, песок и глина. Из-за этого в землю приходится добавлять в 3–4 раза больше удобрений, чем в России, например. Несмотря на такие трудные условия, шведские фермеры получают более высокую и постоянную прибыль благодаря государственным субсидиям и стабильности в этой скандинавской стране.

Коммуникативная составляющая включает претензии на понятность. Автор использует пословицу *В гостях хорошо, а дома лучше* в подзаголовках в трансформированном виде в ситуациях, в которых хочет сравнить положение сельского хозяйства в двух странах. В первом случае после подзаголовка *В гостях хорошо...* журналист объясняет положительные стороны работы фермеров в Швеции. Далее после подзаголовка *...а дома лучше* автор анализирует преимущества аграрного сектора в Алтайском крае, утверждая, что зависти у наших соотечественников после возвращения на родину не было. Тем не менее он признает, что нам есть чему поучиться

у европейских коллег, чтобы сделать собственное производство более эффективным и прибыльным.

Автор использует социально-ориентированную стратегию, пытаясь достичь социально-обусловленные цели, чтобы привлечь внимание читателей к развивающемуся во время кризиса аграрному сектору и показать, что России есть чем гордиться в своем сельском хозяйстве.

В тексте статьи пословица используется в подзаголовке в трансформированном виде, с нарушением цельности ее синтаксической структуры. В данном тексте наблюдается парцелляция, представляющая собой намеренное расчленение связанного интонационно и на письме текста на несколько пунктуационно самостоятельных отрезков. Данный пример может быть рассмотрен как особый вид смыслового выделения отрезка текста и может дополнить классификацию как новый способ преобразования структуры фразеологических единиц, в нашем случае пословиц.

Констативная составляющая (когнитивное использование языка) выражает претензии на истину. Журналист использует пословицу в трансформированном виде, чтобы ретроспективно признать и положительно оценить, с одной стороны, высокое качество и производительность шведских фермеров, а с другой стороны, выразить восхищение достижениями алтайских фермеров в области сельского хозяйства и показать, что российским фермерам тоже «есть чем гордиться».

Пословичный сценарий представляет собой наложение фреймов:

Образный фрейм: чаще всего людям приятно находиться в гостях, потому что жизнь в чужих домах может показаться более благополучной, чем у себя. Однако нас всегда тянет к своему родному дому, где нас ожидает спокойствие и стабильность.

Окказиональный фрейм: моделируется ситуация, в которой алтайские фермеры восхищаются достижениями шведских коллег, при этом они понимают достоинства своих собственных достижений и пытаются перенять положительный опыт западных фермеров.

Обобщенный фрейм: в семантике пословицы моделируется ситуация, в центре которой находятся две связанные между собой вещи, обладающие положительными свойствами, но предпочтения отдаются одной из них. Сравн.: 4 логико-семиотическая модель Г. Л. Пермякова [6].

Экспрессивная составляющая модели содержит претензии на искренность. Отношение автора статьи к ситуации положительное, что связано с выбором пословицы, так как в ее базовой форме также фиксирована положительная оценка двух сравниваемых объектов, одному из которых высказывается предпочтение.

Модальность: эпистемическая, говорящий убежден в своей правоте, и аксиологическая, оценочная. Согласно классификации Н. Д. Арутюновой [7, с. 198–199], в основе лежат рациональная и эмоциональная оценки, которые оценивают, с одной стороны, достижения и опыт зарубежных коллег, а с другой стороны, возможности отечественных фермеров и веру в их успех. Опираясь на выводы Е. В. Ничипорчик о проспективном и ретроспективном использовании пословиц [8, с. 33], можно проанализировать использованную пословицу следующим образом. В данном контексте пословица употребляется в первой части ретроспективно по отношению к обозначаемой ситуации и выражает похвалу, одобрение ведения фермерского хозяйства в Швеции, а вторая часть пословицы во второй части статьи положительно оценивает результаты и перспективы сельскохозяйственного производства в России, в Алтайском крае, где ситуация рассматривается как ретроспективно, так и проспективно: выражается гордость за успехи алтайского фермерского хозяйства и имплицитно передается надежда на развитие и использование новых ресурсов, вложений и технологий в отечественной аграрной политике.

Паремия *В гостях хорошо, а дома лучше* содержит термин общей положительной оценки (*хорошо*) и термин компаративной общей оценки (*лучше*) одновременно. Эта оценка представлена в пословице эксплицитно. В данной пословице раскрываются свойства, вызывающие социальное одобрение, в своем прагматическом назначении может быть интерпретирована как причинная и целевая детерминация поведения людей, а именно как формирование мотивации, основанной на положительных стимулах.

Пословичный сценарий: в Швеции хорошо, а на Алтае лучше: алтайские фермеры имеют все шансы догнать своих коллег в темпах производства и доходах, для этого фермерское хозяйство принимает все возможные меры: завозит новый скот, повышает квалификацию работников и набирается положительного опыта у заморских коллег.

Регулятивная составляющая модели включает претензии на правильность. Автор пытается доказать, что, несмотря на все финансовые и бюрократические трудности, алтайские фермеры производят продукцию высокого качества и могут ею гордиться. Опираясь на этические нормы жизнеобеспечения (*Следует трудиться и выполнять свою работу хорошо*), автор призывает к более ответственному отношению как со стороны отдельных граждан, так и со стороны правительства. Пословица употребляется также для выражения регулятивного смысла рекомендации, так как в ходе посещения участники пришли к выводу о том, что у шведской стороны «есть чему поучиться».

На метаязыке смысл данной пословицы в контексте можно представить так:

Желая, чтобы ты ценил достижения своей страны,

Я говорю, что в гостях хорошо, а дома лучше (приятно посещать другие страны, но важно использовать положительный опыт в работе дома).

Я думаю, ты понимаешь, что успехи в развитии сельского хозяйства есть и у себя на родине.

Сделай вывод: Следует применять новые методы и подходы, заимствованные у соседей, а также делиться своим опытом, развивать и совершенствовать свое сельское хозяйство.

Список использованных источников

1. Абакумова, О. Б. Пословицы в языке, сознании и коммуникации / О. Б. Абакумова. – СПб. : Алеф-Пресс, 2012/2013. – 352 с.
2. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – М. : Прогресс, 1989. – 310 с.
3. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
4. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 338 с.
5. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М. : Наука, 1985. – 278 с.
6. Пермяков, Г. Л. О смысловой структуре и соответствующей классификации пословичных изречений / Г. Л. Пермяков // Паремиологический сборник. Пословица. Загадка. (Структура, смысл, текст). – М. : Наука, 1978. – С. 105–135.
7. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
8. Ничипорчик, Е. В. Отражение ценностных ориентаций в паремиях: лингвокогнитивный, сопоставительный и социопсихолингвистический аспекты: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Е. В. Ничипорчик ; ГГУ им. Ф. Скорины. – Минск, 2016. – 393 с.

The paper presents analysis of the evaluative sense of proverb in mass media discourse, in the newspaper text. The definition of proverb is given as a practical evaluative statement, indirect speech act of directive type, that can be used by the author of the newspaper article to influence the reader and make them accept the evaluation of the situation given in the text.

Keywords: proverb, evaluation, speech influence, newspaper text.

В. И. Абрамова

СИМВОЛИКА ВЕТРА В РУССКОЙ И БОЛГАРСКОЙ ВЕРБАЛЬНЫХ КУЛЬТУРАХ (на материале фразеологических и паремиологических единиц)

Ветер как природное явление, чрезвычайно значимое в народных представлениях, становится языковым символом в русских и болгарских фразеологизмах, пословицах, поговорках. Сходными символическими значениями являются пустота, нечто несерьезное; движение; изменчивость; открытое пространство. Близость символики подчеркивает близость языковых картин мира русских и болгар.

Ключевые слова: ветер, вятър, символика, русская вербальная культура, болгарская вербальная культура, пустота, движение, изменчивость.

В славянской картине мира ветер играет немаловажную роль. Он персонифицируется, наделяется свойствами враждебного или дружественного по отношению к человеку существа, его вызывают, приглашают, обращаются к нему за помощью, связывают с мифологическими персонажами. Злой ветер, по народным поверьям, приносит болезни. В традиционной культуре существуют запреты, связанные с ветром, обереги от ветра [1, с. 357–361].

В русской и болгарской вербальных культурах лексема *ветер* / *вятър* выступает в качестве языкового символа [2, с. 243], включена в природный и анимический коды, определяет важные для наций смыслы. Проследим это на примере анализа русских и болгарских фразеологизмов, пословиц и поговорок.

В русской вербальной культуре *ветер* символизирует:

1) высшую силу

Выше ветра головы не носи. Не забывайся. [3, с. 117].

Молить ветер (архан.), чтобы помог близким на воде [1, с. 358].

Против ветра не надуешься [3, с. 117].

Вей по ветру, а против все глаза запорошишь – с силою не спорь [3, с. 117].

Не подуй на нас холодным ветром – будь милосерден [3, с. 117].

2) демоническое, вредоносное

Кто с ветру скажет – болезнь тут как тут (сибир.). *Колдуны по ветру пускают* (вятск.) [1, с. 360].

3) что-то неуловимое, быстро исчезающее

Ищи ветра в поле. Что-либо или кто-либо бесследно исчезли [6]. *Я его так запрячу, что ни один комиссар не разыщет... Скажу вот, с вами, мол, убеги... Ищи ветра в поле!* [Анатолий Приставкин. Вагончик мой дальний (2005), НКРЯ].

Выветриться из головы. Полностью забываться. *Все давно выветрилось из головы, а ты, оказывается, держала* [Руслан Киреев. Четвертая осень (1989), НКРЯ].

4) пустоту, тщетность, отсутствие путного, ценного, серьезного

Ветер <гуляет> в голове. О легкомысленном, ветреном, несерьезном человеке [6]. *Ни одежды, ни обуви, ни еды, ни жилплощади, ни специальности и ветер в голове!* [Сергей Залыгин. Клуб Вольных Долгожителей // «Новый Мир», 1998, НКРЯ].

Подбитый ветром (ветерком) 1. Плохо предохраняющий от ветра, совсем не согревающий [6]. *Да и Султана в ее, как говорится, подбитой ветром кофточке стынет* [Л. А. Чарская. Мой принц (1915), НКРЯ]; 2. Вертопрах; пустой, легкомысленный, ветренный (о человеке). [6] *А Гильоме, француз, подбитый ветерком? Он не женат еще?* [А. С. Грибоедов. Горе от ума (1824), НКРЯ].

Ветрогон, **ветровой** парень, французский **ветер** [3, с. 117] – ветреный молодой человек. Людям кажется, будто совсем разные они – Шурка и тесть его Устинов Николлай, что один – и **ветрогон**, и вертопрах, а другой – добрый хозяин [Сергей Залыгин. Комиссия (1976), НКРЯ].

Бросать <кидать, кинуть> слова на **ветер**. Говорить впустую, необдуманно или безответственно. Если говорить о его личных качествах, то я, пожалуй, назвала бы его в первую очередь интеллигентным и порядочным человеком, который всегда отстаивает свою точку зрения и не бросает слова на **ветер** [Эльвира Савкина. «Я был последним комсомольским секретарем в КуАИ» // «Дело» (Самара), 2002.08.16, НКРЯ].

Бросать <кидать, швырять, пускать> деньги на **ветер**. Тратить безрассудно, попусту, зря. Ещё раз тебя прошу, не звони так часто. Только деньги на **ветер** бросать. Всё равно по телефону ничего толком не скажешь [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001, НКРЯ].

Собака лает – **ветер** носит. Призыв не обращать внимания на пустые слова. Мне кажется, здесь не тот случай, когда можно отмахнуться: мол, собака лает – **ветер** носит. [Андрей Белозеров. Чайка (2001), НКРЯ].

Ветром делать / ходить – как попало, опрометчиво [3, с. 117].

Кто **ветром** служит, тому дымом платят [3, с. 117].

Все пошло на **ветер** – промотался [3, с. 117].

Ветры дули, шапку сдули, кафтан сняли, рукавицы сами спали – о пьянчуге [3, с. 117].

Ветер в карманах. Полное безденежье [6]. А затем, – ответил Липогон, – что вы студенты. У вас **ветер** в карманах [К. Г. Паустовский. Повесть о жизни. Беспокойная юность (1954), НКРЯ].

Сражаться с **ветряными** мельницами. О борьбе с воображаемыми, надуманными препятствиями [7]. Гарик, спускаемый с лестницы, затравленно размахивающий руками, жалкий и сопливый, в дурацкой жилетке с ромбиками и с разбитой губой мужественно боролся с **ветряными** мельницами; он выглядел нелепо, он нисколько не подходил на героя и ни разу по Баеву не попал, но за ним чувствовалась какая-то правота, которой не было за нами [Екатерина Завершнева. Высотка (2012), НКРЯ].

5) изменчивость

Куда **ветер** дует, туда и дым пойдет; куда **ветер** дует / подует – нестойко; откуда **ветер** подует – угодничать [3, с. 117]. Вот, погляди, послушай: жил в нашей волости бобылек один, Тушкой звали, захудалый мужичонка, пустой; жил – пером, туда-сюда, куда **ветер** дует, а – ни работник, ни бездельник! [Максим Горький, В людях, 1914, НКРЯ].

Держать нос по ветру – в зависимости от обстоятельств, изменяющихся условий менять свои взгляды, убеждения, изменять свое поведение [6]. Но даже они вынуждены **держат нос по ветру**, при каждом удобном случае подчеркивая верность президенту [Сергей Мигалин. Партийные хамелеоны // «Независимая газета», 2003.06.01, НКРЯ].

Ветер перемен. О резко меняющихся обстоятельствах, о духе этих перемен (калька с англ. Wind of change) [7]. Когда подул **ветер** перемен и началась Перестройка, часть технической интеллигенции занялась торговлей компьютерами [Елена Давыдова. Сам себе лидер // «Карьера», 2003.11.01, НКРЯ].

б) движение

Попутный ветер. Способствующий движению. Отсюда пожелание попутного ветра – счастливого плавания (для моряков), удачи. Потому нам и требовался строго попутный **ветер** [Юрий Сенкевич. Путешествие длиною в жизнь (1999), НКРЯ]. Плывите, плывите, а я вам желаю счастливой дороги / Попутного **ветра**! [М. Щербаков, Прощальная 2].

Какой **ветер** занес, какие **ветры** занесли, каким **ветром** занесло кого. По какой причине кто-либо появился где-либо [6]. В Пермь же каким-то **ветром** занесло и циркшанието [Сергей Гандлевский. НРЗБ // «Знамя», 2002, НКРЯ].

7) воздух, открытое пространство

От хозяина чтоб пахло **ветром**, от хозяйки дымом [3, с. 117]. Хозяин должен работать в поле, на воздухе, а хозяйка – дома, у печи.

Пойти / выйти до **ветру**. Для отправления естественной нужды [8]. Руслан знал, что Кеша не спит, и подумал совсем просто: до **ветру** пошёл [Н. Б. Черных. Слабые, сильные. Часть первая // «Волга», 2015, НКРЯ].

В болгарской вербальной культуре **ветер** (**вятър**) символизирует:

1) пустоту, тщетность, отсутствие путного, ценного, серьезного

В главата ми все тоз **вятър** вее. Меня занимают пустые мысли (диал.) [9, т. 1, с. 118].

В главата ми **вятър** влязло. Совершаю неразумные поступки (диал.) [9, т. 1, с. 118].

Вятър и мъгла. Легкомысленная, пустая работа (часто как восклицание). На техните обещания аз не вярвам. Вярвам само на вас. Каквото направите вие за нас, туй ще бъде. Всичко друго е **вятър** и мъгла. К. Калчев, Живите помнят [9, т. 1, с. 204].

Вятър ме вее. Я не пригоден ни для какой работы, ничего не стою. Дуна не бързаше, разглеждаше пръснатите карти с равнодушните си очи... – Вятър ги вее твоите карти. Лъжат като съновника. Ем. Станев, Иван Кондарев [9, т. 1, с. 204].

Вятър ме вее / носи на бяла / сива / сляпа кобила / на бял кон. Я занят пустыми делами, я легкомыслен, я несерьезен, я ветренный (ирон.). **Вятър** ви носи вас на бяла кобила. За реката дето го приказвате – добро. За китовеите – и то добро. Ама дето ще режете по една жълтица на пампор, да имате да вземате. А. Каралийчев, Птичка от глина [9, т. 1, с. 204, 205].

Вятър работа. Что-то невозможное, неверное, недействительное [9, т. 1, с. 205].

Гоня **вятъра**. Прилагать тщетные усилия, чтобы чего-то добиться, делать что-то бессмысленное. Оставили сте жени и деца, напуснали сте си работата и сте тръгна-ли **вятъра** да гоните! К. Петканов, Морава звезда кървава [9, т. 1, с. 218].

Давам / дам **вятър** някому. Хвалить кого-то, льстить кому-то, обманывая в чем-то [9, т. 1, с. 227].

За **вятъра**, дето вее / духа. Напрасно, без пользы, без смысла. Накара ме да оти-да там за **вятъра**, дето вее, нищо не свърших. [9, т. 1, с. 334].

Кон пърди, <**вятър** вее>. Про пустые разговоры, болтовню (вульг.) [9, т. 1, с. 536].

Лапам **вятър**. 1. Ничего не делать, бездействовать. 2. Находиться в затруднительном положении, ничего не получить. Така се дигнах аз, така, / не съм лапал, кат вази **ветър**, / у мен бе всичко под ръка / и имаше си *raison d'etre*. Ив. Вазов, Практическият човек; Прехвърли още днес всички си имоти върху Мина. Па нека Орцето лапа **вятър**. Г. Белев, Патилата на едно момче. [9, т. 1, с. 556].

Ловя **вятър**. Ловя **вятър** <a> в (с) решето. Ничего не делать, заниматься пустой работой. А после пак се запива и пак тръгва по азмаци и баири с пушката и кучето – да лови **вятъра**. Д. Бозаков, Дълбоки снегове; Клетва дадох и клетва взех, защото не съм ловил **вятър** в решето – започна пак Момчил натъртено. Ст. Загорчинов, Ден последен. [9, т. 1, с. 562].

На **вятъра**. Напрасно, без пользы, без смысла. Залегнали в горичката, борците пестят изстрелите си – не хвърлят куршумите на **вятъра**. 3. Сребров, Балванската битка; Като видя, че никой не го слуша и че си приказва на **вятъра**, бае Крачун сплати пак Найденовото писмо. Мих. Георгиев От зло на по – зло [9, т. 1, с. 617].

Ни на (по) дъжд, ни на (по) **вятър**. Неподходящий, плохой (диал.) [9, т. 1, с. 741].

Паса **ветровете**. Ничего не делать, бездельничать (диал.). От едно дърво гората дава хиляди добрини на човека. Затуй младича не сечи, убиец не ставай! Без гора хората ще пасат **ветрове**. Ст. Станчев, Под ясно слънце [9, т. 2, с. 112].

Пържа яйца на вятъра. Ничего не делать, заниматься пустой работой [9, т. 2, с. 232].

Срещнало ме лош вятър. Проигрывать, не добиваться успеха (диал.) [9, т. 2, с. 336].

Хвърлям/ хвърля си думите на вятъра. Хвърлям/ хвърля си приказките на вятъра. Говорю безуспешно, что-то напрасно советую или у кого-то зря чего-то прошу. *Виждам... готов си всякак да ми кажеш, само да минеш моста, но няма защо да си хвърляш думите на вятъра:* нямам торове за торене на овес. Н. Хайтов, По земята; *Съгледвачи разбраха, че нямат работа с лъжлив слух. Кабакчиолу никога не хвърляше думите си на вятъра.* В. Мутафчиева, Летопис на смутното време; *Да говориш на Омер бе все едно да хвърляш приказки на вятъра – Алемдар Ибрахим си знаеше, че син му ще се изсмее.* В. Мутафчиева, Летопис на смутното време. [9, т. 2, с. 487].

Ходя по вятъра. Работать безрезультатно (диал.) [9, т. 2, с. 493].

2) изменчивость, непостоянство

Вървя по вятъра. Действовать в соответствии с обстоятельствами для получения личной выгоды. *Не му вярвай много. Той е от тези, дето вървят по вятъра* [9, т. 1, с. 196].

Вятъра се обръща/ се обърне. Что-то происходит, меняется ситуация. *Хайде, дим да те няма, дорде не съм ти отпрал потурите... – Чакай! Какво носиш в дисагите?... Като разбра, че вятъра се обръща, скитникът предпазливо добави: Руски книги, брате.* Д. Рачев, Светлина от север [9, т. 1, с. 204].

Друг вятър вее / духа / духва / духне (някъде). *Задухва, задуха (завява/завее, повява/ повее) друг вятър.* Ситуация, обстоятельства, условия изменились, они не такие, как раньше. *След малко идват двама санитарии с носилка и ме изнасят горе в тясна стая с кровати. Тук вее друг вятър. Болните лежат търпеливо.* Л. Стоянов, Холера. *Ама, Дойчине... нема веке! Сърбия и България съюз ще правят. Имам аз вестник от София. – Той намери бързо вестника в чантата си, ... – Ето тука пише. Друг вятър духа сега. Братство, согласие.* Д. Талев, Гласовете ви чувам. *Не виждаш ли, че напоследък много са омекнали. Откакто се завърна князът от Русия, друг вятър духна.* В. Генюска, Седем години [9, т. 1, с. 279].

Какъв (кой) вятър вее / духа. Какова ситуация, каковы текущие обстоятельства. *Вземи пример от мене: аз дружех или воювах с гърци, и с франка, и с българи, като държех винаги страната на по – силните и душех кой вятър вее.* Ив. Вазов, Борислав. *Турчинът беше умно животно... Със своя верен кучешки нюх той бързо долови какъв вятър духа в дисциплината на отряда: че при новата обстановка всички отдават голяма почит и доверие на Червенокосия.* Ив. Хаджимарчев, Овчарчето Калитко [9, т. 1, с. 472].

Накъде духа вятъра. Накъде вее вятъра. Какие изменения ожидаются в связи с текущей ситуацией. *Еъ, рече той, – нека ви кажа, че вие сами не знаете накъде духа вятърът.* *Иде между ония на барикадата и чуйте какво те мислят.* Ст. Дичев, За свободата [9, т. 1, с. 636].

Накъдето духа вятъра. Накъдето завее вятъра. Накъдето задуха вятъра. Накъдето повее вятъра. В соответствии с текущими обстоятельствами или ситуацией (в связи с некоторыми действиями, обычно для личной выгоды). *Накъдето духа вятъра, натам насочи усилията си. Накъдето завее вятъра, натам се ориентирай* [9, т. 1, с. 637].

Обръщам се/ обърна се накъдето духа вятъра. Изменять свое поведение, действия в соответствии с обстоятельствами для личной выгоды [9, т. 2, с. 15].

Повява/ повее друг вятър. Изменились ситуация, обстоятельства, условия. *Когато след Балканската война изгониха турците и взеха да покръстват народа тук, пръв бащата на Юсуф кехая хвърли феса и от Халил стана на Христо. Но след време друг вятър повя и един български министър, за да има тукашните хора на своя страна, им позволи отново да си турят фесовете.* Б. Несторов, Светлина над Родопите [9, т. 2, с. 132].

3) движение

Какъв (кой) вятър те довея някъде. Какъв (кой) вятър те завея насам. Какъв (кой) вятър те завея тук. Какъв (кой) вятър те отвея насам. Какъв (кой) вятър те отвея тук. Выражение недовольства или удивления от неожиданного появления кого-то, идущего куда-то. *Какъв вятър ви отвея насам към Мериоп? – изведнъж запита Момчил.* Ст. Загорчинов, Ден последен [9, т. 1, с. 472, 473].

4) воздух, открытое пространство

Вземам / взема вятър. Гулять на улице (диал.). *Да излезем да земем малко вятър, извика Хаджият.* Ив. Вазов, Немили недраги [9, т. 1, с. 131].

Итак, в русской и болгарской фразеологии и паремологии *ветер* выступает языковым символом несерьезного, пустого, тщетного; изменчивости, непостоянства; движения; открытого пространства. В болгарской фразеологии нами не были обнаружены такие символичные значения *ветра*, как высшая сила; нечто демоническое; нечто неуловимое, быстро исчезающее, характерные для русской лингвокультуры.

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 19-512-18008). Название проекта: «Символика русских и болгарских вербальных текстов культуры».

Автор статьи благодарит болгарских коллег и доктора Юлиану Чакърову за предоставленные материалы по болгарской фразеологии.

Список использованных источников

1. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого; Институт славяноведения РАН. – М.: Межд. отношения, 1995. – Т. 1: А–Г. – 584 с.
2. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Шк. «Языки рус. культуры», 1996. – 284 с.
3. Даль, В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия / В. И. Даль. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 736 с.
4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new/>. – Дата доступа: 20.10.2020.
5. Лирические народные песни. – М.: Советский писатель, 1955. – 440 с.
6. Федоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс] / А. И. Федоров. – Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary/index.htm>. – Дата доступа: 20.10.2020.
7. Серов, В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений [Электронный ресурс] / В. Серов. – Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/wing-words/index.htm>. – Дата доступа: 20.10.2020.
8. Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / Д. Н. Ушаков. – Режим доступа: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=4658>. – Дата доступа: 20.10.2020.
9. Ничева, К. и др. Фразеологичен речник на българския език: в 2 т. – София: Изд. на БАН, 1974.

The wind as a natural phenomenon, which is extremely significant in folk notions, becomes a linguistic symbol in Russian and Bulgarian phraseological units, proverbs, sayings. Similar symbolic meanings are emptiness, something frivolous; movement; volatility; disease; open space. The closeness of symbolism emphasizes the closeness of the linguistic pictures of the world of the Russians and the Bulgarians.

Keywords: wind, symbolism, Russian verbal culture, Bulgarian verbal culture, emptiness, movement, volatility.

Д. В. Андрианова

ОБ ЭПИТЕТЕ «РОГАТЫЙ» В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ПОСЛОВИЦАХ

Статья посвящена анализу семантики определения «рогатый» в пословицах русского, украинского, белорусского, а также русинского языков. Исследование свидетельствует о том, что в большинстве случаев эпитет «рогатый» в паремиях используется для негативной характеристики богатого человека, и этот образ имеет ряд коннотаций в контексте общеевропейской лингвокультуры.

Ключевые слова: рогатый, восточнославянские пословицы, паремиология, русский, украинский, белорусский, русинский.

В ряде русских пословиц богатый человек характеризуется через эпитет *рогатый*: *Был я рогат, когда был богат; Богат становится рогат; Будет (будешь) богат, будет (будешь) и рогат; Кто богат, тот и рогат; Быть богату, быть и рогату; Кто побогаче, тот порогатей; Холостой – простой, женат – рогат, а вдовец – что зяблец и под.* (Здесь и далее источником русских пословиц стала пополняемая картотека для второго издания «Большого словаря русских пословиц» [1]).

Без расширенного контекста и без дополнительных разъяснений значение и внутренняя мотивировка определения *рогатый* в подобных пословицах для современного носителя языка затемнены. Очевидно, что ни прямые словарные значения слова *рогатый* (1. 'имеющий рога'; 2. 'имеющий форму рогатки' [2]), ни переносное (3. 'такой, которому изменяет жена' [2]) для перечисленных пословиц не релевантны. Очевидно, что в данном случае имеет место метафора, основанием для которой служит соотношение богатого человека с кем-то, имеющим рога, и перенос характерных особенностей этого рогатого существа на богатого человека.

Развернутые варианты приведенных русских пословиц проясняют внутренний образ метафоризации и варианты значений эпитета *рогатый*: *Буду богат, буду рогат: кого захочу, того избоду (сбоду); Живёт богатый (богатой), что бык рогатой; Рогатому быку что богатому мужику; Мужик богатый что бык рогатый.* Соотнесение богатого с рогатым быком и, соответственно, наделение этого человека такими качествами, как агрессивность, жестокость, самоуверенность, характерны также для украинских и белорусских пословиц: *Мужик багатий, як віл рогатий* (укр.) [3, т. 3, с. 222]; *Мужик багатий, а віл рогатий – не боятся* (укр.) [3, т. 3, с. 222]; *Багаты – рагаты: усё глядзіць, каб каго збіць* (бел.) [4, т. 1, с. 421].

Еще один оттенок значения определения *рогатый*, переносимый на богатого человека, прослеживается в пословицах: *Богатый что скот рогатый, в тесные ворота не пройдёт; Богатый – что бык рогатый: в тесные ворота не влезет; Мужик богатый что бык рогатый: в тесные ворота и не влезет; Багатий, як бик рогатий: в тісні ворота не вміщається* (укр.) [3, с. 216]; *Богатый, ги бык рогатый – у малі ворота не вміщається* (русин.) [5, с. 312]. Здесь богатый человек уподобляется неповоротливой и глупой домашней скотине, таким образом в этих пословицах иллюстрируются такие качества, как неуживчивость, негибкость, тупость. Особенно выпукло этот образ проявляется в пословице *Богатой что елень рогатой – в тесные ворота не пройдёт*. Вместе с тем, эти пословицы отсылают к библейскому тексту «удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» [Мф.19, 23–24 цит. по 6]. В свете подобной аллюзии богатый человек в пословице помимо агрессивности и глупости наделяется характеристиками несправедливого, грешника.

Эта коннотация получает свое развитие в пословицах, соотносящих богача с нечистой силой, приравнивающих его к черту: *Бойся тестя богатого как чёрта рогатого; Мужик богатой как (что) чёрт (чорт) рогатой; Багатий, як чорт рогатий* (укр.) [3, т. 3, с. 216]; *Бійся тестя багатого, як чорта рогатого* (укр.) [3, т. 2, с. 141]; *У доброго мужа жона, як ружа, а у проклятого, як у чорта рогатого* (укр.) [3, т. 3, с. 222]; *Богатый, ги чорт рогатый* (русин.) [5, с. 312]. Наличие рогов как атрибута нечистой силы отражено также в поговорках: *Анчутка рогатая (рогастая, роговая)* [7, с. 18], *Бес рогатый!* [7, с. 38]; *Ставить из себя чёрта рогатого (с рогами) – «зазнаваться»* [8, с. 22].

Еще один из оттенков значения эпитета *рогатый* – упрямство – проявляется в устойчивых сравнениях с однокоренными словами, например, *Вперся, як віл рогами*, в том числе через однокоренное слово *рогатина*: *Мужик, что рогатина: как упрется, так и стоит* [9, с. 359].

Отметим также не характерный для русских паремий образ, который встречается в белорусских и украинских пословицах: *Тогди він буде багатим, як пес рогатим* (укр.) [3, т. 3, с. 222]; *Тоді він буде багатий, як пес рогатий* (укр.) [3, т. 3, с. 222]; *Тоді буде багат, коли пес рогат* (укр.) [3, т. 3, с. 222]; *Тагды будзеши багат, калі парсюк будзе рагат* (бел.) [4, т. 1, с. 415]. В данном случае также проводится параллель между богатством и наличием рогов, точнее между недостижимостью обретения богатства и невозможностью вырастить рога.

Обращает на себя внимание тот факт, что определение *рогатый* не всегда в пословицах относится к мужчине, круг валентностей этого эпитета значительно шире. Так, в русских паремиях встречаем, например, рогатую прялку и рогатый ухват: *Прялка рогата, а топор комоват* (о неуживчивости жены и грубости мужа); *Знала б рогатую прялку!*; *И ухват рогат, да в углу стоит, а и безрог мужик, да под бока тычет*. В этих оборотах, как представляется, *рогатый* следует понимать как производное от *рог* – ‘более или менее острая, закрученная, свободно торчащая часть чего-либо’ [10]. Уместно также будет упомянуть о том, что *рога* в одном из своих значений – название прически замужней женщины: *Будь жена хоть коса, лишь бы золотые рога*, то есть ‘лишь бы была богата’ [10].

Рога в значении своего рода помехи, препятствия для прохождения куда-либо получают неожиданную трактовку в белорусских пословицах: *Душа ў чалавека рагатая, без пары не выйдзець* [4, т. 2, с. 415]; *Душа чалавечая рагата, без пары не вылезе* [4, т. 2, с. 415]; *Душа рагатая, цяжка з целам расстаецца* [4, т. 2, с. 415].

В рассмотренных выше пословицах эпитет *рогатый* применительно к человеку в большинстве случаев является носителем отрицательной оценочности. Вместе с тем к пословице *Аще кто богат, тот везде рогат* в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» дается пояснение о том, что определение *рогатый* в данном контексте следует понимать как «сильный, крепкий, уверенный в себе» [11, с. 177]. Соответствующее значение приводится в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля: «рог – сила, крепость, власть, могущество» [10]. Близко по семантике и по скорее положительной оценочности употребление определения *рогатый* в пословице *На своём пепелище и курица рогата*.

Отдельно следует упомянуть русские пословицы, в которых слово *рогатый* омонимично указанным выше примерам: *Для нашего брата – дело рогато; Дела (дело) не богато, да сделано рогато*, где *рогатый* означает ‘требующий расходов’ [12, с. 121]. Это же значение характерно для белорусских пословиц: *Хата рагата, на каждым рагу найдзеши работу* [4, т.1, с. 214]; *Хата рагата, дзела ў ёй шмат* [4, т.1, с. 214]; *Хата рагата: усяго многа нада* [4, т.1, с. 214].

В пословице *Платьем щеголеват, а умом добре не рогат*, по всей видимости, *рогатый* использовано в диалектном значении: ‘богатый, обильный’ [12, с. 121]. Можно

предположить, что это не фиксируемое словарями современного русского литературного языка значение коррелирует с общеевропейской традицией образного соотнесения рогов и богатства в образе мифологического рога изобилия. Следовательно, рассматриваемые в настоящей статье пословицы, в которых богатый человек наделяется символическими рогами, могут в более широком контексте интернациональной культуры иметь еще одно логическое обоснование.

Завершая краткий обзор значений эпитета *рогатый* в русских, белорусских, украинских и русинских пословицах, отметим, что он в большинстве употреблений описывает богатого человека, который чаще всего сопоставляется с рогатым быком или чертом. С помощью этой метафоры характеризуются такие отрицательные особенности личности, как упрямство, глупость, агрессивность, жестокость, неуживчивость, негибкость. Помимо изображения богача эпитет *рогатый* используется в русских пословицах для характеристики сварливой жены, олицетворением которой выступает прялка. В целом отметим, что слово *рогатый* в пословицах используется в нескольких значениях, некоторые из которых не фиксируются словарями современного русского языка, однако в комплексе эти значения позволяют увидеть и интерпретировать образ богатого-рогатого человека в более широком контексте общеевропейской культурной традиции.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №20-18-00091 «Мир восточных славян в паремиологической интерпретации: аксиологические доминанты и их лингвокультурологическая репрезентация», реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

Список использованных источников

1. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 1024 с.
2. Современный толковый словарь русского языка Ефремовой [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.efremova.info/word/rogatyj.html#.X5LwSdUzaUk>. – Дата доступа : 23.10.2010.
3. Пазяк, М. М. Прислів'я та приказки / Упорядник. Т. 1. Природа. Господарська діяльність людини, 1989. – Киев : Наукова думка. – 479 с.
4. Грынблат, М. Я. Прыказкі і прымаўкі : ў дзвюх кнігах / склад. М. Я. Грынблат ; пад рэд. А. С. Фядосіка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – Кн. 1 – 559 с.; Кн. 2 – 616 с.
5. Ломакина, О. В. Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) / О. В. Ломакина, В. М. Мокиенко // Русин. Славянский мир в условиях современных вызовов. – Кишинев. – 2018. – 4(54). – С. 303–317.
6. Скобелев, М. Значение слова «рог» в библейской метафоре [Электронный ресурс] / М. Скобелев. – Режим доступа : <https://azbyka.ru/znachenie-slova-rog-v-biblejskoj-metafore>. – Дата доступа : 23.10.2010.
7. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.
8. Словарь русских народных говоров. – Вып. 35 (Реветь – Рящик) / Ф. П. Сороколетов. – СПб. : Наука, 2003. – 306 с.
9. Даль, В. И. Пословицы и поговорки русского народа / В. И. Даль. – М. : Эксмо-Пресс, 2000. – 606 с.
10. Толковый словарь живого великорусского языка. Даль В. И. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.slovardalja.net/word.php?wordid=36716>. – Дата доступа : 23.10.2010.
11. Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 22 (Раскидаться-Рященко) / А. Г. Богатова. – М. : Наука, 1997. – 298 с.
12. Словарь русских народных говоров. – Вып. 37 (Свято – Скимяга) / Ф. П. Сороколетов. – СПб. : Наука, 2003. – 416 с.

The article is devoted to the analysis of the semantics of the word horned in the proverbs of the Russian, Ukrainian, Belarusian, and also Rusyn languages. The study suggests that in most cases the epithet horned in paremias is used to negatively characterize a rich person, and this image has a number of connotations in the context of the common European linguistic culture.

Keywords: horned, East Slavic proverbs, paremiology, Russian, Ukrainian, Belarusian, Ruthenian.

УДК 811.161.1'282.2'373.74:168.522:52(477.74)

Н. Г. Арефьева

ВРЕМЕННОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОД В РУССКИХ ГОВОРАХ ОДЕСЩИНЫ (на материале фразеологии)

В статье рассматриваются диалектные фраземы, функционирующие в русских говорах Одесщины и группирующиеся вокруг временного лингвокультурного кода. В рамках кода выделяются и анализируются культурно значимые концепты «век», «день», «год». На широком языковом материале автор приходит к выводу о том, что время – одна из основополагающих категорий традиционной картины мира, пронизывающая многие лингвокультурные коды.

Ключевые слова: временной лингвокультурный код, диалектная фразема, русские говоры Одесщины.

Время и пространство, являясь основополагающими, сопряженными между собой, категориями членения и освоения человеком окружающей действительности, пронизывают языковую и, следовательно, фразеологическую картины мира. Подтверждение этому находим в трудах В. В. Красных [1, с. 235–244], И. А. Подюкова [2, с. 31–36], Л. А. Ивашко [3, с. 55–57]. Акад. Н. И. Толстой определяет время как «одну из основных категорий (наряду с пространством) традиционной картины мира, сочетающую мифологическое (цикличное) и историческое (линейное) восприятие», причём первое время «основывается на цикличности природного времени – времён года, фаз луны, дня и ночи; второе – на линейности человеческой жизни, имеющей начало и конец» [4, т. 1, с. 448].

*Во фразеологии русских диалектоносителей временной код обнаруживает пересечение со многими лингвокультурными кодами, например, историческим: **при (про) режйму** ‘в царское время’ [5; 6]; гендерным: **подошла порà** чья ‘о девушке, которой пришло время выходить замуж; о девушке на выданье’ [6]; пространственным: **конец краю нема** ‘о чём-л. бесконечно долго длящемся’ [7]; метеорологическим: **сутковдой (сутковдой) дождь** ‘суточный дождь’ [8, т. 2, с. 138, 261]; астрономическим: **быть на сходу** ‘находиться в убывающей фазе (о луне)’ [5]; духовно-религиозным: **Аки убавить, аки прибавить** – погов. ‘сколько Богом отмерено (о продолжительности жизни)’ [7]; традиционно-обрядовым: **годовье помйны** ‘поминки в годовщину смерти’ [5]; хозяйственным: **Писклят по вòсени считàют** – посл. ‘не следует преждевременно делить прибыль от какого-л. дела; цыплят по осени считают’ [5]; социальным: **делà в отставка** чьи, у кого ‘о неработающих пенсионерах’ [6] и др. О пересечении временного и пространственного кодов свидетельствует также наличие в составе темпоральных диалектных фразеологических единиц (далее ДФЕ) пространственных предлогов (**на секундах, до врьмя, по зòрьке с-под конец вёку** и др.). Об этом пишет проф. В. В. Красных на материале кодифицированных фразеологизмов, определяя использование пространственных предлогов для выражения временных отношений как «погружение времени в пространственный контекст» [1, с. 240]. Пространственное восприятие времени в народной традиции отмечает Н. И. Толстой:*

«прошлое мыслится как находящееся позади, а будущее – впереди» [4, т. 1. с. 449], сравн.: ДФЕ *как унада́сь* (помнить) ‘ясно, хорошо помнить (о важных, значимых событиях, которые давно прошли): *Как унада́сь по́дню* (Усп.) [5], где диал. *унада́сь* ‘вчера’ [8, т. 2, с. 244].

Время во фразеологической картине мира (далее ФКМ) русских диалектоносителей может быть членимым (дискретным), сравн., напр., ДФЕ *бе́лый день* ‘время до захода солнца’ [8, т. 1, с. 36]; *ночь-полно́чь* ‘глубокой ночью, очень поздно’ [9, с. 217] и нечленимым (недискретным), напр.: *коля́ска идёт* ‘проходит жизнь’ [10, с. 304]; *не вре́мя* кому ‘некогда’: *Мне уту́ить не вре́мя, за́втра пайду́* (Коса) [5] и др.

Фраземы Одесщины, фиксируя различные временные отрезки, отображают одно из онтологических свойств времени – длительность: *на секунда́х* ‘мгновенно’ [Там же]; *в оди́н дух* ‘сразу, быстро, на одном дыхании (делать что-л.)’ [8, т. 1, с. 107]; *День и ночь – сутки прочь* – погов. предик. ‘о скоротечности времени’; *конца́ кра́ю нема́* ‘о чём-л. бесконечно долго длящемся’: *Этой сті́рке канца́ кра́ю нема́* (Прим.) [7].

Фразеологически маркировано в диалектной картине мира (далее ДКМ) определение времени суток или его характеристика, напр.: *по зорьке* ‘на рассвете’: *Па зорьке так півни крича́т* (Вас.) [5]; *бе́лый день* ‘время до захода солнца’: *Йши́д бе́лый день* (Алекс.) [8, т. 1, с. 36]; *ночь-полно́чь* ‘глубокой ночью, очень поздно’: *Ноч-пално́ч прыйи́жжають да на́с* [9, с. 217], сравн. волг. *ночь в полно́чь* ‘постоянно, в любое время’ [10, с. 452]; *по полно́чах* ‘поздно, ночью’ [Там же, с. 517]; *день – год* ‘о долгом летнем дне’: *День – уо́т, а он ничиво́ ни де́лаить, зима́ придетъ – пакажы́ть, де ра́ки зимую́ть* (Прим.) [7]; *ночь – год* ‘о длинной ночи’: *Ноч – уо́т, а я на валасі́ну ни заснула́* (Прим.) [Там же] и др.

Культурно значимым концептом *временного* лингвокультурного кода является концепт «век». Проф. Л. А. Ивашко в книге «Русская диалектная фразеология», анализируя темпоральные фраземы, отмечает широкую репрезентативность диалектных фразем со словом *век*, перечисляя их многочисленные варианты: *от (с) ве́ка (ве́ку, веко́в), от (с) ве́ку веко́в* и др. [3, с. 55–57]. Будучи широко представленным в ФКМ русских переселенцев, *век* олицетворяет прежде всего сложный и многогранный жизненный путь человека: *На ве́ку, как на до́лгой ніве* – посл. ‘в жизни всё может случиться’: *Сасе́тка фсе́ насмиха́лась, што мне трудо́на жы́ть. Ничиво́: на ви́ку, как на до́луай ніве, ни сме́йся, рабе́, бо даста́ница и тибё́* (Прим.) [7]. Семантическое тождество концептов «век» и «жизнь, жизненный путь» фиксируют и другие ДФЕ: *века́ дожива́ть* ‘доживать свою жизнь, быть в преклонном возрасте’: *Мы с ба́нкай сваёй ви́ка дажы́ваім* (Петр.) [8, т. 1, с. 71], сравн. общеупотр. *дожива́ть свой век* в том же значении; *за свой век* ‘в своей жизни, на своем веку’: *Парабо́талась за свой век* (Б. Бур.) [Там же, т. 2, с. 88], сравн. общеупотр. *на своём веку* в том же значении; *век векова́ть* – 1) ‘проводить жизнь, существовать’: *А вдо́х бы мы век векава́ли* (Введ.); 2) ‘быть одиноким; быть не замужем (не женатым)’: *Я с пе́рвой мла́дастю век ви́кава́ла* (Серг.) [КСРГО]. Сравн. данные других фразеологических словарей: общеупотр. *век векова́ть* – народно-поэт. ‘проводить жизнь, существовать’: *Ах, тошно мне И в родной стороне; Всё в неволе, В тяжёлой доле, Видно век вековать* (Рылеев, Ах, тошно мне) [11, с. 26]; *век векова́ть* – разг., устар. 1) ‘жить долго, до глубокой старости’; 2) арх., одесск., пск. ‘жить, проживать какие-л. отрезки времени’ [10, с. 74]; *век вековись* ‘за всю жизнь’ [12, т. 4, с. 99]. «..Понятие века пронизывает всё человеческое существование, становясь как бы каркасом, на котором и развивается жизнь человека от рождения до смерти и загробной жизни», – замечает А. В. Коконова [13, с. 368].

Представление о *веке* как о жизненном пути, который осмысливается в системе координат мироздания (мироустройства), неразрывно связано с понятиями «издавна»

и «навсегда (навечно)», образуя единую семантическую цепочку, сравн. фраземы со словом *век* в значении ‘издавна, с давних пор’: *сканибэль века* [10, с. 75]; *с-под канцэ вёку*: *С-пат канцэ вёку пряли так* (Павлов.). *Брынза у нас с-пат канцэ вёку* (Никол.) [8, т. 2, с. 183; 5; 14, № 39] и синонимичные *с давних давен, с дёдовых времён*. ДФЕ со словом *век* в значении ‘издавна, с давних пор’ обнаруживают широкий ареал распространения, сравн.: пск., сиб. *искони векòв (век, вёку)*; кар. *искòли векòв*; сиб. *сконй век (вёку)*; книжн. *испокòн векòв (вёка, вёку)*; народн. *испокòн (спокòн) векòв (вёку)*; сиб. *испокòни векòв (век)*; сиб. *испокòнь векòв (век)*; пск. *со старинй векòв*; орл. *спокòн вёку вёчного* [10, с. 75, 640]. Как справедливо отмечает проф. В. В. Красных в культурологическом комментарии к общеупотр. ФЕ *испокòн векòв (вёка, вёку)*, «в образе фразеол. отображено представление о том, что у **века** есть границы: он имеет начало (сравн. *из-начально, из-древле*) и будет иметь конец (сам корень в слове **испокòн** очерчивает пределы будущего. <...>. Это представление соответствует христианскому пониманию **века** как категории “тварного” (сотворённого) мира, связанной в первую очередь с миром и жизнью человека, которые также характеризуются “конечностью” – имеют начальную и финальную точки бытия» [15, с. 281]. С этим утверждением вполне согласуется внутренняя форма ДФЕ *до вёку* ‘вечно; навсегда, навечно’, т. е. букв. ‘до конца жизни’: *Кàжа, да вёку ни хадй, а самà пёрвая да минè пришлà* [9, с. 221], а также лексемы *вековечный*, употребляющейся для обозначения очень старого человека: *А я старая-пиристарая, викавёчная* (Введ.). *Я викавёшная старуха, скоро дивяноста лет* (Антон.) [8, т. 1, с. 71]. Архетипическая оппозиция «начало / конец» получила отражение (эксплицитно или имплицитно) и в других «временных» ДФЕ, употребляющихся в речи русских переселенцев, сравн.: *пёрво-напёрво* ‘сперва, вначале’: *Заручины пёрва-напирва* (Рус. Ив.). *Пёрво-напёрво нараждàица ненàвисть, зàвисть* (Прим.) [8, т. 1, с. 225; 14, № 11]; *пёрвым дòлгом* ‘прежде всего, в первую очередь’: *Рàзные гатòвим кушанья: пёрвым дòлгуам халòднае, вакòрки, кравянйе и бёлые калбàсы, мясушка, струдли, вертути, плачйнды, бàпки* (Павлов.) [8, т. 1, с. 36; 5], сравн. общеупотр. прост. *пёрвым дòлгом* в том же значении [16, с. 142]; *край на край* ‘в конце концов, наконец’: *Край на край я ужэ ни маладòй, мне ужэ 67 лет* (Дем.) [8, т. 1, с. 266; 10, с. 326].

С другой стороны, как было сказано выше, *век* в сознании диалектоносителей имеет значение ‘навсегда (навечно)’, актуализируя бесконечность: *вёки в мйре* (с отрицанием) ‘ни за что на свете’ [10, с. 75]. Сравн.: арх., сиб. *до вёку* ‘всегда, постоянно; навсегда, навечно’ [Там же, с. 75]; общеупотр. *на векà* ‘навсегда, навечно’. По В. В. Красных, «..в русском языковом сознании век, с одной стороны, конечен (100 лет, эпоха, долгий отрезок времени, жизнь), а с другой – бесконечен (смыкается с вечностью)» [1, с. 243].

«Представление о веке тесно связано с понятием доли», а также с «представлениями о загробной жизни», – пишет А. В. Коконова [13, с. 376, 368]. Во фраземике русских говоров Юга Украины актуализируется прежде всего *доля несчастливая*, сравн.: *век завязывать / завязать* кому 1) ‘портить кому-л. жизнь неудачным браком’: *Пàрни свàтались, а бàтька гаварйл: «Чивò чилавёку век завязывать»* (Мирн.). *Такàя маладйчка харòшая, но он жа (муж) такой уàдасный – завизàл ей вёк. Анà с ним фсю жызнь ни жывёт, а мучаица* (Прим.); 2) ‘доживать свою жизнь, быть в преклонном возрасте’. Син.: *векà доживаьт*; 3) ‘вдовствовать’ [8, т. 1, с. 71; 10, с. 74; 7]. Сравн.: *завязать век* чей – пск. ‘измучить; погубить, сжить со света кого-л.’ [10, с. 75]; *вековàя дёвка* – дон. то же, что *стàрая дёва* ‘немолодая женщина, не бывшая замужем’ [10, с. 176; 17, с. 128], *вековуша* ‘старая дева’ [8, т. 1, с. 71].

Совершенно справедливым мы находим наблюдение проф. Л. А. Ивашко о том, что в русских говорах в составе временных (темпоральных) фразеологизмов наиболее часто повторяются лексемы *век, год, жизнь* и др. [3, с. 55]. Так, в русских говорах Юга

Украины, наряду с концептом «век», выделяем культурно значимый концепт «год», представленный целым рядом ДФЕ. *Год* – временной отрезок, который, безусловно, оценивается как длительный в ФКМ русских диалектоносителей: *день – год* ‘о долгом летнем дне’: *День – у́дт, а он ничивò ни дèлаить, зимà придётъ – пакàжыть, де рàки зимують* (Прим.) [7]; *ночь – год* ‘о длинной ночи’: *Ноч – у́дт, а я на валасiну ни за-снóла* (Прим.) [Там же]; *год у год* ‘год за годом; из года в год’: *Ёсли у́д у́д пра-чiтьывать евангiлие, то и вразумiсса.* (Спас.) [5]. *Год (годы)* отображает наступление определенного возрастного периода в жизни человека, обычно, молодости или старости: *у (в) чьи гóды* ‘в период чьей-л. молодости’: *Эта в нàшы у́ды, а как булò у вàшы у́ды?* (Никол.) [14, № 30]; *гóды гнут* ‘о процессе старения’: *Гóды унут, а памирать ни хóцца* (Серг.) [5]; *под годàми* ‘в солидном возрасте; в годах’: *Ён ужэ и тадà был пад уадàми* (Серг.) [8, т. 2, с. 42; 5]. Сравн.: *под годàми* 1) кар. (арх.), орл., пск., ряз., сиб. ‘о человеке преклонного возраста’; 2) арх., орл. ‘о девушке в период полового созревания’ [10, с. 134].

ДФЕ со словом *год (годы)* также означают определенный временной период, отмеченный особой значимостью в жизни переселенцев в силу своей необычности, аномальности, исключительности и т. п.: *голдóнный год* ‘период 1946–1947 гг., когда вследствие сильной засухи и неурожая зерновых культур жители сёл Юга Украины пережили голод’: *В голдóнный год нàши кóтцы обворòдывали* (Троиц.). *В уалдóнный гот умирàли как качирýшки* (Введ.) [18, кн. 1, с. 15; 6]; *тèми годàми* ‘тогда, в те годы’: *Тèми уадàми аднà карòва на сядò была* (Рус. Ив.) [8, т. 2, с. 220; 5].

События, происходящие раз в год, фразеологически маркируются, сравн.: *годовóй прàздник* ‘большой праздник; праздник, который бывает раз в году’: *Каудà уадавiи прàзьники, нанимàим ууртòм музýку* (Коса). *Гадавóй прàздник, карандашi нòвые* (Вилк.) [5; 19]; *годовiе помiны* ‘поминки в годовщину смерти’ [5]. По наблюдению И. А. Подюкова, «изображение времени, основные приемы его воссоздания основываются на обыденном понимании не времени собственно, а наполняющих его событий; время всегда время чего-либо, какого-либо явления; событий повторяющихся, происходящих в определенные моменты жизни природы и человека» [2, с. 32].

Среди «временных (темпоральных)» концептов в ФКМ русских переселенцев выделяется концепт «день». ДФЕ, группирующиеся внутри данного концепта, могут отображать время суток (*бèлый день* ‘время до захода солнца’ [8, т. 1, с. 36]); повторяемость действия, его непрерывность (*день зà день* ‘однообразно, без каких-л. изменений; день за днём’: *Бидàимся* (т. е. бедствуем – Н. А.) *день зà день* (Орёл) [Там же, т. 1, с. 34]; *день в день* ‘ежедневно, постоянно’ [10, с. 183], сравн. брян., дон. *день в день* 1) в том же значении; 2) ‘точно в назначенный день’ [Там же]; частотность (*на дню* ‘в течение дня, за день, на день’: *Дèлали на пять запряжсек на дню* (Мур.) [5].

Концепты «день» и «ночь» в составе ДФЕ, как правило, не противопоставляются, актуализируя скоротечность времени: *День и ночь – сўтки прочь* – погов. предик. ‘о скоротечности времени’: *Какiе у миня дилà? День и ночь – сўтки прочь* (Введ.) [6]. Здесь *день* и *ночь*, не являясь оппозициями, противопоставляются суткам. Поговорка является вариантом общеупотр. *День да ночь – сўтки прочь* ‘о быстром течении времени с чередованием дня и ночи’, где *сутки* – «объединяющее» слово, означающее «промежуток времени, равный дню и ночи» [20, с. 184]. Сравн. также общеупотр. *день и ночь* ‘всё время, постоянно’, где *день* и *ночь* – не контрадикторные категории, а взаимодополняющие композиты временного пространства. В приведенных выше ФЕ маркируется строгая очередность, сменяемость *дня* и *ночи*, что в целом создает эффект непрерывности времени, его скоротечности, неподвластности какому-л. воздействию, сравн. общеизвестное устойчивое сравнение *время как вода*.

В проекции на человека важным сегментом *временного* кода является градация возрастных периодов, широко представленная в речи русских переселенцев. Момент

рождения маркируют ДФЕ *с природу* и *по природда* ‘с рождения’: *С природу свайивд здёся жывём.* (Ст. Некр.). *Мы с дёдой здёся жывём на природда* (Ст. Некр.) [8, т. 2, с. 186; 5]. Сравн. сиб. *с природды* – ‘с рождения, с момента появления’ [10, с. 534]. О совсем маленьком ребенке, не имеющем сил для уверенной ходьбы, скажут *только тãпочка стаёт* ‘о совсем маленьком ребенке; о ребенке, который только начинает ходить’: *А типёр дитя толька вълупилась, толька тãпачка стаёт, а ужэ калудтки, насòчки пакупàють* (Троиц.) [8, т. 2, с. 210; 5; 21, с. 72; 6]. Детский возраст отражают ДФЕ *с сãмого малòго* ‘с раннего детства’: *Я прячка с сãмава малòва* (Мирн.) [5]; *с ребячества* ‘с детства; с малых лет’: *А робить я с рибячества привычная* (Анат.) [Там же]; *от мãльства* ‘в детстве’: *Такìх пãмятеф ужò ни будить, как была ат мãльства* (Мур.) [Там же].

Молодость – лучший, наиболее продуктивный период в жизни человека, время любви, создания семьи, духовного и физического расцвета – часто соотносится с лексемами *годы* и *время*, сравн. напр., общеупотр. *в чьё время* ‘во времена чьей-л. молодости’. В ДКМ русских переселенцев молодость, как правило, уже миновавшая, представлена в ДФЕ у (*в*) чьи *гòды* ‘в период чьей-л. молодости’: *Эта в нãшы гòды, а как булò у вãшы гòды?* (Никол.) [14, № 30]; *с млãда лет* ‘с молодых лет, с молодости’: *Я с млãда лет шыла* (Ст. Некр.) [5]; *при млãдости* ‘в молодости’: *При млãдасти ходили* (Возн.) [Там же]; *в молодых лет* ‘в молодости’: *Тижилà нãша жысть былà в маладых лет.* (Троиц.) [Там же]; *по молодёжу* ‘по молодости’: *Йёта так па маладёжу пèла, а типёр их ни умёю* (Ст. Некр.) [Там же]. Сравн. сиб. *на* чьём-л. *мòлоду* ‘в молодости’; *с-из молоду* ‘с молодости, с молодых лет’ [22, с. 113]. В качестве культурно значимого маркируется во фразеологии период, предшествующий замужеству девушки: *подошла порà* чья ‘о девушке, которой пришло время выходить замуж; о девушке на выданье’: *Падашла твоjà парà, нàда зãмуш выхòдить* (Троиц.) [6].

Не менее репрезентативной является группа фразем, означающих наступление старости, сравн.: *при старости лет* ‘в старческом возрасте, на старости лет’: *Скãжут, при старости лет бãпка выставилась* (Возн.) [8, т. 1, с. 112], где *выставиться* – ‘обратить на себя внимание’; *по живности* ‘очень старый, пожилой’ [10, с. 229]; *под годàми* ‘в солидном возрасте; в годах’: *Ён ужэ и тадà был пад уадàми* (Серг.) [8, т. 2, с. 42; 5]; *лет-лет и пãмяти нет* – шутил.-ирон. ‘об очень старом человеке или вещи’ [10, с. 359]; *Молодые порастàють, старые сбувàются* – посл. ‘молодым расти, старым – стариться’: *Маладыя парастàють, а старыя збу-вàюца* (Ст. Некр.) [5]; *гòды гнут* ‘о процессе старения’: *Гòды унут, а памирàть ни хòцца* (Серг.) [Там же]; *векà доживàть* ‘доживать свою жизнь, быть в преклонном возрасте’: *Мы с бãпкay свайей векà дажывàим* (Петр.) [8, т. 1, с. 71].

Широко представлен в рамках временной оси народный календарь, в котором отмечены народные названия *праздников, постов* и т. п. (*богàтый вèчер* ‘вечер накануне Нового года’ [10, с. 83]; *праздник Юрия* ‘Юрьев день’ [8, т. 2, с. 26; 5]; *вèрбный воскресный день* и *вèрбный праздник* ‘Вербное воскресенье’ [5; 19]; *усеèдная недèля* ‘неделя, в которой отсутствуют постные дни’ [5] и т. д.); *временные циклы похоронной, свадебной, родильной обрядности*, относящиеся, по акад. Н. И. Толстому, к *обрядовому времени* [4, т. 1, с. 451], сравн., к примеру, ключевые циклы погребальной обрядности, отраженные в ФКМ диалектоносителей: *девять дён* ‘традиционный поминальный обед на девятый день после смерти’ [5]; *двадцать дён (двадцать дней)* ‘20-ый день после смерти (у старообрядцев), когда проводятся поминальные мероприятия’ [Там же]; *сòрок дён* ‘традиционный поминальный обед на сороковой день после смерти’ [Там же]; *годовье помìны* ‘поминки в годовщину смерти’ [Там же].

Широко представлены в ФКМ названия рабочих и выходных дней, которые, пользуясь терминологией акад. Н. И. Толстого, можно отнести к обыденному (профанному) времени [4, т. 1, с. 451], сравн.: *буден (будень) день* и *будённый день* 'будний день': *А в будень день вечерушки были.* (Возн.). *В буден день* (Введ.). *Адін прàзничный день, а друго́й будённый* (Петр.) [5; 6; 8, т. 1, с. 53]; *воскрёсный день* 'воскресенье' (Введ.) [6]; *гулящий день* 'день, свободный от работы; выходной': *Сявòдни гулящий день будить* (Б. Пл.) [8, т. 1, с. 151]; *на каникулах* 'в свободные от работы, праздничные дни': *Кўшаем тако́й хлеб, что рàньше на каникулах ёли* (Троиц.) [5].

Таким образом, *время* в ФКМ русских переселенцев – основополагающая категория традиционной картины мира, пронизывающая многие лингвокультурные коды. В ФКМ русских диалектоносителей *время* может быть дискретным (членимым) и недискретным (нечленимым). Культурно значимыми концептами во *временном* лингвокультурном коде являются концепты «век», «день», «год». Одной из наиболее значимых оппозиций здесь является оппозиция «молодость / старость» как маркер временного пространства, спроектированного на человека и его жизненный путь.

Список использованных источников

1. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : лекционный курс / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 284 с.
2. Подюков, И. А. Народная фразеология в зеркале народной культуры : учеб. пособие / И. А. Подюков. – Пермь : ПГПИ, 1990. – 127 с.
3. Ивашко, Л. А. Очерки русской диалектной фразеологии / Л. А. Ивашко. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1981. – 110 с.
4. Славянские древности. Этнолингвистический словарь : В 5 тт. / под ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения. – Т. 1. – 1995. – 574 с.
5. Картотека «Словаря русских говоров Одесщины». Рукопись. Кафедра русского языка ОНУ имени И. И. Мечникова, 1956–2018.
6. Картотека Н. Г. Арефьевой. Компьютерный вариант, 2018–2020.
7. Картотека Л. М. Мартыновой. Компьютерный вариант, 2017–2018.
8. Словарь русских говоров Одесщины / [ред. коллегия: проф. Ю. А. Карпенко (отв. ред.), проф. Уэмура, проф. Д. С. Ищенко, доц. Л. Ф. Баранник]: в 2 т. – Одесса : АстроПринт. – Т. I : А–О. – 2000. – 369 с.; Т. II : П–Я. – 2001. – 293 с.
9. Усачёва, Л. Я. К истории курского говора на территории Одесской области (Говор сёл Вознесенки и Введенки Арцизского р-на) / Л. Я. Усачёва : дис. ... канд. филол. наук. – Одесса, 1955. – 282 с.
10. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.
11. Фразеологический словарь русского языка / сост. А. Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А. Г. Ломов, Л. А. Ломова. – 3-е изд., стереотип. – М. : Рус. Яз. – Медиа, 2007. – 334 с., [2] с.
12. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. – Т. 4. – Л. : Наука, 1969. – 367 с.
13. Коконова, А. В. Связь понятия «век» с рождением и смертью человека (на материале архангельских говоров) / А. В. Коконова // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2011. – СПб. : Наука, 2011. – С. 365–369.
14. Диалектная фонотека. Кафедра русского языка ОНУ имени И. И. Мечникова, 2012–2018.
15. Большой фразеологический словарь современного русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. – 2-е изд., стер. – М. : Аст-пресс книга, 2006. – 784 с.
16. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – 2-е изд., стереотип. – М. : Советская энциклопедия, 1968. – 543 с.
17. Большой толковый словарь донского казачества : Ок.: 18000 слов и устойчивых сочетаний / Ростов. гос. университет; Факультет филологии и журналистики; каф. общ. и сравнительного языкознания. – М. : ООО «Русские словари» : ООО «Издательство Астрель» : ООО «Издательство АСТ», 2003. – 608 с.

18. Пешехонов, П. И. Люди моей судьбы. Автобиографическая повесть : в 2-х кн. / П. И. Пешехонов. – Одесса, 1997. – 81 с.; 23 фотографии.
19. Материалы к словарю русских говоров Одесщины. Кафедра русского языка ОНУ имени И. И. Мечникова. Машинопись.
20. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь : ок. 6000 фразеологизмов / СПбГУ; Межкаф. словарный каб. им. Б. А. Ларина; А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Астрель: АСТ : Люкс, 2005. – 926, [2] с.
21. Швец, А. И. Традиционная народная культура и её отражение в диалектной лексике / А. И. Швец // Мова: науково-теоретичний часопис з мовознавства. – Одеса, 2012. – № 18. – С. 71–74.
22. Фразеологический словарь русских говоров Сибири / под ред. А. И. Фёдорова. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1983. – 232 с.

The article discusses dialect phraseological units, which function in the Russian dialects of Odessa region and are grouped inside temporal linguocultural code. Within the code, the culturally significant concepts век, день, год are allocated and analyzed. Based a wide linguistic material, the author comes to conclusion that time is one of the fundamental categories of traditional picture of the world, which permeates many linguocultural codes.

Keywords: temporal linguocultural code, dialect phraseological unit, Russian dialects of Odessa region.

УДК 821.161.3'367.626.3

О. А. Артемова

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ ДЕЙКСИСА В БЕЛОРУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ: ОБЩЕЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ

Статья посвящена анализу фразеологической репрезентации пространственного дейксиса в белорусском и английском языках с выявлением общего и специфического.

Ключевые слова: фразеологизм, дейксис, мифологизация, христианизация.

Одним из базовых компонентов любого вида коммуникации является дейксис (от древнегреч. *deiktikos* ‘указание’) – языковая категория для актуализации компонентов речевой ситуации. Универсальность и обязательное присутствие дейксиса в речевой деятельности относят его анализ к приоритетным задачам современных лингвистических исследований. Данная категория манифестируется на разных языковых уровнях: словообразовательном, морфологическом, лексическом – дейктическим компонентом в структуре значения личных, притяжательных, возвратных и указательных местоимений, частиц, наречий, предлогов, прилагательных, глаголов, существительных, фразеологических единиц (ФЕ). Белорусские и английские фразеологизмы, осуществляя указание на локализацию объекта, репрезентируют трехкомпонентную горизонтальную пространственную модель *близко – недалеко – далеко*. Между тем вертикальное измерение *высоко – низко* почти не находит своего отражения в белорусской и английской фразеологии. Были выявлены только две белорусские ФЕ (*з вышыні птушынага палёту* ‘сверху, с такой высоты, с которой все видно’, *на зыры* ‘на открытом возвышенном месте’) и две английские ФЕ (*pride of place* ‘на самом высоком месте, большой высоте’, *a bird's eye view* ‘вид с высоты птичьего полета’) со значением ‘расположение объекта на высоте’. Очевидно, что для фразеосистем сопоставляемых языков горизонтальное измерение является определяющим, так как, по мнению

А. С. Яковлевой, оно совпадает с поверхностью земли – традиционной сферой «естественного», освоенного пространства говорящего [1, с. 30]. Указание на близкое расположение объекта представлено 38 белорусскими и 45 английскими ФЕ. При определении расстояния до объекта главную роль выполняет зрительный или тактильный анализатор: близко то, что можно увидеть, к чему можно прикоснуться (белорус. *перад вачыма*, англ. *before one's eyes* – букв. ‘перед глазами’ – ‘рядом, близко’, белорус. *пад рукой*, англ. *at hand* – букв. ‘под рукой’ – ‘рядом’). По этой причине в высказываниях с ФЕ со значением ‘близко’ могут использоваться актуальные предикаты, описывающие конкретные перцептивные проявления объектов на момент речи – *высіцца, чарнець, залаціцца, набліскваць, навісаць, пачуцца* и т. д.: *Навісала нізкае – як рукой дастаць – лілова-чорнае неба* (У. Караткевіч. Чазенія) [НКРЯ]; *A noise nearer at hand made him quiver* (W. Golding. *Lord of Flies*) [BNC] ‘Шум, который раздался рядом, заставил его вздрогнуть’. В английских ФЕ близкое расположение объекта, наряду со зрительным и тактильным восприятием, соизмеряется с тем, что находится в пределах слышимости: *within call* (букв. ‘в пределах крика’), *within earshot* (букв. ‘в пределах слышимости’), *within hail* (букв. ‘в пределах возгласа’), *within hearing* (букв. ‘в пределах слышимости’), *withing listening distance* (букв. ‘в пределах слышимости’), *within shouting distance* (букв. ‘в пределах крика’), *within <the> sound of something* (букв. ‘в пределах звука чего-либо’): *There was a heavy lumbering of wheels within hearing* (С. Dickens. *The Tale of two Cities*) ‘Грохот колес по мостовой гулко прокатился где-то рядом’ [НКРЯ]. Возможность восприятия объекта зрением, прикосновением и слухом обуславливает наличие в структуре белорусских и английских ФЕ со значением ‘близко’ лексем-соматизмов: белорус. *рука, твар, плячо*, англ. *hand* ‘рука’, *face* ‘лицо’, *shoulder* ‘плечо’ и др.: белорус. *твар / тварам у твар* – англ. *face to face*, белорус. *рука ў руку* – англ. *hand in hand* или *arm in arm*, белорус. *плячо ў плячо* – англ. *shoulder to shoulder*. Как отмечают исследователи Ф. О. Вакк [2] и Л. В. Зайцева [3], характерной чертой соматических лексем является высокая степень их идиоматичности, что обусловлено их принадлежностью к одному из самых древних слоев лексики и совпадением образного переосмысления основных функций частей тела. Р. М. Вайнтрауб отмечает, что соматическая фразеология составляет около 30 % фразеологического фонда любого языка [4]. Фразеологизмы с компонентами-соматизмами фиксируются большим количеством словарей и характеризуются высокой частотностью в корпусах текстов по сравнению с другими типами ФЕ [5, с. 66]. Среди белорусских и английских фразеологизмов с дейктической семантикой нами было установлено 64 белорусских (из 213 ФЕ) и 43 английских фразеологизма (из 200 ФЕ) с компонентами-соматизмами. Они составляют 25,5 % от общего количества белорусских ФЕ и 21,5 % английских ФЕ с пространственной семантикой. Общее количество случаев употребления соматизмов не совпадает с количеством соматических фразеологизмов, поскольку в некоторых ФЕ может употребляться более чем одна лексема-соматизм: например, белорус. *тварам да твару* ‘совсем близко’, англ. *face to face*. По количеству употреблений лексемы-соматизмы были разделены нами на 3 группы, представленные в Таблице 1.

Отметим, что подгруппы ФЕ с семантикой расположения объекта и перемещения перцептора характеризуются наибольшим количеством фразеологизмов с компонентами-соматизмами, где самыми высокопродуктивными лексемами выступают *вока / вочы* (13), *eyes* (3), *рука* (9), *hand* (6) и *arm* ‘рука’ (2), *нага / ногі* (6), *foot / feet* ‘нога / ноги’ (6), *нос* (6), *nose* ‘нос’ (2), *hand* (6) и *arm* ‘рука’ (2). Следовательно, главной моделью указания на ‘близко’ в белорусских и английских ФЕ выступает антропоцентрическая модель с опорой на части тела человека – глаза, нос, руки, ноги и его перцептивную систему как совокупность тактильного, обонятельного, слухового, зрительного и сомато-сенсорного анализаторов. По мнению

В. И. Подлесской и А. В. Рахилиной, ориентация с использованием лексем-соматизмов *глаза, лицо, грудь, рука, нога* предусматривает наличие вертикальной оси с тремя плоскостями: передней, боковой, задней [6, с. 101].

Таблица 1 – Белорусские и английские лексем-соматизмы

Типы соматизмов	Белорусские лексем-соматизмы, количество	Английские лексем-соматизмы, количество
Высокопродуктивные (от 10 и выше)	<i>вочы / вока</i> (13), <i>рука / рукі</i> (9)	–
Среднепродуктивные (от 6 до 9)	<i>нага / ногі</i> (6), <i>нос</i> (6)	<i>hand</i> (6), <i>foot / feet</i> ‘нога / ноги’ (6)
Низкопродуктивные (от 1 до 5)	<i>плячо / плечы</i> (3), <i>пятка / пяты</i> (3), <i>бок</i> (2), <i>грудзі</i> (2), <i>зубы</i> (2), <i>косці</i> (2), <i>спіна</i> (2), <i>твар</i> (2), <i>шыя</i> (2), <i>вуха</i> (1), <i>крылы</i> (1), <i>кулак</i> (1), <i>патыліца</i> (1), <i>пахі</i> (1), <i>рогі</i> (1), <i>хвост</i> (1), <i>язык</i> (1)	<i>heel</i> (3), <i>face</i> ‘лицо’ (3), <i>nose</i> ‘нос’ (2), <i>eye</i> ‘глаз’ (2), <i>eyeball</i> ‘глазное яблоко’ (1), <i>bosom</i> ‘лоно’ (1), <i>heart</i> ‘сердце’ (1), <i>neck</i> ‘шея’ (1), <i>ear</i> ‘ухо’ (1), <i>shoulder</i> ‘плечо’ (1), <i>side</i> ‘бок’ (1), <i>tail</i> ‘хвост’ (1).

При анализе белорусских и английских соматических ФЕ были выделены два вида ориентации объектов относительно друг друга: 1) ориентация на одной линии, где акцентируется соприкосновение боковых – левой или правой – плоскостей объекта. В качестве таких плоскостей выступают части тела человека: белорус. *плячо ў плячо, рука ў руку* и англ. *shoulder to shoulder* (букв. ‘плечо к плечу’), *arm in arm* (букв. ‘рука в руку’), *side by side* (букв. ‘бок о бок’); 2) фронтальная ориентация, когда объекты находятся друг напротив друга: белорус. *твар / тварам у твар*, англ. *face to face* (букв. ‘лицо в лицо’), белорус. *вочы ў вочы*, англ. *eyeball to eyeball* (букв. ‘глазное яблоко к главному яблоку’). В таких ориентационных моделях объекты – это однородные предметы, чаще всего одушевленные существа, у которых есть лицо, глаза, руки, бока, плечи. Подобные белорусские и английские ФЕ репрезентируют нарушение стандартных расстояний при общении. Об этом свидетельствует их употребление с глаголами *апынуцца, сутыкацца, сустракацца*, имеющими в своем значении компонент неожиданности. Они сообщают об ощущении перцептором опасности, идущей от находящегося рядом объекта: *З гэтага доміка на Туманоўскага вочы ў вочы зірнула смерць* (А. Жук) [СФ 1, с. 216]; *We stood face to face with death* ‘Мы столкнулись лицом к лицу со смертью’ [RiversoContext]. Вместе с тем немногочисленность белорусских ФЕ (белорус. *плот у плот, вугал з вуглом*) и отсутствие английских ФЕ со значением ‘фронтальная ориентация неодушевленных однородных предметов’ еще раз подчеркивают преимущественно соматический характер репрезентации близкого расположения объектов в двух языках. Сопоставление образных основ белорусских и английских ФЕ с семантикой близкого нахождения объектов указания показало их связь с: 1) предметами и явлениями повседневной жизни человека: белорус. *плот у плот*, англ. *right next door to something* (букв. ‘прямо – следующие двери’), белорус. *вугал з вуглом*, англ. *at close quarters* (букв. ‘в непосредственном соприкосновении с противником’); 2) манипуляциями с различными предметами. Этот способ концептуализации близкого расстояния присущ только английской фразеосистеме: англ. *within a stone’s throw* (букв. ‘не далее брошенного камня’), *only a brick throw from* ‘на расстоянии брошенного кирпича’, *within spitting distance* ‘на расстоянии плевка’.

within striking distance ‘на расстоянии удара’, *withing walking distance* ‘в нескольких минутах ходьбы’, *within driving distance* ‘в нескольких минутах езды на механическом транспортном средстве’; 3) зрительным, тактильным или слуховым восприятием расстояния, характерным в большей степени для английской фразеосистемы (*within call, within earshot, within hearing, withing listening distance, within hailing distance, within calling distance, within shouting distance* со значением ‘близко, в пределах слышимости’), чем для белорусского языка, где слуховая перцепция близкого расположения объекта представлена только одной ФЕ (*над <самым> вухам* ‘в непосредственной близости от кого-либо’ [СФ 1, с. 225]).

Однако близко – это не только нахождение объекта указания в ближайшем дистанционном поясе перцептора. Исследователь Д. Кемерер предполагает, что мозг человека обладает двумя отдельными системами для структурирования пространства вокруг тела человека: в пределах прикосновения рукой и вне пределов прикосновения рукой [7, с. 37]. Подобная особенность перцепции находит свое отражение в фразеосистемах сопоставляемых языков. Объект может находиться недалеко, за пределами личной сферы перцептора: белорус. *у трох / некалькіх кроках*, англ. *within two / a few steps away / away from / from to* со значением ‘недалеко’. Объекты на таком расстоянии уже не входят в ближайший дистанционный пояс наблюдателя, к ним уже невозможно прикоснуться, почувствовать их запах, но можно увидеть или дойти до них за небольшой промежуток времени: *Паўлюк аж задрыжаў: у трох кроках ад яго стаяў Сучынскі* (Я. Колас. Тоўстае палена) [НКРЯ]; *He stood in the dirt a few steps away, watching what would happen* («New Internationalist») [BNC] ‘Он стоял в грязи **в трех шагах** и наблюдал, что будет дальше’.

Белорусские и английские ФЕ с указанием на отдаленное расположение объекта употребляются с неактуальными предикатами *быць, жыць, знаходзіцца*, поскольку объект локализуется на границе или за пределами зрительного, слухового или обонятельного восприятия на максимальном отдалении от перцептора. Об этом свидетельствует и отсутствие соматизмов в структуре ФЕ этой группы: *Я ў чорта на кулічках жыву. Праводзіць мяне не трэба* (А. Асіпенка) [СФ 2, с. 654]; *Jack isn't happy about the idea of living in the middle of nowhere* [BNC] ‘Джек не в восторге от идеи жить **у черта на куличках**’. Отдаленное расположение образно связано с: 1) краем, границей: белорус. *на краі свету / зямлі* ‘очень далеко’, англ. *the world's end* (букв. ‘на конце света’) ‘очень далеко’, *at the ends of the earth* (букв. ‘на конце света’) ‘очень далеко’: *Дзе той Мінск? На краі свету* (У. Карпаў) [СФ 1, с. 597]; *Probably it was some final guest who had been away at the ends of the earth and didn't know the party was over* ‘Вероятно, это был какой-то последний гость, который находился **на краю света** и не знал, что вечеринка уже закончилась’; 2) задней частью объекта в английском языке: англ. *the back of beyond* (букв. ‘сзади загробной жизни’) со значением ‘очень далеко’. Английское слово *back* обозначает спину. Наблюдатель не может видеть спину человека, который стоит к нему лицом. Концептуальная обработка этого пространственного опыта позволяет наблюдателю обозначать словом *back* ‘спина’ невидимую, тыльную сторону любого объекта. В английских фразеологизмах *the back of beyond* слово *back* имеет значение ‘очень отдаленное место, глушь’: «*Why couldn't you just stay in the back of beyond?*», she said (S. Gallagher) [BNC] ‘Почему ты не мог просто остаться там, **в глуши?** – спросила она’; 3) зрительным восприятием в белорусском языке (*за вачыма* ‘далеко от дома, без присмотра’): *...Рос я гэтак за вачыма* (Ф. Багушэвіч); 4) слуховым восприятием в английском языке. Например, *a far cry from* (букв. ‘далекий крик’), *out of earshot* (букв. ‘за пределами слышимости’), *out of hail* (букв. ‘за пределами оклика’), *out of hearing* (букв. ‘за пределами слышимости’) со значением ‘далеко’: *Conchis was out of hearing* (J. Fowles. The Magus) [BNC] ‘Кончис был уже **далеко** (за пределами слышимости)’; 5) представителями фольклора и фауны в белорусском языке: *воран* (*воран касцей не*

занясе, где воран – символ связи с миром мертвых), камар (дзе камар козы пасе): Ды ці ж такую [кватэру] атрымаеш?! Дадуць дзе-небудзь у чорта ў зубах маламетражку, і будзь здароў... (М. Васілёнак); Аказалася, Грыша працуе ў чорта на рагах... (А. Асіпенка) [СФ 2, с. 654–655]; Але ж сюды і воран касцей яго не занясе! (Удовін сын) [НКРЯ]; – Пакуль старшынёй у Бронксе я, Том Д’юі не пераступіць гэтага парога. – Апынецца там, дзе камар козы пасе, – сказаў Дарсы і, ужо без увагі на спадара Лаенза, павярнуўся да майго брата (Д. Чарын); б) числительные *дзевяць* и *дзясяць*, что не свойственно английским фразеологизмам со значением ‘далеко’. В белорусской ФЕ за *трыдзевяць зямель* с указанием на очень удаленное расположение объекта *трыдзевяць* представляет собой сочетание двух числительных *тры* и *дзевяць*, а в белорусской ФЕ за *дзясятай гарой* со значением ‘очень далеко’ содержится порядковое числительное *дзясятая*: – На ваўкалака хочаце глянуць? – усміхнуўся адзін з вояў. – Дык нешта не чуваць яго. Мо спіць, а мо пабег за *трыдзевяць зямель* (Л. Дайнека. След ваўкалака) [НКРЯ]; Аб чым ні гавары за сталом, а думкі кожнага яшчэ беглі наўздагон за сябрамі, якія, мабыць, ужо за *дзясятай гарой* апынуліся (М. Машара) [СФ 1, с. 518].

Яркая внутренняя форма белорусских ФЕ со значением ‘далеко’ придает им экспрессивность, свидетельствует о мифологизированном восприятии белорусами удаленного местонахождения объекта, где царят сверхъестественные силы, что усиливает их отрицательную коннотацию. Английские ФЕ подгруппы с семантикой удаленного расположения объекта лишены коннотации и являются нейтральными: *nowhere near* (букв. ‘нигде поблизости’), *out of the way* (букв. ‘не на пути’), *miles away* (букв. ‘мили прочь’) со значением ‘очень далеко’: «*He’s nowhere near or he’d have heard that*», *said Lucy with a white face* (C. S. Lewis. *The Chronicles of Narnia*) ‘– Его **нет поблизости**, иначе он услышал бы нас, – сказала Люси, сильно побледнев’ [НКРЯ]. В английской фразеосистеме были выявлены шесть ФЕ, представляющих интересную информацию о переосмыслении пространственного опыта, связанного с указанием расстояния: *keep someone at arm’s length* ‘держат кого-либо на расстоянии вытянутой руки; держать кого-либо на почтительном расстоянии’, *keep someone at a distance* ‘держат кого-нибудь на расстоянии’, *keep a safe one’s distance* ‘держатся на значительном расстоянии’, *know one’s distance* ‘держатся на значительном расстоянии’, *keep out of the way* ‘держатся в стороне’ и *give someone or something a wide berth* ‘обходить, двигаться от кого-либо или чего-либо на значительном расстоянии’. Подобные ФЕ отражают необходимость соблюдения говорящим определенной дистанции с целью избежать опасности для жизни или соблюдения социокультурных норм: *The old lady kept the foreign visitors at a distance while they were here* [LDEI, с. 82] ‘Пожилая дама держала иностранных гостей на расстоянии в то время, когда они находились здесь’.

Пространственные и временные параметры знаковой системы общения определенного языкового сообщества являются объектом исследования проксемики (англ. *proximity* ‘близость’). Ее основатель, американский исследователь Э. Холл, вышел на новый уровень осмысления роли пространства в жизни человека [8]. В его концепции понимание расстояния при общении основано на принципе территориальности: каждая личность имеет свою определенную зону с четко очерченными границами в пределах того жизненного пространства, которое она разделяет с другими представителями вида. Размер этого пространства зависит от многих факторов: происхождения, культуры, личных предпочтений. При нарушении границы индивидуального пространства люди могут испытывать дискомфорт и неловкость. При слишком большом расстоянии общение может закончиться коммуникативной неудачей, под которой мы понимаем «недостижение инициатором общения коммуникативной цели и, шире, прагматических устремлений, а также отсутствие взаимодействия, взаимопонимания и согласия между участниками» [9].

Степень проникновения в личностное пространство говорящего других людей, по мнению Э. Холла, определяется культурными традициями. Западному языковому сообществу свойственна четырехкомпонентная модель личного пространства: интимная дистанция (0–0,5 м) для самых близких родственников, персональная дистанция (0,5–1,2 м) для неформальных контактов между друзьями, социальная дистанция (1,2–3,65 м) при рутинных социальных взаимодействиях (деловых переговорах, школьных уроках и под.), общественная или публичная дистанция (3,65 м и более) при одностороннем или анонимном общении (лекция). Наличие в английской фразеосистеме таких ФЕ, как *keep someone at arm's length, keep someone at a distance, keep a safe distance, know one's distance, keep out of the way and give someone or something a wide berth*, демонстрирует необходимость сохранения определенной дистанции между участниками общения и подчеркивает важность определения границ личного пространства в английской лингвокультуре. Отсутствие белорусских ФЕ с подобным значением свидетельствует о допущении меньшего расстояния при общении между индивидуумами.

ФЕ могут репрезентировать указание на несколько местонахождений объекта одновременно. Такое пребывание объекта указания в разных местах может быть: 1) постоянным (белорус. *<i>там і тут / <i>тут і там* [СФ 2, с. 508], англ. *here and there* – букв. ‘здесь и там’ – ‘в разных местах, во многих местах, везде’: *І там і тут акружаюць вёскі прыветлівыя, зялёныя ляскі* (І. Навуменка) [СФ 2, с. 508]; *We still have the Lord knows how many hydrogen bombs stored here and there, waiting for some madman to set them off* ‘Один только Бог знает, сколько водородных бомб хранится здесь и там в ожидании сумасшедшего, который их взорвет’; 2) периодическим, если объект указания то появляется, то исчезает из поля зрения, слуха или обоняния перцептора (белорус. *то там то тут*, англ. *here and there* ‘то в одном, то в другом месте’): *То там то тут пачыналіся стыхійныя мітынгі...* (С. Грахоўскі) [СФ 2, с. 508]; *They saw the dark smoke over Africa, and, here and there, through the smoke, the red, angry fires* [BNC] ‘Они видели темный дым над Африкой, то тут то там, сквозь дым, багровые смертоносные пожары ...’. В белорусских ФЕ периодичность передается частицей *то*, например: *То тут то там над імі ўзвышаліся дубы, ліпы або адзінокія сосны з шырокімі верхавінамі* (Я. Маўр. Палескія рабінзоны) [НКРЯ]. В английском языке – при помощи наречия *now* ‘сейчас’ (*After that for six days little smoke columns seemed to be sprouting up all over the forest, now here, now there, but only for an hour or two* [BNC] ‘Затем в течение шести дней небольшие столбы дыма, казалось, возникали по всему лесу, то тут то там, но только на час или два’) или выводится из контекста (*Here and there were strange unexplained heaps of stones on high places* (D. Clifford) [BNC] ‘То тут то там на возвышенных местах встречались странные горы камней’). Компонентами-лексемами белорусских и английских ФЕ этой подгруппы выступают действительные наречия, указывающие на пребывание объекта как в пределах личной зоны перцептора (белорус. *тут*, англ. *here*), так и за ее пределами (белорус. *там*, англ. *there*). Личная зона перцептора ограничена возможностями его зрительного поля (белорус. *куды ні кінеш вокам* ‘везде, сквозь, вокруг’, англ. *wherever you look* – букв. ‘куда ни глянешь’ – ‘везде, сквозь, вокруг’). Примеры: *І ўсё, куды ні кінеш вокам, – і шыр зямлі, і глыб нябёс у хвалях вечнага патока вязе прызначаны ім воз* (Я. Колас); *Wherever you look you can see helmets glinting in the sun, pennons waving in the breeze, the whole plain covered with horsemen* (J. Gillingham. «The Oxford Encyclopedia of Medieval Warfare and Military Technology») [BNC] ‘Куда ни бросишь взгляд, можно увидеть покрытую всадниками равнину, сверкающие на солнце шлемы, развевающиеся на ветру флаги’. Указание на повсеместность местонахождения объекта также создается лексемами-интенсификаторами: белорус. *кожны*, англ. *every* ‘каждый’: белорус. *на кожным кроку*, англ. *at every step* (букв. ‘на каждом шагу’), белорус. *на ўсіх скрыжаваннях*, англ. *on / at every street corner* (букв. ‘на каждом углу’), белорус. *што ні крок*, англ. *at every step*

(букв. ‘на каждом шагу’). В подобных ФЕ вместе с семой ‘езде’ присутствуют темпоральные семы ‘постоянно’ и ‘непрерывно’, что свидетельствует о тесной связи пространственных и временных характеристик – *езде* предполагает *всегда*. Это очевидно в следующих контекстах: *Nell noticed slight shadowy changes at every step* (J. Bedford) [BNC] ‘**На каждом шагу** Нелли замечала незначительные, едва заметные изменения’; *Хутка пра ваяжы Кузьмічова пачалі расказваць на ўсіх скрыжаваннях...* («Вожык») [СФ 2, с. 405].

Для английской фразеосистемы характерно выражение указания на местонахождение в разных местах семантикой ограничения. Так, англ. *from John o’Groat’s to Land’s End* (букв. ‘от севера Шотландии до края Земли’, где *John o’Groat’s* – ‘название полуострова, самого западного пункта Англии’), *from Dan to Beersheba* (букв. ‘от Дана до Вирсавии’, где Дан и Вирсавия – конечные географические пункты Израиля), *from coast to coast* (букв. ‘от одного морского побережья до другого морского побережья’), *from China to Peru* (букв. ‘от Китая до Перу’), *from pole to pole* (букв. ‘от полюса к полюсу’) имеют значение ‘езде, повсюду’. Предлоги *from* ‘от’ и *to* ‘к’ с делимитативной семантикой ограничивают участок пространства местонахождения объекта в отличие от белорусских ФЕ, где зона локализации объекта определяется только полем зрения перцептора (белорус. *куды ні гляне вока, куды ні глянь, куды ні кінеш вокам*): *From China to Peru the transistor radio has become as necessary a part of the furniture of human life as the cooking-pot* [ODCIE 2, с. 208] ‘**Повсюду** (от Китая до Перу) радиоприемник стал такой же неотъемлемой частью человеческой жизни, как и кастрюля’. В некоторых английских ФЕ указание на пребывание в разных местах передается ориентационными лексемами *left* ‘слева’, *right* ‘право’, *centre* ‘центр’, *side* ‘сторона, бок’ (*on all sides / every side, on either / every hand* – букв. ‘с каждой стороны’, *left, right and centre* – букв. ‘лево, право и центр’), что не характерно для белорусских ФЕ: *You’ll have to grab opportunities left, right and centre* (S. Holland) [BNC] ‘Вам придется **повсюду** хвататься за любые возможности’. Как правило, белорусские и английские ФЕ репрезентируют расположение объекта в разных местах в горизонтальной плоскости. Однако в английской фразеосистеме имеется ФЕ *high and low* (букв. ‘вверху и внизу’) с указанием на повсеместную локализацию объекта по вертикали. Это ФЕ содержит лексемы вертикального измерения *high* ‘высоко’ и *low* ‘низко’. *Везде* – это не только по всем сторонам (горизонталь), но и вверху, и внизу (вертикаль): *He’s [Otter] been missing for some days now, and the Otters have hunted everywhere, high and low, without finding the slightest trace* (K. Grahame. *The Wind in the Willows*) ‘– Его [Выдры] уже несколько дней нет, и домашние обшарили уже все **вдоль и поперек**, и даже ни единого следочка не нашли’ [НКРЯ].

Таким образом, для белорусского языка характерно преобладание зрительного восприятия по сравнению со слуховым в образно-мотивационной основе фразеологической объективации пространственного дейксиса и его преобладающая мифологизация. Английскому языку свойственно доминирование обонятельного восприятия в образно-мотивационной основе фразеологической репрезентации пространственного дейксиса и его преимущественная христианизация.

Список использованных источников

1. Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира: модели пространства, времени и восприятия / Е. С. Яковлева. – М. : Гнозис, 1994. – 343 с.
2. Вакк, Ф. О соматической фразеологии эстонского языка / Ф. Вакк // Вопр. фразеологии и составления фразеологических словарей / Ф. Вакк. – Баку, 1968. – С. 152–155.
3. Зайцава, Л. У. Саматычныя лексемы як кампаненты беларускіх і англійскіх фразеалагізмаў / Л. У. Зайцава // Беларуская фразеалогія і еўрапейскі моўны кантэкст : зб. навук. арт. : у 2 т. / Брэсц. дзярж. ун-т ; рэдкал.: М. М. Аляхновіч [і інш.]. – Брэст, 2009. – Т. 1. – С. 73–78.

4. Вайнтрауб, Р. М. Опыт сопоставления соматической фразеологии в славянских языках / Р. М. Вайнтрауб // Тр. Самарканд. гос. ун-та. Нов. сер. / Самарканд. гос. ун-т ; редкол.: Л. И. Ройзензон [и др.]. – Самарканд, 1975. – Вып. 288, ч. 9. – С. 157–162.
5. Minugh, D. «Why People Use Such Weird Expressions»: The Frequency of Idioms in Newspaper CDs as Corpora / D. Minugh // Corpora Galore: Analysis and Techniques in Describing English / ed. J. M. Kirk. – Amsterdam, 1999. – P. 57–71.
6. Подлеская, В. И. Лицом к лицу / В. И. Подлеская, Е. В. Рахилина // Логический анализ языка. Языки пространств : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М., 2000. – С. 98–107.
7. Kemmerer, D. «Near» and «Far» in Language and Perception / D. Kemmerer // Cognition. – 1999. – Vol. 73. – P. 35–63.
8. Hall, E. The Hidden Dimension / E. Hall. – N. Y. : Doubleday, 1966. – 211 p.
9. Виноградов, С. И. Культура русской речи [Электронный ресурс] / С. И. Виноградов [и др.]. – 2010. – Режим доступа : http://uchebnik-online.com/sodezhanie/textbook_22.html. – Дата доступа : 10.05.2012.

Источники с принятыми сокращениями

- НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruskorpora.ru>. – Дата доступа : 20.04.2016.
- СФ 1 – Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 2008. – Т. 1 : А–Л. – 672 с.
- СФ 2 – Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 2008. – Т. 2 : М–Я. – 704 с.
- BNC – The British National Corpus [Electronic resource]. – Oxford, 2010–2012. – Mode of access : <http://www.natcorp.ox.ac.uk>. – Date of access : 14.05.2015.
- RiversoContext [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.context.reverso.net>. – Date of access : 18.03.2016.
- LDEI – Long, Th. H. Longman Dictionary of English Idioms / Th. H. Long. – London : Longman, 1987. – 387 p.
- ODCIE 2 – Cowie, A. P. Oxford Dictionary of Current Idiomatic English / A. P. Cowie, R. Mackin, I. R. McCaig. – Oxford : Oxford univ. press, 2000. – 685 p.

The article is devoted to the analysis of phraseological representation of spatial deixis in the Belarusian and English languages in Belarusian and English with the identification of the common and specific features.

Keywords: phraseological unit, spatial deixis, mythologization, christianization.

УДК 811.161.1'42:398.9

Е. Ф. Асенчик, С. Н. Бойкова

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМА ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ

Объектом рассмотрения в статье является фразеологизм «лебединая песня», предметом – особенности его функционирования в современном русском языке в художественном и публицистическом дискурсах (на материале Национального корпуса русского языка) и в так называемом внеязыковом пространстве (на основании анализа наименований кондитерских изделий, сортов растений и т. п.)

Ключевые слова: фразеологизм, внутренняя форма, контаминация, функционирование.

Выражение *лебединая песня* прочно вошло в лексикон современного человека, однако на вопрос, а слышали ли вы когда-нибудь, как поет лебедь, многие ответить затрудняются, и не без оснований.

Лебедь – это крупная водоплавающая перелетная птица семейства утиных с длинной, красиво изогнутой шеей, мощными крыльями и белым (реже серым или черным) оперением. Внешние красота и изящество послужили причиной того, что в народной традиции лебедя называли царем всей водоплавающей птицы. Образы серых гусей и белых лебедей широко распространены в народных свадебных песнях: в них жених нередко ассоциируется с гусем, а невеста – с лебедем, или *лебедью* (в народнопоэтической традиции слово имело форму женского рода).

Сакральность мифологических и сказочных гусей-лебедей связана, очевидно, с их способностью (как и всех водоплавающих птиц) обитать в трёх стихиях – в воздухе, воде и на суше, в связи с чем они нередко играют роль проводников в иные миры.

Как видим, причин стать частью легенды у этих птиц было достаточно. Если же отвлечься от мифов и обратиться к реальности, то в справочниках по зоологии мы найдём информацию о лебеде семи видов, наиболее известным из которых в Европе является лебедь-шипун. Назван он так из-за звука (резкого шипения), издаваемого при раздражении. Петь эти лебеди не умеют.

Способности петь лишён и лебедь другого вида, наиболее часто встречавшийся на территории Древнего Рима и Древней Греции – лебедь-кликун, получивший своё название за громкие трубные крики, тоже мало напоминающие божественное пение.

Впервые упоминание пения лебедей встречается в одном из произведений легендарного баснописца Древней Греции Эзопа (VI век до н. э.): «Говорят, что лебеди поют перед смертью» [1]. Выражения *лебединая песня* в привычной нам форме здесь ещё нет – есть репрезентация ситуации, поэтического предположения, обобщения: если эта птица так красива и так мифологически маркирована, значит, ей обязательно должен быть дан и *голос*, но проявляется он, видимо, только в особой (критической) ситуации.

Следующим, кто заговорил о поющем лебеде, был древнегреческий драматург Эсхил (ок. 525 до н. э.), у которого героиня трагедии «Агамемнон» Клитемнестра сравнивает предсмертные слова Кассандры с криком лебедя-кликун: «Та, которая, подобно лебедю, пропела свою последнюю жалобную, смертную песню» [1].

В Древнем Риме этот образ был не менее популярен: известный оратор Цицерон в своем сочинении «Об ораторе» так пишет о речи, которую произнес Лициний Красс за мгновение до смерти: «Это было подобно *лебединой песне*» [1]. Среди лингвистов бытует мнение, что именно после Цицерона выражение *лебединая песня* (и варианты *лебединая песнь*, *лебединый голос*) приобретает статус устойчивого.

В современном русском языке фразеологизм *лебединая песня* имеет значение ‘последнее высшее достижение, последнее проявление таланта, способностей. Имеется в виду, что созданный лицом (*X*) предмет – произведение искусства, литературное произведение (*Y*) или осуществленное дело (*P*) стали последними яркими и значительными событиями в жизни или деятельности *X-а* или оцениваются говорящим как таковые’ [2, с. 441].

Компоненты значения, заложенные в подобном определении рассматриваемого устойчивого сочетания, базируются на слове *последний* и имеют несколько вариантов развития: во-первых, *лебединая песня* может обозначать «вообще последнее проявление какой-либо деятельности (вовсе не являющейся ни проявлением таланта, ни каким-нибудь произведением)» [3].

Во-вторых, фразеологизм употребляется в значении наиболее яркого именно творческого свершения, что мы нередко и наблюдаем в языке.

И в-третьих, творческое свершение может оказаться последним не просто в какой-то определенной деятельности, а последним в жизни вообще, т. е. предсмертным,

что как раз и основано на народном поверье о возможности лебедя петь только один раз в жизни – перед смертью. Чаще всего, конечно, бытование фразеологизма в речи объединяет все оттенки значения в одном.

Рассмотрим особенности употребления фразеологизма в современном русском языке на материале текстов, представленных в Национальном корпусе русского языка [4]. Большинство примеров отражают нормативное использование фразеологизма, т. е. употребляются в рамках тех вариантов значения, которые перечислены нами выше: *Тогда, перед запуском, подумалось: «Вот он, последний взлет. Капитан Филин поет лебединую песню!»* (Николай Черкашин. Полет «на полный радиус» (1984)); *Пardon? Лебединая песня? Что? Какой еще бес в ребро?* (И. А. Бродский. Мрамор (1982)); *Подробнее о том, как Роскомнадзор отстоял право заблокировать социальную сеть, читайте в материале «Ъ» «Лебединая песня LinkedIn»* (Ольга Голодец: блокировка LinkedIn не изменит ситуацию на рынке труда в России // Коммерсант, 2016.11.11); *«Лента. ру» выясняла, что ждет российский авторынок после его лебединой песни в конце года* (Ольга Сенаторова. Полцарства за коня // lenta.ru, 2014.12.17); *Победа сборной Италии в 2006 году стала лебединой песней замечательного поколения игроков* (Ступайте царствовать // lenta.ru, 2014.09.04); *Это была моя «лебединая песня» в танцах на льду* (Наталья Седых: Я и в жизни была Настенькой из «Морозко» // Комсомольская правда, 2002.05.11); *Так позволила великодушная судьба большому художнику пропеть перед гибелью две прекрасные лебединые песни, какими оказались мейерхольдовские «Дама с камелиями» и «Пиковая дама»* (Юрий Елагин. Укрощение искусств (1952)); *Мне, например, пора петь лебединые песни, но и они не поются: я умираю и без них* (А. И. Батюто. Дневник (1937)); *Он назвал свою последнюю скрипку, выпущенную в год смерти, «лебединой песней»* (М. П. Лоскутов. Портрет скрипичного мастера (1936)); *Здесь пела свою лебединую песню умирающая Россия* (Г. И. Чулков. Годы странствий (1930)).

Как видно из приведенного языкового материала, значение фразеологизма нередко усиливается в контексте употреблением слов, словосочетаний и фразеологизмов с синонимичным значением: *последний, пропеть перед гибелью, пора петь, в год смерти, умирающая, бес в ребро* и др. Некоторые тексты содержат прямое указание на происхождение фразеологического значения словосочетания: *Лебедь поёт только перед смертью, и песнь его неизъяснимо сильна. Это была лебединая песня его. Мне стало стыдно моего низкого чувства, но не завидовать ему я не мог. – О, если бы я мог создать такую песню!* (А. М. Федоров. Стихи (1910)).

С течением времени содержание фразеологизма расширяется: в текстах встречаются как примеры сознательного отхода от установившегося значения, так и факты нарушения нормы, связанные, видимо, с незнанием исконной семантики фразеологизма.

Интересный пример семантической и грамматической контаминации двух устойчивых выражений (рассматриваемого нами *лебединая песня* и фразеологизма *заводить свою шарманку* в значении ‘много раз возобновлять один и тот же разговор’) можно наблюдать в газетной публикации «Не съдайте белых лебедей!»: *Кроме лебедей, в хмельницком парке есть индюк Гришка, два десятка цесарок, дикие гуси, утки. Но местным гурманам почему-то приглянулись именно лебеди.*

– Там и есть-то особенно нечего! – заводит свою лебединую песню Анатолий Федорович. – Одни кости да сухожилия. Остальное – пленки, желудок с камушками и печень. Она-то для человека может быть опасна – вся гадость там сидит. А вот не гнушаются...» (Не съдайте белых лебедей! // Комсомольская правда, 2001.05.16).

Ещё один вариант контаминации – *наступить на горло лебединой песне*: *На сегодняшний день последняя линия обороны – хирургическая помощь.<...> И если вес начинает угрожающе расти, все поправимо, потому что «устройство» остается там, куда его поставили. И никогда не поздно наступить на горло «лебединой песне»*

(Наступи на горло «лебединой песне»! // Труд-7, 2001.03.26). *Лебединая песня* в данном выражении явно имеет значение, далекое от нормативного, и появляется это словосочетание в газетной статье исключительно благодаря контексту *последняя линия обороны*, но тогда неясно, почему этой *лебединой песне* нужно *наступить на горло* (т. е. прекращать необходимое в данном случае действие). Возможно, имеется в виду регулировка внутрижелудочного баллона, описываемого в тексте, который можно то делать больше, накачивая в него воздух, то уменьшать.

Если рассматривать фразеологизм как единицу некоего языкового, культурного кода, то, глядя на использование выражения *лебединая песня* в современном языковом пространстве, приходится признавать определенное разрушение этого кода либо создание нового, базирующегося на потере связи с внутренней формой фразеологизма и «выводящего на поверхность» реальное значение словосочетания. Современные носители языка не задумываются о глубинной семантике, которая требует определенных экстралингвистических знаний, а встраивают свое восприятие выражения в понятную для них картину мира: многие птицы хорошо поют, а лебедь – птица, к тому же, очень красивая, значит, и петь она должна красиво.

Пример непонимания значения фразеологизма описан уже К. Г. Паустовским в 1963 году в «Книге скитаний»: *«К нам, – говорил он, – приехал академик, “золотое перо”. Он напишет о Колхиде свою лебединую песню». Я не мог опровергать Нодию, – он был так добродушен, что язык не поворачивался возражать ему. К тому же я понимал, что «академик», «золотое перо» и «лебединая песня» – это только обязательные цветы застольного красноречия* (К. Г. Паустовский. Повесть о жизни. Книга скитаний (1963)).

Судя по собранным нами языковым фактам нынешней реальности, выражение *лебединая песня* в современном русском языке приобрело значение ‘что-то очень нежное, красивое’. Так, гомельская кондитерская фабрика «Спартак» долгое время выпускала карамель «Лебединая песня» с так называемой сбивной начинкой, т. е. очень нежной консистенции. Шоколадные конфеты «Лебединая песня» выпускает в настоящее время ООО Ирбис (г. Николаев, Украина). Многочисленные кулинарные сайты предлагают рецепты тортов и десертов под аналогичным названием (десерт «Шоколадная лебединая песня с меренгами» (orange-traveler.com), торты на сайтах Кухарка.ру, Oazistort.ru, Tort-zakaz.ru; заварные пирожные (сайт rovarenok.ru)). На сайте «Хенд мейд магазин» продают кольцо «Лебединая песня» из горного хрусталя. Доставку цветов и букетов в Минске, Бресте, Гродно, Гомеле, Витебске, Могилеве и других городах Беларуси осуществляет салон цветов «Vuketik.by», предлагающий составить для вас свадебный букет «Лебединая песня» – *белый, ароматный, нежный, воздушный и очень изящный*. Клуб органического земледелия (г. Киев) предлагает на продажу сорт мяты «Лебединая песня», который на сайте описывают так: *у этого сорта особенно нежный аромат эфирного масла*. На сайте Goods.ru к Новому году предлагают «белый набор ёлочных игрушек ручной работы с художественной росписью “Лебединая песня”».

Таким образом, мы видим, что в языковом пространстве конца 20 – начала 21 вв. семы ‘нежный’ и ‘белый’ выходят на первый план, и это кардинальным образом меняет как коннотацию фразеологизма *лебединая песня*, так и сферу его использования.

Список использованных источников

1. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/1336/Лебединая. – Дата доступа : 23.10.2020.
2. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.

3. Шварцкопф, Б. С. Лебединая песня [Электронный ресурс] / Б. С. Шварцкопф. – Режим доступа : http://gramota.ru/biblio/magazines/tr/28_558. – Дата доступа : 23.10.2020.

4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/new/>. – Дата доступа : 21.10.2020.

The object of consideration in the article is the phraseological unit “swan song”, the subject is the peculiarities of functioning in the modern Russian language in artistic and journalistic discussions (based on the materials of the Russian National Corpus) and in the so-called extra-linguistic space (based on the analysis of the names of confectionery products, plant varieties, etc.

Keywords: phraseological unit, internal form, contamination, functioning.

УДК 811.161.1'42:398.92:2

А. Д. Бакина

К ВОПРОСУ О БИБЛЕЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Статья отражает рассуждения автора о необходимости привлечения современных научных тенденций, а также мультидисциплинарного подхода к исследованию фразеологии при внимании к задачам и методам изучения ее отдельного пласта – библейской фразеологии. В статье обсуждается проблема рассмотрения библейской фразеологии с позиции теории интертекстуальности, а также исследуется «прецедентная природа» фразеологизмов библейского происхождения с учетом структурно-семантических и прагматико-функциональных особенностей библеизмов.

Ключевые слова: библейская фразеология, фразеологизмы библейского происхождения, библеизмы, библейские тексты, интертекстуальность, прецедентные феномены.

Необходимость выделения ключевых проблем и вопросов славянской фразеологии обуславливается стремлением получить ясное представление о поступательном развитии фразеологической науки, ее задачах, концепциях и теориях в диахронии и синхронии, в том числе об инновационных подходах к изучению фразеологических единиц, в частности фразеологизмов библейского происхождения, непосредственно об объекте исследования, структуре и функциях библеизмов, их классификациях, проблеме системности во фразеологии и, наконец, о признаках системности библеизмов, а именно семантической модификации прототипа, символического переосмысления библейских фразеологизмов, их вариантности, их принадлежности к тематической группе, связи их функционирования [1]. Сегодня исследования фразеологии ведутся в русле как традиционного классического понимания задач и проблем науки, так и современных научных тенденций. Невозможно постичь азы и саму суть фразеологической науки без подробного знакомства с работами и положениями отечественных и зарубежных лингвистов в области изучения следующих частных проблем общей фразеологии и библейской фразеологии: грамматические особенности и структурные типы фразеологических единиц; семантика фразеологических единиц; их стилистическое функционирование; лингвокультурологическая специфика фразеологии; функционально-коммуникативная характеристика фразеологических единиц; сопоставительное изучение фразеологии родственных языков и мн. др.

В этом отношении заметим, что комплексный междисциплинарный подход к исследованию фразеологизмов библейской этимологии представляется наиболее

адекватным и необходимым, вследствие сложности и многомерности объекта изучения. В качестве базовых работ выступают труды отечественных и зарубежных лингвистов по теории текста И. Р. Гальперина, Ю. М. Лотмана, В. А. Лукина, Н. В. Петровой, В. Г. Адмони, В. З. Демьянкова, Ю. Н. Караулова, Ю. Н. Земской, Н. П. Пешковой, И. Г. Кошевой, Т. В. Милевской, Н. В. Шевченко, Е. И. Дибровой, И. М. Кобозевой, Е. С. Кубряковой, включая обсуждение проблемы интертекстуальности в работах Р. Барта, М. М. Бахтина, Ю. Кристевой, Е. А. Козицкой, Ю. П. Солодуб, Н. А. Фатеевой, В. Е. Чернявской и др.; в области фразеологии В. Л. Архангельского, Ж. Багана, Ш. Балли, В. В. Виноградова, В. Г. Гака, В. фон Гумбольдта, В. П. Жукова, А. В. Кунина, В. М. Мокиенко, Ю. П. Солодуба, Ю. С. Степанова, И. А. Стернина, В. Н. Телия, А. А. Уфимцевой, Т. Н. Федуленковой, в частности в рамках лингвокультурологического направления: Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова, Вяч. В. Иванова, Б. А. Успенского, Ю. С. Степанова, В. И. Постоваловой; в лексической семантике Ю. Д. Апресяна, И. М. Кобозевой, в когнитивной и концептуальной лингвистике Ю. Н. Караулова, Е. С. Кубряковой, В. З. Демьянкова, А. Д. Шмелева, Е. Г. Беляевской и др.

В то же время разработка вопросов когнитивной лингвистики позволила по-новому взглянуть на проблемы современной фразеологии. Сегодня можно отчетливо наблюдать смену научной парадигмы и, как результат, отметить «антропоцентрический характер исследований, связанный со стремлением изучить коммуникативное предназначение фразеологизмов и описать всю палитру информации, несомой фразеологическими единицами» [2, с. 160]. Без исследования вопроса о наличии в основе значений фразеологических единиц когнитивных структур, знание которых ассоциируется с определенными концептами (т. е. фреймов), трудно представить современную теорию фразеологической семантики, основы которой были заложены В. П. Жуковым, В. Л. Архангельским, В. М. Мокиенко. Фреймовый анализ служит одним из вспомогательных средств изучения специфики семантики библеизмов и их функционирования. Отбор говорящим фразеологизма, наиболее отвечающего условиям той или иной коммуникативной ситуации, происходит с учетом когнитивной природы фреймов.

Обращаясь непосредственно к проблеме изучения фразеологических единиц библейского происхождения, под которыми понимаются «устойчивые, воспроизводимые в речи сочетания слов или предложения с полностью или частично переосмысленным значением, возникшие на основе библейского прототипа и восходящие к тексту Библии или библейскому сюжету» [1, с. 23], отметим, что к отличительным характеристикам библейских текстов относятся многоплановый культурно-исторический контекст, универсальность (содержания текста), интертекстуальность / гипертекстуальность, метафоричность / символичность, размытость понятий и неявность выражения смысла. Спецификой текста Библии является также то, что вследствие нечеткости и неявности плана содержания, в то же время его универсальности, процессы восприятия и механизмы понимания и интерпретации библейских текстов, а значит, осмысления семантики фразеологических единиц библейской этимологии, сугубо индивидуальны и комплексно сложны с учетом включения в исследование понятия «сознания» индивидуума. Библейский фразеологизм может определяться как восходящая к Библии фразеологическая единица, обладающая рядом характеристик, как-то: воспроизводимость, семантическая и структурная устойчивость, метафоричность и экспрессивность. Принято также говорить о стилистической и семантической маркированности библейских фразеологизмов как отличительных чертах.

На наш взгляд, одним из активно развивающихся подходов к исследованию фразеологических единиц библейской этимологии является их аналитико-контекстуальное описание с позиции теории интертекстуальности. В этом случае будем

оперировать такими понятиями, как *текст*, *интертекст*, *текстуальность* и обратимся к текстовой категории «*интертекстуальность*». Среди современных подходов к изучению текста можно выделить грамматический анализ текста как совокупности единиц, больших, чем предложение; культурологический анализ текста как комплексного явления культуры; коммуникативный подход к тексту как единице общения, с учетом ситуативных характеристик общения; структурный анализ текста как целостного явления; типологический анализ текста, направленный на установление текстотипов как универсальных моделей текста; категориальный подход к тексту. Эти подходы взаимопересекаются и позволяют рассмотреть текст с различных точек зрения [3]. Мы рассматриваем текст как некое структурированное по определенным законам единство, состоящее из языковых единиц – предложений, объединенных между собой и образующих более крупные единицы – сверхфразовые единства (СФЕ), тематические отрезки текста и др., служащие для передачи определенного законченного содержания, отвечающего целям коммуникации» [4, с. 38].

Основной проблемой лингвистики текста считается вопрос о том, какую последовательность знаков можно назвать текстом, в этом смысле говорят о важном свойстве текста – текстуальности (ее критериями служат цельность, связность), а также об интертекстуальности, понимаемой как глобальная категория текста, которая является конституирующей составляющей, обеспечивающей возможность объединения текстов в тексты, и означает «наличие определенных формальных и семантических отношений между данным текстом и другими текстами» [5, с. 264]. И текстуальность, и интертекстуальность являются основополагающими принципами, присущими каждому тексту, т. е. автор любого текста может сознательно сослаться на другие конкретные тексты, это может происходить и бессознательно. Но не всегда автор может быть уверен в том, что реципиент информации в состоянии адекватно интерпретировать или идентифицировать эти «сигналы» интертекстуальности, в чем заключается особая прагматическая специфика данной категории. Явление интертекстуальности исследовалось отечественными и зарубежными лингвистами с различных позиций. Межтекстовые связи рассматривались с точки зрения оппозиций «текст – фрагмент текста» (Ж. Женетт, Р. Д. Тименчик, Д. Чандлер), «текст – контекст» (Е. М. Форстер, М. Шлегал, Т. С. Элиот), «текст – сверхтекст» (Г. В. Битенская, Н. А. Купина, Э. Латур), «текст – система языка» (В. Н. Базылев, Р. Барт), «текст – культура» (Ж. Деррида).

Таким образом, с точки зрения интертекстуальности каждый новый текст рассматривается как некая реакция на уже существующие тексты. Сложность и многоаспектность вопроса, связанного с местом и ролью «чужого слова» в тексте, объясняет существование разных подходов к исследованию этого явления. Всего их три: *структурный, коммуникативный и лингвокультурологический*.

Последователи структурно-функционального подхода (М. И. Булах, И. Р. Гальперин, К. Н. Даирова, О. Г. Москальская) основное внимание уделяют структурной организации, исследуя способы соединения интертекстуальных элементов с авторскими словами, классифицируя семантические компоненты комплекса, вводящего текстовую реминисценцию, и выделяя основные семантические типы «чужого слова». В этом подходе существование текста в тексте рассматривается как возможное средство структурно-композиционной организации текста, обеспечивающее его формально-содержательную связность.

Представители коммуникативного подхода (В. П. Андросенко, Г. С. Салова, В. Е. Чернявская) структурно-семантическое описание «чужого» слова в «своем» связывают с той коммуникативной задачей, на решение которой направлен межтекстовый перенос текстового заимствования. Устанавливается связь содержательных характеристик процесса апеллирования к ранее созданным текстам (информативность,

модальность, контекстуальная обусловленность смысла, интерпретируемость) с коммуникативными обстоятельствами общения. Наконец, представители лингвокультурологического подхода (Ю. М. Лотман, З. Г. Минц, Г. Майер) определяют «чужое слово в своем» как «культурный символ», «знак цитируемой культуры». Понимание «текста в тексте» как носителя определенной культурной информации основано на анализе совокупности фоновых знаний адресата, выявлении культурно, социально и исторически важных для данного языкового коллектива аспектов, определении и соотнесении жанрово-стилистической дифференциации принимающего текста и текста-источника.

В рамках вышесказанного отметим, что интертекстуальный потенциал библеизмов достаточно силен и обуславливает возможность их рассмотрения в ракурсе теории интертекста при внимании к интертекстуальности как одному из неотъемлемых свойств текста, позволяющему текстам «перекликаться» (Е. А. Козицкая), новым текстам базироваться на старых, текстам объединяться в тексты (Ю. М. Лотман), наконец, текстам создавать вертикальный контекст и осуществлять «глобальный диалог» (М. М. Бахтин).

В этом отношении специфика семантики библейского фразеологизма будет обуславливаться как «семантической нагрузкой», полученной из своего первоисточника (библейского текста), так и семантическим приращением, которое библейский фразеологизм получает в новом контексте. При этом и структурные изменения библеизма – не исключение, а прием их «приспосабливаемости» к новому контекстному окружению.

Таким образом, с учетом структурно-семантической специфики фразеологизмов библейской этимологии можно говорить об особенностях их функционирования, обусловленных их прагматической направленностью. Сравн., напр.: «Они становятся действенным средством для достижения автором высказывания своих практических целей, и немалую роль здесь играет контекст. Он позволяет более полно раскрыть значение фразеологических единиц. Поэтому одной из проблем изучения функционирования БФЕ в тексте является проблема раскрытия особенностей контекстуального использования этих единиц, их узуального иokkaзионального использования» [1, с. 24–25].

Еще одним ракурсом рассмотрения и изучения структуры, семантики и специфики функционирования библейских фразеологизмов является лингвистическая теория прецедентности. Проблема прецедентности культурно значимых текстов, постоянно воспроизводящихся и репродуцируемых носителями языка, получила наиболее глубокое освещение в трудах таких ученых, как Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, В. В. Красных, М. М. Маковский, С. Г. Тер-Минасова, Г. Г. Слышкин, Н. Д. Бурвикова, Е. А. Земская, Ю. Н. Караулов, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко и др. Тем не менее, современное состояние проблемы остается острым, а дискуссионный характер большинства вопросов дает возможность вырабатывать новые подходы и концепции, уточнять понятийно-терминологический аппарат, разрабатывать новые методы и приемы, методики для исследования прецедентных феноменов. Согласно тезису А. Е. Супруна, информацию, знания о мире человек черпает из текстов, ранее созданных и составляющих культурно-языковой фонд «прецедентных» текстов. Прецедентные тексты в своей совокупности представляют определенную базу знаний, источник информации, национально-культурный фонд, к которому обращаются авторы новых текстов или просто коммуниканты. В процессе обращения к такого рода текстам участники коммуникации извлекают из них некоторые отрывки (фрагменты), узнаваемые большинством собеседников. Употребление в тексте (речи) воспроизводимого отрезка вызывает у адресанта определенные ассоциации, связанные с ситуацией, автором и персонажем из ранее созданного отрывка.

Эти фрагменты А. Е. Супрун называет «текстовыми реминисценциями», т. е. «отсылками к более или менее известным ранее созданным текстам в составе более позднего текста» [6, с. 17].

Библию называют Книгой книг, она есть самый значимый прецедентный текст. «Уникальный по длительности своего существования и времени воздействия на все сферы культуры текст Библии не теряет своего прецедентного значения, живёт в сознании миллионов носителей европейской и мировой культуры и бесконечно воспроизводится на разных языках» [4, с. 11].

Важно отметить и то, что дальнейшее изучение библейской прецедентности несомненно будет опираться на достижения в области когнитивной лингвистики. Выступая в роли прецедентного феномена, собрание сакральных текстов характеризуется культурным универсализмом. Сравн.: «Библейская прецедентность – это динамический конструкт, реализующийся в бесконечном множестве вариантов, пронизывающий различные дискурсы, оказывающий влияние на всю мировую культуру.... Библейский прецедентный феномен представляет уникальное образование, способное к бесконечному динамическому варьированию» [7, с. 3].

Таким образом, развитие фразеологической науки, возникшей как самостоятельная дисциплина сравнительно недавно и активно изучающей фразеологические единицы с позиции «системоцентризма», привело к «антропологическому повороту», диктующему новые ракурсы рассмотрения проблем фразеологии (в частности, библейской фразеологии), такие как теория интертекстуальности, лингвокультурология, лингвистическая прецедентность.

Список использованных источников

1. Федуленкова, Т. Н. Лекции по английской фразеологии библейского происхождения: учеб. пособие / Т. Н. Федуленкова. – М. : Изд. дом Академии Естествознания, 2016. – 146 с.
2. Гусельникова, О. В. Когнитивный аспект изучения фразеологии / О. В. Гусельникова // Актуальные вопросы филологии и лингвистики : научный журнал. – 2009. – С. 155–162.
3. Бакина, А. Д. Специфика семантики цитаты (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. Д. Бакина. – Орел, 2007. – 23 с.
4. Реферовская, Е. А. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте / Е. А. Реферовская; отв. ред. А. В. Бондарко; АН СССР, Ин-т языкознания, Ленингр. отд-ние. – Л. : Наука, 1989. – 165 с.
5. Кронгауз, М. А. Семантика : учебник для вузов / М. А. Кронгауз. – М. : Рос. гуманитар. ун-т, 2001. – 399 с.
6. Супрун, А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление / А. Е. Супрун // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 17–28.
7. Орлова, Н. М. Библейский текст как прецедентный феномен : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Н. М. Орлова. – Саратов, 2010. – 51 с.

The article reflects the author's reasoning on the necessity to involve modern scientific trends, as well as a multidisciplinary approach to the study of phraseology with attention to the tasks and methods of studying its separate layer – biblical phraseology. The article discusses the problem of considering biblical phraseology from the standpoint of the theory of intertextuality, and also examines the “precedent nature” of phraseological units of biblical origin, given the structural-semantic and pragmatic-functional features of biblical phraseological units.

Keywords: biblical phraseology, phraseological units of biblical origin, bibleisms, biblical texts, intertextuality, precedent phenomena.

Д. Б. Балаш, Е. И. Холявко

КАИНОВА ПЕЧАТЬ: СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМА

В статье анализируются семантические и прагматические связи фразеологизма «каинова печать». Работа выполнена на материале Национального корпуса русского языка, лексикографических источников. Для семантической реконструкции привлечены этнокультурные факты. Концептуальное наполнение исследуемого современного фразеологизма можно считать генетически обусловленным.

Ключевые слова: Библия, Каин, библеизм, фразеологизм, сема, семантика.

Возраст Библии приближается к трем тысячам лет, но она не стареет, не превращается в музейный экспонат. Напротив, Библия обладает способностью уходя – возвращаться, умирая – возрождаться, замолкая – говорить с новой вещью силой. Еще Франциск Скорина в предисловии к печатному переводу Библии отмечал: «В сей книзе всее прироженное мудрости зачало и конець... В сей книзе вси законы и права, ими же люди на земли справоватися имають, пописаны суть. В сей книзе вси лекарства, душевные и телесные, зуполне найдете» [1, с. 5].

Чтобы действительно найти в Библии «все душевные и телесные лекарства» – ответы на трудные вопросы, которые задает нам жизнь, – необходимо стать знающим читателем. Вопрос о вере и неверии каждый задает себе сам и ответ находит сам, но даже простое знание библейских сюжетов, названий, имен станет ключом, который откроет доступ к богатейшему духовному пласту мировой культуры.

Фразеологизмы библейского происхождения в современной русской речи представляют богатый материал для исследования. В данной работе ставится цель реконструкции семантических связей одного из устойчивых сочетаний, связанных с текстом Библии, – *каинова печать*. Эквивалентный фразеологизм не встречается в Священном Писании, но указание на принадлежность печати Каину отсылает именно к этой Книге.

В Библии сказано, что Каин – первый рожденный ребенок первых созданных Богом людей – Адама и Евы. Каин – первый убийца. За убийство брата Бог проклинает Каина и осуждает на изгнание. Каин боится, что его самого тоже могут убить, но Бог говорит, что всякому, кто убьет Каина, отомстится всемеро, и дает знамение (некий внешний признак), чтобы никто не убил Каина. Поселившись в земле Нод, Каин стал основателем первого в истории человечества города, названного по имени старшего сына – Енох. Среди потомков Каина были Иавал – первый кочевник-пастух, Иувал – первый музыкант и Тувалкаин – первый кузнец [2].

Характер и культуру потомков Каина во многих современных электронных словарях объясняют переводом этого имени с еврейского языка: евр. *qajin*, от арамейского и арабского корня *qjn*, ‘ковать’ [3; 4; 5]. В «Этнографическом словаре» зафиксировано *каин* как ‘вид одежды у народов Юго-Восточной Азии’. Это полотнище (до 2,5 м), обертываемое вокруг пояса, достигающее колен или щиколоток. Такая рабочая одежда используется кузнецами или плотниками [6].

В словарях XVII–XIX вв. нет упоминаний о каиновой печати. Информация о самом Каине есть в «Толковом словаре...» В. И. Даля (1863–1866), но очень коротко и без контекстов: *Каин, каинка* – бранное ‘самый наглый сорванец, отчаянная голова, готовый на все’ [7]. Вероятно, в народе имя *Каин* было табуировано и заменялось генетически родственными *окаанный* или *отчаянный*. Оба эвфемизма вобрали всю полноту характера Каина и отношения к нему окружающих [8; 9, т. 36, с. 172].

Лексикографические источники конца XX – начала XXI вв., начиная с «Атеистического словаря» под общ. ред. М. П. Новикова (1986) и до ближайшего к нам по времени «Универсального дополнительного практического толкового словаря» И. Мостицкого (2005–2012), с разной степенью подробности сообщают о том, что данное выражение восходит к Библии, употребляется в значении ‘отпечаток, след, внешние признаки преступности’, ‘клеймо преступления’. Во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» А. И. Фёдорова (2008) дан пример употребления: *[Теперь] люди меня боятся, «убийцем» зовут, а тогда я всё одно как младенец был, печати этой каиновой на мне ещё не было* (Короленко. Убийца) [5]. Обратим внимание на то, что этот контекст относится к последней четверти XIX века, так как рассказ «Убийца» был опубликован В. Г. Короленко в 1885 г.

Оттенки значений и более современные контексты приведены в «Большом фразеологическом словаре русского языка» В. Н. Телия. При употреблении выражения *каинова печать* подразумевается совершение поступков, обладание характеристиками, которые отвергаются обществом. Имеется в виду, что лицо или группа лиц (X), реже – организация (Z) отмечены очевидными признаками осуществленных ими ранее предосудительных действий или признаками тех качеств (P), которые заставляют окружающих избегать X-а (Z-а). Говорится с неодобрением; реч. стандарт. P – *каинова печать* [X-а <Z-а>]: *Возрождение компартии давно вызывало у лидеров «Гражданского союза» сильную мигрень. На купцовское предложение заключить союз могут быть два ответа – и оба для ГС оказываются плохими. В случае согласия утрачивается политическая идентичность и внезапно реализуются упреки радикалов в том, что ГС имеет на себе каинову печать КПСС* (Коммерсантъ-Daily) [5].

Автор также приводит контекст, который дает отсылку к Библии, но не к первой книге – Бытие, где говорится о Каине и его преступлении, а к последней – «Апокалипсис», где речь идет о печати, которую в последние дни будут ставить всем людям в знак подчиненности антихристу (сатане): *Пусть теперешний ИИИ в том виде, в каком он пока ещё есть, не каинова печать, но он – ИИИ – первый к этой каиновой печати шаг* (Новый Петербург, 2001) [5]. Это тоже печать преступления – предательства, потому что люди будут добровольно отказываться от Бога.

По данным Национального корпуса русского языка, фразеологизм *каинова печать* представлен в 10 документах 14 раз [10]. Контексты второй половины XX – начала XXI вв. представляют то же разнообразие значений: ‘отпечаток в душе, неприязнь, сожаление’, ‘отпечаток/примета времени’, ‘печать убийцы’, ‘печать предателя’, ‘печать проклятия, в том числе передающаяся по наследству’. Приведем размышления в рамках одного произведения: *Но если на нас Каинова печать, то что она такое? Скажи! – Каинова печать – это когда ты, человек, убегаешь от преступлений, содеянных твоим родом, но не можешь убежать никогда... <...> Каинова печать – это когда человек убегает от себя; убегает вечно, но тщетно, – кивал, бормоча, Цахилганов. <...> Ах, да: Каинова печать, клеймо на семь последующих поколений...* (В. Г. Галактионова. 5/4 накануне тишины // «Москва», № 11, 12. 2004) [10].

В «Литературной энциклопедии» (1929–1939) дано развернутое описание использования образа Каина в художественных произведениях. Авторы обратили внимание на то, что интерпретаторы освещали его в зависимости от того, что стимулировало разработку этой библейской истории. В заключении словарной статьи делается вывод: После Байрона писатели неоднократно возвращались к теме Каина. Но если для него то была месть религии, которая изменила его классу и пошла на службу к буржуазии, то «для буржуазных писателей конца XIX – начала XX вв., по существу безбожных, богоискательство и богоборчество были лишь темой, лишь модным нарядом, лишь маскировкой социальной и идейной пустоты. Их писания о Каине были, за очень незначительными исключениями, вариациями Каина Байрона, психологическим

фокусничанием, философским оригинальничанием и богоборческим позированием. Они выражали не мировую и даже не большую социальную скорбь, а лишь скуку жизни индивидуалистической буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции» [5].

Заметим, что в словаре В. Н. Телия тоже есть контексты, свидетельствующие о недовольстве несправедливо отмеченных этой печатью. *Как же быть с памятью о невинно убиенных во время репрессий, с их семьями, детьми и внуками, которые десятилетиями несли несправедливо поставленную каинову печать?* (Трибуна, 2001) [5]. И если в данном случае претензии к людям, то в следующих контекстах – к Богу, так как внешние признаки, приводимые в них, являются физическими недостатками, не связанными с преступлением: *Его врождённое уродство – это же каинова печать, с детских лет отталкивающая от него сверстников, заставляющая избегать его; Само лечение не из лёгких, а многие операции, как говорят специалисты, калечащие. И это, как каинова печать, на всю жизнь* [5].

Но по тексту Библии проклятием было не уродство, а то, что земля «не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле» [2]. А знамение-печать – свидетельство о неприкосновенности. Знамение о наказании того, кто убьет убийцу, впоследствии стали называть *каиновой печатью*. В связи с этим интересен контекст о неуязвимости, приводимый В. Н. Телия: *У тебя, наверное, какая-нибудь каинова печать на лбу стоит. Лешие её видят и пускаются в бега* (В. Тучков, Русская рулетка) [5]. Интересно в данном случае и то, что печать стоит именно на лбу. В этой ситуации актуализируется ассоциация с этимологически связанными *чело* и *человек*.

В Библии не сказано, чем отличался Каин внешне от других людей. Вероятно, чтобы люди не клеймили других грешниками, а следили за своим поведением и здоровьем как телесным, так и душевным. Соотнесение нравственного и физического уродства в фольклоре носит распространенный характер, наименования внешних пороков могут быть представлены в виде лексико-семантических вариантов одной лексемы, например: рус. *кривой* ‘одноглазый, слепой на один глаз’, ‘хромой, колченогий’, ‘перекошенный (о лице)’, бел. *крывы* ‘хромой, безногий, кривоногий’, ‘косой’, укр. *кривий* ‘хромой’, ‘косой (о взгляде)’, рус. *кривуля* ‘кривой глазом’, ‘кривобокий’, ‘кривоногий’ [11, с. 79].

Предположения относительно каиновой печати существуют разные: родимое пятно на лице (на лбу), хромота, эпилепсия и др. Иногда внешне проявляется и душевная болезнь. Интересно, что в белорусском языке есть фразеологизм *сыходзіць з поля*, употребляющийся в значении ‘становицца псіхічна хворым’ [12, с. 147]. Именно в поле Каин убил брата, а после такого поступка душевно здоровым остаться невозможно.

Одним из устойчивых внешних признаков проклятия в народном сознании является хромота – признак того, что хромой идет по кривой дорожке жизни или катится по наклонной как «*кривое кола – упарты, сваімі ўчынкамі пляміць сябе*» [12, с. 71]. Об этом свидетельствуют многие тексты: хромотой отличался дьявол; хромыми и кривыми, одноглазыми, однорукими и одноногими бывают хтонические духи в фольклоре сибирских и центральноазиатских народов; античный Гефест родился слабым, некрасивым и хромым. С. Ю. Неклюдов связывает мотив кривизны с мифологической ситуацией пересечения рубежа: «Асимметрия есть попадание как в хтоническую зону, так и в пограничную область между жизнью и смертью...» [11, с. 75–83]. Именно на этой границе и оказался Каин.

Восточные славяне настороженно относились к тем, кто был нелюдим и / или имел бросающийся в глаза недостаток. А если он еще мог и «предсказать» что-то (по приметам, которые были ведомы только ему), то его звали *кобыльником* (*кобь* – ‘ворожба’) или *колдуном*. Таких людей тоже опасались, но в случае необходимости прибегали к их помощи. Появление слов с актуальной семой ‘чародейство’ вызвано

представлениями об их деятельности как о чём-то необычном, отличающемся от общепринятого. «В пользу такого предположения – свидетельства этнографов: “Колдуну нетрудно было прослыть любому одинокому нелюдиму или же доброму мастеру (особенно травознаю, а также коновалу, кузнецу, мельнику, охотнику, рыбаку и др.”. Таким образом, знаком принадлежности к сакральной сфере было обладание чем-то особенным, своеобразным: внешностью, поведением, знанием, наконец» [11, с. 83–92].

Вторичная семантика ‘колдовать’ могла развиваться из семы ‘гнуть’ в составе древнего корня **kou-*, что обусловило и закономерную реализацию: русск. *кузло* ‘кузнечная работа’, ‘ковка’; чеш. *kouzlo, kouzlotoc* ‘колдовская сила’, *kouzlití* ‘колдовать’, ‘ворожить’, ‘очаровывать’; бел. диал. *кузла* ‘закрутка из колосьев на ниве, сделанная с целью колдовства’; рус.-ц.-слав. *кузньць* ‘кузнец’, ‘колдун, чародей’, ‘странствующий актер’ [11, с. 87–92].

В русском мифологическом и сказочном фольклоре кузнец мог создавать волшебное оружие для богов и героев: палицы, стрелы-молнии. Часто кузнец выступает «божественным мастером»: он может выковать даже песню, свадьбу, слово (в мифах и обрядовом фольклоре балтов, славян) [13, с. 284]. Отпечаток мифологического представления остался в семантике прилагательного *кованый* ‘четкий, выразительный, чеканный (о стихе, стиле и т. п.)’. Видимо, в результате христианского отношения к магической практике рефлекс корня **kou-* приобретает негативные коннотации. Следы такого влияния проявляются в семантике др.-рус., рус.-ц.-слав. *ковати* ‘злоумышлять’; укр. *кувати речі недобріі* ‘злословить’. Аналогично др.-рус., рус.-ц.-слав. *коварьствовати* ‘злоумышлять’; рус. *коварствовать* ‘поступать коварно, лукаво и зло, строить ковы и козни, крамолы’; словен. *kovár* ‘кузнец’, ‘зачинщик, злоумышленник’. Аналогичный путь семантического развития характерен для рефлексов праслав. **kъznь* (др.-рус., рус.-ц.-слав. *къзнь, кознь* ‘занятие, ремесло; мастерство, искусство’, ‘ухищрение, хитрость’, рус. *козни*, редко *кознь* ‘тайные, злые, коварные умыслы’), этимологически тождественного **kiznь* (рус. стар. *кузнь* ‘вещи холоднойковки, утварь, посуда, оклады и пр.’) [11, с. 87–92].

Коваль-кузнец также связан с праслав. **kovyľ/*kovyľ* рус. *ковыль*, бел. *кавыль* с первичным значением ‘гнушаяся, своеобразно качающаяся трава’; рус. диал. *ковыль* – ‘хромой’, ‘прозвище человека, который ходит ковыляющей походкой’; ‘поклон’. Аналогичны производные рус. разг. *ковылять* ‘идти хромя, припадая на ногу или вперевалку’, диал. ‘сгибать(ся), гнуть, наклонять(ся)’, ‘жить кое-как, с трудом’ [11, с. 87–88].

Исходная семантика ‘кривить, гнуть’, ‘клонить’ свойственна группе лексики, связанной с древними магическими ритуалами. Ф. И. Буслаев пишет: «Языковедение приводит нас к догадке даже о первоначальной форме молитвы... Даже у Нестора встречаем еще *кланяться* вместо *молиться*» [11, с. 83]. Глагол *клонитися* в др.-русск. имел значение ‘направляться, устремляться’; рус. диал. ‘идти, двигаться в каком-либо направлении’ [14, т. 10, с. 67]. Здесь можно вспомнить, что, когда жертва Каина не была принята, он «сильно огорчился и поникло лицо его. И сказал Господь [Бог] Каину: почему ты огорчился? и отчего поникло лицо твое? Если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? а если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним» [2]. После этого Каин пошёл и убил Авеля. Склонился ко злу и направился по кривой дорожке. Праслав. **kloniti* исторически родственно **kľeti*, которое также связано с сакральной сферой, например: др.-рус., рус.-ц.-слав. *клати* ‘проклинать, бранить, осуждать’, ‘заклинать’. Сближение **kloniti*: **kľeti* первоначально ‘приносить клятву, приклонив колени’ [14, т. 10, с. 68; 11, с. 85]. Как знать, может быть, у Каина был горб, который напоминал, что вместо негодования нужно *покаяние*. Вспомним, что *покаяние* генетически родственно словам *Каин* [15], *коваль / кузнец* и их производным [11, с. 75–127]. Все они восходят если не к одному общему, то к близким в глубокой древности корням: праслав. **kou-* (коваль / кузнец),

**koi-* // **kai-* (Каин), **kol-* (коло) < и.-е. **k^{u̯}(i)-* // **k^{u̯}e(i)-* // **k^{u̯}ōi-*. Сопоставляя далекие ныне слова *Каин*, *кузнец*, *колдун* и многие другие, можно говорить о синонимии производных значений рефлексов в древности близких корней.

Каинова печать утвердилась в сознании людей как клеймо, говорящее о проклятии: *з некла родам* – ‘люты, бесчалавечны, бязлітасны; пра чалавека’, *чортаў кум* – ‘кепскі чалавек’, а то и *гад паўзучы / печаны* ‘вылюдак, нягоднік, агідны, шкодны, варны чалавек; пра мужчыну’ [12, с. 65, 22, 14]. То, чем именно отличался Каин, мы можем только предполагать, исследуя историю конкретных слов и наблюдая народное отношение, сохранившееся в богатом фразеологическом наследии.

Однако изначально это знамение было дано для того, чтобы те, кто с Каином встретятся, помнили: «если не делаешь доброе, то у дверей грех лежит, он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним» [2], ведь ты человек, созданный для того, чтобы возрастать от силы в силу, чтобы становиться лучше.

Жизнь под эгидой каиновой печати – не проклятие, не месть, а возможность паче чаяния прийти к началу доброй жизни, прийти к Богу как к Отцу, покайся, примирись с Ним и жить чадом Божиим со спокойным сердцем в Царстве Небесном, которое внутри нас есть.

Каин – это библеизм, а его печать – это свидетельство связи народа с Библией – с её идеями, философией, образами, сюжетами. На библейские слова и обороты накладываются определенный отпечаток и немалый период времени от создания Библии до наших дней, и все её многоэтапные переводы, и люди, употребляющие в своей речи библейские слова и выражения.

Список использованных источников

1. Кушнерева, Л. А. Библейские образы и мотивы в школьном курсе русской литературы : пособие для учителей учреждений общ. среднего образования с бел. и рус. яз. обучения / Л. А. Кушнерева. – Минск : Зорны Верасок, 2013. – 192 с.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М. : Российское Библийское общество, 2006. – 1679 с.
3. Электронная библейская энциклопедия / Библия. Пятикнижие [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.eleven.co.il/>. – Дата доступа : 19.09.2020.
4. Электронная еврейская энциклопедия / История еврейского народа. Древнейший период [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.eleven.co.il/>. – Дата доступа : 16.10.2020.
5. Словари на Академике [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://dic.academic.ru/>. – Дата доступа : 25.10.2020.
6. Этнографический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://slovar.cc/etnograf/slovar/>. – Дата доступа : 16.10.2020.
7. Толковый словарь живаго великорускаго языка Владимира Даля [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://slovardalja.net/>. – Дата доступа : 26.10.2020.
8. Балаш, Д. Б. К проблеме обоснования генетической общности лексем *Каин* и *окаянный* / Д. Б. Балаш // Русский язык в диалоге культур : сборник научных статей / Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины, Представительство Россотрудничества в Респ. Беларусь, Рос. центр науки и культуры в Гомеле ; редкол. : Е. В. Ничипорчик (отв. ред.) [и др.]. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – С. 18–24.
9. Этимологический словарь славянских языков : праслав. лекс. фонд / под ред. А. Ф. Журавлева / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – Вып. 36 (**orz(ь)zelenĕti* / **orz(ь)zeleniti* – **otъgrĕbati*). – М. : Наука, 2010. – 260 с.
10. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/>. – Дата доступа : 25.10.2020.
11. Холявко, Е. И. Отражение мотива кривизны во вторичной семантике русского и белорусского слова / Е. И. Холявко; под ред. В. И. Коваля. – Гомель : Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины», 2002. – 176 с.

12. Ляшчынская, В. А. Вобраз чалавека ў беларуская фразеалогіі : слоўнік / В. А. Ляшчынская, З. У. Шведава. – Мінск : РІВШ, 2020. – 304 с.
13. Океанский, В. П. Рождение культурологии в России : сборник научных трудов / В. П. Океанский; науч. ред. В. П. Океанский. – М. : Директ-Медиа, 2014. – 589 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://books.google.by>. – Дата доступа : 21.10.2020.
14. Этимологический словарь славянских языков : праслав. лекс. фонд / под ред. члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачева / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – Вып. 10 (*клерась / *копъ). – М. : Наука, 1983. – 260 с.
15. Балаш, Д. Б. *Каин*: семантическая реконструкция и лингвокультурологический потенциал / Д. Б. Балаш, Е. И. Холявко // Идиолект русской языковой личности как отражение лингвокультурной ситуации в славянском пограничье : сборник докладов участников Международного научного форума (г. Новозыбков, Брянская область, 23–26 октября 2019 г.) / под ред. С. Н. Стародубец [и др.]. – Брянск : ООО «АВЕРС», 2019. – С. 345–352.

The article analyzes the semantic and pragmatic connections of the phraseology “Cain's seal”. The study is based on the material of the National corpus of the Russian language and lexicographic sources. Ethno-cultural facts are used for semantic reconstruction. The conceptual content of the studied modern phraseology can be considered genetically determined.

Keywords: Bible, Cain, Bibles, idioms, seme, semantics.

УДК 811.161.1'42'373.43:070

Л. Е. Беженару

***ВСЕ ТЕЧЕТ, ВСЕ МЕНЯЕТСЯ:*
НОВЫЕ СЛОВА И УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВЕСНЫЕ КОМПЛЕКСЫ
COVID-НОЙ ТЕМАТИКИ (на материале русскоязычных СМИ)**

В статье рассматриваются новые слова и устойчивые словесные комплексы, используемые в русскоязычных СМИ для анализа различных сторон жизни российского общества в период пандемии коронавируса. Базой для исследования послужили материалы видеохостинга YouTube, новостных порталов и других русскоязычных СМИ в интернет-пространстве.

Ключевые слова: коронавирус, пандемия, СМИ, неологизм, устойчивый словесный комплекс.

Основными характеристиками современного мира выступают такие его качества, как изменчивость, динамизм и новизна. Именно такие черты свойственны и переживаемому нами трудному времени карантина из-за ситуации с COVID-19. Бурное развитие *врага-невидимки с шипастой короной* не только изменило частную жизнь людей, но и внесло свои коррективы в правовое поле, во взаимоотношения целых государств.

Жизнь языка неотделима от жизни общества, по этой причине заметные изменения претерпел под влиянием исторического момента и словарный состав русского языка. Необычайно актуальным стало слово *вирус*: только в сети «всемирной паутины» оно фиксируется более 23 млн. раз (по сведениям Yandex). Семейство коронавирусов, которое было выделено в 1965 году, сегодня насчитывает более 40 вирусов. О предположительном происхождении COVID-19 (аббревиатура от англ. COronaVIrus Disease 2019) пишут и говорят много, но в принципе это лишь один из новых представителей семейства. У него есть свое имя – SARS-CoV-2. В немедицинской сфере его называют Уханьский коронавирус, так как вспышка впервые была зафиксирована в городе Ухань в декабре 2019 года. Свое название вирус получил из-за формы: его оболочка имеет редкие шипы (ворсинки), которые напоминают корону, поэтому его назвали *коронави-*

рус. После «коронования» произошло и «очеловечение» вирусов. Оказывается, вирусы работают, *вирусы легко переносят мороз*, коронавирус имеет свою морфологию и структуру; существует хронология *вспышки коронавируса*. Филологи объясняют написание слова коронавирус с буквой *a*, а не с *o*, связывая это слово с латинским названием семейства, к которому относится коронавирус, – *Coronaviridae*. Иными словами, мы имеем кальку, которая не адаптировалась в русском языке. Филологов интересует, конечно, не только «вирусная» орфография, но и «вирусная» лексика.

Тема вирусов давно вошла в песенный репертуар советских и российских исполнителей. Всем известен текст песни «Утренняя гимнастика» Владимира Высоцкого о вирусе гриппа: *Сильно вырос в целом мире гриппа вирус, три-четыре. Ширится, растёт заболевание. Если хилый, сразу в гроб, сохранить здоровье чтоб...* [1]. В наши дни Сергей Крава пишет и исполняет песни в стиле В. Высоцкого; многим известна шуточная песенка Кравы «Про коронавирусную “белку”» [2]. Сегодняшним «коронавирусным» дням посвящают свои песни Семен Слепаков («Вирусная» [3]); Гарик Кричевский («Про коронавирус» [4]). На видеохостинге YouTube можно найти множество других песен о коронавирусе («Карнавал в масках», «Песня о коронавирусе», «Зая» и др.). Песня «Зая» в исполнении Виктории Булитко и Евгении Сморигиной о жизни семейной пары на карантине, о том, сколько килограммов набрали супруги за период самоизоляции, как менялись отношения между супругами в период *сексоизоляции*, что такое *балконоизоляция* и какие у неё последствия [5].

Известную песню «Миллион алых роз» превратили в ироническую пародию: *Миллион, миллион горьких слез, коронавирус, ты нам принес* [6]. А песня «Рюмка водки на столе» стала рассказом о жизни во время пандемии: *только рюмка водки на столе, никого нет во дворе <...> хворь по городам пошла, нарушая все границы, нас закрыли по домам, и, набрав 7 кг, растолстели наши лица* [7].

Существование вируса изменило и некоторые символы. Русская художница и мастер семеновской росписи Тамара Корьева создала русскую матрешку в новом образе: мастер заменила румянец на противовирусную маску.

Борьба с вирусом представителями СМИ отождествляется с войной. Нас призывают *сдерживать атаку вируса*, медиков называют *героями*, которые, *не жалея себя, спасают других*. Они не только кумиры, но и *надежда мира, герои нашего времени*. «В этой войне есть и павшие», – говорят нам с экранов телевизора и прикрепляют к сказанному *список памяти*. Телеведущие Елена Малышева и Иван Ургант *бросают музыкальную бомбу, чтобы остановить распространение коронавируса*, исполнив *песню-памятку* для профилактики коронавируса: «*Руки мыть не забывай, увлажни все помещения, и в местах людей скопления ты пореже пребывай. Милый друг, не чихай, витамины принимай...*» (ток-шоу «Вечерний Ургант»). Но так как *коронавирус не спешит сдавать позиции*, руководители ведущих держав Путин и Трамп договариваются *единым фронтом победить вирус, а кто первый найдет вакцину, тот и победитель*.

В политике коронавирус тоже *сделал свое дело*. Известие о том, что президент США Дональд Трамп заразился коронавирусом, *грянуло как гром среди ясного неба* и стало *политическим землетрясением*, так как все спрашивали себя, что будет с президентскими выборами и как будут лечить Трампа? Вылечившийся от *коварной болезни* в рекордно короткие сроки президент США Дональд Трамп благополучно вернулся к предвыборной кампании [8].

Эпидемия стала *настоящей драмой* в жизни людей, в которой *и любовь, и смерть – все рядом*. В ЗАГСе Москвы работники научились проводить регистрацию брака во время карантина, поднявшись на балкон пятого этажа, а Московская патриархия по требованию главного санитарного врача Москвы предписала духовенству Москвы и Московской области проведение онлайн-трансляций богослужений.

Произошли определенные изменения в правовом поле: штрафы стали неотъемлемой частью самоизоляции. Верховный суд РФ в конце апреля разъяснил, что оштрафованными могут быть граждане, которые *не соблюдают дистанцию в 1,5 метра в общественных местах*, нарушают запрет покидать квартиры без уважительной причины.

Потребительские привычки населения тоже адаптируются под изменившиеся условия жизни. Исследования консалтинговой компании The Boston Consulting Group (BCG) и холдинга «Ромир» под названием «Российские потребители – новая реальность», показывают, что в условиях вспышки заболевания COVID-19 *изменения в общественных отношениях и потребительском поведении неизбежны*, а россияне, в прошлом веке пережившие революции, голод, войны и кризисы, *вынуждены адаптироваться к новой реальности*: люди стали реже посещать общественные места и сократили контакты друг с другом [9].

Наша жизнь все больше становится похожа на фильм или театр, потому и разрабатываются *особые сценарии развития ситуации с коронавирусом*, и все мечтают о *благополучном сценарии развития эпидемии*. Следует отметить, что многие масс-медиа иногда искусственно нагнетают атмосферу, не удосуживаясь проводить элементарный фактологический и статистический анализ ситуации.

Отношение к вирусу некоторые журналисты связывают с национальной идентичностью. *«Россиянам не хватает сознательности и готовности признать сложность ситуации в период обострения пандемии коронавирусной инфекции»*, – заявляют одни журналисты [10]. Другие журналисты связывают обострение ситуации с симптомом безответственности, который характеризует русскую ментальность: *«Самонадеянность и безответственность приводят к распространению вирусов. Менталитет отупляет даже профессионалов»* [11].

Музыкальный продюсер Иосиф Пригожин считает, что самоизоляция не помогла сдержать распространение коронавируса *из-за специфики культурного кода* россиян, которые воспринимают демократию как вседозволенность, живут на *авось проскочит* и разучились слышать друг друга, потеряли эмпатию и утратили культурные традиции. Поэтому штрафы не остановили людей от массового выхода за пределы *безопасной зоны*. Продюсер сопоставляет беспечное поведение россиян с поведением жителей Китая и Японии, которые очень дисциплинированы и самоорганизованы. По мнению депутата Владимира Жириновского, в сердцах россиян присутствует какой-то нигилизм, который передается от поколения к поколению, а корни его кроются в советской власти: *«Этот правовой нигилизм пошёл ещё с тех времён. Если какие-то правила россиянам не нравятся, то они считают, что их можно нарушать. В результате коронавирус стремительно распространяется по стране»* [12].

Несмотря на то что коронавирус считается *планетарным заболеванием*, отношение к нему двоякое. *«Коронавирус – самый большой фейк и машина по зарабатыванию денег»*, – пишут в соцсетях некоторые пользователи. *«Коронавирус – это не фейк. Это заболевание, которое есть. Им болеют, от него умирают»*, – пишут другие. Почему же тогда у многих людей возникает вопрос о том, не является ли коронавирус фейком? Дело в том, что меры, принимаемые для борьбы с COVID-19, являются для некоторых граждан *странными с точки зрения логики и здравого смысла*. Либеральные СМИ часто пишут, что принимаемые меры против коронавируса не имеют никакого отношения ни к защите от вируса, ни к медицине вообще, а имеют исключительно политические цели. Такое отношение к происходящему породило *феномен COVID-диссидентства*.

«Слово “самоизоляция” выпрыгнуло как черт из табакерки прямо следом за коронавирусом», – пишет лингвист Марина Королева в личном блоге [13]. Самоизоляцию как явление часто сравнивают с *режимом вынужденной изоляции*. Некоторые психологи считают, что человек болезненно реагирует, когда ему говорят: *«Ты должен*

находиться в условной тюрьме, в которую ты сам себя решил запереть». Хотя в России штрафы стали неотъемлемой частью самоизоляции (то есть принудительным методом, так как бьют рублем), самоизоляцию считают миссией невыполнимой по части соблюдения различных ограничительных мер, будь то нахождение дома, ношение масок, соблюдение социальной дистанции, ограничения по встречам, поездкам и проведению мероприятий, потому как *не останавливают людей от выхода на улицу ни просьбы президента Владимира Путина, глав регионов, ни штрафы за нарушения введённых ограничений»* [12].

Итак, какими же новыми словами и выражениями COVID-ной тематики, ставшими выразителями определенного состояния общества, пополнился русский язык?

Главные термины и выражения этого периода – *мытьё рук, социальная дистанция, маска* (синоним в соцсетях – *салфетка на шнурках*), *масочный режим, полузаяность, дистанционная работа, безопасная зона, красная зона, работа в красной зоне, сдать анализы на коронавирус, стирать грань между работниками и неработниками, ковидный больной, нековидный больной, ковидный чемоданчик, коллективный иммунитет, пандемические каникулы, ковидознатоки, самоизоляция, онлайн-обучение, удаленка* и др.

Среди неологизмов COVID-ной тематики, вошедших в словарный запас русского языка, а также окказиональных образований есть большая группа слов, образованных путем сложения:

- 1) сложения слов (*коронавирус, ковидневроз, ковидпандемия*);
- 2) сложения двух основ с соединительным гласным *о* (*ковидопункт, ковидознатоки, коронаобред, коронабонды, коронаденыги, балконоизоляция, сексоизоляция*).

Есть среди неологизмов и слова иностранного происхождения, например, *локдаун* (англ. *lockdown*). Это слово заимствовано из английского языка. С 1970-х годов употребляется в американском варианте английского языка в значении ‘строгая изоляция’. Первоначально это слово употреблялось по отношению к заключенным и означало принятие мер безопасности после беспорядков. В 1993 году в «Новом большом англо-русском словаре» под ред. Ю. Д. Апресяна слово *lockdown* переводится как *локдаун* со значением ‘строгая изоляция (заключённых)’ [14]. В начале XXI века слово выходит за пределы тюремной лексики и становится частью школьного лексикона. В газетах 2014 года читаем: «*В школьный лексикон вошел новый термин – «локдаун» (lockdown), то есть блокирование учебных заведений в случае ЧП»* [15].

Слово *локдаун* в 2020 году прочно вошло в лексикон людей во всем мире. Английское слово *lock* означает ‘замок’, а *down* имеет значение ‘снижение, уменьшение’. Ныне *lockdown* используется для обозначения снижения темпа социальной жизни путем закрытия формирующих её институтов. Расширенное значение слова – это ‘массовое принудительное закрытие образовательных, государственных и торгово-развлекательных учреждений из-за эпидемии или иного стихийного бедствия’ [16]. Синонимами *локдауна* можно считать *тотальные ограничительные меры*, а также с натяжкой слова *карантин* и *режим самоизоляции* [17]. В российских СМИ появились выражения *общенациональный локдаун* и *повторный локдаун*.

Если некоторые выражения устойчивые словесные комплексы ковидной тематики уже прочно вошли в речевой обиход врачей, журналистов и немалого числа граждан, то другие можно квалифицировать как редко употребляемые или употребляемые только в СМИ. Объявленную пандемию считают *революцией: мировой великой коронавирусной революцией, вирусной революцией*, которая является *ударом по обществу; глобальным вызовом и всеобщим экзаменом человечества на эмпатию*. Звучит призыв *смотреть на пандемию COVID-19 как на глобальный вызов – экзамен человечества на гуманность и дисциплинированность*. О положении дел в обществе СМИ пишут как о *новой реальности с новыми нормами, новой нормальности*, а политологи для оценки положения дел предпочитают использовать такие сочетания, как *пандемический синдром*

(Александр Сосновский) и *всеобщий психоз* (Сергей Михеев). Президент «Лиги защитников пациентов» А. Саверский называет ковид-пандемию *симбиозом лжи, мифов и преступного вредительства* и отмечает отрицательный эффект паники: паника приводит к тому, что количество дополнительных смертей растет и доля *нековидных* среди них преобладает (канал «Сталинград» [18]).

Многие новые устойчивые словесные комплексы, используемые в профессиональных текстах, характеризуются метафоричностью. СМИ вещают о том, что *зараза вышла на улицы*, а *современная глобальная ситуация – это фейковый экофашизм*. Генеральный директор Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) Тедрос Аданом Гебрейесус раскритиковал идею борьбы с пандемией коронавируса с помощью формирования *коллективного иммунитета*. Выступая на брифинге в Женеве, глава ВОЗ предостерег власти различных стран от такого метода, назвав его неэтичным [19].

По мнению некоторых журналистов, в Европе ощущается *коронавирусный сепаратизм* [20]. Европа раскалывается, страны не помогают друг другу, а только ведут разговор о *коронабондах* – совместных облигациях еврозоны, о печатании денег и инфляции [21], а в России наблюдается *вирусный суверенитет*, так как каждый регион определяет принудительные меры исходя из региональной специфики и состояния дел с коронавирусом. Скорее всего, потому в Северной Осетии во Владикавказе появились протестующие *ковид-диссиденты*, а их протестные акции подавалась СМИ как *митинг против самоизоляции* и *против коронавирусной тюрьмы* [22]. Идея понравилась россиянам – в течение дня свои виртуальные митинги с аналогичными требованиями прошли на главных площадях Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Екатеринбурга, Тюмени, Уфы и других городов. Флешмоб *«почувствовали»* 20 апреля 2020 и в Москве, где *масочники взяли в «осаду» Кремль*.

Ситуация способствовала и появлению ковидовых оксюморонов, парадоксов – слово-сочетаний и выражений на ковидную тематику, которые подразумевают прямое противоречие. Вот некоторые из таких выражений: *50 процентов инфицированных – здоровые носители инфекции; пережить изоляцию с комфортом; у власти вирус рассматривается как благо; чистый воздух лишит россиян самого теплого года в истории*.

В некоторых устойчивых сочетаниях в качестве компонентов фиксируются географические термины: *пик эпидемии, пороги заболеваемости, сценарий «Вершины и долины», выход на плато*. В ответ на заявление главы Федерального медико-биологического агентства Вероники Скворцовой о выходе на плато одни пользователи соцсетей отреагировали таким образом: *«Да хоть на равнину, какая разница?»* Другие пользователи соцсетей, по-видимому более дисциплинированные, пишут так: *«Только я в маске. Остальные готовятся к апокалипсису с открытым лицом»*.

Ковид внес свои «коррективы» в некоторые пословицы и поговорки русского языка. 15 марта, в полный карантин, в ресторане «Россия» в центре Владикавказа пела и плясала пышная свадьба сына главы республики, на которой никто не носил маски и не соблюдал социальную дистанцию. Журналистка И. Зейналова назвала это мероприятие *пир во время короны*, используя часть названия четвертой трагедии Пушкина «Пир во время чумы». Выражение *пир во время короны* быстро распространилось в СМИ. Тех людей, которые не верят в существование вируса, журналистка называет *Фома неверующий*, а граждан, нарушающих режим карантина, – *толпы самых умных и особых*. Ведущий А. Норкин посвящает этим же гражданам, *ковидидИотам*, целую передачу. *«Карантин – как отрезвляющая пощечина. Она будет болезненной, но полезной»*, – считает журналист. Политолог М. Делягин описывает нарушение масочного режима некоторыми руководителями ироничным высказыванием: *Вирус – для низших классов, а для высших классов и их услуги его не существует* [23].

За время *пандемических каникул* на страницах газет появились разные *советы ковидознатоков*: какие лекарства принимать, как собрать *ковидный чемоданчик*:

«Не тогда, когда к вам уже едет скорая с подозрением на COVID-19, а в здоровом уме, твёрдой памяти и с температурой 36,6» [24]. Выражения *дорожный чемоданчик, тревожный чемоданчик* получили «тезку» *ковидный чемоданчик*. Ковидознатоки уверяют, что «у многих COVID-19 напроць отобьёт вкус – особенность коронавируса, когда гречку не отличить от картошки, а все вместе напоминает вату, но, в отличие от обоняния, вкус возвращается быстрее» [24].

Бурная жизнь *врага-невидимки* внесла коррективы и новизну в образовательный процесс. *Длительные пандемические каникулы* заставили всех нас *перенастроить нашу жизнь*. Из родителей с работой в городе родители наших студентов и учащихся превратились в родителей с полной рабочей неделей на дому (на так называемой удаленке), а преподаватели и учителя – из воспитателей и профессионалов, обучающих своих подопечных *лицом к лицу*, превратились в *онлайн-преподавателей* в системе *дистанционного обучения*. Традиционное образование уходит, а дистанционное обучение превращает образование в *миллиардный университет*. Быстро перевести весь учебный процесс в дистанционный формат – задача не из легких. *Допандемическое расписание, виртуальное расписание, образовательная платформа* – эти выражения прочно вошли в нашу жизнь. Своеобразное решение проблемы, *как учить детей дистанционно без ноутбука и интернета*, нашли в селе Красные Края, где местный магазин превратился в *стратегический ковидопункт* обмена документами – *все по полочкам и по корбочкам*. Учитель забирает работы своих учеников, а мамы сдают *общую на всю семью домашку*. Слоган *Мы вместе. Сидим дома* превратился для семей, которые имеют детей школьного возраста, в более объемистое и полное иного смысла выражение: *Сидим, делаем, сдаем*. По-научному такой способ называют *бесконтактной образовательной платформой* (Вести. НТВ). Специалист в области искусственного интеллекта И. Мухина на своем канале в YouTube говорит о том, что человечество с помощью пандемии погружают в новый (шестой) технологический уклад; в результате возникнет новый вид человека – *homo digital* – человек оцифрованный.

В эту новую реальность с новыми нормами во всех сферах жизни школы, университеты и семьи во всем мире вошли в период *Covideducation, ковидвоспитания / ковидобразования* – под этим названием, по нашему мнению, останется этот период в истории и практике мирового образовательного процесса. В этот период международный сигнал бедствия в радиотелеграфной связи SOS наполнился новым значением. Его можно расшифровать как **солидарность, ответственность сотрудничество**, и эти идеи отражают как нельзя лучше взаимодействие школы, семьи и общества в эти трудные, но все-таки интересные времена. Времена, которые дополнили русский язык множественством новых слов и устойчивых словесных комплексов.

Список использованных источников

1. Высоцкий, В. Утренняя гимнастика [Электронный ресурс] / В. Высоцкий. – Режим доступа : <https://www.culture.ru/poems/18876/utrennyaya-gimnastika>. – Дата доступа : 02.09.2020.
2. Крава, С. Про коронавирусную “белку” [Электронный ресурс] / С. Крава. – Режим доступа : <https://www.youtube.com/watch?v=u90tNAXdWx8>. – Дата доступа : 02.09.2020.
3. Слепаков, С. Вирусная [Электронный ресурс] / С. Слепаков, Д. Курбанов. – Режим доступа : https://www.youtube.com/watch?v=3pox3FZE_3o. – Дата доступа : 10.09.2020.
4. Кричевский, Г. Про коронавирус [Электронный ресурс] / Г. Кричевский. – Режим доступа : <https://www.youtube.com/watch?v=vWPJL3RmsFc>. – Дата доступа : 10.09.2020.
5. Булитко, В. Зая [Электронный ресурс] / В. Булитко, Е. Сморгин. – Режим доступа : <https://www.facebook.com/watch/?v=411223603176820>. – Дата доступа : 10.09.2020.
6. Эдварс, С. Песня про коронавирус [Электронный ресурс] / С. Эдварс. – Режим доступа : <https://www.youtube.com/watch?v=m0yh2ms9oHQ>. – Дата доступа : 10.09.2020.
7. Эдварс, С. Песня про коронавирус 3 [Электронный ресурс] / С. Эдварс. – Режим доступа : <https://www.youtube.com/watch?v=VoZwVvfOvbg>. – Дата доступа : 10.09.2020.

8. Пятницкая, С. Вылечившийся от коронавируса Трамп вернулся к предвыборной кампании / С. Пятницкая // Комсомольская правда, 13 октября 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.kp.ru/online/news/4044805/>. – Дата доступа : 13.11.2020.
9. Пятницкая, С. Эксперты рассказали, как коронавирус изменил потребительские привычки россиян / С. Пятницкая // Комсомольская правда, 13 октября 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.kp.ru/online/news/4044827/>. – Дата доступа : 13.11.2020.
10. Свирин, А. Журналист объяснила, почему россияне перестали бояться COVID-19 [Электронный ресурс] / А. Свирин. – Режим доступа : https://health.sm.news/zhurnalist-obyasnila-pochemu-rossiyane-perestali-boyatsyacovid1913271/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop. – Дата доступа : 13.11.2020.
11. Ширяева, К. Чихать на людей. Как самоизоляция стала единственным способом избежать смертей от коронавируса в России [Электронный ресурс] / К. Ширяева. – Режим доступа : <https://www.gosrf.ru/chihat-na-lyudej-kak-samoizolyacziya-stala-edinstvennym-sposobom-izbezhat-smertej-ot-koronavirusa-v-rossii/>. – Дата доступа : 27.03. 2020.
12. Вочовский, Р. Операция «Самоизоляция»: миссия невыполнима [Электронный ресурс] / Роберт Вочовский. – Режим доступа : <https://sevastopol.su/news/operaciya-samoizolyaciya-missiya-nevypolnima>. – Дата доступа : 27.05. 2020.
13. Королева, М. Писатели в интернете. Марина Королева о слове «самоизоляция» [Электронный ресурс] / М. Королева. – Режим доступа : <https://godliteratury.ru/articles/2020/03/17/pisateli-v-internete-marina-koroleva>. – Дата доступа : 17.09. 2020.
14. Новый большой англо-русский словарь : в 3 т. Около 250000 слов = New English-Russian dictionary / Ю. Д. Апресян, Э. М. Медникова, А. В. Петрова и др.; под общ. рук. Э. М. Медниковой и Ю. Д. Апресяна [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://eng-rus.slovaronline.com/62873-LOCKDOWN>. – Дата доступа : 17.09. 2020.
15. Шитов, А. СМИ: в школах США только за нынешний учебный год произошло 11 инцидентов со стрельбой [Электронный ресурс] / А. Шитов. – Режим доступа : <https://tass.ru/obschestvo/935645>. – Дата доступа : 17.09. 2020.
16. В Кремле рассказали о выстроенной в стране системе для борьбы с коронавирусом [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.onlinetambov.ru/news/society/v-kremle-rasskazali-ovystroennoy-v-strane-sisteme-dlya-borby-s-koronavirusom>. – Дата доступа : 17.09. 2020.
17. Новое слово от центра науки [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.gorkilib.ru/events/novoe-slovo-ot-tsentra-nauki2906>. – Дата доступа : 17.09. 2020.
18. «Ковид-пандемия» как симбиоз лжи, мифов и преступного вредительства (А. Саверский) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://zen.yandex.ru/media/rusvest/kovidpandemiia-kak-simbioz-lji-mifov-i-prestupnogo-vreditelstva-a-saverskii-5fa041406f1ecc136f>. – Дата доступа : 02.11. 2020.
19. Макарычев, М. Глава ВОЗ раскритиковал идею «коллективного иммунитета» от COVID-19 [Электронный ресурс] / М. Макарычев. – Режим доступа : <https://rg.ru/2020/10/13/glava-voz-raskritikoval-ideiu-kollektivnogo-immuniteta-ot-covid-19>. – Дата доступа : 04.10. 2020.
20. Сегодня – пандемия, через полгода – переворот: какие риски для Евросоюза несет коронавирус [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://baltnews.lt/mir_novosti_/20200330/1019836217/Segodnya--pandemiya-cherez-polgoda--perevorot-kakie-riski-dlya-Evrosoyuza-neset-koronavirus.html. – Дата доступа : 04.10. 2020.
21. Дембик, К. Европе пора выпускать коронабонды [Электронный ресурс] / К. Дембик. – Режим доступа : <https://www.vedomosti.ru/economics/blogs/2020/03/25/826181-evropi-koronabondi>. – Дата доступа : 04.10. 2020.
22. Это всё заговор: кто такие ковид-диссиденты, и почему они не верят в коронавирус [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://peterburg2.ru/articles/kovidioty-koviddissidenty-rochemu-lyudi-ne-veryat-v-sushhestvovanie-koronavirusa-70829.html>. – Дата доступа : 04.10. 2020.
23. М. Делягин о том, что вирус – для низших классов, а для высших классов и их услуги его не существует [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://sftnewsru.net/20201103/mdeliagin-o-tom-cto-virys-dlia-nizshih-klassov-a-dlia-vyshih-klassov-i-ih-obslygi-ego-ne-syshestvyet/>. – Дата доступа : 03.11. 2020.
24. Составлен полный список вещей на случай экстренной госпитализации: документы не главное [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.mk.ru/social/2020/04/25/sostavlen>

polnyu-spisok-veshhey-na-sluchay-ekstrennoy-gospitalizacii-dokumenty-ne-glavnoe.html. – Дата доступа : 10.10. 2020.

The article examines new words and stable word complexes used in Russian-language media for analysis various aspects of Russian society during the coronavirus pandemic. The research was based on materials from YouTube video hosting, news portals and other Russian-language media in the Internet space.

Keywords: coronavirus, pandemic, mass media, neologism, stable verbal complex.

УДК 811.161.2'373.7-13:39

О. Г. Важеніна

ЯВИЩЕ ПАРАДОКСУ В УКРАЇНСЬКІЙ ЕТНОПАРЕМІОЛОГІЇ

Статтю присвячено дослідженню українських етнопаремій, побудованих на одному з прийомів експресивної стилістики – парадоксі. Матеріалом дослідження слугували каламбури, для яких парадокс є особливо показовою ознакою. Встановлено, що парадокс досить продуктивно використовується в українських етнопареміях. Типологізовано етнопаремії, побудовані на основі ігрового парадоксу, що є порушенням загальноприйнятих стереотипів. Встановлено, що парадокс у етнопареміях зумовлений референційною незв'язністю, суперечливістю досвідних знань людини їх мисленнєвому аналізу і судженні та вербальній фіксації.

Ключові слова: етнопаремія, парадокс, стереотип, каламбур, мовна гра, алогізм.

Актуальність теми дослідження зумовлена затребуваністю в сучасній лінгвістиці інформації щодо експресивних прийомів стилістики, на основі яких будується внутрішня форма окремих фразеологічних одиниць. Парадокс є одним із таких прийомів, які на сьогодні є малодослідженими у фразеологічній стилістиці. Наше звернення до цієї проблеми продиктоване бажанням вивчити це явище на матеріалі української етнофразеології, зокрема таких її одиниць, як етнопаремій, які є виразними носіями етнокультурної конотації і активно продукують парадоксальні контексти.

Аналіз зібраного фактичного матеріалу засвідчив, що парадокс, як прийом експресивної стилістики, найбільшою мірою характерний для українських етнопаремій і лежать в основі поезики багатьох прислів'їв і приказок. Особливо характерний парадокс для такої групи етнопаремій, як каламбури, народні жарти, дотепи, нісенітниці. У них парадокс використовується для передачі народного дотепу і з метою створення комічного ефекту. Підґрунтям парадоксу у каламбурах є мовна гра та алогізм. Більшість паремійних каламбурів побудована за принципом порушення логіки, тобто на алогічній основі. Наприклад: *На вербі груші, а на осиці кислиці; Буває, що й муха чхає; Буває, що й слон літає; Давай, жінко, перцю, мед закушу!; Пером орали, ковбасою засівали, чаркою заливали; Соловей у лісі реве, а ведмідь цебече; Виліз на грушку, рвав петрушку, а сказав: яка цибуля смачна!* тощо.

У лінгвістиці поняття «мовний парадокс» часто ототожнюється з поняттям «мовна гра». Інколи дослідники їх намагаються розвести як цілком самостійні явища стилістики, але в переважній більшості використовують їх як синонімічні поняття. Нам імпонує погляд дослідниці мовного парадоксу Тармаєвої В. І., яка поєднує ці поняття і пропонує термін *ігровий парадокс* [1, с. 46], що надає цьому явищу стилістики більш широкого змісту, і воно стає цілком слухним для аналізу етнопаремій. Парадокс в українських етнопареміях зазвичай супроводжується комічним ефектом. Як відомо, етнопаремії виконують роль стереотипів культурно-національного світобачення.

Паремійний ігровий парадокс у цьому випадку порушує стереотипи категоризації дійсності таким чином, що новий напрямок категоризації прямо протилежний початковому або логіці життєвої закономірності. Для упорядкування зібраного для дослідження фактичного матеріалу обираємо класифікацію Тармаєвої В. І., на яку легко лягають відібрані нами етнопаремії. За критерій типологічних різновидів етнопаремій, побудованих за принципом ігрового парадоксу, обираємо характер порушених стереотипів [1, с. 49]. Відповідно виділяємо 11 груп етнопаремій, побудованих на основі ігрового парадоксу, які є порушенням загальноприйнятих стереотипів. За ними розподіляємо 155 етнопаремій, виявлених нами шляхом суцільної вибірки зі збірки Українські народні прислів'я та приказки: дожовтневий період / [упор. В. Бобкова, Й. Багмут, А. Багмут]. (К.: Державне видавництво художньої літератури, 1963. – 790 с.) [2]. Виділяємо такі групи етнопаремійних парадоксів:

1) порушення стереотипів, що позначають «соціальні ролі в суспільстві, в колективі, в сім'ї»: *Через то і хліб не родить, що свиня у плахті ходить; Не журишь, що нема чобіт, - менше буде клопоту, а то ще мазати треба та взуватись!; Казала цибуля меду: «Медику, медику, яка я добра з тобою». — «Та я й без тебе добрий!» — одказав мед цибулі; Не бійся собаки – хазяїн на прив'язі!*

Мухи коня з'їли, а вовк помагав; Хоч ти іди в ліс по дрова, а я буду дома, хоч я буду дома, а ти йди в ліс по дрова; Здрастуй, Маріє! Я твій Федір!; Здрастуйте, індики! Я ваша сваха!; Здрастуйте, я ваша дядина!; На злість ворогам корову продам, щоб діти молоко не пили; Натє і мій глек на капусту, щоб і я Хівря була!;

2) порушення часових стереотипів: *Їв би борщ, та жалко, вчора дома пообідав.*

Це тоді буде, як у курки зуби виростуть; Це тоді буде, як рак свисне!; Тоді це буде, як з свині з череди йтимуть; Це тоді буде, як на долоні волосся поросте!;

Як бабак свисне; Як свиня на небо гляне; Як сова світ уздрить; На Юрія о цій порі, як рак свисне на оборі; Тоді бачитимеш, як ріка догори вернеться; Тоді то буде, як на моїй долоні волосся виросте; Тоді буде, як на вербі будуть грушки рости; Буде тоді, як рак свисне; Тоді будеш бачить, як рак свисне; Це тогди буде, як рак на дубі свисне; Тоді це буде, як дві неділі разом зійдуться; Тоді то буде, як свині з череди йтимуть; Тоді то буде, як мій татуню з тамтого світа верне; Тогді то буде, як ся моя бабуня з того світа верне; Тогді то буде, як своє вухо побачиш; Добридень на Великдень, будьте здорові з Новим роком!;

3) порушення стереотипів міри: *Пішов у ріст, як заєць у хвіст; Велике діло – чорзна-що; Піднімайте, свині, хвости, бо глибоко морем брести; За царя Хмеля, як була людей жменя; Це було ще за старого Хмеля, як було людей жменя та грім рака вбив, а Мусій Микиту посватав та було весілля й похорони; За царя Митрохи, коли людей було трохи; За царя Горошка, як було людей трошки; як сніг горів, а соломною тушили, як свині з походу йшли; Юрба, коли нікого нема; Братця, покрадені яйця – було двоє, стало троє; В малу мірку міряєшся, а в велику не влазиш; Хоч не гарно, аби добре; Голос густий, хоч лопатою горни; Там-то глибоко – жабі по око!; Воно б дуже добре, та нікуди не годиться;*

4) порушення стереотипів місця: *Бий, бий, - ярмарок недалеко; У городі бузина, а в Києві дядько, тим я тебе полюбила, що на п'яті перстень;*

5) порушення «речових» стереотипів: *Е, якби та якби, та вирости на голові гриби, то був би город; Унадилося решето гречку переводити; Був у мене колись халат – сімдесят сім лат, можна було ще латать, та ніде було голкою хватать; Що воно за сіно, коли одна суха трава!; Біда з дровами – спарив би молока, дак корови чортма!; Виліз на грушку, рвав петрушку, а сказав: яка цибуля смачна!; Зліз на грушку, їсть петрушку, говорить: добра цибуля!; Походило на кадило, так не так пахне;*

6) порушення стереотипів відповідності: *Наші їдуть, ваші йдуть, ваші наших підвезуть!; Будьте спокійні, як порося в мішку; Ти мені треба, як собаці чоботи*

влітку; Воно б дуже добре, та нікуди не годиться; Давай, жінко, перцю, – мед закушу!; Так дрижав, що аж употів; Ого, напаслась корова, аж роги тверді! (Це значить – голодна); Яка диковина, що свиня не кована!; Диковина, що собака не кована – біжить по льоду та й не ковзається; Узвар на базар, а кутя на покутя.

Ми зовсім безгрішні: ні гріхів, ні грошей нема; На Різдво – обійдеться без паски, а про мак – буде й так, а без олію – не зімлію; Курочка бичка родила, порося крашанку знесло; На дубові свиня гніздо звила, а віця прийшла та крашанку знесла; Кваша під боки взялася, а кисіль вуса закрутив; Набрав, що аж голому поза пазухою повно; Буде й голому поза пазушию; Сам голий, а сорочка за пазухою; Химині кури, що пішли в череду недоєні; Сідайте на чому стоїте, ще й ноги звішуйте; Не доходя минаючи, де рябі ворота, а новий собака!; Біле, як свинячий сир; Пішло поле в ліс; Сип борщу, запрягай кашу, бо хутко треба на ярмарок; Соловей у лісі реве, а ведмідь щечече; Віз у лісі, а хомут за лісом у болоті, а коняка – чорти її знають де, як же поїхати по солому?; Запрягай воли, ярмо потім найдем; Та він на ліве око глухий, а на праве недочуває; Із солоного огірка застрелився; Сирно, масляно – корова ожеребилась; Толкуємось про гуси, що на псарню літають та потроху молоканосять; Здрастуйте, дайте води напиться, бо так їсти хочеться, що ніде й переночувать; Тітко, у вас води немає напиться, бо я з вчорашнього дня нічого не їв і ночувати нема де; Курочка бичка привела і на тому бичку ячок нанесла, безрукий ті яйця забрав, голому за пазуху заховав, безногий з гори збігав, безголовий «караул!» кричав; Курочка породила бичка, а порося писанку знесло; Курочка бичка родила, а порося крашанку знесло; Купив хрону до лимону; Мої діти і твої діти б'ють наших дітей; На вогні переться, на воді сушиться; На дубі свиня гніздо злагодила, а віця прийшла та й яйце знесла; Пером орали, ковбасою засівали, чаркою заливали; Соловей у лісі реве, а ведмідь щечече; Якби у мене було пионо та сіль, то я б зварив кашу, та жаль, що немає сала; Сідай, бабо, підвезу. – Нема час – треба йти!; Аж на небі чути, як мухи кашляють; Буває, що й муха чхає; Буває, що й слон літає; Давай, жінко, перцю, мед закушу!;

7) порушення стереотипів, що позначають фізичні властивості: Казав сліпий «Побачимо», казав глухий: «Почуємо», казав німий «Побалакаємо»...; «Побачимо», – сказав сліпий, «Почуємо», – сказав глухий, «Закріпимо», – сказав німий; Говорив німий сліпому: позирай, як хромий біжить; Десь дощ пішов, а його ноги болять; Та він на ліве око глухий, а на праве недочуває; Наївсь, аж лоб твердий; Гарбуза наїсися, а на вербу подивися, то станеш голоден; Побачиш, як своє ухо!; Побачимо, як свою потилицю!; Женили дрючком коло хати; Нема мочі – сама сила; Недавно осліп, а нічого не бачить; Казав сліпий до глухого: «Слухай, як безрукий голого обдирає»; Тікай, голий, а то обдеруть; Навіщо сліпцеві дзеркало! Він і у воду подивиться; Дуже поранений, і голови не знайшли; Виміняв сліпий у глухого зеркала на цимбали;

8) порушення стереотипів, що позначають властивості інтелекту: Не бачив Гриць воза та й сів на порозі, а думав, що на возі; Що там і говорить, коли нічого й балакати; Бодай не казати, а говорити можна; Письменний та не друкований; Мудрий мудрець гускою оре;

9) порушення стереотипів чуттєвих сприймань: Так і циган угадував, що завтра буде хоч дощ, хоч сніг, хоч сонячно; «День добрий!» — Приніс вас недобрий»; Не те, що мете, а те, що віє; Двоє білих, третє як сніг; Наївсь, як бик, перепавсь, як смик, і голоден, як собака; Рот дереться, спати не заманеться, а їсти так хочеться, що очі злипаються; Хоч не гарно, аби добре;

У нашого старости три радості: корова здохла, хата згоріла та жінка вмерла; Гуляйте з нашої хати, без вас веселіш! Хочеться їсти, аж шкура болить;

10) порушення стереотипів зовнішності людини: Похожий, як свиня на великий піст, макогін – на ночви, колесо – на оцет, цуценя – на пиріг, хвіст – на панахиду, олія – на дзвіницю;

11) порушення стереотипів поведінки: *Мертвий би, здається, зареготав; Піймав би муху та повісив би, другі дивились би й не кусались; Не рад пес, що вбитий, ще й ногами дригає!; Такий баштан, що, прикупивши, і продать можна;*

Всі Мيني з глини; Дадуть, аби доніс, а доженуть, то й ще дадуть; Сало здір покусало; Прийшов хтось, та взяв щось, та пішов кудись, а я за ним, та не знаю, за ким!; Сокира пливе, топорище утопло; «Де ти був?» – «Через річку переходив». «А чому ж ти сухий?» – «Бо немає чого їсти»; Наші їдуть, ваші йдуть, ваші наших підвезуть; Рот дереться, спати не заманеться, а їсти так хочеться, що очі злипаються; Тітко, у вас води немає напиться, бо я з вчорашнього дня нічого не їв і ночувати нема де; Не журиься, що нема чобіт: менше буде клопоту, а то ще мазати треба та взуватись!; Перш ти мене підвези, а потім я на тобі поїду!; Побачиши своїх – кланяйся нашим.

Застосовуючи метод кількісних підрахунків, з'ясовуємо кількісні вияви етнопаремійних одиниць, побудованих на парадоксі, за визначеними класифікаційними типами (групи розташовуємо за принципом спадаючої кількості):

№ з/п	Групи етнопаремійних парадоксів	Кількісний вияв
1.	порушення стереотипів відповідності	50
2.	порушення часових стереотипів	21
3.	порушення стереотипів, що позначають фізичні властивості	18
4.	порушення стереотипів поведінки	16
5.	порушення стереотипів міри	14
6.	порушення стереотипів, що позначають «соціальні ролі в суспільстві, в колективі, в сім'ї»	11
7.	порушення стереотипів чуттєвих сприймань	9
8.	порушення «речових» стереотипів	8
9.	порушення стереотипів, що позначають властивості інтелекту	5
10.	порушення стереотипів місця	2
11.	порушення стереотипів зовнішності людини	1
	УСЬОГО	155

Отже, бачимо, що в основі парадоксів в українських етнопареміях лежить алогізм. Такі паремії не мають мотиваційної бази або її неможливо встановити. Парадокс у етнопареміях зумовлений референційною незв'язністю, суперечливістю досвідних знань людини їх мисленневому аналізу у судженні та вербальній фіксації. Парадокси в українських етнопареміях ґрунтуються на народному гуморі й уживаються на позначення нісенітниць, дурниць чи чогось нездійсненого, нереального. Це не зовсім звичайне явище у межах так званої природно-розумової аргументації або наївного мислення. Тому дотепність завжди вважалася виявом небуденної свідомості, сприймалася як мовленнево-творча діяльність. Найтипівшими для українського паремійного парадоксу є порушення стереотипів відповідності. Внутрішня структура таких етнопаремій побудована на думці, що суперечить тривіальній логіці, а інколи й здоровому глуздові. Парадокс як стилістичний феномен характеризується високим рівнем непередбачуваності. Він є носієм образності, виразності, широкого діапазону емоційних відтінків, здійснює акцентування на певних ознаках і явищах. Парадокс додає етнопаремії дотепності і стилістичної вишуканості, робить її яскравою і неповторною. Паремійні парадокси зосереджують на собі увагу і свідчать про оригінальність думки та її національну самобутність.

Список використаних джерел

1. Тармаева, В. И. Фразеологический парадокс в свете когнитивной лингвистики / В. И. Тармаева // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2014. – № 4 (30). – С. 43–60.

2. Українські народні прислів'я та приказки: дожовтневий період / [упор. В. Бобкова, Й. Багмут, А. Багмут]. – К. : Державне видавництво художньої літератури, 1963. – 790 с.

The article is devoted to the study of Ukrainian ethnoparems, built on one of the methods of expressive style – paradox. The material of the study were puns, for which the paradox is a particularly telling feature. It's established that paradox is used quite productively in Ukrainian ethnoparems. Ethnoparems, based on the game paradox, which is a violation of common stereotypes, are typologized. It's established that the paradox in ethnoparems is caused by the incoherence of reference, the contradiction of human experience with their mental analysis in judgment and verbal fixation.

Keywords: ethnoparems, paradox, stereotype, pun, language game, alogism.

УДК 811.161.1:81'373.72

А. В. Валужева, Т. Н. Федуленкова

БЕЗЭКВИВАЛЕНТНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА С КОМПОНЕНТАМИ-АНТРОПОНИМАМИ

В статье дается краткая семантическая характеристика безэквивалентным фразеологическим единицам современного русского языка, которые относятся к предметному классу и включают в свой состав компоненты-антропонимы. Результаты исследования языкового материала, извлеченного из современных словарей на основе метода сплошной выборки, позволяют выявить пять видов безэквивалентных фразеологизмов.

Ключевые слова: безэквивалентные фразеологические единицы, фразеологизмы предметного класса, компонент, антропоним.

В эпоху полипарадигмального подхода к языку антропоцентрическая парадигма остается одной из наиболее востребованных «как важнейшая система научных представлений в современной лингвистике» [1], в частности, в изучении языкового материала как системы.

Научным основанием данного исследования послужили труды отечественных и зарубежных лингвистов в области:

— общей и сопоставительной фразеологии (Н. Ф. Алефиренко [2], К. И. Декатова [3], Т. Н. Федуленкова [4]);

— фразеологии русского и славянских языков (В. Л. Архангельский [5], В. П. Жуков [6], В. М. Мокиенко [7], А. М. Мелерович [8]);

— лингвокультурологии (В. Н. Телия [9], В. И. Карасик [10], М. Л. Ковшова [11], И. Н. Зыкова [12]).

Методологической и методической основой исследования послужили работы А. В. Кунина [13] и З. И. Комаровой [14]. В качестве иллюстративного материала привлекались контексты из Национального корпуса русского языка [15].

Объектом нашего исследования послужила разновидность фразеологизмов, которые составляют группу безэквивалентных фразеологических единиц (далее ФЕ) и по сути своей являются номинативными, или предметными ФЕ, один из компонентов которых представляет собой имя собственное, исторически восходящее к имени

определенного лица, с которым связано появление данной ФЕ. Такие фразеологизмы обладают высокой степенью индивидуализации, не называя прямо кого-либо, указывают на характерные черты того или иного человека, дают его яркую характеристику, выделяют его наиболее существенные свойства.

Наше исследование позволяет выявить несколько видов таких безэквивалентных фразеологических единиц, а именно:

1. Безэквивалентные фразеологизмы, включающие индивидуальные антропонимы: (а) *буриданов осел* – книжн. ‘о крайне нерешительном человеке, колеблющемся в выборе между двумя равносильными желаниями, двумя равноценными решениями’; выражение французского философа-схоласта Ж. Бурйдана (XIV в.); (б) *мамаево побоище* – разг. экспрес. ‘шумная, крупная драка или ссора; беспорядок в доме’; по имени татарского хана Мамаю, совершившего в XIV веке опустошительное нашествие на Русь и разгромленного русскими в Куликовской битве (1380 г.); (в) *Шемякин суд* – разг. устар. ‘несправедливый суд’; связано с личностью князя Дмитрия Шемяки (XV в.), произволом и беззаконием феодального суда; (г) *потемкинские деревни* – книжн. неодобр. ‘показное, мнимое благополучие, показной блеск, очковтирательство’; выражение связано с именем графа Г. А. Потемкина, государственного деятеля времен Екатерины II, приказавшего построить по пути следования императрицы в Крым бутафорские, показные селения с расписными избами. Проиллюстрируем рассматриваемые фразеологизмы:

(а) *Вчера пришел покупать колбасу и застыл перед прилавком, как Бурйданов осел с двадцатью двумя степенями свободы* (НКРЯ: В. Я. Тучков. Русский холод. Надуманное // «Волга», 2016).

(б) *Прилетело нехило утюгом. В общем, мамаево побоище. Менты растащить не могли. Да и чего менты – их с гулькину какашку и все безоружные, а тут мужичье под сотню рыл, знай и люби свой край* (НКРЯ: Кусчуй Непома. Там-машин // «Волга», 2014).

(в) *Ваксон шептал ему в ухо: «Борька, ты видишь, что они тут творят, гады? Да ведь это же чистый шемякин суд!»* (НКРЯ: Василий Аксенов. Таинственная страсть (2007)).

(г) *Никите Сергеевичу захотелось лично посмотреть, как живут французы и что продают в магазинах. Но так, чтобы без обмана и показухи, – сам хорошо знал, какие потемкинские деревни выстраиваются к приезду высокого гостя.* (НКРЯ: Олег Гриневский. Тысяча и один день Никиты Сергеевича (1997)).

2. Безэквивалентные фразеологизмы, включающие групповые антропонимы: (а) *гулливер и лилипуты* – книжн. ‘о чём-л. большом и чём-л. крошечно малом, противопоставленных друг другу по размерам или значимости’; по роману Дж. Свифта «Путешествия Гулливера»; (б) *панургово стадо* – книжн. ‘о толпе, безрассудно следующей за кем-л.’; из романа Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» (1532 г.). Проиллюстрируем рассматриваемые фразеологизмы:

(а) *За зданиями пакгаузов, при повороте Детерви увидел «Эквадор». Он вспомнил тогда Гулливера и лилипутов. Корабль, размеры которого глаз мог охватить только на отдалении, стоял стеной между ним и остальной гаванью. По длине, высоко громоздящейся над мостовой и, казалось, достигавшей домов порта, мог продвигнуться целый небольшой пароход* (НКРЯ: А. С. Грин. Голос сирены (1924)).

(б) – *Это не народ, – сказал отец, – это мерзость, чернь, Панургово стадо... Народ пока безмолвствует. Нет, я верю: Россия возродится...* (НКРЯ: Сергей Бабаян. Господа офицеры (1994)).

3. Безэквивалентные фразеологизмы, включающие ФЕ, прототипом которых являются названия художественных произведений, статей и т.п.: (а) *живые мощи* (заглавие одного из рассказов И. С. Тургенева в «Записках охотника»), (б) *демянова уха* (название басни И. А. Крылова), (в) *вяленая вобла* (название сатирической сказки

М. Е. Салтыкова-Щедрина). Проиллюстрируем рассматриваемые фразеологизмы:

(а) *В тот же день, прежде чем отправиться на охоту, был у меня разговор о Лукерье с хуторским десятским. Я узнал от него, что её в деревне прозывали «Живые мощи», что, впрочем, от неё никакого не видать беспокойства; ни ропота от неё не слышать, ни жалоб. «Сама ничего не требует, а напротив – за всё благодарна; тихоня, как есть тихоня, так сказать надо. Богом убитая, – так заключил десятский, – стало быть, за грехи; но мы в это не входим* (НКРЯ: И. С. Тургенев. Живые мощи (1874)).

(б) *Думаю, что, желая создать мощный блок газет в защиту президента, М. Н. Полторанин перестарался. Получилась Демьянова уха. На следующий же день я в самых решительных словах высказал Борису Николаевичу свои опасения. В результате Указ подвергся решительной переработке. Все эти закулисные маневры сказывались на подготовке встречи с главными редакторами, усложняли мои отношения с Полтораниным* (НКРЯ: Вячеслав Костиков. Роман с президентом (1996)).

(в) ... ну, да ведь и в деле распространения здравых мыслей без того нельзя, чтоб кто-нибудь паскудой не обругал... **Вяленая вобла**, впрочем, не смущалась этими напутствиями. Она не без основания говорила себе: «Пускай сначала к голосу моему привыкнут, а затем я своего уж добьюсь...» *Надо сказать правду: общество, к которому обращались поучения воблы, не представляло особенной устойчивости* (НКРЯ: М. Е. Салтыков-Щедрин. Сказки / Вяленая вобла (1869–1886)).

4. Безэквивалентные фразеологизмы, включающие ФЕ с компонентами-именами героев литературных произведений, являющихся символом каких-либо качеств человека или группы людей: (а) *Акакий Акакиевич (Баимачкин)* (герой повести Н. В. Гоголя «Шинель»), (б) *Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна* (герои романа Н. В. Гоголя «Старосветские помещики»), (в) *Унтер Пришибеев* (герой одноименного рассказа А. П. Чехова); (г) *лиса Патрикеевна* – прост. презрит. ‘лукавый, хитрый, пронырливый человек, проныра, лстец’. Проиллюстрируем рассматриваемые фразеологизмы:

(а) *И ещё мнение: – Что вы, он не Акакий Акакиевич, он – значительное лицо. Хотя действительно когда-то был очень мил и приветлив. А вот потом поехал в Америку и уж вернулся оттуда надутый* (НКРЯ: Владимир Войнович. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру (1976)).

(б) – *Не люблю я Прекрасную Даму! – Я тебе служу, – сказал я, – не как прекрасной даме рыцарь, а как служили друг другу Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна. Л. этому обрадовалась и помирила нас с Замошкиным. Я сказал...* (НКРЯ: В. Д. Пришвина, М. М. Пришвин. Мы с тобой. Дневник любви (1940)).

(в) – *Так ведь сейчас она большой человек, можно сказать – ученый, а муж – лапоть, унтер Пришибеев, – тихо сказал он, сказал без всякой злости на жену, а словно взвешивал на ладонях справедливость своих слов. Он даже взглянул мне в глаза, не уверенный, что я его слышу или правильно его понял, горячо добавил: – Вы не подумайте там чего, оно ведь так и есть. – Давно наметились у вас такие настроения в семье?* (НКРЯ: Аркадий Вайнер, Георгий Вайнер. Лекарство против страха (1987)).

(г) – *Какая же ты хитрая, Маришка, – с невыразимой нежностью говорит он. – Лиса Патрикеевна... Я-то думал, меня ничем не взять. Молчат* (НКРЯ: Вячеслав Рыбаков. Хроники смутного времени (1998)).

5. Безэквивалентные фразеологизмы, включающие ФЕ фольклорного происхождения, восходящие к народным песням, былинам, сказкам. Например, (а) *Баба-яга* – народн. ‘злая старуха, колдунья’ (персонаж русских народных сказок); (б) *царевна Несмеяна* – народн. шутол. или ирон. ‘серьезная, задумчивая девушка, которую трудно рассмешить; тихоня, скромница’ (по имени героини русских народных сказок); (в) *(Фома да Ерема, да) Колупай с братом* – сиб. шутол. – ирон. ‘о глупых, недалеких людях’ (по имени традиционных русских скоморошных персонажей); (г) *Кощей Бессмертный* – ‘злой, жадный, скаредно-скупой человек’ (персонаж

восточнославянских народных сказок, крайне худой, костлявый старик, богатый, скупой и алчный) и др. Проиллюстрируем рассматриваемые фразеологизмы:

(а) *Фрола и Лавра больше других любила, за то, что скотину всякую милуют. Религиозной-то по-настоящему не была, а святые – откуда-то из детства, как для нас Баба-Яга или Кощей Бессмертный. Не то чтобы верим, а всё же живые они для нас. Бабушка ей про святых рассказывала* (НКРЯ: И. Грекова. Перелом (1987)).

(б) *Дима был галантен, рассказывал истории, старался развлечь. – Ты как царица Несмеяна, – пошутил он, когда подали десерт. – И почти ничего не ешь. Тебя скоро ветром уносить будет. Таня улыбнулась* (НКРЯ: Маша Трауб. Замочная скважина (2012)).

(в) *Счастливой маткой оказался я. Осмотрел свою команду, как всегда, сделал недовольный вид – не команда у меня, а колунай с братом! Сброд какой-то! Вон к другому матке попали люди как люди!..* (НКРЯ: Виктор Астафьев. Последний поклон (1968–1991)).

(г) *Помирать стану. Я тоже – не Кощей Бессмертный, два-то века колотиться... Потом слышались долгие стариковские жалобные всхлипы и вздохи...* (НКРЯ: В. Г. Галактионова. 5/4 накануне тишины // «Москва», № 11, 12. 2004)).

Все фразеологизмы рассматриваемой группы можно отнести к собственно русским фразеологизмам.

Одной из основных черт, характеризующих фразеологические единицы с компонентом-антропонимом, является семантическая спаянность компонентов, позволяющая им выступать в качестве единой семантически не расчлененной единицы языка, выражающей единое понятие предметности.

Перспективу работы видим в сборе и описании фразеологического материала для составления словаря безэквивалентной фразеологии современного русского языка.

Список использованных источников

1. Маслова, В. А. Современные направления в лингвистике / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2008. – 272 с.
2. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм : монография / Н. Ф. Алефиренко. – М. : ООО Изд-во «Эллис», 2008. – 271 с.
3. Декатова, К. И. Семантика фразеологизма с логически несовместимыми компонентами в современном русском языке (в сопоставлении с английским языком) / К. И. Декатова // Фразеологическое пространство национального словаря в сопоставительном аспекте : монография / отв. ред. Т. Н. Федуленикова. – Архангельск : Поморский университет, 2008. – С. 65–85.
4. Федуленикова, Т. Н. Фразеология и типология: к типологической релевантности фразеологии / Т. Н. Федуленикова // Филологические науки. – 2005. – № 1. – С. 74–80.
5. Архангельский, В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке : Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии / В. Л. Архангельский. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1964. – 315 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://search.rsl.ru/ru/record/01005950056>. – Дата доступа : 15.05.2020.
6. Жуков, В. П. Семантика фразеологических оборотов / В. П. Жуков. – М. : ЛЕНАНД, 2019. – 176 с.
7. Мокиенко, В. М. Культурно значимые смыслы ФЕ как их историко-этимологическая ретроспекция (на материале «Большого фразеологического словаря русского языка» под редакцией проф. В. Н. Телия) / В. М. Мокиенко // Живодействующая связь языка и культуры. – Т. 1. Язык. Ментальность. Культура. – М. – Тула : Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2010. – С. 224–231.
8. Мелерович, А. М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2008. – 484 с.
9. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
10. Карасик, В. И. Языковая матрица культуры / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2013. – 320 с.

11. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии : Коды культуры / М. Л. Ковшова. – изд. 3-е. – М. : ЛЕНАНД, 2016. – 456 с.
12. Зыкова, И. В. Концептосфера культуры и фразеология. Теория и методы лингвокультурологического изучения / И. В. Зыкова. – М. : ЛЕНАНД, 2019. – 380 с.
13. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – М. : Высшая школа, Дубна : Феникс, 1996. – 381 с.
14. Комарова, З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике / З. И. Комарова. – М. : ФЛИНТА, Наука, 2018. – 820 с.
15. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 17.07.2020.

The article gives a brief semantic characteristic of the non-equivalent phraseological units of the modern Russian language, which belong to the subject class and include anthroponymical components. The results of the study of the language material extracted from the modern dictionaries based on the continuous sampling method reveal five types of non-equivalent phraseologisms.

Keywords: non-equivalent phraseological units, phraseologisms of the subject class, component, anthroponym.

УДК 811.161.2'282(477.52/6)

І. В. Гарбера

СТРУКТУРНА КЛАСИФІКАЦІЯ ФРАЗЕОЛОГІЗМІВ СХІДНОСТЕПОВИХ УКРАЇНСЬКИХ ГОВІРОК ІЗ АРХІСЕМОЮ ‘ЛЮДИНА’

У статті подано структурний опис фразеологізмів східностепових українських говірок із архісемою ‘людина’. Виявлено, що найчисельнішою є група ареальних фразеологічних одиниць, організованих за структурною моделлю словосполучення; другою за численністю групою є ареальні фразеологічні одиниці, організовані за структурою речення; на периферії перебуває третя група ареальних фразеологічних одиниць зі структурою «неповнозначна частина мови + повнозначна».

Ключові слова: ареальна фразеологічна одиниця, структурна класифікація, структурна модель.

Структурний поділ фразеологізмів – традиційний для вітчизняного мовознавства. Л. Скрипник виокремлює два граматико-структурні класи фразеологічних одиниць: організовані за моделлю словосполучення, семантико-структурною особливістю яких є співвідносність із окремим словом і функціонування в ролі члена речення; фрази, що мають організацію простих або складних речень [1, с. 23]. Л. Авксентьев фразеологічні одиниці української мови також поділяє на дві великі групи: фразеологізми, які структурно організовані за моделями речення, і фразеологізми, співвідносні за своєю будовою із словосполученнями [2, с. 98]. В. Білоноженко в українській фразеології виокремлює такі два класи одиниць: фразеологізми замкненої структури (стабільні щодо компонентного наповнення і синтаксичної будови, можуть бути введені в речення як цілком закінчені та самостійні, залежні від контексту лише на рівні семантики), фразеологізми незамкненої структури (у їх структурі є варіативна лексема, залежна від мовленнєвої ситуації, обов’язково доповнюються членами, введеними в речення в довільному порядку) [3]. В. Ужченко та Д. Ужченко до основних структурно-граматичних типів фразеологічних одиниць відносять: фразеологізми, організовані за моделлю сурядних сполучень слів; підрядних словосполучень; речень [4, с. 103].

Зібраний нами фактичний матеріал (706 фразеологічних одиниць, зібраних експедиційним шляхом у смт Новотроїцьке, смт Ольгінка Волноваського району Донецької області) розподілено на три групи: зі структурою словосполучення (73,23%); зі структурою речення (25,21%); зі структурою «неповнозначна частина мови + повнозначна» (1,56%).

Ареальні фразеологічні одиниці, організовані за структурою словосполучення, утворюють найбільшу групу, в межах якої можна виділити кілька типових моделей:

1) модель «іменник + іменник + службова частина мови»: *ангел з крильцями, аришин з кепкою, бочка з огірками, вавка в голові, Васьок з Водяної, Вася з колхозу, Вася з фабрики, вилка в туплях, віця під лопухом, відьма з болота, вітер в мізку, вітер у полі, вуха як у лисиці, в голові завірюха, глиста в скафандрі, глиста під мікроскопом, гном без ковпачка, голова як чавун, горе та нудьга, горобчику по коліна, губа не з лопуха, дрофа на ходулях, Дуня з трудоднями, дурочка з переулочка, Дуся з пивзаводу, душа як у латиша, замість мозку капуста, золото з пластмаси, зять з гори, і вуха в грязюці, каструля з вухами, Катька з хозтоварів, кожа та кості, коза в сарафані, комедія без картинок, кров з молоком, ліліпут без Гулівера, Манька в абрикосах, маргарин у черепі, мішок із дустом, мішок із половою, на голові зеркало, на сто процентів, ни людям ни собаці, ні в солдати ні в матроси, ні в тин ні в ворота, ні живий ні мертвяк, ні риба ні м'ясо, ні свячене ні печене, ноги як колодки, рукава по коліна, сало без хліба, сатана з рогами, свиня в костюмі, серце як у горобчика, Сірко в пасльоні, сквозняк в голові, смерть в очах, сутки без обіду, Толік з водокачки, франт без шарпеток, цвях у гузні, чорт у боклазі, чудо в решеті, явлення в решеті, язик по коліна, як Віталька без мозгів, як із гівна куля, як із зайця мірошник, як з гуся вода, як з мужика піп, як мамонт на жирафа;*

2) модель «іменник + прикметник»: *ангел небесний, баба базарна, бабське радіо, бабський телефон, бабський тупель, безхребетна людина, бичача голова, божий одуванчик, важна птиця, велика сила, вищий кришії, пишина цяця, волова жила, волохата лапа, гадюча голівка, гарбуз конопатий, гвіздочок сталевий, голуба кров, гримза патлата, гуляка святковий, ділова колбаса, дрючок горбатий, дуб сосновий, дурочкіна свиха, економний жлоб, жаба пупирчаста, живий ум, зведення боже, змія підколодна, зух непослідній, індюшка горбата, кінь педальний, кіт мартовський, крокодилиця зелена, куряча воша, майстрова жила, малохольна людина, месна газета, мокре гуся, наглядне пособіє, попів робітник, посьолочна дівка, посьолочне радіо, пугливий папуга, рева Бугарева, сибірський валянок, сивий валянок, сірий коник, скажена качка, слон клишоногий, собача пара, солом'яна башка, солом'яна душа, сонна муха, спіла дівка, страхота господня, страшенна сила, сумирна віця, суха яблуня, товктливий Марко, товстий вареник, товста шкура, церковна миша, циганська душа, червона писанка, чортова куца, широкое горло, шкура барабаняча, юний орел, яблучко пузате, язиката Хвеська;*

3) модель «дієслово + іменник + службова частина мови»: *аж за щелепи хватати, аж мохом узятися, аж світитися сонцем, аж тремтіти листом, балакати крізь губу, без рукавиць не взяти, від Ветрова залетіти, водою не розмити, вола б з їсти, впасти на умняк, втовкти в голову, в гречку стрибати, в діди записатися, в ріжок накласти, в роті засмачити, в тріски можна взяти, в штани наложити, голосу не підвести, дійти до ручки, дійти до цурки, за вітром хилитися, за день не оббігти, за швабру ховатися, зійти з лиця, зірватися вниз головою, зірватися з тормозів, змішати з грязюкою, з дуба впасти, з дурки втекти, з пальця сміятися, з розуму здуріти, ізсохнутися на ухнарь, і в ступі не влучити, і дрючком не злякати, і краном не зрушити, і ноги не підняти, кісток не чути, лежати як на покуті, мов жабу ковтнути, мов язик одкусити, надратися в стельку, нажати на тормоз, народитися в квітні, на бричці не підкотитися, ніби смішинку з їсти, перемерзнуть на кізяк, підійти під характер, підметка не стоїти, підсісти на вуха, робити на аптеку, спати на ходу, тіки на ногах стояти, тіки ноги тягати, тіки по смерть посилати, тіки собак ганяти, тіки-тіки тепло чути, ховатися за удочку, ходити з барабаном, хоч із руж'я стріляти, хоч ширнути межі*

очі, через губу не плюнути, язика не розв'язати, як із парілки вийти, як на вилах ходити, як неначе блекоти об'їстися, як рубель подарувати;

4) модель «дієслово + іменник»: *аїста виглядати, акваріум ковтнути, аришин з'їсти, асфальт обнімати, барвінком стелитися, бити буруна, брехні розводить, бугая піднімати, будку наїсти, васильками пахнути, вивіряти ума, вік колготити, вінками смердіти, вколоти шпильку, впіймати рака, вуха настобурчити, головою вдаритися, городити чортівню, дивитися чортом, дошки збирати, дрижаки їсти, духовку нажрати, душу виворачувати, душу закислити, жигало ковтнути, закрити піддувайло, збити бучу, кидати косяки, кістками торохтіти, класти гнів, клацати зубами, коноплі об'їстися, кренделя викидати, крючки збирати, легені відхаркувати, мітати ікру, набратися страху, накидати ключечку, продавати дрожжі, розум вистаріти, ромашками тхнути, тополлю доганяти, утробу набити, ходити тінню, череду шукати, чесати гриву, юлу ковтнути, язиком плескати;*

5) модель «дієслово + іменник + іменник + службова частина мови»: *аж ногами в землю врости, без драбини хату мазати, без мила в очі лізти, бога за бороду взяти, виляти як собака хвостом, витися як вуж у траві, вити вовком на місяць, волосся стерти об подушки, головою об тучі битись, до дивана жопою прирости, дякувати по спині ломакою, живіт через спину чухати, жити як у Христа за пазухою, за руб зайця перегнати, землі під носом не бачити, зерно від полови відділяти, зібрати нерви в тряпочку, зуби на полицю закинути, зуміти впіймати і вовка за вуха, з шагу копійку украсити, із розбовтка курча висидіти, і мертвяка на ноги звести, і руки у воді не вмити, і слово в могилу загнати, і хвоста коту не зав'язати, і через губу язика не просунути, і чорту в пащу залізти, кататися як сир у маслі, об стінку горох кидати, повертатися як слон за зайцем, покласти вуха на спину, попадати пальцем в небо, проскочити крізь решето і крізь сито, солі на рану насипати, стиснути нерви в кулак, товкти часник у ступі, у Сірка очі вкрасти, у ступі воду молотити;*

6) модель «іменник + дієприкметник»: *бита-перебита башка, бита голова, битий вовк, Вася отморожений, виутюжений Іван, віця обскубана, Геракл висушений, головастік заспиртований, гречкою притрушений, зелень незрізана, кабеля невироблена, кішка драна, кропивою вкушений, кульбаба здута, курка обципана, медом намазаний, неопалима купина, писана ікона, сапогом прибитий, свиня вгодована, свиня недорізана, смерть ходяча, драний віник, стріляна сорока, трактором переїханий, ходячий скелет, ходяча кляча, ходячий вмерлець, ходячі ворота, цуцик замандрючений, щибнем побитий;*

7) модель «іменник + іменник»: *баран бараном, дочка лисиці, дуб дубом, дурак дураком, жертва перестройки, позор джунглів, син Ветрова, хмара хмарою;*

8) модель «дієслово + іменник + іменник»: *головою хмари підпирати, горобців руками ловити, завертіти хвіст бубликом, зубами дріт перекусити, носом небо зачепити;*

9) модель «числівник + числівник + службова частина мови»: *вісім на вісім, два на два, дев'ять на дванадцять, десять на дванадцять;*

10) модель «дієслово + іменник + прикметник»: *валяться гнилою колодою, давати масляні вишкарки, наїстися смішного борцю, шукати вчорашній день та ін.*

Друга за численністю група – ареальні фразеологічні одиниці, організовані за структурою речення. У її складі можна виокремити кілька типових підгруп:

1) просте двоскладне речення (непоширене): *аж вуха в'януть; аж вуха горять; аж голова тріщить; аж жир капає; аж каганці засвітились; аж каша кисне; аж кишки болять; аж коліна дрижать; аж кури сміються; аж морда лопається; аж ніс почервонів; аж печінки холонуть; аж піт виступив; аж потрюх сипиться; аж п'яти почервоніли; аж серце зайшлося; аж серце закалатало; аж слина тече; аж сорочка змокрила; аж сорочка пополотніла; аж тирса сипиться; Африка пішла; болячки обсіли; вітер зламає; гівна перегоріли; годи накривають; голова аж гуде; голова розривається; голова як не лопне; груди розпухли; гедзики б'ють; два буде; дзита вкусила; душа тіліпаєть-*

ся; жаба даве; завелася семиділіха; завіна взяла; і бугай отелиться; і кури загребуть; і мертвяк заговорить; і півень несеться; і цап доїться; і чорт не брат; кишки злиплися; кишки сваряться; кози лижуть; кондрики напали; криша поїхала; макітра не варе; мозги риплять; наковальня остила; наче печаль потиснулася; нерви грають; ноги аж гудуть; психи б'ють; тормоза отказали; хвороба звалила; шкура горить; як камінь даве;

2) просте двоскладне речення (поширене одним другорядним членом):
а) обставиною (аж із волосся дощ тече; аж мороз поза шкурою дере; аж очі рогом стали; аж піна з рота летить; аж сало з вух капає; віжка під хвіст попала; вітер в голові віє; вітер у карманах гуляє; вода в роті не задержиться; в голові бабочки мацюкаються; в животі сум завівся; душа в чоботах теленькає; живіт між ребрами провалився; зірда горить у лобі; летять вітри із макітри; маки в голові квітнуть; не туди руки стирчать; оса сіла під хвіст; оси в голові літають; під носом соплі замерзають; смерть погулять випустила; три дні макаки лиськали; усе в руках горить; шарики за роілки заходять); б) додатком (аїст круг зробив; багно болотові завидує; бджола меду дала; глисти в карти грають; голова з туловищем не друже; голова повна ума; голова половою набита; живіт до спини приріс; живіт сало зав'язав; злості повні кості; змія прикидається ягнятком; змія серце жале; сорочку воші з'їли; язик до задниці приріс); в) означенням (аж гусяча шкура вилізла; Васька бабина сестра; всі огні горять; всі собаки знають; ОБС (одна баба сказала); одні маслаки стирчать; одні очі остались; одні ребра стирчать; третій сорт – не брак; чорні галки літають);

3) просте односкладне речення (поширене одним другорядним членом):
а) обставинами (аж в очах замиготіло; аж у вухах заляцало; аж у Києві видно; аж у носі закрутило; в голові аж дзвенить; в голові стрижено; в дитинстві роняли; в жар кишло; в кишені аж гуде; в носі кругло; в роті чорно; гуде в голові; засняділо в мозгах; на конях не об'їдеш; рознесло як на дрожжах; хоч у воли запрягай; хоч у вухо стрель; як через м'ясорубку перекрутили); б) додатками (аж груди розпирає; аж дихання перехватило; аж дух забиває; аж за живіт тягне; аж морозом сипнуло; аж очі виїдає; аж скули зводить; взяло за живіт; вітром носе; хоч віник зв'язи; хоч узори знімай; як наче ціпом помолотили);

4) складне речення: була одна волосина, та й ту воша одкусила; Васька є, Дуньки нема; добрий, як спить і сопе в дві дірочки; і дурень – не дурень, і розумний не такий; і з якого боку підійти, не знаєш; і умне – не умне, і дурень не такий; нате й моїх п'ять, щоб було ваших десять; нема гори, самі яри; односуми, що чорт їх розсуне; солодкий, хоть до рани прикладай; такий кадр, що нікуди дітсья; там весна, там зима, а тут шариків нема; те, що коней кусає; хотів лизь, а получилось гав; якби бабі яйця, догнала б зайця;

5) просте двоскладне речення (поширене кількома другорядними членами): ваші двері нашій хаті двоюрідний погріб; голодній кумі тільки хліб на умі; двоє з лиця як з одного яйця; дід бабі троюрідний Стьопка; лишній рот страшніше пістолета; незваний гість хуже татарина; не з того міста руки вирости; оцей возьме бога за бороду; покірливе телятко дві матки сосе; сам себе раз на рік любе;

б) просте односкладне речення (поширене кількома другорядними членами): винтика не хвата в голові; в голові масла не хватає; гени пальцем не задавиш; любопитній Варварі хвіст одірвали; підпирає кілком під груди; сьомої клепки не хвата в голові; хоть кіл на голові теши; хоч заздалегоди і свічку станови; хоч став у святий вугол та молись.

Третя група ареальні фразеологічні одиниці («неповнозначна частина мови + повнозначна») найменш численна й об'єднує такі одиниці:

1) модель «прийменник + іменник»: без коників, в годах, з вибриками;

2) модель «сполучник + прийменник + іменник»: як з журналу, як з інкубатора, як на пружині;

3) модель «частка + вигук» (формально зараховуємо вигук до повнозначних частин мови): *ні бум-бум, ні тпру ні но*;

4) модель «сполучник + іменник»: *як антена, як іграшка*;

5) модель «частка + прийменник + іменник»: *аж під стелю*.

Отже, фразеологізми східностепових українських говірок із архісемою 'людина' демонструють значний потенціал у своєму значеннево-структурному вияві, зокрема ті, що співвідносні з моделлю словосполучення.

Список використаних джерел

1. Скрипник, Л. Фразеологія української мови / Л. Скрипник. – К. : Наукова думка, 1973. – 280 с.
2. Авксентьев, Л. Сучасна українська мова. Фразеологія / Л. Авксентьев. – Х. : «Вища школа», 1983. – 137 с.
3. Білоноженко, В. Незамкнені фразеологічні структури та їх лексикографічна інтерпретація / В. Білоноженко // Мовознавство. – 1984. – №1. – С. 41–44.
4. Ужченко, В. Фразеологія сучасної української мови / В. Ужченко, Д. Ужченко. – Луганськ : Альма-матер, 2005. – 400 с.

The article provides a structural description of the phraseology of Eastern Steppe Ukrainian dialects with the archisema 'human'. It is revealed that the most numerous is the group of areal phraseological units, organized according to the structural model of the phrase; the second largest group are areal phraseological units, organized by sentence structure; on the periphery is the third group of areal phraseological units with the structure "incomplete part of speech + full".

Keywords: areal phraseological unit, structural classification, structural model.

УДК 811.161.1'0'374.2:398.91

Е. В. Генералова

ПОСЛОВИЦЫ КАК ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ МАТЕРИАЛ В ИСТОРИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ

В статье обсуждается возможность и информативность использования пословиц как иллюстраций в исторической лексикографии, рассматриваются функции пословичных высказываний в историческом словаре толкового типа. В свою очередь материалы исторических словарей, содержащих пословицы в качестве иллюстраций, демонстрируют место пословичной лексики в лексико-семантической системе языка определенного периода.

Ключевые слова: поговорки, историческая лексикография, словарная статья, история языка, семантика.

Пословицы, поговорки, притчевые афоризмы – складывавшийся веками ценнейший языковой ресурс. Однако вопрос, в какой мере он может быть использован для лексикографических иллюстраций, совсем не прост.

В настоящей статье рассматриваются некоторые общие аспекты, связанные с применением пословичных высказываний как иллюстраций в исторической лексикографии. С одной стороны, таким образом, в статье обсуждается лексикографический вопрос: насколько в историческом словаре пословичные контексты могут выполнять функции иллюстраций в словарных статьях, т. е. языковых примеров, которые «подтверждают наличие слова или значения в языке, разъясняют значение слова в контексте, показывают переход слова из языка в речь, приобретение им дополнительных оттенков значения, сообщают сведения внеязыкового характера об обозначаемом

предмете, повышают познавательную ценность словаря» [1, с. 463]. С другой стороны, проблематика статьи актуальна в аспекте исторической паремиологии: рассмотрение места паремий в исторических словарях важно в свете назревшей проблемы документированного диахронического исследования пословичного материала. В. М. Мокиенко подчеркивает, что «отточенной методики лингвистического анализа славянских пословиц в диахроническом аспекте, однако, нам очень не хватает и, судя по всему, она еще не скоро появится [2, с. 17].

С учетом того, что специфика исторической лексикографии заключается в интерпретации письменных свидетельств языка определенного периода, первый вопрос, который решают авторы исторического словаря, – проблема четкой временной атрибуции пословичного материала. Сложность состоит в том, что паремии – древний материал, многие пословично-поговорочные высказывания имеют фольклорное, другие – цитатное происхождение, в связи с чем затруднительно их однозначное отнесение к определенному хронологическому периоду. Составитель исторического словаря при решении использовать в словарных статьях пословичные иллюстрации ориентируется на дату создания памятника, содержащего паремии. При этом паремии могут фиксироваться как включенный материал в виде цитат (например, афоризмами изобилует «Моление Даниила Заточника», ряд пословиц и поговорок обнаруживается в разговорниках иностранных купцов и путешественников XVI–XVII вв., и т. п.), а могут составлять содержание специальных сборников (сборники назидательных афористических изречений были популярны еще в Древней Руси, например, древнерусская «Пчела», «Апофегмата» и др., наиболее ранние же сборники собственно пословиц появляются в России в конце XVII – начале XVIII вв). Именно в связи с историей фиксации пословиц в памятниках русского языка находится лексикографическая практика: словари, описывающие более ранний языковой период («Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.»), не включают пословицы в качестве иллюстраций (хотя вполне возможно, что как устные высказывания эти сентенции уже были известны в то время), словари же, описывающие языковую стихию, характерную для более поздних периодов («Словарь русского языка XI–XVII вв.», «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.», «Словарь русского языка XVIII вв.»), используют этот иллюстративный материал, подтверждая его ссылкой на источник письменной фиксации конкретной пословицы.

Сопоставление пословичного материала с общим массивом лексики, описываемой в исторических толковых словарях, демонстрирует справедливость такого решения: можно наглядно наблюдать общую преемственность лексического состава пословиц и основного словарного состава языка соответствующего периода. Более того, ярко обнаруживается такая черта лексики пословиц, как традиционность. Например, включаемые в «Словарь русского языка XVIII в.» пословицы из сборника Симони 1700–1730-х гг. [3] не обнаруживают в своем составе слова иноязычного происхождения собственно Петровского времени (притом, что активизация процесса заимствования из европейских языков, как известно, яркая черта Петровской эпохи), зато включают заимствования из западноевропейских языков, относящиеся к периоду языка Московской Руси: см. *аптека* (слово заимствовано в XVI в.) (*Аптека улечитъ на полвека, Аптека не о два вѣка* [3, с. 173], *Аптекарь придаватса уже денгам не жаться* [3, с. 174]) и производное *аптекарь* (*Аптекари лѣчатъ а хворыя крычатъ* [3, с. 174]), *фляга* (фиксируется в XVI в.) (*Варить брага потерять и фляга* [3, с. 177]), *пань* (хорошо освоенное в XVII в. заимствование из польского, используется в пословице уже с переносным, расширительным значением ‘барин, помещик, хозяин’) (*Хрстьянинъ пьянь то самъ себѣ пань* [3, с. 200]). В пословицах сборника Петровской эпохи фиксируется также ряд слов, не функционирующих в языке XVIII в., но хорошо известных в языке предыдущего периода, на этот факт обращает внимание и Д. А. Мартынов, сопоставляющий лексику пословиц с лексическими материалами словарей, описывающих разные периоды истории русского языка [4, с. 68–69]. См. например:

в «Словаре русского языка XVIII в.» отсутствует существительное *грай* (*Грай соколу, а лягушка воронь* [3, с. 180]), есть только глагол *грать* ‘кричать (о вороне)’ [5, вып. 5, с. 225], в то время как в старорусском языке хорошо известен и глагол *грать*, и существительное *грай* ‘отрывистые, резкие звуки, издаваемые птицами’ [6, вып. 4, с. 249].

Таким образом, языковой материал пословиц, являющийся, как правило, результатом многовековых процессов лексико-семантического отбора, сложения, закрепления, может быть отнесен к тому или иному хронологическому периоду с учетом фиксации паремий в датированном сборнике (памятнике), причем это очень показательный и информативный материал в отношении преемственности словарного состава разных эпох.

Вторая проблема – жанровая специфика пословичного материала, его фольклорное (во многих случаях) происхождение. Включение или невключение паремиологического материала напрямую обусловлено концепцией соответствующего исторического словаря. Паремии являются обязательными иллюстрациями в словаре отдельного памятника, построенного по принципу тезауруса (как, например, «Словарь «Моления Даниила Заточника»»), уместны в словаре определенного типа языка (например, в «Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.», отражающем процесс формирования общенародной обиходно-разговорной речи в сложном взаимодействии разных лексических пластов). Пословичные иллюстрации, как правило, включаются в словари, описывающие языковую стихию определенного периода, от которого дошли сборники паремий («Словарь русского языка XVIII в.»), в общий регистрирующий словарь («Словарь русского языка XI–XVII вв.») и обычно не используются в исторических диалектных словарях, терминологических исторических словарях.

Отдельный вопрос представляет собой семантическая характеристика слов, входящих в состав паремий. Отказ от использования пословичных иллюстраций в лексикографии обычно аргументируется тем, что пословица имеет не буквальный, а обобщенный, переносный смысл. Мы склонны согласиться с Г. М. Шипицыной, что «феномен обобщенного метафорического значения пословицы формируется не столько за счет переноса значения у отдельных лексических компонентов пословицы, образующих ее образную структуру, сколько за счет утраты словами пословицы изначальной референции изображаемых объектов и, как следствие, – развивающейся диффузности переносно-образного значения» [7, с. 229]. Утрата конкретной референции не является препятствием для использования пословицы как иллюстрации в словаре толкового типа, так как иллюстрации обычно и подбираются как подтверждения типовых, шаблонных употреблений слова. Например, при включении в словарную статью *вошва* «Словаря обиходного русского языка Московской Руси» иллюстрации *Дороже козуха вошвы стали* [3, с. 96], отсутствие у слова *вошва* конкретной референции (сравн. *А дати ть денги за вошвы, что взяты кь ризамь на оплечье (Расходные книги и столпцы Поместного приказа (1629-1659 гг.), 1644 г.)* [6, вып. 3, с. 77] и наличие общего метафорического инносказательного смысла пословицы не препятствует использованию паремии в качестве иллюстративного материала. В отношении же второго, инносказательного плана высказывания, исторический словарь, где единицей описания является слово, не ставит задачу интерпретации этого обобщенного, метафорического понимания высказывания и задачу истолкования расширительного смысла пословиц, но словарь отмечает переносные значения слов: например, на основе пословичного контекста *Измазану бѣдами не измытса водами* [3, с. 110], у глагола *измазать* в словаре выделяется переносное значение ‘измучить’ [6, вып. 8, с. 261].

В историческом словаре толкового типа паремии, используя как иллюстрации, выполняют целый ряд функций. Пословицы, наряду с другим языковым материалом, подтверждают распространенные значения частотных слов. Так, в «Словаре обиходного русского языка Московской Руси» пословичные контексты иллюстрируют содержание почти половины словарных статей: включены, например, в статьи на лексемы *дуровать*

‘нарушать установленные правила, делать что-л. плохое, предосудительное’ (*Баба дуруеть а дѣду грѣхи* [6, вып. 6, с. 81]), дух ‘запах’ (*Наишь Ульянь и з духу пьянь* [6, вып. 6, с. 83]), *ез* ‘заграждение на реке в виде плотины из хвороста, переплетенных прутьев, забитых в дно реки бревен и т. п. с промежутками для неводов или сетей, предназначенное для ловли рыбы’ (*Бзь в рекъ а язъ в Окъ лишь соли да хлебай* [6, вып. 6, с. 126]) и др.

Не менее, если не более важной функцией паремий как иллюстраций является их возможность подтверждать наличие в старорусском языке слов, не зафиксированных в других рукописных источниках. Т. е. определенное количество слов имеют единственную фиксацию в виде пословицы: например: *златолюб* ‘кто испытывает пристрастие к золоту, деньгам; скряга, скупой’ (*Златолюбъ не гъсть колачовъ* (Сим. Послов., 106, XVII в.)) [6, вып. 8, с. 70], *злонравный* ‘имеющий дурной нрав, характер’ (*Знай жену злонравну. что свиню приправну* (Сим. Послов., 107, XVII в.)) [6, вып. 8, с. 80]. При этом в ряде случаев слово, подтвержденное единственной цитатой-пословицей, является омонимом к другому слову, зафиксированному в словаре: см. *брань*¹ ‘тонкие дощечки, используемые для настила крыши’ и *брань*² ‘наказание побоями’ (*Умному брань что глупому дрань* (Сим. Послов., 146, XVII в.)) [6, вып. 6, с. 33] (слово зафиксировано только в пословице).

Пословица может быть одним из немногих (или даже единственным) примером, демонстрирующим реализацию словом особого значения или семантического оттенка: см. *землянин* ‘уроженец, житель одной с кем-л. местности, земляк’ (*Свой землянинъ. на чюжой сторонъ* (Сим. Послов., 142, XVII в.)) [6, вып. 8, с. 35], *изнемогать* ‘осиливать что-л., справляться с чем-л. через силу’ (*Плохо жить издѣваючи, надобно жить изнемогаючи* (Сим. Послов., 193, XVII в.)) [6, вып. 8, с. 275].

В силу того, что в пословицах распространенные слова часто оказываются в необычном окружении или употребляются в нехарактерных для их семантики или частотного функционирования формах, нередко пословицы – источник ценной грамматической информации. Например, благодаря пословичному материалу, можно видеть, что старославянское по прохождению существительное *елень* может быть не только мужского, но и женского рода (*Елень быстра а отъ смерти не утекаетъ* (Сим. Послов., 98, XVII в.)) [6, вып. 6, с. 137].

Органична связь идиоматики старорусского языка и паремиологии последующего периода: в пословицах начала XVIII в. фигурирует ряд фразеологизмов, обнаруживаемых в языке XVI–XVII вв.: сравн., например, *Бгды терпѣти камено сердце имѣти* [3, с. 174], и *имети какое-л. сердце* ‘вести себя соответствующим образом’.

Наконец, пословицы представляют бесценные культурологические сведения, давая информацию и о конкретных особенностях жизни людей прошлых эпох, и об особенностях менталитета: *Хлѣба к завтраю оставливаи а не дѣла* [3, с. 151], *Дурень лежит а честь ево ростеть* [3, с. 181], *Не избидь на дѣлу а послѣ дѣлу хот[ь] все отоими* [3, с. 125].

Таким образом, включение в исторический словарь пословичного материала как иллюстративного возможно при условии наличия точной датировки письменной фиксации паремии и соответствия жанрового своеобразия паремий концепции словаря. Такое включение допустимо и оправданно, так как пословичные контексты позволяют подтвердить и распространенные значения частотных слов, и наличие слов, не зафиксированных в других рукописных источниках, а также фиксируют редкие переносные значения слов, необычные грамматические формы, демонстрируют системность лексического материала, связь идиоматики и пословичного фонда. В историческом словаре толкового типа сопоставление пословичных примеров с остальным лексическим материалом позволяет сделать выводы о преемственности и динамике лексико-семантической системы разных периодов истории языка, о традиционности и специфичности лексики паремий, о закономерностях формирования фонда пословиц и поговорок в диахронии. В этом отношении материалы исторических словарей, содержащих пословицы в качестве иллюстраций, показывают включенность паремий в лексико-семантическую систему языка опреде-

ленного периода, позволяют проследить преемственность фразеологии соответствующей эпохи и языка пословиц, увидеть особенности функционирования слов, входящих в паремии, зафиксированные в языке разных эпох.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 20-012-42008 «Пословицы и поговорки как культурный феномен языковых реформ Петровского времени (ретроспектива и перспектива)».

Список использованных источников

1. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. редактор В. Н. Ярцева. – М. : «Советская энциклопедия», 1990. – 682 с.
2. Мокиенко, В. М. Современная паремология (лингвистический аспект) / В. М. Мокиенко // Мир русского слова. – 2010. – № 3. – С. 6–20.
3. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий / Собр. П. Симони // Сб. ОРЯС. – Т. 66, № 7. – СПб. : Типография Императорской Акад. наук, 1899. – 216 с.
4. Мартянов, Д. А. Сборники русских пословиц и поговорок первой половины XVIII века: лингвистическая информативность / Д. А. Мартянов // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – Т. 153. № 6. – С. 67–73.
5. Словарь русского языка XVIII вв. Т. 1–22. – Л., СПб. : Наука, 1984–2019, изд. продолжается.
6. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Т. 1–8. – СПб. : Наука, 2004–2018, изд. продолжается.
7. Шипицына, Г. М. Обобщенный смысл русских пословиц / Г. М. Шипицына // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова. – 2013. – № 4. – С. 227–230.

The article discusses the possibility and informative value of proverbs as illustrations in historical lexicography, considers the functions of proverb statements in a historical explanatory dictionary. As well the materials of historical dictionaries containing proverbs as illustrations demonstrate the place of proverb vocabulary in the lexico-semantic system of the language of a certain period.

Keywords: proverb, historical lexicography, dictionary entry, language history, semantic.

УДК 811.161.1'42'373.43:398.92

Е. А. Глазкова

МЕМ КАК СОВРЕМЕННАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМА

Появившийся в интернет-среде мем уже стал предметом научного описания. Его изучают как инструмент межкультурной коммуникации, маркер общественных настроений, пример языковой игры, нестабильные культурные доминанты [1] и т. д. В статье рассматриваются особенности мемов, позволяющие включить вербальные мемы в круг современных фразеологизмов.

Ключевые слова: мем, фразеологическая единица, неология, фразеология.

Как самостоятельный раздел неология существует уже более полувека, однако долгое время «проблемы фразеологической неологии как самостоятельного объекта изучения практически не обсуждались» [2, с. 183]. В сферу внимания неологии попадают такие фразеологические единицы, появление которых было зафиксировано исследователями

на определенном этапе развития языка. Уместно вспомнить определение, данное «лексико-фразеологическим новациям» Н. З. Котеловой: «Лексические новшества <...> это слова, значения слов, идиомы, узуально существующие в определенный период в определенном языке, подъязыке, языковой сфере и т. д. и не существовавшие в определенным образом ограниченный предшествующий период в том же языке, подъязыке, языковой сфере и т. д.» [3, с. 196]. Эффект новизны является решающим фактором при ответе на вопрос о необходимости изучать то или иное слово или устойчивое выражение в рамках неологии. Несмотря на относительность понятия «новизна», можно утверждать, что современная интернет-среда как подвижное и неоднородное поле постоянно порождает новые единицы, большинство из которых «проживают» недолгую жизнь. Новизна этих единиц определяется не только структурными особенностями, но и семантическими: трансформация значения уже известного слова или конструкции является поводом рассмотреть новообразование с точки зрения неологии. Анализируя подходы к выбору предмета в неологии, Е. В. Ганапольская замечает, что определение новизны языковых единиц нередко «подменяется фактически классификацией новшеств по источнику» их происхождения [2, с. 185], дополнительными ограничениями становятся рамки литературного языка и требование письменной фиксации этой единицы [Там же]. Такой подход сужает круг единиц, которые могут попасть в поле зрения исследователя, поэтому Е. В. Ганапольская предлагает в качестве предмета исследования в области неологии рассматривать «инновации – <...> языковые или речевые единицы, которые: 1) обладают новизной: а) формы и содержания, б) только формы, в) только содержания; 2) эта новизна определяется относительно определенного временного периода и сферы употребления» [2, с. 187].

При таком понимании в поле зрения неологии попадают фразеологические инновации – единицы, имеющие неоднословную устойчивую структуру, значение которых, как и значение фразеологизмов в традиционном понимании, не вытекает из суммы значений входящих в эту структуру компонентов. Новизна таких единиц связана либо с новизной формы и значения, либо с новизной формы, либо с новизной значения.

С этой точки зрения привлекают внимание мемы как устойчивые единицы, возникающие в интернет-коммуникации и нередко получающие широкое употребление за ее пределами.

В научный обиход термин «мем» ввел британский этолог Ричард Докинз [4], обозначив таким образом по аналогии с термином «ген» единицу культурной информации, передаваемой от поколения к поколению. В 1988 году термин «мем» был внесен в Оксфордский словарь английского языка со значением ‘элемент культуры или системы поведения, передающийся от одного индивидуума к другому посредством имитации или другим негенетическим способом’ [Цитируем по: 5].

Интерес к мему как к новому явлению привел к появлению большого количества исследований, анализ которых приводит к выводу об отсутствии единства в определении границ понятия «мем» и об «уходе» от исходного, закрепленного в словаре, значения. Иногда даже в рамках одной статьи нет терминологического единства, наблюдается нарушение логического закона тождества, так как, меняя объем понятия по ходу своего рассуждения, исследователи мемов относят к этим единицам разнородные и разнофункциональные. Складывается впечатление об «универсальности» термина: авторы считают, что его можно применять по отношению к очень разным объектам, при этом не определяя их интегрирующие и дифференцирующие признаки. Такое положение дел свидетельствует, по сути, о десемантизации слова «мем».

Мы не ставим перед собой задачу определить в рамках этой статьи объем понятия «мем», но предлагаем рассмотреть признаки, которые позволяют отнести вербальный мем к числу современных фразеологических единиц.

Закрепляя реакцию носителей языка на какие-то актуальные события, мемы становятся маркерами современной культуры. Большая их часть недолговечна: «мелькнув»

в медиапространстве, вербальные мемы уходят в пассивный словарный запас языка. Эти свойства мема – высокая популярность в определенной языковой среде в определенный момент времени и непродолжительность такой популярности – позволили нам ввести по отношению к мемам термин «нестабильные культурные доминанты» – фиксирующие не только «главенствующие», а любые «заметные, но только временно привлекающие к себе внимание единицы, значимые для описания актуальной культурной ситуации и освоения живого современного языка» [1, с. 66].

Определенная устойчивость структуры вербального мема, воспроизводимость этой единицы и невыводимость ее значения из суммы значений отдельных компонентов позволяют сопоставить мем с фразеологизмом. Мы не разделяем точку зрения, согласно которой «превращение во фразеологизм – это конечный этап жизни мема, наступающий, когда тот уже затаскан до дыр» [6].

Вербальные мемы, как и фразеологические единства, сохраняют связи с источником мема, мотивированность значения. Как и многие фразеологизмы, по своим функциям вербальные мемы являются эквивалентами слов, несмотря на сверхсловность, вступают в синонимические отношения (в том числе с отдельными словами), в предложении являются одним членом предложения, формально совпадают со свободными словосочетаниями, но имеют значения, которые не выводятся из значений входящих в их состав слов. Если в составе фразеологизма мы можем обнаружить устаревшие слова, то в составе многокомпонентного мема слова только актуальные, но это не помогает с ними связать общее значение этой устойчивой единицы.

Рассмотрим один из подобных примеров, который, утратив тесную связь с изображением, претерпел несколько смысловых трансформаций и в итоге используется в речи как самостоятельная вербальная единица. «Сын маминой подруги» – мем, который закрепил представление о том, что мамы часто ставят своим детям в пример детей своих знакомых. Чужой ребенок – сын – кажется маме более успешным, более зрелым, более ответственным. Эта устойчивая единица в языке выполняет те же функции, что и некоторые фразеологические единства: помимо номинации лица дает его качественную оценку, то есть выполняет номинативную и оценочную функцию. «Оторвавшись» от исходного визуального ряда уже в качестве самостоятельной вербальной единицы этот мем используется в качестве подписи к ранее известным картинам: например, титан, держащий на своих могучих руках земной шар, а значит, и всю человеческую цивилизацию, оказывается «сыном маминой подруги». Семантическое наполнение мема расширяется: становится неважным, в какой области обозначен успех героя, главное – обозначен именно успех. Сферы жизни, в которых герой может себя проявить, безграничны, потому что «он лучше тебя во всём»: «не пьёт, не курит, любит детей; есть семья и трэшка в центре; свой успешный бизнес» [7]. Само представление о сферах, в которых герою сопутствует успех, тоже существенно меняется: это уже не только учеба или бизнес, но и политика, творчество, даже личная жизнь. Представление о красоте и сексуальности сына, которые обеспечивают успех у девушек, для мамы, вероятно, не на первом месте, но со временем значение мема «вбирает» образ современного аполлона в окружении прекрасных девушек – это «сын маминой подруги». Персонаж, который может быть представлен этим мемом, уже не только успешен – он талантлив, именно он становится в сетевом фольклоре автором известных на весь мир художественных полотен. Это еще одна новая грань значения мема.

Еще один вид мемов может быть соотнесен с фразеологизмами – высказывания, авторы которых известны носителю языка. Чаще «крылатыми» становятся слова персонажей фильмов или медийных лиц – политиков, актеров, музыкантов, спортсменов и пр. Среди таких примеров: «Хотели как лучше, а получилось как всегда», «Денег нет, но вы держитесь». Однако шанс стать устойчивой единицей есть и у реплик не известных широкой общественности людей, как случилось в 2017 году с фразой

обращавшегося к своей собаке парня: «Это фиаско, братан». Подобные конструкции воспроизводятся носителями языка в речи в том виде, в каком были созданы их авторами. Отличие – закрепление нового смысла, перенесение в другую коммуникативную ситуацию.

Несмотря на более высокую, чем у «классических» фразеологизмов, способность к трансформации, мем в течение своей недолгой жизни сохраняет относительную устойчивость структуры и характеризуется воспроизводимостью. Даже при появлении вариантов мема, сохраняется хотя бы условная смысловая рамка, шаблон. Это приводит современных лингвистов к выводу, что мемы относятся не к лексическим, а к синтаксическим фразеологизмам, или фразеосхемам [8]. На наш взгляд, необходимости в таком разграничении нет – речь идет о способности мема к трансформации, такая способность отмечается и у «классических» фразеологизмов.

Особенностью мема как современной разновидности устойчивых единиц является способность к неконтролируемому распространению, которую исследователи нередко объясняют игровым или комическим характером многих мемов. В этой связи носителю языка нет необходимости ждать случая, подходящего для того, чтобы использовать мем в коммуникации – в отличие от фразеологизма мем может стать предметом речи, его можно обсудить с собеседником как пример удачной языковой игры или как шутку.

Таким образом, вербальные мемы сближаются по ряду признаков с фразеологизмами в традиционном понимании этого слова, что позволяет рассматривать их как современную разновидность фразеологизмов и как один из предметов неологии.

Список использованных источников

1. Глазкова, Е. А. Нестабильные культурные доминанты в практике преподавания русского языка как иностранного / Е. А. Глазкова // Современный русский язык : функционирование и проблемы преподавания. – № 33. – Будапешт. – 2019. – С. 64–72.
2. Гананольская, Е. В. Неология во фразеологии / Е. В. Гананольская // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Общество. Коммуникация. Образование. – Актуальные проблемы языкознания. – 2010. – С. 183–189.
3. Котелова, Н. З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов / Н. З. Котелова // Избранные работы / Н. З. Котелова. – СПб. : Нестор-История, 2015. – С. 181–199.
4. Докинз, Р. Эгоистичный мем / Р. Докинз. – М. : АСТ : CORPUS, 2013. – 512 с.
5. Колесова, Е. Котики и революция. Что такое меметика и почему мемы – это не только смешные картинки из интернета / Е. Колесова // N+1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://nplus1.ru/material/2017/10/20/mems-and-culture>. – Дата доступа : 10.10.2020.
6. Хомякова, Д. «Нельзя просто взять и пошутить»: как филологи изучают мемы / Д. Хомякова // Наука в Сибири. – №1. – 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://elib.ict.nsc.ru/jspui/bitstream/ICT/1990/1/nvs_01.pdf. – Дата доступа : 10.10.2020.
7. Мем «Сын маминой подруги» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://porosenka.net/uploads/3/0/30cd48fa69896bfe20583669c6c2749f.jpg>. – Дата доступа : 17.10.2020.
8. Минец, Д. В. Фразеосхемы в интернет-коммуникации (по материалам платформы «Твиттер») / Д. В. Минец, Д. О. Горюшенко // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – № 8. – 2018. – С. 137–142.

Having emerged in the Internet space, meme has already become a subject to scientific description. Memes are viewed and studied as tools of intercultural communication, markers of the collective thought of a given cultural environment, as well as instances of language game and temporary cultural dominants etc. Presented in the article are specific characteristics of memes which allow us to consider verbal memes to be contemporary idiomatic expressions.

Keywords: meme, idiomatic expression, neology, idiom, phraseology.

Н. С. Гнездилова

МЕТАФОРА КАМНЯ КАК СПОСОБ ОБРАЗНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ СОБЫТИЙ И ДЕЙСТВИЙ ЧЕЛОВЕКА (на материале польского языка)

В статье описываются образные слова и выражения польского языка, в которых эталонном метафорической характеристики выступает образ камня. Исследовательское внимание сосредоточено на аспектах иносказательного функционирования концепта «Камень» в образном дискурсе.

Ключевые слова: концептуальная метафора, концепт «Камень», образные средства языка, фразеологизм, метафора, польский язык.

Проблема метафорической интерпретации концептов в языке и мышлении на современном этапе развития науки о языке исследуется в рамках когнитивного, лингвокультурологического, психолингвистического, дискурсивно-прагматического направлений.

К базовым метафорам – «исходным», «изначальным», имеющим архетипическую природу, метафорам, лежащих в основе осмысления мира человеком, которые могут не осознаваться представителями лингвокультуры [1, с. 130], на наш взгляд, относится и метафора камня.

Следует сказать о том, что образ – это когнитивная основа воспроизводимости; результат максимального сгущения первоначального представления, образно-эмоционально-смысловая свертка «ментальной картинки», формирующейся на основе эмоционально-образного восприятия информации, поступающей по одному или нескольким сенсорным каналам [1, с. 135]. В. В. Красных отмечает, феномены окружающего мира (вид и свойства предмета, запах, вкус, звук) существуют *для человека (Homo sapiens)* постольку, поскольку они существуют как воспринимаемые объекты. Сами по себе, не будучи воспринятыми кем-либо, где-либо, когда-либо, они лежат вне сознания человека и тем самым *для него* как бы и не существуют. Если предмет воспринимается, то результатом обработки воспринимаемой информации являются различные образы [1, с. 161–162].

По словам В. В. Красных, «к метафоре прибегают в тех случаях, когда невозможно ни назвать, ни описать (это не единственное и необязательное условие, но если такая «невозможность» существует, то используется именно этот способ оязыковления)» [1, с. 165].

Представим результаты исследования фрагмента польской языковой картины мира, связанного с метафоризацией образа камня как способом характеристики событий и действий человека. С этой целью были проанализированы лексические и текстовые репрезентации метафорического переосмысления образа камня в польском языке. Актуальность описания образа *камня* и его языковых репрезентаций обусловлена тем, что данный образ активно используется в культуре, различных видах искусства, в семантике метафор, фразеологизмов, идиом, поговорок.

Предметом анализа в статье выступают особенности метафорической интерпретации событий и действий человека на основании аналогии с концептом «Камень» в польской лингвокультуре.

Объектом анализа являются образные слова, выражения, высказывания и фрагменты публицистических, художественных текстов польского языка, называющие и характеризующие действия человека и события на основе метафоризации концепта «Камень». Например, фразеологические единицы: *grad kamieni* (град камней) 'о наказании кого-либо за что-либо' – *O tym, że rząd zamierza wprowadzić tzw. podatek katastralny mówi się od dawna. Kilkakrotnie wypuszczano balon z tą informacją,*

*aby zobaczyć, jaka będzie reakcja ludzi. Za każdym razem sywał się **grad kamieni*** (О том, что правительство собирается ввести так называемый кадастровый налог, говорят давно. Несколько раз запускали эту информацию, чтобы посмотреть, какова будет реакция людей. Каждый раз сыпался **град камней**) (Tygodnik Podhalański. Nr: 37, 1999); поговорки: *trafiła kosa na kamień* (нашла коса на камень) 'о ком-либо, кому приходится сталкиваться с противником, подобным себе' – *Narysuj krowę! Andrzej narysował. – Narysuj dom! Narysował. – Narysuj żołnierza! I tu zaczął się mały dramat. Dzieciak chce żołnierza, Mleczko odmawia, więc smarkacz chce jeszcze bardziej, a im bardziej smarkacz chce, tym bardziej uparty okazuje się rysownik. Trafiła kosa na kamień* (Нарисуй корову! Анджей рисовал. – Нарисуй дом! Он нарисовал. – Нарисуй солдата! И тут началась небольшая драма. Ребенку нужен солдат, Млечко отказывается, поэтому паршивец хочет еще больше, и чем больше он хочет, тем упрямее оказывается карикатурист. **Нашла коса на камень**) (Dziennik Polski, 2003).

Источниками контекстного материала послужили информационно-справочные системы: корпус польского языка Korpus Języka Polskiego PWN [2], а также Narodowy korpus języka polskiego [3] и Polsko-rosyjski i rosyjsko-polski korpus równoległy [4], а также Wielki słownik języka polskiego [5].

Всего проанализировано 65 польских фрагментов из художественных и публицистических произведений, комментариев в чатах и на интернет-форумах.

Камень как вещество выступает эталонным представителем твердых материалов с максимально плотной и жесткой структурой, что демонстрируют устойчивые сравнительные конструкции и метафорические глаголы, выражающие характеристику широкого круга предметов (продуктов питания, природных объектов, частей тела человека) затвердевших, утративших изначальную мягкость и гибкость.

В основе метафоризации концепта «Камень» лежат качества этого природного материала – твердость, прочность, тяжесть, непроницаемость; качества естественных объектов из камня (скала, гора) – неподвижность, большой размер, нерушимость; а также функциональные характеристики отдельного фрагмента горной породы (камня как предмета), проявленные при его использовании в качестве орудия, инструмента, – способность развивать большую скорость при броске, наносить удары и повреждения, быстро погружаться в воду, оказывать давление, выступать строительным материалом. Эти качества камня метафорически проецируются на различные события и действия людей.

В языковой метафоре *kamieniem* (тв. сравнения) (камнем) образ камня используется для характеристики 1) скорости падения человека 'с быстротой падающего камня' – *Chryste Panie... jęknął O'Grady przerzucając maszynę przez plecy i spadając kamieniem w dół. Potem wystrzelił w górę, po czym zwolnił gwałtownie* (Господи Боже... застонал О'Грейди перебрасывая устройство через плечи и падая **камнем** вниз. Потом выстрелил вверх, после чего резко замедлился) (Gotowała J. Najkrócej żyją motyle, 1996); 2) значительного события в жизни человека 'о каком-либо событии, которое оставляет навсегда о себе напоминание, след в жизни кого-либо' – *Autorka podkreśla, że reżim łagrowy wprawdzie po wojnie zelżał, lecz system niewolnictwa funkcjonował nadal, a nawet się rozwijał (powstanie specjalistów). "Są rzeczy, które nie tylko są godne utrwalenia – pisze. – Należałoby o nich krzyczeć tak głośno, żeby ten krzyk słyszeli wszyscy. Ciągle bowiem są aktualne i ciągle kładą się kamieniem na nasze życie"* (Автор подчеркивает, что лагерный режим, по общему признанию, после войны смягчился, но система рабства функционировала и даже развивалась (создание спецлагерей). «Есть вещи, которые не только достойны увековечения, – пишет. – Стоило бы о них кричать так громко, чтобы этот крик слышали все. Они постоянно ведь являются актуальными и постоянно **ложатся камнем на нашу жизнь**») (Drewnowski T. Próba scalenia, 1997).

Во фразеологических единицах посредством образа камня репрезентируется 1) ситуация переизбытка кого-либо или чего-либо. Например, людей какой-либо

профессии или сферы деятельности: *nie da się rzucić kamieniem* (камню негде упасть) ‘о том, что имеется в большом количестве или в избытке’ – *W moim miasteczku jest ich od cholery, nie da się rzucić kamieniem, żeby nie trafić jakiejś bizneswoman – ciągnęła z udawanym entuzjazmem* (В моем городке их перебор, **камню негде упасть**, чтобы не попасть в какую-нибудь бизнесвумен – продолжала она с наигранным энтузиазмом (Z. Górniak. *Siostra i byk*, 2009); 2) ситуация бездействия по какой-либо причине: (*ktoś siedzi kamieniem (gdzieś)* (кто-либо сидит камнем где-либо) ‘о ком-либо, кто долго и терпеливо сидит на одном и том же месте’ – *Nigdy cię nie ma! Gdzie byłeś, jak dzwoniłam? Ta praca nie polega na tym, że siedzisz kamieniem za biurkiem* (Тебя никогда нет! Где ты был, когда я звонила? Эта работа не заключается в том, чтобы **камнем сидеть** за рабочим столом) (M. Wroński. *Officium Secretum: pies pański*, 2010); *Kto akurat nie miał telefonu, podawał numer do przyjaciół, albo kogoś z rodziny, by potem siedzieć kamieniem przy aparacie przez kilka dni* (А у кого как раз не было телефона, давал номер друзьям или кому-то из семьи, чтобы потом **камнем сидеть** у аппарата несколько дней) (A. Bogowski. *Okazja z ogłoszenia*, 1999); 3) ситуация, при которой можно добраться куда-либо очень быстро из-за небольшого расстояния, которое разделяет человека и намеченный пункт: (*o, na*) *rzut kamieniem* (бросок камнем) ‘о небольшом расстоянии, недалеко’ – *Z Rzeszowa do Lwowa mamy co prawda rzut kamieniem, ale już z Warszawy do Kijowa odległość wynosi 876 kilometrów* (От Жешова до Львова действительно **рукой подать**, но уже от Варшавы до Киева расстояние составляет 876 километров) (*Dziennik Zachodni*, 2003); *Ogródek przed domem, o rzut kamieniem las i strumyk, na horyzoncie góry – dzieci będą tu na pewno szczęśliwe* (Палисадник перед домом, **рукой подать** до леса и ручья, на горизонте горы – дети будут тут точно счастливы) (*Magazyn Gazety Wyborczej*, 1993); *Bochnia jest od nas na rzut kamieniem, można tam obrócić kilka razy w ciągu dni* (До Бохни от нас **рукой подать**, можно туда вернуться несколько раз в течение дня) (*Dziennik Polski*, 2003).

Среди фразеологизмов с образным компонентом «Камень» в польском языке функционируют библеизмы 1) (*kto*) *rzuca w kogoś kamieniem*. Библейская символика этого метафорического выражения связана с образом камня как символом орудия кары, который ассоциативно связан с древнейшим способом казни людей – забрасыванием камнями. В контекстах фразеологизм представлен следующими актуальными значениями: ‘об осуждении кого-либо кем-либо’ – *Człowiek jest ułomny, nie wolno go potępiać. Ty we mnie kamieniem rzucasz, a sam... Raczej byś mnie pokochał* (Этот человек убогий. Ты в меня **кидаешь камнем**, а сам... Скорее бы меня полюбил) (S. Mrozek. *Opowiadania i donosy 1980–1989*); *Nie zamierzam w nikogo rzucać kamieniem, gdyż sam nie jestem bez winy; trudno, aby w okresie najwspanialszego rozkwitu socrealizmu w literaturze czy malarstwie film miał być od niego wolny* (Не собираюсь ни в кого **кидать камнем**, так как сам не невинный; трудно сделать так, чтобы в период самого расцвета соцреализма в литературе и изобразительном искусстве фильм был бы свободен от него) (T. Domaniewski. *Niedaleko od prawdy*, 1975); *kamień na kamieniu nie pozostał* (камня на камне не осталось) (библ.) ‘о чем-л., что было разрушено до основания’ – *Po powstaniu warszawskim kamień na kamieniu nie został, a życie tracili nie tylko żołnierze* (После варшавского восстания **камня на камне не осталось**, а жизни лишились не только солдаты) (Internet). Из контекстного употребления видно, что данное выражение используется для обозначения конкретной исторической ситуации – уничтожение города в результате военного столкновения.

Помимо прочего, образ камня в польских пословицах осмысливается как серьезная проблема, с которой сталкивается человек: 1) *trafiła kosa na kamień* (нашла коса на камень) – *Robert Moses nie widział sensu w zachowywaniu zabytkowych kamienic czy ochranianiu małych wspólnot. Przez środek Downtown pragnął puścić arterię szybkiego ruchu, jakiej Nowy Jork jeszcze nie widział. Ale tym razem trafiła kosa na kamień. Ludzie*

z *West Village* byli bardziej zdeterminowani i lepiej zorganizowani niż biedni czarni mieszkańcy Bronksu (Роберт Мозес не видел смысла в сохранении исторических многоквартирных домов или защите небольших поселений. Через центр Даунтаун он мечтал пустить шоссе, которого Нью-Йорк еще не видел. Но на этот раз **коса нашла на камень**. Люди Вест-Вилладж были более решительными и организованными, чем бедные чернокожие жители Бронкса) (K. Sławińska. Nowy Jork. Przewodnik niepraktyczny, 2008).

Исследование показало, что метафора камня активно используется в качестве образной проекции для описания тех или иных событий и поступков человека. Контекстные базы польского языка демонстрируют широкое использование метафорических характеристик событий и действий человека, основанных на образной интерпретации концепта «Камень» в современном художественном, публицистическом дискурсах и чат-коммуникации.

Исследование выполнено в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 18-18-00184 «Образная система русского языка в полидискурсивном пространстве современных коммуникаций».

Список использованных источников

1. Красных, В. В. Словарь и грамматика лингвокультуры. Основы психолингвокультурологии / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2016. – 496 с.
2. Korpus języka polskiego [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://sjp.pwn.pl/korpus>. – Дата доступа : 27.10.2020.
3. Narodowy Korpus Języka Polskiego [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://nkjp.pl>. – Дата доступа : 27.10.2020.
4. Polsko-rosyjski i rosyjsko-polski korpus równoległy [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://pol-ros.polon.uw.edu.pl>. – Дата доступа : 27.10.2020.
5. Wielki słownik języka polskiego [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://wsjp.pl/index.php?pwh=0>. – Дата доступа : 27.10.2020.

The article describes the figurative words and expressions of the Polish language, in which the image of a stone acts as the standard of metaphorical characteristics. Research attention is focused on aspects of the allegorical functioning of the concept “Stone” in figurative discourse.

Keywords: conceptual metaphor, concept “Stone”, figurative means of language, phraseological unit, metaphor, Polish language.

УДК 811.161.1'42:398.92:821.161.1-4*Н.С.Лесков

О. А. Головачева, С. Н. Стародубец

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В СТАТЬЯХ Н. С. ЛЕСКОВА «РУССКИЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР В ПЕТЕРБУРГЕ» КАК МАНИФЕСТАНТЫ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ

В статье рассматриваются узуальные и авторские фразеологические обороты, включенные Н. С. Лесковым в работу «Русский драматический театр в Петербурге». Устойчивые единицы выражают авторскую позицию по театральной жизни 60-х годов XIX века в Петербурге. Публицист дает негативную оценку игре актеров, качеству постановок, содержанию пьес. Автор убедительно объективен, что наглядно демонстрирует оценочная фразеология, иллюстративный материал.

Ключевые слова: Н. С. Лесков, ранняя публицистика, драматический театр, фразеология, средства оценочности, семантика.

Н. С. Лескова-публициста волновали актуальные проблемы, которые он детально и объективно представлял своему неравнодушному читателю в периодической печати. В частности, интересовала литератора культурная жизнь социума, что в ракурсе идейно-художественного состояния общества отражено в ряде аналитических статей «Русский драматический театр в Петербурге» (с 1866 по 1867 гг. Н. С. Лесков издает под этим или несколько видоизмененным названием 8 работ, которые рассматривались в совокупности как одна – см. 1).

Театральная жизнь показана разноаспектно: скрупулезно проанализирован репертуар, выпукло изображена игра актеров, ярко охарактеризованы авторы сценических постановок. Воздействие на читателя осуществляется преимущественно посредством стилистически отмеченных экспрессивно-оценочных единиц, в том числе фразеологического характера. Это русские паремии, фраземы-варваризмы, цитаты и реминисценции классиков, общеизвестные обороты, подвергшиеся авторской трансформации, и др.

Для произведений Н. С. Лескова 90-х годов XIX века В. В. Леденёва регистрирует «критическую позицию как прагматическую установку автора в отношении явлений культурной и духовной жизни» [2, с. 187]. Наши наблюдения позволяют утверждать, что и в 60-е годы эта тенденция уже имела место быть, что показательно демонстрируют языковые средства статьи «Русский драматический театр в Петербурге». Например, автор широко использует варваризмы как характерологическое средство драматургов и актеров:

*Стало быть, есть же кто-нибудь такой, кто видит в этом человеке какие-нибудь дарования!.. **Tout est possible dans la nature [Все возможно в природе — Франц.]**!//... некоторые из учителей ставят хорошие баллы некоторым хорошеньким пансионерам, стоящим по справедливости нулей, а получающим **pour ses beaux yeux [За свои красивые глаза — Франц.]** четверки и пятерки [здесь и далее цит. по: 3].*

Следует отметить, что публицист, известный безапелляционностью оценок, вводил в тексты нетранслитерированные конструкции (с переводом их на русский язык с указанием языка-источника), которые нередко выступали как эвфемизмы по отношению к оценочным единицам русского языка, эксплицированным в качестве контекстных партнеров, что усиливало экспрессивный накал и саркастическую составляющую.

Н. С. Лесков привлекал пословицы и поговорки, которые, «выступая в роли общеизвестных истин, заключенных в отточенную веками образную форму, подпитывают нашу мысль, дисциплинируют логику суждений, помогают более глубоко высветить новое старым опытом народа» [4, с. 73]. При этом публицист подчеркнуто предварял введение в текст паремии конструкциями типа *по пословице, как говорит народ* и др., например:

“В глуши” — комедия тенденциозная, но этой тенденции не вышло: она не танцевалась, расшаталась, сама себе наступила ногою на ногу и вышла по пословице: “ни Богу свеча, ни черту ожег”!//...этот все лес покупает, а тот целую пьесу варил мыло и кончил тем, что не сварил, ибо, по пословице, мыло не со всяким сварить.

Используя пословицы как яркое изобразительно-выразительное средство, Н. С. Лесков многократно умножает их многогранность и семантико-стилистические возможности за счет контекстных партнеров – лексем, употребленных в метафорическом значении, например:

*“В глуши” — комедия тенденциозная, но этой тенденции не вышло: она **не танцевалась, расшаталась, сама себе наступила ногою на ногу** и вышла по пословице: “ни Богу свеча, ни черту ожег”.*

Выражение *ни Богу свеча, ни черту ожег*, структурированное по типовой модели *ни пава, ни ворона; ни в городе Богдан, ни в селе Селифан; ни рыба, ни мясо*, представляет лексический вариант общеизвестного фразеологизма *ни Богу свеча, ни черту кочерга* – ‘ничем не примечательный, посредственный человек’. В. М. Мокиенко

считает, что здесь употреблено диалектное, а не узуальное значение лексемы. «Ареальный анализ варианта *ни Богу свеча, ни черту ожег* показывает, что... само слово *ожег* зафиксировано на обширной территории от вологодских и ярославских до колымских говоров в значении ‘палка, заменяющая кочергу, которой мешают угли; обожженный на огне кусок дерева’. Как видим, в диалектном варианте *ни Богу свеча, ни черту ожег* весьма отчетливо отражено противопоставление двух источников света: боговой свечи и чертовой обгорелой лучины» [5, с. 14]. Вариант узуального устойчивого оборота с диалектным компонентом в составе «указывает на близость шкалы оценок Н. С. Лескова той аксиологической системе, которая репрезентируется метким народным, чаще диалектным и просторечным словом» [6, с. 83].

Н. С. Лесков в публицистических работах частотно употребляет русские устойчивые обороты, аккумулирующие многовековой опыт народа (*Крепка тюрьма, да черт ей рад; Что ни поп, то батько; Часом с квасом, а порою и с водою; Из огня в польмя; Бог знает что; Как Сидорову козу* и др.):

Позы и движения или считаются за что-то совершенно незначущее и свертываются как попало, как Бог по сердцу положит// В эти два часа не только Новосельский, присев с Любою на тростниковый диванчик, успел все перевернуть вверх дном в голове этой, как она называется в пьесе, “русской женичины” и склонить ее на “гражданский брак”.

Публицист использует широкий спектр фразеологических единиц оценочного регистра, в том числе обороты, которые не известны современному читателю, например, *мышинный жеребчик*:

Об игре наших актеров говорить много нечего: она такая же, как и всегда; только г. Сазонов уж очень надоедает своим прыганьем и своими кавалерийскими стремлениями сесть верхом на человека. <...> комизм состоит не в прыганьи и не в ржаньи “мышинным жеребчиком”.

Фразеологизм *мышинный жеребчик* – устар. ирон. ‘молодящийся пожилой человек или старик, любящий волочиться за молодыми женщинами; старый волокита’ [7] – характеристизатор пейоративного плана, что оконтурено и контекстным окружением – лексическими единицами негативнооценочного характера (*надоедать, сесть верхом на человека...*).

Наряду с известными в узусе устойчивыми оборотами публицист структурирует и авторские. Н. С. Лесков, передавая читателю в кратком виде содержание одной из пьес, ангажирует одного из действующих лиц так:

Он сын отставного дьячка; учился в семинарии, где его беспрестанно “драли” без милосердия как Сидорову козу.

Устойчивое сравнение (бить) *как Сидорову козу* (‘жестоко, беспощадно’) демонстрирует традиционное представление об обучении; оно семантически сопряжено с выражением *березовая каша* – т. е. ‘наказание березовыми розгами’ [8]. Фраземы (бить) *как Сидорову козу* и *березовая каша* послужили семантической основой для создания авторского оборота обобщающего характера *березовая школа*, транслирующего целую систему так называемого обучения в стране (наказание сводилось исключительно к физическому – битью):

*... наскучив такой “березовой школой”, он покинул семинарию и задумал поступить в университет. Но тут-то и стояли **ковыка и ерок**...*

В данном контексте нами отмечено также как потенциальное фразеологизированное выражение авторского характера *ковыка и ерок*, значение которого можно определить как ‘нечто незначительное, но способное создать большие трудности’. Семантика метафорического оборота основывается на переносном контекстном значении структурного состава: *ковыка и ерок* – это надстрочные знаки церковнославянской и старорусской письменности, т. е. обозначения, не использовавшиеся на письме в XIX веке.

К числу трансформированных автором единиц относим оборот, употребленный в грамматической конструкции *для кольев, мяльев и перемяльев*:

Непостижимо, зачем, творя героиню для кольев, мяльев и перемяльев, ожидающих ее по плану пьесы, автор не взял обыкновенного, бродячего типа петербургских гражданских жен, с которыми в самом деле только и разыгрывают комедии гражданского брака.

Известный на довольно большой территории неоднословный характеристизатор *в колья и мялья* употреблялся в широком семантическом диапазоне от ‘на все случаи жизни’ (тобол.) до ‘об умелом, сноровистом человеке’ (костром.) [9].

Авторская модификация оборота *в колья и мялья* состоит в наличии добавочного компонента *перемялья* и изменении грамматической конструкции, что многократно усиливает экспрессивность выражения и конкретизирует его значение: в контексте речь идет о героине, которую ожидают большие испытания (*колья, мялья и перемялья*) и в то же время она сама как бы создана «на все случаи жизни», т. е. доступна (для мужчин). Таким образом, в семантическом наполнении выражения *для кольев, мяльев и перемяльев* имеет место контаминация значений – эксплицированного (диалектного фразеологизма *в колья и мялья*) и потенциального, выводимого носителями языка из конструкции однокоренных дериватов *мялья / перемялья*. Преобразования такого типа – яркий прием арсенала виртуозного мастера русского слова, характерная идиостилевая черта Н. С. Лескова.

Публицист варьировал структуру и семантику устойчивых единиц, добиваясь максимально емкого и стилистически концентрированного их наполнения, что показательно представлено, в частности, в статье «Русский драматический театр в Петербурге» (*рвать зуб на чужой каравай; пляшучи по их дудке; и на Любу разлюба бывает* и др.).

Автор широко использует цитаты из произведений русских писателей, например:

Они (Новые нигилисты) знают, что “бесплодно спорить с веком”, ибо “обычай – деспот меж людей” // Доброта прекрасна при уме, при характере, при стойкости убеждений, а без них она “дар случайный” (А. С. Пушкин); Лани вспугнутой быстрой вскакивает нигилист Алешка (М. Ю. Лермонтов).

Публицист вводит в тексты библеизмы (*ничтоже сумняся; во дни оны; хлеб насущный* и др.).

Таким образом, каждая фразеологическая единица в статьях Н. С. Лескова о театральных пьесах, их авторах, актерах экспрессивно, ярко демонстрирует знание публицистом темы, объективность авторских оценок, виртуозное владение языковым материалом, что позволяет читателю самому создать объемное представление о современном ему театре.

Список использованных источников

1. Головачева, О. А. Прагматико-стилистический потенциал слова Н. С. Лескова (язык публицистики 60-х годов XIX века) : дис. ... д-ра. филол. наук : 10.02.01 / О. А. Головачева. – Смоленск, 2017. – 538 с.
2. Леденёва, В. В. Слово Лескова : монография / В. В. Леденёва. – М. : ИИУ МГОУ, – 2015. – 260 с.
3. Лесков, Н. С. Полное собрание сочинений: [в 30 томах]. Том 3. / Н. С. Лесков ; редкол. : Н. И. Либан (гл. ред.) и др.; Вступ. ст. И. В. Столяровой. – М. : Терра, 1996. – 799 с.
4. Хлебцова, О. Пыль в глаза / О. Хлебцова // «Журналист». – 2002. – № 6. – С. 72–80.
5. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология / В. М. Мокиенко. – М. : Высшая школа, 1989. – 286 с.
6. Леденёва, В. В. Состав и стилистические функции глагольной лексики в письмах 90-х годов XIX века Н. С. Лескова : монография / В. В. Леденёва. – М. : МГУП, 2009. – 118 с.
7. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://slovarionline.ru/frazeologicheskiy_slovar_russkogo_literaturnogo_yazyika/. – Дата доступа : 25.10.2020.

8. Базы слов, фамилий, имён, отчеств [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://words.su/expressions/russian/97-berezovaya-kasha>. - Дата доступа : 25.10.2020.

9. Словари и энциклопедии на Академике. Большой словарь русских поговорок. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/proverbs/>. – Дата доступа : 25.10.2020.

The article considers the author's phraseological phrases included by N. S. Leskov in the work "Russian drama theater in St. Petersburg". Stable units Express the author's position on the theatrical life of the 60s of the XIX century in St. Petersburg. The publicist gives a negative assessment of the actors' performance, the quality of deliveries, and the content of plays. The author is convincingly objective, which is clearly demonstrated by the evaluative phraseology and illustrative material.

Keywords: N. S. Leskov, early journalism, drama theater, phraseology, evaluation tools, semantics.

УДК 004.65:398.91(=161.1):811.161.1

И. Г. Гомонова

О ПРОЕКТЕ ЭЛЕКТРОННОГО СЛОВАРЯ «ПАРЕМИИ В КОРПУСЕ ТЕКСТОВ»

В статье характеризуются аспекты исследования устойчивых словесных комплексов с использованием компьютерных корпусов текстов и применением корпусных методов. В качестве одного из средств оптимизации такого исследования рассматривается электронный словарь «Паремии в корпусе текстов». Приводятся структура и образец словарной статьи. Анализируются отдельные направления использования словаря.

Ключевые слова: устойчивый словесный комплекс, паремия, паремиологическая единица, корпус текстов, словарь.

Необходимость использования корпусных технологий в исследованиях устойчивых словесных комплексов (далее – УСК) в настоящее время не вызывает у лингвистов никаких сомнений. Устойчивые словесные комплексы, представляющие собой часть текстового пространства компьютерных корпусов текстов и изучаемые с применением корпусных методов, рассматриваются в хронологическом, статистическом, функционально-стилистическом и структурно-семантическом отношении.

Исследование УСК с использованием корпусных технологий в хронологическом отношении позволяет проанализировать время создания текстов, содержащих фразеологические и паремиологические единицы, и даты рождения авторов текстов, а также систематизировать эти данные (напр., определить, у какого автора и в каком произведении, по данным корпуса, анализируемая единица появилась впервые). Хронологическая характеристика УСК может быть дополнена анализом графиков распределения языковых единиц по годам, содержащих информацию об их относительной частоте употребления за определенный год, и таблиц с абсолютными частотами употреблений за каждый год и общим числом слов в текстах за данный год. Хронологические данные являются одним из компонентов статистической характеристики текстов корпуса и входящих в них языковых единиц.

Корпусное исследование устойчивых словесных комплексов (как и других единиц языка) не проводится без обращения к статистическим данным. Все результаты поиска в корпусе текстов сопровождаются статистической (количественной) информацией, связанной как с метаданными, так и с лингвистическими категориями. Анализ устойчивых словесных комплексов в статистическом отношении включает в себя обращение

к следующим показателям: количеству вхождений УСК в корпус; графикам распределения УСК по годам; абсолютной частоте вхождений УСК в корпус; статистике по метатрибутам (авторам, сфере функционирования текстов, типу и жанру текстов, тематике текстов); количественной характеристике сочетаемости УСК с другими языковыми единицами. При этом корпусно-статистические данные требуют интерпретации исследователя.

Исследование устойчивых словесных комплексов, бытующих в компьютерных корпусах текстов, в функционально-стилистическом отношении позволяет определить статус устойчивых выражений в реальных дискурсивных практиках; выявить, каково отношение носителей языка к содержанию и функциям этих выражений; с использованием метаразметки корпуса выявить взаимосвязь УСК и условий их функционирования.

Корпусное исследование устойчивых словесных комплексов в структурно-семантическом отношении предполагает анализ их семантики с опорой на богатый языковой материал и возможность верификации данных словарей путем обнаружения и фиксации семантических изменений, происходящих в УСК. Изучение структуры фразеологических и паремиологических единиц с использованием корпусных методов способствует выявлению вариантов (в том числе не отраженных в лексикографических источниках) устойчивых словесных комплексов, а также их типичных и окказиональных трансформаций.

Очевидно, что корпус текстов выступает в качестве богатейшего источника контекстов реального употребления фразеологических и паремиологических единиц. Возможности поисковой системы лингвистического корпуса позволяют так сформулировать запрос, чтобы в результате приблизиться к получению всех контекстов вхождения устойчивой единицы в тексты корпуса (или даже достичь такого результата).

Все обозначенные возможности исследования устойчивых словесных комплексов с опорой на данные компьютерных корпусов текстов могут получить лексикографическое отражение. Реализации данной цели послужит, в частности, создаваемый нами на базе Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) [1] электронный словарь «Паремии в корпусе текстов».

Структура словарной статьи в нем предполагается следующая:

- паремия и ее толкование;
- типы запросов, направленных на выявление контекстов, включающих данную паремию;
 - количество выявленных вхождений паремии в тексты НКРЯ – общее и по корпусам: Основному, Газетному, Поэтическому, Параллельному (в тех случаях, когда омонимия языковых единиц не позволяет определить точное число вхождений, данный параметр сопровождается характеристикой ~ «приблизительно»);
 - первая фиксация паремии в текстах НКРЯ;
 - полная хронология вхождений паремии в тексты НКРЯ;
 - авторы, у которых данная паремиологическая единица представлена более 3-х раз, и соответствующие контексты;
 - контексты, содержащие паремию:
 - в эталонном виде;
 - в сопровождении метаоператоров – «сигналов» присутствия паремии в тексте;
 - в трансформированном виде.

Пример словарной статьи:

БАБА С ВОЗУ – КОБЫЛЕ ЛЕГЧЕ Груб. *Отказ от предложенной помощи, денег, еды и т. д. или уход человека – это освобождение от лишних хлопот и проблем. Говорится с радостью и облегчением тому, кто отказывается от чего-л., покидает присутствующих и т. п., или – с обидой, если отказ неприятен, является неожиданным [2, с. 18].*

***Тип запроса в НКРЯ**

- (1) баба на расстоянии от 1 до 3 от воз
(2) кобыла|конь на расстоянии от 1 до 3 от легко

***Количество вхождений в тексты НКРЯ**

Основной	Газетный	Поэтический	Параллельный	Всего
~ 29	7	–	3	~39

***Первая фиксация в НКРЯ**

«Прочь, говорит, с глаз моих долой, в одной и телеге-то с тобой не поеду!» – А я ему: «**Баба с возу – мерину легче!**» – «Я, говорит, любил тебя, черта!» А я ему: «Полюби лучшие коневу маму – она принесет тебе и-го-го» (Скиталец (С. Г. Петров). Огарки (1906)).

***Полная хронология вхождений в тексты НКРЯ**

1906–2013 гг.

Контексты, включающие паремию

(1) в эталонном виде:

(be) – Ну і чорт з ім! **Без яго лягчэй. Немцы, відаць, усё ж нешта зразумелі з нашай замінкі** (В. Быкаў. Мёртвым не баліць (1965)) – (ru) – Ну и черт с ним. **Баба с воза – кобыле легче. Немцы, видимо, все же что-то поняли из нашей заминки** (В. Быков. Мертвым не больно (М. Горбачёв, 1966));

(2) в сопровождении метаоператоров:

Я уже вашего Маленкова предупредил. Сейчас бумаги все оформим и в среду отправим в более привычное для него место. Да и вам спокойнее, не будем больше надоедать со своими часовыми, и вообще. **Как говорится, баба с возу, кобыле легче!** (А. Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013));

(3) в трансформированном виде:

Уж плакать и убиваться не будем, факт! **Баба с телеги – кобыле легче**, – отрезал Давыдов. – Оно и лучше, когда полюбовно разойдемся. Горшок об горшок и – без обиды врозь (М. А. Шолохов. Поднятая целина. Книга 1 (1932)); Чего они солеными огурцами катятся? Бауман рассказал в двух словах. Козуба крикнул: – **Баба с возу – коню легче**, это безусловно. А вот что воскресенье они нам сорвали – это дело скверное (С. Д. Мстиславский. Грач – птица весенняя (1937)); Ибо Малая Русь установила закон весьма разумный и гуманный, а именно: **«Баба з возу, коням легче»** (В. В. Шульгин. Последний очевидец (1971)); Увел Пафнутьева капитан с собой. **«Кум с возу – кобыле легче!»** – решили во взводе (В. Астафьев. Пастух и пастушка. Современная пастораль (1967–1989)); **Одного античного мыслителя можно будет сбросить со счета. Мешок с возу – кобыле легче. Мы прибавим себе приятного чувства превосходства над древними чудаками, которые задумывались бог знает о чем и лепили ошибку на ошибке** (В. В. Бибихин. Язык философии (1993)); У соседей я задержался минут на пять, а когда поднялся к себе, дверь была открыта, а Глуховой не было. **Баба с возу...** (В. Рецпер. Узлов, или Обращение к Казанове (1993)); Если недуг словописания пройдет – и слава Богу: **кобыле легче...** Но только чтоб по своей воле. А то, если вышивырнут насильно (как многих во времена «застоя»), напротив, графомания развивается: я это испытал... (Г. Гачев. Жизнемысли // Библиотека «Огонек», 1989); И прощаясь, добавил по-китайски: «Янь фойнь яй кинь, нья ху цинь дзэнь!» – **«Коль баба с возу, кобыле легче!»** – уразумел президент Ющенко и горячо пожал Януковичу руку: «Я рад, что мы поняли друг друга!» (Н. Варсегов. Тимошенко с возу или на воз, а Украине не легче // Комсомольская правда, 2006.03.30).

Создаваемый словарь позволит оптимизировать процесс исследования паремиологических единиц. Так, количество вхождений той или иной поговорки в тексты НКРЯ дает возможность анализировать ее востребованность у авторов, делать выводы о включении паремиологической единицы в активный / пассивный паремиофонд.

Сравн., например, количество вхождений в тексты НКРЯ поговорок (1) *Аппетит приходит во время еды* и (2) *Один горюет, <a> артель воюет*:

(1)

Основной	Газетный	Поэтический	Параллельный	Всего
~53	~104	–	2	~159

(2)

Основной	Газетный	Поэтический	Параллельный	Всего
5	–	–	–	5

При исследовании поговорок в диахроническом отношении полезной будет информация о первом вхождении паремиологической единицы в тексты НКРЯ. Отталкиваясь от этой даты, можно анализировать всю хронологию вхождений паремиологической единицы в тексты корпуса, а также относительную и абсолютную частоту ее употребления в данных текстах. Отметим, что частотность вызывает большой интерес лингвистов, однако «не учитывает распределение анализируемой единицы в корпусе и не позволяет в полной мере судить об ее использовании с точки зрения социально-демографических, дискурсивных, жанрово-стилистических и иных параметров» [3, с. 81]. Как уже было сказано выше, корпусно-статистические данные требуют интерпретации исследователя.

Для исследований, объектом которых является идиостиль того или иного автора, будет представлять интерес информация об активности вхождения паремиологической единицы в произведения данного автора.

Так, поговорка *Семь бед – один ответ* представлена в Основном корпусе НКРЯ ~ 60 раз. Первое вхождение в тексты корпуса датируется 1834 годом – в повести Н. А. Полевого «Эмма»: *Ну! да если увидит, что за беда? Хе! палки деньги, деньги палки – семь бед один ответ – спины не нанимать статься: своя, не купленная!* Полная хронология вхождений данной поговорки в тексты НКРЯ: 1834–2013 г.г. График распределения поговорок *Семь бед – один ответ* по годам демонстрирует самую высокую относительную частоту ее употребления в 1892 г. Это три вхождения в произведения Д. Н. Мамина-Сибиряка – (1, 2) роман «Золото» и (3) повесть «Охонины брови»: (1) – *В самое то есть живое место попал... Семь бед – один ответ. Когда я Татьяну свою уволок у Родивона Потапыча, было тоже греха, а только я свою линию строго повел;* (2) *Ну, да все равно: семь бед – один ответ...;* (3) *Ну, семь бед – один ответ, а беломестный казак Белоус цел останется.* Отметим, что в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка данная поговорка представлена наиболее активно: 7 раз (11.67% от общего числа вхождений в тексты корпуса).

Наконец, контексты употребления поговорок, которые в создаваемом словаре предполагается привести в большем объеме, чем в существующих паремиологических словарях, позволят анализировать дискурсивные реализации поговорок с учетом всех представленных в корпусе текстов вариантов и трансформаций паремиологических единиц.

Обозначенные направления использования электронного словаря «Поговорки в корпусе текстов» позволяют рассматривать его в качестве средства оптимизации корпусных исследований устойчивых словесных комплексов.

Список использованных источников

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/>. – Дата доступа : 03.10.2020.
2. Мокиенко, В. М. Словарь русских пословиц: ок. 1000 единиц / В. М. Мокиенко, Ю. А. Ермолаева, А. А. Зайнульдинов и др.; под ред. В. М. Мокиенко. – М. : Астрель : АСТ, 2007. – 381 с.
3. Кочетова, Л. А. Статистические методы в корпусных исследованиях / Л. А. Кочетова // Теоретические и прикладные аспекты корпусных исследований: сб. науч. тр. / редкол.: Л. А. Кочетова (отв. ред.) [и др.]; Федер. гос. авт. образоват. учр. высш. образования «Волгогр. гос. ун-т». – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2016. – 84 с.

The article describes aspects of the study of stable verbal complexes using computer text corpora and the use of corpus methods. The electronic dictionary "Paremiias in the Corpus of Texts" is considered as one of the means of optimizing such research. The structure and sample of the dictionary entry are provided. Separate directions of using the dictionary are analyzed.

Keywords: stable verbal complex, paremia, paremiological unit, text corpus, dictionary.

УДК 811.161.2'282

Г. І. Гримашевич

ЛЕКСИКОГРАФІЧНА РЕПРЕЗЕНТАЦІЯ СУЧАСНОЇ ФРАЗЕОЛОГІЧНОЇ СИСТЕМИ ПОЛІСЬКОГО НАРІЧЧЯ

У статті на матеріалі діалектних словників проаналізовано лексикографічну репрезентацію сучасної фразеологічної системи західнополіського (Григорій Аркушин «Сказав, як два зв'язав» (2003), Зоряна Мацюк «Говорити як медок варити» (2020)) та середньополіського (Галина Доброльожа «Фразеологічний словник говірок Житомирщини» (2010)) діалектів поліського наріччя української мови. Увагу акцентовано на особливостях представлення фразеологічних одиниць у зазначених працях, збереженні у фразеологізмах виразних діалектних рис етномовного континууму Середнього та Західного Полісся.

Ключові слова: Середнє Полісся, Західне Полісся, фразеологічні одиниці, лексикографічна репрезентація, діалектний словник, діалектні риси.

Однією з найбільш перспективних галузей сучасної української лінгвістики загалом та діалектології зокрема є діалектне словникарство як надійне емпіричне джерело для багатьох мовознавчих досліджень, підтвердженням чого є чимало опублікованих діалектних лексикографічних праць, які представляють матеріал із різних ареалів українського етномовного континууму. Водночас варто зазначити, що низку проблем щодо укладання, наповнення, способів представлення матеріалу в діалектних словниках досі не розв'язано як з огляду на відсутність лексикографічних праць, які б репрезентували різні мовні рівні діалектного мовлення багатьох теренів України, так і недостатність теоретичного підґрунтя в процесі укладання діалектних словників різних типів, хоча відомі праці, у яких порушено різноаспектні проблеми діалектного словникарства [1; 2]. Крім того, учені навіть уклали рекомендації та інструкції щодо укладання діалектних словників [3], але й це не дає змоги вирішити всі проблеми, адже діалектне мовлення багатогранне, тому його не можна втиснути в певні рамки й виробити уніфікований підхід до репрезентації зафіксованого дослідниками діалектного матеріалу в лексикографічній праці.

Зазначимо, що діалектні словники як репрезентанти живого народного мовлення певної території українського діалектного континууму привертають увагу діалектологів

як надійний матеріал і джерело для дослідження, здійснення компаративних студій, виявлення лексики певного діалектного територіального утворення (говірки, групи говірок, діалекту чи наріччя), вивчення лінгвальних особливостей діалектного мовлення на різних мовних рівнях, передовсім на лексичному, рідше – морфологічному, фонетичному, словотвірному та фразеологічному.

З огляду на означену тему дослідження, яка передбачає аналіз лексикографічної репрезентації сучасної фразеологічної системи поліського наріччя, зауважимо, що не всі терени окресленого говіркового континууму рівномірно представлені в діалектному словникарстві з позиції відображення в них фразеологічної системи. Як відомо, до поліського (північноукраїнського) наріччя належать три говори: західнополіський, середньополіський та східнополіський. Найповніше в лексикографічному форматі представлена територія Західного Полісся, найменше – Східного Полісся, оскільки досі в українській діалектології немає видання, у якому були б системно представлені фразеологічні одиниці зазначеного ареалу.

Мета статті – проаналізувати особливості репрезентації фразеологічної системи поліського наріччя в лексикографічному форматі.

Насамперед зауважимо, що впродовж останніх десятиріч активізувалися різноаспектні дослідження діалектного мовлення різних теренів українськомовного діалектного континууму, вагоме місце з-поміж яких належить студіям із діалектної фразеології (дисертації, монографії, статті) та фразеографії, які репрезентують говіркове мовлення діалектів південно-східного (В. Ужченко, Ю. Прадід, Д. Ужченко, А. Сагаровський, Р. Міняйло, І. Мілева, І. Магрицька, Л. Мельник, Т. Грица), південно-західного (Н. Бабич, М. Демський, Н. Вархол, А. Івченко, М. Доленко, Н. Коваленко, М. Олійник, Н. Романюк, Н. Кірілкова) та північноукраїнського (Г. Аркушин, Г. Доброльожа, З. Мацюк) наріч. Значна кількість праць із діалектної фразеології зумовлена, за словами Г. Аркушина тим, що фразеологія – внутрішній світ народу, його історія, ментальність і душа, а ще – його неперевершений гумор, іронія та сарказм [4, с. 4], а фразеологізми – це невичерпні мовні джерела, що живлять мовлення будь-якої стильової зорієнтованості, вони наповнюють мовлення глибиною свіжістю, надають йому художнього звучання, лексичної й синтаксичної витонченості, довершеності; влучні вислови фіксують найтонші відтінки думок, почуттів, найрізноманітніші якості мовлення людей, надають йому виразності, національного колориту [6, с. 6].

Із-поміж відзначених напрацювань нашу увагу привернули словники Григорія Аркушина «Сказав, як два зв'язав» [5], Зоряни Мацюк «Говорити як медок варити» [6] та Галини Доброльожі «Фразеологічний словник говірок Житомирщини» [7], у яких представлено фразеологічні одиниці, що відображають світогляд поліщуків. Передовсім зауважимо, що в аналізованих виданнях представлено низку фразеологічних одиниць, які наявні як у літературній мові, так і відзначені на інших теренах України, що свідчить про єдність українського етномовного континууму та архаїку фразеологізмів. Натомість нашу увагу привернули насамперед ті одиниці, які виразно репрезентують представлений діалектний ареал з огляду на збережені в них говіркові риси.

Г. Аркушин у зазначеному виданні [5], підготованому за зафіксованими записами з території Західного Полісся (включно з Берестейщиною та Підляшшям) і західної частини Волині, представляє різноманітні народні вислови (прислів'я, приказки, складанки, дражнилки, загадки), зокрема й значний пласт фразеологізмів [5, с. 76–133], які подано в спрощеній діалектологічній транскрипції із позначенням наголосу здебільшого за першим іменником, наведеним у початковій формі, рідше – іншою частиною мови. Фонетичні, морфологічні та словотвірні діалектизми репрезентовано в реєстровому слові словникової статті за літературними нормами, водночас у самих фразеологізмах збережено особливості діалектного мовлення, що унеможливорює їх використання як джерела для спостереження за відзначеними діалектними рисами (напр., *Нарубітис'*,

йак барабан на в'іс'іл':і 'втомитися від роботи' [5, с. 77], *Пуд б'ік і пуд голову* 'було багато страждань і біди' [5, с. 78], *Про л'уц'к'е гоко робіти* 'абияк' [5, с. 110]). Водночас лексичні та семантичні діалектизми не замінено літературними відповідниками, що дає підстави діалектологам застосувати їх для наукових праць у царині діалектної лексикології та семасіології (напр., *А йа й бинámне* 'а я й не знав', 'а мені байдуже' [5, с. 77], *Бус'ко р'іти нас'ійав* 'про брудні ноги' [5, с. 79], *Ну то гов* 'досить' [5, с. 85], *Ше máти дриг* 'бути здоровим' [5, с. 90], *Ни кич ни гáйда* 'ні те ні се' [5, с. 96], *Ходити крин-такóm* 'бути п'яним' [5, с. 75], *П'іти в лáйу* 'піти до парубків' [5, с. 101]). Як бачимо, у представлених фразеологізмах відображено як особливості світосприйняття жителів Західного Полісся, так і діалектні риси на різних мовних рівнях.

У словнику З. Мацюк [6], який наразі є найновішим лексикографічним фразеологічним виданням, представлено матеріал із 275 говірок (7652 фразеологізми), зафіксований на території Волинської, Рівненської, Львівської областей і суміжних територій. У лексикографічному виданні статті розроблено за алфавітом стрижневих компонентів й одночасно за стрижневим принципом; вирази вводяться й тлумачаться на перший іменник, а за його відсутності – на слова інших частин мови. Структура словникової статті загалом традиційна, водночас авторка застосувала порівняно новий прийом пояснення затемнених висловів – дослівну мотивацію в інтерпретації інформаторів. Крім того, використано систему позначок, які вказують на сферу вживання, поширення виразу, стилістичну характеристику. Цінність фразеологічного матеріалу поглиблює його представлення, крім літературизованої форми, у фонетичній транскрипції зі збереженням особливостей говіркового мовлення з точною локалізацією (напр., *боц'ан зал'і'тав* 'про народження дитини' [6, с. 53], *с'коро ку'ра на 'морд'і нурус'те* 'про чоловіка-п'яницю' [6, с. 227], *йак м'н'ело* 'про повільну людину' [6, с. 284], *о'д:ув 'писи* 'образитися, розсердитися' [6, с. 346], *аи рот пор'вавса* 'сміятися' [6, с. 394], *ни вху'тило 'хапа* 'нічого не сталося' [6, с. 475], *'хан'ки мне* 'дуже лінивий' [6, с. 475], *йак 'муха по ха'мул'і* 'про повільну людину' [6, с. 295]. У фразеологізмах виразно простежуються фонетичні, словотвірні та морфологічні, синтаксичні особливості, лексичне багатство діалектного континууму. З огляду на значну кількість діалектизмів, представлених у фразеологізмах, З. Мацюк, на відміну від інших авторів, подає незрозумілі (діалектні) слова, пояснюючи їхню семантику, у посторінкових зносках – усього 594 одиниці (напр., *решипейда* – неакуратна людина [6, с. 384], *джернутти, джорнутти* – насварити, образити [6, с. 167], *жижски* – задня сторона коліна, підколінні сухожилки [6, с. 170], *концигей* – кінець [6, с. 223], *коруш* – скоринка [6, с. 230], *лейка* – пліткарка [6, с. 250], *мандрони* – нісенітниця [6, с. 270], *муц* – невеликий кінь [6, с. 295], *найдюк* – байстрюк, позашлюбна дитина [6, с. 296], *нехоризна* – некрасива жінка [6, с. 303], *опашня* – смерть [6, с. 321], *палимутки* – червона маленька мураха [6, с. 330], *палямбіци* – паляниці [6, с. 331], *профільони* – світські заходи, свята [6, с. 374], *пуц* – сич [6, с. 378] та ін.).

У лексикографічній праці Г. Доброльожі [7] представлено понад 7 тисяч фразеологічних одиниць, які розміщено в алфавітному порядку за стрижневим словом (іменником, прикметником, займенником, числівником, дієсловом, прислівником, вигуком, звуконаслідуванням), а також тематично у вигляді ідеографічного фразеологічного словника з такими складовими: інтелектуальні здібності людини, моральні якості людини, риси характеру людини, естетичні якості людини, емоційний стан людини, фізичні ознаки людини, фізіологічні потреби та особливості людини, родинні стосунки, суспільні стосунки, фортунальна сфера в житті людини, динамічні та статичні ознаки людини, абстрактні поняття. Значний пласт зібраного матеріалу в одній з архаїчних зон Славії демонструє насамперед лексичне багатство (напр., *від гладшики дві кришки* – 1) нікудишня людина, 2) низька на зріст людина [7, с. 41], *хоч гать гати* – дуже багато [7, с. 41], *дати дропа* – втікати [7, с. 215], *скроєні на один копил* – про схожих людей або схожі предмети [7, с. 90], *мудями трусити* – 1) балакучий чоловік, 2) легковажний чоловік [7, с. 112], *з гарца повгарца* – зовсім мало [7, с. 40]), натомість відсутність транскрипції та точної локалізації

зафіксованих фразеологізмів (подано тільки район без указівки на говірку) знецінює репрезентацію матеріалу, оскільки він не може бути використаний у діалектологічних дослідженнях із фонетики та морфології, а саме територія північної Житомирщини зберігає на цих мовних рівнях багато реліктових архаїчних діалектних рис.

Отже, аналіз представлення сучасного фразеологічного діалектного матеріалу в лексикографічних виданнях свідчить про багатство фразеологічних одиниць, частоту їхнього використання в говірковому мовленні, збереження давніх діалектних рис на різних мовних рівнях, передовсім на лексичному та фонетичному, хоча репрезентація фразеологізмів не завжди дає змогу простежити функціонування зазначених особливостей, тому сьогодні до дослідників-діалектологів висувуються нові вимоги, які передбачають системний підхід до пояснюваних явищ, зокрема й фразеологічних, та можливість застосування даних словникарства як надійного емпіричного джерела для майбутніх досліджень. Водночас для здійснення компаративних досліджень у царині поліської діалектної фразеології наразі бракує лексикографічного видання, у якому було б представлено фразеологічні одиниці з території східнополіського діалекту. Крім того, сучасний стан дослідження говорів українського діалектного континууму та фіксація зразків зв'язного діалектного мовлення у вигляді текстів уможливує підготування діалектних фразеологічних словників нового типу з розлогими ілюстраціями до представлених фразеологізмів, що дасть змогу простежити їх функціонування в різних комунікативних ситуаціях і полегшить сприймання та визначення семантики фразеологічних одиниць.

Список використаних джерел

1. Хобзей, Н. Сучасне українське діалектне словникарство / Н. Хобзей // Україна: культура, спадщина, національна свідомість, державність. – Львів, 2006. – Вип. 15. – С. 819–826.
2. Хобзей, Н. Діалектний словник: автор та читач / Н. Хобзей, Т. Ястремська // Сучасні проблеми мовознавства та літературознавства : зб. наук. праць. – Вип. 12. Українська діалектна лексика як об'єкт словникарства та лінгвогеографії : До 100-річчя Миколи Андрійовича Грицака. – Ужгород : Вид-во УжНУ «Говерла», 2008. – С. 203–205.
3. Інструкція для укладання діалектних словників / Ярослава Закревська (відп. ред.), Уляна Єдлінська, Розалія Керста. – Львів, 1992. – 32 с.
4. Аркушин, Г. Переднє слово / Г. Аркушин // Мацюк Зоряна. Говорити як медок варити : слов. фразеологізмів Західного Полісся та суміжних територій. – Луцьк : Вежа-Друк, 2020. – С. 4–5.
5. Аркушин, Г. Сказав, як два зв'язав : Народні вислови та загадки із Західного Полісся і західної частини Волині / Г. Аркушин. – Люблін–Луцьк, 2003. – 178 с.
6. Мацюк, З. Говорити як медок варити : слов. фразеологізмів Західного Полісся та суміжних територій / З. Мацюк. – Луцьк : Вежа-Друк, 2020. – 688 с.
7. Доброльожа, Г. Фразеологічний словник говірок Житомирщини / Г. Доброльожа. – Житомир : ПП Туловський, 2010. – 404 с.

The article analyzes the lexicographic representation of the modern phraseological system of Western Polissya (Hryhoriy Arkushin «Said as two connected» (2003), Zoryana Matsyuk «Speak like a cook to cook» (2020)) and Middle Polissya (Halyna Dobrovilozha «Phraseological dictionary of dialects of Zhytomyr region» (2010)) dialects of the Polissya dialect of the Ukrainian language. Attention is focused on the peculiarities of the representation of phraseological units in these works, the preservation in phraseology of expressive dialectal features of the ethnolinguistic continuum of Central and Western Polissya.

Keywords: Middle Polissya, Western Polissya, phraseological units, lexicographic representation, dialect dictionary, dialect features.

П. С. Дронов

ФРАЗЕОСХЕМА: МЕЖДУ ПОСЛОВИЦЕЙ, ИДИОМОЙ И КОЛЛОКАЦИЕЙ

Статья посвящена уточнению понятия «фразеосхема», его связи с идиомой и пословицей. Рассмотрев различные определения и классификации, указав на существование регулярных структурных моделей у идиом и пословиц, автор предлагает следующее определение фразеосхемы: устойчивое, воспроизводимое и идиоматичное выражение со структурой словосочетания или предложения, которое содержит некую переменную, заполняемую в конкретном контексте, и которое построено по регулярной модели и в плане выражения, и в плане содержания.

Ключевые слова: фразеология, фразеосхемы, идиомы, пословицы, коллокации, уточнение терминологии.

Как известно, термин «фразеосхема» был впервые предложен Д. Н. Шмелевым в книге «Современный русский язык. Лексика» [1, с. 327]. К ним были отнесены различные продуктивные конструкции, строящиеся по регулярным моделям, наподобие *X как X, сначала V1, потом V2 (сначала думай, потом говори), X не X, а P (дура не дура, а полтинник в день имею)* или *V1-то NP V1, но / да <только> V2 / VP (написать-то он написал, да только кто это читать будет, охранять-то их [хлебные вагоны] охраняли, но голод не тётка – наламывали себе корок хлебных, да впрок* (Даниил Гранин. Зубр) [2]). Фразеосхема относится скорее к синтаксису, чем к фразеологии, однако по таким же моделям могут строиться и идиомы, сравн. рус. *хоть отбавляй, хоть пруд пруди, хоть в петлю лезь* [1, с. 327—330], нем. *einmal X, immer X*, букв. «единожды X – всегда X» (*einmal Lehrer, immer Lehrer* ‘учитель – это навсегда’) [3, с. 17]. В настоящее время такие единицы часто получают название «фразеошаблоны» (*Phraseoschablone* в немецкой литературе, например, у В. Фляйшера и К. Пальм, – см., например, [3]), сравн. «синтаксические фразеологизмы» (см. монографию А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского «Аспекты теории фразеологии» [4]) и «предложения фразеологизированной структуры», или «фразеологизированные предложения» (в «Грамматике-80» [5, с. 382–386]). В [4, с. 15–16] указывается, что понимание фразеосхем как синтаксических фразеологизмов наиболее близко к тому, что Ч. Филлмор называет конструкциями. В то же самое время словосочетания, описываемые грамматикой конструкций (CxG) – например, рус. *как бы то ни было, во что бы то ни стало*, англ. *let alone* (сравн. знаменитую работу Ч. Филлмора, П. Кея и М. К. О’Коннор о регулярности и идиоматичности на примере именно этого английского словосочетания [6]), также именуются в русскоязычной литературе, в том числе и в процитированной работе [4, с. 74–75], грамматическими фразеологизмами. Очевидно, что *как бы то ни было* и *во что бы то ни стало* имеют одновременно признаки коллокации и служебного слова и относятся к сфере не просто грамматики, а синтаксиса; А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский дают следующее определение подобных фразеологизмов: «неоднословные выражения, которые с содержательной точки зрения (i) характеризуются идиоматичностью значения (т. е. их план содержания не поддается описанию с помощью стандартных правил) и которые (ii) связаны с нерегулярным выражением грамматических (в том числе модальных) смыслов и / или представляют собой сочетания различных служебных слов» [4, с. 75]. В то же время синтаксический фразеологизм может быть одновременно близок к обычной редупликации и отличаться от нее лишь связью между компонентами – не только синтаксической, но и морфологической: именно она отличает план выражения словосочетаний-интенсификаторов типа *X-X* ‘некий X однозначно относится к своему классу предметов и явлений и имеет ярко выраженные признаки этого

класса' (редупликацию типа *деревня-деревня, такая девочка-девочка* [7] от плана выражения у словосочетаний типа *X X-ом* (*пень пнем, дурак дураком* – здесь, как правило, *X* метафорически переосмыслен, так что *X X-ом* идиоматично, в отличие от *X-X*).

Как можно увидеть, возникает некоторая семантическая неоднозначность. Желая от нее избавиться, в данной работе мы попытаемся уточнить понятие фразеосхемы.

Прежде всего, очевидно, что словосочетания вида *сначала V1, потом V2* или *V1-то NP V1, но / да <только> V2 / VP* и словосочетания вида *X как X* или *всем X-ам X, X X-ом* в равной мере устойчивы и воспроизводимы. При этом они строятся по регулярным структурным моделям. Различие между ними лежит в плоскости идиоматичности. Если первые неидиоматичны, то у вторых мы видим наличие переинтерпретации и усложнения способа указания на денотат; например, *X как X* истолковывается как 'X является типичным представителем своего вида предметов или явлений' (сравн. у В. Набокова в повести «Пнин»: *Yes, I see, vizhu, vizhu, kampus kak kampus: The usual kind of thing* [2]).

Сама эта идиоматичность тоже строится по регулярной модели. Рассмотрим такие словосочетания, как *хоть отбавляй, хоть залейся, хоть в бочке соли, хоть плачь, хоть в петлю лезь*. Все они являются интенсификаторами (Magn по А. К. Жолковскому и И. А. Мельчуку [8; 9]), т. е. указывают на высокую степень чего-л. Модель, по которой они построены, может быть представлена следующим образом: $(P) - \text{хоть } VP / V_{2SGIMP} F(P)$, где *F* – некая лексическая функция, служащая для указания на наиболее релевантные и возможные действия в ситуации *P*, воздействующей на ее участников, сравн. *очень неприятная ситуация, безвыходное положение vs. [положение такое, что] хоть плачь / хоть в петлю лезь*.

Эта лексическая функция *F* может быть записана как *Oper (P)* или *Involv (P)*, т. е. указание на функционирование в рамках ситуации или ее воздействие на участника. В то же время следует учитывать, что *Oper (P)* может употребляться не в своем прямом значении, так как при описании прототипической ситуации возможны семантические переносы: *денег – хоть залейся* (перенос 'жидкость' > 'деньги') или *Запчастей – хоть в бочке соли* ('еда' > 'детали автомобиля').

Во всех перечисленных случаях есть некая переменная, заполняемая в конкретном контексте. По этому критерию к фразеосхемам можно причислить и идиомы с обязательной атрибутивной валентностью (см. [10]) наподобие *лить воду на чью-л. мельницу, камень в чей-л. огород*.

Помимо этого, однозначно можно говорить о близости фразеосхем не только к идиомам, но и к пословицам, которые могут иметь определенные фундаментальные структуры. Во-первых, это обусловлено широким варьированием формы пословиц, у которых в рукописных сборниках и опубликованных словарях может быть до четырех вариантов [11, с. 6]) при сохранении некой общей модели, сравн.: *Кому сон, кому явь/быль; Кому сон, кому явь; кому клад, кому шиш / Кому чин, кому блин, а кому и клин / Кому блин, кому клин, а кому и просто шиш* [12, с. 54]. Во-вторых, по замечанию В. Мидера, «существуют определенные пословичные структуры, которые стали основой для десятков пословиц, например: *куда X, туда и Y, без X нет Y, каков X, таков и Y* и т. д.» ("<...> certain fundamental proverb structures exist that have been the basis for dozens of proverbs, as, for example, 'Where there's X, there's Y,' 'No X without Y,' 'Like X, like Y,' 'One X does not make a Y,' and so on" [13, с. 9]). Сравн. также немецкую структурную модель *man soll (nicht) P* 'надо / нельзя P', превращающую словосочетание в предложение: *Man soll das Fell nicht verkaufen, ehe man den Bären hat* (букв. «Нельзя продавать шкуру, пока не завладел медведем», аналог рус. *делить шкуру неубитого медведя*), *Man soll nicht den Tag vor dem Abend loben* (букв. «Нельзя хвалить день до вечера»), подробно описанную А. Тейлором [14]. Аналогичную модель можно увидеть в современных англоязычных и русскоязычных Интернет-мемах (по сути,

креолизованных прецедентных текстах): *one does not simply P*, *нельзя так просто взять и P*, – основанных на цитате из фильма «Властелин колец» *One does not simply walk to Mordor* (рус. *Нельзя так просто <взять и> пройти в Мордор*).

Как можно увидеть, понятие фразеосхемы пересекается с понятиями синтаксического и грамматического фразеологизма, идиомы и поговорки. Синтаксический фразеологизм – это устойчивое и воспроизводимое словосочетание, которое может быть нерегулярным (см. выше определение грамматического фразеологизма у А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского) или может строиться по регулярной модели и содержать некую переменную, заполняемую в конкретном контексте (*не X, а X-ище*). Фразеосхема является подвидом регулярных синтаксических фразеологизмов. С учетом всего вышеизложенного попытаемся дать ей уточненное определение.

Фразеосхема – это устойчивое, воспроизводимое и идиоматичное выражение со структурой словосочетания или предложения, которое содержит некую переменную, заполняемую в конкретном контексте, и которое построено по регулярной модели и в плане выражения, и в плане содержания.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00335а.

Список использованных источников

1. Шмелев, Д. Н. Современный русский язык. Лексика / Д. Н. Шмелев. – М. : Просвещение, 1977. – 335 с.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 05.10.2020.
3. Pavlova, A. Und ob es Phraseologie ist! // C. Engel, I. Pohlan, S. Walter (Hg.). Russland übersetzen / Russia in Translation / Россия в переводе. Festschrift für Birgit Menzel. – Berlin : Frank&Timme, 2020. – S. 117–132.
4. Баранов, А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М. : Знак, 2008. – 646 с.
5. Русская грамматика. Том II. Синтаксис / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1980. – 714 с.
6. Fillmore, C. J. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: the case of *let alone* / C. J. Fillmore, P. Kay, M. C. O'Connor // *Language*, Vol. 64, No. 3 (Sep., 1988). – P. 501–538.
7. Гилярова, К. А. *Такая девочка-девочка*. Семантика редупликации существительных в русской разговорной речи и языке интернета / К. А. Гилярова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.). Вып. 9 (16). – М. : Изд-во РГГУ, 2010. – С. 90–96.
8. Жолковский, А. К. Толково-комбинаторный словарь русского языка: Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики / А. К. Жолковский, И. А. Мельчук. – 2-е изд., испр. – М. : Издательский дом ЯСК, 2016. – 544 с.
9. Мельчук, И. А. Язык: от смысла к тексту / И. А. Мельчук. – М. : Языки славянской культуры, 2012. – 176 с.
10. Дронов, П. С. Особенности функционирования идиом с обязательной атрибутивной валентностью / П. С. Дронов // *Язык, сознание, коммуникация* : сб. статей / редкол. М. Л. Ковшова, В. В. Красных, А. И. Изотов, И. В. Зыкова. – М. : МАКС Пресс, 2013. – С. 7–14.
11. Селиверстова, Е. И. Пространство русской поговорки: постоянство и изменчивость / Е. И. Селиверстова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ФЛИНТА: Наука, 2017. – 296 с.
12. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – Т. 1. – изд. второе, без перемен. – СПб.; М. : Товарищество М. О. Вольф, 1879. – 276 с.
13. Mieder, W. Proverbs are never out of season: Popular wisdom in the modern age / W. Mieder. – New York; Oxford : Peter Lang, 1993. – 284 p.

14. Taylor, A. The proverbial formula “man soll...” / A. Taylor // Wolfgang Mieder (ed.). Selected Writings on Proverbs by Archer Taylor. – Helsinki : Suomalainen Tiedeakatemia, 1975. – P. 101–105.

The paper deals with the specification of the term “phraseoschema” (Russian frazeoshema, coined by Dmitrij Šmelëv and denoting structural patterns of idioms such as once a/an X, always a/an X). Analysing different definitions and classifications and showing structural patterns of idioms and proverbs alike, the author proposes a modified definition of the phraseoschema as a set and idiomatic phrase, clause or sentence whose structure and figurative meaning follow a regular structural pattern.

Keywords: phraseology, phraseoschema, idiom, proverb, restricted collocation, specifying terminology.

УДК 821.161.1-91:398

И. Г. Евтухова

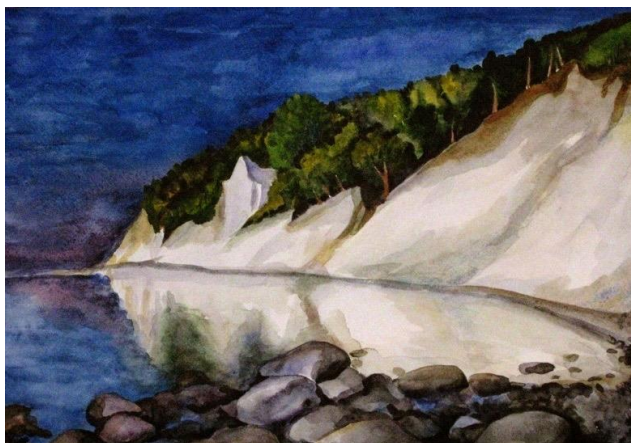
УСТОЙЧИВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ *БЕЛ-ГОРЮЧ КАМЕНЬ АЛАТЫРЬ* В ФОЛЬКЛОРЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Статья посвящена исследованию национального своеобразия символики устойчивого выражения «бел-горюч камень Алатырь» в фольклорной и художественной литературе. Отмечается, что с давних времен и до настоящего времени бел-горюч камень Алатырь наделялся божественными, сакральными и целебными свойствами, символизируя несокрушимую силу.

Ключевые слова: семантика, белый, символика, бел-горюч камень Алатырь.

Ай на той горы на Фагорския, / Ко цюдну кресту животворящему, / Ко Латырю белу камению, / Ко святой главы ко Адамовой / Выпадала Книга Голубиная...»

Об Алатыре камне говорят, что он «всем камням мати», поскольку «на белом Латыре на камене / Беседовал да опочив держал / Сам Исус Христос царь небесный / С двенадцати со апостолами, / с двенадцати со учителям; Утвердил / он веру на камени, / Распустил он книги по всёй земли: / Потому де Латырь камень камням мати» (Бессонов П. Калики переходящие).

Уже несколько веков у ученых, писателей и поэтов вызывает интерес *бел-горюч камень Алатырь*. Согласно данным «Словаря современного русского литературного языка», семантика слова *Алатырь* отличается значительной обобщенностью: «В русских народных поверьях – чудодейственный камень. *Алатырь* – «бел горюч

камень, камень русских народных поверий; природа его не выяснена» (ССРЛЯ I, 131). В И. Даль приводит более детальные сведения о реалии, названной словом *Алатырь*: «Загадочный камень, поминаемый в сказках и заговорах: *бел-горюч камень*, лежащий на дне морском либо на море на киане, на острове Буяне; вероятно, *янтарь*, греч. *электрон...*» (Даль I, 9). «Янтарной» этимологии придерживается и О. Н. Трубачев, но в ином варианте: слово *Алатырь* он возводит к индоарийскому субстрату Северного Причерноморья, а именно к реконструируемой им форме **alaktar-* – ‘сияющий, жгучий’, которую считают культовым названием янтаря (а того же происхождения **Гантар-* – ‘удерживающий’ [в связи с магнетическими свойствами камня], отсюда, возможно, русское *янтарь* – техническим термином)...[1, с. 12]. Название, несмотря на темный характер употребления, дошло вместе с представлением о самом минерале, который, действительно, и *бел* «блестящ», и *горюч*» [1, с. 17]. В. В. Мартынов высказал сходное предположение, что русское *бел горюч камень Алатырь* является калькой с иранского **al-~tar* (= *бел-горюч*). Дополнительным подтверждением могло бы служить рус. *белатор-камень* (полукалька: *бел-атор*). Выделяемая в этих вариантах общая часть *-атор* регулярно восходит к иран. *~tar-* ‘огонь’ [2, с. 25]. Довольно пространный и информативный материал о происхождении рассматриваемого слова содержится в этимологическом словаре М. Фасмера. Обобщая известные ему точки зрения, ученый приводит несколько гипотез, в том числе и не лишенных этнокультурного содержания: 1) «Чудесный камень, который был положен спасителем в основание Сионского храма. Он был принесен с Синая и поставлен там как алтарь»; 2) производность слова *алтарь* от лат. *altare* Фасмер считает остроумной аргументацией, но затруднительной в фонетическом отношении; 3) неубедительно и объяснение связи этого слова с названием города Алатырь, так как «этот город расположен не на старой русской территории и в стороне от главных районов распространения устного народного творчества»; 4) неудовлетворительна и этимологизация через греч. *ήλεκτρον* и др.-исл. *leigarsteinn* ‘магнит’ (Фасм. I, 69).

А. Н. Афанасьев считал Алатырь метафорой солнца, огненного камня, плавающего в воздушном океане, выражением крепости и могущества жизненных сил, таящихся на о. Буяне [3, с. 142]. А. Н. Веселовский, В. Н. Мансикка и др. отождествляли Алатырь с чудесным камнем, положенным Спасителем в основание Сионского храма, камнем, снесенным с Синая и положенным в этом храме на место алтаря. Так, изучая западные легенды и показания русских путешественников, А. Н. Веселовский в своих трудах «Разыскания в области русского духовного стиха», статье III «Алатырь в местных преданиях Палестины и легенды о Граале» «сближает заповедный камень Алатырь с алтарем: народная фантазия, говорит он, нашла символический центр сказаний – алтарный камень, алтарь, на котором впервые была принесена бескровная жертва, установлено высшее таинство христианства» [4, с. 35]. В славянской мифологической традиции камень *Алатырь* характеризуется как «всем камням отец», пуп земли, наделяемый сакральными и целебными свойствами. Легенды о Латыре восходят к представлениям о янтаре как обереге (сравн. назв. Балтийского моря – Алатырское море). В русских заговорах *Алатырь (бел-горюч камень)* ассоциируется с алтарем, расположенным в центре мира, посреди океана...» (СМ, с. 31).

В славянской мифологии *Алатырь* – это «отец всех камней», камень самый древний и тяжелый. А. Н. Веселовский проводил параллель между понятиями «Алатырь» и «алтарь» и соотносил камень Алатырь с христианским алтарем, считая название *Алатырь* производным от *алтарь* [5, с. 129]. Исследователь А. И. Соболевский, сближая мифологические понятия «Ла-тырь», «Латыгорь», «Баба-латыгорка», пришел к выводу, что первоначальное словосочетание «камень Латырь (Алатырь) обозначало “Латышская гора” или “Латышский хребет”» – географическое название, определявшее границу проникновения на запад славян [6, с. 254].

В восточнославянских заговорах регулярно употребляется заговорная формула *бел-горюч камень Алатырь (белый камень, Алабор, Алабырь, Латырь, Лакир, Лагир, бел-Лакир камень, белый горючий камень, бел-белый камень): ... Идзи на сине мѳрѳ, // ... На сине мѳрѳ бѳлый кáмень. // З бѳлого кáменю // Кров на кáне...* (ПЗ [От змеиного укуса], 390).

Согласно нашим наблюдениям, в текстах восточнославянских заговоров *бел(ый) камень Алатырь* находится на море, на океане; на острове Буяне; на горе Сианьской; в реке Иордан; на нем чаще всего располагаются объекты: дерево, золотая церковь, золотой престол, хрустальный терем, золотая кузня, каменный столб, гробница, черное руно; предметы: серебряное блюдо, золотые ножницы, золотое гнездо. На него помещены (или из-под него появляются) волшебные помощники и защитники, обеспечивающие успех заговора: *сам Господь Бог, Иисус Христос, Пресвятая Богородица (мать Пречистая), Иоанн Креститель, царь Артемон и царица Улита, царица Марья, святой Петр, святой Сусой, три ангела-хранителя; Егорий Победоносец, Михаил Архангел, Илья пророк, Николай Чудотворец; кава-кавица, красная дзвявица*. На него может становиться заговаривающий для молитвы. Под ним находится могучая сила, щука-калуга (рыба-белуга), хранящая ключи и замки от заговорных слов, под него бросают ключи от болезней, из-под него достают золотые ларцы с огнем палящим негасимым, оттуда же вылетает петух и куры, которых он топчет. Камень распиливают и разрубают 12 дочерей царицы Ирода, царя Соломии (имеющие имена лихорадок-трясовиц), чтобы вынуть из него «палящий и гуляющий огонь» для присушивания любви. Крепостью камня Алатыря закрепляются слова заговора, девичья фата, которой укрыт человек, идущий на войну.

Кроме того, из текстов заговоров следует, что *бел-горюч камень* – центральное место, вокруг которого собираются не только святые, но и нечистые духи и где обыкновенно происходит поражение последних: рус. *...А во дьявольском болоте Латырь бел камень, а на Латыре бел камени сидит сам сатана...* (РЗ, № 247. Для раздора между новобрачными, 122). Камень же является метафорой горы.

«Осознание камня в качестве центра универсума предполагает его соотносимость с образом мировой оси, связывающей верхний, средний и нижний уровни мироздания. Поскольку сам образ камня не обладает тем запасом смыслопорождающих возможностей, который необходим для выражения идеи вертикальной ориентированности (что особенно хорошо заметно в устойчивом отнесении камня к нижнему слою пространства в формульных схемах типа: *дуб (На небе светел месяц, на море белый камень, в поле сырой дуб* (НС Е, 36)), *столб (На Сионских горах, на синих морях, на желтых на песках, на тридесать ключах лежит бел камень гладк. На том камне стоит столб* (ВРЗ, 219)) или пространственные объекты, ориентированные по вертикали не столь явно: *престол (Во синем море лежит бел горюч камень, на этом камне стоит Божий престол* (ВРЗ, 97)).

На формирование семантики колоратива *белый* оказало влияние то, что *белый* цвет в языческом (впоследствии и христианском) мировосприятии был священным. В библейских текстах – это символ света со всеми его значениями: божественность, святость, чистота, вера, благо. О том, что слово *белый* имеет значение, близкое к сфере святости, может свидетельствовать реконструкция индоевропейских корней **bhē-* ‘светить, блестеть’, **bhel-* ‘блестеть’ [7, с. 137]. По мнению В. М. Моисеенко, камень Алатырь также выступает метафорой солнца.

В христианских таинствах (крещение, конфирмация, венчание, священство, соборование) *белый* цвет символизирует переход в иное духовное состояние. В церковной символике *белый* цвет – не просто один из многих других цветов, он есть символ Божественного нетварного света, переливающегося всеми цветами радуги и как бы содержащего в себе все эти цвета.

В некоторых заговорных текстах сквозным эпитетом является определение **белый**, усиливающее свое эмоциональное воздействие на объект заговора. Сравн. рус. *Как есть Океан-море белый камень, на белом камени сам Иисус Христос, сам бел и рукавицы белые, и кнут белый* (РН. Слова утечьи, 338); бел. *Шол сам Исус Христос / Через калінавыі мост. / На нём шапачька бѣлая, / Рубашэчка бѣлая, / Штаны бѣлые...* (ПЗ, № 304 [От крови, 184]; ... *Ёсць слаўны акіян-мора. А на том акіян-моры ёсць бел остраў. На том, на белым остраве ёсць белы камень, на том белам камні сядзіць Прачыстая Багародзіца, Маці божая, на престоле сваём. І як ты, Прасвятая Багародзіца, іспуціла мора і рэкі, і озёра із аднаго месца, із-пад белага камня, дак ты, Прачыстая Багародзіца, іспуці малако із маея мілай жываціны, із каровы (якая шэрць), із розных шарсцей і яе вымя...* (МФЛ, Еслі карова малако пацярае). Таким образом, камень представляет собой мифологическую субстанцию, наделенную сакральными свойствами.

Устойчивое выражение **бел-горюч камень Алатырь** не только упоминается в русских народных сказках, былинах и заговорах, но и широко представлено в произведениях русской классической литературы: А. Блока, А. Н. Островского, А. К. Толстого и других авторов. Сравн.: *Этот Алатырь, Латырь или Алатр-камень белый, горючий, светлый, синий, серебряный – светится в центре массы заклинаний и обладает чудотворной силой; Молит о том, чтобы двенадцать сестер-трясавиц распилили белый камень Алатырь и вынесли из него на девицу «палящий и гуляющий огонь», чтоб Огненный Змей зажег красную девицу* [4, с. 35]; *Петр. Молчать! Он говорит, не жена она тебе, а змея лютая! Вот и кореньев мне дал... Горюч камень алатырь... Привороты все знает, пускает по ветру... Тетенька!..* [8, с. 105]; *Алатырь-камень всем камням отец; на белом Алатыре на камени сам Исус Христос опочив держал, царь небесный беседовал со двенадцати со апостолам, утверждал веру христианскую; утвердил он веру на камени, распуцал он книги по всей земле* [9, с. 85].

Вызывает несомненный интерес образ алатыря-солнца в стихотворении К. Бальмонта «Камень-Алатырь», сближающийся с представлениями А. Н. Афанасьева, описанными нами ранее: *«На море-Окияне, / На острове Буяне, / Меж камней богатырь / Есть Камень-Алатырь. / Он бел-горюч и ярк, / Неостудимо жарок. / Красив его изгиб, / Кипит тот Камень-кип. / Горит тот Камень-чудо, / Что лучше изумруда. / Он каждый миг – живой. / Тот Камень Солнцевой* [10, т. 2, с. 108]. Но в отличие от А. Н. Афанасьева, отрицавшего связь алатыря с янтарем, К. Бальмонт видит в мифониме именно драгоценный камень. Это подтверждает сравнение последнего с другим самоцветом – изумрудом. Использование драгоценных камней как метафор солнца в творчестве поэта, подобно многим символистам, связано с темой света и огня [11, с. 22].

Мнения некоторых ученых о природе этого мифонима сходятся в том, что славянское *алатырь* представляет собой трансформацию латинского *electrum* – ‘защищаю’.

К. Бальмонт, ориентируясь на заговорные структуры, оживляет их через слияние народной поэтики с авторской, как, например, в стихотворении «Золото-Море»: *Есть Золото-Море. / На Золото-Море / Бел Камень, белея, стоит* [10, с. 690]. **Бел-горюч камень** в стихотворении «Заговор от металлов и стрел» выполняет роль хранителя заговорных ключей: *Я их замыкаю замками и ключ / Бросаю под Камень горюч...* [10, с. 483], а в стихотворении «Слово от змеиного яда» К. Бальмонта встречается лексема *Белороб*, характеризующая название камня: *А под дубом, словно / гроб, Древний камень / Белороб, А на камне / Белоробе, Словно в / гробе, / Сильный Змей, / Царь гадюк, змеюк, медянок, / Змей великий, Скоросней* [10, с. 663].

В произведении И. А. Бунина «Святогор и Илья» ключевым является образ камня Алатыря, возле которого лежит покойный главный герой. Камень символизирует вечный спор добра и зла, «распутье» России, представляется вратами в мир мертвых: *В чистом поле, у камня Алатыря, / Будит конь Святогора-богатыря: / Грудью пал*

на колчан Святогор... / В чистом поле, у камня Алатыря, / Светит месяц по шлему богатыря: / Принял божью смерть Святогор... / Ночь за ночью идет, ворон каркает, / Ветром конь вкруг Алатыря шаркает, / Стременами пустыми звеня [11, с. 121–122].

В документальном расследовании «Тайны Алатырь-камня» Д. Соколова рассказывается о большинстве наиболее известных почитаемых валунов в мире, отмечается, что приписываемые народным поверьям камни наделялись необычными свойствами: изменять судьбу, отводить врагов, лечить болезни.

Описание *бел-горюч камня Алатырь* находим и в «Сказке о белой странице» А. Романовой, написанной в жанре фэнтези: *Есть в краях дальних, заповедных за тридевять земель посреде моря-океана дивный остров. На острове том белосказочном – Дворец золотно-серебристый красоты чудной, в великолепии ни с чем сравненья ему нет. У входа во дворец – Мировое древо высокое, могучее. Ветви его в Божественную обитель, рай небесный устремляются, корни же – в ад спускаются. В центре того Дворца, коли не заплутаться в ходах подземных, мрачных, ежели преодолеть три испытания тяжких, замысловатых и всё вынести – и найдёшь ты **белый** камень Алатырь – и мал и велик, и лёгок и тяжёл, всем камням камень непознаваемый, светом небесным ослепляющий. Обладает он силой могучей, которой нет ни конца ни края. А на камне том Алатыре – Книга мудрости, над Миром власть дающая, Голубиной её ещё нарекли... Но к камню **бел-Алатырю** только светлый человек приблизиться может, а ещё заговор должный прочесть всенепременно следует, иначе Книга свои страницы не раскроет, да и дорогу назад в подземных лабиринтах не отыскать. Охраняют Остров сказочный от людей злых, путников лживых, корыстных Бог морей Ний и Бог ветров Стрибог. Здесь повстречать можно и громовержца Перуна, и красну-девицу Зарю-Заряницу, Бурю и Молнию, Грозу и Радугу. Стережёт же тот камень волшебная, загадочная змея Мудрая Гарафена. А сейчас поспешать надобно: 14 сентября – в день Алатырь-камня – открываются ворота Дворца заколдованного...*

Таким образом, в произведениях художественной литературы образ *бел-горюч камня Алатырь* представлен весьма широко и своеобразно с учетом ряда его коррелятов, которые известны по фольклорным источникам. С давних времен и до настоящего времени *бел-горюч камень Алатырь* наделялся божественными, сакральными и целебными свойствами, символизируя несокрушимую силу и мощь.

Иллюстрация, приведенная в статье, – акварель автора И. Г. Евтуховой.

Список использованных источников

1. Трубочев, О. Н. Из балто-славянских этимологий / О. Н. Трубочев // Этимология, 1978. – М. : Наука, 1980. – С. 12–18.
2. Мартынов, В. В. Балто-славянские этнические отношения по данным лингвистики / В. В. Мартынов // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. – Вильнюс, 1981. – 152 с.
3. Афанасьев, А. Н. Языческие предания об острове Буяне / А. Н. Афанасьев // Афанасьев А. Н. Происхождение мифа. Статья по фольклору, этнографии и мифологии / А. Н. Афанасьев. – М. : Индрик, 1996. – С. 16–31.
4. Блок, А. А. Поэзия заговоров и заклинаний / А. А. Блок. – М., 1906. – 40 с.
5. Веселовский, А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха / А. Н. Веселовский. – СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1879–1883. – 129 с.
6. Соболевский, А. И. Лекции по истории русского языка / А. И. Соболевский. – Киев, 1888. (2-е изд. – СПб., 1891). – 365 с.
7. Абакумов, О. В. Язичницькі мотиви в ономастики України. Ономастика і язичництво / О. В. Абакумов, Г. С. Бучко, Д. Г. Бучко и др. // Ономастика України першого тисячоліття нашої ери. – Київ : Наукова думка, 1992. – 273 с.
8. Островский, А. Н. Не так живи, как хочется / А. Н. Островский. – СПб. : Государственное издательство, 1919. – 52 с.

9. Толстой, А. К. Князь Серебряный / А. К. Толстой. – М. : Азбука, 2018. – 416 с.
10. Бальмонт, К. Полное собрание поэзии и прозы в одном томе / К. Бальмонт. – М. : АЛЬФА-КНИГА, 2011. – 1307 с.
11. Бунин, И. А. Стихотворения : в 2 т. / вступ. статья, сост., подг. текста, примеч. Т. Двинятиной. – СПб. : Изд-во Пушкинского дома, Вита Нова, 2014. – Т. 2. – С. 121–122.
12. Соколов, Д. Тайны Алатырь-камня / Д. Соколов. – М. : Лит.Рес., 2016. – 240 с.

Источники с принятыми сокращениями

- ВРЗ – Майков, Л. Н. Великорусские заклинания / Л. Н. Майков // Записки Императорского географического общества по отделению этнографии. – СПб., 1869. – Т. II.
- Даль – Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : Т. 1–4 / В. И. Даль. – М. : Рус.яз., 1978–1980.
- НС – Ефименко, П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 2. Народная словесность // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Т. XXX. Труды Этнографического отдела. Кн. 5. Вып. 2. 1878.
- ПЗ – Полесские заговоры (в записях 1970–1990 гг.) / сост., подготовка текстов и коммент. Т. А. Агапкиной, Е. Е. Левкиевской, А. Л. Топоркова. – М. : Индрик, 2003. – 752 с.
- РН – Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / собр. М. Забылиным. – М., 1991. – 608 с.
- РЗ – Русские заговоры / под ред. Н. И. Савушкиной. – М. : Пресса, 1993. – 368 с.
- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка : в 20 томах. – Том I : А–Б. – изд. второе, перераб. и доп. – М. : Русский язык, 1991. – 864 с.
- СМ – Славянская мифология : Энциклопедический словарь. – М. : Эллис Лак, 1995. – 416 с.
- Фасмер – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 4-е изд., стер. – М. : Астрель : АСТ, 2009. – Т. 1. – 588 с.

The article is devoted to the study of the national originality of the symbolism of the stable expression “white-combustible stone Alatyry” in folklore and fiction. It is noted that from ancient times to the present, the white-combustible stone Alatyry was endowed with divine, sacred and healing properties, symbolizing invincible strength.

Keywords: semantics, white, symbolism, white-combustible stone Alatyry.

УДК 364.64-055.52-055.62(0:398.91)(=411.21+=161)

Д. О. Завгородня

ПОРІВНЯЛЬНИЙ АНАЛІЗ ЦІННІСНИХ ПРІОРИТЕТІВ АРАБІВ ТА СХІДНИХ СЛОВ'ЯН У СТОСУНКАХ БАТЬКИ / ДІТИ (за матеріалами східнослов'янських та арабських прислів'їв)

Стаття присвячена дослідженню та порівнянню характеру уявлень про внутрішньосімейні відносини (між батьками та дітьми першочергово) у традиційній родині (в східно-слов'янській та арабській культурах). Виходячи з аналізу відтворених у прислів'ях уявлень зроблено спробу порівняння характеру співвідношення значимості таких аксіологем, як «багатодітність / бездітність», «кровні зв'язки / прийомне батьківство», «братерство / сестринство» у кожній з культур. Доведено, що модель ідеальної родини в обох культурах передбачає орієнтацію на цінності «повага», «вдячність», «взаємодопомога», для арабської традиційної родини більшою мірою є характерною орієнтація на авторитет старших членів родини, в першу чергу батька, що обумовлено етнокультуральними чинниками, що склалися історично.

Ключові слова: прислів'я, аксіологема, батьки, діти, цінність, антицінність.

Згідно з народними уявленнями, вищою метою союзу чоловіка та жінки, створення шлюбних відносин є продовження роду, тому діти є однією з аксіодомінант ціннісної ієрархії культури. У прислів'ях багатодітність експлікується як найвище благо, пов'язане з божественним умислом: *Дети – благодать Божья* [1, с. 378]; *У кого детей нет – в грехе живет* [1, с. 381] (рос.); *Діти – найбільша радість у світі* [2, с. 191] (укр.); *Нашто лепшы клад, калі ў дзетках лад* (білор.) [3, с. 121]. Багатодітність протиставляється наявності однієї дитини як більш бажана: *Один сын – не сын, два – не кормильцы* [1, с. 382] (рос.); *Багато дітей добре, як одне, то без талана; Одне око, да й те передране, одна дитина, та й та не як люди* [2, с. 196] (укр.); *Адзін сын – не сын, два сыны – паўсына, а колькі тры сыны – сын; Адно дзіця – то так, як годнага* [3, с. 117] (білор.).

Пігрунття бажаності багатодітності зрозуміле, адже більше дітей – більше робочих рук, більша надія, що під старість батьки матимуть більше шансів розраховувати на піклування. Оскільки діти – божий дар навіть труднощі, пов'язані з матеріальними витратами на їх виховання, не лякають, адже до певного періода дитина знаходитиметься під опікою Господа: *У кого детей много, тот не забыт от Бога* [1, с. 378] (рос.); *Дасть Бог дітки, дасть і на дітки* [4, с. 406]; *Дітям Бог подушки стеле* [4, с. 409] (укр.); *Будзе раток, будзе і кусок; Каму дзяцей радзіць, дай божа таму паіць і карміць* [3, с. 116–117] (білор.). Крім того, побутувала думка, що одна дитина росте егоїстичною та самозакоханою: *Матушкин сынок, а батюшкин горбок; Матушкин запазушник* [1, с. 384] (рос.); *Адзін сын – не сын, а баўтун; Адзін сын – смятаннік; Калі матка сына балуе, пятлю на шыю гатуе* [3, с. 87] (білор.).

Для арабів багатодітність є однією з умов щасливого шлюбу, безплідна жінка майже не мала шансів вийти заміж: *Безплідне дерево виривають з коренем* [5]. Для чоловіка відсутність дітей прирівнювалася до Божої кари, якщо він є успішним в іншій сфері – бездітність плата за цей успіх, наприклад, про бездітного багатія кажуть: *Аллах посилає боби тому, у кого немає зубів* [6, с. 90].

Серед арабських традицій існувало багато обрядів, пов'язаних зі стимуляцією плодючості, наприклад у Лівані наречена отримувала від свекрухи шматок кислого тіста («хаміру»), без якого не могла б піднятися опара молоді родини, (були й українські весільні обряди, що програмували вагітність, перш за все, пов'язані з опарою та тістом), традиційним є приурочення днів весілля до циклів повного місяця. Вагітна жінка асоціювалася з красою та оновленням: *Немає нічого гарнішого за випнуті вітрила та пузату жінку* [5]. З появою дітей підвищується соціальний статус чоловіка та жінки (наприклад, з появою первістка жінка стає повноправним членом родини і в разі смерті чоловіка може розпоряджатися його майном до повноліття сина). А головне, що батьківство несе зміни не тільки зовнішнього порядку, але й є важелем психологічної перебудови: *Твоя дружина і твій маленький син роблять тебе здатними на все* [5], *Чоловік без дітей, як кінь без прив'язі* [6, с. 90]. Кінь в останньому прислів'ї – це воля, незалежність, зовнішній світ. Прив'язь – коло домашніх справ. Отже, чоловік більшою мірою стає залученим до домашніх справ через контроль над процесом виховання дітей.

Цікаво, що в східнослов'янській культурі аксіологема «батьківство» детермінується через залученість до виховання, хто виховав – той прирівнюється до батька: *Не тот отец, мать, кто родил, а тот, кто вспоил, вскормил да добру научил* [1, с. 385] (рос.); *Не той батько, що народив, а той, хто до ума довів* [7, с. 383] (укр.). З іншого боку, наявність таких прислів'їв свідчить про те, що присутній факт безвідповідального ставлення до своїх дітей, уникнення батьківських обов'язків, що й засуджується народом мораллю. Для араба подібне неприпустиме, піклування про дітей – є обов'язковою складовою морального кодексу: *Працювати заради блага дітей краще священної війни та паломництва* [6, с. 91], як і необхідність віддавати краще: *Кобила сказала: «Відкіль я ожеребилася я не отримую найчистішої води та найкращої їжі* [6, с. 91]; *Діти для нас і по-перше, і по-останнє* [5]. Подібне ставлення має й практичні резони: дитина

стає годувальником своїх батьків у старості. Серед арабських не зустрічаються прислів'я, в яких був би трансльований факт неповаги дітей до батьків, нехтування їхніми інтересами у дорослому віці, невдячність (порівняно з російськими та українськими: *Наш Антон не тужит о том, мать умирает, а он со смеху помирает; Отца похоронил, будто с поля убрался* [1, с. 386] (рос.); *Мати порве пазуху, ховаючи для дітей, а діти порвуть пазуху, ховаючи від матері* [7, с. 383] (не знайдено серед білоруських).

На відміну від східнослов'янської культури, де батьками вважаються люди найбільшою мірою причетні до виховання, в арабській культурі кровні зв'язки накладають велику долю відповідальності, про що свідчить прислів'я: *Зостерігайся зводити будинок на глиняному фундаменті, з часом він зруйнується та зостерігайся поставити на ноги сина інших, він виросте та стане підтримкою для своїх* [8, с. 54] (загалом усиновлення – нетипова для мусульманського світу практика, такі діти позбавлені прав спадкоємців). Отже, гарне виховання дитини для араба – це, в першу чергу, гарантія майбутнього процвітання роду, кожний гідний представник якого підкріплюватиме його гарну репутацію, авторитет та значимість.

Виховання юнаків та дівчат має свої особливості. Виховання хлопця є більш жорстким (*Краще примусити сина плакати, ніж потім плакати за ним* [9, с. 54]), особливості виховання дівчини в щільному контролі за її поведінкою та вчинками (*Хто має дочок, той не дримає; Дочка-красуня – недалеко до скандалу* [10, с. 72]). У певному віці негласно затверджується «опікувач» – хтось з чоловіків з родини (наприклад, старший брат), який слідкує, наскільки її поведінка є цнотливою, чи немає в її оточенні зв'язків, які б загрожували її репутації (і, як слідство, репутації роду). Традиційно з раннього дитинства дівчинка залучається до хатньої роботи, допомоги у господарстві (*Дочка – це ключ від будинку* [5]). Таким чином, вже змалку окреслюються межі її сфери впливу.

Цікавим аспектом є також стосунки між братами та сестрами у родині. У східнослов'янській культурі аксіологема «брат» включає водночас смисли взаємодопомоги, єдності (*Братская любовь лучше каменных стен; Брат с братом на медведя ходят* [1, с. 394–395] (рос.); *Братня любов краще кам'яної стінки* [7] (укр.); *Свій брат заўсёды брат* [3, с. 140] (білор.)), та заздрощів, конкуренції, розладу (*Хотя мне брат, только я ему не рад; Брат за брата не плательщик; Отец сына умнее – радость, а брат брата – зависть* [1, с. 394] (рос.); *Поки брати малі, доти й рідні; Дім брата – не своя хата* [11] (укр.); *Няма горшого ката як брат на брата; Ты брат мой, а еш хлеб свій* [3, с. 141] (білор.)). Натомість в арабській культурі «братерство» є аксіодомінантою, воно ніколи не асоціюється з негативним, брат є найближчою людиною, яка супроводжує впродовж життя, опорою та підтримкою: *Брат – це крило* [10, с. 60]; *Сонце сходить та заходить, проте, якщо загине брат, де ти знайдеш іншого?; Недогризану кістку віддай братові* [6, с. 96–97]; *Братерство ні купити, ні продати; Брат залишається братом – не обманюйся друзями; Рідний брат – що мед у роті* [8, с. 103]. Якщо хтось знаходиться у компанії, де погано говорять про брата, необхідно покинути це товариство, інакше про таку людину скажуть: *Посадили дурня облювати брата* [6, с. 96].

Взаємини між сестрами в арабських пареміях майже не представлені, сестри не конкурують одна з одною, адже успішно одружитися допомагає, в першу чергу, гарна репутація родини, ніж врода чи особисті якості дівчат. Натомість заздрість та ревності є частими супроводжувальними смислами у східнослов'янських прислів'ях про сестринство: *Сестри рідні тоді, як усі вийдуть заміж; Сестра сестрі заздрить в красоті; Де багато сестер, там багато сварки; Сестра з сестрою дружить, а на думці своє держить* [2, с. 196] (укр.).

Братсько-сестринські відносини у арабів не передбачають взаємодопомоги після вступу до шлюбу, проте, як вже було сказано, брат опікується сестрою до її заміжжя, його обов'язок – ревностно боронити честь та гідність родички, недарма про відповідального та мужнього чоловіка говорять: *Брат своєї сестри* [10, с. 75].

У східних слов'ян братсько-сестринські стосунки у прислів'ях майже не відтворені. Для обох сторін важливим є статус родича після весілля: *Муж любит жену здоровую, брат сестру богатую* [1, с. 394] (рос.); *Сестра любит, коли брат богатий* [7]; найчастіше брат у весільному обряді «відпускає» сестру в «інший» дім: *Хорош брат – сестру продал, хороша и сестра – от брата ушла* [1, с. 394] (рос.), після створення власних родин їхній зв'язок слабшає: *Брат – не батько, мати – не сестра* [2, с. 196] (укр.), адже сестра стає членом іншого роду («отрезанный ломоть»).

Отже, стосунки батьки / діти відтворені у пареміях у протиставленні двох життєвих періодів: знаходження в батьківському домі та доросле життя поза його межами.

Найважливішими аксіологемами першого періоду відносин є виховання та ідентифікація дітей з батьками (в арабській родині важливим є те, що через ідентифікацію з батьками дитина стає частиною роду). У східних слов'ян менша увага приділяється кровним зв'язкам (тому й усиновлення є звичайною практикою, вважається богоугодною справою, на відміну від арабського світу). Простежується тісна кореляція між поняттями «виховання»-«батьківство»: батьками вважаються люди, що виростили та навчили всього необхідного для самостійного життя, повага до них поєднується з відсутністю залежності від їхнього беззаперечного авторитету.

У арабській культурі авторитет старших (в першу чергу батька) є беззаперечним.

Виховання дитини у двох культурах відрізняється спрямованістю: у східнослов'янській – це прагнення виховати незалежну особистість, здатну самостійно приймати рішення, жити своїм розумом, в арабській – виховати гідного члена свого роду, який підтримуватиме репутацію сім'ї, стане органічною ланкою у системі родинних зв'язків.

Цінностями, пов'язаними з другим етапом, є повага, вдячність, допомога батькам похилого віку; антицінність «невдячність», що засуджується народною мораллю, більшою мірою знаходить своє відображення у східнослов'янських прислів'ях, меншою – в арабських, що пояснюється традиціями мусульманської родини, які передбачають збереженням тісних зв'язків між батьками та дітьми навіть після фізичної сепарації останніх.

Список використаних джерел

1. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1957. – 991 с.
2. Українські прислів'я та приказки / упоряд. В. С. Мишанич, М. М. Пазяк. – К., 1984. – 391 с.
3. Прыказкі і прымаўкі у дзвюх кнігах, кн. 2. / уклад. А. С. Фядосік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – 616 с.
4. Українські приказки, прислів'я і таке інше / уклад. М. Номис, упоряд., приміт. та вступна ст. М. М. Пазяка. – К., 1993. – 768 с.
5. Записи арабських прислів'їв українською та російською від носіїв мови. Зап. Завгородня Д. О. // Матеріали особистого архіву автора статті 2019 р.
6. Wit and wisdom in Morocco. A study of native proverbs by E. Westermarck. – London : George Routledge & sons, Ltd, 1930.
7. Народ скаже – як зав'яже : Українські народні прислів'я, приказки, загадки, скоромовки / упорядник Н. С. Шумада. – К. : Веселка, 1985. [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <https://chtyvo.org.ua>. – Дата доступу : 24.10.2020.
8. Abdelkrim Zebiri Recueil, traduction et analyse semio-narrative d'un corpus de productions orales constantinoises: «les proverbs». – Republique Algerienne Democratique et Populaire universite Mentouri de Constantine, 2006–2007.
9. Арабські прислів'я та приказки / перекл. з арабської Т. М. Лебединської та Ю. М. Кругляка. – К. : Дніпро, 1981. – 166 с.
10. Кухарева, Е. В. Национальный менталитет в зеркале арабских пословиц. Исследование проблемы взаимосвязи и взаимозависимости языка и национального менталитета с лингвистической точки зрения / Е. В. Кухарева. – Гамбург : LAP LAMBERT Academic

Publishing, 2011. – 262 с. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <https://mgimo.ru/upload/iblock/fb6/fb6c3fe6f5f8dc43cb164183adcaa677.pdf>. – Дата доступу: 24.10.2020.

11. Народні прислів'я та приказки / упоряд., передмова М. К. Дмитренко. – К.: Ред. часопису «Народознавство», 1999. – 180 с.

The article is devoted to the study and comparison of the nature of ideas about family relationships (between parents and children in the first place) in the traditional family (in East Slavic and Arab cultures). Based on the analysis of the representations reproduced in the proverbs, an attempt is made to compare the nature of the significance ratio of such axiologists as “having many children / childlessness”, “blood ties / foster parenting”, “brotherhood / sisterhood” in each of the cultures. It is proved that the model of the ideal family in both cultures involves the focus on the values of “respect”, “gratitude”, “mutual assistance”.

Keywords: proverbs, axiologem, parents, children, value, anti-value.

УДК 81'25:811.161.2:81'373.7

А. В. Зеніна

ОРИГІНАЛЬНІСТЬ ХУДОЖНЬОГО УКРАЇНОМОВНОГО ПЕРЕКЛАДУ ПОВІСТІ-КАЗКИ К. ГРЕХЕМА «ВІТЕР У ВЕРБОЛОЗІ»: ФРАЗЕОЛОГІЧНИЙ РІВЕНЬ

У статті проаналізовано чинники, що впливають на процес художнього перекладу; виділено ознаки анімалістичної повісті-казки. На прикладі україномовного перекладу твору «Вітер у верболозі» К. Грехема розкрито вплив жанру на вибір перекладачем художньо-мовних засобів; розмежовано типи і функції фразеологізмів; прокоментовано лінгвокультурне навантаження назви тексту мовою перекладу.

Ключові слова: анімалістична казка, мова перекладу, повість-казка, фразеологічна одиниця, художній переклад, цінність перекладу.

Плідною формою контактування двох культур постає переклад. І, якщо його мета виходить за межі простого інформування реципієнта про факти, події, то наразі має місце проблематика художнього перекладу. Його специфіка, перш за все, зумовлена призначенням тексту-оригіналу і в загальному плані сформульована В. Н. Комісаровим – вона полягає у «художньо-естетичному впливові на читача» [1, с. 250]. Від того, яким шляхом піде перекладач задля досягнення цієї стратегічної мети, залежатиме кінцевий результат – художній текст мовою перекладу, який має сприйматися як оригінальний. На наше переконання, вибір відповідних мовних ресурсів при перекладі певною мірою продиктований і жанром твору, особливо це стосується доречності появи в його тканині розсипів фразеологічних одиниць. Поставлена проблема набуває **актуальності** під час аналізу україномовного перекладу повісті-казки К. Грехема «Вітер у верболозі», здійсненого В. Вишневим.

Варто зупинитися на ступені опрацювання обраного напряму дослідження в сучасній лінгвістиці. Біля витоків української перекладацької традиції ХХ ст. стоїть постать М. Т. Рильського. Митець відстоював право на життя «смілих», а не «рабських» перекладів і вважав, що «переклад художньої літератури тільки тоді здійснює свою функцію, коли це переклад творчий, коли він доходить до читача, коли він є фактом рідної літератури» [2, с. 59]. Принципам художнього перекладу як високого мистецтва присвячена однойменна книга К. І. Чуковського, яка не втратила своєї значущості й нині. Питання загальної проблематики теорії перекладу загалом і художнього зокрема

піднімаються в працях В. В. Коптілова та В. Н. Комісарова. Знаний спеціаліст у сфері художнього перекладу Г. Р. Гачечиладзе розглядає цей подвійний процес у контексті літературних взаємозв'язків.

Сучасні студії сфокусовані на вивченні художнього перекладу як різновиду міжкультурної комунікації (Ю. Л. Оболенська, Р. Р. Чайковський). Об'єкт нашого дослідження досі залишається маловивченим. Н. М. Демурова та Е. Л. Ананьян розглядають жанрові особливості твору К. Грехема і специфіку його мовного матеріалу.

Мета пропонованої статті полягає у встановленні ознак оригінальності художнього україномовного перекладу повісті-казки К. Грехема «Вітер у верболозі», зокрема на фразеологічному рівні. Досягненню поставленої мети передувало вирішення наступних завдань: 1) проаналізувати фактори, що впливають на процес перекладу; 2) виділити ознаки анімалістичної повісті-казки на прикладі твору К. Грехема; 3) прокоментувати лінгвокультурне навантаження назви аналізованого тексту; 4) покласифікувати фразеологічні одиниці в його мовній тканині, наголосивши на виконуваних ними функціях.

Процес встановлення відношень еквівалентності між оригіналом і перекладом повсякчас залежить від низки чинників, які можна звести до трьох груп: а) особливості і характер тексту, який перекладається; б) умови здійснення процесу перекладу; в) характеристика його учасників, тобто джерела, перекладача і рецептора [3]. Для наближення до вітчизняного реципієнта мовної самобутності й художнього світу повісті-казки «Вітер у верболозі» К. Грехема («The Wind in The Willows» by Kenneth Grahame) наріжним є саме перший з них.

Коли мова йде про переклад власне художнього тексту, протиставляються, з одного боку, комунікативна функція мови (відповідає інформативному, або прагматичному, перекладу) та емоційна й естетична як домінуючі для художнього перекладу, з іншого. Очевидно, що для досягнення певного рівня емпатії до подій вигаданого світу анімалістичної казки з її надреальними персонажами-тваринами, які живуть повноцінним життям, було б недостатньо тільки передати інформаційний зміст тексту-оригіналу. Тому про високі літературні якості тексту перекладу, яким ми користуємося, говоримо в розрізі поняття *цінності* перекладу на протигагу загальноприйнятій еквівалентності (курсив – наш) [3, с. 174].

Літературна (анімалістична) казка в англійській традиції спирається на такі жанри, як байка і притча, однак ключову роль в ній відведено персонажам-тваринам. Останні, хоча і діють в природному для них середовищі, по суті, є людьми, наділеними всіма антропоморфними рисами – дружба, турбота, доброта, взаємодопомога, бажання приносити радість, прагнення жити в гармонії з довкіллям. Водночас вигаданий письменником казковий світ, який крутиться навколо Високого берега з його «бережанами», занадто нагадує сучасні авторіві реалії суспільного життя – він тонко іронізує над вадами капіталістичного суспільства межі ХІХ–ХХ ст. Усе це доводить той факт, що літературна казка несе на собі «відбиток особистості автора» (за [4, с. 136]). Дійсно, виконуючи обов'язки банківського службовця, К. Грехем був свідком проявів людської стягання, агресії, свавілля, які, на його думку, не могли залишитися непокараними.

Принагідно зауважимо, що в критичних і наукових джерелах можна зустріти хитання щодо визначення жанрової належності твору – казка, повість-казка / казкова повість, повість і навіть роман (див. розвідку І. В. Віхреєвої про історію екранізацій і театральних постанов досліджуваного твору). Градація наведених жанрів заснована, перш за все, на примноженні в них нарративної природи. Сказати про твір К. Грехема, що це «казка» у сенсі «літературна», – недостатньо. Водночас у повісті чи романі зазвичай діють люди на тлі історичних або соціально вагомих обставин; це великий за обсягом твір.

У системі оповідної прози «Вітер у верболозі» найбільш чітко відповідає повісті-казці – такому синтетичному жанровому різновиду, де фантастичні світи, події та герої

одночасно відображають особливості та правила світу реального; епічність її виражена більшою мірою.

Утім, написання твору було продиктоване життєвими потребами автора. Протягом кількох років він писав казки для свого єдиного сина Алістера, які згодом сформували цикл історій про п'ятьох мешканців околиць верболозу: Крота, Водяного Щура, Жабу, Борсука і Видру. Так само і розповідь ведеться неквапливо – читачеві відкривається розлога панорама життя річкових тварин, буття яких протікає від весни до весни, які мають свої забобони, як от: *Кріт добре знав – серед звірят не заведено теревенити про всякі лиха, що можуть спіткати їх, ба навіть згадувати про це. Тому перевів розмову на інше* [5], кожен наділений унікальним характером і зрештою отримує від життя мудрі уроки. Зокрема прототипом для образу пана Жаби (в перекладі А. Сагана – Жабс або містер Тоуд – в російськомовних перекладах при відтворенні даного антропоніму використано спосіб транскрибування, де в англ. *toad* – жаба) став сам син К. Грехема, який ріс екзальтованою, дуже нервовою дитиною.

І. П. Токмакова, відома перекладачка повісті-казки російською мовою, робить слушні зауваги щодо жанру твору, які, безперечно, відбилися на виборі мовних засобів при перекладі: «Книга наповнена усілякими подіями і пригодами, але основне її тло – тонка лірична поезія, що просякає всю розповідь...; це схоже на поезію в прозі» [6, с. 270]. Поезія і музика – ці два лейтмотиви, що забезпечують постійний «поетичний підйом» твору. Ось читаємо: *Вони звернули з бистрини до тихої заводі, схожої на маленьке озерце. Зелені береги полого спустилися до води. Брунатне коріння дерев таємниче звивалося під безмовною водною гладінню. А трохи далі, за уступом греблі, де вирувало сріблястоїм безладдям і де пліч-о-пліч із сірою громадою млина невтомно плюскало млинове колесо, простір повнився приглушенням, заспокоїливим гомоном, в одноманітність якого, однак, раз у раз вліталися якісь чисті бадьорі звуки. Від захвату Кріт аж сплеснув передніми лапками й видихнув: – Оце так-так! Оце ну!* (тут і далі цит. за [5]). Жодного слова не можна вилучити із цієї мальовничої одухотвореної картини.

Переклад І. Токмакової був готовий рівно через вісімдесят років після першодруку книги в Англії у 1908 році. Водночас не менш цінний україномовний переклад В'ячеслава Вишневого з'явився у видавництві «Молодь» ще у 1985 році. Він переконує своєю емоційністю, самобутністю, умілою передачею побутових реалій головних героїв. Сучасному читачеві відомий ще один вітчизняний переклад А. Сагана під назвою «Вітер у вербах» (2008), де діють Кріт, Ондатр (саме у формі чоловічого роду), Видра, Борсук і Жабс. Однак перший традиційно оцінюється як більш вдалий і посправжньому домашній.

Спершу розглянемо лінгвокультурне навантаження назви, яку запропонував В'ячеслав Вишневий. Перекладач не обмежився використанням звичного найменування – *верба* (у *вербах*), хоча воно активно зустрічається в тексті перекладу, а В. В. Жайворонок кваліфікує його як знак української етнокультури. Верба супроводжує людину весь життєвий цикл, є найпершим свідком її діяльності і стосунків. Як життєздатна рослина, верба вказувала людині, де копати криницю: «Там криниця, де вербиця» (вона також була дороговказом для подорожнього, де можна попити води самому і напоїти коня чи волів) [7, с. 72]. Із вербою пов'язані народні повір'я, свята (зелені свята, Вербна неділя), про неї створено чимало зразків малих фольклорних форм.

Натомість номінацію *верболіз* із подібним значення – «високий кущ або невелике дерево з довгими блискучими гілками і вузьким листям, що росте звичайно у вологих місцях» [7, с. 75] вжито із сукупною семантикою й опоетизовано в народній творчості. Автору, як і перекладачеві, очевидно, близький хронотоп річки, оповитої густим верболозом, крізь листя якого шумить вітер, особливо навесні, коли природа тільки прокидається, тому життя щоразу починається з початку: *На білій прибережній вербі сиділа*

ластівка. Він побачив, як біля неї сіла ще одна, а тоді друга... Пташки неспокійно заметушилися на гілці, защебетали неголосно, але завзято;

Посеред самого плеса, мов у розкритих обіймах греблі, в миготливому мареві лежав острівець, густо порослий **верболозом**, сріблястою березою та вільхою. Загадковою і потайний, але сповнений величі, він ховав за завісою щось таке, що мав зберегти до заповітної пори, коли на нього ступлять скеровані покликом обранці;

Найперше з'являлося пурпурове **вербозілля**; тріпочучи буйною, кошлатою чуприною, воно визирало з-за люстра, в якому звірята всміхалися самі собі й одне одному.

Вітер як природна стихія також постає в різних іпостасях: Зненацька **різкий подмух вітру** ввірвався звірятам під комір, гостре жало крижаних сніжинок повернуло їх до життя, й вони відчули, як змерзли в них пальці, як натомилися ноги і як далеко ще їм до рідної оселі; Десь раптом писнула пташка, і знову тихо; повіяв **легенький вітерець**, зашелестів очеретом і тростяницею.

Отже, спостерігаємо той випадок, коли перекладачеві вдалося перевтілитися, сприйняти й відтворити особливості стилю автора тексту – його «світогляд, наукові й естетичні вподобання й інтереси» [3, с. 184] виявилися подібними до авторських і, що важливо, відбилися на результатах праці (мова йде про третю групу факторів, що впливають на перебіг перекладу, за В. Н. Комісаровим).

Інший, не менш вагомий рівень діалогу двох творчих особистостей, – це відтворення мовою перекладу важливої лінгвокультурної інформації, уміщеної переважно у фразеологізмах, прислів'ях і приказках, постійних народних порівняннях: *Теж мені – танцювати джигу через якусь там скребачку!*; *Наглядай і стережи його недремно; і закарбуй, сивобородий, собі на носі: коли скоїтьсся щось, ти відповіси за нього своєю голомозою макітрою...*

У перекладознавстві відомі різні спроби класифікувати фразеологізми: одні спираються на семантичні, інші на стилістичні особливості стійких сполук. З метою розмежування типів виділених з тексту одиниць ми послуговувалися класифікацією В. С. Виноградова [8]:

1) лексичні фразеологізми – семантично співвідносні зі словами, понятійно подібними до них; за кожною такою одиницею закріплене загальноцілісне значення: – *А я не в тім'я битий*, – мовив він з чарівною наївністю. – Мене цілком влаштовує капітанська каюта («розумний, тямущий, кмітливий»);

– *На що ти там задивився?* – спитав Щур невдовзі, коли вони **заморили черв'ячка** і Кріт хоч ненадовго міг відірвати погляд від скатертини («трохи попоїсти»);

Жаба ні пари з уст. Мишеня, до якого звернувся Кріт, підхопилося, ніяково всміхнулось, роззирнулося по кімнаті і... **ні пари з уст** («мовчати»);

– *Та хоча б Жаба об'явився*, – відповів Видра. – *На своєму хваленому новому гоночному човні; куди там – новісінький веслярський костюм, усе з голочки!* («новий, охайний, зразковий»);

Все тіло їм ломило від втоми, боліло від синців – вони ж бо не раз падали чи провалювались у ями; ще й промокли до рубця... (або «...до нитки», тобто «наскрізь»);

2) предикативні фразеологічні одиниці – зазвичай це речення, що існують у мові у вигляді стійких формул: приказки, прислів'я, афоризми, у яких відбивається життя людей, їхній досвід, філософія, моральні принципи: *Вже повернуло на вечір, а моя нора тут недалеко: що хата має, тим і приймає*;

І мені дуже прикро бачити, як ви, любі хлопці, – бо ж ви здатні подивитися правді в очі – витрачаєте стільки сил на це безцільне заняття;

Ми так вважасмо – хто давнє спом'яне, той лиха не мине, а спробувати жити по-новому ніколи не пізно. Але Кріт розповів святу правду...;

3) компаративні фразеологізми – сполуки, закріплені в мові як стійкі порівняння. Наведені нижче одиниці зараховуємо до стилізованих народних порівнянь: *Якась*

заблудла Муха-Одноденка гайнула на бистрину непевним, кривулястим летом, **мов підпилий дженджик**, що вирушив полонити світ;

Не барився прийти слідом зніт, засмучений і ніжний, **мов рожева надвечірня хмаринка**;

Тоді команда сіла у шлюпки й попливла до берега, співаючи пісень і тягнучи за собою довгу низку барил, що підстрибували на хвилях, **мов стадо дельфінів**.

Фразеологізми допомагають більш чітко окреслити мовленнєвий портрет головних героїв повісті-казки. Наївність Крота, його безмежна турбота, з якою він намагається порятувати Жабу, поетична душа і прагнення приносити іншим радість Водяного Щура, любити і доглядати рідну домівку – ці та інші чесноти, якими наділені персонафіковані тварини у К. Грехема і саме такими вони постають у перекладі В. Вишневого. Можна припустити, що автором створені лінгвокультурні типажі кращих представників сучасного йому англійського суспільства. Жаба аж ніяк не антигерой на тлі своїх друзів – він просто загубився у світі спокус, амбітностей. Тому дуже часто репліки звірят, пересипані крилатими висловами, спрямовані саме до нього:

Та й тобі він (Широкий Світ) ні до чого, якщо всі клепки маєш;

Такої наробив веремії з тим веслуванням!..

– *І такий же хороший хлопець... – задумливо докинув Видра. – Але якби не оце його хить та хить у голові!*

Події повісті-казки «Вітер у верболозі», що первинно замислювалася як історія про пригоди Жаби, добігають кінця, коли він повертає собі душевну рівновагу, і з його вуст лунає «остання Жабина пісенька». Образ цього героя підтримує композиційну зв'язність тексту. Решта персонажів розкриваються в життєвих колізіях свого друга. Наостанок Жаба дякує усім і лаконічно характеризує кожного: – *Борсук – от хто справжній ватажок і натхненник: Крїт і Водяний Щур винесли на собі основний тягар бою. А я був у наших лавах лише рядовим бійцем і особисто зробив не так уже й багато.*

Найпершу рецепцію цієї нехитрої, але повчальної історії, покладеної за основу твору, широкий загал споглядав ще за життя К. Грехема. У 1930 році А. Мілн написав за її мотивами п'єсу «Містер Жаб із Жаб-холу», популярну й нині.

Отже, проаналізований художній україномовний переклад виконаний із урахуванням жанрової специфіки тексту-оригіналу, є результатом плідного діалогу творчих особистостей автора і перекладача. Його високий художній рівень забезпечується доречним використанням образних засобів і фразеологічного багатства мови перекладу. Фразеологічні одиниці наразі характеризують мовленнєвий портрет персонажів. Перспектива подальших досліджень полягає в порівняльному аналізі перекладів повісті-казки українською та російською мовами.

Список використаних джерел

1. Комиссаров, В. Н. Теория перевода : (Лингв. аспекты) : [На прим. англо-рус. переводов : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз.] / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 250,[3] с.
2. Рильський, М. Т. Мистецтво перекладу : Статті, виступи, нотатки / М. Т. Рильський ; Упоряд. і комент. Г. Колесника. – К. : Рад. письменник, 1975. – 343 с.
3. Комиссаров, В. Н. Слово о переводе : очерк лингвистического учения о переводе / В. Н. Комиссаров. – М. : Международные отношения, 1973. – 215 с.
4. Ананьян, Е. Л. Лінгвокультурний потенціал стилістичної специфіки мовного матеріалу англійської літературної казки (на матеріалі повісті К. Грехема «Вітер у вербах») / Е. Л. Ананьян // Наукові записки [Ніжинського державного університету ім. Миколи Гоголя]. Серія : Філологічні науки. – 2013. – Кн. 4. – С. 134–139. – Режим доступу : http://nbuv.gov.ua/UJRN/Nzfn_2013_4_27. – Дата доступу : 19.10.2020.
5. Грехем, К. Вітер у верболозі / пер. В. Вишневий. – К. : Молодь, 1985. – 168 с. [Електронний ресурс]. – Режим доступу : https://royallib.com/book/greham_kennet/vter_u_verboloz.html. – Дата доступу : 19.10.2020.

6. Токмакова, И. От переводчика / И. Токмакова // Грэм К. Ветер в ивах: Сказка / пер. с англ. И. Токмаковой. – Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1992. – С. 270–271.

7. Жайворонок, В. В. Знаки української етнокультури : словник-довідник / В. В. Жайворонок. – К. : Довіра, 2006. – 703 с.

8. Виноградов, В. С. Перевод: Общие и лексические вопросы : учебное пособие / В. С. Виноградов. – 2-е изд., перераб. – М. : КДУ, 2004. – С. 182–201.

The article analyzes the factors influencing the process of literary translation; the signs of an animalistic fairy tale are highlighted. On the example of the Ukrainian translation of K. Graham's work «Wind in the Verbologist» the influence of the genre on the translator's choice of artistic and linguistic means is revealed; the types and functions of phraseological units are distinguished; the linguistic and cultural load of the title of the text in the language of translation is commented.

Keywords: animalistic fairy-tale, literary translation, story, translation language, phraseologism, value of translation.

УДК 811.161.1'42:398.1:808.5

В. И. Ильминская

ПОСЛОВИЦА КАК КОСВЕННЫЙ РЕЧЕВОЙ АКТ

Статья посвящена анализу пословиц как косвенных речевых актов и их функционированию в речи. Помимо этого, речь идет о неоднозначности толкования косвенных речевых актов в пословичной системе, что связано с несовпадением содержательных и формальных способов представления императивной семантики в пословицах.

Ключевые слова: пословица, косвенный речевой акт, коммуникативная ситуация, иллюкуция, импликация.

Исследователи до сих пор не пришли к единому мнению относительно определения пословицы, ее языкового статуса, природы, а также значения и смысла, которые она приобретает в дискурсе. Однако все ученые отмечают, что природа пословицы крайне неоднозначна, потому что, с одной стороны, она является самой краткой литературной формой, а с другой – языковым знаком. В своем исследовании Г.Л. Пермяков приходит к выводу, что природа пословиц может быть тройственной. Он аргументирует свою точку зрения тем, что в пословицах заложены свойства единиц языка, а также литературного произведения, потому что пословицы могут представлять целые художественные миниатюры, и поскольку они выражают суждения, то в них заложены свойства единиц логики [1, с. 8].

Пословица представляет собой знак и текст одновременно. Рассматривая пословицу как текст, следует обращать внимание на цель и мотивы ее использования в других текстах. В. В. Гвоздев считает, что во время употребления образно мотивированной пословицы происходит нарушение внешнего семантического согласования с остальной частью текста [2, с. 12–13].

Следует также отметить, что пословицы представляют собой прецедентные феномены. Ю. Н. Караулов относит их к прецедентным текстам [3], а Д. Б. Гудков – к прецедентным высказываниям, за которыми кроются конкретные стереотипные ситуации [4]. Пословицы не только обозначают их и выступают знаком по отношению к ним, но и определяют их главные компоненты и характер отношений между данными компонентами, то есть моделируют конкретный фрагмент знания или опыта.

Ряд ученых, посвящающих свои научные труды исследованию функционирования пословиц в речи, пришли к выводу, что для описания значения пословицы нужно проводить ее актуализацию в контексте [5; 6; 7 и др.]. Это связано с тем, что пословицы можно по-разному интерпретировать. Однако не следует забывать, что пословицы являются языковыми единицами, сохраняющими свое значение даже без конкретной ситуации применения. Ю. И. Левин разграничивает смысл и значение пословицы, отмечая, что зачастую смысл пословицы зависит от ситуации употребления, в отличие от смысла слова. Под значением пословицы он подразумевает содержание, передаваемое с помощью метаязыка и без учета образных и языковых характеристик пословиц [8, с. 109–110].

В. В. Гвоздев выделяет два значения пословицы – конкретно-ситуативное и инвариантное. Под конкретно-ситуативным значением он подразумевает реализацию инвариантного значения пословицы в речевом акте, которое в свою очередь формируется из ряда конкретно-ситуативных значений [2, с. 4–7].

Некоторые ученые считают, что пословицы будет целесообразно относить к косвенным речевым актам. Данная точка зрения кажется нам особенно интересной в связи с тем, что речевым актом принято считать единицу языковой коммуникации, реализующуюся в определенном коммуникативно-прагматическом контексте, также у нее должны быть адресаты и авторы [9, с. 40]. Как мы помним, у пословиц нет авторов, потому что они были созданы народом и выражают собой мудрость предыдущих поколений, а еще они функционируют уже в качестве готовых единиц, из-за чего занимают промежуточное положение между предложениями и словами. В то же время они представляют собой определенные целенаправленные высказывания. Говорящий может использовать в своей речи пословицы, чтобы «более выразительно дать совет, рекомендацию, выразить похвалу, добрые пожелания, боязнь, испуг, насмешку, обиду, огорчение, предупреждение, критическое отношение к объекту или участнику речевого действия» [10, с. 122].

Говорящий осознанно подбирает языковые средства, которые собирается использовать в своем речевом акте, уделяя особое внимание ситуации общения, адресату, их взаимоотношениям, конвенциональным правилам общения и ряду других факторов [9, с. 34]. «При намеках, выпадах, иронии, метафоре и т. п., – отмечает Джон Серль, – значение высказывания данного говорящего и значение соответствующего предложения во многих отношениях расходятся» [11, с. 195]. Порой очень сложно предугадать реакцию адресата на получаемую им информацию, поэтому говорящий может прибегать к косвенным речевым актам для выражения своих намерений. Джон Серль называет косвенными речевыми актами «предложения, которые на первый взгляд означают одно, а при восприятии интерпретируются так, будто они обозначают нечто другое» [11, с. 97]. Другими словами, под косвенным речевым актом понимается непрямой речевой акт, предполагающий имплицитное выражение истинного коммуникативного намерения говорящего. Таким образом, говорящий только намекает на предмет речи, и истинный смысл может быть выведен только из подтекста и имплицатуры дискурса. В таком ракурсе пословица также может быть рассмотрена как косвенный речевой акт.

Впервые мысль о том, что пословица представляет собой косвенный речевой акт, была высказана Н. Норриком, который отметил, что пословица является цитируемым высказыванием, а также содержит имплицатуры, поэтому дважды является косвенным речевым актом [12]. П. Грайс в своей теории косвенных речевых актов отмечает, что говорящий генерирует имплицатуры и тем самым заставляет слушающего искать дополнительные имплицации и смыслы в высказывании [13].

Е. М. Вольф пришла к выводу, что пословицы следует рассматривать как особый вид иллюкутивных актов, которые вызывают у партнера по коммуникации перлокутивный эффект [14, с. 163]. Н. Норрик отмечает, что пословицы наряду с остальными косвенными речевыми актами помогают говорящему скрыть истинные чувства и помогают достичь консенсуса: истинного или мнимого [12].

В своем исследовании О. Б. Абакумова отмечает, что с точки зрения теории речевых актов пословица «является потенциальным косвенным речевым актом, в котором проявляются заложенные в ней деонтические нормы социального поведения» [15, с. 25].

Неоднозначность толкования косвенных речевых актов в пословичной системе связана с несовпадением содержательных и формальных способов представления императивной семантики в пословицах. В косвенных речевых актах пословичного дискурса косвенный смысл паремии мотивируется буквальным значением высказывания. Зачастую во время актуализации пословицы референциальное содержание высказывания воплощает иллюзию информирования, в то время как коммуникативное содержание выражает самые разнообразные интенции. Прагматические пресуппозиции адресанта играют важную роль в порождении и интерпретации косвенного речевого акта, давая предпосылку вариативности значения речевых актов [16].

Рассмотрим в качестве примера пословицу *Нет розы без шипов*. Большой толково-фразеологический словарь М. И. Михельсона дает следующую интерпретацию данной пословицы: «(иноск.) – нет сладкого в жизни без горечи» [17]. В данной пословице содержатся следующие референциальные имплицитные содержания паремии: роза – растение с красивыми цветками, которому присуще наличие шипов => поскольку у розы шипы, то от прикосновения к ней можно пораниться => поскольку у красивых роз есть шипы, то и у всего прекрасного есть негативные стороны. Таким образом, прагматический смысл этой пословицы может сводиться к предупреждению, что в жизни человека будут ожидать испытания, какой бы замечательной она ни была.

Обратимся теперь к пословице *A cracked bell can never sound well*. Ее эквивалентом в русском языке является пословица *На леченой кобыле далеко не уедешь; Надсаженный конь, надломленный лук да замиренный друг равно ненадежны* [18]. Главная функция колокола – звонить исправно, чтобы его было слышно далеко и четко, у кобылы тоже есть свои функции, например, возить телегу с припасами или таскать плуг. Если колокол треснул, то его звук уже не может быть чистым и при дальнейшем использовании трещина только станет больше, и вскоре он станет непригодным к использованию. Аналогичная ситуация и с кобылой: если она утратила былое здоровье, то уже не сможет выполнять прежний объем работ и, скорее всего, умрет, если продолжить эксплуатировать ее. Как мы видим, в обеих пословицах смысл сводится к тому, что отслужившие вещи стоит оставить в покое, потому что бывшего доверия они уже не оправдают.

Тема доверия и осторожность с ним очень часто показывается на примерах с чем-то разрушенным и разбитым. В качестве примера можно привести пословицу *A broken friendship may be soldered, but will never be sound*. Данная пословица по своей структуре и смыслу схожа с рассмотренными выше, так как нас здесь тоже предупреждают о ненадежности такой дружбы. Даже если друзья помирились после сильной ссоры, их отношения все равно не будут прежними. С другой стороны, это может быть предупреждением о том, что дружба – крайне ценная и хрупкая вещь, поэтому следует быть осторожным, чтобы не разрушить ее: *Дружба, что стекло: ломаешь – не починишь; Нет, оставьте: что раз поломано, того не исправнись* (Б. М. Маркевич. Чад жизни).

Не менее часто пословицы используются, когда говорящий пытается указать на некомпетентность или неумение другого человека, но при этом избежать открытой критики: *A bad workman blames his tools; A bad workman quarrels with his tools; Мастер глуп – нож туп; У плохого мастера и пила плоха*. Говорящий использует пословицу в качестве косвенного речевого акта и тем самым может обезопасить себя от негативной реакции адресата, потому что он не сказал напрямую, что считает его неумелым, а просто процитировал народную мудрость, которая советует не перекладывать вину на вещи, что используешь в своей работе.

Значимость пословиц обуславливается не только их текстом и смыслом, но и адекватным их выбором в момент речевого акта и корректным использованием в конкретном коммуникативно-прагматическом пространстве.

1) – *Не обращай ты внимания, Юра. Новая метла, чего ж ты хочешь. Это болезнь первого периода нахождения в должности* (А. Маринина. «Мужские игры»);

2) – *Новая метла чисто метет, – вспоминал Самгин, направляясь домой, и давал волю мыслям, наивность которых была ему понятна* (Горький. «Жизнь Клима Самгина»).

Большой толково-фразеологический словарь М. И. Михельсона дает следующее толкование устойчивого выражения: «(иноск.) – первое время начальники круты (о новой прислуге)» [17]. Стоит обратить внимание на первый пример: после утреннего разбора полетов, где новый начальник прилюдно сделал выговор Юрию за то, что тот плохо работает и только и делает, что ходит по девушкам во время работы, последний приходит к своей коллеге Насте и начинает жаловаться, что произошедшее было несправедливостью, потому что считает, что его отношения никак не влияют на работу. Герой очень эмоционально негодует по этому поводу, на что коллега говорит, что нужно просто перетерпеть с полгода, а там начальник и поутихнет. Данная пословица сложилась в народе именно о новых начальниках, которые стремятся переделать старые порядки на новые лад. Из контекста видно, что Юрий отрицательно реагирует на новые порядки, и он пришел к коллеге, чтобы поделиться своими мыслями, потому что ее назвали одной из его «подружек». Настя вспоминает эту пословицу, которая идеально отражает сложившуюся ситуацию в коллективе. Она советует переждать, потому что у пословицы есть продолжение *...а сломается – под лавкой валяется* [17], то есть народная мудрость говорит о том, что новый начальник недолго будет самодурствовать.

Второй пример взят из повести Максима Горького, которая касается исторических событий Российской империи, закончившихся революцией. Клим Иванович Самгин наблюдает за растущим из-за недостатка продовольствия недовольством рабочих, что выливается в забастовки, обсуждает возможность дворцового переворота и после событий 14 февраля ждет «решающего боя», верит, что впереди его ожидает другая жизнь, более достойная. Вспоминая в разговоре с самим собой пословицу про новую метлу, Самгин думает о новом будущем, которое принесет с собой новая власть, потому что, как известно, новые начальники стремятся всё сделать по-новому. В отличие от Юрия, которого устраивают старые порядки, а новые – нет, Клим Иванович желает их, потому что старые порядки ему не нравятся. Юрий и Самгин живут разными жизнями и в разных мирах, из-за чего их реакция на изменения разнится, как и разнится вкладываемый ими в пословицу смысл.

Таким образом, пословица может рассматриваться как косвенный речевой акт, потому что говорящий использует косвенные речевые акты, когда не хочет сообщать напрямую о своих намерениях, которые могут быть выведены только из подтекста и имплицатуры дискурса. Косвенные речевые акты занимают особое место в пословичной системе из-за неоднозначности интерпретации пословиц, что связано с несовпадением содержательных и формальных способов представления императивной семантики в пословицах.

Список использованных источников

1. Пермяков, Г. Л. От поговорки до сказки (заметки по общей теории клише) / Г. Л. Пермяков. – М. : Наука, 1970. – 271 с.
2. Гвоздев, В. В. Место пословиц как структурно семантических образований в языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / В. В. Гвоздев. – М., 1983. – 15 с.
3. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 261 с.

4. Гудков, Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности / Д. Б. Гудков. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1999. – 152 с.
5. Yankah, K. Do proverbs contradict? / K. Yankah // *Wise words: Essays on the proverb*. – New York : Garland Publishing, 1994. – P. 127–142.
6. Grzybek, R. Foundations of semiotic proverb study / R. Grzybek // *Wise words: Essays on the proverb*. – New York : Garland Publishing, 1994. – P. 31–71.
7. Гжибек, П. Пословица и ее ситуации: от определения к классификации / П. Гжибек // *Живая старина*. – № 4. – М., 2009. – С. 51–54.
8. Левин, Ю. И. Провербиальное пространство / Ю. И. Левин // *Паремиологические исследования : сб. статей*. – М. : Наука, 1984. – С. 108–126.
9. Сусов, И. П. Введение в языкознание : учеб. для студентов лингвистических и филол. специальностей / И. П. Сусов. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 379 с.
10. Рапопорт, Н. В. Пословицы и поговорки в обучении иностранным языкам / Н. В. Рапопорт // *Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания языков в вузе : материалы междунар. науч.-метод. конф. памяти М. П. Петрова, Уфа, 16–18 окт. 2008 г.* / Башкирский ГАУ ; редкол.: О. Н. Новикова [и др.]. – Уфа, 2008. – С. 121–123.
11. Серль, Дж. Косвенные речевые акты / Дж. Серль // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XVII. – М. : Прогресс, 1986. – 424 с.
12. Norrick, N. R. Proverbial Perlocutions. Ho to do things with proverbs / N. R. Norrick // *Wise Words. Essays on the proverb* / ed. by W. Mieder. – N.Y., 1994. – P. 211–252.
13. Grice, H. P. Logic and conversation / H. P. Grice // *Syntax and semantics 3*. – New York : Academic Press, 1975. – P. 41–58.
14. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М. : Наука, 1985. – 232 с.
15. Абакумова, О. Б. Пословичные концепты в паремическом дискурсе : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01, 10.02.19 / О. Б. Абакумова ; Орлов. гос. ун-т. – Орел, 2013. – 46 с.
16. Шатуновский, И. Б. 6 способов косвенного выражения смысла / И. Б. Шатуновский // *Семантика и прагматика языковых единиц*. – Калуга, 2004. – С. 262–274.
17. Михельсон, М. И. Большой толково-фразеологический словарь Михельсона. – ETS Publishing house, 2004. – 2208 с.
18. Англо-русский словарь цитат, пословиц, поговорок и идиом [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://eng-rus-aphorisms-dict.slovaronline.com>. – Дата доступа : 21.10.2020.

The article is devoted to the analysis of proverbs as indirect speech acts and their functioning in speech. It is also devoted to the indirect speech acts and their ambiguity of interpretation in the proverbial system, which is caused by the discrepancy between the content and formal ways of representing imperative semantics in proverbs.

Keywords: proverb, indirect speech act, communicative situation, illocution, implication.

УДК 811.161.3'42:373.6:398.92

І. У. Каліта

ДА ПЫТАННЯ ЭТЫМАЛОГІІ ФРАЗЕАЛАГІЗМА НАПІЦЦА ЯК БЭЛЯ

Артыкул прысвечаны аналізу фразеалагізма “п’яны / напіцца як Бэля / бэля” – агульнай спадчыны палякаў, беларусаў і ўкраінцаў. Існуючыя ў беларускім мовазнаўстве гіпотэзы разглядаюцца на фоне польскіх крыніц і з ўлікам інфармацыі, змешчанай у слоўніку Г. Ількевіча “Галіцкіі прыповядкі і загадкі” (1841). Разгледжаны матэрыял дазваляе па-рознаму інтэрпрэтаваць значэнне кампанента-назоўніка – як уласнае імя і як назву прадмета. Фразеалагізм польскага паходжання прайшоў доўгі шлях адаптацыі беларускай і ўкраінскай мовамі, у выніку якога ўласнае імя забылася і ператварылася ў слова з неканкрэтным значэннем.

Ключавыя словы: кампаратывная фразеалогія, фразеалагізм, беларускі, украінскі, польскі, “п’яны / напіцца як Бэля / бэля”.

Уводзіны

Фразеалагізмы з цьмянай этымалогіяй заўсёды прыцягваюць асаблівую ўвагу. Сярод іх вылучаецца невялікая група беларуска-польска-ўкраінскіх адзінак, узнікненне якіх звязана з рэаліямі Вялікага княства Літоўскага ці з пазнейшай гісторыяй Рэчы Паспалітай. У ракурсе сучаснай усходнеславянскай фразеалогіі яны служаць своеасаблівым гістарычным індикатарам – супроцьпастаўляюць беларускую і ўкраінскую мовы рускай, у якой такіх адзінак няма. Агульныя для названых трох моў фразеалагічныя адзінкі (ФА) разглядаліся ў кожнай нацыянальнай традыцыі асобна. Кампаратыўная фразеалогія адносіць іх да агульнай лінгвакультурнай спадчыны суседніх народаў, што спрыяе адкрыццю новых ракурсаў, якія раней не былі ўзятыя пад увагу. Да агульных беларуска-польска-ўкраінскіх ФА адносяцца: П. *wyrwał sie jak filip z kopori* / Б. *выскачыў як Піліп з канпель* / У. *вискочив як Пилип з конопель*; П. *zarobić (wujść) jak Zabłocki na mydle* / Б. *зарабіць як Заблоцкі на мыле* / У. *заробив (погорів, вийшов) як Заблоцький на милі*; П. *rijanu jak bela* / Б. *п'яны / напіцца як Бэля / бэля* / У. *п'яний як бэйля / беля*. Першакрыніцу і час іх узнікнення вызначыць цяжка. Выказаныя гіпотэзы дазваляюць па-рознаму інтэрпрэтаваць іх структурна-семантычныя мадэлі, праблемай кампанентам якіх з'яўляецца назоўнік. Семантыка назоўніка аказваецца размытай – на паверхні ляжыць першасны вобраз оніма, які прысутнічае ва ўсіх пералічаных ФА, але пры ґрунтоўным вывучэнні ўласнае імя “выпараецца” і даследчык застаецца перад фактам, што патлумачыць назоўнікавы кампанент адназначна, а такім чынам і ФА цалкам, немагчыма.

Дадзены артыкул – яшчэ адна спроба тлумачэння паходжання ФА *п'яны / напіцца як Бэля / бэля* з пункту гледжання кампаратыўнай фразеалогіі. Аналізу названай адзінкі была нададзена належная ўвага, перш за ўсё ў працах М. Даніловіча. Існуе некалькі этымалагічных версій, але ні адна з іх не дае адназначнага адказу, таму гэтае пытанне застаецца адкрытым і актуальным. Да пастаўленых намі задач адносіцца разгляд існуючых у беларускім мовазнаўстве гіпотэз на фоне польскіх крыніц, а таксама з улікам інфармацыі, змешчанай у слоўніку Грыгарыма Ількевіча “Галицкіі приповѣдки і загадки” (1841).

1. *Напіцца / п'яны як Бэля / бэля* – беларускі погляд на этымалогію ФА

ФА *напіцца / п'яны як Бэля / бэля* ў беларускай мове мае некалькі варыянтаў, варыянтнасць распаўсюджваецца як на першы – дзеяслоўны кампанент, так і на другі – назоўнікавы. Першы кампанент можа быць выражаны сінанімічнымі дзеясловамі *набрацца, напіцца, упіцца*, а таксама прыметнікам *п'яны*. Назоўнікавы кампанент мае чатыры варыянты: два варыянты аднаго імя – *Бэля / Бэйля* і два варыянты аднаго слова з неакрэсленым значэннем – *бэля / бэйля*.

У “Слоўніку фразеалагізмаў” І. Лепешава дадзеная ФА не зафіксаваная, яна адносіцца да дыялектных, размоўных. Упершыню сустракаем яе ў кнізе “Люд беларускі на Русі Літоўскай” М. Федароўскага – “*Bejla, Bela 461. Spiŭsia, jak Bejla. 1. Upiŭsie jak..., 2. Upiŭsie, [rjanu], jak Bela*” [1, т. 4, с. 24]. У гэтым выданні прадстаўлены тры кампаненты – *спіўся, упіўся, п'яны*, а назоўнік пішацца з вялікай літары, таму ўспрымаецца як уласнае імя. Гэты выраз актыўны ў сучасных дыялектных гаворках Гродзеншчыны, сустракаецца таксама ў Мінскай, Брэсцкай і Віцебскай абласцях [2, с. 86]; прыведзены ў “Слоўніку беларускіх народных параўнанняў”: “ляжаць як бэля. *Нясв. Асудж. Пра п'янага да непрытомнасці. СПЗБ 3, 502. п'яны як бэля. Сморг., Іўеў., Шчуч., Маладз. Асудж. Пра моцна п'янага чалавека*” [3, с. 65]. У сучаснай літаратурнай мове ФА *набрацца / напіцца / упіцца / п'яны як Бэля / бэля / Бэйля / бэйля* сустракаецца зрэдку – у мове асобных пісьменнікаў і вучоных. Цікава і тое, што пры “перамяшчэнні” гутарковай адзінкі ў літаратурную мову назіраецца замена прыназоўніка – на месцы “як” узнікае “у”: “*І хаця алкаголь быў ва ўсёй гэтай гісторыі далёка не апошнім элементам, мэтай дзядзькі Лёніка было менавіта «культурна пасядзець», а не напіцца ў бэлю*” [4, І].

Першы кампанент ФА мае абсалютна празрыстую семантыку і ўказвае на стан ап'янення, другі – па прычыне яго варыянтнага напісання з вялікай і з малой літары – можна разглядаць і як уласнае імя *Бэля* / *Бэйля* (онім), і як слова *бэля* / *бэйла*, якое абазначае нейкі прадмет. Паводле М. Даніловіча, назоўнік не ўсведамляецца носьбітамі беларускіх гаворак як уласнае імя. “Нярэдка гэтаму назоўніку (без злучніка *як*) прыпісваюць значэнне самога фразеалагізма: *бэля* ‘пра п’янага чалавека” [2, с. 86]. Але раней гэты кампанент успрымаўся як імя.

Імя *Бэля* / *Бэйля* успрымаецца як маркер – не асацыюецца з беларусам, а хутчэй – з габрэем, разам з тым, не ўспрымаецца як маркер «чужога». Гісторыя габрэяў цесна звязаная з беларускімі землямі, у розныя часы габрэйскімі цэнтрамі з’яўляліся розныя гарады: Брэст (з часоў заснавання горада) [5], паводле агульнавядомых крыніц – з XIV па XVII ст., Бабруйск (у XX ст. Бабруйск жартам называлі габрэйскай сталіцай), Мір, Валожын, Іўе, Слонім, Ашмяны і інш. Напрыканцы XIX ст. амаль у кожным беларускім горадзе і мястэчку былі сінагогі. Імя было распаўсюджаным сярод габрэяў Беларусі (*Бэля* / *Бэйла*) і Украіны (*Беля* / *Бейля*), часцей як жаночае, а часам і як прозвішча.

Этымалогія ФА звязвалася з імем чалавека *Бэля* альбо *Бэйля*. Канкрэтная асоба сцерлася з народнай памяці і слова перасталі пісаць з вялікай літары. М. Даніловіч, які падрабязна разгледзеў магчымыя вытокі паходжання гэтай ФА, канстатуе, што сёння антрапонім *бэля* / *бэйля* – нешта семантычна неакрэсленае, не зусім зразумелае [2, с. 86]. Вучоны ўлічыў такія важныя для пошукаў этымалогіі моманты: фіксацыя ў канцы XIX ст. М. Федароўскім (1886–1956); факт натуральнага выкарыстання дадзенай ФА ў творах беларускага класіка Я. Купалы (1882–1942); шырокае распаўсюджанне ў дыялектнай мове ў розных абласцях Беларусі; прысутнасць у запісах сучасных беларускіх дыялектолагаў. Семантычную размытасць назоўніка М. Даніловіч тлумачыць яго лексічнай чужароднасцю для беларускай мовы, характарызуючы слова як “*унікальны фразеалагічны кампанент, неўжывальны па-за межамі фразеалагізма*”, са спасылкай на “Ідыш-беларускі слоўнік” [6], у якім слова (ідыш *Bejle*) зафіксаванае, вучоны адзначае парадокс – сярод габрэяў п’янства не было распаўсюджана, габрэй-п’яніца – «*выключна рэдкая выпадковасць*” [2, с. 86].

Назоўнік можна разглядаць не як імя ўласнае, а як назву. М. Даніловіч, таксама як В. Ляшчынская і З. Шведава [7], лічыць дадзеную ФА запазычаннем з польскай мовы, дзе яна пішацца з малой літары. Этымалогію ў польскай мове часцей звязваюць са словам *belka* – Б. *бэлька* (драўляны, жалезны або жалезабетонны брус). Такой версіі прытрымліваецца і сучасны ўкраінскі даследчык К. І. Мізін: укр. *бейла* (або *беля*) – колода [8, с. 68]. М. Даніловіч агучвае яшчэ адну магчымую версію этымалогіі – ад слова *балея* (ёмістасць, у якой пярэць бялізну, г. зн. ёмістасць, якая натуральна запаўнялася вадой).

М. Даніловіч схіляецца да думкі, што першапачаткова ў структуру ФА ўвайшло ўласнае імя, а сама адзінка ўзнікла ў ідыш, адкуль пранікла ў іншыя мовы, з часам першасная вобразнасць кампанента *бэля* сцерлася.

Такім чынам, для тлумачэння этымалогіі ФА *напіцца* / *п’яны* як *Бэля* / *бэля* ў беларускай мове існуе некалькі гіпотэз: (1) ад імя нейкага чалавека *Бэлі* / *Бэйлі* (не беларуса); (2) ад слова *бэлька*. Абодва варыянты лічацца “прышлымі”, крыніцамі запазычання маглі быць польская ці габрэйская мовы. “Слабейшы”, але магчымы варыянт: (3) ад *балея*; ва ўкраінскай мове магчыма выводзіць этымалогію ад размоўнай адзінкі *бейла* (*беля*): “Бейла, -ли, м. Дурачина, остолопь, болвань. Бердич.” [9, т. 1, с. 48]. Львоўскі лексікон акрамя *п’яйний* як *бейля* (*беля*) і вырыянта *п’яний* як *бэльок* мае яшчэ адну ФА з кампанентам *бейля* (*беля*) – *праний* як *бейля* (*беля*) – вул., ірон. ‘сильно битый, лупцованый’ [10, с. 74, 465].

Сучаснымі беларусамі і ўкраінцамі ФА ўспрымаецца як адзінка з семантычна цямным кампанентам, гараджане малодшага пакалення гэты выраз не ведаюць. У сучасных літаратурных мовах ён амаль не ўжываецца, але распаўсюджаны

ў дзялектных гаворках Беларусі і, напрыклад – на Львоўшчыне. З арэалу, які захаваў гістарычныя рэшткі агульных рэалій у фразеалогіі, больш вітальнай дадзена адзінка здаецца толькі ў польскай мове.

2. Тлумачэнне ў кнізе “Галицкія прыповёдки і загадкі”

Трактоўку паходжання разглядаемай ФА знаходзім у кнізе Г. Ількевіча (1803–1841) “Галицкія прыповёдки і загадкі”, якая выйшла ў Вене ў 1841 г., рэдагавалі і выдалі яе браты Галавацкія (Яків, Іван Головацкі). Высвятленне этымалогіі знаходзім у спасылцы з цытатай, якая прыведзена з неназванай гістарычнай крыніцы (магчыма “Галицка-Валынскі летапіс” – ІК), але прыпіска належыць не аўтару – Г. Ількевічу, а выдаўцу. У кнізе змешчана наступная цытата: «1188 Бела король угорскі, буцём в помочь прогнаного Князя Галицкого Володимира Ярославича, по́дступив с сильным во́ском по́д Галичь. Галичане по удаленію своего Князя Романа Мстиславича Володимирского во́творили врата Уграм. Бела уверг Кн. Володимира в темницу, а осадив на княжеским престолѣ сына своего Андрея, котрый загостившись беспечно, пановав насильно над Галичанами; доки Кн. Володимир не утѣк из неволѣ, и (1190) с помочью Казимира Справедливого не приступив по́д Галичь. Тогдѣ Галичане выгнали Угров и з радостию пріймили своего родимого князя. По тѣм то Белѣ осталась приповѣдка» [11, с. 87].

Калі прытрымлівацца храналогіі панавання ўгорскіх каралёў, то размова ў дадзеным урыўку ідзе пра венгерскага караля Бэлу III (крэснае Аляксей) (каля 1148–1196). Тэкст называе асобу, але не тлумачыць узаемасувязі, не называе канкрэтнае здарэнне ці матыў, якія б высветлілі прычыну ўваходжання імя вугорскага караля ва ўстойлівае спалучэнне. Ужо праз год невядомы аўтар рэцэнзіі (В/Б (?) Ф. – падпісаны толькі ініцыяламі) на названую кнігу Ількевіча піша, што выраз *спився як Беля* адносіцца да XII ст. [12, с. 104]. Выказаны погляд немагчыма ні абвергнуць, ні ўзяць пад увагу як адзіна магчымую версію тлумачэння этымалогіі разглядаемай ФА.

У храналогіі венгерскіх каралёў з роду Арпадаў панаванню Бэлы III (каля 1148–1196) папярэднічае ўладарства Бэлы II (Бэла Сляпы 1108–1141), менавіта аб ім польскія крыніцы пішуць як пра вялікага прыхільніка віна. Можна дапусціць узнікненне аналізаванай ФА ў XII ст., але правобразам фразеалагічнага кампанента-оніма, відаць, трэба лічыць караля Бэлу II.

3. Польская ФА *pijany jak bela*

Сведчанні альбо паданні аб прыхільнасці венгерскага караля да алкаголю ва ўсходнеславянскіх крыніцах адсутнічаюць. Але на звычку караля Бэлы ладзіць балі са сваімі польскімі сябрамі ўказваюць польскія аўтары (магчыма адсюль у польскай мове выраз *Polak, Węgień dwa bratanki, i do szabli i do szklanki*). Такое польска-венгерскае сяброўства зафіксана і ў венгерскай ФА, якая існуе ў шматлікіх варыянтах – *Lengyel, magyar – két jó barát, együtt harcol, s issza borát* (даслоўна: паляк і мадзяр – два найлепшых сябра, разам б’юць (ваююць) і разам п’юць). Польскія і вугорскія княствы былі саюзнікамі ў барацьбе супраць Кіеўскай Русі і іншых сваіх суседзяў. Цесныя сяброўскія стасункі паміж элітай дзвюх дзяржаў абумовілі і пазнейшую папулярнасць венгерскага віна ў Польшчы. Вядома, што ў XIV ст. вялікім попытам карысталіся венгерскія *сапронскія віна / сапрон*, ў XVI–XVII ст.ст. у палякаў набыла папулярнасць *такайскае віно / такай*, у гэты ж час Польшча з’яўлялася найбуйнейшым імпарцёрам венгерскага віна (застаецца ім і зараз). На ўнутраным рынку старой Польшчы з венгерскімі вінамі не магла канкураваць ніякія іншыя (з 1637 па 1641 год у Польшчу было ўвезена амаль 61 500 бочак венгерскіх вінаў, пасля ўвозілася звыш 12000 у год) [13, I]. Да тых часоў адносіцца выраз *w Węgrzech się wino rodzi, a w Polsce umiera* (даслоўна – ў Венгрыі віно нараджаецца, а ў Польшчы памірае); таксама *Nie ma wina nad węgrzyna; Po zwierzyńie utop smak w węgrzynie, po szpinaku dawaj się pontaku, a po cieście zmyj buzię w szumiącym francuzie*). На важнасць вывучэння гісторыі венгерска-польскіх гандлёвых адносін звярталі ўвагу польскія і венгерскія даследчыкі, аднак

доўгія гады такія даследванні сутыкаліся з шэрагам праблем, і сёння шмат пытанняў застаюцца невысветленымі [14, с. 83]. Аднак для нашага даследвання прыведзеныя прыклады з’яўляюцца каштоўным лінгвакультурным матэрыялам.

Што да этымалогіі польскай ФА *pijany jak bela*, да месца будзе цытата пытання і адказу, размешчаных ў онлайн моўнай кансультацыі Польскага навуковага выдавецтва [internetowa poradna językowa Wydawnictwa Naukowego PWN]: «*Panie Profesorze! Czy prawdą jest, że powiedzenie pijany jak bela pochodzi od imienia węgierskiego króla Beli, który lubił intensywnie biesiadować z polskimi „bratankami”? Tak przynajmniej sugerował niedawno felieton w gazecie Metropol. Pozostaje z szacunkiem – L.B.*»

«*Prof. Julian Krzyżanowski (Mądrej głowie dość dwie słowie) podaje inne wyjaśnienie, które za punkt wyjścia przyjmuje zwrot zataczać się jak bela. Otóż – tłumaczy on – ciężkiej beli materiału postawionej na krawędzi nie dało się przemieszczać inaczej niż półkolistym ruchem. Stąd zataczać się jak bela, przekształcone później na pijany jak bela*» [15, I].

Як відаць, Ю. Крыжаноўскі тлумачыць значэнне кампанента *bela* як ‘цяжкі рулон матэрыялу, які нельга перамяшчаць інакш, чым перакочваннем’. Адсюль *хістацца / каціцца як бэла* (па-беларуску больш прыдатна – *як цюк*), пазней ператвараецца ў *pijany jak bela*.

Польская даследчыца А. Пела разглядае кампанент *Bela / bela* як антрапанімічны і, звяртаючы ўвагу на магчымасць лексічнай варыянтнасці, адзначае выцякаючую з яе магчымасць бінарнай інтэрпрэтацыі: (1) бэлька (са спасылкай на польскія слоўнікі, (2) прататып асобы, якая легла ў аснову вобраза, ім мог стаць “анекдатычны” венгерскі кароль Бэла II Сляпы “który prowadził hulaszczy trub życia” (са спасылкай на [Krajewski 1993, с. 388] [16]) [17, с. 77]. Даследчыца спасылаецца на кнігу (J. Krzyżanowski, *Nowa księga przysłów i wyrażen przysłowiowych polskich t. I–IV*, Warszawa 1969–1978), у якой разглядаемы намі выраз датуецца канцом XVII ст.

Аўтар энцыклапедыі старапольскай (“Encyklopedia staropolska”) слова *bela* звязвае з развіццём польска-нямецкіх эканамічных стасункаў і само слова характарызуе як запазычанне з нямецкай мовы.

“*Bela, belica, balica, belka, paka kupiecka towarów. Przy stosunkach handlowych z Niemcami, wyraz spolszczony z niemieckiego balle – pęk, węzeł, paka. Bela nankinu zawierała sztuk 10 tej tkaniny. Bela sukna miała postawów 20. Balica płótna kolińskiego (czyli kolońskiego, Kolonję bowiem nazywali Polacy Kolnem), miała sztuk 60. Bela papieru 10 ryz, a ryza liber 20. Przysłowie: pijany jak bela, spił się jak bela, wąpimy, żeby od węgierskiego Beli pochodziło. Prawdopodobnie powstało ono z porównania nieprzytomnego i leżącego na ziemi bez duszy pijaka do paki towarów*” [18, I].

3. Глогер у слоўнікавым артыкуле “Bela” узгадвае таксама фразеалагізм *pijany jak bela, spił się jak bela* і выказвае думку пра магчымасць паходжання слова ад імя венгерскага Бэлы, і разам з тым дадае – верагодна, гэта ўзнікла з параўнання непрытомнага п’янага, які ляжаў на зямлі, з цюкам тавараў.

Такім чынам, польская этымалогія ФА *pijany / spił się jak bela* тлумачыцца трыма асноўнымі версіямі: (1) бэлька (“*długa, gruba belka, kloc*”), (2) імя венгерскага караля Бэлы, (3) цюк тавараў (нямецкае запазычанне). Як і ў выпадку з беларускімі гіпотэзамі, адна з пералічаных польскіх версій – гэта запазычанне, звязанае з развіццём чэшска-нямецкіх гандлёвых адносін.

4. *Pijany jak bela* ў сучаснай польскай мове

Лексічную адзінку *bela* знойдзем у Слоўніку гутарковай польскай мовы паўночнага памежжа (“*Słownik mówionej polszczyzny Północnokresowej*”): “BEL m ‘*długa, gruba belka, kloc*’ → BELA ż, BELKA* ż *Pijany/pjany jak bel ‘bardzo pijany, pijany jak bela*” [19, с. 109].

У адрозненні ад беларускай і ўкраінскай літаратурных моў, для польскай літаратурнай мовы дадзеная ФА – адзінка натуральная, больш вядомая людзям

старэйшага ўзросту і менш вядомая малодшаму пакаленню. Выраз натуральна ўжываецца ў медыях, часта сустракаецца ў назвах газетных артыкулаў:

– *Pijany jak bela ratownik dyżurował na nowotarskim basenie* (27.06.2016, 24tp.pl).

– *W Polsce możesz przyjsć do pracy pijany jak bela. UODO twierdzi, że „stan trzeźwości pracownika to jego prywatna sprawa”* (3.10.2019, Najwyższy CZAS!).

– *Pijany jak bela młodzieniec z Przasnysza „zaparkował” swoim autem w innym pojeździe.* (5.06.2020, infoprzasnysz.com).

– *Konie były trzeźwe, ale woźnica pijany jak bela. Spowodował kolizję i odjechał* (27.05.2020, <http://tarnow.net.pl>).

– *Pijany jak bela spowodował krakę z udziałem 3 pojazdów na „szesnastce”* (Wiadomości, 27.07.2020, Redakcja Ostroda News).

– *Był pijany jak bela! Dramatyczne potrącenie młodej dziewczyny!* (01.09.2020, Moto Newsy).

Гэты выраз сустракаецца ў польскіх перакладах “Тома Соепа” М. Твэна (“– *Jezus Maria! I co? Obudził się? – Ani drgnął. Pijany jak bela. Porwałem ręcznik i w nogi!*” [20, с. 79]) і “Трох мушкецѣрах” А. Дзюма (<...> *odparł d’Artagnan – byłem widocznie więcej, niż ty, pijany, skoro nic sobie nie ... moja zwykła bajka o blondynce, a kiedy ją opowiadam, jestem pijany, jak bela* <...> [21, т. 2, с. 5]).

Для польскай літаратурнай мовы адзінка з’яўляецца натуральным сродкам. У беларускай і ўкраінскай літаратурных мовах дадзеная ФА – рэдкая з’ява, але жывая ў беларускіх дыялектах і некаторых украінскіх гаворках.

Заклучэнне

Фразеалагічная адзінка (Б. *набрацца / спіцца / упицца / п’яны як Бэля / бэля / Бэйля / бэйля*); У. *спіўся / п’яний як Беля / бейля / беля*; П. *pijany / spił się jak bela*) сваімі каранямі сягае ў гісторыю геапалітычнага арэалу, які, акрамя іншых, аб’ядноўваў землі Беларусі, Польшчы і Украіны – Вялікае Княства Літоўскае. Узнікненне ФА – як адзінкі агульнай лінгвакультурнай спадчыны часоў ВКЛ можна датаваць XII – найпазней XVII ст., калі ўсходнія славяне былі падзеленыя на Русь Літоўскую і Русь Маскоўскую – ФА вядома беларусам і ўкраінцам, але не сустракаецца ў рускай мове.

У сучасных польскай, беларускай і ўкраінскай мовах ФА мае квантытатыўна адрозную рэпрэзентацыю – большай вітальнасцю яна валодае ў польскай мове. Прыведзеныя вышэй польскія фразеалагізмы пра палякаў і венграў, а таксама факт іх цесных палітычна-эканамічных стасункаў на працягу ўсёй гісторыі Польшчы і Венгрыі сведчаць пра тое, што ФА *pijany jak bela* ўзнік у польскай мове і быў адаптаваны беларускай і ўкраінскай мовамі. Пры гэтым хутчэй за ўсё, як сцвярджае М. Даніловіч – у беларускую мову адзінка пранікла праз пасрэдніцтва габрэяў, але на нашу думку – выраз не ўзнік у іх мове. Гіпотэзы дазваляюць інтэрпрэтаваць назоўнікавы кампанент структурна-семантычнай мадэлі ФА як уласнае імя і як прадмет. Графічны стратыфікатар – ужыванне слова *Бэля / Бэйля* з вялікай літары і асацыятыўнае ўспрыманне слова як уласнага імя дазваляюць сфармуляваць наступную гіпотэзу.

Размоўны фразеалагізм Б. *набрацца / п’яны як Бэля / бэля (Бэйля / бэйля)* з’яўляецца культурнай адаптацыяй польскага *pijany jak bela*, які пачаў афармляцца ў польскай мове ў XII стагоддзі. Правобразам фразеалагічнага кампанента стала імя вугорскага караля Бэлы II. Услед за М. Даніловічам мы лічым, што ў беларускую мову выраз быў прынесены габрэямі, якія ў яго ўкараненні адыгралі двайную ролю, па-першае – “прынеслі” сам выраз у Беларусь – гэтаму зусім не пярэчыць арэал сучаснага бытавання ФА ў размоўнай форме ў дыялектах. Па-другое, цалкам верагодна, што ў час, калі ФА пачала ўжывацца ў беларускай гутарковай мове, беларусы звязвалі выраз з яго носьбітамі – габрэямі, а, з прычыны іх пражывання на беларускіх землях і дзякуючы існаванню габрэйскага імя Бэля / Бэйла, народ выкарыстаў вобразную і фанетычную сувязь і не звязваў слова з асобай невядомага ім венгерскага караля

Бэлы, але стварыў уласную асацыяцыю з “блізкімі” і не зусім чужымі вобразамі габрэяў, якія жылі ў кожным горадзе, мястэчку і вялікіх вёсках. Мы не лічым, што дадзеная адзінка ўзнікла ў ідыш, але менавіта ідыш мог быць пасрэднікам. З часам першапачатковая вобразнасць фразеалагічнага кампанента *бэля* сцерлася, у беларускім кантэксце – трансфармавалася дзякуючы моўнаму падабенству з габрэйскім імем. Магчыма, што вобраз Бэлі / Бэйлі ад самага пачатку для беларусаў быў цьмяным – не канкрэтным, таму фразеалагізм *п’яны як Бэля / бэля (Бэйля / бэйля)* не стаў агульнаўжывальным у літаратурнай мове.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Federowski, M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej : materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1905. T. 4, Przysłowia, żarcik, wyrażenia stałe oraz zagadki ludu, mieszczan i zagrodowców z okolic Grodna, Sokółki, Białegostoku, Bielska, Wołkowyska, Słonima, Nowogródka, Słucka, Lidy, Wilejki, Świecian i Oszmiany. – Warszawa : Towarzystwo Naukowe Warszawskie, 1935. – 490 с.
2. Даніловіч, М. А. Слова і фразеалагізм у беларускай мове / М. А. Даніловіч. – Гродна : ЮрСаПрынт, 2015. – 300 с.
3. Валодзіна, Т. Слоўнік беларускіх народных параўнанняў / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы; уклад. Т. В. Валодзіна, Л. М. Салавей; навук. рэд. В. М. Макіенка. – Мінск : Беларуская навука, 2011. – 482 с.
4. Анемпадыстаў, М. «Простыя рэчы» Міхала Анемпадыстава: Кнайпа (03.03.2013) / М. Анемпадыстаў, Budzma.org [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <https://budzma.by/news/prostyua-rechy-mixala-anempadystava-knajpa.html>. – Дата доступу : 10.10.2020.
5. Зоненберг, Х. История города Брест-Литовска. 1016–1907: По достоверным источникам и правоподобным умозаключениям / Х. Зоненберг. – Брест-Литовск : тип. И. Кобринца, 1907. – 104 с.
6. Астравух, А. Ідыш-беларускі слоўнік / А. Астравух. – Мінск : Медисонт. 2008. – 928 с.
7. Ляшчынская, В. А. Слоўнік фразеалагізмаў мовы твораў Янкі Купалы / В. А. Ляшчынская, З. У. Шведава. – Гомель : ГДУ, 2007. – 312 с.
8. Мізін, К. І. Особливості валоризації концепту «алкоголь» у германських і східнослов’янських лінгвокультурах (на матеріалі усталених порівнянь англійської, німецької, української та російської мов) / К. І. Мізін // Мовознавство. – № 2. – 2011. – С. 57–68.
9. Словарь української мови / упор. з дод. влас. матеріалу Б. Грінченко : в 4-х т. – Т. 1. – К. : Вид-во Академії наук Української РСР, 1958.
10. Хобзей, Н. Лексикон львівський поважно і на жарг / Н. Хобзей, К. Сімович, Т. Ястремська, Г. Дидик-Меуш. – Львів : Інститут українознавства імені І. Крип’якевича НАН України, 2009. – 670 с.
11. Ількевіч, Г. Галицкіі припов’дкі і загадки / Г. Ількевіч. – Вена, 1841. – 138 с.
12. Журнал Министерства народного просвещения. Часть XXXIII.– СПб. : Типография Императорской Академии Наук, 1848.
13. Guldon, Z. – Stępkowski L. W Węgrzech się wino rodzi, a w Polsce umiera // Kwart. Hist. Kult. Materialnej. – 4. – 1986.
14. Komoróczy, G. Uwagi na temat wywozu węgierskich win do Polski w XVI–XVIII w. Rocznik Lubelski. – 3. – 1960. – S. 83–106 [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : http://bazhum.muzhp.pl/media/files/Rocznik_Lubelski/Rocznik_Lubelski-r1960-t3/Rocznik_Lubelski-r1960-t3-s83-106/Rocznik_Lubelski-r1960-t3-s83-06.pdf. – Дата доступу : 10.10.2020.
15. Internetowa poradna językowa Wydawnictwa Naukowego PWN [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : sjp.pwn.pl. – Дата доступу : 10.10.2020.
16. Krajewski, L. Porównania z antropimicznym komponentem / L. Krajewski // Onomastyka literacka. Olsztyn: Wydawnictwa Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Olsztynie. – 1993. – S. 385–392.
17. Piela, A. Antroponimy jako komponenty związków frazeologicznych / A. Piela // Język a Kultura, T. 25. – 2015. – S. 73–88.
18. Gloger, Z. Encyklopedia staropolska. (on-line) Spis treści 1900–1903 [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <https://literat.ug.edu.pl/glogers/index>. – Дата доступу : 10.10.2020.

19. Grek-Pabisowa, I. Słownik mówionej polszczyzny Północnokresowej / I. Grek-Pabisowa, M. Ostrówka, M. Jankowiak. – Warszawa : Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk, 2017. – 1790 s.
20. Twain, M. Przygody Tomka Sawyera. tłum. Jan Biliński. Beskidzka Oficyna Wydawnicza, Bielsko-Biała. Biblioteka internetowa Wolne Lektury (on-line) [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <https://wolnelektury.pl>. – Дата доступу : 10.10.2020.
21. Dumas, A. Trzej muszkietierowie. tłum. Nieznany. Tom II. Nakładem Biblioteki Rodzinnej, Warszawa 1927. Wydawca: Fundacja Nowoczesna Polska. Reboos, 2018 Biblioteka internetowa Wolne Lektury (on-line) [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <https://wolnelektury.pl>. – Дата доступу : 10.10.2020.

The article is dedicated to the analysis of phraseological unit “п’яны / напiцца як Бэля / бэля” [p’jany / napicca jak Belja / belja], mutual language heritage of Poles, Belarusians and Ukrainians. The author compares the existing Belarusian linguistic hypotheses with Polish sources and information included in G. Ilkevich’s dictionary “Idioms and riddles of Halychyna” (1841). Analyzed material enables different interpretations of the substantive component: as a proper name or a name of an object. The idiom of Polish origin underwent long development in both Belarusian and Ukrainian language and as a result the proper name was forgotten and changed to a word with unspecified meaning.

Keywords: comparative phraseology, idiom, Belarusian, Ukrainian, Polish, [p’jany / napicca jak Belja / belja] (напiцца як Бэля / бэля).

УДК 811.161.1’373.7

И. О. Ковалевич

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ПАРЕМИЙ В РЕЧИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО И ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Настоящая статья посвящена исследованию особенностей функционирования фразеологических единиц в речи детей дошкольного и школьного возраста в контексте развития творческих способностей и образного мышления. Анализируются способы и направления трансформации узуальных фразеологизмов и паремий в соответствии с механизмами речевого становления.

Ключевые слова: фразеологизм, паремия, трансформация, творчество, образность.

Интерес к речи детей, и в частности к их словесному творчеству, начал проявляться с конца XIX – начала XX века (А. Александров, В. П. Вахтеров, Н. И. Гаврилова, В. Гришакова, Н. А. Рыбников и др.). Первым значительным трудом по проблемам речи дошкольников стала книга К. И. Чуковского «Маленькие дети», изданная в 1928 г. и впоследствии получившая распространение под заглавием «От двух до пяти». Данная монография вызвала большой резонанс тем, что раскрыла сложный характер речевого становления, ключевым моментом которого является речевое творчество, проявляющееся в продуцировании уникальных по форме и содержанию лексических единиц и выражений.

В настоящее время детское речевое творчество исследуется в следующих направлениях: психолингвистическом (А. А. Залевская, А. В. Запорожец, Т. Н. Ушакова, А. М. Шахнарович, Н. Х. Швачкин, Д. Б. Эльконин, Н. М. Юрьева и др.), лингвометодическом (Ф. А. Сохин, А. Г. Тамбовцева (Арушанова), О. С. Ушакова и др.) и деривационно-словообразовательном (А. Н. Гвоздев, Т. А. Гридина, С. Н. Цейтлин, В. К. Харченко и др.). При этом ученые всё больше затрагивают вопросы усвоения детьми переносного значения лексических единиц, развития экспрессивной и образной речи и осознанного словесного творчества (Ю. В. Бестугина, Н. В. Гавриш, Т. А. Гридина,

М. Б. Елисеева, О. С. Ушакова, С. Н. Цейтлин, О. В. Шабалина, А. М. Шахнарович, Н. М. Юрьева и др.). По данным ряда исследований, формирование у детей способности к пониманию образных средств речи перерастает в способность к созданию собственных аналогов. Так, ученые отмечают, что умение образного осмысления метафорических словоупотреблений развивается у детей в 4–5 лет [1, с. 118]. Примерно в этот же период начинают создаваться и собственные метафоры (М. Б. Елисеева, О. В. Шабалина) [2, с. 66; 3, с. 10]. Материалы нашего исследования показывают, что одновременно с метафорами появляются и первые окказионализмы, обнаруживающие качества тропеической образности: – *Это потому/ что осень и грустно/ поэтому/ грустника!* (о бруснике) (5 л.); – *На улице сегодня просто крокодильские морозы!* (5–6 л.) [4, с. 28].

Творческие способности детей проявляются также при употреблении ими в речи фразеологических единиц, неотъемлемыми характеристиками которых являются идиоматичность, эмоциональная окрашенность, экспрессия и образность.

Настоящая статья посвящена исследованию особенностей функционирования фразеологических единиц в речи детей дошкольного и школьного возраста в контексте развития у них способности образного видения окружающей реальности. Анализируются направления творческих преобразований узуальных фразеологизмов и паремий и последующее создание индивидуально-авторских идиоматических выражений по аналогии с известными. Источниками фактического материала послужили личные дневниковые записи, а также данные Интернет-сайтов (<https://det.org.ru>; <https://deti.mail.ru>).

Фразеологизмы привлекают внимание детей с самого раннего возраста, прежде всего необычной формой. По данным Ю. В. Бестугиной, процесс освоения фразеологического фонда языка начинается с трех лет [5, с. 11]. Услышав интересную и нестандартную конструкцию в речи взрослых, дети пытаются ее критически осмыслить. На первых порах фразеологические единицы подвергаются буквальному толкованию, в силу чего теряют присущую им семантическую двуплановость. Подобная особенность восприятия маленькими детьми образной семантики неоднократно отмечалась в работах исследователей (С. Н. Цейтлин, А. М. Шахнарович, Н. М. Юрьева). Неосознанное стремление к буквальному толкованию прослеживается в форме уточняющих вопросов, которые следуют за репликой-стимулом, содержащей фразеологизм: – *Когда мы переедем в новую квартиру?* – *Когда рак на горе свистнет// – А когда он свиснет?* – *Когда доберётся до горы// – А сейчас он ещё карабкается?* (4 г.); – *Доча/ чего нос повесила?* – *Куда повесила?* (4 г.) и др. Кроме того, дети могут воспроизводить фразеологизмы, ранее услышанные в речи взрослых, сопровождая их своими собственными комментариями. Подобные наивные умозаключения детей нередко вызывают улыбку на лице взрослого: – *Мама/ какие всё-таки опасные животные/ эти жабы// – Почему опасные?* – *А помнишь/ ты рассказывала/ когда мы были в Таиланде/ что тебя жаба задушит?* (4 г. 6 м.); – *Мама/ а правда/ что у некоторых девочек ноги растут от зубов?* – *Ну/ не у девочек/ а девушек// – А у меня?* – *У тебя нет// – Слава Богу// а то я всё думаю/ если зубы выпадут/ то что будет с ногами?* (5 л.) и др.

В детской речи нами выявлены многочисленные случаи преобразований узуальных фразеологизмов, результатом которых являются так называемые неофраземы. К числу наиболее распространенных относится лексическая трансформация, которая выражается в замене одного из элементов фразеологизма. При этом следует отметить тенденцию к замене лексемы по фонетическому принципу: – *Мама/ ты что/ белизны объелась?* (3 г. 8 м.) (в ответ на замечание). В данном примере мы наблюдаем преобразование фразеологизма *белены объестся* в значении ‘обезуметь, одуреть’ путем замены неизвестного ребенку компонента *белена* на известную лексему *белизна*. Однако такого рода ретимологизация, проявляющаяся в замене образной составляющей плана содержания узуального фразеологизма, не влечет за собой изменение его семантики, т. е. неофразама *белизны объестся* передает то же значение – ‘обезуметь, одуреть’. Нами зафиксированы также и другие примеры подобного преобразования фразеологи-

ческих единиц: – *У нас мама так вкусно готовит/ что пальчики обрежешь//* (3 г.) (сравн.: *пальчики оближешь* ‘о чём-то вкусном’); – *Да не ворочьте мне голову//* (3 г. 8 м.) (сравн.: *морочить голову* в значении ‘дурачить, обманывать’); – *Наелась самосвалом//* (4 г.) (сравн.: *наестся до отвала* в значении ‘наестся вдоволь’). Как видно из представленных примеров, данное явление по большей части характеризует речь дошкольников, хотя подобные случаи встречаются и в речи младших школьников: – *Ты меня довела до белого поколениа//* (8 л.) (сравн.: *довести до белого каления* в значении ‘привести в состояние крайнего раздражения, полной потери самообладания’).

Замена элементов узуального фразеологизма может быть результатом неверного членения конструкции на составляющие элементы с последующим сдвигом границы между лексическими единицами: – *Когда я ем/ я глух не ем//* (4 г.) (сравн.: ... *я глух и нем*); – *Труд создаёт/ [алень] разрушает//* (5 л.) (сравн.: ... *а лень разрушает*); – *Так скучно/ что хоть волка мой//* (7 л. 6 м.) (сравн.: *хоть волком вой* ‘о невыносимом и крайне тяжёлом состоянии’).

Не всегда лексические замены осуществляются по фонетическому принципу: – *Красота имеет жертв//* (6 л.) (сравн.: *красота требует жертв*); – *В чистоте/ да не в обиде//* (7 л.) (сравн.: *в тесноте, да не в обиде* ‘о тесном, но уютном месте’); – *Мама/ там такой ужас! Там ещё никто не валялся//* (9 л.) (описывая ситуацию затяжного ремонта) (сравн.: *конь ещё не валялся* ‘о чем-либо далеко до завершения’). Как правило, такого рода замены диктуются конкретной ситуацией, и ассоциации могут иметь ярко выраженный индивидуальный характер: – *Проще пареной кошки//* (5 л.) (сравн.: *проще пареной репы*).

Замена одного из элементов фразеологизма может осуществляться по принципу семантической полярности: – *Я на этом буду лежать до конца//* (6 л. 8 м.). В данном случае трансформации подвергается фразеологизм *стоять на своем* в значении ‘проявлять упрямство’. Компонент *стоять* заменяется на семантически противоположный компонент *лежать*. Кроме того, отмечается сокращение исходной конструкции. Рассмотрим еще один пример подобной замены: – *Мамочка/ ты добрее атомной войны//* (7 л.) (сравн.: *страшнее атомной войны* ‘о внешне некрасивом человеке’). Компонент с негативной оценочной коннотацией *страшный* заменяется на компонент *добрый*, реализующий положительное значение. Антонимичность данных лексем проявляется на уровне коннотаций, так как на денотативном уровне противопоставляются качества внешности и характера. Примечательно, что основу нового фразеологизма составляет противоречие, вызванное столкновением двух элементов с противоположными значениями, *добрый* и *атомная война*, последний из которых ассоциируется со злом, так как атомная война вызывает чудовищные последствия в виде разрушений и огромного количества жертв. Подобное семантическое столкновение создает эффект оксюморона. Однако у детей могут возникать совершенно иные ассоциации: компонент *атомная война* усиливает качество, обозначенное прилагательным *добрый* (сравн.: очень добрый).

Преобразование фразеологизмов может также сопровождаться окказиональным словообразованием, что значительно усиливает их экспрессивность: – *Когда я ем/ я глухомэн//* (4 г.) (сравн.: супермен и др.); – *Когда я ем/ я глухоед//* (4 г. 5 м.).

Добавление элементов в структуру узуальных фразеологизмов может привести к определенным изменениям в его семантике. Рассмотрим пример подобного преобразования: – *Мама/ давай побыстрее/ не тяни резину// Мамочка/ ну что ты тянешь резину из папы//* (8 л.). В данном случае мы наблюдаем расширение структуры идиоматического выражения *тянуть резину* в значении ‘медлить, мешкать’ за счет добавления предложного дополнения. Изменение семантики фразеологизма следует из характеристики глагольного действия в аспекте категории переходности / непереходности. В результате подобной трансформации фразеологизм *тянуть резину* реализует значение переходного глагола ‘заставлять ждать кого-либо’.

Еще одной интересной особенностью детского творчества в области фразеологии является создание контаминированных фразеологизмов. В целом склонность детей к лексической гибридизации проявляется в достаточно раннем возрасте (до 3 лет) и обуславливается особенностями их мышления: всё новое и неизвестное познается через хорошо известное. В данный период контаминация носит характер номинативной деятельности. По мнению Т. Н. Ушаковой, в детском сознании слова соотносятся по разным принципам, из числа которых ведущая роль отводится именно семантическим связям [6, с. 69]. Данное утверждение подкрепляет и проведенное нами исследование контаминированных окказионализмов из речи дошкольников, в результате которого было установлено, что в подавляющем большинстве случаев понятия соотносятся по принципу семантической тождественности и представляют собой совмещение начала первой основы и конца второй: *жираблюд* (жираф + верблюд) (3 г.), *пиндюк* (пингвин + индюк) (3 г.), *фонары* (фонарь + фары) (3 г. 5 м.), *безумительно* (безумно + изумительно) (4 г. 2 м.), *безбардак* (беспорядок + бардак) (4 г.), *пропоздать* (пропустить + опоздать) (4 г. 2 м.), *средельник* (среда + понедельник) (5 л.), *полицейонер* (полицейский + милиционер) (6 л.), *болтабесничать* (болтать + балбесничать) (6–7 л.) [4, с. 50]. Подобная тенденция сохраняется в области фразеологии: – *Чтобы играть в эту игру/ нужно иметь мозги на плечах*// (4 г. 6 м.) (сравн.: *иметь мозги* и *иметь голову на плечах* в значении ‘быть умным, уметь рассуждать’); – *У меня волосы стьнут в жилах*// (4 г. 10 м.) (сравн.: *волосы дыбом* и *кровь стьнет в жилах* в значении ‘испытывать страх, бояться’); – *Не валяйте чепуху*// (5 л.) (сравн.: *валять дурака* в значении ‘придуриваться, дурачиться, паясничать’ и *городить чепуху* в значении ‘говорить неправду’). Подобная особенность детского словотворчества отмечается также в работах С. Н. Цейтлин: *выбиться из кожи* (сравн.: *выбиться из сил* и *лезть из кожи*); *расположить кого-то в свою сторону* (сравн.: *расположить к себе* и *привлечь на свою сторону*); *ходить на струночках* (сравн.: *ходить по струнке* и *ходить на цыпочках*) [7, с. 206].

Нередко дети прибегают к парафразу идиоматического выражения с полным или частичным сохранением его семантики. При этом модификации фразеологизмов могут обуславливаться конкретной речевой ситуацией либо индивидуальными ассоциациями: – *Дорогу переходит ходящий*// (3 г.) (сравн.: *дорогу осилит идущий*); – *Переместитесь в мои мозги*// (4 г.) (сравн.: *поставить себя на чье-либо место*); – *Когда я глухоем/ за столом никто не разговаривает*// (4 г. 9 м.) (сравн.: *когда я ем, я глух и нем*); – *Будем спать с отбитыми ногами*// (5 л. 3 м.) (сравн.: *спать без задних ног*); – *Сначала дело/ потом аттракционы*// (6 л.) (сравн.: *делу время, потехе час*); – *Мама/ у тебя горло болит? – Болит// – А температура какая? – 37.9// – Ничего/ до осени доживешь*// (6 л.) (сравн.: *до свадьбы заживет*) и др.

Начиная со старшего дошкольного возраста, у детей отмечается особая тяга к переиначиванию паремий. Это объясняется тем, что подобные выражения обобщают социально-исторический опыт народа и имеют ярко выраженный дидактический характер. Сформулированные в виде пословиц и поговорок правила подвергаются критическому анализу со стороны детей и трактуются по-новому в соответствии с имеющимися у них знаниями. При этом трансформации подвергается, как правило, вторая часть паремии, которая связана с первой условно-следственными, каузально-следственными, каузально-временными, каузально-сравнительными, уступительно-следственными и иного рода отношениями: – *Тише едешь/ больше бензина в баке останется*// (5 л.); – *Глаза боятся/ а ноги бегут*// (7 л.); – *Глаза боятся/ а рот говорит*// (7 л.); – *Век живи/ век страдай*// (7 л.); – *Скучен день до вечера/ коли б не язык*// (7 л.); – *Встречают по одежке/ а провожают по обуви*// (8 л.); – *Встречают по одежке/ а провожают по кличке*// (8 л.); – *Любишь кататься/ люби и убираться*// (8 л.); – *Любишь кататься/ люби и дожждаться*//; – *Видит око/ да зуб шатается*// (8 л.); – *Вместе тесно/ а врозь широко*// (9 л.); – *Кто не рискует/ тот не ест мороженое*// (10 л.) и др. Из данных примеров видно, что некоторые трансформации обусловлены сугубо личными переживаниями: – *Видит око/ да зуб шатается*//. Следует

также отметить и возможное стремление к рифме: – *Любишь кататься/ люби и убираться//*; – *Любишь кататься/ люби и дожждаться//*.

По аналогии с узуальными дети могут создавать и свои собственные паремии. По сути, это их личные умозаключения, основанные на индивидуальном жизненном опыте: – *Кто спасибо сказать забывает/ того тиграм на обед отправляют//* (3 г.); – *Кто лук поедает/ тот совесть не теряет// Вот смотри/ мам/ ты лук любишь? – Нет// – Поэтому и совести у тебя нет//* (5 л.); – *В школу ходить/ оценкам вредит//*; – *Я скоро в школу пойду// – Да пока ты пойдешь/ мне скоро девять лет будет// – И что/ жениться будешь? – Человек без жены/ что дерево без гусеницы//* (7 л.); – *Мама/ я сегодня поняла// – Что? – Ну/ вот/ говорят/ собака/ друг человека// А я поняла/ что книга/ друг ума//* (8 л.) и др. Некоторые из представленных индивидуально-авторских паремий наделены ярко выраженной тропеической образностью. Например, можно отметить случаи уподобления неживого объекта человеку (книга – друг ума), человека – объекту растительного и животного мира (мужчина – дерево, женщина – гусеница).

Таким образом, освоение детьми фразеологии представляет собой активный и творческий процесс, отражающий основные особенности речевого становления в целом: поиск внутренней формы, познание неизвестного через известное, сближение слов по принципу фонетического или семантического тождества, семантическое противопоставление, семантическая генерализация, образование по аналогии и др. – всё это обуславливает возможные трансформации узуальных фразеологизмов (лексические замены, вставки, парафраз и т. д.). По мере речевого развития меняется характер речевого творчества, которое проявляется в осознанном продуцировании фразеологизмов и паремий, в том числе и наделенных тропеической образностью. Подобные высказывания отражают особенности детского мировосприятия во всем многообразии связей и отношений между объектами и явлениями окружающей действительности.

Список использованных источников

1. Шахнарович, А. М. К проблеме понимания метафоры / А. М. Шахнарович, Н. М. Юрьева // *Метафора в языке и тексте* / [В. Г. Гак и др.]; отв. ред. В. Н. Телия ; АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1988. – С. 108–118.
2. Елисеева, М. Б. Фонетическое и лексическое развитие ребёнка раннего возраста / М. Б. Елисеева. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. – 172 с.
3. Шабалина, О. В. Структура и функционирование метафоры в детской речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. В. Шабалина ; Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2007. – 21 с.
4. Ковалевич, И. О. Русское окказиональное словопроизводство в речи детей и взрослых (сравнительно-сопоставительный аспект) / И. О. Ковалевич, О. И. Ревуцкий. – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2017. – 182 с.
5. Бестугина, Ю. В. Фразеология в речи дошкольников : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ю. В. Бестугина ; Иван. гос. ун-т. – Иваново, 2005. – 23 с.
6. Ушакова, Т. Н. О механизмах детского словотворчества / Т. Н. Ушакова // *Вопросы психологии*. – 1969. – № 1. – С. 62–73.
7. Цейтлин, С. Н. Язык и ребёнок: лингвистика детской речи / С. Н. Цейтлин. – М. : Владос, 2000. – 240 с.

The article is devoted to the study of the peculiarities of the functioning of phraseologisms in preschool and school children's speech in the context of the development of creativity and image thinking. The article presents the analysis of the ways and directions of the transformation of usual phraseologisms and proverbs in accordance with the mechanisms of speech formation.

Keywords: phraseologism, proverb, transformation, creativity, imagery.

В. И. Коваль

**ЧЕРНАЯ ДЫРА: ОТ ТЕРМИНА К ФРАЗЕОЛОГИЗМУ
(по данным Национального корпуса русского языка)**

Рассматривается явление детерминологизации составного астрофизического термина «черная дыра» и приобретение им статуса фразеологической единицы. Используются материалы интернет-ресурса «Национальный корпус русского языка», позволяющие выявить в данном словосочетании потенциальные негативно маркированные семы, формирующие соответствующую семантику фразеологизма. Определяются особенности употребления фразеологизма «черная дыра» в художественных и публицистических текстах.

Ключевые слова: черная дыра, термин, детерминологизация, фразеологизм, семантика, употребление.

Словосочетание *черная дыра* как составной астрофизический термин употребляется в значении ‘сгусток звездного вещества, степень сжатия и степень тяготения которого таковы, что не выпускают в космическое пространство никаких частиц и световых волн’ [1, с. 292]. Автор данного термина, согласно сведениям, содержащимся в популярной энциклопедии «Википедия», не известен, однако само наименование *черная дыра* впервые было употреблено американским физиком-теоретиком Джоном Уилером в лекции «Наша Вселенная: известное и неизвестное», прочитанной им в декабре 1967 года. Первое в истории астрономических наблюдений изображение черной дыры, находящейся в созвездии Девы, было получено специалистами 10 апреля 2019 года [2]. При помощи космического телескопа «Хаббл» было установлено, что обнаруженные в космосе черные дыры постоянно вращаются с огромной скоростью – около 1,6 млн. км/ч [3].

Определение *черная* употребляется в данном случае в связи с тем, что мощное гравитационное поле этого космического объекта поглощает окружающие ее световые частицы, из-за чего образуется темная область, не выпускающая из себя свет: *Черная дыра – это место в космосе, где гравитация действует настолько сильно, что даже свет не может его покинуть. Поскольку никакой свет не может покинуть черную дыру, люди не могут ее видеть* [4].

Обращение к интернет-ресурсу «Национальный корпус русского языка» (www.ruscorpora.ru) позволяет выявить опубликованные в литературно-художественных и периодических изданиях фрагменты текстов, содержащие такие характеристики черных дыр, как «втягивание» и «захватывание», «уничтожение»: *В настоящее время космологи много говорят о так называемых черных дырах, которые втягивают в себя все и вся* (С. Николаев. Горизонты науки и техники. «Вселенский мозг» Андрея Линде // Юный техник, 2010); *Это – объект настолько большой массы, что из поля его притяжения не может вырваться никакое излучение, и потому «чёрная дыра», жадно захватывая всё окрест себя, сама остаётся в принципе невидимой* (С. Лесков. Не спасутся даже черти. Создана еще одна теория о конце света // «Известия», 2002.06.14). Названные негативно маркированные характеристики черных дыр, ассоциирующиеся с исчезновением, гибелью, а значит – со смертью, дают основание отождествлять эти космические объекты с могилой: *Черная дыра – это невидимый, но сильно гравитирующий объект, который притягивает к себе все, что к ней приближается. Радиус окрестностей, которые становятся своего рода могилой для всего, что в них попадает, прямо пропорционально связан с массой черной дыры. Поэтому если мы знаем массу черной дыры, то мы точно знаем, на какое расстояние к ней нельзя приближаться, чтобы в нее не свалиться* [5].

Приведенный материал однозначно указывает на то, что научный термин *черная дыра* имеет несвойственную большинству специальных наименований ярко выраженную негативную эмоциональную окраску, поскольку обозначает нечто губительное, разрушительное, смертоносное. Кроме того, переносные значения входящих в состав этого термина слов-компонентов также находятся в сфере негативных представлений: *дыра* 'рваное место, прореха (в одежде, обуви)'; 'глухой, удаленный от центров культуры город, село; захолустье'; 'о нехватке, отсутствии чего-либо (в хозяйстве, бюджете)'; *дыра в голове, с дырой в голове* 'о глупом, бестолковом или забывчивом человеке' [1, с. 292]; *черный* 'предосудительный, низкий, коварный, подлый' (*черные замыслы, черная зависть*); 'мрачный, безрадостный' (*черные мысли*); 'колдовской, магический, связанный с нечистой силой' (*черная магия*); 'очень плохой, крайне отрицательный' (*представлять всё в черном свете*) [1, с. 1474].

Дальнейшее функционирование астрофизического термина *черная дыра*, обусловленное его экспрессивным потенциалом, проявляется в значительном расширении сферы его использования. Прежде всего, рассматриваемый астрофизический термин (как и многие другие составные технические термины) в процессе детерминологизации, выступающей «в качестве основного способа семантической деривации термина» [6, с. 88], выходит за пределы научного стиля. По образному замечанию Л. К. Граудиной, в таком случае происходит «процесс миграции термина из одного стиля в другой», причем «в новой стилистической среде <...> развиваются его потенциальные возможности» [7, с. 35]. На следующей стадии происходит фразеологизация термина *черная дыра*, в результате чего он приобретает такие характерные свойства устойчивого словосочетания, как идиоматичность, устойчивость, оценочность и воспроизводимость.

Описанное явление – фразеологизация словосочетания в результате его детерминологизации – иллюстрирует устойчивую общезыковую закономерность, в соответствии с которой «фразеологизируются составные термины, принадлежащие к различным терминотемам, но явное предпочтение отдается терминам техники и точных наук» [8, с. 7].

Поскольку в семантике терминологического словосочетания *черная дыра* выделяется прежде всего сема локальности («место в космосе», «космический объект»), образованные на его базе фразеологизмы, употребляющиеся в художественных и публицистических текстах, обозначают некоторое враждебное, «губительное» пространство, в котором безвозвратно исчезают либо конкретные предметы, либо (чаще всего) значительные финансовые средства:

– гостиничный номер: *Света жила в одном номере с Капризулей и Катей. Не номер, а черная дыра. У них пропадали трусы, фотоаппараты, сережки, купальники...* (М. Трауб. Не вся la vie);

– конкретный населенный пункт: *Другая «черная дыра» – Зеленоград, но здесь причина уже в огромной удаленности от Москвы* (Есть ли жизнь за МКАД? // «Мир & Дом. City», 2003.07.15);

– регион: *Тверская область вообще имеет плохую репутацию: регион с разваленной экономикой, коррумпированный, своеобразная «черная дыра» недалеко от Москвы* (Е. Иванченко. Отсчет утопленников // «Вслух о...», 2003.08.04);

– субъект Российской Федерации: *Но в Чечне прошел референдум, появилась надежда на то, что мрачное время убийств, терактов, разрушений и разговоров о том, что республика – это «черная дыра», все-таки закончится* (Н. Меликова. По нашим материалам возбуждено 50 уголовных дел // «Независимая газета», 2003.03.31);

– нефтяные компании: *Гигантский национализированный «Юкос» в руках бездельников и воров очень скоро превратится в огрызок, где закрываются одна за другой погубленные скважины, увлакиваются в «чёрную дыру» инвестиции, царят воровство и бесхозность* (А. Проханов. Как Ходорковскому пролезть сквозь игольное ушко // «Завтра», 2003.08.06); *МВФ требует разобраться с гигантским дефицитом*

компании «Нафтогаз», которая задорого и за доллары покупает газ в России, но дешево и за гривны продает его потребителям. В результате **образовалась гигантская черная дыра**. «Нафтогаз» всегда был потайным карманом украинской власти, из которого политики и приближенные олигархи таскали деньги на свои нужды (П. Шеремет. Дожить до транша // «Огонек», 2015).

С двумя последними иллюстративными контекстами соотносятся представления об отождествлении с черными дырами некоторых убыточных, неэффективно функционирующих сфер народного хозяйства России: *Может быть, техника еще как-то радуется глаз в каких-нибудь аспектах, которые мне неизвестны. Но в культуре, по-моему, царит абсолютно черная дыра* (А. Б. Сальников. Отдел // «Волга», 2015); *Затем он внезапно переключился на совершенно другую тему, заявив, что наше сельское хозяйство словно черная дыра* (Б. Грищенко. Посторонний в Кремле); *Рыбная отрасль – это черная дыра российской экономики даже на общем не самом стерильном фоне* (М. Леонтьев. За рыбу – деньги! // «Однако», 2009).

Фразеологизм *черная дыра* в некоторых случаях употребляется также для обозначения негативно осмысливаемого промежутка времени (временного «провала»): *Да, вчерашний день лепился из кусочков, но все-таки тревога не покидала директора Варьете. Дело в том, что в этом вчерашнем дне зияла преогромная черная дыра. Вот этого самого незнакомца в берете, воля ваша, Степа в своем кабинете вчера никак не видал* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита); *И никак она не могла поверить, что жизни той было им отпущено всего ничего: несколько недель, если не считать их встречи на острове да еще той черной дыры – той разлуки, в которую они, дураки несчастные, сами прыгнули, как в звериную ловушку* (Д. Рубина. Русская канарейка. Блудный сын).

Рассматриваемый фразеологизм может использоваться для характеристики еще более отвлеченного понятия – всесилы власти, «затягивающей», словно черная дыра, облеченных этой властью людей: *Но я не понимаю человека, наделенного высшей властью, сама по себе **власть для меня чёрная дыра** какая-то* (Е. Чижов. Перевод с подстрочника); *Ответ будет краток: **черная дыра властолюбия** буквально всосала в себя Александра Павловича* (А. Архангельский. Александр I).

С разрушительной энергией черной дыры ассоциируется, наконец, геополитическая ситуация – исчезновение Советского Союза: *После распада СССР возникла, по сути, **черная дыра**, в которой ничего не формировалось, не создавалось, а только разворовывалось последнее, и я понял, что просто наблюдать больше нельзя, нужно что-то делать* (Моя поляна // «Народное творчество», 2004.08.16).

Приведенный материал позволяет предварительно сформулировать имеющую эмоционально-экспрессивную окраску семантику фразеологизма *черная дыра*, образованного на основе терминологического словосочетания *черная дыра*: ‘негативно осмысливаемый объект – помещение, организация, учреждение; пространственное или временное понятие, социальная сфера или явление, безвозвратно «поглощающие» позитивно маркированные предметы, явления и состояния’.

Список использованных источников

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.
2. Черная дыра. Материал из Википедии – свободной энциклопедии [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki>. – Дата доступа : 19.10.2020.
3. Черные дыры – коридоры времени [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://zhitanska.com/content/chernye-dyru-koridory-vremeni>. – Дата доступа : 21.10.2020.
4. Что такое черные дыры простыми словами [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://zen.yandex.ru/media/id>. – Дата доступа : 20.10.2020.

5. Ольга Сильченко: «Черные дыры – это нечто первичное во Вселенной» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://postnauka.ru/talks/101611>. – Дата доступа: 23.10.2020.

6. Никонова, М. Н. Детерминологизация техницизмов в современном русском языке / М. Н. Никонова // Гуманитарные исследования. – 2013. – № 1. – С. 87–89.

7. Граудина, Л. К. Семантические преобразования языковых единиц в пограничных зонах литературного языка / Л. К. Граудина // Русские языковые значения в функциональном и эстетическом аспектах. Виноградовские чтения XIV–XV. – М., 1987. – С. 33–47.

8. Ермакова, О. Л. Фразеологические единицы современного русского языка, восходящие к составным терминам: состав и функционирование : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Томск. гос. ун-т / О. Л. Ермакова. – Томск, 1989. – 19 с.

The phenomenon of determinologization of the composite astrophysical term black hole and its acquisition of the status of a phraseological unit is considered. The materials of the Internet resource «Russian National Corpus» are used to identify potential negatively marked semes in this phrase that form the corresponding semantics of phraseology. The features of the use of the phraseology black hole in artistic and journalistic texts are determined.

Keywords: black hole, term, determinologization, phraseologism, semantics, usage.

УДК 811.161.1'374'373.23:398.9(=161.1)

М. Л. Ковшова

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА И ЛЕКСИКОГРАФИЯ: СЛОВАРЬ АНТРОПОНИМОВ В РУССКИХ ПАРЕМИЯХ И ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

В статье на материале «Словаря собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах» излагается лексикографический принцип проверки важнейших теоретических положений в области ономастики, паремиологии и фразеологии. Лексикографический формат позволяет обосновать роль онимов в категоризации и типизации действительности, подтвердить факт культурной референции собственных имен, представить паремическую и фразеологическую картину мира «в лицах» во всем ее разнообразии.

Ключевые слова: антропонимы, загадки, пословицы, фразеологизмы, функции, формы, смыслы культуры, словарь.

Введение

В традиции филологических словарей, посвященных лексикографии собственных имен, описывать типы онимов, их состав, формы, структуры, приводить этимологию, отмечать функции и особенности употребления онимов в контексте; см., например [1; 2; 3; 4]. В новом словаре собственных имен [5] впервые внимание сосредоточено на антропонимах, которые входят компонентами в состав паремийных жанров фольклора (загадок и пословиц) и фразеологических знаков языка (идиом, коллокаций, фразем, крылатых выражений). В паремиях и фразеологизмах мир изображен с антропоцентрических позиций [8]; онимы еще больше усиливают этот «фокус» видения мира. Фольклорные и языковые выражения с антропонимами в их составе выделяются, как выделяется человек из толпы. Онимы в паремиях и фразеологизмах создают атмосферу театральности, оживляют воображение, добавляют экспрессивности, настраивают на активное восприятие образов, на самоидентификацию. При этом и в паремических знаках, и во фразеологизмах антропонимы могут: 1) использоваться в «строительных», вспомогательных, целях; 2) быть «говорящими» именами; 3) служить «сжатыми» текстами культуры, передавать связанную с этими именами устойчивую информацию, идущую из разных «пластов» – мифологии, религии, истории, литературы.

Настоящий словарь собственных имен в русских поговорках и идиомах «сводит воедино» вопросы лексикографии данного языкового материала и важнейшие теоретические вопросы в области ономастики, паремииологии и фразеологии. В задачи исследования входило «перевести» теоретические вопросы в лексикографический «формат» и проверить теорию лексикографией.

Теория и словарь: точки взаимодействия

Лингвистический анализ онимов, паремий и фразеологизмов [6] проводился параллельно с разработкой и созданием словаря. Описание в словаре при этом шло от материала, взятого во всей полноте, со ссылками на многочисленные сборники загадок, словари пословиц и поговорок, все известные фразеологические словари. Исследователю и составителю словаря оставалось лишь чутко прислушиваться к тому «диалогу», что «вели» между собой различные теоретические положения и разнообразный языковой материал, который важно было расположить в словаре согласно его онтологии. Состоявшееся «равновесие» между вопросами теории и лексикографией позволяет делать следующие утверждения.

В составе загадок, пословиц и фразеологизмов онимы, как правило, не выполняют свое языковое назначение – называть и выделять индивида, осуществлять функции конкретной референции и идентификации и др. Будучи по своим свойствам несемантическими знаками языка, антропонимы в поговорках и фразеологизмах осуществляют другие функции, формальные и содержательные: используются как «строительный» материал, обеспечивая рифму, ритм и размер в тексте; служат обобщению, типизации и характеристике объектов, «собирая» их в определенный класс предметов (в загадках) или социальный тип (в пословицах и фразеологизмах). Представление онимов в словаре обуславливается жанровыми и знаковыми особенностями поговорок и фразеологизмов. Оним в загадках легко выделяется, чтобы послужить заголовочным словом в словарной статье, и это объяснимо: собственное имя локализует загаданный денотат в определенной структуре традиционной загадки, является организующим центром, вокруг которого строится описание предмета; кроме того, оним часто является подсказкой (н-р, *дед Коптел* про чугунный горшок, *царь Криканид* про петуха, *братья Гладыньские* про гладкие гири стенных часов и др.). Онимы в пословицах также легко вычлениваются из текста, чтобы занять позицию заголовочного слова в словарной статье, но по другим причинам. Пословицы с онимами представляют собой сценки из народной жизни; тот или иной персонаж носит имя как поведенческую маску и играет свою определенную роль в том «социальном театре», что разыгрывается в пословицах (сравн. *Марья, Иван, Яков, Фома, Ерёма* и др.). Во фразеологизмах, напротив, собственные имена «яростно сопротивляются» их вычленению, прежде всего из идиом, что обусловлено языковой спецификой семантически целостного знака. При этом труднее всего вывести в заголовочную позицию обычные антропонимы, поскольку они 1) целиком вовлечены в создание образно мотивированного значения фразеологизма; 2) в основном, употребляются в областной, жаргонной или просторечной фразеологии и не могут служить «индексом» к фразеологизму. Так, имя *Ефрем* ни о чем не говорит языковому сознанию обычного носителя, который не знает областную идиому *Ефрем ушастый*; поэтому имя *Ефрем* трудно «вывести» из идиомы, в отличие, например, от имени *Емеля*, которое, вследствие знания сказок и пословиц, сразу «приводит по адресу» к фразеологизму *мели, Емеля*. При описании фразеологизмов легче выделяются в заголовочное имя прецедентные имена: агонимы, мифонимы, хрононимы, исторические и литературные имена, а также фольклорные онимы, и это объяснимо: они пришли из известных текстов культуры и послужили мотивирующим основанием образной семантики фразеологических единиц (н-р, *Кощей, Диоген, Иван Сусанин, папа Карло, Фома* и др.). По данным словарного исследования можно также утверждать, что русские традиционные загадки и пословицы являются моноэтнокультурными знаками – они «взросли»

на исключительно народной крестьянской «почве», вобравшей в себя религиозные, мифологические, фольклорные образы и социальные типажи, взятые из наблюдения над миром и бытом народа. В отличие от паремий, русские фразеологизмы – изначально полиэтнокультурные знаки. Образы фразеологизмов с антропонимами в их составе возникли в самых разных «слоях» культуры – народной и элитарной (см. об этом также в [7]). Фразеологизмы «взрастали» и на родной почве, и «переносились» с чужой. Можно использовать и другую метафору: фразеология как пестрое лоскутное одеяло «сшито» и продолжает добавляться «лоскутками» из разных слоев и культур, но сам отбор этих «лоскутков» характеризует языковое этническое сознание. Так из своих и чужих, ставших своими, персонажей создается многоликая фразеологическая картина мира: *Адам, Ева, Фигаро, Чемберлен, Диоген, Вася Пупкин, Пандора* и др.; паремическая картина «в лицах» менее пестрая, более цельная и при этом разнообразная по характерам: *Адам, Ева, Иван, Марья, Варвара, Тихон, Федул, Акулина* и др.

Словарь удостоверяет: будучи несемантическим знаком языка, собственное имя (антропоним) в пословицах и фразеологизмах, нацеленных на социальную и поведенческую типизацию, открыто тому, чтобы стать прецедентным именем – именем «воплощенным», связанным с образом конкретного персонажа / человека по широко известному тексту или ситуации. При восприятии прецедентного имени в составе пословиц и фразеологизмов осуществляется апелляция не к денотату, а к связанным с этим именем устойчивым представлениям. В словаре по источникам возникновения четко выделяются типы прецедентных имен: мифонимы, агонимы, исторические онимы, литературно-художественные онимы. Словарь позволяет также говорить о фольклорных прецедентных именах (*Ерёма, Емеля, Афоня* и др.). Тем самым, словарь обосновывает базовое положение лингвокультурологии о культурной референции: воспринимая антропоним в составе образных, иносказательных выражений, читатель прочитывает в ониме культурные смыслы, которые он воплощает. Эти смыслы может приобретать в ходе типизации социальных характеров также обычный антропоним или его народная форма (*Федосья, Иван, Ванька, Дунька, Акуля* и др.). Тем самым, собственное имя в паремиях и фразеологизмах является важным звеном в мотивации этих знаков; оним несет в себе смыслы культуры, ее символы, эталоны, мифологемы и т. д. Паремии и фразеологизмы с собственными именами входят в антропонимический код культуры; см. теоретические положения в [6].

Итак, принципы описания собственных имен в Словаре обусловлены знаковыми особенностями антропонимов, их функциями в составе паремий и фразеологизмов и самой спецификой паремий и фразеологизмов как знаков языка и культуры. Теоретические положения о данных знаках репрезентируются и в самой структуре словаря.

Структура словаря и вид словарной статьи

Словарь состоит из трех блоков: I. 1. Собственное имя в загадках. 2. Собственное имя в отгадках. II. Собственное имя в пословицах и поговорках. III. Собственное имя в идиомах. В структуре словарной статьи в каждом блоке есть заголовочная зона, зона иллюстрации, зона шифров; у загадок и фразеологизмов есть также зона семантизации; у пословиц и фразеологизмов есть факультативная зона комментария (исторического и культурологического).

I. Антропонимы в загадках. Статья содержит четыре зоны: заголовочная зона, зона иллюстрации, зона отгадки и зона шифров. Заголовочная зона включает в себя заголовочное слово – основную полную форму собственного имени (в т. ч. искусственного), которое предопределяет заголовочный ряд, т. е. перечень всех форм, что используются в загадках: ЕКАТЕРИНА – Катя, Катька, Катюшка, Катюха. МАМЫРА – Мамыра. Диалектные варианты даются в скобках: ЕФРОСИНЬЯ – Афрося (Офрося). Заголовочное слово может быть по форме составным (МАРИЯ МАГДАЛИНА), состоять из личного имени + эпитета-приложения (СМОТРЯК-ЦАРЬ). Согласно материалу загадок,

в заголовочное слово также выносятся: фамилия естественная или искусственная (ЧЕРВЯКОВ; КУЛЯПИН; ТЕЛЕПЁЖКИН); отчество (ЛУКИЧ; АНДРЕЕВНА); двухкомпонентная формула «имя+отчество» с дуплетными формами (КУРНИЛ КУРЛИПОВИЧ); полная антропонимическая формула народного имени «имя+отчество+термин родства+народная форма фамилии» (ТЫН ТЫНОВИЧ, СЫН ИВАНОВИЧ). Заголовочным словом могут быть прозвищные женские фамилии или народные формы женских личных имен; н-р: ЕЛИСАВКА – Елисавка. ТАРАСИХА – Тарасиха. Заголовочным словом могут быть народные притяжательные формы мужских имен и фамилий в сочетании с идентификаторами; н-р: ХОЛЕЗОВ – Холезов сын. Под одно заголовочное слово объединяются имена, между которыми имеются незначительные различия, при этом тексты загадок и отгадки совпадают. ПОНУРА – Понура, Понюра. ЧЕРНОДЫРОЙ – Чернодырой, Чернодырый. Сходные имена могут быть заголовочными словами разных статей; в таких случаях дается отсылка. Н-р: РАСЯ – Рася (см. Ася, Вася, Гася). Для облегчения поиска сделаны отсылочные статьи. Н-р: КСЮША см. КСЕНИЯ. ЕРМИШКА см. ЕРМИЛ. АФРОСЯ см. ЕФРОСИНЬЯ. В зоне иллюстрации расположение текстов подчинено совокупности алфавитного принципа порядку перечисления онимов в заголовочной зоне. Далее идут зона отгадки и зона шифров; список источников загадок и шифров указан в предисловии. Сравн. вид словарной статьи в загадках на коротком примере [5, с. 63]:

АНДРОН – Андрон, Андрон Андронович

Деревяшка везёт, костяшка мнёт, а мокрый **Андрон** поворачивает (ложка, зубы, язык во время еды) Р 296

Андрон Андронович сквозь землю проходил, огонь выносил, ничего не зажжёт (мак) С 860, Ми 86

II. Антропонимы в пословицах. Статья содержит четыре зоны: заголовочное слово, зона иллюстрации, зона комментария, зона шифров. В заголовочной зоне по порядку приводятся формы и структуры онима, которые есть в русских пословицах. Заголовочный ряд начинается прямой формой личного имени; далее идут преобразованные, в том числе народные, формы; отчество; таутонимы, «имя+отчество»; «имя+фамилия»; «имя+отчество+фамилия»; притяжательные формы; апеллятивы; апеллятивы-дериваты (если есть). В конце заголовочного ряда в скобках указывается кодифицированная форма; н-р: ЕВДОКИЯ, ЕВДОКЕЯ, ЕВДОКЕЮШКА, АВДОТЪЯ, ДУНЯ, ДУНЬКА (ЕВДОКИЯ). В качестве полной формы могут указываться альтернативные онимы, если в тексте пословицы дана преобразованная форма, отвечающая не одному имени, а двум и даже трем именам; н-р: МИНЯ (ВЕНИАМИН, или МИНА, или МИХАИЛ). Зона иллюстрации подчинена комплексному соблюдению трех принципов: 1) принцип перечисления пословиц по порядку употребления в них форм из заголовочного ряда, 2) грамматический принцип (приоритетной в пословицах выступает инициальная позиция онима в Им. п. ед. ч. или в обращении), 3) принцип побуквенного расположения текстов. Это позволяет сосредоточить внимание на ониме, его формах, структурах и позициях в пословицах и поговорках. Зону иллюстрации дополняет (по необходимости) зона комментария, каждую иллюстрацию завершает зона шифров. Приведем частично словарную статью [5, с. 187–188]:

ФЕДОСЬЯ, ФЕНЯ (ФЕДОСЬЯ, ФЕОДОСИЯ)

Бедная **Федосья** наотъелося колосья (29 мая по ст.ст. св. Феодосии колосьяницы. Пока не испечён хлеб, люди голодные) АН 355, М 942

Гостья **Федосья!** Сиди на печи да жуй калачи! Д 616

Щиплет **Федосья** чужие колосья, а прибыли нет АН 334

На кого пёня, что **Феня**, брал бы **Федосью** (пёня – от пенять, т. е. указывать, винить кого-л.) М 943

Можно заметить, что в загадках полная форма дается в начале заголовочного ряда; сравн.: **КУЗЬМА** – Кузьма, Кузёмка [5, с. 90]; тем самым, в словаре наглядно показано, что оним в загадке представляет собой «строительный» материал, из которого «лепят» форму для обеспечения рифмы и ритма. В пословицах, напротив, перечисляются все разнообразные формы онима, и в завершение, в скобках, указывается полная форма, к которой другие сводятся. Это показывает персонажа во всех его социальных ролях и типовых позициях. Сравн.: **КУЗЬМА, КОЗЬМА, КУЗЯ, КУЗЕНЬКА, КУЗЬМА ПЕТРОВИЧ, КУЗЬКИНА, подкузьмить, прокузьмиться** (КУЗЬМА, КОСМА) [5, с. 160].

Забегая вперед, скажем, что в идиомах заголовочная зона наглядно демонстрирует то, что идиомы – материал «штучный»; общая заголовочная позиция служит лишь для облегчения поиска единицы, чем связывает по семантике фразеологизмы с одним именем (его разными формами). Сравн. [5, с. 272]:

КУЗЬМА см. **ОВОА, ВОЛОДЯ**

ВРОДЕ ВОЛОДИ [НАПОДОБИЕ КУЗЬМЫ]

КУЗЬКИНА МАТЬ

III. Антропонимы в идиомах. Собственное имя в идиомах описывается в мега-статье, состоящей из трех зон: заголовочное слово (заголовочный ряд), зона отсылок, зона словарных статей. Третья зона собственно словарной статьи включает свои, внутренние, пять зон – зона вокабулы, зона стилистически-функциональных помет, зона толкования (семантизации), зона иллюстрации, зона комментария. При перечне онимов в заголовочном ряду принят алфавитный принцип, последовательность слов определяется побуквенно. В заголовочной зоне разные формы онима «собираются» под одно полное имя, данное в скобках; н-р: **МАНЬКА, МАРУСЯ, МАША, МАШКА** (Мария). **МАТРЕ́НА, МАТРЕ́ХА, МОТЯ** (Матрёна). Сравн., например: Под одной «шапкой», например **КОНДРАТ** (Кондрат): *брат-кондрат*. У мифонимов и искусственных имен (антропоидов) полная форма в скобках не указывается; сравн.: **ЗАГИБ ИВАНОВИЧ. ПЫРЬКА. КОНДРАШКА**. Возможные варианты такого онима даются лишь в зоне вокабулы самого фразеологизма; сравн.: *хватил / хватит кондрашка <Кондрашка; Кондратий; Кондратий Иванович>*. Зона отсылок помогает найти нужную единицу; н-р: **АЛИСА** см. **ЛИСА АЛИСА. РОМЕО** см. **ДЖУЛЬЕТТА. СИДОРОВ** см. **ИВАНОВ**. Третья зона начинается с зоны вокабулы конкретной идиомы, которая представлена в лемматизированной форме лексико-грамматических, экспрессивных, стилистических вариантов; при перечислении аспектуально-видовых форм используется принцип гнездования; сравн.: [*Как*] *Покрывало Изиды*. – ‘Сокровенное знание, скрытая истина’. *Сорвать <приподнять> покрывало Изиды. Заглянуть под покрывало Изиды*. – ‘Раскрыть тайну, узнать истину’. *Покрывало Изиды спадёт*. – ‘Тайна исчезнет’. Факультативные компоненты даны в квадратных скобках; лексические и грамматические варианты – в угловых скобках. Обычным шрифтом даны слова-сопроводители: *Как у Христа за пазухой <в запазухе> быть, находиться, чувствовать себя; жить*. Чтобы избежать графической амфиболии, или двойственности, при прочтении вокабулы, впервые в лексикографической практике вначале указывается апеллятивный вариант; н-р: *сизифов <Сизифов> труд*. Сравн. также: *аредовы <Аредовы> лета <веки>*. Зона функционально-стилистических помет расширена указанием на социально маркированные условия коммуникации – неформальное общение (неформ.); узкосоциальное общение (жарг.). Сравн.: *Гуляй, Ваня*. Неформ. *Егора <арана> заправлять <навесить>*. Жарг. Включены также пометы, указывающие на интенцию говорящего: шутил.; ирон.; бран.; эвф. Впервые вводится помета сет. (фразеологизм, возникший и бытующий в соцсетях); сравн.: [*Будто; Словно; Настоящий*] *Фредди Крюгер*. Сет. Данные зоны, а также важнейшие зоны толкования, иллюстрации и комментария покажем на кратком примере [5, с. 323–324]:

ТЕРЕЗА.

мать <Мать> *Тереза*. Разг. – ‘1. кто. Сердобольный самоотверженный человек, который оказывает помощь всем нуждающимся’. ‘2. что. Спасительная организация’. Обычно с отрицанием или в риторическом вопросе.

1. Надо понимать, что подруга моя М. при этом – не *Мать Тереза*, но близка [Комсомольская правда, 2013.01.11]; – Ну да, ты всегда хочешь как лучше... Тоже мне, *мать Тереза* [Маша Трауб. Ласточ...ка (2012)]; Сергей неожиданно разозлился. Что он, *мать Тереза*? [Влада Валеева. Скорая помощь (2002)]. 2. <...> это два благотворительных общества, такая коллективная *мать Тереза*? [Интернет, 2003.12.28].

Комментарий. *Мать Тереза* – монахиня римской католической церкви, основательница и главная настоятельница «Ордена милосердия», лауреат Нобелевской премии мира. Фразеологизм выполняет функцию эталона отзывчивости, душевного участия, милосердия. В обыденном общении используется, как правило, в ироническом или шутовском контексте.

Заключение

Собственные имена в загадках, пословицах и фразеологизмах по-разному, в зависимости от знаковой специфики паремий и идиом, выполняют важнейшие языковые и культурные функции. Будучи несемантическими знаками языка, они активно участвуют в категоризации и типизации реалий, принимают на себя содержательную функцию, обобщая классы предметов (в загадках) и социальные типы (в пословицах и фразеологизмах). В загадках они статичны, их выбор обусловлен рифмой и ритмом. В пословицах они морфологически пластичны и грамматически подвижны; они служат созданию социальных типажей; превращаются в особое, пословичное, прецедентное имя. Во фразеологизмах антропонимический компонент кодирует мифологемы, стереотипы, эталоны, символы; выполняет функцию табуирования и эвфемизации. Прецедентные имена привносят в семантику знака культурные коннотации, являются «знаком в знаке». Лингвистическое и лексикографическое исследование онимов в паремиях и фразеологизмах позволяет создать «проекцию» теоретических вопросов на «язык» словаря, который уточнил и удостоверил гипотезы современной теории языка: о роли онимов в культуре; о знаковой специфике онимов, паремий, фразеологизмов; о феномене прецедентности; о культурной референции и кодах культуры.

Список использованных источников

1. Суперанская, А. В. Словарь народных форм русских имен / А. В. Суперанская. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2017. – 368 с.
2. Гудков, Д. Б. Люди и звери. Русские прецедентные имена и зоонимы в национальном мифе. Лингвокультурологический словарь / Д. Б. Гудков. – М. : ЛЕНАНД, 2019. – 200 с.
3. Григорьев, В. П. Собственное имя в русской поэзии XX века. Словарь личных имен / В. П. Григорьев, Л. И. Колодяжная, Л. Л. Шестакова. – М. : Азбуковник, 2005. – 448 с.
4. Калыгин, В. П. Этимологический словарь кельтских теонимов / В. П. Калыгин. – М. : Наука, 2006. – 183 с.
5. Ковшова, М. Л. Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах / М. Л. Ковшова. – М. : ЛЕНАНД, 2019. – 352 с.
6. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры / М. Л. Ковшова. – М. : ЛЕНАНД, 2019. – 400 с.
7. Дядечко, Л. П. Имена в пословицах и крылатых фразах (к проблеме разграничения народной и элитарной лингвокультур) / Л. П. Дядечко // Имињата и фразеологијата. Имена и фразеология. Материалы конференции 21–23 апреля 2017 г. Универзитет, “Св. Кирил и Методиј” во Скопје. Филолошки факултет, “Блаже Конески”. – Скопје, 2018. – С. 105–119.
8. Ляшчынская, В. А. Вобраз чалавека ў беларускай фразеалогіі : слоўнік / В. А. Ляшчынская, З. У. Шведава. – Гомель : ГДУ, 2019.

The article deals with verification of significant theoretical considerations in the field of onomastics, paremiology and phraseology by means of lexicographical approach, as applied to the Dictionary of personal names in Russian riddles, proverbs, sayings and idioms. Lexicographical approach shows the role of onyms in categorization and typification of reality, demonstrates cultural reference of proper names and illustrates the variety of paremiological and phraseological world view.

Keywords: anthroponyms, riddles, proverbs, phraseological units, functions, forms, senses of culture, dictionary.

УДК 811'42'371:616.89-008.441:398.92(=161.1):398.92(=161.3)

В. И. Корнакова

СЕМАНТИКО-ДЕНОТАТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «БЕСПОКОЙСТВО, ТРЕВОГА» В РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье исследуется семантико-денотативная структура фразеосемантического поля «беспокойство, тревога» в двух славянских языках – русском и белорусском. В рамках поля выделяются две макрогруппы: «проявления беспокойства, тревоги у человека» и «источники беспокойства, тревоги». Каждая из макрогрупп делится на группы. В сопоставительном аспекте анализируется объем и состав макрогрупп внутри семантического поля и их групп и подгрупп. В целом отмечается сходство семантико-денотативной организации фразеологии, связанной с беспокойством, тревогой, в русском и белорусском языках.

Ключевые слова: фразема; фразеосемантическое поле; семантика беспокойства, тревоги; семантическая группа.

В настоящее время одним из самых популярных подходов к систематизации словаря является полевой подход. Семантическое поле подразделяется на ряд более мелких семантических объединений (макрогруппы, группы, микрогруппы), которые выстраиваются по принципу наличия в них других общих семантических элементов помимо основной интегральной семы. Семантические поля и образующие их макрогруппы, группы отличаются по количественным (объем входящих в группу номинативных единиц) и качественным (характер номинативных единиц) параметрам. Данные параметры напрямую зависят от актуальности связанного с полем понятия для человека. Целью классификации словарного состава языка по полемому принципу является в том числе установление доминантных в плане языкового выражения, а значит, и имеющих большое значение для человека признаков, сторон какого-либо явления и дальнейшего межъязыкового сопоставления и выявления особенностей преломления действительности различными языками.

Для формирования фразеосемантического поля использовался предложенный М. С. Гутовской контрастивно-лексикографический метод [1, с. 34–41]. Фраземы отбирались из одноязычных словарей (Фразеологический словарь русского языка (составитель А. Н. Тихонов) и Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы в двух томах (составитель И. Я. Лепешев) методом сплошной выборки по принципу компонентного анализа цепочки словарных дефиниций. При наличии дифференциальных сем, проявляющихся не более чем за три семантизирующих шага, фразема включалась в состав поля. Материал исследования также уточнялся посредством спорадической выборки фразем из одноязычных толковых и двуязычных словарей. Общий объем исследования составил 138 русских и 246 белорусских фразем с семантикой ‘беспокойство, тревога’.

В составе фразеосемантического поля «беспокойство, тревога» в русском и белорусском языках выделяются две макрогруппы. Первая макрогруппа – «проявления беспокойства, тревоги у человека» – носит субъективный характер. Вторая – «причины беспокойства, тревоги» – представлена единицами, номинирующими как внешние по отношению к человеку, объективные обстоятельства, так и первичные эмоциональные состояния человека, которые в дальнейшем приводят к тревоге и беспокойству.

Удельный вес макрогруппы «**проявление беспокойства, тревоги у человека**» в русском фразеосемантическом поле «беспокойство, тревога» почти в 1,5 раза выше, чем в белорусском: макрогруппа составляет чуть менее половины русского поля и только треть белорусского.

Макрогруппа «проявления беспокойства, тревоги у человека» делится на три группы: «внутреннее эмоциональное состояние человека, испытывающего беспокойство, тревогу»; «внешние проявления беспокойства, тревоги у человека» и «преодоление беспокойства, тревоги».

Большая часть фразем этой макрогруппы (43% в русском и 64% в белорусском языках) номинируют внутреннее эмоциональное состояние человека.

Фраземы, входящие в группу «внутреннее эмоциональное состояние человека, испытывающего беспокойство, тревогу», представляют беспокойство, тревогу как:

а) волнение, нервное напряжение: *с замиранием сердца* ‘испытывая сильное волнение, тревогу’ [2, с. 86], *як (нібы) на (гарачым) вуголлі* ‘у стане крайняга хвалявання, неспакою, трывогі і пад.’ [3, с. 220];

б) чрезмерное переживание по незначительным, преувеличенным поводам: *бура в стакане воды* ‘о сильном возбуждении, горячем споре и т. п. из-за пустяков, по ничтожному поводу’ [2, с. 23], *бура ў шклянцы вады* ‘моцнае хваляванне, шум, спрэчка за дробязных прычын’ [3, с. 155];

в) беспокойство за неясный, потенциально негативный исход чего-либо: *жыць (как) на вулкане* ‘в постоянном беспокойстве, ожидании неприятностей’ [2, с. 40], *сэрца як (чуць) не выскачыць (не выскачыла) у каго* ‘хто-н. непакоіцца, трывожыцца ў чаканні чаго-н. страшнага’ [4, с. 678];

г) неспособность здраво рассуждать в состоянии беспокойства, тревоги: *голова идет (пошла) кругом у кого* ‘2. об утрате способности ясно соображать от множества дел, забот, волнений’ [2, с. 124], *як не свой (свая, свае, сваё)* ‘моцна ўсхваляваны, у стане разгубленасці, распачы, адчаю’ [4, с. 527];

д) беспокойство за кого-либо, заботу о ком-либо: *душа (сердце) болит у кого* ‘о чувстве тревоги, скорби о ком-, чем-л.’ [2, с. 20], *браць да галавы (што)* ‘многа ду-маць пра што-н., непакоючыся і хваляючыся’ [3, с. 138].

Сравнительно небольшая доля фразем (33% в русском и 13% в белорусском языках) описывает внешние физиологические проявления беспокойства, тревоги у человека.

Группа «внешние проявления беспокойства, тревоги у человека» представлена фраземами, обозначающими такие соматические и поведенческие проявления беспокойства, тревоги, как:

а) изменение выражения лица, его цвета: *измениться / перемениться в лице* ‘приобрести другой вид (побледнеть, похудеть и т. п.) или приобрести другое выражение под влиянием болезни, переживаний’ [2, с. 135], *твару няма / не было* ‘хто-н. вельмі бледны ад болю, хвалявання і пад.’ [4, с. 161];

б) изменение речевых характеристик: *не мочь / не уметь связать двух слов* ‘от неумения или волнения, смущения говорить затрудненно, несвязно’ [2, с. 254] (причем в аналогичной белорусской фраземе *двух слоў не звязаць* ‘не магчы выказаць свое думкі’ [3, с. 489] отсутствует семантика беспокойства, тревоги);

в) вербальное выражение чувств: *отвести душу* ‘2. высказать кому-л. то, что наболело; поделиться своими переживаниями’ [2, с. 74], *выліваць душу* ‘шчыра дзяліцца з кім-н., пра тое, што хвалюе, набалела’ [3, с. 245];

г) потеря сознания, слабость: *в глазах темнеет у кого* ‘кому-л. становится дурно, нехорошо от усталости, слабости, волнения’ [2, с. 288], *цямнее / зелянее у вачах у каго, каго / цямнела / пацямнела / пазелянела* у вачах у каго, каго ‘каму-н. становіцца дрэнна, блага (ад хвалявання, слабасці, страху і пад.)’ [4, с. 879];

д) нарушение сна: *спать (или дремать) вполглаза* ‘спать настороженно, тревожно’ [2, с. 38], *спаць адным вокам* ‘вельмі насцярожана, трывожна’ [3, с. 206];

е) затрудненное дыхание: *дух занялся; дыхание занялось* ‘затруднилось, остановилось дыхание (вследствие сильного волнения, при быстром движении и т. п.)’ [2, с. 87], *займае / займала / заняло / зойме дух у каго* ‘каму-н. становіцца цяжка дыхаць (ад хвалявання, перажывання і пад.)’ [3, с. 446];

ж) изменение состояния кожных покровов: *гусиная кожа* ‘кожа, покрытая мелкими пупырышками, появляющимися у человека от холода или нервного возбуждения’ [2, с. 58], *мароз на скуры / на спіне / на целе (прабязгае, ходзіць, дзярэ; прабег, прабязгаў, хадзіў, прайшоў, прадзіраў)* у каго, каго, чыёй ‘у каго-н. узнікае непрыемнае адчуванне ад раптоўнага страху, хвалявання і пад.’ [4, с. 26];

з) учащенное сердцебиение: *сердце закатилось* ‘об учащенном сердцебиении, сменяемом мгновенными остановками (при сильном волнении, испуге и т. д.)’ [2, с. 85] (в белорусском языке фраземы с компонентом *сэрца*, относящиеся к семантическому полю ‘беспокойство, тревога’, обладают более метафорическим значением: сердце выступает не как орган, а как центр сосредоточения эмоций человека: *балець / хварэць душой / сэрцам* ‘моцна перажываць, хвалявацца, трывожыцца за каго-, што-н.’ [3, с. 98], *з заміраннем сэрца* ‘адчуваючы моцнае хваляванне, трывогу (чакаць, сачыць, глядзець і пад.)’ [3, с. 458]);

и) дрожь: *мурашкі бегаюць / прабязгаюць / бягуць на целе / на спіне / на скуры у каго, каго, чым* ‘кто-н. адчувае дрыжкі ад моцнага страху, хвалявання і пад.’ [4, с. 67], *поджилки трясутся* ‘кто-л. испытывает сильный страх, дрожит от испуга, волнения’ [2, с. 202].

Количественная представленность групп, констатирующих наличие тревожных симптомов у человека – «внутреннее эмоциональное состояние человека, испытывающего беспокойство, тревогу», «внешние проявления беспокойства, тревоги у человека», – в несколько раз превышает количество фразем с семантикой обретения человеком спокойствия по окончании состояния тревоги. Полученные данные подтверждают постулат о том, что фразеология пейоративна и называет в основном не норму, а отклонения от нее. Группа «преодоление беспокойства, тревоги» совпадает в обоих языках и составляет 24% в русском и 23% в белорусском языках от общего количества фразем, входящих в состав макрогруппы «проявления беспокойства, тревоги у человека».

Фраземы, входящие в группу «преодоление беспокойства, тревоги», номинируют:

а) положительное воздействие других лиц на человека, испытывающего беспокойство, тревогу: *ласкать надеждой* ‘успокаивать, утешать, внушая надежду’ [2, с. 131]; *прыводзіць у сябе каго* ‘1. прымушаць супакойцца, апамятацца; выводзіць са стану разгубленасці, задуменнасці і пад.’ [4, с. 353];

б) действия самого человека по преодолению состояния беспокойства, тревоги: *льстит себя надеждой* ‘надеяться на что-л., утешать себя надеждой’ [2, с. 139]; *браць сябе у рукі* ‘1. супакойваючыся, дабівацца поўнага самавалодання’ [3, с. 146];

в) устранение внешних проявлений беспокойства, тревоги: *сбавить / понизить тон* ‘начать говорить менее взволнованно, раздраженно или менее вызывающе, заносчиво’ [1, с. 292]; *выпусканне пары* ‘нядоўгае узбуджанае, але супакойлівае рэагаванне на што-н.’ [2, с. 254].

Макрогруппа «источники беспокойства, тревоги» является количественно доминирующей в рамках фразеосемантического поля «беспокойство, тревога». Она

составляет чуть более половины русского поля и две трети белорусского. Фраземы, входящие в состав макрогруппы «источники беспокойства, тревоги», номинируют а) внешние (объективные), б) внутренние (субъективные) причины беспокойства, тревоги и в) устранение причин беспокойства, тревоги.

Группа «внешние факторы беспокойства, тревоги» преобладает в рамках макрогруппы «источники беспокойства, тревоги». Данная группа имеет примерно равную количественную представленность в обоих языках: 78% в русском и белорусском языках.

Фраземы, входящие в состав группы «внешние факторы беспокойства, тревоги», обозначают:

а) опасность, трудность: *дамоклов меч* ‘о постоянно грозящей опасности’ [2, с. 60]; *бочка з порахам* ‘неадступная пагроза, вялікая небяспека’ [3, с. 132];

б) действия источника беспокойства, тревоги: *испортить много крови* ‘доставить кому-л. много беспокойства, причинить неприятности и т. п.’ [2, с. 100]; *як агнём апякло* ‘раптоўна ўразіла, збянтэжыла, напалохала што-н.’ [3, с. 90];

в) действия других людей по привлечению внимания к источнику беспокойства, тревоги: *воздушная тревога* ‘тревога, сигнал об опасности с воздуха, о появлении противника в воздухе’ [2, с. 34]; *біць у званы* ‘настойліва звяртаць усеагульную ўвагу на тое, што выклікае трывогу, заклікаць да барацьбы з якой-н. небяспекай’ [3, с. 109].

В состав группы «внутренние причины беспокойства, тревоги» входят 18% фразем в русском и 16% в белорусском языках от общего количества фразем макрогруппы «источники беспокойства, тревоги». Фраземы в данной группе выражают семантику первичной относительно беспокойства, тревоги эмоции страха: *душа ушла в пятки* ‘о сильном испуге, внезапном страхе’ [2, с. 74]; <усё> *блохі падохлі (памёрлі)* ‘хто-н. страшэнна спалохаўся, адчувае моцны жах’ [3, с. 112].

Доля фразем с семантикой нейтрализации причин беспокойства, тревоги в обоих исследуемых языках относительно невелика. Группа «устранение причин беспокойства, тревоги» составляет 4% русских и 6% белорусских фразем, входящих в макрогруппу «источники беспокойства, тревоги».

Фраземы, входящие в состав группы «устранение причин беспокойства, тревоги», номинируют:

а) избавление от внешних причин беспокойства, тревоги: *с плеч сбросить / стряхнуть / свалить* ‘избавиться, освободиться от чего-л. обременительного, тягостного, неприятного’ [2, с. 198], *з плеч / з плячэй далоў* ‘2. не трэба больш думаць, непакоіцца, абцяжарваць сябе чым-н. (пра вызваленне ад якіх-н. абавязкаў, клопатаў)’ [3, с. 359];

б) действия человека по преодолению причин беспокойства тревоги: *выносіць ногі* ‘уцякаць, знікаць, выратаўваючыся ад небяспекі’ [3, с. 249], *эле / едва ногі унесці / уносіць* ‘с трудом спастиць’ [2, с. 304] (в русской фраземе семантика беспокойства, тревоги выражена менее явно);

в) помощь другого человека в устранении причин беспокойства, тревоги; средства нейтрализации причин беспокойства, тревоги: *арыядніна ніць* ‘сродак выйсці з цяжкага становішча’ [4, с. 135], *ариаднина нить* ‘о чем-либо, помогающем разобраться в сложной обстановке, выйти из затруднительного положения’ [2, с. 13];

г) избавление от внутренних причин беспокойства, тревоги: *збірацца з духам* ‘пераадольваючы страх, няўпэўненасць і пад., адважвацца на што-н.’ [3, с. 479], *собраться с духом* ‘набраться решимости, смелости’ [5].

Семантико-денотативная структура фразеосемантического поля «беспокойство, тревога» в двух рассматриваемых славянских (русский и белорусский) языках в целом похожа. Сходными являются набор макрогрупп («проявления беспокойства, тревоги у человека») и состав их групп и подгрупп. Этот факт объясняется универсальностью феномена беспокойства, тревоги, единой природой человеческого сознания и механизмов отражения действительности в двух близкородственных языках.

Список использованных источников

1. Гутовская, М. С. Контрастивно-лексикографический метод установления составов фразеосемантических полей в сопоставительных лингвокогнитивных исследованиях / М. С. Гутовская // Веснік БДУ. Сер. 4. – 2013. – № 2. – С. 34–41.
2. Фразеологический словарь русского языка : св. 10 000 фразеологизмов / сост. А. Н. Тихонов (рук. авт. кол.) [и др.]. – 4-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз. – Медиа; Дрофа, 2008. – 334 с.
3. Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы. Том 1. А–Л / сост. І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 672 с.
4. Слоўнік фразеалагізмаў беларускай мовы. Том 2. М–Я / сост. І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 704 с.
5. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / гл. ред. С. А. Кузнецов. – Режим доступа : <http://gramota.ru/slovari/info/bts>. — Дата доступа : 01.03.2020.

The article is devoted to the semantic-denotative structure of the phraseosemantic field «anxiety» in two Slavic languages – Russian and Belarusian. Two macrogroups are distinguished within the field: «manifestations of anxiety in humans» and «sources of anxiety». Each of the macrogroups is divided into groups. The volume and composition of macrogroups within the semantic field and their groups and subgroups are analyzed in the comparative aspect. There is the similarity of the semantic-denotative organization of phraseology associated with anxiety in the Russian and Belarusian languages.

Keywords: phraseme; phraseosemantic field; semantics of anxiety; semantic group.

УДК 811.161.2'373.7'371

Ж. В. Краснобаєва-Чорна

АКСІОЛОГІЯ БАЙДУЖОСТІ У ФРАЗЕОЛОГІЇ

У статті визначено особливості інтерпретації градаційного ряду байдужості, репрезентованого фразеологічними одиницями української мови. За основні позиціоновано складники: а) стан емоційної рівноваги; б) відсутність зацікавлення та відсутність зацікавлення до життя, в) відсутність уваги й реакції, г) відсутність емоцій як нечутливості і нечуйності, душевна спустошеність (депресія), зневіра, ґ) відсутність значущості; д) презирство (зневага, нехтування).

Ключові слова: градація, оцінка, семантика, фразеологія.

Проблемі дослідження семантичних, граматичних, структурних, прагмалінгвістичних і дискурсивних особливостей фразеологічних одиниць (далі ФО) із семантикою байдужості присвячені студіювання вітчизняних і закордонних мовознавців. Так, Н. Усачова та К. Хребтова вивчають граматичні категорії фразеологізмів зі значенням стану «байдужості» (рос. безразличия, равнодушия) в російській мові та зауважують, що ці граматичні категорії виражаються аналітично, тобто є морфолого-синтаксичними. Особливості їх функціонування безпосередньо пов'язані з семантичними потенціями ФО – позначити відповідний стан суб'єкта та схарактеризувати його у видо-часовому і модальному планах [1, с. 131]. М. Охріменко зараховує байдужість, разом із спокоєм, до нейтральних емоцій (через фразеосемантичне субполе «Нейтральні емоції») й аналізує ФО з погляду відображення в них особливостей, пов'язаних з культурою і менталітетом народу [2]. А. Довгаль, описуючи семантичну групу «Емоційний стан» у білоруській фразеології [3, с. 45–46], наголошує, що безнадія:

а) визначувана домуванням дієслів із семантикою 'низу' (білорус. *апускаць, вешаць, падаць*); б) призводить до зниження фізичної активності (білорус. *апускаць рукі*) та байдужості (білорус. *падаць духам*). У сфері міжособистісних відносин антиподом байдужості, на думку Я. Волкової та Н. Панченко, є презирство. Дослідники припускають, що нині значення байдужості «переживає процес втрати спільних ознак з інваріантним значенням презирства» [4, с. 185]. Фразеологізми з семантикою байдужості, за С. Лескіною, здатні характеризувати моральні якості особистості оказіонально, в певних ситуаціях, визначуваних «стереоскопічністю» [5, с. 66], тобто присутністю «спостерігача», який оцінює поведінку, вчинки суб'єкта байдужості. Проте нерозв'язаним й дотепер залишається питання інтерпретації аксіологічної шкали байдужості, репрезентованої ФО української мови, що і зумовлює актуальність статті.

Мета статті: визначити специфіку градації байдужості в українській фразеології.

Об'єктом в статті постає стан байдужості людини, предметом – ФО з семантикою байдужості в українській мові. Ілюстративний корпус формують 75 фразеологізмів на позначення байдужості, дібраних шляхом суцільного обстеження з академічного словника фразеологізмів української мови [6], та понад 200 мікроконтекстів їхнього вживання.

Теоретико-методологічною базою слугували праці, присвячені проблемам логіки оцінок (О. Івін [7]), оцінної семантики (О. Вольф [8]), аксіофраземної прагматики (Ж. Краснобаєва-Чорна [9]) та концептуалізації байдужості засобами фразеології (Г. Белобородова [10]).

Дефініційний аналіз лексеми *байдужість* здійснює О. Шибкова й зауважує, що *байдужий* «не є чимось “посередині” між ‘афективний, емоційний’ і ‘фригідний’, крім того, ‘байдужий’ уже містить в собі сему соціальної негативної оцінки» [11, с. 196]. К. Гончар і А. Троцюк визначають *байдужість* (англ. *indifference*) як «стан цілковитої відсутності інтересу чи співчуття, та прояв цього стану людини по відношенню до іншої людини або до якогось предмету» [12, с. 42].

О. Вольф визначає конститутивні ознаки оцінної шкали та вказує на: а) несиметричність між позитивною і негативною зонами, б) несиметричність основної оцінної пари «добре / погано», 3) асиметричність із зрушенням у бік «погано» нейтральної зони – зони байдужого [8, с. 19, 51].

Байдужість, за С. Голубцовим, є оператором кількох неklasичних модальних логік, в яких може виступати як: а) оператор логіки аксіологічних оцінок (оцінка модального вибору) і логіки почуттів (оцінка етичного вибору); б) точка відліку (нуль), межа області забороненого та дозволеного (деонтична логіка), бажаного та небажаного (логіка оптимістичних оцінок), гарного та поганого (логіка абсолютних аксіологічних оцінок), кращого та гіршого (логіка порівняльних аксіологічних оцінок); в) оператор логіки порівняльних епістемічних оцінок (указує на вірогідне нерозрізнення порівнюваних об'єктів оцінки спостерігачем) [13, с. 6–7]. Дослідник зауважує, що байдужістю можна назвати також і стан емоційної рівноваги. Логічна структура дезидеративної оцінки найбільш адекватно представлена через протиставлення двох операторів – ‘бажання’ і ‘байдужості’, з якого предикативний знак висловлювання (ствердження-заперечення) стосується об'єкта оцінки. Концепт «байдужість» належить до «семантичних примітивів», що складають лексикон «мови думки». Примітивність *байдужості* має вторинний характер: вона визначається лише в негативних термінах тієї семантичної системи, в якій виступає як модальний оператор [13, с. 5] (пор., рос. *мало ли, до феньки, до лампочки, до фонаря, один черт, где наша не пропадала*).

Г. Белобородова робить висновок про те, що розташування ФО зі значенням байдужості на аксіологічній шкалі є суб'єктивним, залежить від контексту та здебільшого поширюється на негативний полюс. Байдужість має розпливчасті, нечіткі межі. Оцінній шкалі властива асиметрія та нестабільність. Прояв байдужості як норма не розглядаєть-

ся, відповідно, байдужість не закріплюється за зоною «+». ФО локалізуються в області не-норми, відхилення від неї [14, с. 268].

За основу візьмемо твердження Г. Белобородової «градація байдужості починається з незацікавленості, відсутності емоцій або уваги, посилюється через заперечення важливості та значущості, зростає і закінчується яскраво вираженим відношенням байдужості, що межує з презирством» [14, с. 269], що ґрунтоване на матеріалі російських та англійських ФО-репрезентантів концепту «байдужість». Спробуємо простежити специфіку запропонованого градаційного ряду байдужості в українській фразеології. Аналіз ілюстративної бази дав змогу доопрацювати модель аксіологічної шкали байдужості з виокремленням таких складників:

1) стан емоційної рівноваги (*все одно (рівно)* ('байдуже'); *не горіти і не куритися* ('бути байдужим до чого-небудь')):

⁽¹⁾ *Благообразний дідок був взагалі веселим і балакучим від народження... і йому, мабуть, було **все рівно**, скільки часу він ще просидить в цьому кабінеті* (Григорій Тютюнник);

2) відсутність зацікавлення (*ні гаряче ні зимно* ('кому-небудь все байдуже, немає зацікавлення в чому-небудь')):

⁽²⁾ *Кому «**ні гаряче ні зимно**» від думки про можливість інших, справедливіших або тяжчих форм життя людськості, той краще б не брався до пера, щоб писати «утопію»* (Леся Українка).

Матеріал дослідження засвідчує наявність групи ФО з семантикою 'відсутності зацікавлення до життя' (*ходячий (живий) мрець (мертвець)* ('людина, що втратила інтерес до життя, байдужа до всього'); *світ [білий] закрився (замкнувся)* ('хто-небудь втратив інтерес, став байдужим до життя'); *світ зів'яв* ('хто-небудь втратив інтерес до життя, став байдужим до всього'); *живий труп* ('той, хто позбавлений будь-яких життєвих інтересів, прагнень, бажань; байдужий до всього')):

⁽³⁾ *Не було вже, мабуть, нічого на світі, що могло би вразити бідного Хаїма. Це був **ходячий мертвець*** (Г. Хоткевич);

⁽⁴⁾ *Тут їй тоді й **світ замкнувся**. В тітки тепер живе* (О. Гончар);

⁽⁵⁾ – *А я тебе все ... чекала, ... **світ** мені **зів'яв*** (М. Коцюбинський);

⁽⁶⁾ *Досить підсікти надії – отой неясний берег сподівань, що завжди манить і дурить, як людина стає **живим трупом*** (М. Стельмах);

3) відсутність уваги й реакції (*хоч би (тобі] бровою (вусом) моргнув* ('не звертає уваги хто-небудь, ніяк не реагує на щось; байдужий, спокійний'); *[і] вухом не вести / не повести* (2) ('зовсім не звертати уваги, не реагувати, не зважати на що-небудь')):

⁽⁷⁾ – *Дівчина закохана в нього, а він **хоч би бровою моргнув*** (С. Добровольський);

⁽⁸⁾ – *І це гроші, – байдуже цьвохнув чийось батіжком Лесь Якубенко, придивляючись, як ремінчик обкручується навколо пужална. Чи не чортів Лесь? З ним про таку ціну говорять, а він забавку найшов **і вухом не веде*** (М. Стельмах);

4) відсутність емоцій:

а) нечутливість і нечуйність (*ані (ні) гадки [собі (ані думки)]* (1) ('хто-небудь нечутливий, байдужий до всього'); *запеклося (зачерствіло) серце* (1) ('хто-небудь від тривалих переживань став нечулим, байдужим до навколишнього світу'); *кам'яне (камінне) серце* ('хто-небудь байдужий, нечулий'); *черства душа; черстве серце* ('хто-небудь нечуйний, байдужий')):

⁽⁹⁾ *Бачите, бачите, сусідо? Сидить собі і **ні гадки, ані думки**. Йому байдуже, що, може, і хату сплять, і хазяйство пограбують, і старцями по світу пустять* (Григорій Тютюнник);

⁽¹⁰⁾ *Вбирали її, ховали, а я навіть сльози не пустив. ... **запеклося моє серце*** (І. Нечуй-Левицький);

⁽¹¹⁾ *[Прохор:] Ти ... брат, а **душа** в тебе **черства*** (І. Микитенко);

б) душевна спустошеність (*порожня душа; порожнє серце* ('хто-небудь відчуває душевну спустошеність, байдужість до навколишнього світу, перебуває у стані депресії'); *спопеліти серцем; спопелілий серцем* ('дуже змучитися; стати душевно спустошеним, байдужим до всього через важкі страждання, випробування і т. ін.')):

⁽¹²⁾ *Я тільки з рейду... Губи, мов крейда, порожня душа* (В. Сосюра);

⁽¹³⁾ *Жила [Лукина] невесело і незатишно, доживала віку. Байдужа до всього на світі, спопеліла серцем* (І. Волошин);

в) зневіра (*світ не милий (не любий); світ не мил; життя не миле* ('хто-небудь зневірився, відчув байдужість, відразу до життя')):

⁽¹⁴⁾ *Одного часу став мені світ не милий. Так мені тяжко, так мені було важко, наче ота скеля лягла на мої груди* (І. Нечуй-Левицький);

⁽¹⁵⁾ *Обізвався побратим ..., промовляє, – мов ножами крає: «Що минуло, те вже не вернеться.. Вже мені тепер життя не миле, чи в темниці, чи на вільній волі»* (Леся Українка);

5) відсутність значущості (*до лампочки*, фам. ('щось для когось не потрібне або не має значення; байдуже комусь до кого-, чого-небудь'); *не до солі* (1) ('кому-небудь байдуже до чогось, коли є інші, важливіші справи')):

⁽¹⁶⁾ *Всі твої лекції до лампочки мені* (М. Стельмах);

⁽¹⁷⁾ *А вже мені не до солі, коли грають на басолі* (М. Номис);

б) презирство (*повернутися / рідко повертатися спиною (спинами, плечима і т. ін.)* ('виявити байдужість, зневагу і т. ін. до кого-, чого-небудь, знехтувати ким-, чим-небудь'); *плював я; плювати я хотів* ('уживається для вираження нехтування ким-, чим-небудь, презирства, байдужості до когось, чогось')):

⁽¹⁸⁾ – *Що ж, ти боїся людського поговору, – чи що? Плювати я хотів на їх поговор!.. та й на них разом!* (Панас Мирний).

Отже, градація байдужості в українській фразеології: 1) визначувана чітко простежуваною асиметрією в бік негативної оцінки; 2) ґрунтована на кількох семантичних діапазонах; 3) містить складники: а) стан емоційної рівноваги; б) відсутність зацікавлення та відсутність зацікавлення до життя, в) відсутність уваги й реакції, г) відсутність емоцій як нечутливість і нечуйність, душевна спустошеність (депресія), зневіра, г) відсутність значущості; д) презирство (зневага, нехтування).

Перспективу дослідження вбачаємо в опрацюванні психофізіологічного патерну байдужості з простеженням корелятивних зв'язків з емоцією презирства в емотивній картині світу.

Список використаних джерел

1. Усачева, Н. Б. Морфологические свойства фразеологизмов категории состояния со значением «безразличия, равнодушия» / Н. Б. Усачева, К. В. Хребтова // Вестник Курганского гос. университета. – 2019. – №1 (52). – С. 129–131.

2. Охріменко, М. А. Ідіотнічна специфіка перських і українських фразеологізмів фразеосемантичного субполя «нейтральні емоції» / М. А. Охріменко // Східний світ. – 2012. – № 4. – С. 126–130.

3. Довгаль, А. Фразеалагізми са значэннем эмоцый у беларускай мове / А. Довгаль // Компаративні дослідження слов'янських мов і літератур. – 2019. – Вип. 35. – С. 41–50.

4. Волкова, Я. Дискурсивная вариативность концептов деструктивных эмоций / Я. Волкова, Н. Панченко // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. – 2018. – №22(1). – С. 175–194.

5. Лескина, С. Концепты безразличия и презрения как составляющие пейоративной коннотации английских и русских фразеологизмов / С. Лескина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2008. – №2 (2). – С. 65–67.

6. Словник фразеологізмів української мови / уклад. В. М. Білоноженко, І. С. Гнатюк, В. В. Дятчук та ін.]. – К. : Наукова думка, 2003. – 1104 с.

7. Ивин, А. А. Основания логики оценок / А. А. Ивин. – Москва / Берлин : Директ-Медиа, 2015. – 337 с.

8. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М. : УРСС, 2009. – 264 с.
9. Краснобаева-Чорна, Ж. В. Лінгвофраземна аксіологія: парадигмально-категорійний вимір / Ж. В. Краснобаева-Чорна. – Вінниця : ТОВ «Нілан-ЛТД», 2016. – 416 с.
10. Белобородова, А. В. Репрезентация концепта «Безразличие / Indifference» фразеологизмами русского и английского языков: лингвокультурологический аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / А. В. Белобородова. – Челябинск, 2011. – 247 с.
11. Шибкова, О. С. Нормативное представление об оценочной структуре прилагательного в английском и русском языках / О. С. Шибкова // Вестник Ставропольского государственного университета. Филологические науки. – 2006. – № 45. – С. 191–198.
12. Гончар, К. Ад'ективне лексико-семантичне мікрополе «байдужість» у сучасній англійській мові / К. Гончар, А. Троцюк // Науковий журнал. – 2015. – № 2. – С. 41–46.
13. Голубцов, С. А. Семантика и прагматика показателей безразличия: сопоставительный аспект (на материале русского и английского языков) : автореф. дис... канд. филол. наук : 10.02.19 / С. А. Голубцов. – Краснодар, 1999. – 21 с.
14. Белобородова, А. В. Позиция безразличия на аксиологической шкале среди оценочных понятий «хорошо / плохо» (на примере русских и английских фразеологизмов, репрезентирующих концепт «Безразличие») / А. В. Белобородова // Вестник ЧПГУ. – 2010. – № 7. – С. 263–269.

The article defines the peculiarities of the interpretation of the gradation series of indifference, represented by the phraseological units of the Ukrainian. For the main components are positioned: a) state of emotional balance; b) lack of interest and lack of interest to life, c) lack of attention and reaction, d) lack of emotions such as insensitivity, mental emptiness (depression), despondency, d) lack of significance; e) scorn (contempt, neglect).

Keywords: gradation, evaluation, semantics, phraseology.

УДК 811.161.3'373.7

Л. У. Кулік

РЭПРЭЗЕНТАЦЫЯ БАЗАВЫХ КАНЦЭПТАЎ У БЕЛАРУСКАЙ САМАТЫЧНАЙ ФРАЗЕАЛОГІІ

У артыкуле ў лінгвакультуралагічным аспекце даследуецца фразеалагічная рэпрэзентацыя носьбітамі беларускай мовы асобных базавых канцэптаў – “Чалавек”, “Каханне”, “Страх”. Падкрэсліваецца асаблівае культурнае значэнне саматычных лексем як найменняў частак цела чалавека ў фарміраванні фрагмента наіўнай карціны свету беларусаў.

Ключавыя словы: фразеалагічная адзінка, саматычны кампанент, канцэпт.

Адным з галоўных аб'ектаў сучасных даследаванняў айчынных і замежных лінгвістаў з'яўляецца нацыянальна-культурная спецыфіка фразеалагізмаў. Навукоўцы каменціруюць іх кампаненты ў межах тэматычнага поля па іх адпаведнасці на лексічным і граматычным узроўнях плана выражэння, а таксама па адпаведнасці фразеалагічных адзінак (далей – ФА) розных моў у тыпе метафарычнага пераносу, па адпаведнасці кампанентаў, якія ўдзельнічаюць у структурызацыі вобразна матываванай унутранай формы ФА – галоўнага аспекту іх зместу.

Пад унутранай формай фразеалагізма разумеем “значэнне яго прататыпа, з якім фразеаматычнае значэнне звязана дэрывацыйнымі адносінамі” [1, с. 173] і якое дазваляе раскрыць зыходную матывацыю фразеалагізма. Іншымі словамі, унутраная форма – гэта вобраз, які склаўся на аснове свабоднага злучэння слоў і які матывуе актуальнае значэнне фразеалагізма. Пры гэтым кампаненты фразеалагізма не абазначаюць тое, што яны абазначаюць у свабодным злучэнні.

Змешчаная ва ўнутранай форме ФА культурная інфармацыя патрабуе самастойнага даследавання, якое стала мэтай адносна новай галіны навукі – лінгвакультуралогіі, у аснове якой знаходзяцца ідэі ўзаемасувязі мовы і культуры і якая “даследуе ўвасобленыя ў жывой нацыянальнай мове матэрыяльную культуру і менталітэт, што выяўляюцца ў моўных працэсах у іх дзейснай пераемнасці з мовай і культурай этнасу” [2, с. 216].

Адным з асноўных тэрмінаў лінгвакультуралогіі з’яўляецца “канцэпт”, які, услед за М. У. Піменавай, разумеем як сукупнасць замацаваных прыкмет, якія выкарыстоўваюцца для апісання фрагмента свету ці часткі такога фрагмента [3]. Менавіта канцэпты, закадзіраваныя ва ўнутранай форме фразеалагізмаў, раскрываюць доступ да свядомасці носьбітаў мовы.

Мэтай нашага артыкула з’яўляецца даследаванне рэпрэзентацыі ў фразеалагізмах з саматычным кампанентам носьбітамі беларускай мовы асобных базавых канцэптаў, якія праяўляюцца ў прадстаўнікоў самых розных культур. Пры аднясенні канцэптаў фразеалагічнай карціны свету беларусаў да базавых мы кіраваліся тэарэтычнымі данымі манаграфіі В. А. Ляшчынскай “Базавыя канцэпты фразеалагічнай карціны свету беларусаў” [4].

Унікальную сістэму знакаў у лексіка-фразеалагічнай прасторы кожнай мовы ўтвараюць саматызмы (падрабязная інфармацыя пра аб’ём корпуса саматычных лексем змешчана ў артыкуле аўтара “Да пытання аб сутнасці паняцця “саматызм” (на матэрыяле фразеалагізмаў беларускай і англійскай моў)”) [5]. Саматызмы характарызуюцца ўніверсальнасцю па прычыне агульнасці анатоміі і фізіялогіі ўсіх чалавечых істот. Значнасць органа ў працэсе жыццядзейнасці чалавека ўплывае на разнастайнасць звязаных з ім асацыяцый, што, у сваю чаргу, уплывае на разнастайнасць семантыкі саматычных фразеалагізмаў, якія аб’яднаны агульным кампанентам-найменнем часткі цела.

Вырашэнне пытанняў, звязаных з канцэптуалізацыяй свету ў саматычнай фразеалогіі, дазваляе стварыць пэўнае ўражанне аб носьбітах мовы, аб іх менталітэце і нацыянальным характары.

Звернемся да прыкладаў. Так, канцэпт “Чалавек” аб’ядноўвае шэсць фразеа-семантычных мікрагруп, у якія уваходзяць розныя ФА. Яны называюць:

1) асобу з улікам яе станоўчай характарыстыкі – *залатыя рукі, сам сабе галава, светлая галава*;

2) асобу з улікам яе адмоўнай характарыстыкі – *ад’яда душы / сэрца, воўк у авечай шкуры / скуру, выяда душы / сэрца, медны лоб, злыя языкі*;

3) асобу з улікам асаблівасцей яе характару, якія негатыўна характарызуюць яе саму – *галава садовая, дзіравая галава, галава яловая, гарачая галава, дубовая галава, курыная галава, пустая галава, галава <i>два вухі, заячая (заечая) душа, медны лоб і інш.*;

4) асобу па яе прафесійных навыках і ўласцівасцях – *папяровая душа, чарнільная душа, правая рука, свежае вока*;

5) асобу паводле яе сацыяльнага становішча – *белая костка / косць, чорная костка / косць, блакітная кроў*;

6) асобу праз форму выражэння яе роднасці – *косць ад косці, кроў ад крыві, плоць ад плоці, плоць і кроў, свая кроў*.

Аналіз пералічаных ФА дазваляе выдзеліць сярод іх тыя, што называюць чалавека са станоўчага боку, з адмоўнага боку (заўважым, што ў беларускай мове найбольш колькасна прадстаўлены ФА, якія валодаюць менавіта адмоўным канататыўным значэннем ‘быць дурным, нездагадлівым, прастакаватым чалавекам’: *галава садовая, галава яловая, дзіравая галава, дубовая галава, курыная галава, пустая галава, без галавы, без цара ў галаве, клёпкі не хапае ў галаве, мякіна ў галаве, салома ў галаве*), і тыя, якія выразна не выяўляюць пэўныя экспрэсіўныя адценні. Апошнія прадстаўлены ФА чацвёртай і пятай мікрагруп. Аднак і тут маюцца выключэнні: ФА *папяровая душа*,

чарнільная душа ‘канцылярскі чыноўнік, бяздушны фармаліст, бюракрат’ (дэфініцыі фразеалагізмаў пададзены паводле слоўнікаў, у якіх яны зафіксаваны) выяўляюць спецыфіку асуджэння пры ўказанні на дзеянні прадстаўнікоў пэўнай спецыяльнасці, улады. На нашу думку, такі негатыв у адносінах да работнікаў дзяржаўных інстанцый звязаны з уяўленнямі пра бюракратычную сістэму ў цэлым, а таксама пра пэўных служачых, якія не праяўляюць паважлівых адносін да сваіх кліентаў і не выконваюць свае працоўныя абавязкі ў поўнай меры.

Адным з базавых канцэптаў, якія выяўляюць духоўную сферу жыцця чалавека, з’яўляецца канцэпт “Каханне”.

ФА, якія рэпрэзентуюць канцэпт “Каханне”, падзяляюцца на некалькі семантычных груп, якія апісваюць ступень глыбіні і моцнасці пачуцця, альбо пэўныя стадыі пачуцця. Даследаванне беларускіх ФА дазваляе ўстанавіць, што каханне валодае некалькімі параметрамі інтэнсіўнасці, а менавіта даўжынёй, сілай і якасцю. Напрыклад: *без памяці* ‘вельмі моцна, страсна (кахаць каго-н., захапляцца чым-н.)’ (2-е значэнне); *без аглядкі* ‘вельмі моцна, бязмежна, не раздумаючы (кахаць, верыць і інш.)’ (3-е значэнне); *да вар’яцтва* ‘вельмі моцна, бязмежна (любіць, ненавідзец і пад.)’ (1-е значэнне); *па <самыя> вушы* ‘вельмі моцна, бязмежна (закахацца)’ (2-е значэнне) і інш. Як відаць з прыкладаў, даволі часта высокая ступень праяўлення кахання перадаецца ў беларускай мове пры дапамозе адмаўлення, выражанага прыназоўнікам *без*, і выкарыстоўваецца для актуалізацыі значэння ‘вельмі моцна кахаць’.

Спынім увагу на ФА, якія не абазначаюць непасрэдна пачуццё кахання, але ўказваюць на яго вынік, а менавіта на зачацце дзіцяці альбо яго нараджэнне. Заўважым, што тут мы маем на ўвазе не тыя ФА, якія рэпрэзентуюць пачатак жыцця – нараджэнне і адносяцца да фразеасемантычнага поля ‘жыццё’, а тыя, што неадабральна апісваюць інтымныя моманты адносін. Так, ФА *пуза / жывот на нос лезе / палезе* ‘хто-н. у стане цяжарнасці; звычайна пра жанчыну, якая не знаходзіцца ў шлюбе’ адлюстроўвае складзенае ў свядомасці беларусаў мінулых стагоддзяў стэрэатыпнае, адмоўнае стаўленне да незамужняй цяжарнай жанчыны, што ўзмацняецца яшчэ і ўжываннем размоўнай лексемы *пуза*, якая амаль заўсёды нясе адмоўную канатацыю [6, с. 139].

Але ўсё ж такі звычайна ўзаемныя пачуцці маладых людзей прыводзяць да жаніцтвы, што і адлюстроўваецца ў наступных ФА: *прапанова рукі і сэрца* ‘просьба хлопца да жанчыны стаць яго жонкай’; *аддаваць руку і сэрца* ‘станавіцца жонкай каго-н., выходзіць замуж за каго-н.’.

Сімвалічным цэнтрам канцэнтрацыі эмоцый чалавека з’яўляецца сэрца. Адсюль і шырокае задзейнічанне кампанента *сэрца* як органа-сімвала кахання ў беларускіх ФА. Заўважым, кампанент *сэрца* праяўляе актыўнасць у ФА, якія адлюстроўваюць уяўленні носьбітаў мовы аб метафарычным цэнтры сусвету асобы – душы, якая выступае кантэкстуальным сінонімам да слова *каханне*. Так, у вобразнай аснове ФА закардыраваны шырокі дыяпазон праяўлення пачуццяў (ад сімпатыі да кахання): *па сэрцы* ‘падабаецца’; *аддаваць сэрца* ‘кахаць каго-н.’; *не чуць душы* (у кім) ‘вельмі моцна, бязмежна любіць, глыбока паважаць каго-н.’ і інш.

Яшчэ адной канцэптуальнай эмоцыяй, якая сканцэнтравана ў сэрцы чалавека, з’яўляецца “Страх”. Так, у беларускай мове выдзяляюцца ФА, у якіх стан чалавека ў моманты адчування страху суправаджаецца крытычнай рэакцыяй арганізма, якая б у паўсядзённым жыцці магла прывесці да смерці. Да гэтай групы адносяцца ФА, якія ілюструюць уяўленні носьбітаў мовы пра асаблівасці работы сэрца ў момант перажывання страху: *сэрца абрываецца / ападае* ‘хто-н. адчувае моцны страх, трывогу, раптоўна адчайваецца’; *сэрца ледзянее* ‘хто-н. адчувае моцны страх, жах’.

Акрамя кампанента *сэрца*, у склад ФА, якія выражаюць канцэпт “Страх”, уваходзяць разнастайныя кампаненты-саматызмы: *валасы / волас, вочы, душа, жылы, зубы, калені / каленкі, кроў, лоб, лыткі, паджылкі, паднябенне, пятка, скура, спіна,*

сэрца, цела, хвост, язык. Як відаць, ахоп у якасці фарміравання фразеалагічнага вобраза найменняў частак цела чалавека ў беларускіх ФА з’яўляецца раўнамерным і дазваляе ўявіць пэўную абстрактную мадэль паводзін асобы ў момант адчування страху.

Аналіз ФА паказаў, што ў большасці з іх ілюструецца рэакцыя арганізма на пэўнае страшнае здарэнне. Так, ФА *валасы / волас становяцца / падымаюцца / устаюць дыбам / дыба / дуба / дубка, вочы на лоб лезуць, калені / каленкі / лыткі дрыжаць / трасуцца, язык адняўся* так ці інакш рэпрэзентуюць фізіялагічнае праяўленне страху, якое шырока апісана ў спецыяльнай літаратуры і пацвярджаюць сутнасць паняцця “страх” як тэрміна псіхіятрыі: “страх у псіхіятрыі – беспрадметная, адмоўна афарбаваная эмоцыя ў хворага, якая суправаджаецца напружанасцю, пачуццём непасрэднай небяспекі для жыцця і разнастайнымі вегетатыўнымі парушэннямі” [7, с. 1175].

Стан страху можа праяўляцца ў рознай ступені інтэнсіўнасці і вар’іравацца ад спалоху да жаху. Параўн.: *калені / каленкі / лыткі дрыжаць / трасуцца* ‘хто-н. вельмі спалохаўся’; *кроў ледзянее* ‘хто-н. адчувае моцны страх, жах’; *ледзяніць кроў* ‘выклікаць у каго-н. жах, здранцвенне’.

Рэакцыя на страх можа пазбавіць чалавека голасу, альбо паўплываць на выразнасць маўлення. Такая рэакцыя рэпрэзентуецца ў ФА *язык адняўся* ‘хто-н. раптоўна змоўк, страціў здольнасць гаварыць (ад страху, здзіўлення і пад.)’; *язык прысох / прыліп <да зубоў, да паднябення>* ‘хто-н. раптоўна страціў здольнасць гаварыць (ад страху, здзіўлення і пад.)’.

У вобразе яшчэ адной беларускай ФА *заячая / заечая душа* ‘вельмі баязлівы чалавек’ адлюстравана зааморфная метафара на аснове прыпадабнення чалавека да зайца, уяўленні пра якога звязаны з назіраннямі чалавека за яго паводзінамі, выдзяляючы найперш такую асаблівасць, як баязлівасць. Наяўнасць кампанента *душа* ў ФА амаль заўсёды звязана з вызначэннем рыс характару, унутраных якасцей чалавека, яго эмацыянальнага стану. У данай ФА спалучэнне кампанента-назоўніка *душа* з кампанентам-прыметнікам *заячая* раскрывае сутнасць чалавека, а ФА ў цэлым выступае ў ролі стэрэатыпнага ўяўлення аб баязліўцу.

Такім чынам, лінгвакультуралагічнае даследаванне фразеалагічнай рэпрэзентацыі толькі асобных базавых канцэптаў паказвае, што фразеалагічны фонд беларускай мовы з’яўляецца каштоўнай крыніцай звестак аб культуры і менталіцеце яе народа-носьбіта, а аналіз беларускіх ФА дае падставы сцвярджаць, што ў саматычнай фразеалогіі закадзіраваны асаблівыя формы катэгарызацыі ўспрымання чалавека і яго пачуццяў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / А. В. Кунин. – 2-е изд., перераб. – М. : Высш. шк. ; Дубна : Изд. центр “Феникс”, 1996. – 381 с.
2. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Шк. “Яз. рус. культуры”, 1996. – 288 с.
3. Пименова, М. В. Языковая картина мира. Вып. 7 / М. В. Пименова. – Кемерово : КемГУКИ, 2011. – 106 с.
4. Ляшчынская, В. А. Базавыя канцэпты фразеалагічнай карціны свету беларусаў / В. А. Ляшчынская. – Мінск : РІВШ, 2015. – 224 с.
5. Кулік, Л. У. Да пытання аб сутнасці паняцця “саматызм” (на матэрыяле фразеалагізмаў беларускай і англійскай моў) / Л. У. Кулік // Известия Гомел. гос-го ун-та. – 2017. – № 4 (103). – С. 101–104.
6. Кулік, Л. У. Саматычныя фразеалагізмы як адзінкі цялеснага кода культуры / Л. У. Кулік // Скарына і наш час : матэрыялы V Міжнароднай навуковай канф. – Гомель, 2011. – С. 136–139.
7. Покровский, В. И. Энциклопедический словарь медицинских терминов / В. И. Покровский. – М. : Издательство: «Медицина», 2005. – 1591 с.

In the article in the linguo-cultural aspect the phraseological representation of the basic concepts "Person", "Love" and "Fear" by native speakers of Belarusian is researched. The special cultural significance of somatic lexemes in forming of a fragment of the naive picture of the world of Belarusians is emphasized.

Keywords: phraseological unit, somatic component, concept.

УДК 811.161.2'373.7

І. В. Лакомська

ФРАЗЕОЛОГІЗМИ УКРАЇНСЬКИХ МЕДІАЗАГОЛОВКІВ У ПРАГМАЛІНГВІСТИЧНОМУ АСПЕКТІ

Статтю присвячено розгляду прагмалінгвістичного потенціалу фразеологічних одиниць, що вживаються у заголовках українських засобів масової інформації. У дослідженні акцентовано на таких прагматичних категоріях, як експресивність, емоційне значення та оцінність фразеологізмів. Також проаналізовано впливову силу фразем, яка реалізується у зацікавленні читача та у реакції на повідомлення.

Ключові слова: засоби масової інформації, медійний заголовок, фразеологічна одиниця, прагмалінгвістична специфіка.

Дослідження української фраземіки досягли сьогодні достатньо високого рівня. У зв'язку з цим, вчені зауважують, що фразеологія почала шукати точки дотику з новими і перспективними галузями мовознавства, як-то: когнітивною лінгвістикою, етнопсихолінгвістикою, когнітивною й лінгвістичною психологією, лінгвокультурологією, теорією тексту та комунікації тощо [1]. Продовжуючи цей перелік, зазначимо ґрунтовні розвідки фразеологізмів у межах лінгвопрагматики, де щонайперше з'ясовується впливова сила цих одиниць. Проте системного аналізу фразеологічних одиниць (далі ФО) як найпотужнішого впливового сегмента газетного повідомлення досі не проводилося, що визначає *актуальність* поглибленого опрацювання фактичного масиву фразеологізмів у зазначеному аспекті.

Об'єктом статті є фразеологізми в українській пресі, предметом – прагмалінгвістичні особливості ФО як активних впливових маркерів у структурі медіазаголовка.

Мета статті полягає у визначенні прагмалінгвістичного потенціалу фразеологічних одиниць в газетних заголовках української преси.

Для досягнення мети поставлено такі основні завдання:

виокремити масив заголовкових фразеологізмів української преси;

з'ясувати основні прагматичні категорії на рівні ФО;

проаналізувати прагматичні реалізації та їхні конотації у структурі фразеологізмів у медіазаголовках.

Мета і завдання розвідки визначили необхідність застосування таких методів дослідження, як описовий, метод спостереження, аналіз, а також компонентний аналіз, який прислужився у виявленні особливостей семантичної структури заголовкових фразеологічних одиниць.

Джерельною базою дослідження послуговували заголовки українськомовних суспільно-політичних газет «Голос України» (ГУ), «Демократична Україна» (ДУ), «Дзеркало тижня» (ДТ), «День» (Д), «Україна молода» (УМ), «Урядовий кур'єр» (УК) за 2010–2020 роки. Фактичним матеріалом роботи стали понад 300 газетних заголовків із фраземним компонентом, дібрані методом суцільної вибірки з проаналізованих газет.

Лінгвопрагматика завдячує своєю появою насамперед Ч. Морісу, що виокремив прагматику як складник семіотики – науки про знаки й знакові системи, де саме

прагматика опікується дослідженням відношення знака до адресанта, тобто вивчає як саме мовець використовує певні лінгвальні знаки, закономірності їхнього вибору та реалізації тощо [2, с. 45–96]. Також вагомий внесок у розвиток лінгвопрагматики зробили Ч. Пірс та Л. Блумфілд, які вважали поведінку адресата істотно зумовленою мовленнєвим та невербальним впливом адресанта. Отже, основне завдання лінгвопрагматики (прагмалінгвістики) полягає у вивченні мови як засобу впливу [3].

Оскільки ж основним об'єктом вивчення впливових потенцій мови на сьогодні в основному є засоби масової інформації, увага вчених фокусується на прийомах, здатних привернути увагу, запам'ятатися, задіяти свідомі або підсвідомі сприйняттєві ресурси. Сучасні медійні тексти послуговуються досить гнучким арсеналом різних мовних засобів, спрямованих на реалізацію функції впливу. Особливий інтерес у зазначеному аспекті становить вивчення фразеологізмів, що вживаються у ЗМІ, насамперед у пресі, оскільки, ФО виступають важливими комунікативними елементами газетно-публіцистичного дискурсу, який тісно пов'язаний і з логіко-понятійним, і з емоційно-образним сприйняттям тексту, й актуалізуються на когнітивному та культурному рівнях фразеологічної інформації [4].

Л. Романюк стверджує, що фразеологізм може виражати прагматику мови у певний специфічний спосіб та зазначає, що одним із важливих і перспективних напрямків лінгвопрагматичних досліджень у царині фразеології є виявлення і опис складників національної картини світу, що зумовлюють вибір певної структурної моделі, образної системи, прецедентного феномена, тобто визначають прагматику комунікативного акту [5].

На лінгвопрагматичній спрямованості ФО наголошує й А. Марковська, стверджуючи, що роль фразеологізмів під час реалізації інтенцій автора – передати читачеві не тільки закладену в них інформацію, але й викликати у нього певну реакцію до зображеної дійсності [3]. Вивчаючи ФО німецькомовної та україномовної преси, дослідниця доводить, що засоби створення прагматичного впливу на читача складаються з наступних функцій ФО: зацікавлення читача; утримування уваги читача; підкреслення важливої інформації, тобто «логічного наголосу»; завуальовування інформації; вираження авторської оцінки; здивування читача; створення образної та експресивної виразності; функція виклику емоцій; змішана функція, що передбачає поєднання та взаємозв'язок декількох зазначених функцій [3].

Наші приклади фразеологізованих газетних заголовків підтверджують це, наприклад: «*Слово президента: як дав, так і забрав*» (УМ, 01.02.13) пор. ФО *давати слово* «обіцяти що-небудь комусь» [6, с. 173]. Наведений заголовок містить чітко окреслену негативну авторську оцінку, що викликає відповідну емоційну реакцію читача, який, у свою чергу, може або погодитись з цим твердженням, тобто приєднатися до думки автора, або заперечити це, відчувши недовіру.

Так само й заголовок «*Не довіряй. Перевіряй*» (УМ, 02.09.16), де міститься відома приказка *Довіряй, але перевіряй* у трансформованій формі: по-перше, наявна структурна зміна – вислів подано у вигляді двох речень, по-друге, змінено стверджувальний характер фрази на заперечний шляхом приєднання частки *не*. Таким чином, переструктурувавши відомий вислів і змінивши комунікативну настанову виразу, автор виявляє своє ставлення до позначуваного, а саме закликає бути обережними.

Наступні фразеологізовані заголовки містять дещо сатиричне наповнення «*Міністрів по осені рахують: чи чекає на українців чергова зміна Кабміну після місцевих виборів*» (УМ, 08.09.20), де автор вдається до заміни компонента стійкого вислову *Курчат восени рахують*; «між рядками» простежуємо авторську іронію в заголовках: «*Хто з хрестом прийде, той пензлем і дістане*» (УМ, 12.08.10), де трансформується вираз *Хто з мечем прийде – той від меча і загине*; заголовок може мати і засуджувального, викривального характеру, наприклад: «*Скелети у шафі «гаранта»*» (УМ, 14.02.13), «*Крим і Донбас вилазять боком*» (УМ, 04.03.16), «*Бачили очі, що люстрували*» (УМ, 03.07.14).

А. Марковська зазначає, що на сьогоднішній день кількість людей, які читають газети та журнали, не досить велика: пресу замінюють інші ЗМІ (телебачення, радіо). Відтак із метою зацікавити читанням преси автори добирають влучні ФО (особливо у заголовках) [3]. Також учена стверджує, що прагматичні категорії *експресивності, емоційного значення та оцінності* ФО в газетно-журнальних жанрах – невід’ємна частина вивчення стійких словесних комплексів преси, оскільки експресивність і стислість формувань, яких удається досягти за допомогою використання фразеологізмів, особливо важливі у конструюванні газетного заголовка як концентра повідомлення. Це підтверджує і С. Коновець, акцентуючи на такій специфіці ФО: що вищий рівень експресивності та емоційності фразеологізму, то сильніший його вплив на адресата комунікативного акту» [4, с. 123].

Як зазначає В. Чабаненко [7], «експресивність» не слід ототожнювати з поняттям «експресії». Якщо експресія – це інтенсифікація (збільшення виразності), то експресивність – це вже сама інтенсифікована виразність, така психологічно й соціально мотивована властивість мовного знака, яка підтримує загострену увагу, активізує мислення людини, викликає напругу почуттів у читача. У зв’язку з наведеними міркуваннями термін «експресивний» науковець пояснює як «інтенсифіковано виразний», а не просто «виразний», оскільки, за словами автора, виразним є будь-який елемент [там само].

Отже, експресивність – це підсилена (інтенсифікована, збільшена) виразність; така соціально й психологічно мотивована властивість мовного знака, яка деавтоматизує його сприйняття, підтримує загострену увагу, активізує мислення, викликає почуттєву напругу (Н. Бойко, В. Чабаненко).

Розглядаючи у зазначеному аспекті фразеологічні одиниці, припускаємо, що експресивність ФО слугує для градації ступеня вияву тієї чи іншої чуттєвої ознаки мовної одиниці. Тому вона є вираженням прагматичної спрямованості фразеологізмів, що забезпечує їм здатність виступати в комунікативному акті засобом вираження суб’єктивного ставлення мовця до змісту чи адресата мовлення. На рівні сприйняття експресивність виявляється такою властивістю фразеологізмів, за наявності якої цей засіб сприймається не автоматично, а прагматично впливає на уяву адресата та на його емоційне сприйняття.

Експресивність і стислість формувань, яких удається досягти за допомогою використання фразеологізмів, особливо важливі у конструюванні газетного заголовка, що становить складну динамічну єдність, унікальну з погляду прояву тенденцій до експресивності, оскільки заголовки формують ставлення читача до викладеного в тексті, чітко вказуючи на авторську позицію у трактуванні певних подій.

Тісно пов’язаними з експресивністю є категорії емоційності та оцінності. Вчені зазначають, що емоційне завжди експресивне; емоційні мовні одиниці містять компонент оцінки (В. Ужченко, Д. Ужченко).

Так, фразеологізми преси містять деяку оцінку подій, осіб, дій, яка може актуалізуватися залежно від наміру автора статті досягти певного впливу на читача засобами погодження або відмови від запропонованого в певній ситуації стану речей. Така прагматична орієнтація на основі оцінного значення подається читачеві як порада, настанова, рекомендація. Прислів’я, що вживаються в пресі, впливають на читача конкретною інформацією, яка, по суті, є результатом колективного досвіду поколінь.

У нашому дослідженні це такі заголовки:

«Вклади: не все те золото, що блищить» (УК, 04.12.12), «Тихше їде – далі будеш» (УМ, 09.09.11), «Не вішай носа – довше проживеш...» (УМ, 08.04.14), «Тиха вода греблю рве» (УМ, 27.01.10) тощо.

Як бачимо з наведених прикладів, фразеологізми самі по собі виконують різні експресивні функції. Найголовніша з них – оцінна. Оцінка – це завжди наявність знаків «плюс» або «мінус» у значенні слова. І проблема полягає в тому, що оцінність – явище

суто суб'єктивне, тобто в будь-якій оцінці будь-чого завжди є особиста зацікавленість, емоційне ставлення до сказаного. Навіть прагнення до об'єктивної оцінки залежить від багатьох суб'єктивних чинників або, інакше кажучи, від самої людини.

Прагматичними слід вважати такі заголовки, у яких висловлюється імпліцитне (приховане) ставлення до об'єкта розповіді. Часто така імплікація не фіксується, але відчувається уважним читачем у коментуванні тих або інших вчинків політиків, тим самим занотовується вербально-аксіологічна позиція, що "спрямовує" думку споживачів інформації.

ЗМІ прагматично навантажують свої оцінки через частотне вживання синтаксичних вставних та уточнюючих конструкцій, метафоризацій та алегоризацій тощо.

Розглянемо приклади заголовків, що містять вставні конструкції або уточнення, що здебільшого мають вигляд розширення структури ФО. Це можуть бути парцельовані конструкції, які є своєрідним авторським коментарем та імпліцитно містять оцінку: позитивну, наприклад: «*Нова влада – новою мітлою... Але ж мете*» (УМ, 26.10.10) пор. *Нова мітла чисто мете*; або негативну, наприклад: «*Риба псується з голови. Село теж*» (УМ, 25.03.11); заголовок «*Мій дім – моя фортеця! Це ще як сказати...*» (ГУ, 11.09.14), де вжито відоме прислів'я *Мій дім – моя фортеця*.

Заголовок може містити приєднання у вигляді риторичного запитання: «*Дарованому коневі в зуби не дивляться. Навіть троянському?*» (ГУ, 19.08.14), де вжито дві фраземи: приказку *Дарованому коню в зуби не дивляться* і ФО *троянський кінь*; або уточнення: «*Не гречкою єдиною. Рисом теж можна*» (УМ, 25.05.12), де наявна ФО *не хлібом єдиним*; заголовок «*Готуй сани влітку. Із грішми*» (УМ, 04.08.10), пор. відомий вислів *Готуй улітку сани, а взимку воза*; заголовок «*Під гарячу руку. Жіночу*» (Д, 11.03.11); заголовок «*Кадри вирішують усе. Тим паче керівні*» (УК, 07.12.17) лозунг Сталіна «Кадри вирішують все!»; «*Батогом чи пряником? Пряником*» (ГУ, 24.02.12); заголовок «*І швець, і жнець, і на дуду грець? Знайтеся – соціпрацівник!*» (ДТ, 28.08.10).

Авторська оцінка, прихований додатковий зміст може реалізуватися за допомогою вставних слів, наприклад, заголовок «*Міська влада хотіла, начебто, як краще, а вийшло...*» (ГУ, 29.05.13), де таким чином повідомлення набуває сатиричного значення, що створюється й усиченням відомого вислову *Хотіли як краще, а вийшло, як завжди*, який читач має продовжити самостійно.

Реалізувати авторську інтенцію допомагають також конструкції, що є другим реченням у межах складного, що також завжди містить ставлення автора, його позитивну або негативну оцінку: «*Курчат рахують восени, а бюлетені – до літа?*» (УК, 10.11.12) пор. ФО *Курчат восени рахують*; або такий заголовок «*Шило на мило: Начальником поліції Вінниччини призначили Івана Іщенка зі скандальною репуатцією*» (УМ, 03.06.20).

Також і заголовок «*Мертві бджоли не гудуть, а зцілити можуть*» (УМ, 24.10.13), де ФО *Мертві бджоли не гудуть*, вступає в антонімічне значення з доповнювальним виразом.

Такі заголовки мають виразну прагматичну спрямованість, оскільки містять авторську оцінку, створюють емоційне напруження, що безумовно не залишиться поза увагою читача. Як правило, серед заголовкових фразеологізмів більшість містить негативну характеристику влади або посадових осіб, засуджують їхню некомпетентність. Рідше авторські коментарі мають уточнення позитивного характеру, що в основному стосується матеріального і духовного життя суспільства, містять поради та здебільшого носять іронічний відтінок.

Отже, фразеологізми української преси є оптимальним засобом впливу на читача, який передбачає обов'язкову апеляцію до його емоцій, зацікавлення інформацією, активізує мислення й увагу. Вираження прагматичної особливості фразеологізмів спирається на високий ступінь узагальненості значення та експресивно-емоційну наповненість.

Дослідження лінгвопрагматичних особливостей фразеології в пресі відкриває шлях до визначення реалізації оцінних тактик, спрямованих на досягнення основних цілей газетно-публіцистичного стилю, що дає можливість зрозуміти і прагматичні умови, і прагматичний механізм успішності інформування.

Список використаних джерел

1. Селіванова, О. О. Нариси з української фразеології (психокогнітивний та етнокультурний аспекти) : монографія / О. О. Селіванова. – Київ ; Черкаси : Брама, 2004. – 276 с.
2. Моррис, Ч. У. Основания теории знаков / Ч. У. Моррис // Семиотика. – М. : Радуга, 2002. – С. 45–96.
3. Марковська, А. В. Прагмалінгвістичні особливості фразеологізмів сучасної німецькомовної та україномовної преси : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.15 «Загальне мовознавство» / А. В. Марковська. – Одеса, 2011. – 20 с.
4. Коновець, С. П. Комунікативно-прагматичні особливості актуалізації фразеологізмів у дискурсі сучасної преси (за матеріалами іспанських періодичних видань) : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.05 / С. П. Коновець ; Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка. – Київ, 2002. – 167 с.
5. Романюк, Л. В. Лінгвопрагматичні аспекти дослідження української фразеології [Електронний ресурс] / Л. В. Романюк. – Режим доступу : http://movoznavstvo.com.ua/download/pdf/2013_3/26.pdf. – Дата доступу : 15.10.2020.
6. Ужченко, В. Д. Фразеологічний словник української мови / В. Д. Ужченко, Д. В. Ужченко. – Київ : Освіта, 1998. – 224 с.
7. Чабаненко, В. А. Стилїстика експресивних засобів української мови / В. А. Чабаненко. – Запоріжжя : ЗДУ, 2002. – 351 с.

The article is devoted to the consideration of the pragmalinguistic potential of phraseological units used in the headlines of the Ukrainian mass media. The study focuses on such pragmatic categories as expressiveness, emotional meaning and value of phraseology. It is also analyzed the influential power of phrasemes, which realizes in the interest of the reader and in a certain reaction to the message.

Keywords: mass media, media headline, phraseological unit, pragmalinguistic specificity.

УДК 811.161'373:398.92: 173

Г. І. Лапацін

І ВЫШЫВАЦЬ, І ТКАЦЬ, І ЧОРТУ ПАДКОВЫ ПАДКАВАЦЬ... ЖАНОЧЫЯ РАМЁСТВЫ Ў ПАРЭМІЯЛАГІЧНАЙ КАРЦІНЕ ЖЫЦЦЯ П. АМЯЛЬНОЕ ВЕТКАЎСКАГА РАЁНА ГОМЕЛЬСКОЙ ВОБЛАСЦІ

У артыкуле разглядаюцца прыказкі, прымаўкі, параўнанні і іншыя ўстойлівыя выразы, у якіх увасобіліся стаўленні да жаночых рамёстваў і якія ўжываліся ў гаворцы беларускага пасёлка Амяльное Веткаўскага раёна Гомельскай вобласці. У аснове публікацыі палявыя запісы аўтара, зробленыя ў 2005–2020 гг.

Ключавыя словы: дыялектная парэмія, палявыя даследаванні, беларуская вёска, жаночыя рамёствы.

Жаночыя рамёствы іграюць вялікую ролю ў жыцці беларускай вёскі. Уяўленні пра гэта ўвасобіліся ў шматлікіх прыказках, прымаўках і іншых парэміях, што зафіксавана практычна ва ўсіх фразеалагічных слоўніках і зборах прыказак і прымавак [1, с. 158–161]. Тым не менш, гэта публікацыя з'яўляецца першым адмысловым

даследаваннем, тым больш на беларускім матэрыяле, у якім жаночыя рамёствы разглядаюцца як канцэпт у фразеалагічнай (парэміялагічнай) карціне сусвету.

У дадзеным артыкуле разглядаюцца парэміі гэтай групы, якія ўжываліся ў гаворцы п. Амяльное Веткаўскага раёну Гомельскай вобласці. У адной са сваіх папярэдніх публікацый, прысвечаных парэміялагічнай карціне жыцця гэтага населенага пункта, мной былі прааналізаваны парэміі, якія тычацца мужчынскіх рамёстваў [2, с. 153–156]. У яе аснову былі пакладзены запісы, зробленыя падчас размоў з жыхаркай гэтага пасёлка Варварай Аляксандраўнай Грэцкай, якая з амаль прафесійным веданнем справы арыентуецца ў цялярстве, плотніцтве, лозапляценні. Што тычыцца жаночых рамёстваў, то паводле яе самавызначэння: *У міне рукі залатыя. Вот я сама сябе не хвалю. Ну, я і вышываць, і ткаць, і прясць і чорту падковы падкаваць – я на ўсё гатова. Я счытаю, эта паганы чылавец, што не ўмея нічога дзелаць. Вот мужчыны, у нас мужчына сам рубашкі вышываў. Я, еслі што-небудзь ня разбярэ, я перапытаю, но штоб толькі я ў точнасці. Гаворыць: “Ня ўмею, ня знаю.” Усё матка наша казала і баба: “У няўмекі век рукі не баляць”.*

Пачуўшы ад Варвары Аляксандраўны чарговую парэмію, я звяртаўся да яе з удакладняючымі пытаннямі: калі так кажуць? на каго так кажуць? чаму так кажуць? Яе адказы красамоўна сведчаць, што з жаночымі рамёствамі гэтая жанчына знаёмая не па чутках. З амаль прафесійным веданнем справы яна арыентуецца і ў тэхналагічных працэсах, і ў выніках працы, і ў якасцях матэрыялаў. Апошняе вынікае з яе каментара да прыказкі, якая, на першы погляд, не мае прамога дачынення да жаночых рамёстваў: *Гаворыць: “Первая жонка – шаўковая, а другая – пасканная, а трэцяя – пнянковая”. Яны ж цяпер на разжон лезуць, а раз харошая жонка первая, нашто яе мяняць – жыві на здароўе. Канаплёвая – крэпкая. Ужо ж ні лёну чыта. З іх вярэўкі. Мычаць. Іх памнуць, ні трэпяць ужэ... Павытрусцяць, цурбалкі навывадуць, а тады. Еслі прясць. Еслі вярэўкі віць. У нас дзед адзін... Вярэўкі, возжкі віў. І пра жонак гаворыць: “Первая – шаўковая, другая – пасканная, а трэцяя – канапляная”. Із канпель ткуць палаценцы. Уцірацца. Тканыя палаценцы. Яны белыя, мяккія. Пасцілкі пад бок. Ціпер прастыня. <А з пасканей?> З пасканяў – вярэўкі, возжкі. Усё калісь казалі: “Посканям буду снаваць, а пнянкой буду ткаць”. – “Чым жа будзіш ткаць? Лёну ж німа”. Дак: “Пасканныя ці пнянковыя”, – будуць казаць. “Табе сарочку якую шьць?” А хоць будзя мужчына: “Ты мне ўжо дала.” Калісь у нас адзін быў, адна сарочка, у бані набудзя, жонцы і кажа: “Дай перядзець! Што я табе дам! У цябе адна сарочка.” У дзеда адна сарочка. Дак ён: “Што ты, яна ж ад гязі стаіць, як пнянковая!” Ад гязі. Значыць, яна такая крэпкая і гязная. “Навыварат надзень!” А пўтныя бабы, хоць і адна сарочка, загадзей пасцірае і над духам высуша. Но толькі штоб мужыку даць мяжаку сарочку. Выкачая на качолку. Ціпер жа на качолкі. Я дак толькі палаценцы, а то на качолкі і штаны, і сарочкі, і бабскія, і дзяціныя сарочкі і штаны – усё на качолкі. Ён мякінічкі, хоць у вуха ўлож... З паскані ўціркі ткалі. Тады палаценцы ні казалі, а ўціркі. А з пнянкі вярэўкі, яны крэпкія, тады ж і лес вазілі... Усё Мелька казаў: “Пасканная ты, пасканная! – На сваю Мельчыху. – Памёрла мая Насцічка...”*

Трэба адзначыць, што “шаўковая тэма” у рэпертуары Варвары Грэцкай мае свой асабісты фонд. Эпітэтам “шаўковы”, сапраўды, вызначаецца самае ласкавае, самае пяшчотнае: *Шаўковыя рукі. У шаўковай сарочцы нарадзіцца. У шаўковае лета нарадзіцца. За хлеба лусцінку аддасі шаўкову хусцінку.*

У побыце Амяльнага жаночыя рамёствы, насамрэч, займаюць асаблівае месца. Валоданне імі дазваляла жанчыне без лішніх затрат і хату аздобіць, і сям’ю апрануць. Гэта адлюстравалася ў наступным: *Як ручка здзелала, так жонка знося. Харашо здзелаіш, і табе будзя харашо. Плоха. Есць людзі, здзеляць, што камар носа не падточа. А ё. Так ні так. Пашыеш красіва, табе ж яго і насіць... А ё людзі –*

не сабражалі... Зробіш харашо, залапіш, і будзіш красіва... Відна, што лапічак ё, і ён жа будзя, як прылепляны... А еслі ты абы-як... Як новая шыіш, да скурдаячыш, такая цана будзя твайму шыццю. Гаворыць: **“Як ручка здзелала, так жонка ніхай нося...”** Паказальна наступнае: “Вот тчэ кросны, і палатно тоя знімая, небеленая, нішто... Ё такія... І атмяряя, колькі на сарочку і шыя сарочку... Былі такія... Усё баба казала... Тчэ палатно, тады знімая з красён, і з тога палатна начыная шыць сарочку... Ну, не з дабра шыя, а шыя з таго, што перядзець нечага... Вот яна пашыя з етага, суравога... Называіцца суравою... З суравога палатна, небеленнага, нішто, рыжае... З етага палатна пашыя... А тады вымачывая сарочку і штаны, мужскія і бабскія сарочки... Укіслае што-нібудзь, што яно ў кіслым расоле... Яно выбеліваіцца, пазоліцца... І пасціпенна выбеліцца... Дак гаворыць: **“Із навойца – на малойца”**. Пры небытах дак усяк дзелалі... Суроваю... Із суровага палатна называіцца: **“З навойца – на малойца”**. Суровае палатно... Яно выбеліваіцца само па сабе пасціпенна... Шытая, яно так рыжася... Толькі тыя рубцы, каторыя закладаюцца, штоб не выпадалі ніткі, дак яны доўга выбеліваюцца, рыжаватыя... Усі казалі: **“Шый! Пайдзець і так... З навойца – на малойца...”**

Неўменне жанчыны зрабіць нешта сваімі рукамі выклікае ў Варвары Грэцкай непаразуменне: Я счытаю, ета паганы чылавек, што не ўмея нічога дзелаць. Вот мужчыны, у нас мужчына сам рубаішкі вышываў “хрястам”. А я ўмею і клапам, і хрястамі, і італьянскім швом, і прастым швом, і у кружыві вязаць, і на машыну. Я на Амяльном і юбкі, і плаці, і кохты шыла.

Любую вышыўку можна зрабіць па-рознаму: і на смех скавырцяць, і як на машыні. Самае лепшае, калі вышыўка выглядае **як нарысаванная**: Нідзе ні зацяжкі німа. А то ніткамі ісцягнуць. <Чаму гаворыць: “Вышыўка, **як нарысавана**”> Таму што нідзе зацяжак німа... <Што прасцей: нарысаваць ці вышываць?> Канешна, нарысаваць прощэ, чымся вышыць. Вышыць — нада падабраць забалаць якая... У нас адна замуж прышла... Іван Чыманер жаніўся, узяў, дак на Бога занавескі такія вешалі, адзін канец – тута-ка, адзі – тута-ка, а тута-ка брыжыкі такія, а на віконі <...> красівы... Дак яны павесілі, дак яно во так во во, хоць ты вазьмі, неўма як расцягвай, ужо не расцягніш, патаму што яно ізжаблена... І павесілі... Казаў Коршун: “Ета не занавеска, а ні х..., ні кукла...” Дак усі рассмеяліся. А **як нарысавана** – павесіш палаценца, дак яно нідзе не зажаблена... Усё будзя як нарысавана і раскрашана... Ета харошая вышыўка... Сперва рысую, тады на рысаваным ужо начынаю вышываць.... Штоб красіва было, дак я бяру... <Еслі рысаваць не ўмеіш, дак і вышыўкі не будзя?> Еслі рысаваць не ўмеіш далікатна дужа... Очэнь-очэнь далікатная работа... Як нарысавана і раскрашана карандашом... Ні зацяжачкі німа... <Хто вас навучыў рысаваць?> Я сама рысавала прыродна... Цвяты рысавала...

Недасканалае вышыўка ацэньвалася **як курыная**: Як плахая.. Палядзяць, што там накурдаячына абыя-як. Зацяжкі бываюць. Дак гавораць: “А-а-а!. **Накудлычыла, як курыца**. Ета – **курыная вышыўка**. Ета ня вышыўка – спаліць. Да і ўсё!” Курыца ж грябе смеця, іде ў кучу нагрябе, і дзе гола. Так і яны. Цвет, напрымер. Засцеліш і на караваць, і на падушкі. І яна, як рукамы зжатая. Такая вышыўка ўжо плахая. Яна ўжо скурдаячыла, а здельная. **Як нарысаваная вышыла**. І я знаю, што я пакажу любому. Прыняслі, людзі кажавы на Куміху: “Ну, што ты накурдаячыла, **як курыца наплутала**. Яна ж відна: зжата. І палядзі, як дзеўкі павышылі.” Папавешылі на прясла. Машына, **як цацка**, вісіць, і маё, і Лідзіна, і Танькі нашай. Прыехала ў нас адна. Іван ажаніўся. Занавескі на Бога вешаць. Павесіла. Пасярёд – цвет. Яна пасцёгала. Я б нікагда б не павесіла. Яна: “А-а-а, ета трохі зацягнута.” Я кажу: “І ты прыехала на страм.” **Што курыца наплутала**. <Усе казалі: “**Курыная вышыўка**”> Палядзяць: “А, ета – **курыная вышыўка**. Як курыца нагрябла, дзе кучай, а дзе пуста. <А калі былі зацяжкі ў вышыўцы, што казалі?> А я б сказала: “Хочыш **хіміны куры**

паглядзець? Там будзя з зацяжкамы вышыўка... *Ета Хімны куры пахадзілі, перягрэблі ўсё, перяскублі...*

Дасканалае рукадзелле – гэта калі *іголкай не падчэпіш: Вот іголкай не падчэп-лю, гаворыць. Што-нібудзь харошая здзелаць, дак. Здзелаі, дажэ іголачкай. Харошая швейка – яна іголачкай будзя часцінька, а другая пасігая-пасігая, пакуль ты іздзелаіш, дак яна сем рушнікоў прышыла ў кружыўя. І ў кружыў’і вязаць, і прышыць нада. І здзелаіш на жывую нітку і палядзец, ці маршчыны ё, ці німа... А еслі так прышываіш, ужо так роўна ня дзелаіш. А другія. Пасцябая. Астаецца. “Ну і чорт яго бяры!” Дак нада здзелаць так, штоб яно была роўненечка-роўненечка.*

Такім жа чынам ацэньваецца бездакорнае ў адносінах да чалавека: *Парукаў <старшыня калгаса> казаў: “Я жыву на чэснасьць. Нічога ні бяру, ні краду ў калхозі. Мне яно ні нада. Мясца нада – выпішу. Я законна вазьму, грошы з мяне вывярнуць ці заплачу налічнымі. І гаворыць: “Нічога ні краду, ні магу. Патаму што на чэснасьць. Ка мне ніхто іголкай ні падчэпіцца, патаму німа. Я нічым не грэішэн. І куды не капалісь, хацелі яго, там, такія мудрыцы былі. А ўсё раўно ж не папалі яны ў прыдсядацелі. Вот вазьмі – другая вышыўка, і шыцьцё, і вышыўка, і вязанне – нідзе прычыны не найдзіш, усё вышыта будзя, як на маслу. Я не бяру людзей! Людзі ўсякія калісь былі, і вузлы калісь вязалі, навыварат палядзіш: такія, як цюцюцны, ляжаць. А ў мяне, ты бачыў маю работу... І наліцо, і навыварат – усё, як перязнятае. Вот ета – качэственна. Так і качэственна прэдседацель пражыў.*

Такім жа чынам хаваецца і адмоўнае: *На другога чылавека гаворыць: “Ого! Етага чылавека дажэ і іголкай не падчэпіш!” Такія бываюць хітрыя людзі. Ты яго ніяк ня выпытаіш. У другога. Чуць-чуць. Усё табе разнясе, а ў другога. Усё казала баба наша: “Ого! Тога іголкай не падчэпіш! Еты хітрэннага роду”.*

Калі на жывую нітку, значыць, слабенька. І калі гэта этап шыцца альбо вышыўкі – гэта добра: *Ты штаны залапіш, напрымер... Другі залапя... Я залаплю штаны ці што-нібудзь, дак я ж разгладжу перва... Разгладжу, што яно гладзенька-прыгладзінька, і лапкі тэй не комчаны штоб быў... Хоць ты яго ў ваду памачы, выкруці, вытрусі, абцягні, абцягні, палажы і на жывую нітку скрозь... На жывіцу... Называіцца на жывіцу прысцягні... А тады ўжо залапліў... У пэўных жыццёвых сітуацыях гэта набывае адваротнае значэнне: Гаворыць: “**Ня шый бряхню!**” Як Пашуля прыдзя, ішыя такую небыліцу, што ў розуме не сабразіў бы сказаць... А яна сшыя такую... <Чаму сшыя... Іголка німа, ніткі німа...> Бывае так гаворыць: “Ідзі ты! Ужо ня шый...” Гаворыць: “Прышла, ішыла бряхню нейкую... На смех...” Гаворыць: “Прышла, ішыла бряхню і пашла...” Другі чылавец прыдзя, талкова скажа, а ета, як бряхню точка... Дак яно так... **На жывую нітку бряхню сшыла і пашла...**” <Чаму на жывую нітку?> На жывую нітку мертвяцу шыюць падушку... Мертвяцу нельзя на мёртвую, гаворыць, шыць... <Чаму?> Ну я ня знаю. <На жывую нітку...> Слабінка...”*

Ненадзейнась вызначаецца выразам *нітцы баўтаіцца* альбо *баўтаіцца, як на нітцы*: *Давялі калхоз, на нітцы баўтаіцца, а даўжно крэпасцю дзяржаць... У калхозі то нечым плаціць людзям зарплаты. <У Амяльным так на што казалі?> Да. Усе гаворыць: “Ну, як ты жывеш?” – “А-а-а. Жыву, на нітцы баўтаюся. Еле-эле ўжо. **На нітцы баўтаюся...** Што-нібудзь худзенькае... Ці там худы, хворы, дак гаворыць: “**Баўтаіцца, як на нітцы**”. Ета ўжо ніякі. <Чаму на нітцы?> Што нітка... Крэпасць ё ў нітцы? Шмаргані і парвеш... Ета не абора...*

Недасканаласць, агрэхі у прадзенні – гэта калі *дзе з колас, а дзе з волас.*

Безумоўна, шмат залежыла ад працаздольнасці, працалюбства, жадання жанчыны нешта рабіць, каб *ў яе кудзелях ужо мышы гнёзды не звілі*: *Святыя вечары. Яны ўсё к нам хадзілі. Дзяды і бабы калісь. Амерыканчыха і кажа: “У маёй кудзелі.” Лён пачэшаць і патрэпяць на грыбёнку. У маіх кудзелях ужо мышы гнёзды звілі.” А яе мужык, дзед Амерыканец, сядзіць і кажа: “Я ж іду к Грэцім гуляць. Чаго ты пляцесся*

за мной? Ты сядзі, да кудзелю прядзі.” А яна гаворы: “Дак жэ Грэцкая ішчэ тую кнігу красівую не дачытала... А я тады суткамы думаю і думаю: “Ой, як-та далей будзя у кнізе?” Мышы любяць, дзе лён ёсць. Яны перязяюць яго і здзеляць гняздо мякінечкае-мякенічкае. Лён той куда. нікуда. Тады ўсе казалі. Прыдуць пагуляць к нам: “Да, пагуляй!” – “Пайду, а то мышы ў кудзелях гнёзды паўюць, дак будзім хадзіць па балонню, накрыўшы жопу балонню.”

Не віталіся спробы апраўдацца святамі – **Хто спраўляя святыя вечарочки, дак ходя век без сарочки:** Мы гаворым: “Баба, скоро будуць святыя вечарочки!” А яна кажа: “**Хто спраўляя святыя вечарочки, дак ходя век без сарочки.** А нада дзелаць. Святы вечар. Давайця цэўкі матайця. Эта можна дзелаць у святы вечар. Таму што святыя вечарочки. А нада і Богу навесіць сарочку на вікону. Рушнік – **эта Божжая сарочка**”. Спроба абгрунтаваць сваё нежаданне нешта рабіць каляндарнымі забаронамі таксама не віталася: **Нерабацень святых дней шукая (пытая).** У нерабатня ўсе дні святыя. Не віталіся спасылкі і на недахоп часу: Баба казала: “**У каго кароткія ночкі, дак ходзя без сарочки...**” Гаворы: “**Чо ты не напярла?**” – “**Таво, што ноч кароткая была.**” <А пры чым тут кароткая ноч?> Ну, кароткія ночы... Некалі прясць... Праспіць, прагуляя... І гаворы: “**А кароткія былі ночы...**” Ну, дак хадзі без сарочки. Былі такія, што лён... Мышы гнёзды в’юць, а ён праспіць, прагуляя... <А пры чым тут кароткія ночы? Што, па начах пралі?> Ну, не па начах... Увечары... І да двух часоў. Больш за тое, старыя людзі вучылі дзяцей тому, што **Піліп дзяцей адзяе.** Вот. Піліпаўку знаіш? А тады за Піліпаўкай Каляды ідуць. Каляды, а тады шчадравая нядзеля. Гаворыць: “**Піліп дзяцей адзяе**”. Патаму што прядуць людзі. Ужо начынаіцца Піліпаўка, самапрыхі выносяць, кудзелі дзеляць, садзяцца, баба перяхрысціцца і кажа: “Полячка, давай за дзела замінацца. **Піліп дзяцей адзяе**”. І прядуць ужо. Ночы дліжныя. Штоб ужо к Ражаству лён напярсяць. А тады ўжо ткаць.

Шыць таксама стараліся, каб адразу было якасна, каб потым не перашываць: **Якія шываюцца, такія і падзяруцца.** Плацца ісшыі ня так, і ўжо і падзярэцца. Распарываць ня хочыш. Распары. Тады зноў. Так і носяць. У Амяльным гэта прыказка мае і пераноснае значэнне: **Які ўжо ў сярэдку шывуся, такі ўжо і падзярэцца.** Ці дзеўка шывіцца, ці хлопці. <Чаму сшыўся?> Можжа, хто прыказку ету казаў, не сказаў, што іздзелаўся, а ўжо ісшыўся... Ісшыўся ў жываце, у утробе... Шываіцца ў утробе семя тоя і мужчынская, і бабская ўмесці...

Але ж шыць новае куды прасцей, чым правіць падзёртае, ірванае: **Колькі дзірвая ня лап, дак яно рвецца ўсё адно.** Колькі дзярвая ні лап, усё раўно будзя дзірка. З плахога з чаго-нібудзь здзелаіш ты? Не. Вот еслі плахога што-нібудзь. Кажашь: “**Колькі дзірвая ня лап, дак яно рвецца ўсё адно**”. <Калі так казалі?> Ну, вот ты з ламанага дзелаіш.. Вот я табе гаварю: “**Вазьмі, лап.**” Лап! Што тут лапіш, а яно рвецца ў другом месце. Ё расчот дзелаць? Пачанеш лапіць, матка: “Ну, што ты ты лапіш!. **Колькі дзярвая ні лап, усё раўно будзя дзірка.** Чуць пацягні, яно ж гнілоя, вынашэная, раздзіраіцца... Я калісь залапіла кохту, пашла на работу... На рабоці што я там дзелалі... Прыліпла кохта, паціеш жа летам... Я нажалася, кохта разварвалася... Паўз шыццё... Дзіржавы німа ніякія. Ці мех там... Тым не менш, паставіць лапик, штоб быў як прылепляны – праява найвышэйшага майстэрства. У Амяльным гэта разумелі нават дзеці: **Калісь нада...** Празнік... Ці парвееш плацце, ці што-нібудзь... Малыя ж прыгаюць с плятня, с прясла... Эта ж гульня, а парвееш, а тады ўжо думаіш: “**Як-та зашыць, штоб матка ня бачыла...**” Гаворыць, сляпога як не лячы, дак ужо сляпы тога ня ўбача, чым відушчы... Гэта ўвасобілася ў вызначэнне с пераносным сэнсам **шыта-скрыта.** Практычна ва ўсе адмысловыя слоўнікі яно ўвайшло са значэннем таго, што павінна застацца ў поўнай таямніцы, зусім незаўважаным, да чаго нельга прычапіцца як да зусім правільнага па выглядзе. Прычым практычна ўсе аўтары не звяртаюць увагу на этымалогію фразеалагізма. У Варвары

Грэцкай вызначэнне ўзнікае ва ўспамінах пра часы сталінскіх рэпрэсій: *Чорны воран прыехаў, забралі, у Сібір на катаржныя работы пагналі, яго і цяпер ня знаюць, дзе ён дзеўся. Куды ня пойдаць: “Мы ня знаіма, мы такога ня знаіма.”* **Скрыта і шыта.** Па міліцыях хадзілі і кінулі. І адметна тое, што яна нават вельмі прафесійна разважае пра яго этымалогію. <Чаму шыта-крыта?> *Ісшыў – дзіркі німа. І накрый – нічога ні відна. Усё ўжо – шыта-крыта... Ніякага разбору німа... Суд пабудзя цяпер – не падляжыць к перасуджэнню. Вот эта самае “шыта-крыта”. Дзірка ё ў цябе, узяў ісшыў яе ці залаць яе. Ісшыта яна кругом...*

Лёгка заўважыць, што пераноснае значэнне асобных парэмій грунтуецца на асаблівасцях тэхналагічных працэсаў жаночых рамёстваў. Быццам бы ўсё ляжыць на паверхні. Але, як сведчаць каментары да іх Варвары Грэцкай, на самой справе, не ўсё так проста: без ведання асаблівасцей тэхналогіі яна захоўвае толькі агульны сэнс без нюансаў...

Свой унёсак у парэміялагічны складнік Амяльнаго ўнеслі льноапрацоўка і ткацтва. І гэтыя парэміі трэба вызначыць як “высокатэхналагічныя”. Без ведання асаблівасцей тэхналогіі яны застаюцца незразумелымі нават у агульных рысах.

*Будуць гаварыць: “Во як мялля накудлычыў.” Што зря здзелаў. Мялле, ты знаіш, што такая? Як мнеш лён, эта мялле завецца. Эта як лён... Ён ужо вывершыцца лён тэй, паспея, выбіраіш і аббіваіш, а тады на бугаркі сцеліш, па нізах ён згне. Ён сухоя любя. А тады падбіраюць лён граблямі. Грабеш і становіш, ён прасыхая. А тады ў баню, топяць баню жарка, ён сохне, тады бярэш жменю здароваю і на кляшчотку мнеш. Яна сыпіцца, тряска, лён астанецца, кужаль, а тэй выбіваіш. Так эта мялле называіцца. Мяллем абкладалі скрозь заўгаліны, так абкладалі і клалі на пагрябнішча на кумпалы, штоб мароз не быў, не памерзла бульба. І мышы не заводзяцца ў мяллі... **Які ўжо зарадзіўся, дак хоць ты яго вазьмі ў мялку пасадзі, дак не перямніш. Хоць ты яго ў мялку пасадзі,** да патры яго на кускі, усё раўно з яго нічога ня будзя... Мялка. Хто заве кляшчотка, хто – мялка. Мнеш жа лён. “Куды ты ідзеш?” – “Мяць лён на мялку”. Тады кляшчоткі сталі зваць... Кляшчотка – мялка завецца. Хто – мялка, хто кляшчотка казаў. Хоць ты яго ў мялку ўсадзі... Мялка... Кляшчотка... Другі задасца пастылы дзіцёнак, дак хоць ты яго ў мялку ўсадзі, і бі яго, і даві яго, і наказывай яго, а ён усё раўно не ісправімы. Кляшчотка — лён мнуць. Лён бяруць, сцеляць яго, тады падбіраюць, тады сушаць... І калісь мялі на мялку, на кляшчотку, на мялку... Хто заве мялка, хто кляшчотка... А тады мнуць і трэняць, і здаюць у калхоз... <Для чаго мнуць?> Ну, прялі... Сваі кросны станавілі... Ткалі палотны і уціркі, і сарочки шылі... Памнуць, тады трэняць, тады прядуць на самапряху... Памнуць, лён мяккі такі становіцца... Памнуць, патрэняць, тады абчэсваяць шчоткай... Дак адзін волас астанецца тонкі... Прядзеш, дак ён тонкі-тонкі... Нітка тонкая-тонкая...*

Асобнай ўвагі заслугоўвае вызначэнне ў **рямізьзя ўзяць**. Спачатку яно ўзнікла ў наступным кантэксте: *Прышоў: “Тоя ня так!. Тоя ня так!.” Ні за што ў рямізьзя ўзяў... Усякія жосткія людзі бываюць.. Ё рабочыя, ё такія, што гаворыць: “Во рабацяшчы”. У яго льецца, як усё раўно з лейкі льеца, а другі будя табе кундручыць. ты нас. І скажыш. Нічога ні скажыш, ну так скажыш: “Ну ўжо і работа.” Ну, пахваліць пахваліш. Дак гаворыць: “**Не рямізь** чужога. Што плоха здзелана, а ты яго хваліш. Плоха, значыць, гавары: “Ты х. здзелаў.” Прышоў: “Тоя ня так!. Тоя ня так!.” Ні за што ў рямізьзя ўзяў...”*

Тое, што дадзеная парэмія мае дачыненне да рамізнага ткацтва, для мяне як даследчыка стала зразумелым адразу. Але дзеля чысціні жанра гэта павінна была падцвердзіць носьбітка традыцыі. Тым не менш, у адмысловых спробах высветліць тэхналагічныя карані парэміі яна прыводзіла новыя і новыя прыклады ўжывання гэтага дзеяслова са значэннем ‘абругаць, зняважыць’: *Абрымізіць чылавека... Абрымізіць – эта абругаць. Вот я цябе січас вазьму і скажу. Абрыміжу цябе ўсяк. Можна сказаць:*

“*Чо ты міне абругаў?*” А калісь: “*Чо ты міне абрямізіў?*” Паругаў ні за што. Вот ты міне паругай, вот і кажаць: “*Абрямізіў ні за што.*” Дзед Майка прыдзя і будзя гаварыць: “*Пайшоў туды, міне абрямізілі,*” – пачане жаліцца... Баба: “*А ты не хадзі туды. Ідзе любяць – не ўчасяй, а ня любяць, нагі не накладай.*” І ён кажа: “*У міне граніца – Жаваранкавы, а на еты бок – Касцючкавы. К Коршунам я не пайду, я ні знаю, што з імы гаварыць. А тут я і закурю, тут я і мацюкну. І неабряміжаны я*”. **Абрямізіць** – *эта чылавека абругаць ні за што... Калісь казалі на сабраніі: “Не абряміжывай чылавека!” Ціперь гаворыць: “Не абсірай чылавека”.* Пры ўсёй сваёй дасведчанасці Варвара Грэцкая не змагла растлумачыць, што стаіць за гэтай парэміяй. Тым не менш на практыцы *рамізкі (рамізы)* – тое самае, што і *ніты*. Ад нітоў залежаць і від перапляцення, і малюнак арнаменту [3, с. 97]. У Амяльным рямізкі называлі нітамі: *Я калісь... У ніты матка накідала. Я гаварю: “Мам, дай-как я перябіраць буду. Навучуся.” – “На... Ну, еслі блізну здзелаіш, не здабраваць табе...”*

Але ж парэмія захавалася... Захавалася з адценнем белай плямы. А тое, што Варвара Грэцкая не стала хаваць сваю недасведчанасць, некампетэнтнасць і сачыняць нешта сваё, толькі падкрэслівае яе прафесіяналізм і шчырасць. І таму да інфармацыі, атрыманай ад яе, можна ставіцца з поўным даверам.

Такім чынам, прыведзеныя парэміі ствараюць дастаткова цэльны парэміялагічны вобраз майстрыхі з беларускай вёскі з ўсімі яе імкненнямі і намаганнямі. Дзякуючы гэтым парэміям можна ўявіць яе ролю і ў сваёй сям’і, і ў жыцці вёскі, з якіх пазіцый ацэньваецца яе праца і ёй самою, і вясковым асяроддзем, што патрабуецца ад яе для рэалізацыі і прыродных дадзеных, і набытых навыкаў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах / склад. М. Я. Грынבלата. Рэд. А. С. Фядосік. – Кн. 1. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – 560 с.
2. Лапацін, Г. І. “Тапорная работа”. Семантыка фразеалагізма ва ўспрыняцці майстра / Славянские народы и их культуры: история и современность. Международная научно-практическая конференция : сб. научных статей / Г. І. Лапацін // редкол.: В. И. Коваль (отв. ред.) [и др.]; М-во образования РБ, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины, 2013. – С. 153–156.
3. Лобачевская, О. А. Белорусский народный текстиль: художественные основы, взаимосвязи, новации / О. А. Лобачевская. – Мінск : Беларуская навука, 2013. – 527 с.

The article examines proverbs, sayings, comparisons and other stable expressions that embody attitudes to women's crafts and used in the speech of the Belarusian village of Amelnoe in the vetkovsky district of the Gomel region. The publication is based on the author's field notes made in 2005–2020.

Keywords: dialect paremia, field research, the Belarusian village women's handicrafts.

УДК 811.161.3’37:392.8

В. А. Ляшчынская

СЕМАНТЫКА КАШЫ Ў КУЛЬТУРЫ І МОВЕ БЕЛАРУСАЎ (на матэрыяле фразеалагізмаў)

У артыкуле на матэрыяле фразеалагічных адзінак беларускай мовы з кампанентам «каша» – самым частотным сярод абраных лексем-найменняў гатовых страў і асновы самай колькаснай групы ўтвораных з ім фразеалагізмаў – устанаўліваюцца прычыны і матывы адбору гэтай лексемы пры стварэнні вобразаў устойлівых адзінак беларускай мовы, што набылі ролю

эталонаў, сімвалаў, стэрэатыпных уяўленняў аб найбольш важных праявах у жыцці беларусаў. У ходзе аналізу абраных фразеалагізмаў выяўляюцца культурная інфармацыя, адметнае прадстаўленне выніку пазнання новага, розных і найбольш істотных абстрактных паняццяў праз вядомае, канкрэтнае, спосабы і сродкі выражэння ацэнкі, правілаў і нормаў, выпрацаваных народам, і іх фіксацыя ў мове.

Ключавыя словы: фразеалагізм, кампанент, каша, вобраз, пазнанне, культурная інфармацыя, эталон, сімвал, стэрэатып.

У працах апошніх дзесяцігоддзяў актыўна распрацоўваюцца праблемы моўнай канцэптуалізацыі свету для канкрэтных моў, даследуюцца фрагменты найўнай карціны свету, розныя моўныя з'явы разглядаюцца ў аспекце «мова – чалавек – культура», паколькі менавіта мова з'яўляецца аптымальным сродкам выражэння культурных сэнсаў, спрыяе захаванню і трансляцыі «агульнага запасу культурных каштоўнасцей, інакш кажучы, інвентара культуры» [1, с. 85]. А сярод моўных сродкаў найбольш значнае месца ў захаванні і перадачы культурнай інфармацыі ў нязменнасці формы і зместу займаюць фразеалагічныя адзінкі як «моўныя і культурныя знакі другаснай намінацыі», асноўная роля якіх якраз і заключаецца ў апісанні і ацэньванні ўсяго таго, што звязана з жыццём чалавека і што чалавек лічыць найбольш важным у сваім жыцці, каб выразіць і перадаць праз вобразнае ўяўленне ўстойлівы, каштоўнасны змест культуры, яе каштоўнасныя арыенціры [2, с. 19]. Зварот да фразеалогіі беларускай мовы як магутнага сродку кампрэсіі інфармацыі дазваляе асэнсаваць успрыманне акаляючай рэчаіснасці скрозь прызму ментальных мадэляў моўнай карціны свету асобнага чалавека і беларускага народа ўвогуле. І гэта, у сваю чаргу, дапамагае глыбей зразумець і асэнсаваць працэс фарміравання дыялогу мовы і культуры ў іх узаемадзеянні [3, с. 217].

Увага да гастронамічнага кода культуры беларусаў увогуле тлумачыцца, папершае, роляй ежы для жыцця чалавека, па-другое, захаванасцю ўжывання асноўных нацыянальных прадуктаў, найменняў страў, пераемнасцю спосабаў іх прыгатавання на працягу ўсёй гісторыі народа, што стане асновай для вызначэння асаблівасцей менталітэту беларусаў і будзе скарыстана для параўнальна-супастаўляльнага даследавання і выяўлення гастронамічных адметнасцей іншых народаў. Гастронамічная тэматыка работ лінгвістаў надзвычай разнастайная. Гэта, напрыклад, манаграфія, прысвечаная смакавым метафарам [4], глава манаграфіі, прысвечаная аналізу рускіх фразеалагізмаў з асобнымі кампанентамі [5], артыкулы аб ежы [6], аб в'етнамскай кухні [7], аб асобных кампанентах і тэматычных групах фразеалагізмаў, напрыклад, іспанскай [8], беларускай [9; 10; 11], беларускай і рускай моў [12] і інш.

Абраўшы прадметам вывучэння гастронамічны код культуры беларусаў, які выступае адным з асноўных у вызначэнні асаблівасцей нацыянальнай свядомасці сярод шматлікіх кодаў культуры [гл.: 5; 13; 14; 15], спынім увагу на адной групе фразеалагізмаў беларускай мовы, што ўтрымліваюць кампанент-лексему *каша*. Для нас важна спазнанне інфармацыйнай насычанасці фразеалагізмаў з кампанентам *каша* як аднаго з самых частотных кампанентаў-найменняў гатовых страў і адпаведна самай колькаснай групы ўтвораных з ім фразеалагізмаў (адзначана 22 адзінкі), што, несумненна, сведчыць пра кашу як найбольш старажытную страву, а адпаведна, на аснове закона аб адборы лексем пры ўтварэнні вобразаў другасных адзінак мовы, і яе шырокую сімвалізацыю і сакралізацыю ў народным уяўленні.

Лексема *каша* абазначае 'густую страву з круп, звараных у вадзе або малацэ', а ў выніку метафарызацыі па падабенстве мае пераносныя значэнні: 'разрэджаная маса чаго-н., падобная з выгляду на гэту страву' і 'беспарадак, неразбярыха, калатня' [16, с. 671]. Каша як звычайная страву з прычыны сваіх уласцівасцей і якасцей стала выступаць сімвалам найперш жыватворнасці, сілы, росту на аснове магічнай сілы збожжа, так як каша варыцца з круп розных злакавых культур. Каша «атрымала сакральныя функцыі дабратворна

ўздзейнічаць на ўрадлівасць зямлі і дабрабыт чалавека» [17, с. 235]. Каша як адзін з асноўных прадуктаў харчавання давала моц і сілу. Такая дадатковая культурная інфармацыя выразна прасочваецца ў фразеалагізме *мала кашы еў / елі / з'еў / з'елі / наеў / наела / наелі* 'недастаткова вопытны, замалады, каб брацца за якую-н. сур'ёзную справу' (Л-2008-1: 417) і *мала кашы есць / з'есць* 'быць маладым, нявопытным' (Ю-1974: 89). Тут маецца на ўвазе, што вопыт, веданне справы, уменне выконваць якую-небудзь складаную работу прыпадабняецца да колькасці з'едзенай кашы: мала кашы еў – малы і вопыт. Фразеалагізм выступае стэрэатыпам, эталонам вызначэння як здароўя, фізічных сіл, так і розных здольнасцей чалавека, ці, як у гэтай адзінцы мовы, – малавопытнасці, няздольнасці зрабіць, выканаць што-небудзь складанае.

Каша як найменне стравы стала вобразным выражэннем уяўлення пра багатае жыццё: ёсць каша – ёсць сіла, ёсць дабрабыт, жыццё багатае. І цэлую карціну жыцця малое фразеалагізм *на кары каша* 'хто-н. спадзяецца на вельмі лёгкае, прывольнае жыццё' (Л-2008-1: 569). Вобраз фразеалагізма ўтвораны метафарай, што прыпадабняе што-небудзь жаданае ці тую неверагоднасць уяўленняў каго-небудзь пра бесклапотнае і лёгкае жыццё да кашы нават на кары як гатовай стравы, якую бяры і еш без усякіх затрат сіл і сродкаў. Фразеалагізм утвораны па вядомай мадэлі, параўн. аднатыпныя фразеалагізмы *на вярбе грушы растуць* 'хто-небудзь неймаверна хлусіць, выдумляе, расказвае небыліцы' (Л-2008-1: 328); *грушкі на хвой растуць* 'хто-н. гаворыць няпраўду, выдумляе, расказвае небыліцы' (Д-2000: 49); *на вярбе груша расце / грушкі растуць* 'хто-н. хлусіць, выдумляе, гаворыць пра тое, чаго не было' (Д-2000: 119); *на вярбе грушка пад вярбою дзве* 'хто-н. хлусіць, выдумляе, гаворыць пра тое, чаго не было' (Д-2000: 119), дзе выдумка, хлусня прыпадабняецца да неверагоднасці росту груш на непладовых дрэвах. Тут жа прывольнае і бесклапотнае жыццё суадносіцца з наяўнасцю гатовай кашы паводле яе сімвальнага значэння 'дастатак, благадаць і пад.', але калі ўвогуле паняцце пра рост пладоў на дрэвах, толькі асобных відаў, існуе, то ў гэтым фразеалагізме выбар такога месца знаходжання кашы, як кара дрэва, яшчэ больш узмацняе абсурднасць і іранічнасць у адносінах да чалавека, які такім чынам уяўляе лёгкае і прывольнае жыццё. Напрыклад: *Злыдзень стары, а не Тарасевіч. Папёрся ў горад... На кары каша, думаў, ліха матары... А цяпер бяровенне аддай яму на хату* (Мыслівец). Фразеалагізм *на кары каша* выступае стэрэатыпам хімернасці і неверагоднасці таго, што хто-небудзь шукае ці пра што марыць.

На аснове ведаў пра кашу як аднаго з галоўных відаў спажыванай ежы ў рацыёне кармлення салдат у войску склаўся фразеалагізм *паспытаць ваеннай кашы* 'паслужыць у войску' (Л-Ш-2007: 129), напрыклад: *І пайшоў я – няма дуру – Паспытаць ваеннай кашы* (Купала). У аснове вобраза фразеалагізма ляжыць метафара, паводле якой служба мужчыны ў войску, выпрабаванне яго салдацкім жыццём прыпадабняецца да паспрабавання, паспытання кашы. Тут выбар кампанента *каша* абумоўлены яшчэ і тым, што каша сімвалізуе і складанасць жыцця салдата, і ўмовы існавання яго ў калектыве, і немагчымасць адмовіцца, і многае іншае, што і складае сутнасць выпрабавання салдацкага жыцця і на што ўказвае азначэнне *ваенная* (ад *вайна* як час выпрабаванняў, ліхалецця і пад.). І фразеалагізм *паспытаць ваеннай кашы* перадае стэрэатыпнае ўяўленне пра складанасць ці ва ўсякім разе пра адметнасць службы мужчыны ў войску.

Да нашага часу дайшлі звесткі і захаваліся традыцыйныя прыгатаванні і ўжыванне кашы пры хрышчэнні немаўляці і пры пахаванні ці памінках чалавека як крайніх часавых кропках перыяду яго жыцця. Менавіта гэтую інфармацыю ўтрымліваюць і захоўваюць паасобныя фразеалагізмы, утварэнне якіх абавязана пераасэнсаванню свабодных словазлучэнняў, што былі найменнямі рэалій традыцыйнай беларускай культуры ў мінулым. У прыватнасці, пры хрышчэнні дзіцяці бабуля-павітуха, а сёння паважаная жанчына, як правіла, ва ўзросце, якая абіраецца бабай на хрэсьбінах, рыхтуе традыцыйную кашу для выкупу спачатку кумой і кумам, а затым і ўсімі астатнімі ўдзельнікамі святкавання, як кажуць, «на пялёнкі-распашонкі» для маладой сям'і.

І фразеалагізмы *купляць кашу* ‘народны звычай: на радзінах за грашовую ўзнагароду набываць кашу, якою бабка надзяляе гасцей’ (М-К-1972: 134) і *плаціць кашу* ‘даваць грашовую ўзнагароду бабцы за кашу, якою яна надзяляе гасцей (на радзінах)’ (М-К-1972: 213) якраз і фіксуюць звесткі пра адзін з найбольш захаваных да сённяшніх дзён рытуалаў пры святкаванні хрышчэння дзіцяці.

Астатнія фразеалагізмы з кампанентам-лексемай *каша* абавязаны найбольш сімвалізацыі і эталанізацыі яе, у аснову чаго былі абраны і пакладзены назіранні чалавека і ўвага да паасобных якасцей і ўласцівасцей гэтай стравы ці яе прыгатавання. У прыватнасці, каша – густая маса, што паслужыла ўяўленню для вызначэння такіх абстрактных паняццяў, як неразбярыха, блытаніна, і ўзнікненню новага пераноснага значэння слова *каша* – ‘беспарадак, неразбярыха, калатня’. І ў выніку фразеалагізмы *каша ў галаве* ‘хто-н. блытана разважае, не мае яснасці ў разуменні чаго-н.’ (Л-2008-1: 569) ці *каша ў галаве* ‘блытаніна ў разважаннях’ (Ю-1974: 38) вобразна і даходліва даводзяць пра сумбур і блытаніну ў думках, меркаваннях каго-небудзь. У аснове вобразаў фразеалагізмаў ляжыць метафара, паводле якой адсутнасць логікі разважання каго-небудзь ці тая блытаная або няпэўная інфармацыя, што паведамляецца кім-небудзь, прыпадабняецца да кашы як стравы густой кансістэнцыі, дзе нельга вызначыць яе складнікі, устанавіць форму і пад. А вось змена месцазнаходжання яе (у *галаве*) выяўляе сувязь фразеалагізма з саматычным (носьбітам блытаніны і непаразумення выступае чалавек на аснове метанімічнага пераносу, па-перашае, з часткі на цэлае і, па-другое, на аснове сімвалікі галавы як “месца” розуму) і прасторавым (праз прыназоўнік *у*) кодамі культуры. І такім вобразам, калі замест думак як паказчыкаў інтэлектуальных здольнасцей чалавека ў галаве каша, зрокавае ўспрыманне дапаўняецца культурным сэнсам неразбярыхі, блытаніны на аснове прыкмет кашы як віду ежы.

Дзеяслоўны дыялектны фразеалагізм *мясіць кашу* ‘гаварыць абы-што, пустое’ (Д-2000: 116) набліжаецца да папярэдніх фразеалагізмаў, але нясе новую інфармацыю і адметнае вобразнае прадстаўленне выніку разумовых здольнасцей чалавека праз ацэнку і характарыстыку яго маўленчай дзейнасці. Фразеалагізм служыць вобразным вызначэннем і спосабам выражэння неадабральнай характарыстыкі такога маўлення, такой дзейнасці чалавека, якая выяўляе бессвядомасць, пустату і неразбярыху паводле зместу маўлення. Тут, праўда, негатыўная ацэнка маўлення чалавека збліжаецца з адмоўным стаўленнем да хаджэння ці язды па чым-небудзь топкім, разрэджаным, сыпкім тыпу мокрага снегу, зямлі (параўн. *мясіць гразь* ‘ісці па гразкай дарозе’), што падобныя з выгляду на такую страву, як каша, ці па аналогіі і асацыятыўнай сувязі з такой ежай. Тут каша як неразбярыха, блытаніна ў галаве перанесена на вынік маўлення, ці тое, што паведамляецца, праз дзеяслоўны кампанент *мясіць* як паказчык сувязі фразеалагізма з антропна-дзейнасным кодам культуры. Дзеяслоўны кампанент *мясіць* выразна даводзіць пра цяжкасць і неразбярыху маўленчай дзейнасці такога чалавека па аналогіі ці на аснове асацыятыўнай сувязі дзеяння языка з дзеяннем ног па балоце, па гразкаму месцу, якое нагадвае кашу. І фразеалагізм *мясіць кашу* перадае стэрэатыпнае ўяўленне чалавека пра безмястоўны, абы-які змест маўлення каго-небудзь.

Вядома, што каша скарыстоўвалася ў мінулым ды і цяпер як рытуальная страву на радзінах, хрысцінах, вяселлі, памінках, што сімвалізуюць галоўныя вехі ў жыцці чалавека: нараджэнне новага чалавека, новай сям’і, адыходу чалавека ў іншы свет. Яе рыхтавалі з круп і дадавалі масла, мёд ці сала і падавалі апошняй. На аснове ведаў аб прыгатаванні кашы і яе ўласцівасцяў, знешнім выглядзе, а яшчэ глыбей – на аснове звестак пра мінулае калектыўнае прыгатаванне рытуальнай кашы, ці той галоўнай стравы, паводле якой была названа нават сама калектыўная святочная бяседа, вяселле, званы абед, свята з якога-небудзь выпадку і пад. (параўн. у рускай мове *чинити / чинить кашу* – ‘устраивать свадебный пир’), што патрабавала намаганняў многіх і, несумненна, наяўнасці клопатаў, сумятні, беспарадку, і ўзніклі выразы другаснага ўтварэння тыпу *заварваць кашу* ‘распачынаць складаную, клопатную, непрыемную справу’ (Л-2008-1: 433); *каша заварваецца /*

заварылася ‘распачынаецца складаная, клопатная або непрыемная справа’ (Л-2008-1: 569) ці *каша заварываецца* ‘пра пачатак звады, бойкі і іншых падобных падзей’ (Ю-1974: 38). Тут у аснове вобразаў пачатак складанай справы, важнага перыяду ў жыцці многіх людзей прыпадабняецца да пачатку заварвання кашы, якая прызначалася для ўсіх удзельнікаў. У семантыку фразеалагізмаў увайшлі тыя сэнсы, якімі «ўжо “нагружана” культурная рэалія *каша* і замяняльнае як слова-кампанент у фразеалагізме, – гэта *калектыўнасць* дзеянняў, іх складанасць і *клопатнасць*» [5, с. 264]. І фразеалагізмы перадаюць стэрэатыпнае ўяўленне пра пачатковы этап, пачынанне чаго-небудзь важнага і складанага, клопатнага па выкананні для вялікай колькасці людзей.

А вось наяўнасць каго-небудзь, хто ўдзельнічаць у такой калектыўнай справе не хацеў ці нейкім чынам пазбягаў гэтага, як вынік метафарызацыі мыслення пра кашу і такіх удзельнікаў яе заварвання і ўзнік фразеалагізм, які служыць для вобразнага і ацэннага ўспрымання адносінаў ці абставін паміж удзельнікамі справы – *кашы не зварыш* ‘не дамовішыся, не дойдзеш да згоды з кім-н.’ (Л-2008-1: 485). Гастронамічная метафара *кашы не зварыш* даводзіць асуджэнне тым, хто не хоча дамовіцца, зразумець, пайсці на ўступкі, прыняць удзел у чым-небудзь і інш. І фразеалагізм *кашы не зварыш* набыў ролю стэрэатыпу аб наяўнасці-адсутнасці згоды паміж удзельнікамі важнай ці складанай справы.

Зусім іншы змест і адпаведна іншую ацэнку нясуць фразеалагізмы *расхлёбваць кашу* ‘разблытваць якую-н. складаную, клопатлівую ці непрыемную справу’ (Л-2008-2: 313) ці *кашу расхлёбваць* ‘разбірацца замест іншага ў вельмі складанай і забытанай справе’ (Ю-1974: 38), вытокамі якіх лічаць прымаўку *Сам кашу заварыў, сам і расхлёбвай* ці яе скарачэнне як спосаб утварэння фразеалагізмаў і «з’яўленне ў слова *каша* значэння ‘беспарадак, сумятня, блытаніна» [18, с. 297]. Праз дзейслоўны кампанент *расхлёбваць* фразеалагізм суадносіцца з гастронамічным і дзейнасным кодам культуры і ўзыходзіць да бытавой сітуацыі, калі ежу хлябалі з адной агульнай міскі. Вобраз фразеалагізма як бы даводзіць пра сацыяльна-бытавую ўстаноўку: чалавек сам павінен спраўляцца з вынікамі пачатай ім справы, не перакладаючы ўсе складанасці на другіх. А калі інакш, то фразеалагізм якраз і ўжываецца для выражэння незадавальнення таго ці тых, каму прыходзіцца разбірацца ў непрыемнай справе, да якой ён ці яны не мелі дачынення. Як вынік, фразеалагізм *расхлёбваць кашу* набыў ролю стэрэатыпу складанай і клопатнай справы, якую неабходна вырашыць.

Каша як страва, што характарызуецца вязкасцю, няздольнасцю захоўваць форму і як найменне падзеі, складанай, клопатлівай, стала асновай для пераасэнсавання і ўзнікнення пераноснага значэння свабоднага выраза ў фразеалагізм – *у кашу ўлезці* ‘аказацца ўблытаным у якую-н. вельмі непрыемную справу’ (Л-Ш-2007: 129). Свабоднае прачытанне выраза дакладна ілюструе той пераносны сэнс: як непрыемна вымазацца кашай з-за яе густаты і вязкасці, так і нядобрым лічыцца быць ублытаным у якой-небудзь непрыемнай справе. Напрыклад: [Гануля:] *Ох, неспокойная натура ён у мяне! Кажэ – не ўпутаюся, а ўчора ў такую кашу ўлез, ажно сарам казаць* (Купала).

І яшчэ адна дадатковая інфармацыя пра кашу «схавана» ў фразеалагізмах *бярозавае каша* ‘розгі або дубец, рэмень і пад.’ (Л-2008-1: 569) і *даваць бярозавай кашы* ‘сцябаць дубцом’ (Ю-1972: 162); *палучаць бярозавай кашы* ‘быць пакараным фізічна’ (Ю-1974: 223). Фразеалагізмы выяўляюць сувязь, як можна меркаваць, з рознымі ўяўленнямі, што звязаны з пераасэнсаваннем кашы і ўключэннем яе ў розныя каштоўнасныя сімвалы. Так, фразеалагізм *даваць бярозавай кашы* пабудаваны паводле шырока вядомай мадэлі адзінак з агульнай тэмай біцця, параўн. *даваць гарту; даваць дыхту; даваць жару; даваць перцу; даваць пытлю; даваць чосу* ці *даць ляшча, даць перуноў; даць пудла; даць пытлю* і інш. Гэты вобраз можна суаднесці і з пераасэнсаваннем на аснове з выкарыстаннем «харчовага» кампанента *каша* як «частавання» ў пераносным значэнні. І, як мяркуе М. Л. Каўшова, «тэма біцця можа быць звязана з пераасэнсаваннем анталагічнай уласцівасці *кашы* ‘бясформеннасць, няздольнасць захоўваць

форму пры варыве': біццё, збіванне вядуць за сабой непазбежнае парушэнне знешняга выгляду каго-н., страту формы якой-н. часткі цела, напрыклад, твару» [7, с. 264].

Цікавы вобраз дыялектнага фразеалагізма *халіць шылам кашы / патакі* 'пагнаўшыся за чым-н., звездаць няўдачу (часцей з-за ўласнага промаху)' (Л-2008-2: 600), дзе зноў вобраз створаны на аснове метафарычнага пераасэнсавання выразу пра дзеянне з кашай ці патакай, што збліжаюцца паводле знешняга выгляду, такіх сваіх якасцей, як вязкасць, бясформенасць, адносная густата такіх страў. Фразеалагізм праз дзеяслоўны кампанент суадносіцца з антропна-дзеясным (дзеянне выконвае чалавек) і праз назоўнікавы кампанент *шыла* – з артэфактна-рэчавым кодамі культуры, акрамя гастронамічнага. Тут маецца на ўвазе, што хтосьці, пагнаўшыся за нечым жаданым, значным для яго, пацярпеў няўдачу, паколькі зрабіў не тое, выбраў не тыя прыярытэты жыцця, а таму і звездаў няўдачу. У аснове вобраза ляжыць метафара, паводле якой чалавек, пагнаўшыся за нечым жаданым, за тым, што не можа збыцца, церпіць крах, няўдачу, прыпадабняецца таму, хто шылам хапае кашу ці патаку. Выбар такіх прадуктаў харчавання абавязан той культурнай інфармацыі, што замацавана за такімі найменнямі ежы: каша, што сімвальна вызначае штосьці значнае, важнае, ці патака з яе сімволікай чагосьці добрага, жаданага як салодкай стравы. Але іх нельга есці, нават паспытаць шылам замест лыжкі. І фразеалагізм вобразна і наглядна, ці «зрокава», перадае дадатковы культурны сэнс, тое правіла, якім патрэбна кіравацца ў жыцці: выбірай правільна спосабы дасягнення мары, мэты жыцця і пад.

І заключаюць аналіз фразеалагізмаў з кампанентам *каша* фразеалагізмы *просяць / прасілі кашы* 'вельмі знасіліся, патрабуюць рамонту (чаравікі, боты і пад.)' (Л-2008-2: 255) ці *прасіць кашы / есць* 'патрабаваць рамонту (пра абутак, адзенне)' (Ю-1974: 260), якія выступаюць вобразнымі адзінкамі ацэнкі і характарыстыкі зношанага абутку. Фразеалагізмы суадносяцца з антропна-дзеясным (праз кампанент *прасіць*) і гастронамічным (праз кампаненты *есці* і *кашы*) кодамі культуры беларусаў. У аснове іх вобразаў ляжыць гастронамічная метафара, паводле якой абутак, які знасіўся, патрабуе рамонту, прыпадабняецца да чалавека, які просіць есці ці канкрэтна кашы як адной з самых актуальных страў. Такія вобразы фразеалагізмаў пабудаваны паводле асацыятыўнага падабенства паміж адкрытым ротам чалавека для прыёму яды і адарванай спераду падэшвы абутку як найбольш выразнага паказчыка зношанага абутку ці паводле прыпадабнення неабходнасці рамонту абутку да жадання есці і тым больш кашу як сімвала дабрабыту, моцы. Фразеалагізмы выступаюць у ролі эталона вызначэння і ацэнкі старога і зношанага абутку ці такога, што патрабуе рамонту [19].

Такім чынам, фразеалагізмы беларускай мовы з кампанентам *каша* сведчаць пра адбор названай лексемы як асновы вобразаў новых адзінак мовы, чаму служыла традыцыйнасць гэтай ежы, яе ўласцівасці і якасці, шырокая сімвалізацыя і сакралізацыя ў народным уяўленні найперш на аснове магічнай сілы збожжа, вынікаў ужывання гэтай стравы. Менавіта таму фразеалагізмы з кампанентам *каша* выконваюць ролю стэрэатыпаў, эталонаў вызначэння здароўя, фізічных сіл, моцы, багатага жыцця, розных здольнасцей чалавека, яго ўзаемаадносін з іншымі, захоўваюць і перадаюць культурна-гістарычны вопыт нашага народа.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Трубецкой, О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования / О. Н. Трубецкой. – М. : Наука, 1995. – 495 с.
2. Мокиенко, В. М. Когнитивное и адогнитивное во фразеологии / В. М. Мокиенко // Фразеология и когнитивистика: материалы 1-й Междунар. науч. конф. (Белгород, 4–6 мая 2008 г.): в 2 т. / отв. ред. проф. Н. Ф. Алефиренко. – Белгород : БелГУ, 2008. – Т. 1 : Идиоматика и познание. – С. 13–26.
3. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

4. Костяев, А. И. Вкусовые метафоры и образы в культуре / А. И. Костяев. – М. : Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2012. – 160 с.
5. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры / М. Л. Ковшова. – изд. 2-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 456 с.
6. Веденина, Л. Г. Человек и его пища / Л. Г. Веденина // Лингвострановедение: Методы анализа, технология обучения. Шестой Межвузов. семинар по лингвострановедению : сб. научн. статей. Ч. 2 / под общ. ред. Л. Г. Ведениной. Моск. гос. ин-т межд. отношений (ун-т) МИД России. – М. : МГИМО-Университет, 2009. – С. 174–240.
7. Глазунова, С. Е. Национальная вьетнамская кухня как отражение культурных и философских традиций / С. Е. Глазунова // Лингвострановедение: Методы анализа, технология обучения. Шестой Межвузов. семинар по лингвострановедению: сб. научн. статей. Ч. 2 / под общ. ред. Л. Г. Ведениной. Моск. гос. ин-т межд. отношений (ун-т) МИД России. – М. : МГИМО-Университет, 2009. – С. 15–72.
8. Мед, Н. Г. Национально-культурная специфика испанских фразеологизмов с гастрономическим компонентом / Н. Г. Мед // Язык. Сознание. Коммуникация : сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : МАКС Пресс, 2014. – Вып. 50. – С. 216–222.
9. Ляшчынская, В. А. Пра хлеб і да хлеба: Веды і вопыт беларусаў у фразеалагічных адзінках мовы / В. А. Ляшчынская // Роднае слова. – 2011. – № 10. – С. 38–42.
10. Ляшчынская, В. А. Эталоны і стэрэатыпы ў беларускіх саматычных фразеалагізмах: есці на поўны рот ці на зуб? / В. А. Ляшчынская // Слов'янська писемність у контексті християнської культури: матеріали круглого столу до Дня слов'янської писемності та культури / [за заг. рэд. Н. В. Коч]. – Миколаїв : МНУ імені В. О. Сухомлинського, 2013. – С. 134–139.
11. Ляшчынская, В. А. Трафонімы ў фразеалогіі як адлюстраванне культуры беларусаў / В. А. Ляшчынская // Славянский мир: духовные традиции и словесность : сборник статей по материалам Международной научной конференции / М-во науки и высш. обр. РФ [и др.]. – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2019. – С. 374–383.
12. Бурукина, О. А. Культурные коды в русских и белорусских фразеологизмах со стержневыми компонентами-трофонимами / О. А. Бурукина, О. А. Лещинская // Культура и цивилизация. Журнал по культурологии. – Т. 9. – № 6А. – 2019. – С. 85–97.
13. Гудков, Д. Б. Телесный код русской культуры : материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2007. – 288 с.
14. Ляшчынская, В. А. Ідыяматыка беларускай мовы ў лінгвакультуралагічным асвятленні / В. А. Ляшчынская. – Мінск : РІВШ, 2019. – 250 с.
15. Пименова, М. В. Исследование ментальности русского народа / М. В. Пименова // Языковые основы русской ментальности : учеб. пособие / отв. ред. М. В. Пименова. – 2-е изд., испр. и доп. – Кемерово : КемГУКИ, 2011. – 136 с.
16. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5-ці т. – Т. 2: Г–К / [Рэд. тома А. Я. Баханькоў]. – Мінск : Гал. рэд. Беларус. Сав. Энциклапедыі, 1978. – 768 с.
17. Валодзіна, Т. Каша / Т. Валодзіна, С. Санько // Міфалогія беларусаў : энцыклапедычны слоўнік / склад. І. Клімковіч, В. Аўтушка; навук. рэд. Т. Валодзіна, С. Санько. – Мінск : Беларусь, 2011. – 607 с. – С. 235–236.
18. Бирих, А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь : ок. 6000 фразеологизмов / СПбГУ; Межкаф. словарный каб. им. Б. А. Ларина; А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Астрель : АСТ : Хранитель. 2007. – 926 с.
19. Ляшчынская, В. А. Культурная канатацыя фразеалагізмаў з агульным значэннем ‘адзенне-абутак’ / В. А. Ляшчынская. – Беларуская лінгвістыка. Вып. 74. – Мінск : Беларуская навука, 2015. – С. 19–29.

Крыніцы з прынятымі скарачэннямі

- Д-2000 – Даніловіч, М. А. Слоўнік дыялектнай фразеалогіі Гродзеншчыны / М. А. Даніловіч. – Гродна : ГрДУ, 2000. – 267 с.
- Л-2008-1 – Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. – Т. 1: А–Л / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 672 с.

Л-2008-2 – Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. – Т. 2: М–Я / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 704 с.

Л-Ш-2007 – Ляшчынская, В. А. Слоўнік фразеалагізмаў мовы твораў Янкі Купалы / В. А. Ляшчынская, З. У. Шведава. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2007 – 312 с.

М-К-1972 – Мяцельская, Е. С. Слоўнік беларускай народнай фразеалогіі / Е. С. Мяцельская, Я. М. Камароўскі. – Мінск : БДУ, 1972. – 320 с.

Ю-1972 – Юрчанка, Г. Ф. І коціцца і валіцца (Устойлівыя словазлучэнні ў гаворцы Мсціслаўшчыны) / Г. Ф. Юрчанка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972. – 288 с.

Ю-1974 – Юрчанка, Г. Ф. І сячэ і паліць (Устойлівыя словазлучэнні ў гаворцы Мсціслаўшчыны) / Г. Ф. Юрчанка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1974. – 296 с.

In the article on the base of phraseologisms of the Belarusian language with the component «cereal» as the most frequently used component among selected lexemes-names of ready meals and the basis of the most quantitative group of phraseologisms formed with the help of it, the reasons and motives of the selection of this lexeme in the formation of the images of the stable units of the Belarusian language are established which gained the role of standarts, symbols, stereotyped ideas about the most important aspects of life of Belarusians. During the analysis of the selected phraseologisms cultural information, that distinctive representation of the result of cognition of the new different and the most important abstract concepts through the known, specific, the ways and means of the expression of evaluation, rules and norms worked out by people, and their fixation in the language is revealed.

Keywords: phraseologism, component, cereal, image, cognition, cultural information, standart, symbol, stereotype.

УДК 811.162'42'373:398.92

И. А. Меркулова

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ КАШУБСКОЙ ЛЕКСИКИ

Статья посвящена анализу фразеологии кашубского языка с помощью методов количественной лингвистики. Объектом исследования выступает «Кашубско-русский фразеологический словарь» В. И. Ермолы. Целью исследования является определение системного синтагматического веса каждой из лексем словаря, выявление фразеологически нагруженных лексем как маркеров наиболее значимых объектов.

Ключевые слова: лексема, фразеологизм, синтагматическая активность, кашубский язык.

Малочисленный славянский народ, который называют «кашубы», их национальный язык и культура попали в исследовательское поле зрения лингвистов, литературоведов, этнографов, историков только в середине XIX века. Большой вклад в изучение кашубской проблематики внесли отечественные ученые, и прежде всего П. И. Прейс [1], А. Ф. Гильфердинг [2], И. А. Бодуэн де Куртенэ [3].

Представители этой народности издавна населяли южный берег Балтийского моря, где соприкасаются две крупнейшие языковые и культурные стихии Европы – мир славянских и мир германских народов, что во многом определило уникальность и специфику кашубской национальной культуры.

Польская славистика традиционно определяет кашубский язык как один из территориальных диалектов польского языка, а сам народ считается «этнографической группой» польского народа. В русской и немецкой славистике уже с конца XVIII в. преобладает другой взгляд: кашубский расценивается как самостоятельный западнославянский язык, развивающийся в историческом взаимодействии с польским языком. Сего-

дня кашубский язык официально признан и кодифицирован, хотя процесс формирования его литературной формы продолжается [4].

Лексика кашубского языка уже становилась предметом нашего интереса. Так, в статье «Параметры кашубской лексики: квантитативный аспект» были выявлены функциональные, синтагматические, эпидигматические и парадигматические доминанты словаря Стефана Рамулта «Słownik języka pomorskiego czyli kaszubski» [5]. Что касается словарей, то их количество исчисляется единицами. Двухязычного же кашубско-русского словаря нет вообще, хотя имеется небольшой кашубско-русский фразеологический словарь [6]. В него включено около 3 000 фразеологизмов, выбранных из семитомного словаря Б. Сыхты. Этот словарь и стал объектом настоящего исследования.

При отборе материала ученый руководствовался принципами, вытекающими из традиционного понимания фразеологизма, принятого большинством фразеологов: фразеологическая единица – это относительно устойчивое, воспроизводимое, экспрессивное сочетание лексем, обладающее (как правило) целостным значением [7, с. 4].

Словарь В. И. Ермолы организован по гнездовому принципу. Такой подход дает возможность проследить, как различные явления получают языковое обозначение с помощью фразеологических единиц, а затем расчленить фразеологический фонд языка на смысловые группы (семантические поля).

Целью исследования является определение системного синтагматического веса каждой из лексем словаря и качественная характеристика полученных данных.

В таблице 1 представлено распределение кашубской лексики по количеству фразеологизмов. В первом столбце отражается количество фразеологизмов у одного слова, во втором – количество слов, имеющих такое число фразеосочетаний, третий столбец указывает на общее количество анализируемых слов в порядке накопления. В столбце С-Вес указывается относительная величина синтагматического веса слова, которая вычисляется по формуле, предложенной В. Т. Титовым [8]:

$$Pr_i = \frac{\sum r - R_{1-i}}{\sum r},$$

где Pr_i – вес i -того ранга; $\sum r$ – сумма единиц всех рангов; R_{1-i} – сумма единиц от первого до данного ранга.

Статистика показывает, что 742 лексемы включены в синтагматические связи. В это число не вошли служебные элементы (междометия, частицы), которые фиксируются словарем, но остаются за пределами нашего внимания как единицы, не имеющие самостоятельного лексического значения.

Таблица 1 – Распределение кашубской лексики по количеству фразеологизмов

ФС	Слов	Накопл.	С-вес
1	2	3	4
42	1	1	0,9986
39	1	2	0,9973
38	1	3	0,9959
27	1	4	0,9945
25	1	5	0,9931
22	1	6	0,9919
20	3	9	0,9892
19	1	10	0,9879
18	1	11	0,9865
16	2	13	0,9838

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4
15	4	17	0,9784
14	1	18	0,9771
13	5	23	0,9703
12	2	25	0,9676
11	3	28	0,9636
10	3	31	0,9595
9	9	40	0,9474
8	10	50	0,9339
7	14	64	0,9150
6	22	86	0,8853
5	31	117	0,8435
4	45	162	0,7827
3	75	237	0,6815
2	126	363	0,5015
1	379	742	0,0000

Наибольшее количество фразеологизмов (42) имеет существительное *glova* – голова: *běc očkq v glov'e* (быть глазком в голове) – ‘быть всем для кого-л.’; *běc svoje glově* (быть со своей головой) – ‘жить своим умом’; *cažko v glovq jize komus* (кому-л. тяжело идет в голову) – ‘кто-л. с трудом шевелит мозгами’; *cos komus do glově střelilo* (что-л. кому-л. стрельнуло в голову) – ‘что-л. пришло в голову кому-л.’; *cvarda glova* (твердая голова) – ‘голова садовая’; *čosac komus klině na glov'e* (тесать кому-л. клинья на голове) – ‘не давать житья кому-л.’; *dac glovq za cos* (дать голову за что-л.) – ‘дать голову на отсечение за что-л.’; *glova jak děžka* (голова как бочка) – ‘о большой голове’; *glova jak don'ica* (голова как горшок) – то же; *glova jak kubel* (голова как ведро) – то же; *glova jak sova* (голова как сова) – ‘о растрепанной женской голове’; *glovq krqčēc* (головой крутить) – ‘качать головой от удивления’; *glovq mqčēc komus* (голову мутить кому-л.) – ‘голову забивать кому-л.’; *glovq murě přeb'ijac* (головой стены пробивать) – ‘приложить все усилия для достижения своей цели’; *glově skladac* (головы складывать) – ‘перемышивать косточки’; *xajn'qti v glovq* (стукнутый по голове) – ‘пыльным мешком пристукнутый’; *jic po rozěm do glově* (идти за разумом в голову) – ‘ломать голову’; *klasc lopatq do glově* (класть лопатой в голову) – ‘разжевать и в рот положить’; *lamac sob'e glovq* (ломать голову); *mosni v rqkax, ale slab'i v glov'e* (силен руками, но слаб головой) – ‘о человеке, который не грешит умом, но силен физически’; *m'ec cemno v glov'e* (у кого-л. темно в голове) – ‘о темном, неграмотном человеке’; *m'ec ceplo v glov'e* (у кого-л. тепло в голове) – ‘кто-л. хватил лишнего’; *m'ec dobře v glov'e* (у кого-л. хорошо в голове) – ‘у кого-л. котелок варит’; *m'ec mak v glov'e* (у кого-л. мак в голове) – ‘у кого-л. не все дома’; *m'ec mlin v glov'e* (у кого-л. мельница в голове) – ‘у кого-л. кружится голова’; *m'ec m'itkq glovq* (у кого-л. мягкая голова) – ‘у кого-л. есть голова на плечах’; *m'ec něk'i v glov'e* (у кого-л. капризы в голове) – ‘о капризном человеке’; *m'ec n'edobře v glov'e* (у кого-л. нехорошо в голове) – ‘у кого-л. голова не в порядке’; *m'ec pstro v glov'e* (у кого-л. пестро в голове) – ‘у кого-л. ветер в голове гуляет’; *m'ec ptāška v glov'e* (у кого-л. птичка в голове) – ‘у кого-л. голова не в порядке’; *m'ec sano v glov'e* (у кого-л. сено в голове) – ‘у кого-л. пустая голова’; *m'ec v glov'e* (иметь в голове) – ‘замышлять нечто’; *m'ec zelono glov'e* (у кого-л. зелено в голове) – ‘молодо-зелено’; *n'ex ce glova o to n'e boli* (пусть твоя голова не болит из-за этого) – ‘не твоего ума дело’; *n'i m'ec daku nad glovq* (быть без крыши над головой); *ořexi na glov'e komus lqbrac* (орехи у кого-л. на голове колоть) – ‘житья не давать кому-л., жилы тянуть из кого-л.’; *stanqč na glov'e* (встать на голову) – ‘приложить все усилия для достижения своей цели’; *stracēc glovq* (потерять голову) – 1. ‘забыть, запомнить’; 2. ‘быть в растерянности’; *v glov'e sq krěpě m'ešajq*

(в голове крупы перемешиваются) – ‘ум за разум заходит’; *v g'lov'e s'q n'e m'esci* (в голове не помещается что-л.) – ‘в голове не укладывается что-л.’; *za ma'ło g'lov'q m'ec* (у кого-л. слишком маленькая голова) – ‘пороху не выдумает кто-л.’; *zazerac g'lov'q* (задирать голову) – ‘задирать нос’.

Голова в современном представлении – центр переработки информации. В понимании древнего человека все, что связано с головой, соотносилось с небом и его главными объектами – солнцем, луной, звездами. Мифологема головы – «солнца» – легла в основу таких фразеологических единиц, как *g'lova idet kru'gom*, *g'lova gorit*, *g'lova zakru'zilas' (j'ic po roz'em do g'lov'e)* (идти за разумом в голову) – ‘ломать голову’, *m'ec m'lin v g'lov'e* (у кого-л. мельница в голове) – ‘у кого-л. кружится голова’, *m'ec p'stro v g'lov'e* (у кого-л. пёстро в голове) – ‘у кого-л. ветер в голове гуляет’ и др.).

Голова в кашубской лексике является символом самостоятельности, что подтверждается следующими фразеологизмами: *b'ec s'voje g'lov'e* (быть со своей головой) – ‘жить своим умом’. Наряду с сердцем считается основной частью тела, местом расположения жизненной силы, души и ее силы; означает мудрость, ум, управление и контроль: *m'ec m'it'k'q g'lov'q* – ‘у кого-л. есть голова на плечах’. В голове есть место как для разума, так и для глупости: *ca'z'ko v g'lov'q j'ize komus* (кому-л. тяжело идет в голову) – ‘кто-л. с трудом шевелит мозгами’; *c'varda g'lova* (твердая голова) – ‘голова садовая’.

При определении фразеологически активных лексем кашубского языка можно ориентироваться на синтагматический вес 0,95 и выше, т. е. учесть слова, имеющие 9 и более фразеосочетаний. Все они распределяются по следующим семантическим группам (количество фразеологизмов указывается в скобках):

1. Части тела и органы человеческого тела: *noga* (38) – нога, *o'c'e* (27) – очи, *r'ec* (25) – задница, *j'az'ek* (22) – язык, *ra'ka* (20) – рука, *nos* (16) – нос, *ga'ba* (15) – рот, лицо, губы, *palec* (15) – палец, *b'r'eh* (10) – брюхо, живот. В этом отношении кашубский язык не является уникальным, так как соматизмы относятся к ключевым понятиям фразеосферы славян [9, с. 177].

2. Зоонимы. В кашубской фразеологии это названия животных и птиц: *p'es* (39) – пес, *kot* (19) – кот, *gapa* (13) – ворона, *g'qs* (11) – гусыня, гусь, *krova* (9) – корова, *m'ixa* (13) – муха, *k'on'* (9) – конь, *m'eš* (9) – мышь.

При использовании названий животных во фразеологизмах кашубский народ чаще был склонен отмечать отрицательные черты, чем положительные.

Gapa (ворона) – *d'rec s'q jak gapa* (верещать, как ворона) – ‘трещать как сорока’, *gapa komus narob'ila v k'ešin'* (ворона кому-л. наделала в карман) – ‘у кого-л. подмоченная репутация’, *k'arm'oni gapami* (кормленный воронами) – ‘о легкомысленном, ветреном человеке’, *m'ec gap'q* (иметь ворону) – ‘быть не в своём уме’, *m'ec gap'i roz'em* (обладать вороньим умом) – ‘умом не грешить’, *t'e'le co gapa na ogon'e un'ese* (столько, сколько ворона на хвосте унесёт) – ‘кот наплакал’, *v'ešv'ac'ic gap'q* (освятить ворону) – ‘вывести женщину легкого поведения за деревню под стук в сковороды’.

Kot (кот) – *fa'š'evi jak kot* (фальшивый, как кот), *j'ic jak kot po sm'otan'e* (идти как кот по сметане) – ‘красться как кот’, *kup'ic kota v m'exu* (купить kota в мешке), *m'ec kota v g'lov'e* (у кого-л. кот в голове) – ‘у кого-л. не все дома’, *nagnac komus kota* (пригнать кому-л. kota) – ‘свести с кем-л. счеты’, *ž'ec jak n'edob'iti kot* (жить как недобитый кот) – ‘еле сводить концы с концами’.

P'es (пес) – *an'i p'es po komus n'e zaš'ček'a* (даже пёс о ком-л. не залает) – ‘о ком-л. не останется и памяти’, *dbac o cos jak p'es o p'ot'q nog'q* (заботиться о чем-л., как пес о пятой ноге) – ‘вовсе не заботиться о чем-л.’, *dogoz'ec komus, jakbe psu b'ot'e uš'il* (угодить кому-л., как псу башмаками) – ‘оказать кому-л. медвежью услугу’, *kopn'q kogos jak psa* (пнуть кого-л., как пса) – ‘вышвырнуть кого-л. как собаку’, *lgac jak p'es* (лгать, как пёс) – ‘лгать без зазрения совести’, *z'li jak p'es* (злой как собака).

3. Сверхъестественное. Сюда относятся слова с религиозно-мистической семантикой. *djâbel* – дьявол, *boži* – Божий. Носители кашубского языка с вниманием относятся к религии. Этим объясняется наличие в кашубском языке большого количества фразеологизмов, ключевыми словами в которых являются *Бог* и *дьявол*, причем прилагательное *boži* – Божий (15 фразеологизмов) фразеологически более активно, чем существительного *Bóg* – бог (7 фразеологизмов).

Фразеологизмы, посредством которых люди обращаются к «нечистой силе», служат, так же, как и единицы со словом *Бог*, для выражения различных чувств, эмоций, волевых побуждений: *čarn'i jak djâbel* (черный, как дьявол) – ‘черный как сажа’, *djabla bë zežar ktos* (дьявола бы сожрал кто-л.) – ‘кто-л. голоден как волк’, *djâbel kogos n'ese* (дьявол несёт кого-л.) – ‘чёрт несет кого-л.’, *jic vedle kogos jak djâbel vedle křiža* (идти рядом с кем-то, как дьявол рядом с крестом) – ‘бояться кого-л. как чёрт ладана’.

4. Колоративы. Среди обозначений цветов в кашубской фразеологии активно задействованы *čarn'i* – черный и *b'âli* – белый.

Черный, как правило, плохой, дьявольский, злой. *Белый* не имеет ярко выраженной положительной коннотации, а во фразеологизме *ožen'ic sq z b'âlq* (жениться на белой) – ‘умереть, лечь в гроб’ полностью теряет положительную окраску.

5. Артефакты. В эту группу входит все, сделанное руками человека. Из артефактов фразеологически активны, по данным словаря, лишь лексемы *m'ex* – мешок, мехи, (16 фразеосочетаний) и *bôt* – башмак, ботинок (15 фразеологизмов).

6. Первостихии. Они представлены водой и огнем, имеющими 12 и 10 фразеологизмов, соответственно.

7. Небольшую подгруппу представляют компоненты, номинирующие человека по какому-либо признаку, чаще социальному положению, национальности, половозрастным характеристикам: *xlop* – мужик, мужчина (10 фразеологизмов), *Žid* – еврей (9 фразеологизмов). При этом обозначение мужчины более значимо, чем обозначение женщины. Лексема *baba* – баба, женщина – имеет при себе лишь 6 фразеологизмов.

Обращает на себя внимание частеречная характеристика лексем словаря. По нашим данным, подавляющее большинство являются существительными – 91,5%. Прилагательные и глаголы представлены приблизительно одинаково – 3,5–3,6%.

Следует отметить, что фразеологичность имен и фразеологичность глаголов различны по своей природе. Глаголам свойственно превращаться в связку, и тогда богатство лексической сочетаемости глагола превращается в меру его грамматикализованности. Фразеологичность имен лексична по своей природе. В этой связи представлялось бы целесообразным фразеологичность имен рассматривать как ядро, центр лексической фразеологии.

По мнению некоторых исследователей, частотность употребления лексемы в составе устойчивого сочетания, фразеологизма или пословицы может служить показателем значимости понятия, называемого той или иной лексемой. В. М. Алпатов, в частности, пишет: «Что касается пословиц, то представляется, что их количество и частотность, связанные с теми или иными номинативными единицами, в большей степени отражают языковые картины мира, чем заключенная в них мораль, скорее относящаяся к мировоззрению в широком смысле (которое может и не разделяться частью носителей языка), чем к мировидению» [10, с. 19]. Это утверждение вполне можно распространить и на фразеологию. О. Н. Чарыкова полагает, что «частотность употребления лексемы в составе фразеологизма свидетельствует о релевантности номинируемого ею объекта для национального сознания» [11, с. 87]. В этом отношении фразеология кашубского языка, представленная в словаре В. М. Ермолы, свидетельствует об особом внимании носителей кашубского языка к человеку, его здоровью и жизни, предметам, сделанным его руками, и натурфактам, а лидерами фразеологической активности выступают соматизмы.

Список использованных источников

1. Прейс, П. И. О кашубском языке: Донесение П. Прейса г. Министру Народного Просвещения из Берлина от 20 июня 1840 года. – Журнал Министерства Народного Просвещения, ч. XXVIII. – СПб., 1840. – отд. IV, С. 1–24.
2. Гильфердинг, А. Ф. Остатки славян на южном берегу Балтийского моря / А. Ф. Гильфердинг. – СПб., 1862. – 192 с.
3. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Кашубский язык, народ и вопрос / И. А. Бодуэн де Куртенэ // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1879. – № 311 (апрель-май).
4. Ахтерберг, Й. К вопросу о витальности кашубского языка: экспериментальное исследование в Глоднице / Й. Ахтерберг, М. Порембска // Славяноведение. – № 6. – 2005. – С. 38–48.
5. Меркулова, И. А. Параметры кашубской лексики: количественный аспект / И. А. Меркулова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 11–2 (41). – С. 117–120.
6. Ермола, В. И. Кашубско-русский фразеологический словарь / В. И. Ермола. – СПб. : Польский ин-т, 2011. – 147 с.
7. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология / В. М. Мокиенко. – М. : Высшая школа, 1980. – 208 с.
8. Титов, В. Т. Частная количественная лексикология романских языков / В. Т. Титов. – Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2004. – 551 с.
9. Меркулова, И. А. Что такое лексическая нуклеология? / И. А. Меркулова // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018. – № 4. – С. 175–178.
10. Алпатов, В. М. Что такое картины мира и как до них добраться? / В. М. Алпатов // Язык. Константы. Переменные : памяти Александра Евгеньевича Кибрика. – СПб. : Алетей, 2014. – С. 11–21.
11. Чарыкова, О. Н. Лингвистические средства репрезентации национальной аксиологической картины мира / О. Н. Чарыкова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2013. – № 2. – С. 86–88.

The article is devoted to the analysis of the phraseology of the Kashubian language by the methods of quantitative linguistics. The object of the research is the “Kashubian-Russian phraseological dictionary” by V. I. Ermoly. The aim of the research is to determine the systemic syntagmatic weight of each of the lexemes of the dictionary. The author identifies phraseologically loaded lexemes as markers of the most significant objects.

Keywords: lexeme, phraseologism, syntagmatic activity, Kashubian language.

УДК 811.161.1'42'371:392.71:398.9:821.161.1-191*И.А.Крылов

В. М. Мокиенко

ДРУЖБА И ПСЕВДОДРУЖБА В БАСНЯХ И. А. КРЫЛОВА

В статье анализируются крылатые выражения из басен И. А. Крылова. Обобщается опыт их лексикографического описания в словаре (составители В. М. Мокиенко, К. П. Сидоренко). Специальное внимание уделено концепту «Дружба» в литературном наследии русского баснописца. Демонстрируется амбивалентность и диалектичность аксиологической характеристики этого концепта.

Ключевые слова: крылатые слова, фразеологизмы, пословицы, И. А. Крылов, басни, концепт «Дружба».

Раздумывая о сюжете очередного доклада на ежегодном фразеологическом вече в гостеприимном Гомеле, я перебрал в памяти немало достойных этого славистического форума тем. И, после глубоких раздумий, остановился на концепте «Дружба». Ведь именно сейчас, когда весь мир скован цепями враждебного человечеству ковида-19,

когда привычные и крепкие дружеские узы обратились в неосязаемое дистанционное общение, а жившие ранее в мире и гармонии страны инъекцируются злобой и враждой, нам, фразеологам и паремиологам, самое время громко говорить о *Дружбе* и *Товариществе*. Мы, фразеологи, можем многое сказать *urbi et orbi*, ибо с самого рождения нашей всё еще молодой лингвистической дисциплины в послевоенном Ленинграде культивировали этот концепт.

Наша Фразеология, как известно, родилась в 1946 году на первой послевоенной юбилейной конференции филологического факультета Ленинградского государственного университета. Родилась в лоне доклада академика В. В. Виноградова «Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины» [1]). И, как сейчас знает каждый фразеолог, родившись, породила знаковые лингвистические термины: *фразеологическое сочетание*, *фразеологическое единство* и *фразеологическое сращение*. Вдумаемся в эти хрестоматийные термины. Ведь они – символы концепта *Дружба*: слова, как и мы, фразеологи, *сочетаясь, соединяются* друг с другом и, в конце концов, *срачиваются* до неразрывных *единств*.

Именно так с нами, славянскими фразеологами, поступают уже много лет организаторы нашей Гомельской конференции проф. В. И. Коваль и проф. Е. В. Ничипорчик. И не случайно эта конференция проходит в рамках VIII-й Международной культурно-просветительской программы «Славянские встречи». Я бы добавил к определению *Славянские* еще один эпитет – «Славянские *Дружеские* встречи», ибо концепт «Дружба» всегда витал и витает в этих университетских стенах...

Именно поэтому сегодня я буду говорить Дружбе и Друзьях в контексте басен И. А. Крылова, которого этот концепт, как увидим, занимал всю жизнь.

Все мы, конечно, знаем, что такое Дружба и Друг... Но, заглянув в сакральный для всех нас словарь В. И. Даля, мы обнаружим важные оттенки этих понятий, несколько усредненные современными лексикографами. «Друг м. другой, в знач. такой же, равный, другой я, другой ты; ближний, всякий человек другому», – формулирует это слово великий «собиратель слов». И – иллюстрирует его любимыми нами мудрыми паремиями: *Не желай другу, чего себе не желаешь. Любите друг друга, снисходите друг другу* или *друг ко другу*, один другого или к другому» [2, т. 1, с. 1233]. А вот и статья *Дружба* из его словаря: «Дружба ж., дружество сравн. взаимная привязанность двух или более людей; тесная связь их; в добром смысле, бескорыстная, стойкая приязнь, основанная на любви и уважении; в дурном, тесная связь, основанная на взаимных выгодах» [2, т. 1, с. 1235]. И – паремиологическая иллюстрация этой амбивалентности нашего концепта: *В дружбе правда. Чаше счет – крепче дружба. Счет дружбе не помеха...*

Вдумаемся в эти толкования, которым уже почти два века. И обнаружим, что в них глубоко имплицирована семантика привычных нам фразеологических терминов: *сочетание*, *единство* и даже *сращение*... Правда, не слов, а – людей, что, в сущности, еще важнее. И я не случайно привожу эти дефиниции не по 1-му изданию словаря В. И. Даля, а по изданию его гениального редактора – И. А. Бодуэна-де-Куртенэ 1903–1909 гг. – польского русского или русского поляка со звучной французской фамилией. Да ведь и у Владимира Ивановича Даля фамилия была не типично русская, а литературным псевдонимом он избрал сочетание «Казак Луганский», подчеркивая, что он – «малоросс», кровно связанный с Россией, её языком и культурой. Даже в этой, отнюдь не случайной, «малой капле вод» отразилось взаимное тяготение славян даже не славянского происхождения к единству и сращению. Такое же, как на наших «Славянских встречах» в Гомеле.

Конечно, ныне концепт «Дружба» осмысливается в более развернутых ракурсах, диктуемых современными поисками национальной языковой картины мира и когнитивными флюидами. Вот как характеризует его мой покойный друг В. В. Колесов в своем «Словаре русской ментальности» [3, т. 1, с. 227–228]:

ДРУГ – *другой* «я», близкий по **духу** и **мысли** и равный **делом**, способный понять, помочь («друг познается в беде») и принести **жертву** («для милого дружка и сережку из ушка», и даже «больше той любви не бывает, как друг за друга умирает»).

Социально друзья сильны взаимной дружбой, которая создает **чету** (*другой* как *иной*, т. е. «заединщики»: «друг о друге, а Бог обо всех»), но не **родством**, как **брат**, и не **таинством**, как **брак**, и прежний **враг** может обернуться Д.-ом, а Д. – врагом. Обрести истинного Д.-а – **счастье** и **удача** («не имей сто рублей, а имей сто друзей»), которые нужно заслужить и к которым следует стремиться («нет друга, так ищи, а нашел, так береги»).

♦ Осл. *другъ* ‘спутник, верный товарищ’ (*другой я, сам-друг*); др.-рус. ‘друг’ (968), ‘другой (человек)’ (1257), ‘спутник’ (1338) – от ие. корня в знач. ‘следовать, следующий (за мной в боевом порядке)’.

◇ Д. бескорыстный, близкий, верный, давний, добрый, душевный, единственный, заветный, завистливый, задушевный, искренний, испытанный, личный, лучший, любезный, милый, надёжный, настоящий, неразлучный, преданный, сердечный, старый, хороший.

○ Совр. ‘сторонник, приверженец’, обращение к незнакомому мужчине.

Далее следуют афористически отточенные и философски диалектичные цитации из Флоренского, Франка, Чаадаева, Е. Трубецкого и контекстные иллюстрации Твардовского и Лимонова.

Как видим, здесь амплитуда нашего концепта расширена и он иллюстрируется иными паремиями, чем в словаре В. И. Даля. Но основной семантический «генератор» этого концепта остается далевским: Друг – это «другой я», равный мне...

Понятно, что концептосфера «Дружбы» во все времена влекла к себе каждого человека и запечатлевалась как в фольклоре, так и в литературе и искусстве. У каждого писателя она обретает и свою собственную оттеночность, в зависимости от жизненного опыта, социальной обусловленности и собственных дружеских отношений.

Для доклада в Гомеле я избрал творчество русского баснописца И. А. Крылова. Выбор, как всем понятно, не случаен: ни у какого другого писателя народный колорит, запечатленный в пословицах и поговорках, не проступает столь отчетливо, как у «дедушки Крылова». И при этом, как и у А. С. Пушкина, народность в его баснях органически сплетается с европейскостью. Но этот выбор связан с еще двумя обстоятельствами, пожалуй, субъективного характера. 13 февраля 2019 года исполнилось 250 лет со дня рождения нашего баснописца. Юбилей прошел без излишней помпы, но с должным вниманием к этой знаменательной дате. Так, в Петербургском университете им. А.И. Герцена ей была посвящена конференция и издан фундаментальный сборник статей. Второе же обстоятельство – моя многолетняя дружба с профессором этого университета Константином Павловичем Сидоренко. В соавторстве с ним мы, подобно И. Ильфу и Е. Петрову, написали несколько книг: словарь крылатых выражений А. С. Пушкина [4], А. С. Грибоедова [5], И. Ильфа и Е. Петрова (в печати). К составлению каждого словаря нужны, как знают все лексикографы, многие годы подготовки и ежедневный каторжный труд. И к составлению нашего словаря крылатых выражений И. А. Крылова [6], мы начали готовиться за 10 лет до юбилея баснописца в 2019 году. Это был нелегкий, но благодарный труд, подобный детективным розыскам. Ведь многие крылатые «крыловизмы» были подобны палимпсесту, текстологическое развертывание которого требовало не только догадки, но и погружения в толщи славянского и европейского фольклора и античных басенных сюжетов. И, работая над этим, нашим очередным словарем русской «крылатики», мы вкушали плоды концепта «Дружба», ибо ничто так не сближает людей, как общий творческий труд. И последняя версия словаря была издана за год до 150-летнего юбилея И. А. Крылова.

Наследие баснописца, конечно же, досконально изучено и хрестоматийно. 236 басен, уже при его жизни собранные в девять сборников (1809–1843 гг.), стали, с одной стороны, энциклопедией русской народной жизни, а с другой – вратами в европейскую

культуру и литературу, ибо сюжеты некоторых из его басен восходят и к басням Эзопа, Федра, Бабрия и Лафонтена. Крылатыми же фразы И. А. Крылова стали благодаря живой народной русской речи, на которой говорят его герои, «неделимости» слияния разговорной и книжной стихий в его творчестве. Яркий и меткий язык, сатирическая острота, направленная на обличение социальных и человеческих пороков, демократический дух – всё это сделало творчество баснописца бессмертным.

При этом злободневность басенного творчества И. А. Крылова гармонично перекликается с его культурологической значимостью. Ведь в баснях отражены многие типичные фрагменты традиционной жизни России, которые можно свести в культурологические доминанты [7]. Они образуют 11 основных тематических циклов, актуальных для лексико-фразеологической системы баснописца: 1. Реалии русского быта. 2. Национальная русская кухня. 3. Деньги. 4. Имена. 5. Профессии. 6. Семья, родня. 7. История. 8. Политика. 9. Пословицы и поговорки. 10. Культурологические реалии и их перевод. 11. Библия. И в рамках этих доминант рельефно вырисовываются концептуальные стержни, достойные специального исследования.

Один из них – именно концепт «Дружба». Он представлен во многих баснях И. А. Крылова, образуя своеобразные семантические циклы.

Вот статистика употреблений нашего концепта в крылатых выражениях из басен И. А. Крылова (по материалам нашего словаря: Мокиенко, Сидоренко 2018), представленная 35 относительно устойчивыми единицами:

ДРУЖБА – 12 крылем:

В дружбе все они едва ль не одинаки: послушать, кажется, одна у них душа; В ком сердце так сотворено, что дружбы, ни любви не чувствует оно; Когда корысть себя личиной дружбы кроет, она тебе лишь яму роет; Корысть себя личиной дружбы кроет; Но в дружбе что за счет? котел горой за свата; О хude, о добре и, наконец, о дружбе; Равенство в любви и дружбе вещь святая; С разбором выбирай друзей, когда корысть себя личиной дружбы кроет; Случалось часто мне слышать напраслину, что будто б дружбы нет глупее и скучнее; Собачья дружба; Услуга в дружбе вещь святая; Читатель, басни сей мысль самая простая: что равенство в любви и дружбе.

ДРУЖИТЬ – 2 крылемы:

И нечему дивиться: как дереву с огнем дружить; Как дереву с огнем дружить.

ДРУГ – 15 крылем:

Анюточка, мой друг; В море без тебя, мой друг, воды довольно; Друзья! к чему весь этот шум; Не трепещи так; не будь, мой друг, упрям; Великий краснобай, названный друг природы, недоученный философ; Друг без друга они не ели и не тили; Другу с дерева бросал одни скорлупки; И у друга на лбу подкарауля муху, что силы есть – хвать друга камнем в лоб; Лучший друг и нем, и глух; На языке легка и ласка и услуга; но в нужде лишь узнать прямого можно друга; Но в нужде лишь узнать прямого можно друга; У друга на нос муха села; Федюша сам вверху каштаны убирал, а другу с дерева бросал одни скорлупки; Хвать друга камнем в лоб; Что силы есть – хвать друга камнем в лоб.

ДРУЖОК – 3 крылемы:

Дружок, напрасно, смотря на собачку, ты вздумал, что тебе я также дам потачку; Послушай-ка, дружище, ты, сказывают, петь великий мастерище; Дружня шерсть.

ПОДРУГА – 3 крылемы:

Зачнет считать своих подруг; Подруга каждая тут тихо толк подругу; Тихо толк подругу.

Легко увидеть, что семантически компоненты-скрепы этих выражений не представляют единства. Парадоксально, но большинство из них распределяется по оси «Положительная оценка Дружбы – Отрицательная оценка Дружбы» не в пользу первого полюса оппозиции: положительные коннотации отражены в 8 крылатых выражениях, а отрицательные – в 18:

1. *В дружбе все они едва ль не одинаки: послушать, кажется, одна у них душа; Но в дружбе что за счет? котел горой за свата; О хude, о добре и, наконец, о дружбе; Равенство в любви и дружбе вещь святая; Услуга в дружбе вещь святая; Читатель, басни сей мысль самая простая: что равенство в любви и дружбе; На языке легка и ласка и услуга; но в нужде лишь узнать прямого можно друга; Но в нужде лишь узнать прямого можно друга.*

2. *В ком сердце так сотворено, что дружбы, ни любви не чувствует оно; Когда корысть себя личиной дружбы кроет, она тебе лишь яму роет; Корысть себя личиной дружбы кроет; С разбором выбирай друзей, когда корысть себя личиной дружбы кроет; Случалось часто мне слышать напраслину, что будто б дружбы нет глупее и скучнее; Собачья дружба; И нечему дивиться: как дереву с огнем дружить; Как дереву с огнем дружить; Другу с дерева бросал одни скорлупки; И у друга на лбу подкарауля муху, что силы есть – хвать друга камнем в лоб; Лучший друг и нем, и глух; У друга на нос муха села; Федюша сам вверху каштаны убирал, а другу с дерева бросал одни скорлупки; Хвать друга; Что силы есть – хвать друга камнем в лоб; Зачнет считать своих подруг; Подруга каждая тут тихо толк подругу; Тихо толк подругу.*

Конечно же, такая статистическая неравноположенность относительна, ибо в контексте конкретных басен положительная и отрицательная оценка Дружбы мутирует, как, например, в басне «Пустынник и Медведь», где услужливый, но глупый друг оказался опаснее врага, оказав медвежью услугу, охраняя спящего друга от назойливой мухи ударом камнем в лоб. Тем не менее, при всей статистической относительности такого соотношения, оно демонстрирует диалектичность концепта «Дружба» у И. А. Крылова. Оно отражает объективное противопоставление истинной, бескорыстной Дружбы Псевдодружбе, корыстной дружбе, т. е. дружбе, нарушающей одну из паремий, заложенной в дефиницию этого слова В. И. Далем: *Чаще счет – крепче дружба*. Следовательно, второй ряд оппозиции укладывается в определение В. И. Даля «в дурном» смысле – как «тесная связь, основанная на взаимных выгодах». Увы, все мы – свидетели и такой оборотной стороны нашего концепта.

Не все лексические его воплощения, правда, укладываются в вышеозначенную оппозицию. Некоторые из них, выполняя функцию обращения, в некоторой степени десемантизированы:

Анюточка, мой друг; В море без тебя, мой друг, воды довольно; Друзья! к чему весь этот шум; Не трепещися так; не будь, мой друг, упрям; Дружок, напрасно, смотря на собачку, ты вздумал, что тебе я также дам потачку; Послушай-ка, дружище, ты, сказывают, петь великий мастерище.

Некоторые из таких лексем, десемантизовавшись, вернулись грамматически «во круги своя», т. е. вновь обрели функцию местоимения: *Друг без друга они не ели и не пили*. А некоторые утратили антропоморфные характеристики и обрели абстрактную «экологическую» семантику: *Великий краснобай, названный друг природы, недоученный философ*.

Над отдельными примерами, связанными с концептом «Дружба», мы глубоко задумывались, ибо они представляли собой не столько концептуальную, содержательную, сколько лингвистическую загадку. Так, фраза *Стоять горой за дружню шерсть* из басни «Собачья дружба» гипнотизирует нас своей языковой архаикой. Не случайно А. А. Шахматов в своем «Синтаксисе русского языка» привел ее с комментарием: «Неличные формы нередки у поэтов» [8, с. 162].

Таких загадок в процессе составления словаря нам с К. П. Сидоренко пришлось разгадывать немало. И многим из крыловских паремий мы посвятили отдельные очерки: *Хоть видит око, да зуб неймет* [9]; *Хоть ты и в новой коже, а сердце у тебя все то же* [10]; *В семье не без урода* [11]; *А дуги гнут с терпением и не вдруг* [12]; *Чудес палата* [13]; *Гори все огнем* [14] и др. И мы, разгадывая их, вспоминали знаменитый афоризм А. С. Пушкина: «Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!». Такими поэмами для нас со школьных лет стали басни «Дедушки Крылова». Многому они нас

научили – в том числе и тому, как отличать истинную *Дружбу* от корыстной, коварной. Такой, которая обнажается при первом же дележе добычи или даже расчете на нее. Именно такую псевдодружбу описал И. А. Крылов во всем известной басне «Собачья дружба», где Полкан с Барбосом, насытившись, завели беседу о том, чтоб «в дружнем счастье всё свое блаженство ставить», подражая мифологическим Оресту и Пиладу. Но как только повар кинул им кость, «друзья» (в кавычках) сцепились так, что «только ключья полетели», пока их насилу разлили водой...

Мораль басни поучительна и сейчас:

Свет полон дружбою такую.

Про нынешних друзей лъзя молвить, не греша,

Что в дружбе все они едва ль не одинаки:

Послушать, кажется, одна у них душа, –

А только кинь им кость, так что твои собаки!

Поучительна, хотя басня впервые напечатана в далеком 1815 году. Давно, но в политических обстоятельствах, очень напоминающих нынешние. Баснописец намекает в этой басне на тогдашние политические события в Европе. На Венском конгрессе, собравшемся после победы над Наполеоном в начале 1815 г., противоречивые интересы союзников столкнулись настолько, что назрела возможность военного конфликта. И европейская «собачья дружба» едва не привела к новой военной катастрофе.

Увы, времена меняются, но басенные и паремиологические истины сохраняют свою актуальность – на то они и истины. Тем не менее, как и каждая истина, и эта амбивалентна и диалектична – не случайно Иисус задавал Пилату свой вечный вопрос: «Что есть истина?». Мы, фразеологи и паремиологи, тоже не можем на этот вопрос ответить перпендикулярно. Но одно мы знаем твердо: у политиков – одна Истина (наверное, – *псевдо*), у нас – иная (возможно, – *истинная*). Поэтому концепт «Дружба» у нас, участников Гомельской фразеологической конференции, окрашен лишь в положительные тона. В те тона, которые сегодня созвучны со словами героя повести русскоязычного писателя из Малороссии Н. В. Гоголя:

«Хочется мне вам сказать, панове, что такое есть наше товарищество... Все взяли бусурманы, все пропало... Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство! Вот на чем стоит наше товарищество! Нет уз святее товарищества! Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь свое дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек...»

Мы, фразеологи разных стран и городов, породнились не по крови, а родством фразеологической души. И потому концепт «Дружба» нас всех *сочетает* и *единит*. И даже делает фразеологическими *сращениями*. Благодаря нашим белорусским *сябрам* – слову, которое в словаре Ивана Ивановича Носовича, опубликованном уже полтора века назад в Санкт-Петербурге, значит и ‘друг’, и ‘сотоварищ’, и ‘родственник, брат’ [15]. Такова мощь и долговечность славянского концепта «Дружба».

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 20-68-46003 Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс / The study is supported by Russian Science Foundation (project No. 20-68-46003 “The Semantics of Unity and Animosity in Russian Lexis and Phraseology: Language System and Discourse”).

Аффилиация: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина» / Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin”.

Список использованных источников

1. Виноградов, В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины / В. В. Виноградов // Труды юбилейной научной сессии Ленинградского гос. ун-та. 1819–1944. Секция филол. наук. – Л. : Изд-во Ленингр. ордена Ленина ун-та, 1946. – С. 45–69.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – изд. 3-е, исправленное и значительно дополненное / под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. – Тт. 1–4. – М., 1903–1909; 4-е исправленное и значительно дополненное издание / под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. – Тт. 1–4. – СПб.–М., 1912–1914. Перепечатка: М. : «Прогресс», 1995.
3. Колесов, В. В. Словарь русской ментальности : в 2 т. / В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. – СПб. : Златоуст, 2014. – Т. 1 : А–О. – 592 с.; Т. 2 : П–Я. – 592 с.
4. Мокиенко, В. М. Школьный словарь крылатых выражений Пушкина / В. М. Мокиенко, К. П. Сидоренко. – СПб.–М. : Издательский Дом «Нева», 2005. – 800 с.
5. Мокиенко, В. М. Большой словарь крылатых выражений А. С. Грибоедова («Горе от ума») / В. М. Мокиенко, О. П. Семенец, К. П. Сидоренко / под общ. ред. К. П. Сидоренко. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009. – 800 с.
6. Мокиенко, В. М. Крылатые слова басен Ивана Андреевича Крылова. Словарь / В. М. Мокиенко, К. П. Сидоренко. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2018. – 796 с.
7. Мокиенко, В. М. И. А. Крылов на перекрёстке эпох: традиции и инновации / В. М. Мокиенко // Русский язык на перекрёстке эпох: традиции и инновации в русистике. III Международная научно-практическая конференция, посвященная 20-летию РАУ. 24–26 сентября 2017 г. Сборник научных статей. – Ереван : Изд-во РАУ, 2018. – С. 107–118.
8. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов ; вступ. ст. Е. В. Клобукова ; ред. и коммент. Е. С. Истоминой. – 3. изд. – М. : УРСС, 2001. – 620 с.
9. Мокиенко, В. М. Из истории крылатых выражений И. А. Крылова. 1. (*Хоть видит око, да зуб неймет*) / В. М. Мокиенко // Слово, фразеологизм, текст в литературном языке и говорах. Памяти профессора Р. Н. Попова. – Орел : Орловский гос. ун-т, 2010. – С. 108–113.
10. Мокиенко, В. М. Из истории крылатых выражений И. А. Крылова. 3. (*Хоть ты и в новой коже, а сердце у тебя все то же*) / В. М. Мокиенко // Фразеологические чтения памяти профессора Валентины Андреевны Лебединской. К 70-летию со дня рождения. – Вып. 5. Сборник материалов Международной научной конференции 2–3 марта 2011 года. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011. – С. 211–215.
11. Мокиенко, В. М. Из истории крылатых выражений И. А. Крылова. 4. (*В семье не без урода*) / В. М. Мокиенко // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания : Юбилейный сб. научн. трудов к 65-летию Н. Ф. Алефиренко / сост. И. Г. Паршина, Е. Г. Озерова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. – С. 217–227.
12. Мокиенко, В. М. Из культурологических комментариев к басням И. А. Крылова (*А души гнут с терпением и не вдруг*) / В. М. Мокиенко // Русистика и современность. Материалы XIV Международной научно-практической конференции. 29 сентября – 1 октября 2011 года. Том 1. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. – СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, изд-во «Северная звезда», 2011. – С. 285–292.
13. Мокиенко, В. М. «Петербургская *Чудес палата* у И. А. Крылова» (комментарий к басне) / В. М. Мокиенко // Петербургский дискурс : юбилейный сборник в честь профессора Дины Михайловны Поцепни. – СПб. : Изд. дом «Мир русского слова», 2013. – С. 151–167.
14. Мокиенко, В. М. Фразеология как составная часть текста (из фразеопотребления И. А. Крылова) / В. М. Мокиенко // Text a kontext. Květušě Lepilová a kol. – Brno : Masarykova univerzita Brno. Filozofická fakulta, 2013. – С. 49–56.
15. Насовіч, І. І. Слоўнік беларускай мовы / І. І. Насовіч. – СПб, 1870. – 792 с.

The article analyzes the winged words of the fables of I. A. Krylov. The experience of their lexicographic description in the dictionary (compiled by V. M. Mokienko, K. P. Sidorenko) is generalized. Special attention is paid to the concept of "Friendship" in the literary heritage of the Russian fabulist. The ambivalence and dialectic character of the axiological characteristics of this concept is demonstrated.

Keywords: winged words, phraseological units, proverbs, I.A. Krylov, fables, concept "Friendship".

Т. Г. Никитина

ТРАНСФОРМАЦИИ ПАРЕМИЙ: ДИНАМИКА АКСИОЛОГИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ

В статье представлены результаты лингвоаксиологического анализа современных трансформаций русских паремий – пословиц, примет, загадок. Показаны выявленные случаи смены аксиологического вектора паремий и полная дезаксиологизация оборотов. Представлена концепция словарной репрезентации паремиологических трансформаций, сопровождаемых преобразованиями оценочного компонента их содержания.

Ключевые слова: паремиология, лексикография, лингвоаксиология, пословица, примета, загадка, трансформации паремий.

Проблематика паремиологических трансформаций активно разрабатывается в последние годы лингвистами [1; 2; 3], трансформы пословиц и паремий других типов отражаются в словарях [4; 5; 6, с. 666–681; 7, с. 310–361], концепции которых детализируются и совершенствуются [8; 9; 10]. При этом, по нашим наблюдениям, недостаточное внимание уделяется аксиологической характеристике паремиологических трансформов. Цель данной статьи – показать динамику оценочного компонента семантики паремий при их трансформации и возможности лексикографической репрезентации результата этого трансформационного процесса.

В ряде случаев трансформация паремии (сокращение компонентного состава, замены компонентов и пр.) передает смену критериев оценки отражаемых народными выражениями базовых ценностей лингвокультуры (дружба, любовь, счастье, труд, родина): *В деньгах счастье* (Запись 2020 г.); *Не имей сто друзей, а имей сто тысяч рублей* (Запись 2019 г.); *Кто не работает, тот ест (зарабатывает)*; *Бесплатно мил не будешь* (Запись 2018 г.); *Дома хорошо, а в Европе лучше* (Запись 2019 г.). Менее категоричные утверждения новых приоритетов наблюдаем в шутливо-иронических трансформах типа: *Ученье – свет, а неученье – приятный полумрак* [11, с. 211].

Конкретизация содержания паремии в определенных сферах употребления также может сопровождаться появлением новых эмотивно-оценочных смыслов, сравн. : шутливо-иронические *Как студента ни корми, он все равно в столовой лекции просиживает* (Запись 2020 г.); *Не зная броду, не суйся в моду* (Запись 2019 г.) и т. п.

В некоторых сферах, например, в среде футбольных фанатов, популярен способ варьирования ключевого компонента «кричалки» – паремии нового типа [12], при котором аксиологический вектор паремии не меняется. Сравн. так называемые «хвалебные кричалки»: *Знают взрослые и дети: «Ротор» («Химки», «Сочи») круче всех на свете!* (Запись 2019 г.); *«Спартак» («Зенит», «Рубин», «Ростов») – это сила, «Спартак» («Зенит», «Рубин», «Ростов») – это класс, «Спартак» («Зенит», «Рубин», «Ростов») побеждает и радуется нас!* (Запись 2020 г.); *«Спартак» («Зенит», «Рубин», «Урал») – это я, «Спартак» («Зенит», «Рубин», «Урал») – это мы, «Спартак» («Зенит», «Рубин», «Урал») – это лучшие люди страны* (Запись 2020 г.).

Случаи семантической трансформации (переосмысление внутренней формы без формальных изменений), сопровождаемые аксиологическим наполнением содержания, характерны для загадок. Например, в той же сфере народная загадка *Видать глазами, да не взять руками (Тень)* имеет шутливую отгадку – мяч (игроки не должны касаться его руками) и шутливо-иронический вариант, где загаданный объект – это Кубок европейских чемпионов, который ни разу не выигрывали российские футболисты [13, с. 157]. Продолжают тему в ироническом ключе трансформации загадок: *В болоте плачет, а из болота*

нейдёт (Кулик) с отгадкой – *Российский футбол; Вверху зелено, внизу красно, в землю вросло (Свекла) → Футбольная команда «Локомотив», которая не продвигается вверх по турнирной таблице* (клубные цвета ФК «Локомотив» – красный и зеленый) [Там же, с. 157].

Прямо противоположный процесс – полное стирание оценочных коннотаций паремии при ее трансформации – проиллюстрируем материалом народных примет, которые мы шутливо квалифицируем в словаре как «приметы-приколы». Такие трансформации создаются ради смехового эффекта и перестают передавать позитивный или негативный прогноз на основе народного наблюдения: *Собаки низко летают – к дождю. Если птицы летают низко, значит, это куры. Чтобы в лесу узнать, где юг, нужно посмотреть на дерево: если дерево – пальма, значит, юг уже здесь. Если дым стелется по земле – вернитесь и выключите утюг, если поднимается столбом – можете уже не возвращаться. Перед дождем муравьи быстро бегают по муравейнику, закрывают все входы-выходы и негромко матерятся. Если партия сказала – есть контакт, значит, будешь есть контакт* [6, с. 666–681]. Сравн.: тот же эффект на материале пословиц (записи 2020 г.), трансформированных контаминированием (*Голод не тетка – полюбишь и козла*), лексическими заменами (*Баба с возу – кобыла в курсе*), в том числе с языковой игрой, построенной на созвучии (*В тесноте, да не обедает*).

Лексикографическая репрезентация аксиологического вектора паремий, как нам представляется, должна раскрывать коммуникативно-прагматические, в том числе эмоционально-оценочные, характеристики паремии и ее трансформации в разных параметрических зонах словарной статьи – пометах, толковании, комментариях, иллюстративных контекстах (если предполагается их включение в статью):

НЕ ЗНАЯ БРОДУ, НЕ СУЙСЯ (НЕ ЛЕЗЬ) В ВОДУ. Назидат. *Без достаточных знаний, опыта, не стоит браться за дело (как правило, опасное или ответственное).* > **Не зная броду, не суйся в моду.** Шутл.-ирон. *В роли заголовка статьи о неудачных экспериментах модельеров* (<https://lady.tut.by/news/style/311257.html>). > **Не зная броду, не суйся к народу.** Неодобр. *О неудачном выступлении кандидата в депутаты на собрании с избирателями* (Запись 2019 г.) > **Не зная Кодекс, не суйся в розыск.** Неодобр. *О некомпетентности сотрудников уголовного розыска* [11, с. 197]. > **Не зная историю, не суйся в аудиторию.** Студ. Шутл.-ирон. *Рекомендация студентам лучше готовиться к экзаменам* (Запись 2016 г.).

Как показано выше, трансформы пословицы располагаются в словарной статье по мере увеличения степени преобразований как самостоятельные единицы описания. В случае с другими типами паремий может быть избран иной вариант отображения трансформационного процесса в зависимости от его результата. Например, в словаре современной загадки, который находится в стадии разработки, мы предполагаем размещать новые ответы на загадку под номерами как отдельные значения паремии, так как ответ – кодируемая часть в структуре загадки – отражает загаданный объект, т. е. представляет означаемое:

БЕЗ КРЫЛЬЕВ ЛЕТАЕТ, БЕЗ ЗУБОВ КУСАЕТ.

1. Пуля [14, с. 378].

2. Шутл.-ирон. *Вирусная инфекция, передающаяся воздушно-капельным путем* (Запись 2020 г.).

БЕЗ РУК, БЕЗ НОГ, А ДВЕРЬ ОТВОРЯЕТ.

1. Ветер [14, с. 346].

2. Шутл. Слово «войдите» (Запись 2018 г.).

ВСЕГДА ХОДИТ, А С МЕСТА НЕ СХОДИТ.

1. Часы [14, с. 351].

2. Человек, выполняющий команду «На месте шагом марш!» (Запись 2019 г.).

Таким образом, современные структурно-семантические трансформации паремий чаще всего характеризуются преобразованием аксиологического компонента их содержания. Лингвоаксиологические исследования паремиологических трансформаций

позволят получить представление о смене ценностных приоритетов народного сознания и способах создания новых эмотивно-оценочных коннотаций паремий. Результаты лингвоаксиологического анализа трансформов должны найти отображение в словарях, фиксирующих современное состояние русских пословиц, примет, загадок.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №20-18-00091 «Мир восточных славян в паремиологической интерпретации: аксиологические доминанты и их лингвокультурографическая репрезентация», реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

Список использованных источников

1. Мокиенко, В. М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) / В. М. Мокиенко // Мир русского слова. – 2010. – № 3. – С. 6–20.
2. Третьякова, И. Ю. Оказиональные преобразования паремий (коммуникативно-прагматический аспект) / И. Ю. Третьякова // Семантика и функционирование языковых единиц разных уровней : сборник научных статей по материалам VIII междунар. научно-практич. конфер. – Иваново : Ивановский государственный университет, 2015. – С. 318–324.
3. Никитина, Т. Г. Пословицы русского народа сто пятьдесят лет спустя: материалы М. И. Соколовой в Полном словаре народной фразеологии / Т. Г. Никитина // Проблемы лингвистики и лингводидактики : сборник науч. статей. Вып. VI. Под ред. Л. Г. Петровой. – Белгород : ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2018. – С. 140–148.
4. Вальтер, Х. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – СПб. : Нева, 2005. – 573 с.
5. Вальтер, Х. Прикольный словарь: (антипословицы и антиафоризмы) / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – СПб. : Нева, 2006. – 381 с.
6. Никитина, Т. Г. Большой словарь русских примет / Т. Г. Никитина, Е. И. Роголёва, Н. Н. Иванова. – М. : Астрель, 2009. – 687 с.
7. Никитина, Т. Г. Словарь футбольного болельщика. Оле-оле-оле-оле!!! / Т. Г. Никитина, Е. И. Роголёва. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. – 384 с.
8. Никитина, Т. Г. Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе : сборник научных трудов VI Международной научно-методической конференции. – СПб. : Санкт-Петербургский горный университет, 2017. – С. 354–357.
9. Никитина, Т. Г. Крылатые выражения А. С. Пушкина в интернет-коммуникации и словаре / Т. Г. Никитина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 6. – Ч. 1. – С. 125–128.
10. Мурашова, Н. В. Русские пословицы и их современные трансформации в учебной репрезентации иноязычным студентам / Н. В. Мурашова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 1. – С. 201–205.
11. Федорова, Н. Н. Современные трансформации русских пословиц : монография / Н. Н. Федорова. – Псков : ООО «Гименей», 2007. – 226 с.
12. Никитина, Т. Г. Новые русские паремии: фанатская кричалка / Т. Г. Никитина // Фразеологизм и слово в языке и речи : сборник статей. – Великий Новгород : НовГУ им. Я. Мудрого, 2007. – С. 253–264.
13. Насыбулина, А. В. Современные трансформации русской загадки : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. В. Насыбулина. – Псков, 2008. – 262 с.
14. Малые жанры русского фольклора / сост. В. Н. Морохин. – изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Высшая школа, 1986. – 399 с.

The article presents the results of linguo-axiological analysis of modern transformations of Russian paroemias – Proverbs, signs, riddles. The revealed cases of changing the axiological vector of paroemias and complete deaxiologization of paroemias are shown. The concept of dictionary representation of paremiological transformations accompanied by transformations of the evaluative component of their content is presented.

Keywords: paremiology, lexicography, linguistic axiology, proverb, sign, riddle, transformation of paremia.

О. Н. Новак

**АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
С КОМПОНЕНТОМ ДУША В СЕРБСКОМ ЯЗЫКЕ**

Статья посвящена проблеме взаимосвязи аксиологии, культурологии и лингвистики. В статье на материале фразеологических единиц рассматривается место аксиологема «душа» в сербском языке и культуре. Исследованию подлежала культурная коннотация фразеологизмов, проанализированы также культурные лакуны, которые являются важными элементами языковой картины мира. Частотность и структурное разнообразие исследуемых единиц свидетельствуют о том, что аксиологема «душа» занимает одно из центральных мест в сербской лингвокультуре, является ключевым культурным концептом и требует особого внимания при обучении сербскому языку как иностранному.

Ключевые слова: аксиологема, лингвокультура, сербский язык, сербская фразеология, душа.

В современной лингвистике важное место занимают исследования аксиологической составляющей языкового значения. Изучение ценностных доминант дает возможность интегрировать данные культурологии, лингвострановедения, прагмалингвистики; особенно важны такие исследования для усовершенствования преподавания языка, практики перевода, а также для формирования кросскультурной грамотности и успешной межкультурной коммуникации.

С позиций антропологической парадигмы язык и взаимодействующая с ним культура рассматриваются не «в самих себе и для себя», а в тесной связи с бытием человека – с его самопознанием и осознанием мира не только как физически воспринимаемого, но и как созданной человеком духовной реальности: моральных и нравственных устоев его бытия [1, с. 9].

Исследования проблемы аксиологического значения языковых единиц в лингвокультурологическом аспекте актуализировались в связи с формированием теории лингвокультурологии в работах В. Г. Костомарова, Е. М. Верещагина, В. А. Масловой и др., где объектом изучения стали закодированные в семантике языковых единиц фоновые знания, которыми обладают члены языковой общности, и связанные с национальной культурой и ментальностью. Согласно определению В. В. Колесова, под ментальностью следует понимать «миросозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [2, с. 81]. Лингвистическое описание национальных ценностей представлено во многих работах последних лет (С. Г. Воркачëв, В. И. Карасик, Д. Айдачич, Т. А. Космеда и др.).

Краеугольным камнем теории лингвокультурологии является также понятие культурного компонента значения. Как правило, под культурным компонентом значения понимают коннотативные наслоения: эмоциональные, экспрессивные и оценочные, которые часто связаны с национально-культурной спецификой той действительности, которую они отражают, а именно с историей, фольклором, бытом, обычаями и традициями.

Лингвокультурологический подход к изучению фразеологических единиц на современном этапе активно используется в славистике и, в частности, в сербистике. Так, сербский лингвист Даринка Гортан-Премк вводит понятие «семема коллективной экспрессии» [3, с. 46], имея в виду влияние национальной культуры на значение языковой единицы. Необычайно полезной и интересной нам представляется работа Райны Драгичевич (Рајна Драгићевић) «Вербалне асоцијације кроз српски језик и културу» [4]. Глубокое и разностороннее исследование фразеологической системы сербского языка

в культурологическом аспекте сделано Драганой Мршевич-Радович (Драгана Мршевић-Радовић) в работе «Фразеологија и национална култура» [5]. Аксиологическое значение языковых единиц стало предметом научных интересов сербского филолога Деяна Айдачича, непосредственно участвовавшего в международном проекте под руководством Е. Бартминского «Ценности славян и их соседей». Результатом его исследований стал сборник научных трудов «О вредностима у српском језику» [6].

Фразеологизмы с компонентом *душа* составляют значительную часть идиоматического фонда славянских языков, часто имеют схожий набор понятийных и образных компонентов, таких как внутренний психический мир человека; совокупность свойств личности; бессмертное начало, связывающее человека с Богом; человек; совесть; жизнь; дыхание. В современных исследованиях концепт «душа» описан в фундаментальных работах русских ученых, а также изучается в сопоставлении с другими, чаще всего неславянскими, лингвокультурами, однако гораздо меньше внимания уделяется их сопоставительному исследованию в близкородственных славянских языках. Целью нашей работы является выявление специфического аксиологического значения фразеологизмов с компонентом *душа* в сербском языке.

В «Фразеологическом словаре сербского языка» Д. Оташевича (Ђорђе Оташевић, «Фразеолошки речник српског језика») насчитывается более 130 идиом с компонентом *душа* [7, с. 256–264], что весьма показательно, поскольку такой большой корпус единиц позволяет утверждать, что лингвокультура *душа* занимает особое место в сербском языке и культуре.

Репрезентуя внутренний мир человека в целом, *душа* метонимично может обозначать личность в определенном морально-этическом ракурсе: *циганска душа* [7, с. 265] ‘неприятный человек’, *ситна душа* [7, с. 264] ‘непорядочный человек’, *продана душа* [6, с. 263] ‘ненадежный человек’, *немати душе* [7, с. 263] ‘безжалостный человек’, *имати на души* [7, с. 259] ‘быть виновным в смерти кого-либо’, *честита (племенита, добра) душа* [7, с. 264] ‘уважаемый и благородный человек’, *душа од човека* [7, с. 258] ‘добрый человек’, *лако је при души* [7, с. 259] ‘быть в хорошем расположении духа’, *ни криштене душе* [7, с. 259] ‘никого’, *ни живе душе* [7, с. 259] ‘никого’. Целостная фразеологическая семантика приведенных единиц соотносится со значением ‘совокупность черт, качеств, присущих определенному лицу’ и создается в процессе взаимодействия метонимии и метафоризации, поэтому в зависимости от контекста данные фразеологизмы могут соотноситься с семантикой ‘человек как носитель тех или иных качеств’.

В сербской лингвокультуре *душа* – прежде всего моральная ценность, показатель моральности человека, высший уровень моральности. Это репрезентуют такие идиомы, как *бити на души* [7, с. 257] ‘нести моральную ответственность за кого-либо’, *чувати душу* [7, с. 264] ‘работать честно’, *дирнути у душу* [7, с. 258] ‘глубоко тронуть морально’, *лежати на души* [7, с. 260] ‘чувствовать груз совести’, *носити на души* [7, с. 261] ‘нести ответственность’, *трпати на душу* [7, с. 263] ‘переносить ответственность на кого-то’, *узимати на своју душу* [7, с. 263] ‘брать на себя ответственность’. Для характеристики необычайно доброго и благородного, высокоморального человека распространенным и частотным является выражение *душа од човека* (*Он је душа од човека!*).

Этические принципы, согласно сербской картине мира, человек носит, хранит именно в душе. Душа, а не совесть, является символом этики и морали. Это иллюстрируют такие идиомы: *чувати душу* (дословно: беречь, охранять душу) [8, с. 112] ‘честно выполнять работу’, *хватати души места* (дословно: сохранять, занимать место для души) [8, с. 113] ‘творить доброе дело’, *изгубити душу* (дословно: потерять душу) [8, с. 113] ‘делать что-то против совести’, *ставити некое нешто на душу* [8, с. 114] ‘доверить, поручить кому-либо что-либо’.

В сербской картине мира душа расположена в верхней части тела, лишиться души можно только сделав последний выдох, поэтому в критических ситуациях, при плохом

физическом и психическом состоянии душа оказывает в горле или в носу, т. е. близка к тому, чтобы вылететь: идиомы-эвфемизмы *дошла душа под грло*, *дошла душа у нос (у подгрлац)*, *душа се скупила у носу* – используются в значении ‘быть тяжело больным, смертельно больным’.

Для сербской лингвокультуры характерно употребление имен концептов «душа» и «срце» в рамках одного высказывания в значениях ‘качества характера’: *бити без душе и срца*, *имати срце и душу* (интенсивность проявления чувств); *свим срцем и душом*, *из срца и душе*; *бити некоме по души и срцу* (быть кому-л. по душе); *то ми је срце и душа* (очень нравится, это моя страсть). Зачастую имеет место расширение компонентного состава фразеологизмов с лексемой *душа* за счет лексемы *срце* или наоборот: *за своју душу* (для своего удовольствия, для души) → *за душу и срце*; *душа ми боли* → *срце и душа ме боли*, *од срца* (от души, от всего сердца) → *од срца и душе*.

Таким образом, языковой материал показывает, что в сербской фразеологии, в отличие от русской и украинской, *душа* и *сердце* не выступают как синонимы и взаимозаменяемые компоненты фразеологических единиц, а, напротив, дополняют друг друга с целью усиления экспрессивности высказывания.

Среди слов, производных от *душа*, особое место занимает необычайно важная в культурологическом аспекте лексема *задужбина*, которая не имеет соответствий и эквивалентов в других славянских лингвокультурах. Задужбина – важный концепт сербской культуры.

Приведем словарные дефиниции: *задужбина* ж 1. а. ист. *грађевина* (обычно црква, манастир) подигнута за душу некоме од стране српских владара или феудалних поседника. – Поносито [су се] дизале сјајне задужбине... краљева и царева. б. имовина (новац, зграде и др.) која се поклања или завештава у хумане или просветне сврхе, фонд. 2. фиг. добро дело, добротворство. – Виша је задужбина једну сиротињску сузу утрти него цркву сазидати [8, т. 2, с.111]. Этимологически эта лексема мотивирована как ‘молитвы и пожертвования за душу, за спасение души’. Первое значение – ‘здание, чаще всего монастырь или церковь, построенная правителями во спасение души’ – возможно, возникло в период становления сербской государственности, поскольку традиционно задужбины строили средневековые сербские князья, многие из которых канонизованы православной церковью и уважаемы в народе. Это создает дополнительную позитивную коннотацию лексемы. Позднее появилось значение ‘собственность (деньги, здания), которую человек завещает на благотворительность или просветительство, благотворительный фонд’. И, как следствие, развилось обобщающее значение ‘добрые дела, благотворительность’. Данная лексема является вершиной целого словообразовательного гнезда (*задужбинар* ‘благотворитель, меценат’, *задужбинарство* ‘традиция благотворительности’, *задужбинарски* ‘благотворительный’ и др. [8, т. 2, с. 111]) и компонентом идиом со значением ‘благое, богоугодное дело’, ‘покровительство в благих целях’.

Проанализированные фразеологические единицы и культурные лакуны, особенно идиоматической сочетаемости свидетельствуют о том, что аксиологема *душа* занимает одно из центральных мест в сербской лингвокультуре, является одним из ключевых культурных концептов.

Список использованных источников

1. Телия, В. Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от миропонимания к миропониманию) / В. Н. Телия // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. – М. : Наука, 1993. – С. 302–314.
2. Колесов, В. В. Язык и ментальность / В. В. Колесов. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2004. – 240 с.
3. Гортан-Премк, Д. Полисемија и организација лексичког система у српском језику / Д. Гортан-Премк. – Београд : Завод за уџбенике и наставна средства, 2004. – 214 с.

4. Драгићевић, Р. Вербалне асоцијације кроз српски језик и културу / Р. Драгићевић. – Београд : Чигоја штампа, 2010. – 248 с.
5. Мршевић-Радовић, Д. Фразеологија и национална култура / Д. Мршевић-Радовић. – Београд : Чигоја штампа, 2008. – 235 с.
6. Ајдачић, Д. О вредностима у српском језику : зборник етнолингвистичких радова / Д. Ајдачић. – Београд : Алма, 2015. – 209 с.
7. Оташевић, Ђ. Фразеолошки речник српског језика. Око 25.000 чл. / Ђ. Оташевић. – Нови Сад : Прометеј, 2012. – 1045 с.
8. Речник српскохрватскога књижевног језика. Матица Српска / [уређивачки одбор Михаило Стевановић и др.] Око 150.000 речи. I–VI. Нови Сад – Загреб, 1967–1976.

The article discusses the problem of interrelation of the axiology, cultural studies and linguistics. It describes the place of axiologem "soul" in the Serbian language and culture. Multilevel linguistic units and phenomena associated with the vocabulary, word formation, phraseology of Serbian language and cultural connotation of the studied units were investigated. The cultural lexical gaps, which are important elements of a linguistic view of the world, were analyzed. The quantity of the lexical items, the frequency of their use, and the compatibility features, as well as the phenomenon of non-equivalent suggest that axiologem «soul» occupies one of the central places in the Serbian linguoculture and appears to be a key cultural concept and, therefore, requires special attention in learning Serbian as a foreign language.

Keywords: axiologem, linguoculture, Serbian language, Serbian phraseology, soul.

УДК 811.161.1:811.161.3:811.11

Ю. В. Новогран

ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

В статье рассматривается вопрос межъязыковых соответствий интернациональных фразеологизмов на примере эквивалентов. К признакам межъязыковой фразеологической эквивалентности относятся тождество семантики, грамматики и компонентного состава интернациональных фразеологизмов. Приводятся примеры полных и частичных эквивалентов интернациональных фразеологизмов.

Ключевые слова: фразеологические эквиваленты, интернациональные фразеологизмы, межъязыковые фразеологические отношения, полные эквиваленты, частичные эквиваленты.

В лингвистике существует большое количество классификаций межъязыковых фразеологических отношений. Такие классификации могут включать от двух до восьми групп. Взгляды языковедов-фразеологов по данному вопросу варьируются. Например, Ю. П. Солодуб выделяет только два типа: фразеологические эквиваленты и безэквивалентные фразеологизмы [1, с. 114]. У А. Д. Райхштейна 7 типов межъязыковых отношений: тождество, лексическая вариантность, идеографическая синонимия, гиперогипонимия, стилистическая синонимия, омонимия и полисемия и энантиосемия [2, с. 29–30]. Классификация межъязыковых фразеологических соответствий Э. М. Солодухо насчитывает 4 типа: полные эквиваленты, ограниченные эквиваленты, синонимические эквиваленты, межъязыковые фразеологические омонимы [3, с. 24–25]. А. Ф. Арсентьева выделяет 3 группы соответствий: 1) фразеологические эквиваленты; 2) фразеологические аналоги; 3) безэквивалентные фразеологизмы [4].

Подробно остановимся на фразеологических эквивалентах. В словаре лингвистических терминов под эквивалентом понимается «единица речи, способная выполнять ту же функцию, что другая речевая единица» [5, с. 552].

А. В. Кунин выделяет два типа фразеологических эквивалентов: моноэквиваленты и выборочные фразеологические эквиваленты. Среди моноэквивалентов лингвист выделяет полные и частичные эквиваленты. Первые характеризуются совпадением значений, лексических составов, образности, стилистической направленности, грамматических структур. Вторые совпадают семантически и стилистически, но имеют расхождения в лексическом составе, грамматической структуре, образности [6, с. 56].

Приведем несколько примеров интернациональных фразеологических эквивалентов. Фразеологические единицы рус. *вешать голову* – бел. *вешаць галаву* – англ. *hang one's head* (букв. вешать голову) являются полными эквивалентами. Это обусловлено совпадением их значения 'приходить в уныние, в отчаяние, огорчаться', а также компонентного состава и грамматической формы.

Наличие полных интернациональных фразеологических эквивалентов в русском и французском языках объясняется двумя основными причинами. Во-первых, это общность внеязычной основы фразеологизмов: явлений действительности, реалий, одинаковых для носителей разных языков, независимо от географических, экономических, климатических и других условий. Во-вторых, значительная часть фразеологизмов совпадает по причине калькирования, например, с английского языка. Небольшое количество полных фразеологических эквивалентов объясняется тем, что «в каждом языке фразеология является наиболее своеобразной частью словарного состава. И большое количество фразеологических единиц сохраняет определенный национальный колорит» [7, с. 21].

Интернациональные фразеологизмы рус. *божьей милостью* – бел. *божай міласцю* – англ. *by the grace of god* (букв. милостью бога) также вступают в отношения частичной эквивалентности, так как совпадают в значении 'по призванию, по способностям (быть кем-либо)', внутренней форме и компонентном составе. Почти полностью совпадает их грамматическая структура (рус. и бел. «прилагательное+существительное» и англ. «предлог+прилагательное+ существительное»).

Частичными эквивалентами являются и интернациональные фразеологические единицы рус. *смотреть сквозь розовые очки* – бел. *глядзець праз ружовыя акулеры* – англ. *see (look at) through rose-colored glasses (spectacles)* (букв. видеть (смотреть) сквозь розовые очки), имеющие общую семантику 'не замечать недостатков в ком-либо или в чем-либо, идеализировать кого-либо или что-либо'. Фразеологизмы построены на одинаковом образе, совпадают по структурно-грамматическим показателям. Различается компонентный состав, что выражено лексической вариантностью *glasses (spectacles)* английского фразеологизма.

Как показывает анализ фактологического материала, частичные эквиваленты могут иметь также следующие различия: количество компонентов, наличие факультативных компонентов, расхождения в категории числа. Русские и белорусские частичные эквиваленты могут иметь разные падежные формы компонентов. Для частичных эквивалентов допускаются также расхождения только в одном лексическом компоненте.

Подтвердим сказанное примером. Фразеологизмы рус. *первая ласточка* – бел. *першая ластаўка* и англ. *the first swallow* (букв. первая ласточка) полностью совпадают на лексико-семантическом уровне, однако в результате отсутствия артикля в первом и втором на грамматическом уровне есть расхождение. Такая же ситуация прослеживается и в рус. *до корней волос* – бел. *да карэння валасоў* и англ. *to the roots of one's hair* (букв. до корней волос).

При сопоставлении, например, белорусского и польского языков при таком требовании к грамматическим соответствиям почти все фразеологизмы, которым в белорусском языке соответствует конструкция «прилагательное+ существительное», будут иметь в польском языке только частичные эквиваленты за счет того, что для польского языка характерна постпозиция прилагательного, например, бел. *Кайнава пячаць* и пол. *piętno kainowe* (букв. печать Каинова); бел. *Валаамава асліца* и пол. *oślica Balaama*

(букв. ослица Валаамова); бел. *axilесава пята* и пол. *pięta achillesowa* (букв. пята ахиллесова) и др. Отсюда частичными эквивалентами будут не только фразеологизмы библейского или античного происхождения, но и фразеологизмы, ставшие интернациональными по линии независимого возникновения и лингвомиграционной линии.

Таким образом, к межъязыковым фразеологическим эквивалентам относятся фразеологизмы, обладающие семантико-стилистическим тождеством, сходным компонентным составом, полным либо частичным совпадением грамматической структуры при возможности расхождений в вариативности и количестве компонентов.

Список использованных источников

1. Солодуб, Ю. П. К вопросу о совпадении фразеологических оборотов в различных языках / Ю. П. Солодуб // Вопросы языкознания. – 1982. – № 2. – С. 106–114.
2. Райхштейн, А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии / А. Д. Райхштейн. – М. : Высшая школа, 1980. – 142 с.
3. Солодухо, Э. М. Проблемы интернационализации фразеологии (на материале языков славянской, германской и романской групп) / Э. М. Солодухо. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1982. – 168 с.
4. Арсентьева, Е. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц (на материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека, в англ. и рус. языках) / Е. Ф. Арсентьева. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1989. – 126 с.
5. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Советская энциклопедия, 1966. – 625 с.
6. Кунин, А. В. О переводе фразеологизмов в англо-русском словаре / А. В. Кунин // Тетради переводчика. – М., 1964. – № 2. – С. 3–19.
7. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Я. И. Рецкер. – 3-е изд., стер. – М. : Р. Валент, 2007. – 241 с.

The article deals with the issue of interlanguage correspondences of international phraseological units on the example of phraseological equivalents. Features of interlanguage phraseological equivalence include the identity of semantics, grammar and component composition of international phraseological units. Examples of full and partial equivalents of international phraseological units are given.

Keywords: phraseological equivalents, international phraseological units, interlanguage phraseological relations, full equivalents, partial equivalents.

УДК 811.161.1'42'373.612.2'367.623:398.92

Е. В. Огольцева

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ С ДЕРИВАЦИОННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ 'СДЕЛАННЫЙ ИЗ МАТЕРИАЛА' В СТРУКТУРЕ УСТОЙЧИВОГО СРАВНЕНИЯ

В статье рассматриваются особенности семантики и употребления устойчивых сравнений русского языка с именами прилагательными, образованными от наименований веществ. В центре внимания автора синкретизм физических и духовных (психологических) признаков человека – свойство, которое раскрывается через анализ многозначности и синонимических связей анализируемых компаративных фразеологизмов.

Ключевые слова: компаративная фразеология, устойчивое сравнение, деривационное значение, многозначность, синонимия.

В системе русской компаративной фразеологии особое место занимают устойчивые сравнения (далее УС), в структуре которых в качестве компонента **В** (образа) выступают прилагательные, мотивированные существительными – наименованиями материалов: *как ватный, как деревянный, как каменный, как резиновый, как железный, как серебряный, как свинцовый, как стеклянный, как чугунный, как бархатный, как шёлковый*.

Отсубстантивные прилагательные, употребляющиеся в качестве компонентов устойчивых сравнений анализируемой модели, образованы с помощью суффиксов *-н*, *-ов-*, *-ян(-яни)* и характеризуются словообразовательным значением ‘сделанный из материала, названного производящей основой’ [1, с. 272, 278–280]. Принадлежность этих прилагательных к одной словообразовательной категории во многом предопределяет сходство их функционирования в составе устойчивых сравнений.

В отличие от УС основной (прототипической) модели «как (словно, точно, будто) + существительное в им.п.» (*как вата, как дерево, как камень, как резина, как железо, как серебро, как свинец, как стекло, как чугун, как бархат, как шёлк*), сравнения с отсубстантивными прилагательными характеризуются принципиально иным способом образного уподобления: предмет **А** сравнивается не с неким понятием **В**, причем с понятием иного рода, иного семантического класса, а с тем же предметом, но представленным в «преобразованном» виде: *как ватные* (ноги, руки) – значит «как если бы это были ноги или руки, сделанные из ваты» (‘Утратившие силу, упругость, чувствительность, послушность (от усталости, болезни или от нервного потрясения. О ногах или руках человека’) [2, с. 86]; *как стеклянный* (о предмете) – «как если бы это был предмет, сделанный из стекла» (‘Звенеть. О предмете’) [Там же, с. 648]: *И вот его ставят центром на игру с «Динамо». Он выходит под рёв, под удивлённый гул трибун – никто его не знает – на ярко-зелёное поле, и ноги у него, как ватные, – и он ничего не может. А динамовцы жмут <...>* (К. Я. Ваншенкин. Большие пожары); *Сухая пшеница звенела, как стеклянная, волновалась, точно ветер заблудился в ней <...>* (О. И. Маркова. Возвращение). (Здесь и далее к анализу привлекается языковой материал картотеки Словаря устойчивых сравнений русского языка [2]. Случаи использования нами примеров из Национального корпуса русского языка снабжены специальными ссылками). Интересно, что УС с образной основой-прилагательным, характеризующие физические качества человека, его организма, тела и его частей, физические признаки предметов (вес, цвет, степень плотности или эластичности), встречаются в текстах в трансформированном виде, причем эти трансформы образованы по модели «как + словно, точно, будто, как будто) + <сделанный, сбитый и проч.> + предлог ИЗ + наименование материала в родительном падеже»: *Немцы отошли, опять начала бить их артиллерия. Берёза смотрел перед собой, не жмурясь и не вздрагивая, строгое лицо его было как из чугуна. Нифонову было приятно, что близко от него плечо Берёзы – крутое, сильное, надёжное плечо* (В. Ф. Панова. Спутники); *У ветряка стоит низкий, весь тяжело сбитый, точно из свинца, со сцепленными четырехугольными челюстями.* (А. С. Серафимович. Железный поток). Признак «тяжелый, отяжелевший» также регулярно выражается сравнениями-синонимами *как свинцом налитый, как чугуном налитый*. Подобные трансформы употребляются и в тех случаях, когда сравнение выступает как средство духовно-нравственной, психологической, поведенческой характеристики человека: *Мой начальник будто из железа. Шагает себе и шагает, как заведённый. Ремни врезались в плечи, пот щипал глаза, ноги в башмаках стали скользкими* (В. Ф. Козлов. Солнце на стене). В данном случае основание сравнения, явно не выраженное, легко «вычитывается» из контекста: «стойкий», «волевой», «непоколебимый».

Подавляющая часть УС с субстантивированными прилагательными, образованными от наименований веществ (материалов), – полисеманты. Одно и то же сравнение, как правило, может выступать и как образная характеристика тела человека (и / или его частей), и как характеристика психологического состояния, поведения, темперамента. К примеру, УС *как деревянный* лишь в первом значении характеризует тело или его

части – чаще всего руки, ноги, пальцы человека, утратившие подвижность и чувствительность: *Александра Михайловна стала накрывать на стол. Она повязала свой синяк платком, усиленно хромала на ушибленную ногу и держалась как деревянная* (В. Вересаев. Два конца); *А так за лето можно совсем разучиться играть. Пальцы уже как деревянные* (А. В. Калинин. Гремите, колокола!). Во втором значении это уже характеристика манеры ходить, двигаться, держаться – скованной, неловкой: *Шум размножался по углам церкви и окончательно ошеломил Марью. Она переступала, как деревянная, вуаль бестолково путалась в ногах и мешала, а шафер, отягченный градусами человек, ударил её венцом по голове* (Н. И. Кочин. Девки). **Как деревянный** – это и характеристика состояния человека, чаще всего подавленного большим горем, – состояния равнодушия, бесчувствия, безучастности ко всему окружающему: *На четвертый день ребенок умер. И сестры понесли его на кладбище хоронить. Маргарита не плакала. Она двигалась машинально и была как деревянная. Но делала всё, что ей говорили сестры* (М. Зощенко. Никогда не забудете).

Этот же компаративный фразеологизм может выступать и как характеристика твердых, не поддающихся разжевыванию продуктов питания (обычно мясных или мучных изделий), а также любого жесткого, негнувшегося, затвердевшего предмета, в обычном состоянии мягкого и эластичного [Там же, с.154]: *Щуки здоровые есть, как брёвна. А мясо у ней уже не то, правда что как деревянное, и тиною отдаёт. У нас их даже свиньям скармливают* (В. Г. Распутин. Вниз и вверх по течению); *Она <Нюра> вынула из-за пазухи клубки и, постукав ими, – плотно смотаны, застучали, как деревянные, – подала Петру <...>* (В. В. Травкин. Бессонная птица).

Столь же богатой семантической структурой характеризуются УС как *каменный* (согласно Словарю устойчивых сравнений русского языка (2001) у этого сравнения 6 значений), *как резиновый* (4 значения); компаративные фразеологизмы *как железный, как свинцовый, как чугунный, как шелковый* имеют по два значения. И лишь сравнения *как ватные, как серебряный и как стеклянный* зафиксированы в словаре как моносеманты, хотя контексты их употребления, извлеченные из Национального корпуса русского языка, наводят на мысль, что это, возможно, не совсем так. К примеру, УС *как серебряный* употребляется в основном по отношению к блестящим, сверкающим предметам, нередко с беловато-сероватым, «металлическим» отливом, напоминающим серебро: *Лучи месяца упали на самый сруб осинового пня, и Артёму казалось, что сруб этот белелся и светился как серебряный* (Е. И. Замятин. Сказка об Ивановой ночи и маргаритке). Однако это же сравнение может выступать и как характеристика звуков, издаваемых различными предметами (например, колокольчиком или каким-либо музыкальным инструментом), а также человеческим голосом: *А они вытягивались, нежились, и их мраморные груди с голубыми кончиками блестели, как серебряные, и смех был как серебряный* (Е. И. Замятин. Сказка об Ивановой ночи и маргаритке) [НКРЯ].

По данным Словаря устойчивых сравнений русского языка (2001), УС *как стеклянный* располагает единственным значением – ‘Звенеть. О предмете’ [2, с. 648]. Между тем реальное употребление этого сравнения явно богаче: оно может выражать а) признак «прозрачный» (часто об очень светлых глазах или о взгляде – неподвижном, не выражающем никаких эмоций): *Вера отвечала ему тоже взглядом, быстрым, как молния, потом остановила на нём глаза, и взгляд изменился, стал прозрачный, точно стеклянный, «русалочный»...* (И. А. Гончаров. Обрыв); *Девочка перестала кричать и тихо выла без слёз, глазёнки её смотрели неподвижно, как стеклянные* (В. И. Ардаматский. Ленинградская зима); б) признак «хрупкий, легко раскалывающийся» (о предметах, растениях и проч.): *С виду красная сосна, а свалить её – рассыпается на мелкие кусочки, как стеклянная; С утра был лёгкий заморозок – лист под ногами хрустел и допался, как стеклянный* (М. Горький. Лето); в) уязвимый, ранимый вследствие болезни или особенно тонкой душевной организации (о человеке): *В редкие*

выходные дни она гуляла с молодыми офицерами и морячками из морского училища; они обращались с ней так, **словно она была стеклянная**: она создана для изысканных чувств и слов, все девушки кажутся грубоватыми рядом с нею (В. Панова. Кружилиха). Все отмеченные нами значения встречаются достаточно часто, так что есть все основания говорить об их воспроизводимом характере.

Таким образом, более или менее развитая многозначность – важный признак семантики УС рассматриваемой модели. При этом следует отметить, что едва ли не каждый компаративный фразеологизм данной группы хотя бы в одном из своих значений выступает как характеристика физического либо психологического состояния человека через состояние его тела или его частей, как правило, конечностей. Сравн.: как (словно, точно) **деревянный** ‘1. Утративший подвижность, гибкость, чувствительность – о теле, ногах, руках человека’; как (словно, точно) **каменный** ‘2. Тяжёлый, болезненно отяжелевший, не действующий. О теле (руках, ногах) человека’; как (словно, точно) **железный** ‘1.2. Твёрдый, крепкий, сильный. О мускулах на руках, теле человека’; как (словно, точно) **чугунный** ‘1.2. Перен. Тяжёлый. Отяжелевший, вследствие усталости, болезни. О теле (ногах, руках, голове) человека’; как **свинцовый** ‘1.2. Перен. Тяжёлый. Болезненно-отяжелевший, инертно-неподвижный. О ногах, руках, голове человека’ [2].

Многие устойчивые сравнения данной модели легко вступают в синонимические отношения друг с другом. Так, синонимичны УС как **ватные** и как **деревянные** (об утративших силу, упругость, чувствительность, послушность руках или ногах человека – от болезни, усталости, нервного потрясения): *Был я, как говорили, весь чёрный, и руки-ноги как деревянные, не гнулись* (Л. Улицкая. Медя и её дети); *Встал во весь рост и медленно стал взбираться на крыльцо – ноги стали как ватные, рубашка наполнялась горячей кровью, нечего было думать преследовать Малютку, удирающего в темень и дождь* (Л. Улицкая. Медя и её дети) [НКРЯ]. Очевидно, что перед нами компаративные единицы взаимозаменяемые, выражающие предельно близкие, хотя и не тождественные, компаративные значения. УС как **ватные** чаще характеризует именно ноги, а УС как **деревянные** – и ноги, и руки человека, причем руки выступают как объект образной характеристики примерно в два раза чаще. Отметим также, что сравнение как **ватные** характеризует прежде всего физическое ощущение субъекта образной характеристики, а именно ощущение потери чувствительности, «онемелости»; как **деревянные** же – это в первую очередь характеристика неподвижности, гибкости конечностей.

Несомненно, синонимами являются УС как (словно, будто, точно, как будто) **каменный**, как (словно, будто, точно, как будто) **свинцовый** и как (словно, будто, точно, как будто) **чугунный** (о тяжёлых, болезненно отяжелевших, не действующих частях тела – голове, руках, ногах или о теле человека в целом; об обуви и других тяжёлых предметах): – *Подходит это он, хочет перекреститься, – а рука тяжёлая, как каменная. Поунять не может. Хочет молитву сказать, язык не поворачивается* (С. М. Степняк-Кравчинский. Штундист (?) Павел Руденко); *Я бросился бежать прочь. Но ноги не слушались меня, – они сделались точно свинцовые, и я с трудом передвигал их* (А. И. Куприн. Ужас); *Вместо боли по всему телу разливался ровный, приторный жар. Рука онемела и стала тяжёлой, как чугунная, поэтому он и не шевелил ею <...>* (М. А. Булгаков. Белая гвардия). Однако и в этом случае полного семантического соответствия не наблюдается: если УС как **каменный** чаще всего употребляется именно по отношению к конечностям человека, то сравнения как **чугунный** и как **свинцовый** чаще используются как образные характеристики предмета или отяжелевшей головы человека (с похмелья, от бессоницы, на непогоду или по нездоровью): *Во рту пересохло, голова как чугунная, в глазах зелень какая-то. Вспомнил, что важно справил свои именины* (П. И. Мельников-Печерский. В лесах); *Голова – точно свинцовая. Вероятно, ночью будет гроза* (А. И. Куприн. Страшная минута). Основание сравнений (признак С) в данных примерах настолько очевиден, что не нуждается в экспликации.

Компаративные фразеологизмы *как каменный* и *как деревянный* сближаются еще в одном семантическом проявлении – в характеристике душевного состояния и поведения человека. Оба сравнения способны выражать душевную холодность, равнодушие, отсутствие эмоциональной реакции на происходящее и, как следствие, физическую неподвижность и молчаливость: – *Это ты меня гвоздила по спине кулаками и сама же плакала от злости и говорила: «Бью, бью его, а он, идол, как каменный!»* (М. Шолохов. Поднятая целина). Чаще всего такое поведение – следствие глубокого душевного переживания, страдания или страха, сильного волнения: *Он представил себе, что с ней случилось плохое, и сделался весь как каменный* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Трудно быть богом); *Словно каменный, ничего не чувствуя и готовый покориться всему, поставил я голову под удары этой давно, впрочем, жданной грозы* (Г. И. Успенский. Новые времена). В том же значении употребляется и УС *как деревянный*: *Один раз Харитон Иванович подъехал вечером, когда мы получили похоронную. Мама засветила лампаду и сидела во тьме за столом как деревянная, а мы с Лёшкой глядели на неё со спины. И нам с Лешкой было тошно-тошно оттого, что она не плачет и сидит как деревянная* (С. Антонов. По дороге идут машины). Однако, как показывает языковой материал, это сравнение употребляется не столько как характеристика эмоциональной реакции на тяжелые события или переживания, сколько как образная индивидуализация признаков скованности, стеснительности, неловкости во внешнем поведении либо стремления «сохранить дистанцию» в отношениях, и в этом смысле оно существенно отличается от УС *как каменный*: *Вести Анну в танце было легко и удобно. Но раздражала её привычка на первом па подаваться к партнёру. Алексей придержал талию Анны большим пальцем, отведя в сторону ладонь. Она заметила это. – Вы всегда держитесь, как деревянный?* (Т. И. Дремова. Ключи Семиречья).

Вхождение в состав синонимических рядов устойчивых сравнений одной и той же модели носит характер общей закономерности, которая, кстати, касается всей системы их значений. Из десяти УС с прилагательными, образованными от названий материалов, шесть входят в состав хотя бы одного синонимического ряда; во всех рядах синонимов мы наблюдаем компаративные единицы той же структурной модели. При этом УС *как деревянный* является членом четырех синонимических рядов, *как каменный* и *как чугунный* – трех, *как свинцовый* – двух; УС *как ватный* и *как резиновый* включены в два разных синонимических ряда.

Другая примечательная особенность рассматриваемых нами синонимических рядов – присутствие в их составе других представителей того же образного гнезда с компонентом **В** – существительным: *как дерево, как камень, как резина*. Показательно, что в специальных словарях устойчивых сравнений эти единицы часто рассматриваются вместе; сравн. пары сравнений *как вата – как ватные, как камень – как каменный, как шелк – как шелковый* и т. д. [4].

Логично предположить, что единицы одного образно-компаративного гнезда, с одной стороны, употребляются в похожих речевых ситуациях, в сходных контекстуальных условиях и характеризуются такой же возможностью взаимозамены, как и все прочие синонимы; с другой стороны, способ выражения образного ядра компаративной конструкции не может не накладывать отпечатка на семантику УС и особенности их употребления. Проверим наше предположение на материале сравнений *как железо* и *как железный*. С одной стороны, эти компаративные структуры в целом ряде случаев выступают как синонимичные, встречаясь в текстах с одними и теми же словами-сопроводителями «твердый, жесткий» либо вообще без них; при этом наблюдается и сходство круга объектов образной характеристики (элементов А сопоставляемых компаративных структур). Итак, оба УС могут употребляться:

1) для характеристики предметов: *Я напросился встать в ворота. Мячик, как железный. Отбил все руки с непривычки* (Д. Каралис. Автопортрет); *Я знал, что*

и Катя чувствует это, несмотря на твёрдый, **как железо**, свиной ремешок, который уже натёр ей ногу, и тоже радуется, что идёт снег и что мы катаемся с ней простым голландским шагом (В. Каверин. Два капитана);

2) для характеристики растений и их частей (нередко ствола дерева или древесины как материала): *Одни недотёпы пилить такое удумали – около дома росло, – а ствол-то как железный, пилят, пилят...* (А. Ю. Фёдорова. Жутота и смехота села Тинзина // «Волга, 20, 00) [НКРЯ]; *С осени отборные мачты перекручивались у комля проволокой, чтобы дерево набухало смолой, делалось крепкое, как железо, – янтарное, и в январе их рубили* (А. Н. Толстой. Петушок);

3) для характеристики тела человека и его частей, прежде всего рук (кулаков, пальцев) – сильных, мускулистых, крепких или отвердевших от сильного холода, онемевших: *Илья Николаевич обнажил огромный, твёрдый, словно железный, кулак, поросший волосами, и злобно, с остервенением, молча, крепкими ударами стал вгонять гвозди в крышку* (Скиталец. Октава); *Я подошёл к Панкову и сказал: «Ну что, испугался тогда прийти на каток?» Он сразу кинулся на меня и ловко ударил маленьким, крепким, как железо, кулачком в зубы* (В. А. Каверин. Освещенные окна); *Твёрдый, точно железный палец долго не мог нажать на спуск, а там сноп искр ударил в темноту* (М. А. Кравков. Таёжными тропами). Сравн. также: «**как железо твёрдые пальцы**» (И. С. Тургенев); «**мышцы, как железо**» (А. Кулешов); «**мускулы у меня как железо**» (С. В. Сартаков); «**пальцы Леонида Цимбала были как железные**» (В. Катаев); «**мускулистая, точно железная, рука**» (М. П. Арцыбашев); «**твёрдая, будто бы железная рука**» (П. Л. Проскурин).

Оба сравнения могут выступать и с глаголами-сопроводителями «гремять», «звенеть», образно характеризуя «металлический звук», издаваемый самыми разнообразными неметаллическими предметами, при этом УС **как железо** чаще употребляется по отношению к засохшей или замерзшей почве, земле: *Она почему-то обежала машину не спереди, а сзади, и на сиденье опустилась как при толчке, и плащ её зрел, как железный* (К. Воробьёв. Вот пришёл великан); *Правая рука тоже немела. Задубелый ватник звенел, как железный* (Ф. Абрамов. Последняя охота); *Земля вовсе высохла. Звенит, как железо* (С. Антонов. На военных дорогах). УС **как железо** также может употребляться по отношению к земле, почве, дороге, однако почти исключительно с сопроводителями-прилагательными «твёрдый, жесткий, крепкий»: *Он идёт по замёрзшей, крепкой, как железо, дороге; в колеях насыпан белый снежок* (В. Панова. Ясный берег).

В целом же УС с образом-субстантивом тяготеют к характеристике предметов, растений, веществ, в то время как компаративные фразеологизмы с прилагательным в качестве образной основы в большей степени «антропоцентричны». И по данным картотеки Словаря устойчивых сравнений, и по сведениям НКРЯ, около 70% от общего количества фрагментов, в которых употреблено УС **как железный**, ориентированы на человека. При этом большая часть сравнений имеют в качестве своего объекта человека физически сильного, крепкого, выносливого, здорового: – *Разве такого хворость одолеет? Он крепкий, прямо **как железный**. Такие не помирают. Он всю дорогу в трескучие морозы без перчаток ехал...* (М. А. Шолохов. Тихий Дон). Физическая характеристика нередко оказывается неразрывно связанной с признаками духовными (стойкостью духа, непоколебимостью, решительностью, безграничным терпением и проч.): *Накатыв дух... накатыв дух. Эх. Зато глаза горят, голос глухой и твёрдый, кулаки сжаты – и весь он **как железный!*** (И. С. Тургенев. Ночь); *Он обернулся к Тушину, кивнул ему и хотел идти, но заметил его пристальный, точно железный взгляд* (И. А. Гончаров. Обрыв). В этих примерах детали внешности – сжатые, твердые кулаки, пристальный, прямой и жесткий взгляд – выдают людей волевых, стойких, сильных. Встречаются и прямые характеристики духовной стойкости и непоколебимости: *За плечами лагерь, впереди деревян-бушлат, а он, **как железный*** (В. Гроссман. Жизнь и судьба); *Он всё присматривался ко мне, такой странный... медлительный, тяжёлый... а уж если решил – **как железный*** (А. С. Серафимович.

У холодного моря). Признаки «стойкий», «твердый духом», «выдержанный» нередко проявляются через немногословие: – *Да нет, – усмехнулась Александра. – Молчал ты, как железный. За тебя другие всё сказали. И ты молодец, что не стал отцово враньё подерживать* (А. И. Мусатов. Зелёный шум).

Таким образом, очевидно, что деривационное значение компонентов УС – отсубстантивных прилагательных, образованных от наименований материалов, предопределяет целый ряд общих особенностей, присущих компаративным единицам соответствующей модели: 1) особое проявление сравнительной семантики («как если бы это было нечто, сделанное из материала В»); 2) способность выражать, с одной стороны, физические свойства самых разнообразных предметов и веществ (твердость / мягкость, прочность, характер звучания, эластичность, блеск, легкость / тяжесть, гладкость / ворсистость и проч.), а с другой – физические и психологические качества человека (выносливость, сила и крепость мышц, гладкость и мягкость кожи; стойкость и твердость духа, воля, выдержка, терпение, смирение). Сопоставление сравнений с образной основой-прилагательным и с однокоренным существительным (названием материала) показало, что первые в большей степени ориентированы на образную характеристику человека.

Список использованных источников

1. Русская грамматика : в 2-х т. / редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др. – Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – М. : Наука, 1980. – 783 с.
2. Огольцев, В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический) / В. М. Огольцев. – М. : «Русские словари» : «Астрель»; «АСТ», 2001. – 800 с.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 20.10.2020.
4. Антонова, З. И. Словарь устойчивых сравнительных оборотов: опыт лингвистического и социолингвистического анализа / З. И. Антонова, Е. В. Скворецкая. – Новосибирск : Новосибирское книжное издательство, 2004. – 195 с.

The article discusses the features of semantics and use of stable comparisons of the Russian language with adjectives formed from the names of substances. The author focuses on syncretism of physical and spiritual (psychological) characteristics of a person – a property that is revealed through the analysis of polysemy and synonymous connections of the analyzed comparative phraseological units.

Keywords: comparative phraseology, stable comparison, derivational meaning, polysemy, synonymy.

УДК 811.161.1'42'371:316.36:398.91(=161.1):398.91(=512.37):398.91(=111)

Э. У. Омакаева

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ СЕМЕЙНО-БРАЧНОЙ ТЕМАТИКИ НА ФОНЕ КАЛМЫЦКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПАРЕМИЙ

Статья посвящена выявлению аксиологического потенциала русских гендерных пословиц на фоне калмыцких и английских. Богатый материал для анализа лексической реализации образа мужчины в ипостаси отца и мужа дают гендерно-маркированные лексемы в паремиологическом дискурсе в типологическом освещении. Гендерный фактор является одним из важнейших параметров личности и социума в целом.

Ключевые слова: пословичный текст, русский язык, калмыцкие и английские соответствия, семья, брак, лексика.

Отражение гендерного параметра в языке наблюдается на разных уровнях. Ключевая роль семьи и брака как базовых общественных институтов не могла не найти своего отражения в пословицах.

Объектом нашего осмысления послужили самые разные аспекты брака и семейной жизни с точки зрения мужчины: выбор спутницы жизни, заключение брака, взаимоотношения с супругой, отцовское воспитание в семье и т. п.

Гендер пока еще недостаточно изучен в лингвистическом и лингвокультурном аспектах [1; 2; 3]. Очень мало системных сопоставительных исследований реализации гендерного механизма в разноструктурных языках на материале паремиологии. Между тем востребованность сопоставительного исследования народных представлений о маскулинности в пословичном выражении обусловлена процессами межкультурной и межязыковой коммуникации.

Проблемы текстообразования в калмыцком фольклорном дискурсе ранее рассматривались на примере песенного текста [4]. Пословичный текст пока не подвергался анализу в указанном ракурсе.

Важная роль среди средств лексического маркирования гендера отводится семейно-брачным терминам [5]. Под последними мы понимаем группу слов, которая объединена общей семьей семьи и супружества.

В лингвистической литературе имеется целый ряд работ, посвященных исследованию разноязычных пословиц, в которых отражены роль и положение мужчины в семье [6; 7; 8; 9].

Гендерные отношения закрепляются в языке в виде стереотипов «маскулинности» и «феминности», входящих в фонд фоновых знаний. При всей общечеловеческой универсальности данных стереотипов они имеют определенную национально-культурную специфику. Каждый народ имеет свои представления о «мужском», свое понимание «маскулинности». Каждая культура формирует свой идеальный образ отца и мужа.

В связи с этим необходимо выяснить, какие именно стереотипы относительно мужчины-отца и мужчины-супруга отражены в паремиологическом фонде трех разных народов, а затем сопоставить их. Это позволит определить качества, которыми носители языков наделяют мужчин в их семейно-брачном статусе.

В качестве объекта исследования нами рассматривается пословичный текст с семейно-брачной лексикой в трех разноструктурных языках.

Предмет изучения – особенности пословичной реализации образа мужчины как отца и мужа с использованием соответствующей лексики – конкретных имен существительных (названий лиц мужского пола). В отличие от русского языка, в калмыцком и в английском языках нет категории грамматического рода.

Важное место в гендерной картине мира занимают представления о семье и браке (замужестве и женитьбе). В жизненном сценарии человека выделяются последовательные этапы: поиск партнера, вступление в брак, создание семьи, семейная жизнь (отношения супругов в семье), рождение и воспитание ребенка (детей). Общая картина супружества в трех лингвокультурах представляется в пословицах как необходимость вступления в брак и обретения минимальной защищенности.

На этапе поиска и выбора девушкой спутника жизни образ мужчины репрезентируется в русском паремиологическом фонде с помощью таких лексем, как *суженый, жених*: *Суженого ни обойти, ни объехать. Всякая невеста для своего жениха родится*. При этом отмечается определенный фатализм: *Судьба придет – на печке найдет*.

Статус мужа является статусом, приобретенным в результате вступления в законный брак. В русских пословицах мы обнаружили следующие советы будущему мужу: *Наперед перебеситься, а там и жениться. По себе дерево руби, по себе жену бери. Бери вино хорошего погребца, а жену – хорошей матери*.

Пословицы указывают на важность создания семьи: *Холостой – полчеловека*. В то же время палка о двух концах: *Жениться – беда, не жениться – другая*. Есть страх ошибиться в выборе второй половины: *На дураке женишься – сам в дураках будешь*.

В одних пословицах дается положительная оценка ранней женитьбе, другие же предупреждают об опасности потерять свободу, предостерегают от поспешности: *Женишься раз, плачешь век. Женился на скорую руку, да на долгую муку*.

В русских пословицах мужчина и женщина предстают как части одного целого: *Муж и жена – одна сатана*. Русские поговорки представляют женщину «без мужа» как безголовую, а саму ситуацию – как неестественную для женщины: *Без мужа, что без головы*.

В калмыцком языке слово *залу* ‘муж’ имеет два значения: 1) мужчина по отношению к женщине, с которой он состоит в официальном браке; 2) мужчина. Кстати, в русском языке лексема *муж* раньше имела одно значение, обозначая представителя сильного пола вообще и только в 15–16 вв. в памятниках письменности стало встречаться слово *мужчина*. У калмыцкого слова *залу* в его первом значении есть синоним *аваль* ‘первый и единственный супруг’.

В английском языке муж обозначается лексемой *husband*. *Spouse* служит эквивалентом русского слова *супруг* и употребляется обычно в официальном стиле речи. В английском слове *man* значение ‘муж’ может актуализироваться в тех случаях, когда слово *man* встречается в паре с *wife* ‘жена’. Ключевой фигурой в жизни женщины является муж: *A woman without a husband, a house without a foundation* ‘Женщина без мужа что дом без фундамента’.

Английские пословицы говорят о главенствующей роли мужа-отца в семье, указывая на основные функции главы семьи – добытчика и кормильца [10; 11; 12; 13].

Для обозначения понятия «отец» в калмыцком языке использовались такие слова, как *аав* и *эцк*. Причем в калмыцком языке они первоначально рассматривались как равнозначные понятия, со временем первое стало употребляться для обозначения представителей старшего поколения в значении ‘дедушка’. Но в калмыцких пословицах эта лексема сохранила свое первоначальное значение: *Арһта көвүн аавин нер дуудлдг* ‘Хороший сын прославляет имя отца’.

Достойное отцовство невозможно без личного примера. Отец семейства является безусловным его главой: *Девлд нег зах бээдг, Герт нег ик эзн бээдг* ‘У шубы один воротник, в доме один хозяин’.

Проведенный анализ позволил сделать важные выводы:

1. Весь массив проанализированного материала показывает прежде всего мужскую перспективу (андроцентричность). Андроцентричная коннотация наряду с гендерной асимметрией прослеживается во всех исследуемых лингвокультурах. Мужчина доминирует: в пословицах отражена преимущественно мужская картина мира.

2. Образ мужчины как отца и мужа в поговорках представлен объемно, полипараметрично, в ряде случаев аксиологически амбивалентно.

3. Основным занятием мужчины-отца признается материальное обеспечение семьи. Ему предписывается роль семейного лидера и добытчика. Пословицы ценят такие качества мужчины, как смелость, твердость характера.

4. В пословицах представлен гендерный стереотип, ставящий в привилегированное положение сыновей, что свидетельствует о гендерной асимметрии.

Наше исследование подтвердило, что, несмотря на универсальность общечеловеческих представлений о мужчине как отце и муже, необходимо глубже изучать различные пословичные модели маскулинности, поскольку огромное влияние на их формирование оказывают этнокультурные и этносоциальные факторы.

Исследование проведено при поддержке внутривузовского гранта № 1120 КалмГУ.

Список использованных источников

1. Кирилина, А. В. «Мужественность» и «женственность» с точки зрения лингвиста / А. В. Кирилина // Женщина в российском обществе. – 1988. – № 2. – С. 21–27.
2. Кирилина, А. В. Гендер: лингвистические аспекты / А. В. Кирилина. – М. : Ин-т социологии РАН, 1999. – 189 с.
3. Кирилина, А. В. О применении понятия «гендер» в русскоязычном лингвистическом описании / А. В. Кирилина // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. – М., 2000. – № 3. – С. 28–36.
4. Омакаева, Э. У. Проблемы текстообразования в фольклорном дискурсе: жанр калмыцкой песни в свете лексикографического и корпусного подходов / Э. У. Омакаева // Вестник КИГИ РАН. – 2012. – № 1. – С. 21–27.
5. Деткова, В. А. Образ мужчины в русских и английских паремиях семантической группы «Семейные отношения» как объект описания в двуязычном словаре / В. А. Деткова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – № 3. – С. 108–110.
6. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост., перевод Б. Х. Тодаевой. – Элиста : ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. – 839 с.
7. Сарангаева, Ж. Н. Аллегорическое представление концепта «брак» в калмыцких, русских и английских паремиях / Ж. Н. Сарангаева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2018. – № 3 (222). – С. 93–97.
8. Есенова, Т. С. Образ мужчины в русском и калмыцком языковом сознании (на материале пословиц) / Т. С. Есенова, Г. Б. Есенова // IV Международный научно-практический форум «Языки. Культуры. Перевод». 03–10 июля 2016 г. Материалы: электронное издание. – М. : ООО «Издательство ФОРУМ», 2016. – С. 113–119.
9. Хальмг үлгүрмүдин болн товчта үгмүдин тээлвртэ толь = Толковый словарь калмыцких пословиц и поговорок / Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН; сост.: У. У. Очиров, Л. С. Сангаев; [редкол.: Э. У. Омакаева (отв. ред.), Е. В. Бембеев, Б. Б. Горяева; предисл. Э. У. Омакаевой]. – Элиста : Джангар, 2011. – 224 с.
10. Fleischer, W. Phraseology and Proverbs: Lexical Units and Text, Proc. of EUROFRAS 92: Tendency of the Phraseology Research, B. Sandig (ed.). Brockmeyer University Press, Bochum, 1994. – P. 155–172.
11. Kirshenblatt-Gimblett, B. Toward a Theory of Proverb Meaning. The Wisdom of Many: Essays on the Proverb / Ed. by W. Mieder and A. Dundes. Madison (Wis.): Univ. of Wisconsin Press, 1994. – P. 111–121.
12. Mieder, W., Dundes, A. (eds.). The Wisdom of Many: Essays on the Proverb. University of Wisconsin Press, 1994. – 330 p.
13. Weatherall, A. Gender, Language and Discourse / A. Weatherall. – London : Routledge, 2002. – 177 p.

The article is devoted to identifying the axiological potential of Russian gender proverbs against the background of Kalmyk and English proverbs. A rich material for analyzing the lexical implementation of the image of a man in the hypostasis of a father and a husband is provided by gender-marked lexemes in the paremiological discourse in typological coverage. The gender factor is one of the most important parameters of the individual and society as a whole.

Keywords: proverbial text, Russian language, Kalmyk and English correspondences, family, marriage, vocabulary.

УДК 811.161.1'42'271:398.61:551.5

О. С. Орлова

КОГНИТИВНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЗАГАДОК О ЯВЛЕНИЯХ ПРИРОДЫ

Целью статьи является когнитивно-культурологическое описание загадок. Исследование проводится на материале загадок о явлениях природы русскоязычной и англоязычной культур. Проведенный анализ показывает, что когнитивно-культурологическое описание загадки позволяет показать механизм кодирования загаданного денотата в загадочном тексте.

Когнитивное (фреймовое) описание загадки иллюстрирует её метафорическое «устройство», а культурологический комментарий объясняет использование данных образов для кодирования загаданного денотата в пространстве культуры.

Ключевые слова: паремия, загадка, семантическая структура загадки, денотат, образ, метафора, фрейм, когнитивный и культурологический комментарий.

Загадка является особым видом паремий, который представляет собой «киносказательное изображение в короткой формуле предмета или явления, которые нужно угадать; выражение, требующее разгадки» [1, с. 147]. Ключевая особенность загадки состоит в сложности её декодирования. Загадка характеризуется наличием двух обязательных составляющих – загаданного денотата (отгадки) и загадочного текста (собственно загадки), в основе которого, как правило, лежит метафора. Сравн.: *Конь бежит / Земля дрожит (гром)* [2, № 1944]; *I see to me, / I see from me, / Two miles over the sea, / A little blue man, / In a green boatee: His shirt is lined with a skein of red (the rainbow)* [3, № 654]. «Основная сложность загадки – в отдалённости подобий, в метафорах, которые далеко уводят сознание от исходного денотата» [4, с. 97]. Показать, из каких составляющих складывается метафора в загадке, на основании каких признаков осуществляется уподобление объектов кодирования тем или иным объектам действительности, позволит когнитивное описание загадки. Объяснить использование конкретных образов, представленных в загадке, позволит привлечение культурологического комментария.

В качестве примера представим когнитивно-культурологическое описание загадки русского народа о снеге – *Белый лебедь на яйцах сидит (снег на полях)* [2, № 1971].

Рисунок 1 – Белый лебедь и снег

Когнитивную структуру метафорического «устройства» загадки составляют: «исходная понятийная область-источник; область-приемник; типовой сценарий, который отражает характерные для данной сферы последовательности ситуаций; понятийные компоненты, которые создают основу для уподобления; фреймы как структура представления стереотипных ситуаций, выделенные в них данные о существенном, типичном и возможном для такого представления; типовые слоты, элементы ситуации, конкретизация фрейма» [5, с. 46]. Метафорическое «устройство» загадки представим в таблице 1, в которой репрезентируется кодирование и декодирование денотата на основе знаний и окультуренных представлений о мире.

Когнитивное (фреймовое) описание загадки выявляет этапы «монтажа» и «демонтажа» метафоры загадки, позволяет объяснить механизм кодирования денотата, фокусирования внимания на тех или иных слотах, дает определенные подсказки, необходимые для разгадывания. Однако прочитывается загадка в контексте культуры, в которой бытует; и разгадывание загадки осуществляется с опорой на знание культуры, которой данная загадка принадлежит (см.: [6; 7]).

Таблица 1 – Когнитивный комментарий 1

	Снег на полях	=	<i>Белый лебедь на яйцах сидит</i>
	Область-источник	Конституирующие признаки	Область-приемник
	Природная, ландшафтная	Природная	Природная, зооморфная
Типовые сценарии	Снег лежит на полях некоторое время	Положение элемента 1 локализовано в элементе 2 на время t	Белый лебедь сидит на яйцах некоторое время
Фрейм / фрагмент	Снег	Элемент 1 Цвет	Белый лебедь
Признаки типовых ситуаций:	Лежит на полях время t	Ситуация, которая длится время t	Сидит на яйцах время t
Слоты			
Конкретизация фрейма	Поля (под снегом)	Элемент 2 Положение	Яйца (под лебедем)
Элементы ситуации			

Культурологический комментарий 1.

В рассмотренной загадке снег, лежащий на земле, уподобляется лебедю, сидящему на яйцах. Как снег в России лежит долго, укрывая землю, так и лебедь долго сидит на яйцах, укрывая их собой. Образы в загадке соотносятся с цветовым, временным кодами культуры. Образ лебедя на яйцах означает снег на полях. Образ лебедя в фольклоре всегда связан с белым цветом как символом чистоты и красоты; сравн.: *белая лебедушка*. В русской традиционной картине мира образ снега также всегда белый; сравн. поговорки и присказки: *Как ни мойся, белее снегу не будешь* [8, с. 309]; *Не сизый орел, не ясный сокол подымается... Не лебедь белая (серая) выплывала... Не белы снеги в чистом поле забелелись...* [8, с. 425]. Сравн. также народные поверья: *Лебедь летит к снегу, а гусь к дождю* [8, с. 401]; *Прилетающий осенью лебедь несет снег на носу* [9, с. 88]. Так, русская народная загадка о снеге разгадывается с опорой на знание русской традиционной культуры, её эталоны, стереотипы.

Разгадывание загадки, бытующей в другой культуре, будет осуществляться с опорой на знание той культуры, которой данная загадка принадлежит. В качестве примера рассмотрим когнитивно-культурологическое описание загадки англоязычной культуры о росе и солнце – *She washed her hands in water / Which neither fell, nor run; / She dried her hands with a towel / Which was neither woven nor spun (dew and sun)* (*Она помыла руки в воде, которая не течет и не падает, и вытерла их полотенцем, которое не ткали и не пряли (роса и солнце)* – перевод наш) [3, № 1104b].

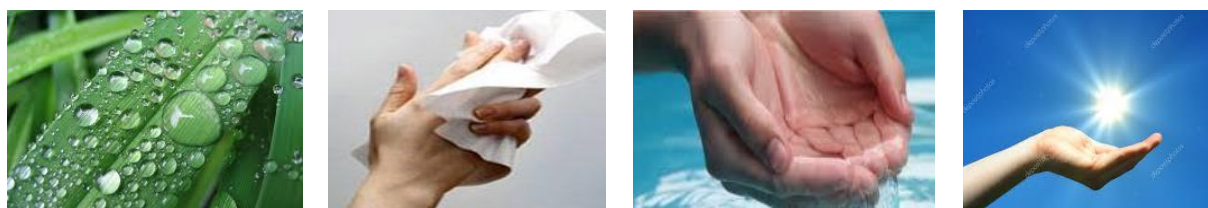

Рисунок 2 – Роса, солнце и мытье рук

Таблица 2– Когнитивный комментарий 2

	Dew and sun	=	<i>She washed her hands in water / Which neither fell, nor run; / She dried her hands with a towel / Which was neither woven nor spun</i>
	Область-источник	Конституирующие признаки	Область-приемник
	Природная, растительная, водная, космическая	Водная	Антропная, водная, артефактная
Типовые сценарии	Рано утром на растениях появляется роса; некоторое время лежит на листьях, а когда пригревает солнце, высыхает	Ситуация, в которой элемент 1 совершает действие 1 с элементом 2 время t, а затем совершает действие 2 с элементом 3	Девушка некоторое время моет руки, а затем вытирает их полотенцем
Фрейм / фрагмент		Элемент 1	
Признаки типовых ситуаций:	Растение	Биологическая сущность (живой организм)	Девушка
Слоты	Листья	Составная часть элемента 1	Руки
Конкретизация фрейма		Форма	
Элементы ситуации	Роса	Элемент 2	Вода
	На листьях образуются капли росы	Состояние (жидкая вода)	
	Солнечные лучи	Действие 1	Девушка моет руки
	Солнце светит и высушивает капли росы	Элемент 3 Функция (высушивает)	Полотенце
		Действие 2	Девушка вытирает руки полотенцем

Культурологический комментарий 2.

В англоязычной культуре существуют различные варианты данной загадки, которые, согласно американскому паремиологу А. Тэйлору, возможно, восходят к старинной шотландской балладе «Ухаживание капитана Веддербурна» (Captain Wedderburn's Courtship) [3, с. 463], по сюжету которой возлюбленная капитана соглашается стать его женой только после того, как он отгадает все ее загадки (см. подробнее в [10]).

В рассмотренной загадке капли росы, лежащие на листьях, уподобляются каплям воды на руках девушки, которая моет руки, а солнечные лучи, высушивающие росу на листьях, – полотенцу для рук. В основе такого уподобления лежит существующий во многих культурах обычай – умываться утренней росой. В Великобритании со времен

язычества распространено поверье, согласно которому, чтобы сберечь свою красоту, девушкам нужно умываться утренней росой или ложиться в траву, чтобы собрать капли росы всем телом; а для скорого зачатия ребенка – в полнолуние нужно провести ночь на траве, чтобы наутро покрыться росой, капли которой, по преданию, обладают магическими свойствами [11, с. 171]. Источником этого обычая, вероятно, является Шотландия, где во время кельтского праздника начала лета, 1 мая, издавна принято на рассвете приветствовать солнце и умываться росой, которая, по верованиям друидов, считается священной и дарует молодость и красоту [12, с. 61].

Заключение. Таким образом, когнитивно-культурологическое описание загадок позволяет показать механизм кодирования загаданного денотата в загадочном тексте. Когнитивное (фреймовое) описание загадки раскрывает её метафорическое «устройство», выявляет основу для уподобления – конституирующие признаки загадки; а культурологический комментарий объясняет образы, которые лежат в основе загадок, в пространстве той культуры, которой эти загадки принадлежат.

Список использованных источников

1. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. – М. : Аделант, 2014. – 800 с.
2. Садовников, Д. Н. Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач / Д. Н. Садовников. – СПб. : Типография Н. А. Лебедева, 1876. – 333 с.
3. Taylor, A. English Riddles from Oral Tradition / A. Taylor. – Berkley and Los Angeles, University of California Press, 1951.
4. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры / М. Л. Ковшова. – М. : ЛЕНАНД, 2019. – 395 с.
5. Ковшова, М. Л. Загадки о рождении: опыт когнитивно-лингвокультурологического исследования / М. Л. Ковшова, О. С. Орлова // Когнитивные исследования языка. – 2018. – № 35. – С. 44–51.
6. Ковшова, М. Л. Культурологический комментарий в словаре русских загадок: идея, принципы, содержание / М. Л. Ковшова, О. С. Орлова // Язык и актуальные проблемы образования. Материалы V Международной научно-практической конференции. Москва, 21 января 2020 года. – М. : Диона, 2020. – С. 123–127.
7. Ковшова, М. Л. Когнитивный анализ загадок и культурологический комментарий: опыт исследования / М. Л. Ковшова, О. С. Орлова // Когнитивные исследования языка. – 2020. – Вып. № 2 (41). – С. 97–101.
8. Даль, В. И. Пословицы русского народа : в 2 т. / В. И. Даль. – Т. 2. – М. : Художественная литература, 1989. – 383 с.
9. Гура, А. В. Лебедь / А. В. Гура // Славянские древности. Этнолингвистический словарь : в 5 т. – Т. 3. – М. : Международные отношения, 2004. – С. 88–89.
10. Captain Wedderburn's Courtship [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.sacred-texts.com/neu/eng/child/ch046.htm>. – Дата доступа : 11.10.2020.
11. Sheard, K. M. Llewellyn's Complete Book of Names / K. M. Sheard. – Woodbury, Minnesota, Llewellyn Publications, 2011.
12. Lynch, M. Oxford Companion to Scottish History / M. Lynch. – New York : Oxford University Press, 2007.

The article deals with cognitive-cultural description of riddles, as applied to riddles about natural phenomena in Russian and English-speaking cultures. The research carried out shows that cognitive-cultural description of riddles illustrates the mechanism of riddle denotation coding. Cognitive description of riddles(frame) shows their metaphorical “arrangement”, and cultural comment explains the images used to code the riddle denotation in the particular culture.

Keywords: paroemia, riddle, semantic structure of riddles, denotation, image, frame, metaphor, cognitive and cultural comment.

И. М. Петрачкова

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА КАК ЭКСПЛИКАТОРЫ
ИДИОМАТИЧЕСКИХ И ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ СМЫСЛОВ
В ПОСТМОДЕРНИСТСКИХ ПЬЕСАХ Д. М. ЛИПСКЕРОВА**

В статье описываются прецедентные имена, при использовании которых затрагивается историко-литературная и культурная память. Представлена точка зрения на проблему сходства прецедентных имен с фразеологическими и паремиологическими выражениями, поскольку в своей основе имена этого типа, как пословицы, поговорки и идиомы, имеют источник, ситуацию, которые со временем закрепились в языке и культуре, стали имплицитным элементом когнитивной базы носителя языка.

Ключевые слова: прецедентное имя, аллюзия, реминисценция, идиома, пословица, поговорка, интертекстуальность, фразеологические и паремиологические выражения.

Прецедентные имена (далее ПИ), или аллюзии, реминисценции, художественного текста (далее ХТ) принадлежат к тому разряду языковых единиц, которые являются знакомыми и узнаваемыми многими носителями языка, имеют достаточно устойчивый и воспроизводимый состав ассоциаций, возникающих в сознании читателей. Эти единицы являются имплицитным отражением народного стереотипа, заключенного в словесную языковую оболочку. Сфера применения аллюзивных имен собственных (далее АИС) не имеет границ: от ХТ, текстов СМИ до бытового общения. Следует отметить, что подобными характеристиками обладают также фразеологические и паремиологические выражения, так как прецедентность может определяться как «процесс отражения в тексте национальной культурной традиции в оценке и восприятии исторических событий и лиц, мифологии, памятников искусства, литературы, произведений устного народного творчества» [1, с. 147].

Д. Б. Гудков, например, понимает под прецедентом «образцовые факты, служащие моделью для воспроизводства сходных фактов, представленные в речи определенными вербальными сигналами, актуализирующими стандартное содержание, которое не создается заново, но воспроизводится» [2, с. 83], т. е. под ПИ мы понимаем единицу дискурса, непрерывно возобновляемую в речи и хорошо известную всем носителям национально-лингвокультурной памяти, имеющую общий, коннотативный вариант восприятия, понятный без дополнительных объяснений и расшифровок. Это значит, что ПИ по аналогии с паремиями и фраземами выступает своеобразным экспликатором («демонстратором», «выразителем») определенных значений (смыслов). АИС, даже включенные в новый контекст, несут на себе черты исходного текста. Вся экспрессия и знаковость ПИ утрачивается, когда теряется связь с источником. Паремии и фраземы также в некоторой степени можно включить в число прецедентных феноменов на основании того, что их источник невозможно определить. Как отмечает А. Е. Супрун, «есть достаточно оснований думать, что некоторые пословицы и поговорки возникли тоже из текстовых реминисценций, но затем предшествующие тексты были забыты» [3, с. 26]. Представления, отраженные в пословицах, также имеют прототипический характер, но более древний по сравнению с крылатыми выражениями. Вот почему многие авторские цитаты приобретают со временем пословичный характер.

Таким образом, на наш взгляд, прецедентные номинации имеют ряд схожих признаков с паремиями и фразеологизмами: 1) воспроизводимость в речи представителей того или иного национально-культурного сообщества; 2) актуальность в когнитивном плане; 3) известность всем представителям национально-лингвокультурного сообщества;

4) метафоричность, образность, экспрессивность, эмоциональную окрашенность и др. Связующим звеном АИС и фразеологических, паремиологических выражений является их воспроизводимость в речи, однако мы считаем, что прецедентные феномены в большей степени сохраняют связь с источником, породившим его.

В. А. Маслова дает следующее определение ПИ: «Прецедентными именами называют индивидуальные имена, связанные с широко известными текстами (Обломов, Тарас Бульба), с ситуациями, которые известны большинству представителей данной нации (Иван Сусанин, дед Талаш)» [4, с. 53]. АИС – своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственному денотату (референту), а к набору дифференциальных признаков данного ПИ. Достаточно часто имена собственные (ИС) данного типа переходят в разряд нарицательных. ПИ – это особый словесный знак, совмещающий в себе свойства собственного и нарицательного имени, но не входящий ни в один из этих классов. Прецедентные онимы представляют собой некий промежуточный, переходный случай между этими двумя классами имен.

АИС – это характеризующие знаки, так как они порождают ассоциативные связи в сознании читателя / зрителя. Основное свойство таких лексем заключается в наличии четких связей между именем и известным лицом и теми ассоциациями, какие данное лицо вызывает. АИС, как паремии и фраземы, обладают свойством аккумулировать в себе большие объемы лингвистической и культурной информации в сравнении с другими единицами и сочетаниями. ПИ – это тип интертекстуального включения, обладающий стилистическим и прагматическим воздействием на адресата и отсылающий к определенным литературным, культурным и историческим фактам. АИС включают имена литературных персонажей, имена политиков, исторических деятелей, культурных событий и проч.

Целью настоящей работы является исследование реминисцентных ИС в пьесах Дмитрия Михайловича Липскерова как средства вербализации авторской концепции, установление места и роли АИС в драматургическом произведении, а также фиксация закрепленного за ПИ относительно устойчивого эксплицитного значения, приближающего номинации к идиомам и паремиям. Материалом исследования послужили АИС из пьес Д. М. Липскерова «Юго-западный ветер», «Семья уродов», «Река на асфальте», «Школа с театральным уклоном», «Елена и Штурман». В работе использованы метод комплексного анализа текста, описательный, стилистический, статистический и лингвокультурологический методы.

Сложность организации ХТ подразумевает множественность его интерпретаций. Поэтому автор должен ввести в текст ориентиры, чтобы сузить это множество интерпретаций до тех, которые подразумевает сам писатель произведения. Для введения таких ориентиров художник слова как раз и обращается к общеизвестным фактам, произведениям литературы, достижениям культуры, легко узнаваемым читателем. АИС, на наш взгляд, и являются теми константами художественного мира, благодаря которым реализуется авторский замысел. Драматургические произведения «новой волны» Д. М. Липскерова также содержат в себе информацию, реализующую авторскую точку зрения в сознании читателя. Устойчивость ассоциаций, связанных с определенным лицом, позволяет драматургу переносить его имя для обозначения людей, обладающих схожими чертами. Совершенно необязательно красноречиво описывать жестокого, бездушного человека, если можно охарактеризовать его одним лишь именем *Ирод* (например, священник отец Ермолай из пьесы «Юго-западный ветер» так характеризует другого персонажа, чекиста Варгана, восклицая: «*Ирод ты!*» [2, с. 23]) – это придаст персонажу глубины, свяжет его с библейским героем. Поэтонимы этой группы давно концептуализировались и теперь воспринимаются как абстрактные. У Липскерова это ИС из мифологии, библии, произведений литературы, живописи и истории. Для автора

ПИ являются источником интерпретации культурно-коннотативного содержания того или иного ХТ. Кроме того, благодаря АИС драматургу постмодернизма удается сочетать реальное и ирреальное в ХТ, моделировать порой совершенно абсурдную ситуацию, смешивая имена персонажей из разных временных эпох, пространств или художественных миров. Реминисценция может быть точкой пересечения пространств разных текстов, т. е. ПИ отличаются интертекстуальностью. Они делают ХТ более насыщенным, экспрессивным и глубоким. Так, в исследуемом нами материале к АИС относятся онимы, принадлежащие пространству прецедентного текста (например, *Катерина, Тихон, Борис, Волга*, фигурирующие в пьесе «Юго-западный ветер», взяты из «Грозы» А. Н. Островского) либо используемые в определенной ситуации, широко известной носителям языка и поэтому ставшей прецедентной (например, *Джоконда, Циклоп* – «Юго-западный ветер»; *Квзимодо, Эсмеральда* – «Семья уродов», *Раскольников* – «Елена и Штурман»; *Обломов, Трубецкой* – «Школа искусств с театральным уклоном»).

Среди употребляемых художником слова *ядерных* антропонимов (*сюжетных* и *внесюжетных*) в онимическом пространстве пьес Д. М. Липскерова прецедентные номинации составляют около 40% от их общего числа. Перечислим АИС: *Катерина; Тихон; Борис; Кольбер; Шопенгауэр; Маркс; Шаляпин; Джоконда; Ленин Владимир Ильич, Дзержинский Феликс, Энгельс, Ирод, Пилат* – «Юго-западный ветер»; *Квзимодо, Эсмеральда, Ричард III, Тулуз Лотрек* – «Семья уродов»; *Обломов, Трубецкой* – «Школа с театральным уклоном»; *Ганнибал / полководец Карфагенский* – «Бельё из Люксембурга»; *Раскольников* – «Елена и Штурман»; *Ричард* – «Река на асфальте» [5]. Кроме того, ПИ встречаются и среди *периферийных* «фоновых» поэтонимов (*Ост-Индская, Вест-Индская, Левантийская монопольные компании, Волга, Сена* – «Юго-западный ветер»; *Кремль* – «Река на асфальте»; *Бородинская битва, Ватерлоо* – «Елена и Штурман» и проч.)

Имена-реминисценции, функционирующие в исследуемых нами текстах, в большинстве своем относятся к группе узуальных онимов, принадлежащих различным «возможным мирам» анализируемых произведений (например, *Катерина, Тихон, Борис* одновременно являются героями пьесы Д. М. Липскерова «Юго-западный ветер» и А. Н. Островского «Гроза»). У Липскерова в едином контексте оказываются литературные персонажи, являющиеся представителями разных эпох. В результате реально-бытовое и условное (мифологическое) соединяются, смешиваются в ХТ и поэтонимы, принадлежащие разным эпохам, разным историческим, географическим и литературным реалиям. Ярким прецедентным ремейковым онимом является антропоним *Катерина*. Реминисценция основана на перенесении черт лица, названного именем-оригиналом, на иной объект номинации, по отношению к которому также намеренно используется имя образа-«первоисточника». *Катерина*, героиня из пьесы А. Н. Островского, в современной драме Д. М. Липскерова «Юго-западный ветер» – в соответствии с финалом пьесы классика бросилась в *Волгу* (реминисцентный «фоновый» оним), но оказалась «на дне»; теперь сажает водоросли, плачет по постоянно прибывающим утопленникам и вновь оказывается в ситуации любовного треугольника, кончает жизнь самоубийством, осознанно всплывая вверх. Ассоциация базируется не только на схожести ее покладистого характера, простоты, искренности, внешнего облика («*Она в простом ситцевом платьишке, с распущенными волосами до плеч*» [5, с. 17]; «*ИОСИФ (крепче обнимая Катерину). Простая ты у меня... И века не в состоянии душу твою изменить...*» [5, с. 62]), но и на упоминании в контексте пьесы иных имен, принадлежащих другому ХТ, а именно драме А. Н. Островского «Гроза». Так, возлюбленный *Катерины* спрашивает у нее: «*ИОСИФ. Могу я тебя, Катенька, спросить? <...> Любила ли, Тихона, мужа своего? КАТЕРИНА. Жалела я его, а оттого что-то материнское возникало... <...> ведь слабый он был, а все ж мой. ИОСИФ. А Бориса любила? КАТЕРИНА (встрепенувшись). Откуда знаешь про него? ИОСИФ. Да так, уж*

знаю. <...> Любила. Оттого здесь я. ИОСИФ. Очень любила? КАТЕРИНА. От симпатии в реку не бросаются... Ох, и любила я его, так любила, до скрежета в костях, до кровавой пелены в глазах...» [5, с. 63]. ПИ **Тихон, Борис, Катерина** вызывают в читательском сознании воспоминания о событиях, происходящих в драме «Гроза», отождествляя образ **Катерины** из постмодернистской пьесы Д. М. Липскерова с героиней русской классики.

Графиня де Ронкороль из этой же пьесы часто вспоминает свою эпоху, воссозданию которой способствуют *внесюжетные* ИС. Она называет имя «генерального контролёра финансов с шестьсот шестьдесят пятого по восемьдесят третий год...» [5, с. 13] Франции **Кольбера**. Действительно, используемый художником слова реалионим **Жана-Батиста Кольбера** переносит нас в эпоху известного французского государственного деятеля, министра финансов, который заложил экономические предпосылки для формирования **Французской колониальной империи**. ПИ **Кольбер** связано с ситуацией, широко известной носителям языка. Семантическая структура АИС определяет особенности его использования. Для отражения эпохи Графини в контексте всплывают и такие *периферийные* «фоновые» эргонимы, как **Ост-Индская, Вест-Индская, Левантийская монопольные компании**, создание которых также связано с XVII веком и инициативой **Кольбера**. Именно он поощрял французскую торговлю, колонизацию Северной Америки и Западной Африки. Использование реалионимов содействует созданию самой атмосферы «театра абсурда», где переплетаются реальное и вымышленное, и является закономерной ономастической универсалией ХТ постмодернизма.

Антропоним **Ричард** («Река на асфальте») вызывает ассоциации, связанные с историческим персонажем, английским королем XII века **Ричардом I Львиное Сердце**, человеком благородного происхождения [см. об этом подробнее: 6, с. 79]. Главный герой «Школы с театральным уклоном» учитель физкультуры Виктор **Трубецкой** в ХТ подчеркивает свое знатное происхождение, на которое указывает фамилия персонажа, гордится им: «СЕРЖ. ... Ты ж у нас князь, голубая кровь... ТРУБЕЦКОЙ. Не чета вам, плебейам... Я князь! Я потомок! Моя фамилия – Трубецкой! Да, я князь!» [5, с. 145], или же «СЕРЖ. Великий князь, потомок! Учителишка физкультуры. Нищий князь. ТРУБЕЦКОЙ. Нищий, но зато князь. Ты тоже нищий, но плебей. Плебей, а я Трубецкой!..» [5, с. 145], т. е. фамилия в данном контексте эксплицирует сему ‘князь’, или ‘человек благородного происхождения’. И только потом Виктор искренне признается Сержу: «...Ты знаешь, я не князь... И никогда им не был... Я тебе все время врал... Я не знал ни своего отца, ни своего деда... Я их не помню... Я вырос в детдоме... Там мне дали фамилию самую обыкновенную – Гаврилов... в шестнадцать лет я ее сменил на Трубецко-го... У меня маленькая зарплата и большое самолюбие...» [5, с. 186]. АИС относит читателя / зрителя к известному роду князей **Трубецких**, который был внесен в пятую часть дворянских родословных книг Курской, Московской, Нижегородской, Орловской, Пензенской, Полтавской и Симбирской губерний. Именно «большим самолюбием» [5, с. 186], непомерными амбициями автор объясняет выбор героем знаменитой благородной родовой фамилии **Трубецкой**. Своего коллегу, учителя географии, Виктор иронично называет **Обломовым**, мотивируя это так: «Может, ты гений в том, что не делаешь никому зла? <...> Может, ты какая-нибудь разновидность **Обломова**?» [5, с. 150]. Сержу нравится подобное сравнение (это указывает на его ограниченность и неосведомленность в русской классике), он не видит в нем подвоха и гордо заявляет: «Да. Во мне точно **Обломов!**» [5, с. 150], или «Он никому не сделал зла! Я, наверное, тоже поэт-человек... Чувствую, во мне свербит что-то!» [5, с. 151]. Тогда **Трубецкой** пытается открыть глаза Сержу на истинную природу этого героя романа И. А. Гончарова, давая понять, что здесь нечем гордиться, раскрывает в жесткой форме истинную суть приведенного сравнения, косвенно характеризуя учителя географии: «**Обломов** –

дрянь. Он все время лежал, изредка ходил в сартир гадить. А за ним кто-то дерьмо выгребал!» [5, с. 151].

На стене комнаты, где живет «семья уродов» висят иллюстрации: на одной из них – *«Квзимодо, умирающий на груди Эсмеральды, на другой – то ли Ричард III, то ли Тулуз Лотрек, а может, и ещё кто...»* [5, с. 79]. Все эти номинации обыгрываются прямо или косвенно драматургом Липскеровым. Интертекстуальный мотив безответной любви, как и в романе Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери», присутствует в пьесе: Наташа-*Эсмеральда* ради выгоды обманывает горбуна Хатдама: изображая любовь, она приезжает на свидание к своему *Квзимодо*. Тот отдает ей все, что имеет, преподносит дорогие подарки, стараясь удивить и порадовать возлюбленную. Указание ИС исторических персон *«то ли Ричарда III, то ли Тулуза Лотрека»*, запечатленных на иллюстрации, также неслучайно. Ведь достоверно известно, что единственный сын в знатном аристократическом роду *Анри де Тулуз Лотрек* имел физический дефект. Однажды он упал в канаву и получил перелом кости шейки бедра левой ноги. После этого случая ноги перестали расти. В любви ему также не везло, низкий рост и внешность инвалида вызывали насмешки, все его серьезные романы заканчивались неудачно. У *Ричарда III* из-за развившегося сколиоза был деформирован позвоночник, и одно плечо стало выше другого. Он вошел в историю как самый безобразный и кровожадный правитель. Имена обеих упоминаемых исторических персон лишь подчеркивают физическое уродство хозяина дома Хатдама, который был горбат и *«сильно хромал на левую ногу»* [5, с. 91], а также, подобно идиомам, обладают устойчивой воспроизводимой семантикой *«человек с физическими недостатками», «безобразный, уродливый»*.

Другая группа АИС – это ономастические метафоры (например, отец Ермолай, обращаясь к Варгану, говорит: *«Ирод ты!»* [5, с. 23], давая тем самым отрицательную оценку герою пьесы). Еще одного весьма загадочного действующего персонажа этой пьесы Девуцу художник слова соотносит с аллюзивным онимом *Джоконда*. Эта героиня появляется неожиданно среди ночи и сразу же привлекает к себе обитателей речного дна. На вопрос отца Ермолая, как ее звать, *«девица не отвечает, только улыбается»* [5, с. 35], словно глухонемая, за что Иосиф, восхищенный красотой и загадочностью улыбки девушки, называет героиню *Джокондой*: *«ИОСИФ. Джоконда... Джоконда ее имя! <...> ИОСИФ (подходит ближе к Девуце). Твое имя Джоконда, не правда ли? Девуца, не снимая с лица улыбки, гладит Иосифа по голове»* [5, с. 35]. Так возникает аллюзия с известной картиной Леонардо да Винчи «Мона Лиза», или *«Джоконда»*, в которой людей до сих пор больше всего занимает пресловутая загадка улыбки Моны Лизы.

Молодость героев Елены и Штурмана из одноименной пьесы прошла в разлуке, и ничего уже не вернуть назад и не исправить. Порой ненависть двух стариков из-за причиненных друг другу прошлых обид доходит до крайнего предела. Штурман даже замахивается на жену топором, за что и получает метафорическое прозвище от Елены: *«Раскольников ты мой... Старый Раскольников»* [5, с. 319]. Вышеназванный интертекстуальный реминисцентный антропоним сразу же вызывает ассоциативную связь с главным действующим персонажем романа **Ф. М. Достоевского** *«Преступление и наказание» Родионом Раскольниковым* [см. об этом: 6, с. 81].

Использует автор и ономастические сравнения: например, Графиня, любясь Варганом, отмечает: *«Суров, как Циклон»* [5, с. 24]; или же уголовник Дуля («Юго-западный ветер») утверждает: *«Лучше Пилатом быть при жизни, чем Христом после смерти»* [5, с. 53], что значит, лучше быть грешником, но жить в свое удовольствие, как *Понтий Пилат* (имя римского правителя Иудеи), чем быть праведником, но при этом страдать в земной жизни. Данное выражение выступает в роли окказиональной индивидуально-авторской паремиологической единицы в ХТ. Главный герой, *«огромного роста горбун»* [5, с. 79], Хатдам («Семья уродов»), сам отождествляет себе

с *Квзимодо*, а свою возлюбленную Наташу считает своей *Эсмеральдой*. «НАТАША. Неужели я еще похожа на *Эсмеральду*?» ХАТДАМ. Ты лучше... Я – *Квзимодо*» [5, с. 166]. Реминисценция относит нас к персонажам романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери»: *Квзимодо*, рожденному с физическими недостатками, чье тело было неправильной формы (он был горбат и хром), и прекрасной цыганке-танцовщице *Эсмеральде*. Более того, с помощью этих АИС дается исчерпывающее описание внешнего облика героев, построенное на бинарной оппозиции «красота – уродство», «прекрасное – безобразное».

Исследователь М. А. Соловьёва подразделяет АИС на три группы, которые вполне согласуются и с исследуемым языковым материалом: 1) моновалентные АИС – при их использовании актуализируется одно основное свойство (характер, внешность, род деятельности): в нашем случае это такие поэтонимы, как *Иосиф, Циклон, Кольбер* и др.; 2) амбивалентные АИС – автор может выбрать одно из свойств имени и использовать его как основное: *Джоконда, Пилат, Христос, Раскольников* и пр.; 3) поливалентные АИС – объемные ИС, включающие в себя ряд свойств: *Катерина, Тихон, Борис, Квзимодо, Эсмеральда, Ричард* и под. [см. об этом: 7, с. 16]. ПИ связывают героя во вторичном тексте с оригинальным героем, при этом их поступки, внешность, характер и атрибуты могут либо полностью совпадать, либо отличаться. Драматург с помощью прецедентных номинаций может как прибегать к использованию совокупности оценочных и ассоциативных значений, так и выделять лишь одно качество оригинального референта либо, используя АИС с многоуровневым семантическим полем, включать все свойства и атрибуты оригинального персонажа.

Таким образом, исследуемые ПИ достаточно убедительно демонстрируют сходство с фразеологическими и паремиологическими выражениями, функционирующими в языке, за которыми закрепился определенный смысл. Как и пословицы, поговорки, а также идиомы, АИС становятся имплицитным элементом когнитивной базы носителя языка (сравн.: *Обломов* – «бездельник, мечтатель», *Ирод* – «злой и жестокий человек», *Эсмеральда* – «красавица», *Трубецкой* – «представитель знатного рода» и под.). Прецедентные онимы, воспроизводимые, когнитивно и эстетически значимые единицы, можно рассматривать в одной параллели с паремиями и фраземами. Используя специфику АИС, основанную на их сходстве с устойчивыми воспроизводимыми единицами языка, драматург Д. М. Липскеров выражает логическую и эмоциональную оценку объекта, моделирует нереальные ситуации, наконец, эффективно воздействует на адресата (читателя / зрителя) за счет экспрессивно-стилистической окрашенности оценочных ономастических номинаций.

Список использованных источников

1. Немирова, Н. В. Прецедентность и интертекстуальность политического дискурса / Н. В. Немирова // Лингвистика: бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2003. – № 11. – С. 146–154.
2. Гудков, Д. Б. Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского языка / Д. Б. Гудков // Язык, сознание, коммуникация. – М. : МАКС Пресс, 1998. – № 4. – С. 82–92.
3. Супрун, А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление / А. Е. Супрун // Вопросы языкознания. – М. : Наука, 1995. – 255 с.
4. Маслова, В. А. Введение в лингвокультурологию / В. А. Маслова. – М. : Наследие, 1997. – 208 с.
5. Липскеров, Д. С. Школа для эмигрантов: пьесы / Д. С. Липскеров. – М. : АСТ : Астрель, 2007. – 334 с.
6. Петрачкова, И. М. Проприальное пространство в одноактных пьесах «театра абсурда» Дмитрия Михайловича Липскерова / И. М. Петрачкова // Гуманитарное и социально-научное знание: теоретические исследования и практические разработки : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, Москва, 5 августа 2020 г. – М. : Профессиональная наука, 2020. – С. 75–82.

7. Соловьёва, М. А. Роль аллюзивного антропонима в создании вертикального контекста (на материале романов А. Мердок и их русских переводов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / М. А. Соловьёва. – Екатеринбург, 2004. – 23 с.

The article describes the precedent names, the use of which affects the historical, literary and cultural memory. The article presents a viewpoint on the problem of similarity of precedent names with phraseological, paremiological expressions, since basically names of this type like proverbs, adage and idioms have a source, a situation which eventually became entrenched in language and culture, became an implicit element of the cognitive base of a native speaker.

Keywords: precedent name, allusion, reminiscence, idiom, proverb, adage, intertextuality, phraseological and paremiological expressions.

УДК 811.161.1'42'25:811.111:398.9:17.036.11

С. В. Рудакова, О. А. Дудля

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК (на материале выражений о счастье и удаче)

Статья посвящена рассмотрению трудностей, которые могут возникать у переводчиков при работе с пословицами и поговорками, и путей поиска эквивалентов для народных изречений в русском языке. В работе выделены основные группы английских пословиц по степени сложности их перевода на русский язык.

Ключевые слова: пословицы и поговорки, перевод, английский и русский языки, эквивалент.

Давно известен тот факт, что исторические традиции, культурные ценности определяют дух народа, его менталитет, который отражается в целостной языковой картине мира, существующей на протяжении длительного времени. Нельзя не согласиться с В. В. Колесовым, который считает, что «менталитет проявляется в чувстве, разуме и воле каждого отдельного члена общества на основе общности языка и воспитания и представляет собой часть народной духовной культуры, которая создает этноментальное пространство народа на данной территории его существования» [1, с. 11]. Пословицы и поговорки оказываются теми языковыми единицами, которые наиболее полно и точно отражают особенности менталитета народа.

Счастье – одна из важных категорий бытия. Представление о счастье соотносится с национальными, общечеловеческими ценностями и установками, «в осознании счастья по-настоящему глубоко раскрывается широкий мировоззренческий и культурный опыт человека и социума» [2, с. 50].

Конец XX – начало XXI вв. связаны с волной нового интереса к этому феноменальному явлению человеческой жизни. Мы видим, что уже не только философы [3; 4], филологи [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15], психологи [16; 17; 18] проявляют увлеченность в изучении счастья, в качестве объекта исследования счастье выбирают социологи, юристы, экономисты и даже бизнесмены [19; 20; 21; 22]. По всему миру предпринимаются попытки найти объективный и адекватный способ «измерения» счастья, более того, в целом ряде стран выдвинуто предложение в качестве единицы успешности развития экономики рассматривать не ВВП страны, а уровень счастья ее населения. Появились даже международные индексы счастья. Самый известный и максимально востребованный мировым сообществом оказывается Всемирный индекс счастья (The Happy Planet Index) [19; 21], разработанный британским исследовательским центром New Economic Foundation совместно

с рядом международных организаций и группой независимых экспертов. Известно, что на основе индекса счастья создаются рейтинги стран мира [19; 21; 22]. Полагаем, что категория счастья, безусловно, должна быть в фокусе внимания научного сообщества. Изучение пословиц и поговорок о счастье может помочь лучше понять специфику воззрений народа.

Если для носителей одной культуры образные выражения приемлемы и понятны, то для представителей другой они кажутся странными, возможно, даже дикими. Однако нельзя отрицать того, что знакомство с этими источниками народной мудрости является одним из важных элементов изучения не только иностранного языка, но и культуры, традиций, нравов, ценностных ориентаций того или иного народа.

Очевидно, что переводчики, работающие минимум с двумя языками, сталкиваются с множеством трудностей, обусловленных различиями языковых картин мира. Отношение к процессу перевода с точки зрения языка достаточно точно выразил В. Гумбольдт в письме к известному немецкому писателю и переводчику Августу Шлегелю: «Всякий перевод представляется мне, безусловно, попыткой разрешить невыполнимую задачу. Ибо каждый переводчик неизбежно должен разбиться об один из двух подводных камней, слишком точно придерживаясь либо своего подлинника за счет вкуса и языка собственного народа, либо своеобразия собственного народа за счет своего подлинника» [23]. Одна из главных задач переводчика, по мнению немецкого ученого, найти ту золотую середину, когда он сможет, не исказив смысл, передать суть определенного высказывания от носителя одной культуры к носителю другой.

Первым серьезным исследованием русских паремий можно считать работу В. И. Даля, собравшего и систематизировавшего в процессе многолетней деятельности множество русских пословиц и поговорок в двухтомном сборнике [24]. Большой блок пословиц, собранных русским лингвистом, связан с вопросами счастья и удачи [24, с. 32–61]. Среди новейших исследований русских пословиц о счастье можно выделить диссертацию И. Б. Русаковой [14].

К проблеме сложности перевода народных изречений с английского на русский язык обращается В. И. Корсунова [25]. Хорошим источником англоязычного фактического материала для проведения исследования является сборник английских пословиц и поговорок, составленный С. Ф. Кусковской в 1987 г. [26].

Изучение теории вопроса показало, что ученые выделяют 3 группы народных изречений по сложности перевода:

- пословицы и поговорки, английский вариант которых полностью соответствует русскому;
- пословицы и поговорки, английский вариант которых только частично соответствует русскому;
- пословицы и поговорки, английский вариант которых полностью отличается от русского [27].

К первой группе можно отнести те пословицы, которые специалисты называют пословицами «легкого» перевода. Их не так уж много – не более 15% [27]. Например, *Strike while the iron is hot* – *Куй железо пока горячо*; *All is well that ends well* – *Всё хорошо, что хорошо кончается* [28]. Перевод подобных выражений незатруднителен, а указать смысл дословностью перевода вряд ли получится: даже человек, не владеющий английским на высоком уровне, поймет суть выражения.

Во вторую группу включены английские пословицы и поговорки, для которых можно подобрать частичные русские эквиваленты; в сравнении с предыдущей группой численность таких пословиц больше – около 55% [27]. Например, *He laughs best who laugh last*. Дословный перевод – *Лучше всех смеется тот, кто смеется последним*. Или другое выражение *Tastes differ* (дословно – *вкусы различны*), в русском языке мы найдем такие пословицы, как *О вкусах не спорят*; *На вкус и цвет товарища нет*. Популярны в русской культуре пословицы *В чужой монастырь со своим уставом не*

ходят или *В Тулу со своим самоваром не ездят* находят свой аналог в англоязычной картине мира: *When in Rome, do as the Romans do*. Смысл выражений абсолютно идентичный, однако наличие таких символов, как самовары и пряники, вряд ли будет воспринято иными культурами; в высказывании про римлян всё становится очевидным.

К третьей группе относят пословицы, которые существенно отличаются при переводе. Таких пословиц насчитывается около 30% [27]. Например, *Second thoughts are best – Вторые мысли лучше* (дословно). Русскоговорящему человеку сразу придет на ум всем известная пословица *Семь раз отмерь, один раз отрежь*. Известная английская пословица гласит *The early bird catches the worm – Ранняя птичка ловит червяка* (дословно). В русском языке – *Кто рано встает, тому Бог дает*.

Если обратиться непосредственно к анализу английских пословиц и поговорок о счастье, то, безусловно, в них отражается различие отношения представителей англоязычной и русскоязычной культур к данному жизненному феномену. В то же время многие социальные установки, объективированные в содержании английских и русских пословиц, являются схожими. Рассмотрим это на нескольких выразительных примерах. *All the water runs to his mills – дословный перевод: Вся вода на его мельницу льется*. Это известная английская пословица об удачливом человеке, которому все время везет, и он живет счастливо. Если мы обратимся к сборнику пословиц В. И. Даля, то обнаружим, что в разделе «Счастье – удача» он помещает пословицу *Житьё, что в раю*, которая может служить полноценным эквивалентом иностранной. *Every man is the architect of his own fortune – дословный перевод: Каждый человек является архитектором своего счастья*. В русском языке находим её смысловой эквивалент: *Всяк своему счастью кузнец*. Образы разные, однако смысл выражений аналогичен.

Популярная в русскоговорящих странах поговорка *Не родись красивым, а родись счастливым* имеет в английском языке следующее соответствие: *Better be born lucky than rich*, дословный его перевод: *Лучше родиться удачливым, чем богатым*. Как видим, русская и английская пословицы-аналоги отличаются ключевыми понятиями.

Fortune is good to him who knows how to make good use of it – дословный перевод: Удача благосклонна к тому, кто знает, как её правильно использовать. Подобрать русский эквивалент для этой пословицы уже сложнее. Наиболее подходящим можно считать выражение из сборника В. И. Даля: *Счастье в воздухе не вьётся, а руками достаётся*.

Необычная для представителей русской культуры английская пословица – *The pot calls the kettle black*. Её дословный перевод: *Горшок обзывает чайник чёрным*. Безусловно, переводчик не может оставить такой вариант, поэтому для него важно найти подходящий эквивалент. Специалисты предлагают использовать известную русскую пословицу *Чья бы корова мычала, а твоя молчала*. Подобранный вариант абсолютно отличается от первоначального варианта, но только таким образом русскоговорящий сможет понять смысл высказывания.

Есть и такие английские пословицы, которые имеют абсолютно идентичный эквивалент в русском языке. *He is happy that thinks himself so – Счастлив тот, кто себя счастливым считает; One is born with a silver spoon in his mouth and another with a wooden ladle – Один рождается с серебряной ложкой во рту, а другой с деревянным черпаком*.

Из рассмотренных выше примеров можно сделать вывод, что во взаимодействии англоязычных авторов и русскоговорящих читателей важное звено – деятельность переводчика. Если пословица не имеет дословного перевода, понятного для носителей русской языковой культуры, то именно переводчику следует подобрать тот эквивалент, который без искажений передаст суть написанного и поможет читателю быть на одной волне с писателем.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК, проект «Феноменология счастья в русской литературе XVIII–XX вв.», № 20-512-23007.

Список использованных источников

1. Колесов, В. В. Язык и ментальность / В. В. Колесов. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2004. – 240 с.
2. Рудакова, С. В. К вопросу изучения феномена счастья / С. В. Рудакова, И. Регоци // *Libri Magistri*. – 2020. – № 3 (13). – С. 49–75.
3. Бахтин, М. В. Счастье и блаженство в свете христианской антропологии / М. В. Бахтин. – М. : Изд-во Московского института духовной культуры, 2006. – 108 с.
4. Каштанова, О. В. Счастье как философская категория в работах античных философов / О. В. Каштанова // *Вестник Казанского технологического университета*. – 2014. – Т. 17. – № 3. – С. 308–313.
5. Абрамзон, Т. Е. «Блажен, кто...» в русской поэзии XVIII–XIX вв.: из истории формулы / Т. Е. Абрамзон // *Проблемы истории, филологии, культуры*. – 2015. – № 3 (49). – С. 368–377.
6. Абрамзон, Т. Е. К вопросу о русском счастье (поэзия XVIII века) / Т. Е. Абрамзон // *Libri Magistri*. – 2015. – Вып. 1. – С. 116–133.
7. Абрамзон, Т. Е. О «забавной» Фортуне в русской поэзии XVIII века / Т. Е. Абрамзон // *Юмор и сатира в координатах XXI века. Сб. науч. ст. по мат-лам I Междунар. научно-практ. конф.* – Варна : Центр за научни изследвания и информация «Парадигма», 2015. – С. 5–9.
8. Абрамзон, Т. Е. Концепция счастья в лирике Е. А. Боратынского / Т. Е. Абрамзон, С. В. Рудакова // *Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого*. – 2018. – № 4 (16). – С. 1–5.
9. Жусупова, А. Р. Концепт «счастье» в эпистолярном наследии А. П. Чехова / А. Р. Жусупова, Т. Б. Зайцева // *Мировая литература глазами современной молодежи. Цифровая эпоха : сб. материалов IV междунар. молодежной науч.-практ. конф.* – Магнитогорск : Изд-во Магнитогорск. гос. тех. ун-та им. Г. И. Носова, 2018. – С. 127–131.
10. Петров, А. В. Новогодние стихи Ф. И. Тютчева / А. В. Петров // *Libri Magistri*. – 2019. Вып. 9. – С. 11–20.
11. Петров, А. В. «Эротико-политические формулы» в торжественных одах 1741–1742 гг. (материалы к словарю одических топосов) / А. В. Петров // *Проблемы истории, филологии, культуры*. – 2011. – № 3 (33). – С. 342–346.
12. Петров, А. В. Поэтика эпитаграммических циклов Г. Р. Державина 1790-х годов / А. В. Петров // *Libri Magistri*. – 2015. – Вып. 1. – С. 25–41.
13. Петров, А. В. Феноменология «русского счастья» в трудах Т. Е. Абрамзон и магнитогорской филологической школы по изучению русской поэзии XVIII–XIX веков / А. В. Петров // *Libri Magistri*. – 2020. – № 3 (13). – С. 37–48.
14. Русакова, И. Б. Концепты «счастье» – «несчастье» в лингвокультурном содержании русских пословиц : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. Б. Русакова. – М., 2017. – 202 с.
15. Abramzon, T. Philosophy of happiness in eighteenth-century Russia / T. Abramzon // *International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts. SGEM 2015*. – Sofia, 2015. – С. 645–652.
16. Аргайл, М. Психология счастья / М. Аргайл. – СПб. : Изд-во «Питер», 2003. – 271 с.
17. Сидоренко, И. В. Антропология счастья / И. В. Сидоренко. – М. : МАКС Пресс, 2006. 297 с.
18. Татаркевич, В. О счастье и совершенстве человека / В. Татаркевич. – М. : Прогресс, 1981. – 368 с.
19. Всемирный индекс счастья по версии New Economic Foundation [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://gtmarket.ru/ratings/happy-planet-index/info>. – Дата доступа : 05.05.2020.
20. Шматова, Ю. Е. Измерение уровня счастья: литературный обзор российских и зарубежных исследований / Ю. Е. Шматова, М. В. Морев // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. – 2015. – № 3 (39). – С. 141–162.
21. Happy Planet Index [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://happyplanetindex.org/> – Дата доступа : 05.08.2020.
22. «World Happiness Report» The Earth Institute Columbia University [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.earth.columbia.edu/articles/view/2960>. – Дата доступа : 27.05.2020.
23. Вильгельм фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. – М. : Прогресс, 1984. – 397 с.
24. Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр.: [в 2-х томах, без изменений] / авт.-сост. В. И. Даль. – 2-е изд. – СПб.-М. : М. О. Вольф, 1879. – Т. I. – 751 с.

25. Корсунова, В. И. Особенности перевода пословиц, поговорок и заголовков в английском языке / В. И. Корсунова // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. – 2016. – № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-perevoda-poslovits-pogovorok-i-zagolovkov-v-angliyskom-yazyke>. – Дата доступа: 16.10.2020.

26. Кусковская, С. Ф. Сборник английских пословиц и поговорок (English Proverbs and Saying) / С. Ф. Кусковская (на англ. яз.). – Минск: Вышэйшая школа, 1987. – 253 с.

27. Митусова, О. А. Становление национальной и межкультурной идентичности как фактор безопасности отечественного образования в условиях глобализации / О. А. Митусова // ЮРИУ РАНХиГС. – 2015. – № 3. – С. 335–337.

28. 53 поговорки и пословицы на английском языке с переводом на русский (эквивалентами) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://langformula.ru/pogovorki-i-poslovicy-na-anglijskom-yazyke/> – Дата доступа: 16.10.2020.

The article is devoted to the difficulties that translators may encounter when working with proverbs and sayings. The article is devoted to analyzing the peculiarities of the proverbs in English and searching for equivalents for folk sayings in Russian. The main groups of English proverbs are singled out in terms of complexity of translation into Russian. The paper highlights the main categories that can be divided into their translations into Russian.

Keywords: proverbs and sayings, translation, English and Russian, equivalent.

УДК 811.161.1'42'27:398.91(=161.1):17.036.11

С. В. Рудакова, М. С. Жавнерович

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА В РУССКИХ АНТИПОСЛОВИЦАХ О СЧАСТЬЕ И НЕСЧАСТЬЕ

Данная статья посвящена характеристике аксиологической картины мира современного общества через анализ русских антипословиц о счастье и несчастье. Объясняется, с чем связано возникновение новых паремий. Доказывается, что именно антипословицы о счастье и несчастье помогают понять, каковы основные ценности России в настоящее время. С аксиологических позиций анализируется смысл выбранных паремий, сопоставляемый с содержанием известных пословиц и афоризмов.

Ключевые слова: антипословицы, пословицы, паремии, счастье, несчастье, аксиологическая картина мира, ценности, современное общество.

У каждого этноса существуют свои пословицы – изречения в виде грамматически законченных предложений, в которых выражена народная мудрость в поучительной форме [1]. В них закреплён многовековой социально-исторический опыт какой-либо нации [2]. Именно поэтому можно говорить, что данные паремии отражают взгляды, традиции, устои, ценности людей. С помощью пословиц можно понять, какова аксиологическая картина мира того или иного народа. На их основе в современном мире возникают новые шуточные паремии – антипословицы, являющиеся трансформами традиционных русских пословиц, а также поговорок, афоризмов и других паремий [3]. Их возникновение и использование в речи людей, в СМИ, в художественной литературе связано с тем, что в быту, на работе, в семье человек постоянно сталкивается с необходимостью разрешать множество как старых, хорошо известных, так и новых ситуаций и проблем. Ведь общество и окружающий мир меняются, как и прежние ценности, нормы, традиции, уклад жизни. Это приводит к тому, что люди пересматривают старые стереотипы и отказываются от них.

Пословицы, поговорки и афоризмы могут оказывать как позитивное, так и негативное влияние на «ритуализацию» мышления и поведения человека. Именно по этой причине уважительное отношение к вековой народной мудрости или к поучительному авторскому высказыванию уступает место критическому осмыслению стереотипов, отраженных в них, в результате которого и появляются антипословицы [4]. Можно сделать вывод, что в них, как и в обычных пословицах и иных паремиях, отражается аксиологическая картина мира русского народа.

Мы рассмотрим, как изменились со временем основные ценности общества на примере анализа антипословиц о счастье и несчастье. Ведь согласно философскому энциклопедическому словарю счастье – понятие морального сознания, обозначающее такое состояние человека, которое соответствует наибольшей внутренней удовлетворенности условиями своего бытия, полноте и осмысленности жизни, осуществлению своего человеческого назначения, оно является чувственно-эмоциональной формой идеала [5]. Счастье – «та жизненная ценность, которая осознается индивидуумом <...>, в осознании счастья по-настоящему глубоко раскрывается широкий мировоззренческий и культурный опыт человека и социума, к которому он относится» [6]. Такое состояние может быть напрямую связано с ценностями людей – человеческим, социальным и культурным значением определенных явлений действительности. Поэтому антипословицы о счастье и несчастье помогут нам понять особенности аксиологической картины мира современности.

Наибольшее количество антипословиц о счастье было создано на основе паремии «Не в деньгах счастье»: *Если ваше счастье не в деньгах, то шлите их мне; Интересно, сколько денег надо иметь, чтобы понять, что не в них счастье?; Когда деньги есть, как-то легче согласиться, что не в них счастье; Не в деньгах счастье, а в их количестве; Не в деньгах счастье, а в мужчине с деньгами* [7, с. 471].

Анализируя данный пример, можно сделать вывод, что в современном мире материальные ценности, финансовая обеспеченность рассматриваются как важный фактор, оценивающий благополучие человека и его место в обществе. Это не случайно. Дело в том, что в России с 1991-го года начала формироваться рыночная экономика, для которой характерны свободное предпринимательство, ценообразование, конкуренция, что неразрывно связано с деньгами. В настоящее время подобные экономические отношения остаются господствующими в стране. Именно по этой причине человеку в нынешних условиях особо необходимы финансовые средства, которые могут помочь ему удовлетворить многие потребности и создать комфортные условия для жизни. Поэтому в антипословицах деньги сопоставляются со счастьем, чего в исходной паремии нет. Значит, можно говорить о переоценке ценностей в обществе.

Стоит отметить, что в таких антипословицах есть опровержение прежних стереотипов, комический же эффект достигается за счет иронии и указания на недостаток материальных средств, который не позволяет человеку достичь гармонии в жизни: *Если ваше счастье не в деньгах, то шлите их мне; Интересно, сколько денег надо иметь, чтобы понять, что не в них счастье?; Когда деньги есть, как-то легче согласиться, что не в них счастье.*

В антипословице *Не в деньгах счастье, а в их количестве* при трансформации исходной паремии используется приращение смысла, и именно добавленный компонент берет на себя основную эмоциональную и экспрессивную нагрузку, поскольку благодаря своей новизне и неожиданности он не предполагается читателем, из-за чего обращает на себя больше внимания. Смысл этого высказывания состоит в том, что человеку важно не просто иметь достаток, чтобы удовлетворить определенные потребности для комфортного существования, а обладать богатством, зачастую позволяющим повысить статус в обществе, поднять самооценку, приобрести большое количество предметов

роскоши. Это еще раз подчеркивает, что в аксиологической картине мира современной России деньги занимают важное место.

В антипословице *Не в деньгах счастье, а в мужчине с деньгами* тоже есть приращение смысла. В данной паремии появляется аспект взаимоотношений мужчины и женщины, где мужчина рассматривается как тот, кто финансово обеспечивает женщину, тем самым позволяя ей не задумываться о зарплате. Можно сделать вывод, что в современных отношениях наличие материальных средств у партнера важнее, чем чувства, общие интересы, привязанность друг к другу. Это еще одно доказательство, что в аксиологической картине мира современного общества деньги являются одной из самых главных ценностей.

Интересна и такая антипословица о счастье, как *Кто рано встает, к тому счастью не придет*, которая была создана на основе пословицы *Кто рано встает, тому Бог подает*. Смысл этой пословицы заключается в том, что чем раньше человек просыпается, тем больше он успевает сделать, а значит, такой труд может положительно повлиять на его благосостояние. Значение же антипословицы исходному. В ней говорится, что человек не может быть счастливым из-за того, что рано встает. Возможно, эта паремия возникла по причине того, что люди живут в информационную эру, которая началась в России в конце XX века и которая характеризуется глобальным сдвигом, отходом от традиционной индустрии, берущей свое начало в эпохе индустриальной революции, и стремительным движением в сторону цифровой, компьютеризованной индустрии, основанной на обмене информацией. В новую эпоху работники вынуждены выполнять действия быстрее, так как в связи с масштабной компьютеризацией почти всех сфер деятельности человека ритм жизни стремительно ускоряется. Автоматизация – еще один знаковый тренд современного мира – приводит к повышению производительности, с одной стороны, и к потере рабочих мест на производстве – с другой. Поэтому человек в условиях подобной конкуренции, чтобы сохранить работу, должен работать максимально эффективно [8]. Последствием этого становится то, что люди постоянно испытывают стресс, так как часто не успевают выполнить задания, связанные с их деятельностью. Именно поэтому многие работники нередко нарушают режим сна. Это и отражено в антипословице *Кто рано встает, к тому счастью не придет*. Ведь человек, который вынужден просыпаться рано, к концу дня устает и не может чувствовать себя счастливым, особенно в том случае, если он работал и в ночное время. Значит, для современного общества особую ценность имеет отдых в процессе жизнедеятельности человека, что связано с восстановительной функцией, важной для существования людей, с продолжительностью их жизни и с эффективностью выполнения различных активностей.

Примечательно, что иногда пословицы о счастье могут трансформироваться в антипословицы о несчастье. Например, на основе одной из таких пословиц – *Каждый сам кузнец своего счастья* – возникла новая паремия – *Каждый сам кузнец своего несчастья* [7, с. 298]. Пословица означает, что от действий и выбора человека зависит его будущее, его положение в мире, в обществе. Сами люди могут определять свою дальнейшую судьбу, делая себя счастливыми. Это связано с волюнтаризмом – идеалистическим направлением в философии, по которому субъект совершает все поступки исключительно по своей воле, реализуя свои интересы, в ином случае он перестает быть личностью.

По исходной паремии *Каждый сам кузнец своего счастья* люди, обладающие свободой воли, в состоянии обрести душевный комфорт и счастье, т. е. в пословице отражена вера в человека, в его возможности, человек представлен как субъект, имеющий для мира особую ценность. Иная ситуация отражена в антипословице *Каждый сам кузнец своего несчастья*. Здесь человек тоже рассматривается как тот, кто в состоянии сделать свободный выбор, однако в этом случае все его действия, наоборот, приводят к несчастью. В данной паремии используется ирония по отношению и к пословице

Каждый сам кузнец своего счастья, и к человеку, чьи действия могут лишь ухудшить его состояние. Поэтому здесь можно говорить о пессимизме, негативном взгляде на роль личности в ее собственной судьбе, что, скорее всего, опять же связано с ускорением ритма жизни и возникающими из-за этого трудностями для человека, с постоянными изменениями (не всегда в лучшую сторону) в социально-экономических условиях.

Значит, рассматривая данную антипословицу о несчастье, мы можем сказать, что для аксиологической картины мира современной России характерна, с одной стороны, утрата веры в способности и возможности человека, с другой стороны, здесь можно увидеть адаптацию людей к изменившемуся миру с помощью юмора, иронии, которые в современной жизни ценятся все больше.

Это проявляется и в антипословицах, созданных на основе афоризма Короленко из очерка «Парадокс» *Человек создан для счастья, как птица для полета*. Например, *Человек создан для счастья, как птица для бульона*; *Человек создан для счастья, как «Вольво» для хорошей езды* [7, с. 471]. В этих паремиях, в отличие от исходного афоризма, есть комический эффект, который показывает, что люди не теряют чувство юмора в быстро меняющихся и оттого сложных жизненных обстоятельствах. По тому, как изменился данный афоризм, мы можем сказать, насколько другим стало и отношение к жизни. Кроме того, в антипословице *Человек создан для счастья, как «Вольво» для хорошей езды* еще раз подчеркивается, что для аксиологической картины мира современных людей все более значимы материальные ценности, марки же и модели автомобилей, порою, могут повлиять на статус человека, на его самооценку и счастье.

В заключение отметим, что антипословицы являются результатом целенаправленной трансформации традиционных паремий. Для них характерны разрушение устоявшихся стереотипов, создание комического эффекта. В свою очередь, различные сферы человеческой деятельности – это главная мотивация для трансформации смысла и содержания привычных паремий. Как и традиционные пословицы, антипословицы отражают некие правила и нормы поведения, что позволяет понять своеобразный культурный кодекс, который регулирует взаимоотношения людей и дает возможность для самоопределения. Антипословицы о счастье и несчастье позволяют лучше понять систему ценностных ориентаций.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК, проект «Феноменология счастья в русской литературе XVIII-XX вв.», № 20-512-23007.

Список использованных источников

1. Луначарский, А. В. Литературная энциклопедия : в 11 т. / В. В. Луначарский. – Т. 9. Пословица. – М. : Гос. ин-т «Советская энциклопедия», 1935. – 172 с.
2. Замалетдинов, Г. Ф. О роли пословиц в исследовании национально-культурных особенностей языкового сознания [Электронный ресурс] / Г.Ф. Замалетдинов, Р. Р. Замалетдинов. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/o-rol-i-poslovits-v-issledovanii-natsionalno-kulturnyh-osobennostey-yazykovogo-soznaniya/viewer>. – Дата доступа : 10.06.2020.
3. Никитина, Т. Г. Новый «статус» русских антипословиц [Электронный ресурс] / Т. Г. Никитина. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-status-russkih-antiposlovits/viewer>. – Дата доступа : 10.06.2020.
4. Ханмурзаева, Д. М. Причины возникновения антипословиц и их роль в современной лингвокультуре [Электронный ресурс] / Д. М. Ханмурзаева. – Режим доступа : https://libweb.kpfu.ru/publication/papers/Baudouin/Baudouin_2015_2/Baudouin_2015_303_305.pdf. – Дата доступа : 10.06.2020.
5. Философский энциклопедический словарь / Счастье, 1983 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophical/fc/slovar-209-5.htm#zag-2182>. – Дата доступа : 10.06.2020.

6. Рудакова, С. В. К вопросу изучения феномена счастья / С. В. Рудакова, И. Регоци // Libri Magistri. – 2020. – № 3 (13). – С. 49–75.

7. Вальтер, Х. Антипословицы русского народа / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – СПб.-М. : Нева, 2005. – 575 с.

8. Кастельс, М. Россия в информационную эпоху [Электронный ресурс] / М. Кастельс, Э. Киселева. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-v-informatsionnuyu-epohu/viewer>. – Дата доступа : 10.06.2020.

This article is devoted to the description of the axiological picture of the modern society's world through the analysis of Russian anti-Proverbs about happiness and unhappiness. The paper explains the reasons of the emergence of new paroemias. It is proved that it is the anti-Proverbs about happiness and unhappiness that help to understand what the basic values of Russia are nowadays. The meaning of the selected paremias is analyzed from axiological point of view and compared with the content of well-known proverbs and aphorisms.

Keywords: anti-proverbs, proverbs, paroemias, happiness, misery, axiological picture of the world, values, modern society.

УДК 37.091.212.2:004

І. У. Савіцкая, А. П. Сахончык

**СЕМАНТЫЧНЫЯ АСАБЛІВАСЦІ
ФРАЗЕАЛАГІЧНЫХ АДЗІНАК З КОЛЕРААБАЗНАЧЭННЕМ
(на матэрыяле беларускай, рускай і англійскай моў)**

Артыкул прысвечаны такой з'яве ў мове, як колеранайменне. Разглядаецца актуальная праблема вызначэння спецыфічнага і агульнага ў моўных карцінах свету розных моў на прыкладах фразеалагічных адзінак, якія змяшчаюць у сваёй семантыцы элемент колераабазначэння. Падкрэсліваецца, што такія фразеалагізмы ў рускай, беларускай і англійскай мовах дэманструюць агульнасць культурных і нацыянальных каштоўнасцей.

Ключавыя словы: карціна свету, колер, нацыянальная культура, семантыка, сімволіка, сістэма колераабазначэння, устойлівы выраз, фразеалагізм.

Вялікае значэнне ў жыцці чалавека мае колер. Ад яго залежаць эмоцыі, настрой, самаадчуванне людзей. Колер з'яўляецца адной з самых цікавых праблем, якой займаюцца даследчыкі многіх галін ведаў. Для лінгвістаў важным уяўляецца вывучэнне колеру ў межах карціны свету. Узроўневая арганізацыя колераабазначэння – паняцце, слова і сувязь паміж імі – стварае базу для адрознення ў культурах. Культура – гэта свет сэнсу, а таму колеры таксама з'яўляюцца сэнсам. Чалавек валодае мовай колеру, разуменнем колеру, які па сваёй прыродзе непарыўна звязаны з нацыянальнай культурай.

Даследчыкі мовы прыйшлі да выніку, што існуе шэраг універсальных рыс у сістэме колераабазначэння. Усялякія адносіны да таго ці іншага адцення адлюстроўваюцца ў ідыёмах, прымаўках, вобразных выразях, якія існуюць у мовах, паколькі яны акумулююць інтэлектуальную, эмацыйную, сацыяльна-гістарычную інфармацыю нацыянальнага характару. Аднак, нягледзчы на адносную ўніверсальнасць успрымання таго ці іншага колеру ўсімі людзьмі, у культуры кожнага народа склаліся спецыфічныя неўсвядомленыя адпаведнасці паміж асобнымі колерамі і пэўнымі вобразамі. Так, “чырвоны” ў Японіі абазначае гнеў і небяспеку, у Кітаі – сімвал удачы, поспеху, шчасця і высакароднасці, у Індыі – жыццё і творчасць, у ЗША – небяспеку, у Францыі – арыстакратыю, у народаў Дальняга Усходу – сімвал любові, жыцця, свята, у Южнай

Афрыцы – жалобу, у абарыгенаў Аўстраліі – колер зямлі. Гэты спіс можа змяняцца ў залежнасці ад канкрэтнай культуры. Крытэрыяў, якія дазваляюць аднесці той ці іншы колер да “асноўнага”, няма, паколькі змест паняцця “асноўны колер” не адназначны. У псіхіцы радавога носьбіта мовы карціна свету колеру фіксуецца шляхам мовы, але ні працэс фіксацыі, ні сувязі і адносіны самім чалавекам не ўсведамляюцца.

Усялякі колер можа быць прачытаны як слова ці растлумачаны як знак, сігнал ці сімвал. Практычна ўсімі народамі была заўважана зручнасць выкарыстання колеру ў якасці сімвалаў. Але, зыходзячы з розных умоў існавання і развіцця цывілізацыі, адны і тыя ж колеры у розных народаў сімвалізуюць розныя з’явы. Тым не менш, існуе агульнапрынятая класічная народная традыцыя ў сімваліцы Еўропы. З асобнымі колераабзначэннямі звязваюцца пэўныя ўяўленні, уражанні, пачуцці. Так, у беларускай, рускай і англійскай мовах вылучаюцца наступныя мікрасістэмы сімвалічных значэнняў колеравых прыметнікаў: белы – добры; шэры – ніякі; чорны – дрэнны; зялёны – дазваляльны; жоўты – папераджальны; чырвоны – забараняльны, рэвалюцыйны; белы – контррэвалюцыйны, мірны; блакітны – ціхамірны.

Белы колер у многіх культурах сімвалізуе добрыя якасці чалавека (высакароднасць, чысціня, памяркоўнасць, спакой духу), а таксама з’яўляецца сімвалам міру. Белы колер – традыцыйны колер вяселля. У Англіі, напрыклад, вясельныя экіпажы белага колеру, адсюль і выраз *a white wedding* ‘вясельная цырымонія, усе атрыбуты якой падкрэсліваюць нявіннасць нявесты’. Белы колер як колер чыстых намераў, думак праяўляецца ў англійскіх фразеалагізмах: *to be whiter than white* ‘быць вельмі сумленным, духоўным’, *lily-white reputation* ‘незаплямленая рэпутацыя’, *white hands* ‘сумленнасць, незаплямленасць, нявіннасць’, *white lie* ‘хлусня на карысць’, а ўстойлівы выраз *to mark with a white stone* мае значэнне ‘адзначыць які-небудзь дзень як самы шчаслівы’. Інтэрнацыянальнае значэнне фразеалагізмаў *белый флаг*, *белый голубь* (рус.); *белы сцяг*, *белы голуб* (бел.); *white flag* (англ.) вызначаецца як знак міру і чыстых думак, намераў. Колеравы кампанент “белы” таксама можа асацыіравацца з прыметнікам “бледны”: *to turn white* (англ.) ‘пабляднець, пабялець’; *пабялець (збялець) як палатно* (бел.).

Белы колер можа мець і адмоўнае значэнне і выкарыстоўвацца для ўзмацнення кантрасту ў фразеалагізмах, у якіх робіцца акцэнт на незвычайнасці з’явы, бессэнсоўнасці, непаспяховасці дзеяння: *дела как сажа бела* (рус.) ‘вельмі дрэнна’; *шито белыми нитками* (рус.) ‘няўмела, не па-майстэрску схавана што-небудзь’; *сказка про белого бычка* (рус.) ‘бясконцае паўтарэнне аднаго і таго ж’. У рускай мове чалавек, які адрозніваецца ад іншых людзей, – *белая ворона*, у англійскай – *white crow* ‘белая варона, рэдкасць’.

Белы колер ужываецца для ўзмацнення кантрасту і ў наступных рускіх фразеалагізмах з адмоўным значэннем: *белый свет не мил*, *свету белому не рад*, *не жилец на белом свете*, *довести до белого каления*. У англійскай мове ўжываюцца выразы *to be/ look white as sheet (ghost, death)* ‘вельмі моцна пабялець’ (звычайна ад страху ці хвалявання); *to be white-hot* ‘быць раз’юшаным, даведзеным да белага калення’; *white feather* ‘баязлівец’.

Сустрадаюцца і фразеалагізмы, дзе белы колер мае нейтральнае значэнне, напрыклад, у беларускіх выразах *белыя мухі* ‘снег’, *белы свет* ‘навакольны свет, сусвет’.

Калі з белым колерам звычайна звязана штосьці добрае, светлае, то з чорным – усё злое, нешчаслівае: *чорны дзень* (бел.), *черный день* (рус.) ‘цяжкі, змрочны час жыцця для каго-небудзь’; *трымаць у чорным целе* (бел.), *держат в черном теле* (рус.) ‘строга ставіцца да каго-небудзь’. Выраз *чорная кошка пробегла* са значэннем ‘пагаршэнне адносін паміж кім-небудзь’ адлюстравана ў народных забабонах (кошка, якая перабегла дарогу, абяцае бяду).

Няшчасце, негатыўныя, змрочныя эмоцыі, цяжкасці бачацца чалавеку ў чорным колеры: *black dog* ‘дрэнны настрой, маркота’; *black eye* ‘сорам і ганьба’; *a black sheep* ‘ганьба сям’і’; *to paint smth in black colours* ‘уяўляць што-небудзь “у чорным колеры”’; *черная неблагодарность*, *черная кость* (рус.); *чорная костка* (бел.) ‘пра людзей

простага, недваранскага паходжання'. Чорны колер сімвалізуе таксама смутак, журбу, жалобу ў англійскім устойлівым выразе *to be in black* 'апрануты ў чорнае, жалоба'. Чорны колер у многіх культурах звязаны з няшчасцем, сімвалізуе бяду, смерць: *чорная туга, чорная паласа* (бел.); *look on the black side (of things)* (англ.) 'песімістычны, маркотны'. Гэты колер асацыіруецца таксама з чымсьці патаемным: *black book* (англ.), *чорны спіс* (бел.), *черный список* (рус.), а часам нават з гвалтоўным: *black mail* (англ.) 'шантажыраваць, вымагаць грошы' або незаконным: *black money* (англ.) 'брудныя грошы', *черный рынок* (рус.), *чорны рынак* (бел.).

Шэры колер узнік пры змешванні белага і чорнага. Гэта колер зменлівасці, пакорлівасці, меланхоліі, абыякавасці. Часта ў фразеалагізмах шэры колер выкарыстоўваецца для характарыстыкі чалавека. Так, выразы *шэрая мышка* (бел.), *серая мышь, как серая мышь* (рус.) ужываюцца для абазначэння ціхага, непрыкметнага чалавека, а выразы *серый человек (валенок)* (рус.), *шэры чалавек* (бел.) абазначаюць малакультурнага, неадукаванага чалавека; *некто в сером* (рус.), *серый кардинал* (рус.) 'загадкавая, няпэўная асоба'; *grey eminence* (англ.) 'чалавек, які знаходзіцца "ў цяні", але ў руках якога сканцэнтравана фактычная ўлада'; *серая кость* (рус.) 'пра чалавека нізкага арыстакратычнага паходжання'. Ёсць і фразеалагізмы, дзе шэры колер не выкарыстоўваецца для характарыстыкі чалавека: *grey area* (англ.) (літаральна *шэрая галіна*) 'галіна нявызначана-сці ў ведах'; *шэрая (шарая) гадзіна* (бел.) 'час, калі пачынае цямнець; прыцемак'.

Чырвоны колер сімвалізуе каханне, адданасць, захапленне, урачыстасць, агонь, рэвалюцыю, свабоду. У рускай мове слова "чырвоны" ў складзе фразеалагічных адзінак ужываецца ў значэнні 'прыгожы', паколькі ў славянскім фальклоры чырвоны колер – гэта сімвал прыгажосці, дзявоцкасці, нявіннасці: *красная девица, красный молодец*. Пра шчырага, адкрытага чалавека кажуць *красное сердце*.

Чырвоны – геральдычны колер. На сцягах ён сімвалізуе барацьбу, рэвалюцыю, незалежнасць, адсюль і англійскія выразы *red army* 'чырвоная армія', *red box* 'чырвоны чамаданчык у членаў брытанскага ўраду', *red coat* 'чырвоны мундзір (мянушка англійскага салдата)'.

Святы і дні святых адзначаны ў календары чырвоным колерам, што стала падставай для з'яўлення такіх выказаў: *a red-letter day* (англ.), *красный день календаря* (рус.) 'шчаслівы, памятны, святочны дзень'; *красные дни* (рус.) 'час добрага жыцця, шчасця, удачы, поспеху'. Чырвоны колер таксама звязаны з апісаннем эмацыйнага стану (сарамлівасць, хваляванне, сорам, збянтэжана-сць): *покраснет как маков цвет, залиться румянцем, покраснет до самых ушей, покраснет до корней волос, красный как рак* (рус.); *чырвоны як рак, чырвоны як бурак* (бел.); *see red* (англ.) 'моцна раззлавацца', *to get / have a red face, red in the face* (англ.) 'пачырванелы, засаромлены, збянтэжаны, усхваляваны'; *to become red in face* (англ.) 'пабарваецца ад сорама'.

У фразеалагізмах сустракаюцца як станоўчыя, так і адмоўныя значэнні чырвонага колеру. Так, гэты колер можа асацыіравацца з варожасцю, помстай, агрэсіяй, з небяспэкай: *пустит красного петуха, красный петух* (рус.) 'падпал, пажар'; *чырвоны певень, пускаць (падпускаць) чырвонага пёўня* (бел.) 'зрабіць зламысна падпал'; *to see the red light* (літаральна *бачыць чырвонае святло*) 'прадчуваць набліжэнне небяспекі, бяды'; *like a red rag (to a bull)* 'ашалець, раз'юшыцца, раззлавацца'.

Сіні (блакітны) колер звычайна сімвалізуе веру, нявіннасць, чысціню, бясконцасць, адданасць, вечнасць, духоўнае і інтэлектуальнае жыццё, ісціну. Асацыяцыі, якія ўзніклі ў многіх культурах, выражаюць агульную думку, што сіні – колер неба, вечнасці; ён найбольш спакойны і менш "матэрыяльны" з усіх колераў. Так, фразеалагізмы *blue-sky ideas* (англ.), *голубая мечта* (рус.) абазначаюць часта нязбытную, недасягальную мару; *синяя птица* (рус.), *сіняя птушка* (бел.) увасабляе для каго-небудзь найвышэйшае шчасце; *голубая кровь* (рус.), *блакітная кроў* (бел.), *blue blood* (англ.) характарызуюць арыстакратычнае паходжанне чалавека. Ёсць і выразы з адмоўным значэннем:

сіняя панчоха (бел.), *синий чулок* (рус.), *blue stocking* (англ.) ‘непрывабная жанчына, у якой адсутнічаюць жаноккасць, чароўнасць і якая цікавіцца толькі навукамі’.

Жоўты колер асацыіруецца часта з цяплом, прыемнымі ўражаннямі. Аднак у фразеалагізмах ён ужываецца ў іншым значэнні: *желторотый птенец* (рус.), *жаўтаротае птушаня* (бел.) ‘малады, наіўны, нявобразны чалавек’; *to have a yellow streak* (англ.) ‘бязлівы, нясмелы чалавек’; *желтая пресса* (рус.) ‘нізкапробная прэса, арыентаваная на скандальныя рэпартажы, сенсацыйныя неправераныя факты’; *yellow papers* (англ.), *желтые страницы* (рус.) ‘прэса навін і плётка’.

Зялёны колер, акрамя значэння ‘дазваляльны’ (*зеленый свет, зеленая улица* (рус.); *зялёнае святло, зялёная вуліца* (бел.) ‘свабодны шлях, без перашкод і затрымак’, што звязана са святлафорнай і семафорнай сігналізацыяй), мае і іншае абазначэнне ў мовах. Так, ён з’яўляецца сімвалам маладосці, наіўнасці, радасці жыцця, сімвалізуе надзею: *зеленая голова, в зеленом цвете, молодо-зелено* (рус.); *молада-зелена, зялёны як мурава, зялёны як зелятуха* (бел.); *as green as grass* (англ.) ‘вельмі малады, нявобразны’, *greener* (англ.) ‘навічок, прастак’. І наадварот, *be not as green as one is cabbage – looking* (англ.) ‘быць не такім недарэчным, як можа здавацца’. Іншае значэнне зялёнага колеру – ‘зайздрасць, рэўнасць’ – сустракаецца у выразях *green-eyed* ‘раўнівы’; *green with envy* ‘гатоўны трэснуць ад зайздрасці’. Адмоўнае значэнне зялёны колер набывае ў рускіх выразях *тоска зелёная, позеленел от злости*.

Такім чынам, фразеалагізмы з колераабазначэннем у беларускай, рускай і англійскай мовах часта арыентаваны ў сваіх значэннях на экспрэсіўныя абазначэнні чалавека, яго маральныя якасці, знешні выгляд, фізічны стан і дзеянні. Сімволіка колеру цесна звязана з нацыянальнай спецыфікай і з’яўляецца сродкам выражэння менталітэту. Вялікая колькасць фразеалагізмаў, утвораных пры дапамозе колераабазначэнняў, іх адносна высокая прадукцыйнасць сведчаць пра тое, што адзінкі з колераабазначэннем валодаюць высокім патэнцыялам фразеалагічнай актыўнасці. Такія ўстойлівыя выразы часцей за ўсё выкарыстоўваюцца ў розных мовах у апісанні знешнасці, фізічнага і псіхічнага стану чалавека; яны рэалізуюць як станоўчае, так і адмоўнае значэнне.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Амосова, Н. Н. Основы английской фразеологии / Н. Н. Амосова. – М. : Инфра-М, 2008. – 226 с.
2. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – СПб. : Фолио-Пресс; СПбГУ, 1998. – 704 с.
3. Выслоўі / АН БССР, Ін-т мастацтвазн., этнагр. і фалькл.; рэдкал.: В. К. Бандарчык і інш.; рэд. тома А. С. Фядосік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1979. – 518 с.
4. Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 2004. – 448 с.
5. Новый большой англо-русский словарь: в 3-х т. / под общим рук. Ю. Д. Апресяна. – 5-е изд., стереотип. – М. : Рус.яз., 2000, – 2496 с.
6. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Языки славянской культуры, 1996. – 228 с.
7. Фрумкина, Р. М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа / Р. М. Фрумкина. – М. : Наука, 1984. – 174 с.

The article is devoted to a phenomenon in the language such as color designation. There is considered the actual problem of determining the specific and general in the language pictures of the world of different languages on the example of phraseological units that contain an element of color designation in their semantics. It is emphasized that such idioms in Russian, Belarusian and English demonstrate a commonality of cultural and national values.

Keywords: world picture, color, national culture, semantics, symbolism, color designation system, stable expression, idioms.

О. И. Северская

КОРОНАВИРУСНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ И ПАРЕМИОЛОГИЯ

В статье рассматриваются примеры фразеологических и паремиологических трансформаций, характерных для «коронавирусного дискурса»: рефразеологизация, формирование новых значений идиом, лексические и структурные изменения устойчивых выражений. Особое внимание уделяется «наивной» аксиологии.

Ключевые слова: фразеология, паремиология, трансформации, рефрейминг, лингвокультурологический анализ.

В коронавирусном дискурсе и его стремительно развивающемся «словаре» фразеологизированные единицы и паремии занимают особое место. Что не удивительно: как отмечают, например, Г. Миронова и Е. Купцевич [1] актуализация таких феноменов напрямую связана с кризисными явлениями. Это связано с тем, что фразеологизмы (идиомы) и паремии (пословицы, поговорки, девизы, слоганы, афоризмы, загадки) аккумулируют специфическую информацию о типичных жизненных и мыслимых ситуациях, объектах и отношениях, а потому становятся прекрасным инструментом концептуализации реальности, выполняя функцию знакового замещения не только самого объекта образной номинации, но и оценочного отношения к нему говорящего субъекта. Однако в них не только представлены концептуальные схемы, но и, по выражению М. Л. Ковшовой, «как в увеличительное стекло, выпукло и ёмко явлена наивная этика народа, его морально-нравственные принципы и идейно-эстетические воззрения на мир» [2, с. 80]. При этом фразеологизированные единицы и паремии «не создаются, а воспроизводятся, но не автоматически и тем более не механически, а в результате их осознанного выбора языковым субъектом» [Там же].

В коронавирусном дискурсе представлены как неологии, так и значительное количество уже существующих, но наделяемых новыми смыслами фразеологизмов и идиом. В этом можно видеть и влияние стремительности развития осмысляемой ситуации, и диктат одной из основных дискурсивных стратегий современности – рефрейминга [3, с. 74–83], при котором выражения переносятся в другой контекст и приспособляются для решения новых задач, а также аксиологически переосмысливаются.

Так, выражение *не все дома* ‘о странном, глуповатом, придурковатом человеке’ буквализируется, а затем подвергается рефреймингу, приобретая смысл высказывания о нарушении правил самоизоляции: *Фраза «у него не все дома», звучит теперь, как донос...* (Г. Погосян. ФБ. 03.04.20). Но при этом сохраняется и первоначальный смысл идиомы, который и формирует оценочный компонент в образном обозначении ситуации.

Идиома *надеть корону* ‘заянаться’ (сравн.: *Актриса Анна Хилькевич – одна из немногих звезд российского шоу-бизнеса, кто еще не успел «надеть корону»*. *Артистка любит смеяться и выставлять себя не в лучшем свете, чтобы повеселить других* (Дни.ру. 12.12.19); *Зачем вирус надел корону?* (Econet.ru. 27.03.20)) меняет смысл на ‘заразиться коронавирусом’: *20 территорий надели «корону»* (v-pravda.ru.14.04.20). В этом контексте вопрос: *корона не жмет* ‘не слишком ли вы вознеслись?’ звучит уже как забота о здоровье собеседника, что улавливают простые носители языка: *Я тут подумал, что фраза «Тебе корона не жмёт?» в свете нынешней пандемии звучит совершенно по-новому* (ЖЖ. Bash-im. 27.03.20), а в утвердительной форме это выражение означает констатацию выздоровления от коронавируса и (что широко используется в медиадискурсе – в отношении стран и регионов) снятие карантинных ограничений и открытие границ: *Корона им больше не жмет. Ровно в полночь среды завершился*

самый первый в мире карантин, введенный из-за коронавируса, в китайском городе-миллионнике Ухане (Коммерсантъ. 09.04.2020). В этом случае уже можно говорить если не о полном переосмыслении, то о формировании нового значения идиомы, связанного с изначальным лишь опосредованно, – через образ «вознесшегося до небес», подцепившего «звездную болезнь» вируса.

Одновременно происходит рефрейминг идиомы *надеть корону* в политическом дискурсе – в рамках совпавшей с началом пандемии историей с принятием поправок к Конституции. *Коронавирус* устойчиво связывается с «*коронованием*», венчанием президента на «царство», в этой «рамке» *коронавирус* приобретает окказиональное значение 'стремление к бесконечному сохранению власти'. Переосмыслению политической ситуации в сетевом юморе способствует и фрейм карантина общемирового масштаба: ***Из-за коронавируса Путину запретили покидать президентское кресло***, а «обнуление» президентских сроков порождает номинацию ***нулевой президент*** – по аналогии с терминологичным ***нулевым пациентом*** (К. Туркова. Коронавирус и поправки к российской Конституции. Голос Америки. 16.03.20).

Широко используется и прием паремиологического варьирования. Прежде всего, за счет замены лексики, как в ***Карантин суров, но это закон*** (МК. 31.03.2020), трансформации приписываемого Цицерону афоризма: ***Закон суров, но это закон*** (*Dura lex, sed lex*); или в ***Тяжело в леченье, легко в гробу*** (сетевой мем), восходящем к крылатой фразе А. В. Суворова об ***учении*** и ***бое***, но мотивированном одновременно метафорой *войны* с коронавирусом, *сражения* за жизни пациентов при *ученическом* подборе наощупь методов лечения; или же в карнавальном ***Покайтесь, гречники!*** (сетевой мем), где оценка людей, бездумно скупающих *гречневую* крупу, как *грешников* поддержана корреляцией на звуко-смысловом уровне. Либо за счет структурных трансформаций – например, приращения новых компонентов к уже известной паремии, как в случае с советским лозунгом, переосмысленным в сетевом меме: ***Мир, труд, май! Сиди дома, отдыхай!*** Есть и случаи когнитивного рефрейминга крылатых слов, например, в прочтении строк И. Бродского: ***Не выходи из комнаты, не совершай ошибку. [...] Запрись и забаррикадируйся / шкафом от хроноса, космоса, эроса, расы, вируса***, сквозь призму самоизоляции, в результате чего происходит подмена одной референтной ситуации другой.

Довольно много неопаремических подражаний загадкам с отгадками. Например, «загадочный» (но имеющий, впрочем, яркую внутреннюю форму и обозначающий время самоизоляции, локдаунов и ограничительных мер) неологизм ***коронапауза*** сопровождается «отгадкой»-толкованием: ***Коронапауза. На паузу поставленная жизнь: Все планы, все мечты, все начинанья*** (Олег Йарадар. Коронапауза. Стихи.ру).

По наблюдению М. В. Влавацкой и З. М. Зайкиной, подобные трансформации в последнее время закономерно возникают в результате реакции на революционные изменения в разных сферах, и именно выявляемая структурно-семантическая динамика перехода от «старой» паремии к «новой» составляет суть изменения представлений о реальности [4, с. 89], с чем трудно не согласиться.

Появляются в коронавирусном дискурсе и загадочные персонажи – такие, как ***Расхламинго, Ковидло*** и ***Уханька***.

Первый ассоциируется с охватившим миллионы «самоизолянтов» процессом «*рахламления*», а подспудно и с восклицанием, маркирующим успешное его завершение: ***бинго!*** Но здесь важна не только соотносимая с процессом «инговая» форма неологизма: он образует пару с появившимся значительно раньше словом ***захламинго***, относимого как к созданию определенных запасов: ***у меня год начался с запланированного захламинго уходом*** (cosmo.ru/forum. 01.01.2016), так и к состоянию *захламленности*, конкретному *хламу*: ***У нее квартира-пенал с этажеркой на всю стену, будет куда композиции из сена и цветов ставить и прочие захламинго*** (forum.baginya.org. 01.11.2018), и производителям беспорядка: ***У нас главный захламинго – муж. Он легко создаст кучу***

барахла вокруг красиво поставленного на тумбу горшка))) (forum.updiet.info. 09.12.2018). Но интереснее всего ассоциация с мифонимом *птица Феникс*, символом восстания из небытия, возрождения из ничего: *Мне стенка ее понравилась, скоро захламинго там совет воронье гнездо. Лилька не может жить по-другому, в любом доме устроит кальвиссоню. Лилька птица-захламинго* (forum.baginya.org. 01.11.2018). Таким образом, *Захламинго-Феникс* выступает как антагонист *Расхламинго*, также предстающим в образе птицы, похожей на *Розового фламинго* из одноименной песни Алёны Свиридовой, которая и формирует подтекст за счет ассоциации с *розовой мечтой, жизнью в розовом свете* и постоянно повторяемым припевом *Думай о хорошем!* Таким образом, «загадкой» становится само имя *Расхламинго*, а «отгадку» формирует довольно широкий контекст. В этом можно видеть подтверждение того, что слово в некоторых случаях может рассматриваться как «свертка» паремии и отраженных в ней текстов и контекста, о чем пишет, ссылаясь на идеи А. А. Потемни, В. М. Мокиенко [5, с. 12].

Что касается *Ковидла*, то этот «оним» структурно встраивается в ассоциативный ряд *повидло* (вирус такой же липкий и легко «размазывающийся», его так же можно «съесть», «проглотить» ненароком), *быдло*, *кодла (-о)*, *падла (-о)* (а с этими бранными словами связаны ассоциации с чем-то тупым, не знающим норм морали и границ дозволенного, подлым, преступным). Эти ассоциации определяют содержание понятия, стоящего за именем вируса, а также определяют его с точки зрения наивной этики.

Уханька же ассоциируется с представлением о домовёнке – маленьком мохнатом человечке, живущем в каждом доме, который может, рассердившись на «сожителей», устроить погром или как-то нашкодить. В сетевом фольклоре он представлен как персонаж по сути добрый, но оклеветанный: *Жил на свете маленький вирус Уханька, добрый и обычный вирус, который, как и все вирусы, помогал человекам и животным повышать свой иммунитет. Никому ничего плохого Уханька не делал, даже наоборот, к ослабленным старался не прилипать и мух не обижал. Напрасно Уханька думал, что раз он незаметный, то и злодеи его так же не видят. Злодеи его уже давно заметили, да всё не знали, гадали, как выгоду свою да поиметь с него. Подослали они к Уханьке политологов окаянных, да не простых, маститых, которые обольстили доверчивого Уханьку, овладели его бдительностью, и сам Уханька очнуться не успел, как на него эти политологи повесили ярлыков «коварный», «убийца», «злодей» и «негодяй»* (Zen.yandex.ru. Записки Кочегара. 09.04.20). С другой стороны, появляется и в образе разбушевавшегося «плохиша»: *Уханьку уже не остановить. Уханька – как неуловимый Джо* (forum.guns.ru. 23.02.20), а временами почти былинного персонажа – как в ролике на Youtube *Битва эпических вирусов. Уханька vs. Пенсильванька*, заставляющего вспомнить о судьбоносной битве *Пересвета с Челубеем*. Вместе с тем, в сети встречаются и тексты с четким указанием на референт – либо на сам вирус: *Уханька, она же коронавирусная инфекция COVID-19 – вирусное заболевание, вызываемое возбудителем SARS CoV-2, и похожее по многим симптомам на «обычный» грипп* (FAQ по «уханьке» – коронавирусу. 22.03.20), либо на ассоциирующийся с ним предмет: *Средства защиты, изготовленные в Китае, медики назвали в честь китайской провинции Ухань – «уханька»* (ФАН. 22.03.20).

И *Ковидло*, и *Уханька*, таким образом, представляют собой своеобразную «отгадку в загадке», где имя собственное воспринимается как индекс стереотипных образов и ассоциаций, возникающих на основе знаний [6, с. 311], с той разницей, что знания эти соотносятся с ситуациями, в которых действуют другие персонажи. Однако имя собственное в паремии всегда, на что указывает М. Л. Ковшова [Там же, с. 365], становится сигналом, инициирующим креативную доработку образа участниками коммуникации.

Как можно было заметить, во всех случаях в результате рефрейминга происходит формирование новой, ярко выраженной субъектно-предикатной структуры фразеологи-

зма или паремии – на логико-семантическом уровне: «старая» единица либо впитывает смыслы, транслируемые новой референтной ситуацией, обретая новое значение, либо сама предидирует свое содержание «новой», встраиваясь в ее семантическую структуру в виде оценочного компонента; в то же время неологизмы имитируют паремийные компоненты, по отношению к которым семантическим предикатом становится обширный лингвокультурный контекст.

Список использованных источников

1. Миронова Г. Паремийный фонд национального языка как отражение кризисных явлений в обществе / Г. Миронова, Е. Купцевич // *Parémie narodů slovanských III*. – Ostrava : Ostravská univ., 2007. – S. 45–62.
2. Ковшова, М. Л. Оценочность идиом и наивная этика паремий: лингвокультурологический аспект исследования / М. Л. Ковшова // *Филология и культура*. – 2013. – № 3. – С. 79–85.
3. Иссерс, О. С. Люди говорят... Дискурсивные практики нашего времени / О. С. Иссерс. – Омск : Издательство Омского гос. ун-та, 2012. – 276 с.
4. Влавацкая, М. В. Комбинаторная паремиология как область изучения новых паремий / М. В. Влавацкая, З. М. Зайкина // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. – 2018. – № 11(89). – Ч. 1. – С. 88–92.
5. Мокиенко, В. М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) / В. М. Мокиенко // *Мир русского слова*. – 2010. – № 3. – С. 6–20.
6. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: антропонимический код культуры / М. Л. Ковшова. – М. : ЛЕНАНД, 2019. – 400 с.

The article examines examples of phraseological and paremiological transformations in the “coronavirus discourse”: re-phraseologization, the formation of new meanings of idioms, lexical and structural changes in set expressions. Particular attention is paid to the “naïve” axiology.

Keywords: phraseology, paremiology, transformations, reframing, linguocultural analysis.

УДК 811.161.1'42'373.612.2:398.92:616-022.6

Л. В. Селезнева

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ МОДИФИКАЦИИ КОРОНАВИРУСНОГО РЕЖИМА

В статье рассматриваются модификации фразеологизмов в информационно-дискурсивном ракурсе. На примере структуры статуса показано, как рассматривается информационная структура, какие модификации фразеологизмов есть. Модификации фразеологизма задаются прагматической целью дискурса, в котором сочетается переносное значение фразеологизма с потребностью в актуализации конкретной информации.

Ключевые слова: паремия, модификация, фразеологизм, переносное значение.

Карантин – это когда выйти можно только из себя (Статус в Соцсети).

Новый подход к исследованию языковых феноменов как средств организации социального опыта в процессе речевой коммуникации с некоторых пор предполагает не только выявление таких единиц и конструкций, но и описание условий и механизмов их выбора и функционирования. В. Е. Чернявская отмечает, что «фокус лингвистических разработок перемещался от вопросов внутритекстовой организации к процессам текстопостроения и текстовосприятия» [1, с. 137]. Это особенно актуально в настоящее время, которое жур-

налисты назвали коронавирусом режимом, когда, как точно подметил М. Кронгауз, «мы существуем в контексте ковида, все время думаем об этом» [2]. Контекст диктует формирование дискурсивных практик и их интерпретацию. Поэтому, например, название статьи «*Корона отправилась на родину шахмат*» (журнал «Наука и жизнь» 2007) воспринимается сейчас как сообщение о распространении вируса, а совсем не о шахматной победе. Коронавирусный контекст влияет и на использование фразеологизмов и паремий, которые, несмотря на свою устойчивую структуру, подвержены разного рода модификациям, названным И. В. Зыковой фразеологической креативностью, проявляющейся «в процессе организации информации в ходе формирования дискурса» [3, с. 539].

Перед человеком стоит задача – адаптироваться к этой сложной ситуации: при помощи языка дать наименования новым явлениям и показать свое отношение к ним. Это предполагает, с одной стороны, ввод новой релевантной информации и формирование словаря новых слов (*ковидник* – больница для пациентов с COVID или сам пациент, *коронаскеттик* – человек, отрицающий существование инфекции, *шаилычники* – нарушители самоизоляции, которые устраивают пикники и др. [2]), актуализацию известных слов, которые становятся частотными (*корона, карантин, самоизоляция, социальная дистанция*).

С другой стороны, одной из основных коммуникативных интенций становится защита от негативной информации, что обуславливает такое информационное развертывание дискурса, которое формирует имплицитный смех, абстрагирует от реальности и переводит человека в возможный мир, где действуют законы формируемого им дискурса. И способом репрезентации «особого» взгляда на коронавирусный режим становятся модифицированные фразеологизмы и паремии: *Всё проходит, минует и карантин; Брат ты мне, или не брат. Рад ты мне или не рад. Сядь со мной за стол, налей себе вина, Соблюдай дистанцию метр или два; Любишь гостить, люби и таблетки от вирусов пить* [4]. Их использование возможно в разных дискурсах, при построении которых модифицированные формы фразеологизмов, по наблюдению И. В. Зыковой, выступают в роли информационного центра [3, с. 543]. Например, статус в соцсетях, под которым понимают представление самого субъекта и чаще всего рассказ о самом себе (*В поиске, замужем, в ожидании, нет на месте, старость меня дома не застанет* и т. п.). Статус – одна из важных составляющих презентации субъекта и формирования его образа.

Во время карантина изменилась тематика статуса в соцсетях: появилось много компонентов, которые относятся к карантину:

(1) *Выхожу из дома. На лице: солнцезащитные очки и чёрная маска. Чувствую себя звездой, которую преследуют папарацци.*

(2) *Паника и карантин даны человечеству, чтобы понять, какой огромной ценностью обладают гречка и туалетная бумага.*

(3) *Заплела волосы, надела маску, обработала руки, взяла паспорт – всё, можно выходить на балкон!*

(4) *Маску ношу не на улице, а дома, чтобы ничего не есть.*

При исследовании дискурса как социальной практики важно учесть то, что «дискурс позволяет моделировать типовые ситуации» [5, с. 92]. Статусы в соцсетях строятся на компонентах, относящихся к карантину: *ношение маски, обработка рук, предъявление паспорта* и т. п. При этом в процессе разворачивания дискурса конкретная информация о реалиях карантина доводится до абсурда и вызывает смех: *маска становится атрибутом известной личности, надевается, чтобы выйти на балкон и защитить от еды.*

Использование фразеологизмов и паремий в структуре статуса обусловлено прежде всего тем, что они выступают в роли информационного центра, формируя вокруг себя периферийные сегменты дискурса:

Сам заварил гречневую кашу, сам и расхлёбывай весь карантин.

Не так страшен чёрт, как коронавирус.

Семь пятниц на неделе, когда мы целыми днями в постели.

И. Г. Милославский подчеркивал важность соотнесения образов ситуаций, представленных в сознании участников коммуникации, когда для точного понимания текста «из некоторого множества возможных значений следует выбрать именно то, которое представлено в тексте, созданном производителем речи» [6, с.734]. В статусах в соцсетях образ, задаваемый фразеологизмом, и образ реальной ситуации накладываются друг на друга и создается эффект обманутого ожидания, что и вызывает улыбку, или имплицитный смех. Например, паремия *Сам заварил кашу, сам и расхлебывай* означает «тот, кто виноват в создавшейся ситуации, пусть сам ее и разрешает». Слова *гречневая* и *карантин* вводят компоненты коронавирусного режима, связанные с временным дефицитом гречневой крупы и ее особой популярностью. В паремии *Не так страшен черт, как его малюют* (значение «не так страшно что-то на самом деле, как об этом думают и говорят») в результате замены последнего слова создается образ коронавируса, которого надо остерегаться больше, чем черта. Паремия *Семь пятниц на неделе* – образ человеческого непостоянства – получает значение «одно и то же», так как вводятся компоненты, связанные с карантином.

Если говорить об уровне языковой системы, описание функционирования единиц которого позволит судить об особенностях организации речи в той или иной дискурсивной практике, то можно ожидать, что показательные примеры могут быть найдены прежде всего в синтаксисе. Именно на синтаксическом уровне отражение связи когнитивных механизмов представления типовой ситуации в дискурсивной практике и процессов текстопорождения, определяемых этим конвенциональным образом ситуации, зачастую наиболее наглядно по сравнению с другими аспектами языка.

А. М. Пешковский определял два синтаксических принципа – перестановку и выделение [7, с. 654] и отмечал, что их применение в речи должно быть оправдано. Насколько может быть оправдано использование данных принципов по отношению к фразеологизмам и паремиям? Как порядок темы и ремы может проявляться при их актуализации? Паремия представляет собой нечленимое единство, поэтому всё является темой или ремой, входя в состав другого высказывания, а внутри высказывания тема-рематические отношения также установлены, поскольку коммуникативный акцент паремий уже зафиксирован языковой культурой.

Исследование реального функционирования идиом в дискурсе позволило Д. О. Добровольскому определить стремление идиом занять в высказывании классическую рематическую позицию [8, с. 126]: *Карантин – это когда **выйти** можно только из себя*. Дискурс состоит одновременно из компонентов, которые относятся к создаваемому образу карантина и связанной с ним уединенности, и компонентов, которые относятся к психологическому состоянию – *выйти из себя*, т. е. рассердиться, негодовать.

Модификация фразеологизма может быть обусловлена преобразованием коммуникативной направленности высказывания, чаще всего в сторону вопроса или дескрипции. Например, известное выражение, связанное с карнавалами, либо получает иной смысл, обусловленный ситуацией карантина: – *Маска, я тебя знаю!* (А.Орехъ, Эхо Москвы 7.05.2020), либо предложение становится вопросительным, что связано с изменением целевой установки предложения: *Эй, маска, я тебя знаю?* (НКРЯ).

Модификации фразеологизма могут быть связаны:

- с расширением его состава: *Опустела без меня земля ...**Это самоизоляция**;*
- с заменой компонентов: *Не откладывай на завтра то, что можешь **съесть сегодня**. Береги здоровье смолоду – **мой руки с мылом**. Один в поле – **не болен**;*
- с передачей смысла фразеологизма при помощи других конструкций, например, *бросить печатку*: *Бросание перчатки может привести к **непоправимым последствиям*** (#транспортпротив вируса #лишим_его_короны).

Подводя итог, отметим, что статус – прагматически ориентированный дискурс, представляющий собой небольшое высказывание, информационным центром которого

являются модификации фразеологизма. Мы рассматриваем фразеологизм в рамках статуса в соцсетях как информационный центр, вокруг которого выстраиваются другие компоненты, при его модификации меняется референтный ракурс и фразеологическая образность, что и способствует реализации коммуникативной интенции – адаптации к социальной действительности.

Список использованных источников

1. Чернявская, В. Е. Методологические возможности дискурсивного анализа в корпусной лингвистике / В. Е. Чернявская // Вестник Томского государственного университета. – Филология. – № 50. – 2017. – С. 135–148.
2. Абрамов, А. Словарь эпохи коронавируса: «Ковидиоты на самоизоляции зачали короналов, зумились и оформили ковидиворс» / А. Абрамов // Комсомольская правда 22 мая 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.kp.ru/daily/27132/4221683/>. – Дата доступа : 31.10.2020.
3. Зыкова, И. В. Фразеологическая креативность как фактор организации информационного поля дискурса / И. В. Зыкова // Логический анализ языка. Информационная структура текстов разных жанров и эпох. – М. : Гнозис, 2016. – С. 538–547.
4. Леонов, А. 100 прикольных статусов про самоизоляцию / А. Леонов // ID Magazine [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://intrigue.dating/interesnoe/100-prikolnyh-statusov-pro-samoizolya-iu/>. – Дата доступа : 30.10.2020.
5. Красина, Е. А. Дискурс, высказывание и речевой акт / Е. А. Красина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2016. – Т. 20. – № 4. – С. 91–102.
6. Милославский, И. Г. Контекстуальность в русском языке / И. Г. Милославский // Russian Journal of Linguistics. – 2019. – Т. 23. – No 3. – С. 731–748.
7. Пешковский, А. М. Лингвистика. Поэтика. Стилистика / А. М. Пешковский. – М. : Флинта, 2018. – 712 с.
8. Добровольский, Д. О. Идиоматика и информационная структура высказывания / Д. О. Добровольский // Логический анализ языка. Информационная структура текстов разных жанров и эпох. – М. : Гнозис, 2016. – С. 126–136.

The article deals with modifications of phraseological units in the informational and discursive perspective. The example of the status structure shows how the information structure is considered, and what modifications of phraseological units there are. Modifications of phraseology are set by the pragmatic goal of the discourse, which combines the figurative meaning of phraseology with the need to update specific information.

Keywords: paremia, modification, phraseology, figurative meaning.

УДК 811.16'42'373.46:33:398.92(=163.2):398.92(=161.1)

Р. С. Стоянова

ФОРМАЛЬНО-СТРУКТУРНЫЕ МОДЕЛИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В БОЛГАРСКОЙ И РУССКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Статья посвящена исследованию формально-структурных моделей терминологических фразеологизмов в новейшей болгарской и русской экономической терминологии. Приведены примеры возникновения терминологизмов вследствие развития терминологического значения на основе уже существующего фразеологического, а также на основе переноса значения. Описаны модели формальной структуры двухкомпонентных и многокомпонентных терминологических фразеологизмов.

Ключевые слова: терминологический фразеологизм, формально-структурная модель, экономическая терминология, болгарский язык, русский язык.

Цель настоящего исследования – описать на материале новейшей болгарской и русской экономической терминологии формально-структурные модели терминологических фразеологизмов.

Источником исследования послужили словари [1; 2; 3], специализированные журналы и электронные специализированные издания на болгарском и русском языках («Икономика», «Икономически изследвания», «Икономически и социални алтернативи», «Аналитически банковский журнал», «Креативная экономика», «Экономическая социология», «Босс», «Финансист» и др.), учебники, учебные пособия и справочные издания по экономике.

Понятие «терминологический фразеологизм»

В новейшей болгарской и русской терминологии дают о себе знать два разнонаправленных процесса. С одной стороны, наблюдается проникновение терминов с формой словосочетания во фразеологическую систему обоих языков, а с другой стороны, происходит процесс терминологизации фразеологизмов.

Терминологические фразеологизмы представляют собой устойчивые сочетания, появившиеся на основе терминов или профессионализмов. Данные языковые феномены представлены на всех уровнях языкового субстрата в профессиональной речи: в терминологической системе (рус. «банковский рай», рус. «близкие» деньги, рус. валютный риск, рус. дружеский вексель, рус. «крепкий» рынок, рус. ленивый рынок, рус. облигация бык-медведь, рус. оседлать рынок, рус. «розовые листки», рус. рыночный «тон», рус. «терпеливые деньги», рус. «тихий» факторинг, рус. чёрный маклер и др.), в устной профессиональной лексике (болг. бизнес ангел / бизнес ангели – рус. бизнес-ангел / бизнес-ангелы, ангел бизнеса / ангелы бизнеса (сленг), рус. большая ванна (сленг), болг. бял слон – рус. белый слон (сленг), болг. златен парашут / златни парашути – рус. золотой парашют / золотые парашюты (сленг), болг. отровни хапчета – рус. ядовитая (отравленная) пилюля (сленг), рус. Бостон бинго (сленг), рус. воздушная яма (сленг), рус. копчёная селёдка (сленг), рус. маня лондерин (сленг), рус. мелкий шрифт (сленг), рус. нефтепереработчик с Уолл-стрит (сленг), рус. погашение воздушного шара (сленг), рус. январский эффект (сленг), рус. чёрный рыцарь (сленг), рус. чёрный ящик (сленг), рус. утренний рейд (сленг) и др.), в профессиональном жаргоне (рус. «жертва продольной пилы» (жарг.) и др.) [4, с. 174].

Основной корпус терминологических фразеологизмов в болгарской и русской терминологии, в частности – в экономической терминосистеме, представлен в виде калек и полукалек с английского языка. Отдельные терминологические единицы латинского происхождения вошли в оба языка через посредничество английского языка: болг. бръснач на Окам – рус. «бритва Оккама», «лезвие Оккама» < англ. *Ockham's razor* (*Ockham's razor*, *Ocham's razor*) < лат. *novacula Occami*; рус. «гомо экономикус», англ. *homo eonomicus*, *eonomic man* < лат. *homo eonomicus* [4, с. 173].

Статус терминологических фразеологизмов и их отношение к фразеологизмам терминологического происхождения трактуется по-разному в трудах ряда лингвистов.

Е. А. Никулина, исходя из дуальной природы данных языковых феноменов, предлагает использовать для их наименования термин «терминологический фразеологизм» или «терминологизм» на основании того, что данное **«сверхсловное образование имеет буквальное терминологическое или профессиональное значение, на основе которого развивается переосмысленное значение, и данные значения (а их может быть несколько у одной единицы) актуализируются в зависимости от контекста употребления – терминологического или нетерминологического»** (шрифт Е. А. Никулиной) [5, с. 10].

В терминологических фразеологизмах сочетаются системные свойства, характерные как для терминов (номинативная и /или дифинитивная функция, специальная сфера употребления термина, системность термина и др.), так и для фразеологических единиц (образность, экспрессивность, затемненность значения и др.). Таким образом, данные языковые образования находятся на грани терминологии и фразеологии.

Обычно терминологические фразеологизмы возникают в результате развития терминологического значения на базе уже существующего фразеологического. Например, от пословицы *Ложка дёгтя в бочке мёда* «Разг. Шутл.-ирон. 1. О небольшом, незначительном добавлении, которое портит большое и хорошее. 2. Жарг. шк. Шутл.-ирон. Задание отстающему ученику на лето. 3. Жарг. мол. Шутл. О родителях, оставшихся дома на выходные дни» [6] ведет свое начало терминологизм *ложка дёгтя* 'способ защиты от попытки поглощения путем захвата или слияния с другой фирмой' [2, с. 1157].

По мнению М. А. Захаровой, прототипом терминологических фразеологизмов могут служить не только уже сложившиеся фразеологические единицы, а и словосочетания, основанные на переносе значения. «В данном случае процессы фразеологизации и терминологизации проходили почти одновременно. В этих словосочетаниях одно из слов употреблено в прямом значении, а второе – в переносном» [7, с. 34]. В экономической терминологии примером такого вида терминологизмов является болг. *златно ръкостискане* – рус. *золотое рукопожатие* < англ. *golden handshake* «Стимул за ранно пенсионирование на служители на фирмата. Стимулите варира от бързо оформяне и изплащане на пенсиите до непосредствено материално поощрение» [1, с. 75], «Сумма денег (часто большая), полученная сотрудником, в частности старшим управляющим, которого досрочно увольняют или который теряет свое место из-за реорганизации компании. Это выражение было введено в обиход в 1979 г. английским журналистом. Менее щедрые суммы называются *silver* или *bronze handshake* (серебряные или бронзовые рукопожатия)» [8]. Перенос названия с денотата общеупотребительного слова англ. *handshake* (болг. *ръкостискане*, рус. *рукопожатие*), на денотат терминологизма англ. *golden handshake* (болг. *златно ръкостискане*, рус. *золотое рукопожатие*) базируется на сходстве действий, характеризующихся семантическим инвариантом 'то, что приносит нечто приятное'.

Терминологические фразеологизмы в болгарском и русском языках демонстрируют проявление тенденции к глобализации и интернационализации не только определенных терминологических и фразеологических структур, но и когнитивных моделей и концептов.

Формально-структурные модели терминологических фразеологизмов в болгарской и русской экономической терминологии

На основании количества составляющих компонентов терминологические фразеологизмы в виде словосочетаний подразделяются на двух- и многокомпонентные.

I Двухкомпонентные терминологические фразеологизмы.

Основными моделями формальной структуры терминологических фразеологизмов данного типа являются следующие:

1. Модель формальной структуры *Прил. + Сущ.* в болгарском и русском языках: болг. *бичи пазар* – рус. *бычий рынок* / «*бычий*» рынок (но: рынок быков / рынок «быков») < англ. *bull market*; болг. *бързи пари* – рус. *быстрые деньги*, *квик мани* < англ. *quick money*; болг. *бял рицар* – рус. *белый рыцарь* < англ. *white knight*; болг. *горещи пари* – рус. *горячие деньги* < англ. *hot money*; болг. *данъчен рай* (*данъчен оазис*) – рус. *налоговый рай* (*налоговая гавань*) < англ. *tax paradise* (*tax haven, tax heaven, tax oasis*); болг. *дойна крава* – рус. *дойная корова* < англ. *cash cow*; болг. *зелен данък* – рус. «*зелёный*» налог < англ. *green tax*; болг. *зелен туризъм*, *екотуризъм* – рус. *зелёный туризм* < англ. *green tourism*; болг. *зелено банкиране* – рус. *зелёный банкинг* < англ. *green banking*; болг. *златен пул* – рус. *золотой пул* < англ. *gold pool*; болг. *златни белезници* – рус. *золотые наручники* < англ. *golden handcuffs*; болг. *златно ръкостискане* – рус. *золотое*

рукопожатие < англ. *golden handshake*; болг. *куфарна търговия* – рус. «чемоданная» торговля – англ. *suitcase trade*; болг. *куца патица* – рус. *хромая утка* < англ. *lame duck*; болг. *лош кредит* – рус. *плохой кредит* < англ. *bad credit*; болг. *лоши задължения* – рус. *плохие долги* < англ. *bad debt*; болг. *малък бизнес* – рус. *мелкий бизнес* < англ. *small business*; болг. *мек заем* – рус. *льготный заём, льготный кредит, «мягкий кредит»* < англ. *soft loan*; болг. *меча позиция* – рус. *медвежья позиция* < англ. *bear position*; болг. *мечешка прегръдка* – рус. *медвежьи объятия, медвежья хватка* < англ. *bear hug*; болг. *мечи пазар, мечешки пазар* (но: *пазар на мечката*) – рус. *медвежий рынок* (но: *рынок медведей*) < англ. *bear market*; болг. *мечо поглъщане* – рус. «*медвежье поглощение*» < англ. *bearish engulfing*; болг. *млада емисия* – рус. *младшая облигация, субординированная облигация* < англ. *junior bond*; болг. *млада емисия* – рус. *младший выпуск, субординированная облигация* < англ. *junior issue*; болг. *мръсни пари* – рус. *грязные деньги, нечистые деньги* < англ. *dirty money*; болг. *наивна диверсификация* – рус. *наивная диверсификация* < англ. *naive diversification*; болг. *паричен поток* – рус. *денежный поток* < англ. *cash flow*; болг. *пенсионен парашут* – рус. *пенсионный парашют* < англ. *pension parachute*; болг. *сенчест бизнес* – рус. *теневой бизнес* < англ. *shadow business*; болг. *спяща красавица* – рус. *спящая красавица* < англ. *Sleeping Beauty*; болг. *тлъсти котараци* – рус. *жирный кот* < англ. *fat cat*; болг. *финансов мехур* – рус. *финансовый пузырь* < англ. *financial bubble*; рус. «*денежный голод*» < англ. *money pressure, pressure for money*; рус. «*идеальный хедж*» < англ. *perfect hedge*; рус. *бумажный баррель* < англ. *paper barrel*; рус. *привилегированные акции* < англ. *preferred stock*; рус. *слабые руки* < англ. *weak hands*; рус. *финансовое меню* < англ. *financial menu* и др.

Данная модель формальной структуры терминологизмов является самой распространенной в болгарском и русском языках. Вышеуказанные примеры подкрепляют утверждение, высказанное М. Поповой, о том, что в качестве терминоэлементов прилагательные являются активной категорией [9, с. 116].

2. Модель формальной структуры *Суц.* + *Суц.* в болгарском и русском языках: болг. *бизнес ангел / бизнес ангели* – рус. *бизнес-ангел* (но: *ангел бизнеса*) / *бизнес-ангелы* (но: *ангелы бизнеса*) (*сленг*) < англ. *business angel / business angels*; болг. *бизнес инкубатор* – рус. *инкубатор компаний* < англ. *business incubator*; болг. *облигации «боклуци»* < англ. *junk bond*; болг. *дата «екс-дивидент»* (но: *екс дивидентна дата*) < англ. *ex-dividend date*; болг. «*самурай» облигации*, (но: *самурайски облигации*) – рус. *облигации самурай* < англ. *samurai bonds*; болг. *облигация шогун* – рус. *облигация сегун* < англ. *Shogun bond*; рус. *облигация матадор* < англ. *Matador bond*; болг. *суши облигация* – рус. *облигация суши* (но: *суши-облигация*) < англ. *sushi bond*; рус. *акция барометр* < англ. *barometer stock*; рус. *облигация бык-медведь* < англ. *bull-bear bond*; рус. *облигация кенгуру* < англ. *kangaroo bond*; рус. *шаг аукциона* < англ. *auction step*; рус. *взбивание масла* < англ. *churning*; рус. *сжигание мостов* < англ. *scorched earth* и др.

3. Модель формальной структуры *Суц.* + *Пред.* + *Суц.* в болгарском языке и *Суц.* + *Суц.* в русском языке: болг. *нападение на мечката* – рус. *налёт медведей* (но: *медвежий налёт*) < англ. *bear raid*; болг. *перли в короната* – рус. *драгоценности короны* < англ. *crowн jewels*; болг. *пране (изтиране) на пари* – рус. *отмывание денег* (но: *отмывание денежных средств*) < англ. *money laundering*; болг. *прегриване на пазара* – рус. *перегрев рынка* < англ. *market overheating, overheating of the market*; болг. *прегриване на икономиката* – рус. «*перегрев*» экономики < англ. *overheating of economy*; рус. *безумие интернет-инвесторов* < англ. *Internet frenzy* и др.

4. Модель формальной структуры *Суц.* + *Пред.* + *Суц.* в русском языке: рус. *брокер на обочине* < англ. *curb broker*; рус. *набег на банк* < англ. *run on a bank, bank run*; рус. *наблюдатель за акулами* < англ. *shark watcher*; рус. *протокол о намерениях* < англ. *protocol of intent*; рус. *пребывание в тени* и др.

5. Модель формальной структуры *Прич. + Сущ.* в болгарском и русском языках: болг. *растящ портфейл* – рус. *растущий портфель* < англ. *growth portfolio*; рус. *дутые акции* < англ. *busted convertible*; рус. *дутый вексель*; рус. *отравленная пилюля* (но: *ядовитая пилюля*) < англ. *poison pill, poison pills* (сравн. болг. *отровни хапчета*); рус. *павший ангел / падающие ангелы* < англ. *fallen angel* (сравн. болг. *паднал ангел*); рус. *шибающий опцион* < англ. *knockout option*; рус. *голосующие акции* < англ. *voting stock* и др.

6. Модель формальной структуры *Глаг. + Сущ.* в русском языке: рус. *гонять зайца*; рус. *оседлать рынок* < англ. *straddle the market* и др.

7. Модель формальной структуры *Глаг. + Пред. + Сущ.* в русском языке: рус. *уйти в красную*; рус. *уйти в паблик*; рус. *загонять <рынок> в угол* < англ. *cornering the market* и др.

8. Модель формальной структуры *Сущ. + Сз. и + Сущ.* в русском языке: рус. *шапка и воротник* < англ. *cap and collar*; рус. *кошки и собаки* < англ. *cats and dogs* и др.

9. Модель формальной структуры *Глаг. + Сз. и + Глаг.* в русском языке: рус. *«завлечь и переключить»* < англ. *bait & switch* и др.

10. Модель формальной структуры *Сущ. + Нар.* в русском языке: рус. *езда зайцем* (но: *фрирайддинг*) < англ. *free-riding / freeriding* и др.

II Многокомпонентные терминологические фразеологизмы.

Многокомпонентные терминологические словосочетания в экономической терминологии являются результатом номинации сложного понятийного аппарата данной области знания. В нашем материале многокомпонентные терминологические фразеологизмы представлены в основном в виде трехкомпонентных сочетаний.

A) Трехкомпонентные терминологические фразеологизмы.

Основными моделями формальной структуры трехкомпонентных терминологических фразеологизмов являются следующие.

1. Модель формальной структуры *Сущ. + Прил. + Сущ.* в русском языке: рус. *банк диких кошек* < англ. *wild cat bank*; рус. *брокер торгового зала, брокер биржевого зала* < англ. *floor broker* (сравн. болг. *брокер на пода*); рус. *воротничок обыкновенной акции* < англ. *equity collar*; рус. *закон голубого неба / законы голубого неба* < англ. *blue-sky law / blue-sky laws*; рус. *индексы «зелёных» облигаций*; рус. *контракт «желтой собаки»* (но: рус. *«желтое обязательство»*) < англ. *yellow-dog contract*; рус. *метод хоккейной клюшки* < англ. *hockey stick method* и др.

2. Модель формальной структуры *Прил. + Прил. + Сущ.* в болгарском и русском языках: болг. *«зелен» икономически модел* (сравн. рус. *модель зелёной экономики*); болг. *зелен икономически растеж* – рус. *«зелёный» <экономический> рост* < англ. *green economic growth*; рус. *«зелёные» инвестиционные фонды* < англ. *green investment funds*; рус. *экологически безопасный рост*; рус. *первые привилегированные акции* < англ. *first preferred stock* и др.

3. Модель формальной структуры *Сущ. + Пред. + Прил. + Сущ.* в русском языке: рус. *аккредитив с зелёной оговоркой* < англ. *green clause letter of credit, green clause credit* (сравн. болг. *зелен акредитив*); рус. *аккредитив с красной оговоркой* < англ. *red clause letter of credit, red clause credit* (сравн. болг. *червен акредитив*) и др.

4. Модель формальной структуры *Сущ. + Пред. + Прил. + Сущ.* в болгарском языке и *Сущ. + Прил. + Сущ.* в русском языке: болг. *икономика със затворен цикъл* – рус. *экономика замкнутого цикла* < англ. *closed-loop economy*; болг. *проект за бял слон* – рус. *проект «белые слоны»* < англ. *white elephant project* и др.

5. Модель формальной структуры *Прил. + два компонента в транслитерированном виде* в болгарском языке: болг. *бял пбблик рилейшънс* < англ. *white public relations* (сравн. рус. *белый пиар*); болг. *черен пбблик рилейшънс* < англ. *black public relations* (сравн. рус. *чёрный пиар*) и др.

6. Модель формальной структуры *Сущ. + Пред. + Сущ. + Пред. + Сущ.* в болгарском языке: болг. «*задържане на икономиката от прегряване*» <англ. *to curb the economy* (сравн. рус. *сдерживать экономику <от перегрева>*) и др.

7. Модель формальной структуры *Сущ. + Пред. + Прил. + Сущ.* в болгарском языке и *Сущ. + Прил. + Сущ.* в русском языке: болг. *зона за свободна търговия* – рус. *зона свободной торговли* <англ. *free trade area* и др.

8. Модель формальной структуры *Сущ. + Сущ. + Сущ.* в русском языке: рус. *проблема «цепочка замен»* <англ. *replacement-chain problem* и др.

9. Модель формальной структуры *Сущ. + Прил. + Сущ.* в русском языке: рус. «*инкубаторы новых фирм*», рус. *прыжок дохлой кошки, отскок дохлой кошки* <англ. *dead cat bounce*; рус. *погашение воздушного шара*; рус. *отмывание денежных средств* (но: *отмывание денег*) <англ. *money laundering* и др.

10. Модель формальной структуры *Сущ. + Пред. + Сущ.* в русском языке: рус. *нефтепереработчик с Уолл-стрит* и др.

11. Модель формальной структуры *Сущ. + Прич. + Сущ.* в русском языке: рус. «*издержки стоптаных башмаков*» <англ. *free-riding shoe-leather costs*; рус. *теория растущих акций* <англ. *growth stock theory* и др.

12. Модель формальной структуры *Прич. + Прил. + Сущ.* в болгарском и русском языках: болг. *растящ кредитен портфейл* – рус. *растущий кредитный портфель* <англ. *loan portfolio growth* и др.

13. Модель формальной структуры *Прич. + Сущ. + Сущ.* в русском языке: рус. *истекающая кровью компания* <англ. *hemorrhaging company* и др.

14. Модель формальной структуры *Прич. + Сущ. + Сз. и + Сущ.* в русском языке: рус. *перевернутые голова и плечи* <англ. *inverse head & shoulders, inverted head & shoulders* и др.

15. Модель формальной структуры *Глаг. + Нар. + Сущ.* в русском языке: рус. *выстрелит раньше пушки* <англ. *beating the gun* и др.

Б) Четырехкомпонентные терминологические фразеологизмы.

Четырехкомпонентные терминологические фразеологизмы встречаются редко в болгарском и русском языках:

1. Модель формальной структуры *Прил. + Сущ. + Пред. + Сущ. + Сущ.* в болгарском языке: болг. *Европейска мрежа на бизнес ангелите* <англ. *European Business Angel Network* (сравн. рус. *Европейская сеть бизнес-ангелов*); болг. *Московска мрежа на бизнес ангелите* (сравн. рус. *Московская сеть бизнес-ангелов*) и др.

2. Модель формальной структуры *Сущ. + Пред. + Числ. + Сущ. + Сущ.* в болгарском языке: болг. *сделка «на една ръка разстояние»* <англ. *arm's length transaction*.

3. Модель формальной структуры *Прил. + Прил. + два компонента в транслитерированном виде* в русском языке: рус. *бычий дебетовый колл спрэд* <англ. *bull call debit spread*; рус. *медвежий дебетовый пуд спрэд* <англ. *bear put debit spread*.

4. В одном терминологизме данного вида в русском языке наблюдаются два факультативных компонента: рус. <большая> *стирка <грязных> денег* <англ. *money laundry* (Модель формальной структуры <прил.> + *сущ.* + <прил.> + *сущ.*). Болгарское соответствие данного терминологизма является трехсоставным словосочетанием, притом – с одним факультативным компонентом: болг. *пералня на <мръсни> пари* (Модель формальной структуры *Сущ. + Пред. + <Прил.> + Сущ.*).

В) Пятикомпонентные терминологические фразеологизмы.

Пятикомпонентные терминологические фразеологизмы наблюдаются крайне редко в экономической терминологии. В нашем материале представлена модель формальной структуры *Прил. + Сущ. + Пред. + Прич. + Прил. + Сущ.* в русском языке: рус. *краткосрочное обязательство с плавающей процентной ставкой* <англ. *floating rate*

note / floating-rate note (FRN) (сравн. болг. *облигации с плаващ лихвен процент* < англ. *floating rate note*).

Выводы

Терминологические фразеологизмы в болгарской и русской экономической терминологии в большинстве своем являются результатом калькирования с английского языка. Преобладающий тип терминологических фразеологизмов представлен двухкомпонентными словосочетаниями. Беспредложные сочетания превалируют над аналитическими сочетаниями с предлогом.

В русском языке наблюдаются более разнообразные формально-структурные модели образования терминологических фразеологизмов, чем в болгарском языке. Некоторые из этих моделей являются непродуктивными.

Большое разнообразие формально-структурных моделей свидетельствует о том, что терминообразование посредством синтаксического связывания представлено множеством комбинаций слов-терминоэлементов.

В ограниченном количестве продуктивных формально-структурных моделей преобладают терминологические фразеологизмы с формальной структурой *Прил. + Сущ.* и *Сущ. + Пред. + Сущ.* в болгарском языке и *Прил. + Сущ.* и *Сущ. + Сущ.* в русском языке.

Основными терминоэлементами являются: имя существительное, имя прилагательное, глагол, причастие и, в редких случаях, наречие. В болгарском языке служебными элементами в составе предложных словосочетаний выступают предлоги *на* (чаще всего), *за*, *с* (*със*), *а* в русском языке – предлоги *на*, *в*, *с*, *за*, *о*, *от* и союз *и*.

Новые для болгарского и русского языков терминологические фразеологизмы экономической сферы деятельности представлены в основном словосочетаниями, где главным компонентом является имя существительное.

Список использованных источников

1. Английско-български речник по корпоративно управление / English-Bulgarian Corporate Governance Dictionary A – Z. / Б. Боева, В. Станчева, П. Матеев, К. Кабакчиев (ред.). – София : Център за изследване на демокрацията. 2001. – 233 с.

2. Словарь финансово-экономических терминов /А. В. Шаркова, А. А. Килячков, Е. В. Маркина и др.; М. А. Эскиндаров (ред.). – 3-е изд. – М. : Дашков и К°. 2018. – 1168 с.

3. Терминологичен енциклопедичен речник по икономически науки / М. Попова, А. Христова, Б. Попов, Д. Лесневска, Е. Петкова, К. Симеонова, М. Михайлова-Паланска, С. Мицева. – София : Скала Принт, 2020. – 476 с.

4. Стоянова, Р. Терминологични фразеологични калки в най-новата българска и руска икономическа терминология / Р. Стоянова // Доклади от Международната годишна конференция на Института за български език «Проф. Любомир Андрейчин» (София, 2020). – Т. 1. – София : Издателство на БАН «Проф. Марин Дринов», 2020. – С. 173–181.

5. Никулина, Е. А. Терминологизмы как результат взаимодействия и взаимовлияния терминологии и фразеологии современного английского языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Е. А. Никулина; Московский педагогический государственный университет. – М., 2005. – 44 с.

6. Большой словарь русских поговорок. Москва : Олма Медиа Групп. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://dic.academic.ru/dic.nsf/proverbs/29443/%D0%9B%D0%BE%D0%B6%D0%BA%D0%B0>. – Дата доступа : 02.10.2020.

7. Захарова, М. А. Свойства терминологических фразеологизмов и особенности их функционирования в речи (на материале английской экономической терминосистемы) / М. А. Захарова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – Выпуск 26 (605), 2010. – С. 41–51.

8. English-Russian dictionary of expressions. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://translate.academic.ru/golden%20handshake/en/ru/>. – Дата доступа : 02.10.2020.

9. Попова, М. Г. Термины-словосъчетания (из области на товароподъемните и подъемно-транспортните машини) / М. Г. Попова. – София : Издателство на Българската академия на науките, 1985. – 208 с.

The article is devoted to the study of the formal-structural models of terminological phrasemes in the new Bulgarian and Russian economic terminology. Examples of the emergence of terminological phrasemes are given, as a result of the development of terminological meaning on the basis of already existing phraseological meaning, as well as those that arose on the basis of the transfer of meaning. The models of the formal structure of the two-component and the multicomponent terminological phrasemes are described.

Keywords: terminological phraseme, formal-structural models, economic terminology, Bulgarian, Russian.

УДК 801.82:070:37.091

А. Л. Стрижак

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ФРАЗЕМЫ ЛЮДИ ГОСУДАРЕВЫ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ БЕЛОРУССКИХ МАСС-МЕДИА

В статье рассматривается функционирование фраземы «люди государственные» в русскоязычных белорусских интернет-ресурсах «TUT.BY», «БЕЛТА» и «СБ. Беларусь сегодня», выделяются лексико-семантические варианты названного выражения, варианты их реализации в текстах современных масс-медиа.

Ключевые слова: интернет-ресурсы, масс-медиа, фразема, устойчивое выражение, дефразеологизация, семантика, контекст.

Социолингвистическая ситуация начала XXI вв. характеризуется значительным влиянием электронных СМИ на интерпретацию значимых для общества событий и, как следствие, на формирование аксиологической парадигмы носителей определенной лингвокультурной общности. Изучение особенностей функционирования оценочных фразеологических единиц в интернет-пространстве Беларуси приобретает особое значение с учетом усиления воздействующей функции современных масс-медиа, изменения характера оценочной модальности, появления в СМИ огромного количества выразительных средств, используемых для выражения позиции автора, издания либо интернет-ресурса. При этом публицистика не только оперативно отражает появление новой лексики в языке, формирует новые значения слов, относящихся к различным функциональным стилям, но и способствует фразеологизации свободных словосочетаний.

Источником фактического материала для настоящей статьи стали русскоязычные белорусские интернет-ресурсы «TUT.BY», «БЕЛТА» и «СБ. Беларусь сегодня». Следует отметить, что сбор и последующий анализ материала производился нами с учетом идеологической ориентации источников: порталы «БЕЛТА» и «СБ. Беларусь сегодня» позиционируют себя как государственные СМИ, в то время как «TUT.BY» является негосударственным масс-медиа.

В современной лингвистической литературе наблюдается тенденция к устойчивому разделению СМИ по критерию хорошее (демократическая пресса) / плохое (оппозиционная и «желтая», т. е. некачественная пресса) [1; 2; 3], или же аутентичное / неаутентичное. В основу подобной дифференциации положены в первую очередь стилистический и профессиональный критерии. Так, главным показателем «хорошего» ресурса является функционально-стилистика аутентичность текста, его соответствие

рамкам профессиональной этики [4], а для оппозиционных изданий характерно «преобладание интерпретации над информированием; фиксированный, заранее заданный характер оценок и другой концептуальной информации, не обладающей свойствами новизны; редукция фактологической информации» [2].

Предметом нашего рассмотрения станет устойчивое сочетание *люди государевы*, в целесообразности отнесения которого к сфере фразеологии нас убеждает тот факт, что «всякое языковое образование – каким бы оно по своему размеру, структуре и значению ни было – является фразеологизмом, если оно сверхсловно и воспроизводимо» [5, с. 127]. Очевидно, что любые словесные сочетания, возникая в процессе коммуникации, служат для номинации определенных областей действительности или для выражения отношения к ней. Закрепление в языке подобных сочетаний происходит в том случае, когда они удачно, с точки зрения общественной практики, выполняют эту задачу. В результате побеждают варианты «целесообразные для определенных условий общения, т. е. конкуренция – это закономерное явление, продиктованное коммуникативной целесообразностью» [6, с. 37].

Как показал анализ материала, фразема *люди государевы* ‘в России XIV–XVIII веков общее название лиц, обязанных нести военную или административную службу в пользу государства’ [7, с. 127] нередко используется в современных масс-медиа. Вместе с тем активное функционирование выражения *люди государевы* именно в негосударственном СМИ – интернет-портале «TUT.BY» показывает развитие названной фраземой большого числа новых значений, актуализацию широкой палитры семантических оттенков, что удачно сочетается с функционально-стилистической аутентичностью текста без нарушений рамок профессиональной этики.

Высокая диффузность семантики устойчивого выражения *люди государевы* позволяет данной фраземе реализовать разнообразные значения, актуализация каждого из которых происходит в зависимости от референтной ситуации. К числу самых распространенных текстовых реализаций фраземы может быть отнесена семантика ‘чиновники’ (8 контекстов): *Весь год государевы люди ревностно следили за уровнем рождаемости. И женщины не подкачали: в некоторых регионах чиновники даже отрапортовали о бейби-буме* («TUT.BY», 28 декабря 2007); или: *И опять крайними окажутся обычные жители нашего города, поверившие подписям государевых людей под инвестиционным договором, а теперь не имеющие средств кормить семьи* («TUT.BY», 30 октября 2012); сравн.: *Знаток человеческих душ Манихин уже тогда понимал: государевы люди не станут утруждать себя лишними хлопотами. За что, собственно, они впоследствии и поплатились. Аксиому «доверяй, но проверяй» еще никто не отменял* («TUT.BY», 14 августа 2015). Характерной особенностью функционирования фраземы в данном значении является инверсия компонентов устойчивого сочетания: *люди государевы* → *государевы люди*.

Следующая по численности группа контекстов (5 употреблений фраземы) представлена значением ‘те, кто подчиняется непосредственно руководителю страны’: *Мы же, так сказать, государевы люди и работаем в соответствии с инвестиционной программой, которую утверждает президент* («TUT.BY», 27 августа 2014); или: *Министр МВД Юрий Сиваков охотно шел на контакт с журналистами, постоянно подчеркивая: «Мы – люди государевы»* («TUT.BY», 21 сентября 2009); а также: *Взявшая слово Наталья Кочанова объяснила столь пристальное внимание государевых людей к внеочередной конференции ФХБ* («TUT.BY», 20 мая 2017).

Достаточно регулярно в современной белорусской интернет-журналистике у фраземы *люди государевы* реализуется значение ‘сторонники государственной идеологии’ (4 контекста): *Однако Манаев не исключает, что президента якобы могла поддержать половина электората благодаря многочисленной «глубинной» части из сел и малых городов, а также бюджетников и прочих «государевых людей», – пишет Андрей Елисеев*

(«TUT.BY», 5 октября 2020); или: *Наблюдательный совет по СМИ: пока только «государевы люди»*. Еще одним вопросом на сегодняшнем заседании ЦИК стало утверждение состава Наблюдательного совета по контролю за соблюдением порядка предвыборной агитации в СМИ («TUT.BY», 28 июня 2016); сравн.: *Эти события, по моему мнению, направлены против государственности Республики Беларусь. А я же – человек государев*. Поэтому когда узнал, что будет митинг в поддержку власти, президента, тут же предложил свое участие («TUT.BY», 3 сентября 2020), где происходит грамматическая трансформация главного компонента сочетания: *люди государевы* → *человек государев*.

К числу продуктивных значений устойчивого выражения *люди государевы* может быть отнесена семантика ‘люди, благополучие которых зависит от сохранения действующей власти’ (3 контекста): *С учетом членов семей эти новые «верхи» – «государевы люди», не просто лояльные, но кровно заинтересованные в нынешнем положении – сегодня включают в себя около миллиона человек* («TUT.BY», 23 июня 2019); *Как говорил вождь французской революции Жорж Дантон, революция – это 100 тысяч вакансий. Многие белорусские «государевы люди» эту максиму понимают шкурой и боятся, что эти вакансии – это их нынешние места службы* («TUT.BY», 15 июня 2020); или: *Это должностные лица, депутаты, руководители предприятий. В какую бы область ни отправился президент – встреча с активом обязательна. Именно на этих собраниях «людям государевым» Лукашенко говорит, что необходимо «сохранить», «сберечь», «не дать развалить»* («TUT.BY», 9 июля 2020).

Оставшиеся группы контекстуальных значений устойчивого выражения *люди государевы* немногочисленны (по 2 иллюстрации на каждое значение) и представлены следующими фрагментами:

- ‘те, кто преданно служит государству’: *При освоении космоса несравненно больших результатов, чем К. Э. Циолковский, добился С. П. Королев – сугубо государев человек. Тут тебе и в партию приняли с неснятой судимостью, и звезды, и известность – посмертная* («TUT.BY», 7 ноября 2012); или: *После ареста предпринимателя некий высокопоставленный работник ФСБ изложил свое понимание дела ЮКОСа: «Собственность надо раздавать государевым людям за службу, а не кому попало!»* («TUT.BY», 20 декабря 2013);

- ‘представители бюджетной сферы’: *А вот и сортировщики из «Коммунальника»? (Наверное.) Правда, лица... напоминают обитателей острова доктора Моро. Не может быть таких у государевых людей* («TUT.BY», 14 ноября 2012); а также: *Туда нужно направлять тех, кто хочет заниматься тренерским ремеслом, может им заниматься и кто адекватно воспримет этот период с зарплатой 1,3 миллиона. Вы все государевы люди и должны понимать ситуацию в стране* («TUT.BY», 3 февраля 2016);

- ‘военные’: *Вот только кто командовать будет, а кто – заряжать и вести машину? Понятно, не им решать, а тому, у кого уже нет никаких сомнений в том, что танкисты – самые надежные, как любил выражаться Юрий Сиваков, государевы люди* («TUT.BY», 1 декабря 2012); *Это государевы люди, которые закалены внутренней дисциплиной. Конечно, им очень волнительно, но они каждый со своим настроением* («TUT.BY», 2 ноября 2015).

Последнее значение, реализуемое фраземой *люди государевы* – ‘те, кто олицетворяет собой высшую государственную власть’, представлено одним контекстом: *Я патриарху сказал о том, что причины, с которыми вам потом частенько приходится разбираться, лежат в нас – государевых людях. Мы являемся порой причинами или теми, кто ускоряет процессы, в том числе и негативные* («TUT.BY», 15 октября 2018).

Особого внимания заслуживает прием дефразеологизации значения устойчивого выражения *люди государевы*, в основе которого лежит стремление пишущего реализовать механизм языковой игры: «...в основе языковой игры лежит стремление достичь

определенного эффекта эстетического воздействия путем нарушения нормативного канона восприятия языковых единиц, творческого нестандартного использования языковых средств» [8, с. 57]. Прототипом рассматриваемой фраземы является свободное словосочетание *люди государевы*, где главный компонент – агентив *государь* реализует семантику ‘глава монархического государства; царь, император’. Актуализация указанного значения происходит в следующих иллюстрациях: *Утром 10 августа директор школы пригласила меня в свой кабинет. Попросила снять белую ленточку с руки, подчеркнув, что учителя – люди государевы и на работе должны придерживаться государственной идеологии. Но я думаю иначе. Учителя – не государевы люди, а работники бюджетной сферы, которым платит не «государь»* («TUT.BY», 12 сентября 2020); или: *В массе наши чиновники воспринимают себя как «людей государевых» (часто слышал эту формулировку, и, замечу, не государственных – государевых!)* («TUT.BY», 13 мая 2011).

Дефразеологизация выражения *люди государевы* в следующей иллюстрации происходит благодаря его контекстному окружению: *У Лукашенко существуют две мощные опоры в обществе и государстве. Одна – его традиционный электорат «глубинной» Беларуси: жители сел и малых городов с невысоким уровнем образования. Другая – его новый электорат: так называемые «государевы люди» (силовики, чиновники) и приближенный «ко двору» бизнес* («TUT.BY», 4 октября 2020), где существительное *двор* реализует значение ‘в монархических странах: монарх, его семья и приближенные к ним лица’.

В государственных интернет-ресурсах Беларуси – «БЕЛТА» и «СБ. Беларусь сегодня» рассматриваемое выражение используется эпизодически и реализует лишь два из выделенных нами контекстуальных значений. Так, самой частотной реализацией выражения *люди государевы* является лексико-семантический вариант ‘военные’, наиболее близкий к значению свободного сочетания-прототипа данной фраземы: *«Мы готовим «людей государевых». В этом году решено сделать санаторий «ВИТА» местом постоянной «дислокации» российских и белорусских суворовцев на время летнего отдыха* («БЕЛТА», 28 августа 2008), где употребление устойчивого выражения в кавычках указывает на его инородность в текстовом пространстве; или: *Государевы люди: в Минске состоялось заседание «круглого стола» по теме социальной защиты военнослужащих* («СБ. Беларусь сегодня», 15 декабря 2014). Значение ‘сторонники государственной идеологии’ в государственных интернет-ресурсах Беларуси представлено лишь одной иллюстрацией: *На государственной службе, в министерствах и ведомствах должны быть идеологически выверенные – в лучшем смысле этого слова – служащие. По сути – государевы люди* («СБ. Беларусь сегодня», 13 января 2017).

Таким образом, сравнительный анализ функционирования фраземы *люди государевы* в русскоязычных белорусских интернет-ресурсах «TUT.BY», «БЕЛТА» и «СБ. Беларусь сегодня» показал, что в текстах негосударственного портала «TUT.BY» названное выражение реализует широкий спектр лексико-семантических вариантов и их смысловых оттенков, а также подвергается дефразеологизации значения. Вместе с тем употребление устойчивого сочетания *люди государевы* авторами государственных ресурсов «БЕЛТА» и «СБ. Беларусь сегодня» фрагментарно и достаточно шаблонно, что позволяет говорить о редукции оценочного компонента в ряде информационно-аналитических материалов названных масс-медиа.

Список использованных источников

1. Диева, Т. М. Социальные диалекты в современной российской прессе : (газеты «Завтра» и «Русский порядок») : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Т. М. Диева ; Российский гос. пед. ун-т. – СПб, 2001. – 20 с.
2. Какорина, Е. В. Отражение социальной дифференциации русского языка в современной прессе / Е. В. Какорина // Публицистика и информация в современном обществе : сб. ст. / Моск. гос. ун-т.; под общ. ред. Г. Я. Солганика. – М., 2000. – С. 34.

3. Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / отв. ред. Е. А. Земская. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 480 с.
4. Липатова, Е. Г. Лингвоэстетические особенности российской публицистики 1990-х гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. Г. Липатова ; Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2002. – 16 с.
5. Шанский, Н. М. Лексикология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М. : Либроком, 2009. – 312 с.
6. Костомаров, В. Г. Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной газетной публицистики / В. Г. Костомаров. – М. : Изд-во МГУ, 1971. – 268 с.
7. Грачёв, П. С. Военная энциклопедия / П. С. Грачев. – М. : Военное издательство, 2003. – Т. 7. – С. 520.
8. Гридина, Т. А. Языковая игра : стереотип и творчество / Т. А. Гридина. – Екатеринбург : УрГПУ, 1996. – 214 с.

The article examines the functioning of the phraseme “people sovereigns” in the Russian-language Belarusian Internet resources “TUT.BY”, “BELTA” and “SB. Belarus today”, the semantic variants of the phraseme “people sovereigns”, the variants of their implementation in the texts of modern mass media.

Keywords: Internet resources, mass media, phraseme, stable expression, defraseologization, semantics, context.

УДК 811.162.1'42'373.45:398.91(=161.1)

Я. Тарса

ТИШЕ ЕДЕШЬ, ДАЛЬШЕ БУДЕШЬ ГЛАЗАМИ ПОЛЯКОВ

Статья посвящена анализу употребления польскими интернет-пользователями русской поговорки «Тише едешь, дальше будешь». Анализ показал, что авторы высказываний знают происхождение этой поговорки, но неправильно понимают ее значение, что вызвано межъязыковой омонимией.

Ключевые слова: поговорка, заимствование, интернет-пользователь, межъязыковая омонимия.

Заимствования из русского языка в польском языке появлялись уже в XVII веке, но, как пишет Татьяна Тихомирова, «в основном русизмы – это принадлежность нового времени, они отмечаются в польском языке не ранее начала XIX в.» [1, с. 104]. Русизмы в польском языке особенно активизировались во время разделов Польши, так как в то время для части поляков русский язык стал государственным. Вторая большая волна русизмов вошла в польский язык после Второй мировой войны, что было связано политическими и экономическими изменениями. «Основным источником проникновения русскоязычной лексики или иного какого-либо влияния русского языка на польский надо признать язык средств массовой информации, язык публицистики, также личные контакты представителей обоих народов – военных, туристов и т. д.» [1, с. 106].

Влиянию русского языка на польский было уже посвящено много работ. Халина Карась проанализировала опубликованные на эту тему работы, методологию исследований, а также источники и критерии этимологизации русских заимствований [2]. Собранный ею материал показывает, что работы эти посвящены в основном лексическим и грамматическим заимствованиям, времени их проникновения в польский язык, употреблением в разных социо- и профессиональных сферах. Карась подчеркивает, что в исследованиях заимствований чаще всего используются словарные источники, в которых, как правило, нет примеров употребления. Кроме того, авторы словарей, руководствуясь

культурой речи, не всегда включают заимствования в словники. Что характерно, в работах, посвященных русизмам в польском языке, мало внимания уделяется фразеологизмам и пословицам.

До 90-х годов XX века поляки знакомились с русскими фразеологизмами, пословицами и крылатыми словами также на уроках русского языка, который был одним из обязательных предметов и в начальной, и в средней школе. Уже почти тридцать лет ограниченное количество поляков учит русский язык, СМИ не посвящают много внимания России, но устойчивые словосочетания, происходящие из этого языка, не исчезли из польского языка. Во-первых, они прочно вошли в него, во-вторых, языковые контакты продолжают существовать.

Настоящая статья является частью исследований, посвященных функционированию русских пословиц, поговорок, фразеологизмов, крылатых слов в польском Интернете. Как известно, большинство интернет-пользователей в Польше это молодые люди, которые уже не учили русский язык в школе. Однако оказывается, что в их высказываниях довольно часто появляются русские устойчивые словосочетания. Польские интернет-пользователи не всегда осознают их происхождение и не всегда правильно понимают значение, но русские пословицы, фразеологизмы и т. д. являются частью их лексикона. Настоящая статья посвящена только одной пословице – *Тише едешь, дальше будешь* и тому, как ее понимают, в каких контекстах употребляют интернет-пользователи. Пословица эта довольно часто цитируется интернет-пользователями в транскрипции и редко понимается правильно, а именно «Поспешай медленно, не торопясь, прежде чем что-нибудь сделать, подумай»:

1. Jest takie rosyjskie przysłowie «tiszе jediesz dalsze budiesz» (w wolnym tłumaczeniu «spokojniej jedziesz dalej zajedziesz») (https://www.cnc.info.pl/search.php?author_id=2400&sr=posts).

2. «Tiszе jediesz, dalsze budiesz», czyli «Ciszеj jedziesz, dalej zajedziesz». Dobra rada na dzisiejsze czasy Lucyny Ćwierczakiewiczowej (<https://www.facebook.com/oludziachpl/photos/tiszе-jediesz-dalsze-budiesz-czyli-ciszеj-jedziesz-dalej-zajedziesz-dobra-rada-/2452638624762776/>).

Даже автор высказывания, который цитирует эту пословицу на русском языке (правда, с орфографической ошибкой), тоже неправильно ее понимает и слово *тише* для него означает без лишнего шума, стараясь не привлекать внимания:

3. Rosyjskie przysłowie mówi: *тише едеш, дальше будеш* (tiszе jediesz, dalsze budiesz). Od 1989 roku, nastąpił jednak zwrot nawet w sprawie mądrości ludowych. Te rosyjskie porzucono, a na poznanie nowych już nie starczyło sił i zainteresowania. Tymczasem angielskie powiedzenie jest wielce podobne. *Good words and no deeds*, czyli: same piękne słowa, a czynów nie widać. [...] Wracając do rosyjsko-angielskiego przysłowia trzeba stwierdzić, że ciche spory, walki i wojny dają znacznie większe efekty niż otwarte, nawet najbardziej spektakularne protesty (<https://nettg.pl/news/77848/adam-maksymowicz-cicha-walka-o-wegiel-brunatny>).

Большинство примеров показывает, что поляки понимают слово *тише* в этой пословице именно не как ‘спокойнее’, а как ‘более тихо’:

4. «Tiszе jediesz, dalsze budiesz». «Ciszеj jedziesz, dalej zajedziesz» – ta pochodząca z języka (nomen omen!) rosyjskiego zasada powinna przyświecać także działaniom kontrwywiadu Sojuszu Północnoatlantyckiego (<https://dziennikpolski24.pl/nato-w-krakowie-ciszеj-jedziesz-dalej-zajedziesz/ar/12598928>).

5. «Tiszе jediesz, dalsze budiesz» – mówi rosyjskie przysłowie («*ciszеj jedziesz, dalej będziesz*»). Nie wiem jak by to było po śląsku, ale wiem, że idealnie oddaje sytuację spółki Spartaqs z Katowic (spartaqs.com), która dopiero od niedawna pojawia się częściej w mediach i szerzej – w przestrzeni publicznej (<http://www.swiatdronow.pl/spartaqs-studium-przypadku>).

6. PERYSKOP. Ciszеj jedziesz, dalej zajedziesz. Stare i mądre powiedzenie rosyjskie wzięło sobie do serca nasze częstochowskie SLD, i tak po cichu jadą już

ładnych kilka lat, a gdy czasem pod górkę trochę ciężiej, to z pomocą przychodzi oczywiście PO (<http://gazetacz.com.pl/peryskop-ciszej-jedziesz-dalej-zajedziesz23089/>).

В русском языке у этой пословицы значение «чем меньше поспешности в чем-л., тем лучше. Говорится в оправдание медлительности или осторожных, но настойчивых, целеустремленных действий» [3, с. 454]. В русско-польском и польско-русском словаре пословиц Рышарда Стыпулы есть два эквивалента – *Kto pomalu jedzie, ten dalej zajedzie* и *Pomalu (powoli) dalej zajdziesz (zajedziesz)* [4, с. 224]. Читая высказывания интернет-пользователей, можно заметить еще одно значение этой пословицы в польском языке: «быть покорным, быть конформистом»:

7. Przysłowie rosyjskie brzmi «Tisze jediesz, dalsze budiesz» i oznacza, że jeśli nie robisz zbyt wiele hałasu wokół swojej osoby, jeśli jesteś potulny, a przynajmniej sprawiasz takie wrażenie, nie narażasz się, nie zdradzasz się z własnymi poglądami - to dalej zajedziesz. Takie konotacje ma to przysłowie. To pochwała konformizmu. Przynajmniej tak jest odczytywane w Polsce jako typowe dla Rosjan konformistyczne zachowanie wobec władzy. Ale myślę, że można by to też odczytać jako pochwałę skromności (<https://polskatimes.pl/jak-uniesc-sukces-my-polacy-mamy-z-tym-klopot/ar/8966517/3>).

8. «Tisze jediesz, dalsze budiesz...». Ciszej jedziesz, dalej zajedziesz – mówi znane rosyjskie przysłowie. W ustrojach totalitarnych wtopienie się w tłum było jednym z warunków przetrwania (<https://motoryzacja.interia.pl/wiadomosci/producenti/news-magiczne-slowo-personalizacja,nId,2557283>).

9. Jak zachowalibyśmy się w godzinie próby? Ludzie czasem myślą, że, gdyby przyszło, co do czego, byłiby dzielni i postąpiliby godnie, tak jak postąpić należy. A potem jednak ulegają tchórzostwu, konformizmowi, wolą się nie wychylić, bo «tisze jediesz dalsze budiesz» (<https://stacja7.pl/wiara/porzucony-przez-uczniow/>).

Один из интернет-пользователей даже объясняет, что, хотя значение у этой пословицы «чем меньше поспешности в чем-л., тем лучше», поляки употребляют ее в значении «ласковый теленок двух маток сосет»:

10. Powiedzenie «tisze jediesz dalsze budiesz», choć faktyczne znaczy: «wolniej jedziesz, dalej dojedziesz», używa się w Polsce w znaczeniu: «ciszej jedziesz, dalej dojedziesz», inaczej mówiąc: «pokorne cielę dwie matki ssie», co przekłada się na odpowiednią praktykę (<https://stelsterbadminton.wordpress.com/2020/03/11/tisze-jediesz-dalsze-budiesz/>).

Интернет-пользователи осознают происхождение пословицы *Tisze ediesz, dalsze budiesz* и сигнализируют это метаоператорами «как говорят русские», «есть такая русская пословица», «как говорит русская пословица», «как говорят в России». Редко появляются высказывания, в которых нет никакого метаоператора и толкования (чаще всего неправильного) значения этой пословицы:

11. Może powinniśmy zdać sobie sprawę z podstawowej bariery kulturowej, której przełamanie warunkuje uwolnienie drzemiącego w nas potencjału. «Tisze jedziesz dalsze budiesz» słyszymy od najmłodszych lat (<https://innpoland.pl/blogi/grzegorznowaczewski/117137,tisze-jediesz-dalsze-budiesz-czyli-kulturowe-bariery-przed-rozwojem-polskiej-cyfrowej-gospodarki>).

12. Jest takie powiedzenie, którego niestety sam czasem nie stosuję. Ale uczę się. – Tisze jediesz, dalsze budiesz... (https://twitter.com/borekmati/status/1048159133550202880).

Собранный материал показывает, что пословица *Tisze ediesz, dalsze budiesz* является частью активного словарного запаса интернет-пользователей. Интернет-пользователи осознают ее происхождение и сигнализируют это метаоператором «как говорят русские», «как говорит русская пословица» и т. д., а также кавычками. Чаще всего она цитируется в транскрипции, а авторы высказываний приводят ее (чаще всего) неправильное значение. В польском языке эта пословица получила новое значение: «ласковый теленок двух маток сосет, т. е. лучше быть покорным, конформистом, громко не высказывать свое мнение».

В чем усматривать такое понимание пословицы *Tiше едешь, дальше будешь*? Наверное, влияние здесь имели ложные друзья переводчика – межъязыковые омонимы. Поляки переводят слово *ticho* как «сicho», т. е. как «более тихо, а не спокойно». Это не ошибка молодых людей, которые не владеют русским языком, а влияние близкородственных языков.

Список использованных источников

1. Тихомирова, Т. Судьбы русизмов в польском языке / Т. Тихомирова // Rosyjsko-polskie kontakty językowe, literackie i kulturalne; ред. S. Grzybowski, W. Choriew, M. Wołos. – М., 2011. – С. 100–114.
2. Karaś, H. Wpływ języka rosyjskiego na polszczyznę – stan i problemy badań / H. Karaś // Rozprawy Komisji Językowej ŁTN 2018. T. LXVI. – С. 185–218.
3. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – М. : Сов. энциклопедия, 1966. – 535 с.
4. Stypuła, R. Słownik przysłów rosyjsko-polski i polsko rosyjski / R. Stypuła. – Warszawa : Wiedza Powszechna, 1974. – 557 с.

This article is devoted to the analysis of the use of the Russian proverb by Polish Internet users: "We're getting it done, slowly but surely". The analysis showed that the authors of the statements know the origin of this proverb, but misunderstand its meaning, which is caused by an interlanguage homonymy.

Keywords: proverb, borrowing, Internet user, interlanguage homonymy.

УДК 811.161.1'367.4:398.9

Е. И. Тимошенко

К СЕМАНТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ОПИСАТЕЛЬНЫХ ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫХ ОБОРОТОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются описательные глагольно-именные обороты со значением изменения эмоционального состояния человека. Выявляются особенности их семантической организации: употребление в качестве грамматического центра глаголов со значением перемещения в пространстве, в том числе каузативных, и семантическая дублетность компонентов.

Ключевые слова: описательный глагольно-именный оборот, фразеологизм, состояние, семантика оценки, глагол движения, семантическая дублетность.

Под описательным глагольно-именным оборотом понимается такое сочетание глагола с именем существительным, в котором глагол десемантизирован и сохраняет лишь общее категориальное значение действия, а основная смысловая нагрузка приходится на имя существительное (типа *оказать влияние, дать обещание, нести ответственность* и т. п.). Некоторые языковеды относят описательные глагольно-именные обороты к фразеологическим; другие отводят им статус «особой категории семантически и синтаксически неделимых сочетаний слов» (поскольку они характеризуются меньшей твердостью лексического состава, чем фразеологизмы, и обнаруживают возможностьмены именного компонента в рамках определенного семантического класса) [1, с. 44]; третьи (например Н. Н. Прокопович) считают, что они обладают различной степенью близости к фразеологизмам и некоторые их типы должны рассматриваться как занимающие промежуточное положение между синтаксисом и фразеологией

[2, с. 48; см. также: 1, с. 43–44]. Такие обороты рассматриваются как проявление аналитизма в языке и определяются как «своеобразные «синтаксические слова» аналитической структуры» [2, с. 57].

Принято считать, что подобный оборот может быть заменен одним глаголом (часто однокоренным с тем существительным, которое употребляется в его составе), что доказывает его семантическую однокомпонентность и предполагает его синтаксическую квалификацию в предложении как простого глагольного сказуемого. А. И. Молотков указывает, однако, что такие конструкции возникали и развивались «не как лексический дублет глагола, а как грамматически более емкий прием характеристики глагольного действия. Например: можно сказать *одержать блестящую победу* и нельзя *победить “блестяще”* (?), можно *наносить огромный вред* и нельзя “огромно” (?) *вредить* и т. п.» [3, с. 15].

Общая категориальная семантика таких оборотов является типовой и может быть связана с выражением модальности волеизъявления (*иметь намерение, смелость, неосторожность*), обозначением действия (*вести диалог, переговоры, передачу*) и с обозначением состояния (*впасть в отчаяние, прийти в восторг*). Именно по поводу оборотов последнего типа, имеющих значение ‘приводить кого-либо или приходить самому в какое-либо состояние’ А. И. Молотков пишет, что «они находятся как бы на грани перехода во фразеологизмы, что объясняется их конструктивными особенностями и тематическими и лексическими особенностями групп глаголов и имен существительных, образующих такие словосочетания» [3, с. 15].

Тот факт, что глаголы, образующие обороты с семантикой ‘приводить кого-либо или приходить самому в какое-либо состояние’, употребляются в их составе в периферийных для своей семантической структуры значениях, очевиден, однако представляет интерес, глаголы каких именно лексико-семантических классов способны образовывать подобные обороты. Как показывают наблюдения, в описательных оборотах указанного типа возможны глаголы со значением обладания (*иметь, терять терпение*) и – наиболее часто – глаголы со значением перемещения в пространстве, в том числе каузативные. Остановимся на рассмотрении подобных оборотов подробнее.

К глаголам перемещения, выступающим в качестве структурного центра описательных оборотов со значением ‘приводить кого-либо или приходить самому в какое-либо состояние’, относятся *приходить (прийти), доходить (дойти), впасть (впасть), доводить (дойти), вгонять (вогнать)* и т. п. Прежде всего обращает на себя внимание такая особенность подобных глаголов, как наличие в их морфемной структуре приставок, имеющих значение приближения, присоединения, проникновения внутрь чего-либо. Сравн.: «**В...**, **ВО...**, **ВЪ...**, приставка. При образовании глаголов вносит значение направленности действия внутрь, в пределы чего-л.» [4, с. 10]. Предлог (и приставка) *до* в качестве основного также имеет пространственное значение: употребляется для обозначения места, предмета, являющихся конечным пунктом перемещения; семантика достижения конечного пункта в пространстве переосмысливается в результативную. Таким образом, вместе с семантикой корня семантика приставки отражает идею изменения: в основном значении – изменения положения в пространстве (перемещения), в переносном – изменения (приобретения) другого состояния. В ряде случаев, например в оборотах с глаголами *приходить (прийти), входить (войти), вводить (ввести)*, сочетаемость не обнаруживает каких-либо семантических ограничений: возможно сочетание глаголов как с существительными, называющими нейтральные состояния, так и с существительными, обозначающими положительно или отрицательно окрашенные состояния, сравн.: *прийти в норму, в возбуждение, в восторг, в умиление, в ярость, в уныние, в отчаяние, в исступление, в негодование, в недоумение; прийти в упадок, в ветхость; войти в дружбу, в моду, в употребление, в норму, в доверие, в милость, в разум, в (полную) силу, в амбицию, в раж; вводить в рамки, в русло, в границы, в заблуждение, в искушение, в смущение*; сравн. в контексте: *Перед*

началом работы я читаю написанное ранее, ввожу себя в ритмический строй рассказа (Федин) [4, с. 54] и т. п. Семантика предлога в таких оборотах дублирует семантику глагольной приставки.

В других случаях существенной особенностью, влияющей на формирование общей семантики описательного оборота, является специфика структуры лексического значения корня. Глаголы, обладающие семой каузативности, типа *доводить*, *вгонять* характеризуются сочетаемостью с существительными, называющими тяжелые, нежелательные внутренние, эмоциональные состояния человека. Сема каузативности в данном случае выступает как тождественная семе принуждения. Принудительность действия предполагает отсутствие желания, доброй воли субъекта к исполнению чего-либо и, разумеется, рассматривается им как отрицательное воздействие. Сема принуждения имеет место в структуре лексического значения как приставочных глаголов, выступающих в качестве грамматического центра рассматриваемых оборотов, так и производящих глаголов:

гнать. 1. Заставлять, понуждать идти, двигаться куда-л. 4. Заставлять, принуждать уйти, удалиться; прогонять, выгонять. *Гнать в шею, в три шеи, взащей*. Прост. Выгонять грубо, решительно. // Перен. Устар. Жестоко притеснять, подвергать гонениям, преследованиям [5, с. 161–162]; *вгонять*. Перен. Разг. Приводить в какое-л. состояние (обычно тяжелое, неприятное) (подчеркнуто нами. – Е. Т.) [4, с. 57]. Например: *вгонять в тоску, в страх, в дрожь, в слезы, в гроб, в краску, в могилу, в пот* и т. п. (сочетание *вгонять в краску* является собственно фразеологическим);

доводить. 1. Вести, помогать кому-л. дойти куда-л., доставлять кого-л. до какого-л. места. // Идя во главе, направляя движение, приводить куда-л. 4. Приводить в какое-л. состояние. Например: *доводить до изнурения, до слез, до крайности*; в составе собственно фразеологических оборотов: *доводить кого-л. до белого каления* ‘приводить в состояние исступления, полной потери самообладания’; *доводить до греха* ‘вынуждать кого-л. совершать что-л. предосудительное’; *доводить до ручки* (прост.) ‘ставить в крайне тяжелое, безвыходное положение’ [6, с. 295–296].

В оборотах с глаголами *впадать*, *ввергать* сочетаемость с названиями тяжелых эмоциональных состояний человека связана, по-видимому, с явлением семантического согласования (или синсемантической), в соответствии с которым в рамках синтаксической конструкции соединяются слова, имеющие общие семы. На это явление было указано Ю. Д. Апресяном, затем В. Г. Гаком [7, с. 279, 282, 284]. В переносных значениях указанных глаголов прослеживается так называемая ориентационная метафора: оба глагола в своих прямых значениях отражают действие, направленное вниз, а семантика низа применительно к жизни человека метафорически переосмысливается в представления о несчастье, нездоровье, нравственной низости – подлости, предательстве, о различных тяжелых внутренних состояниях. Сравн.: *впадать*. 4. Погружаться в какое-л. состояние, доходить до какого-л. положения (обычно тяжелого, трудного): *впадать в апатию, в забывчивость, в столбняк, в противоречия, в крайности, в лишения, в нищету*, (устар.) *впадать в слезы*; фразеологический оборот *впадать в младенчество, в детство* ‘терять рассудок, выживать из ума (от старости)’ [4, с. 514]. Глагол *ввергать* (*ввергнуть*) является каузативным и в современном русском языке имеет связанный корень. Производящий для него древнерусский глагол *ВРЕЩИ (ВЪРГОУ)* имел значения ‘бросать, кидать’, ‘повергать, поражать’ [8, с. 498–499]. Актуальным для современного языка является исторически переносное значение ‘вовлекать во что-л. (обычно неблагоприятное, предосудительное, опасное и т. п.) // приводить в какое-л. состояние (обычно неприятное, тяжелое и т. п.)’: *ввергать в отчаяние, в забывчивость, в тоску, в уныние, в одиночество* и т. п. [4, с. 49]. Подобные обороты обладают ярко выраженной отрицательной экспрессивной окраской. На основе приведенных наблюдений можно говорить о том, что в описательных оборотах с указанными глаголами наблюдается семантическая дублетность компонентов, возможно не всегда очевидная для современного языкового среза.

Таким образом, основными особенностями семантической организации описательных глагольно-именных оборотов со значением изменения состояния являются: употребление в качестве структурно организующего центра глаголов со значением перемещения в пространстве, в том числе каузативных, и семантическая дублетность компонентов. Употребление глаголов движения в роли грамматически главного компонента в подобных оборотах подтверждает положение о том, что исходными в основе осмысления мира носителями языка являются пространственные представления. Семантическая дублетность компонентов отражает одну из общих закономерностей построения синтаксических конструкций – синсемантичность составляющих их единиц.

Список использованных источников

1. Лекант, П. А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке : учеб. пособие для студентов филолог. специальностей пед. ин-тов / П. А. Лекант. – М. : «Высш. школа», 1976. – 141 с.
2. Прокопович, Н. Н. Об устойчивых сочетаниях аналитической структуры в русском языке советской эпохи / Н. Н. Прокопович // Мысли о современном русском языке : сборник статей под ред. акад. В. В. Виноградова. Сост. А. Н. Кожин. – М. : «Просвещение», 1969. – С. 47–57.
3. Молотков, А. И. Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания / А. И. Молотков // Фразеологический словарь русского языка; под ред. А. И. Молоткова. – М. : «Советская энциклопедия», 1967. – С. 7–23.
4. Словарь современного русского литературного языка : в 20 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред. К. С. Горбачевич. – 2-е изд., перераб. и доп. – Т. 2: В. – М. : Рус. яз., 1991. – 960 с.
5. Словарь современного русского литературного языка : в 20 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред. К. С. Горбачевич. – 2-е изд., перераб. и доп. – Т. 3: Г. – М. : Рус. яз., 1992. – 400 с.
6. Словарь современного русского литературного языка : в 20 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред. К. С. Горбачевич. – 2-е изд., перераб. и доп. – Т. 4: Д. – М. : Рус. яз., 1993. – 576 с.
7. Гак, В. Г. К проблеме семантической синтагматики / В. Г. Гак // Языковые преобразования: Некоторые аспекты лингвистической науки в конце XX века. От ситуации к высказыванию. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – С. 272–297.
8. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред. Р. И. Аванесов. Т. I: (а – възаконатиса). – М. : Рус. яз., 1988. – 526 с.

The article is devoted to descriptive verb-nominal turns with the meaning of changes in the emotional state of a person. The features of their semantic organization are revealed: the use of verbs with the meaning of moving in space, including causative ones, as a grammatical center, and the semantic doublet of components.

Keywords: descriptive verb-nominal turnover, phraseology, state, evaluation semantics, verb movement, semantic doublet.

УДК 811'42:398.9

В. О. Ульянова

ГЕНДЕРНІ ОСОБЛИВОСТІ ВІДОБРАЖЕННЯ АКСІОЛОГІЧНИХ ОРІЄНТАЦІЙ В УКРАЇНСЬКИХ ПАРЕМІЙНИХ ТЕКСТАХ

У статті аналізується специфічна система стереотипних уявлень українського етносу про сім'ю та сімейні цінності, що закріплені у паремійних текстах (приказки та прислів'ях); виявляються аксіологічні орієнтації щодо типових маскулінних та фемінних характеристик, зокрема й у гендерному аспекті.

Ключові слова: гендер, стереотипи, ментальність, маскулінність, фемінність.

Вивчення гендерних особливостей в ціннісних орієнтаціях є досить актуальним питанням, адже ціннісні орієнтації особистості розглядаються як система фіксованих установок, що зумовлює мотиви діяльності та поведінку людини в цілому. В свою чергу, мова фольклорної спадщини, презентуючи соціально санкціоновані гендерні якості, ролі і моделі поведінки, містить прескриптивно-нормативні настанови і є потужним фактором у формуванні / відображенні стійких асоціацій та упереджень, які, на відміну від тверджень, що мають свого автора (навіть авторитетного), практично не підлягають критиці і сприймаються аксіоматично. Високий рівень стереотипності фольклорних текстів як джерела закодованої гендерно диференційованої регуляції досягається за рахунок особливостей створення і функціонування народних творів (регулярність семантичних зв'язків фольклорного тезаурусу, стереотипність художніх засобів, текстова синонімія, нормативність оцінки, традиційність, типізованість, ідеалізованість образів, канонізованість рівня сюжету і композиції).

Відображення гендерних стереотипів у фольклорних текстах здійснюється за рахунок системи засобів вербальної реалізації аксіологічних орієнтирів лінгвокультури щодо соціально санкціонованих властивостей і поведінкових характеристик представників певного гендеру. Стереотипотвірні особливості реалізуються у фольклорних текстах на рівні лінгвостилістичної та структурно-семантичної організації. Ці тексти об'єктивують нормативні предметно-референтні ситуації, обов'язковими учасниками яких є *чоловік та жінка* і які несуть в собі аксіологічні орієнтири колективної свідомості української лінгвокультури.

Базовими компонентами культури є гендерні особливості двох опозицій «чоловік» і «жінка» [1, с. 425]. При цьому «об'єктом дослідження є переважно концепт жінка, який є маркованим, що відрізняється від норми, еталоном якої є чоловік» [2, с. 128].

Гендерно марковані фольклорні персонажі постають не як проста репрезентація референтів чоловічої та жіночої статі, а як соціокультурно детерміноване уявлення про чоловіка та жінку, їхні типові та бажані якості, моделі поведінки, соціальні ролі, що залучає весь спектр стереотипних асоціацій української лінгвокультури з «маскулінністю» та «фемінністю».

Стереотипне ставлення до представників різної статі, відображене в українських прислів'ях, формує образ типового чоловіка (сильного, владного, практичного, знаючого, керуючого, рішучого, рухливого, емоційно стриманого тощо) (напр., *Чоловікам на лопату бог сили поклав та ще й притоптав, а жінкам на вила та й то струсив; Чоловік у поле орать, а жінка руками махать*) та типової жінки (хорошої хазяйки, вродливої, вірної дружини), напр., *Як сорочка біла, то й жінка мила; Жіноча робота ніколи не лягає спати* [3]. Критикуються такі стереотипно жіночі якості, як балакучість, відсутність розуму, зла вдача, емоційна поверховість та практична непотрібність жіночої краси. У своїй більшості представлені тексти відображають ієрархічність стосунків чоловік – жінка при маскулінній позиції першості (напр., *Чоловікові мішок, а бабі черепок; Од господаря повинно пахнутину вітром, а од господині – димом*) [3].

Ряд висловів побудовано на оцінній дихотомії: *добра жінка – лиха жінка* з відповідними характеристиками. Іноді в це тематичне поле включається й чоловік: *Добра жінка мужеві слава, а лиха – згуба; За ледачим чоловіком жінка марніє, за хорошим – молодіє; Не шукай краси, а шукай доброти; Поганий на вроду, та гарний на вдачу; Гарна пава пером, а жінка норовом; Добра жінка мужеві своєму вінець, а зла – кінець; Краще камінь добати, чим лиху жінку навчати; Від сердитої жінки постарієш, а від доброї – помолодієш; Від огня, води і злої жони – боже борони!; Лучче їсти хліб з водою, чим жити з жінкою лихою* [4]. Народ **негативно оцінює лиху, злу, сварливу жінку**, бо в тому подружжі щастя не буде.

Ми звернули увагу на те, що серед українських приказок та прислів'їв зустрічається багато таких, що репрезентують **лад / нелад** у родині. Більшість з них демонструють гармонічне співіснування чоловіка і жінки: *Нащо й клад, коли в сім'ї лад; Живуть між собою, як голубів пара; Сім'я міцна – горе плаче!; Чоловік та жінка –*

одна спілка; З добрим подружжям і горе розгорюєш; Жона держить дом за три угли, а муж за четвертий; Чоловікові мішок, а бабі – горшок [3]. Такі приказки репрезентують **позитивне ставлення до міцного та щасливого сімейного життя**.

Запорукою щасливого сімейного життя українці вважали взаєморозуміння, обопільну повагу та добре ставлення один до одного: *Як чоловік жінку любить, то й лиха жінка доброю буде; Поможі боже нежонатому, а жонатому жінка допоможе* [5].

Специфіка української сім'ї дістала відображення в особливостях української національної психології. На перший погляд здається, що родинна ідеологія паремій відтворює традиційну модель «чоловік-хазяїн та жінка- домогосподарка», де чоловік головує, а жінці відводиться підпорядкована роль: *Куди голка, туди й нитка, куди чоловік, туди й жінка*. З іншого боку, усупереч наведеним твердженням визнається: *Чоловік у домі голова, а жінка – шия; Жінка за три угли хату держить, а чоловік – за один* [3]. На нашу думку, ці прислів'я підкреслюють важливість дружини в організації та покращанні сімейного життя: чоловікові потрібна сильна жінка, жінка-помічниця, жінка-порядниця, а не жінка-атрибут господарства.

Українці, таким чином, ще здавна вважали, що стосунки в родині повинні будуватися на визнанні рівноправності чоловіка і дружини, але головну відповідальність в сім'ї несе все ж таки чоловік. У прислів'ях засуджується вищість жінки над чоловіком, її диктат, недотримання традиційних ролей, коли *Іван носить плахту, а Настя булаву*. Народ сформував і уяву про те, як розподіляються обов'язки в сім'ї: дружина – хранителька домашнього вогнища, чоловік працює поза хатою (*Чоловікові – мішок, а бабі – горщик*) [3].

Для української ментальності характерна двоїстість, яка базується на поєднанні в ній західних і східних начал через те, що Україна знаходиться між Сходом та Заходом. Ця обставина зумовила химерне поєднання у світогляді українців західної (активно-раціоналістичної, індивідуалістичної, матеріалістичної) та східної (пасивно-споглядальної, спрямованої на вищі істини) ментальності [4, с. 123].

Важливими, на наш погляд, це протиставлення **розум / дурість, краса / некраса**. Ці дихотомії ми об'єднали з двох причин: по-перше, з давніх давен, українці вважали, що гарна людина має бути гармонічною гарною, тому в більшості випадків не відокремлювали такі риси; по-друге, ми, проаналізувавши весь матеріал, ми виявили, що ці характеристики демонструються у пареміях в різних комбінаціях: *На красивого чоловіка дивитись гарно, а з умним жити легко; На красиву жінку гарно дивиться, а з розумною гарно жить; Не шукай краси, а шукай доброти; Поганий на вроду, та гарний на вдачу* [3].

Зустрілися нам приказки, які застерігають жінок та чоловіків від шлюбу із дуже привабливими: *За гарного піди, гарне лихо буде; Біда – як жінка бліда, але ж лиха година, коли жінка – як калина!* [6].

Таким чином, загальноприйнятою була думка, що не краса, а інші якості малають забезпечити щасливе та спокійне подружнє життя. Зокрема, дуже **високо цінувалися** доброта, розум, моторність як у жінок, так і в чоловіків: *Не шукай краси, а шукай, доброти; Краще жінка сварлива, ніж дурна; Не біда, що чорна, аби проворна; Поганий на вроду, та гарний на вдачу; На красивого чоловіка дивитись гарно, а з умним жити легко* [3]. Серед рис, які необхідні і жінкам, і чоловікам, називалися правдивість і щирість, чесність і благородство, хазяйновитість, прагнення мати дітей і виховувати їх, рішучість і відважність у боротьбі за сімейне щастя. Коли йдеться про дівчат, то поцінювалися ще й честь та цнотливість: *Пряди, дівко, не лінуйся, а з хлопцями не балуйся; Честь дівоче щастя береже* [6].

За результатами проведеного дослідження можна стверджувати, що образ жінки висвітлюється, з одного боку, як образ слабкої та витонченої істоти, яка не здатна приймати самостійні рішення і робити осмислені вчинки: а з іншого – жінка постає як господиня, емоційна натура, яка чутлива до краси і, водночас, є її втіленням: *Жона держить дом за три угли, а муж за четвертий; Гарна пава пером, а жінка норовом* [3].

Балакучість жінки здавна отримала негативне забарвлення в прислів'ях: *Жінці іще мовчанка ніколи не нашкодила; Сорока – жіноча розмова* [3]. Українські приказки підкреслюють нездатність жінки зберігати таємниці: *Жінка хіба те утає, чого не знає* [6]. Вважається, що жінки часто змінюють свої рішення: *Жіноча думка і вітер часто змінюються* [3].

Значна кількість прислів'їв з негативною оцінкою стосується характеру жінок; зображується їх підступність, лютість та брехливість: *Добра жінка мужові своєму вінець, а зла – кінець; Краще камінь довбати, чим лиху жінку навчати; Від сердитої жінки постарієш, а від доброї – помолодієш; Від огня, води і злої жони – боже борони!; Лучче їсти хліб з водою, чим жити з жінкою лихою* [3].

Отже, аналіз українських приказок демонструє **позитивну оцінку у маскулінних образах** таких якостей, як *розум, рішучість, хитрість, незалежність та працездатність*; для **фемінних образів** релевантними є характеристики *краси, турботи*. Аксіологічна оцінка діяльності представників протилежних статей утворюється бінарною опозицією, де *активність* є маскулінною властивістю з **позитивною оцінкою**, **позитивною** ж фемінною характеристикою є *пасивність*. Ця аксіологія напряду залежить від локалізації їх діяльності в плані «**сім'я – зовнішній світ**»: статус жінки в сфері сімейного життя прямо пропорційний положенню чоловіка у суспільстві.

Фольклорні образи жіночої референції орієнтують жінку на виконання стереотипної ролі *берегині домашнього вогнища, матері, дружини*. Така роль, наділяючи жінку позитивними рисами відданості, піклування, водночас обмежує її діяльність сімейно-побутовою сферою.

Таким чином, відображення представників різної статі робить внесок у формування стереотипно позитивного образу типового чоловіка як соціально активного, сильного, владного, практичного, обізнаного, керуючого тощо та типової жінки – вродливої, слухняної та пасивної за межами сім'ї. У прислів'ях об'єктивується система родинних цінностей українського народу, найважливішими з яких є міцна сім'я, створена на основі взаємного кохання; рівноправність, взаєморозуміння та повага у шлюбі; працелюбність, розум і добрий характер у чоловіка та дружини; діти; мати – Берегиня домашнього вогнища; взаємодія з іншими членами роду.

Список використаних джерел

1. Бессонова, О. Л. Оцінний тезаурус англійської мови: Когнітивний і гендерний аспекти : автореф. дис. ... д-ра. філол. наук : 10.02.04 / О. Л. Бессонова ; Київськ. нац. ун-т. – К., 2003. – 39 с.
2. Ефимов, А. И. Стилистика художественной речи / А. И. Ефимов. – 2-е изд. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1961. – 519 с.
3. Народ скаже – як зав'яже : Українські народні прислів'я, приказки, загадки, скоромовки / упорядник Н. С. Шумада. – К. : Веселка, 1985. – 173 с.
4. Сукаленко, Т. М. Гендерні аспекти комунікації [Електронний ресурс] / Т. М. Сукаленко, О. О. Новохатько. – Режим доступу : <http://eprints.kname.edu.ua/43385/1/284-291.pdf>. – Дата доступу : 24.09.2020.
5. Фразеологічний словник української мови [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://slovoedia.org.ua/49/53404-0.html>. – Дата доступу : 24.09.2020.
6. Пазяк, М. М. Українські прислів'я та приказки / М. М. Пазяк. – К. : Наукова думка, 1984. – 203 с.

The article deals with a specific system of stereotypes of the Ukrainian ethnic group about the family and family values, which are enshrined in paremic texts (proverbs and sayings; axiological orientations regarding typical masculine and feminine characteristics, including in the gender aspect, are revealed.

Keywords: gender, stereotypes, mentality, masculinity, femininity.

И. Г. Урбанович

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ-НЕОЛОГИЗМЫ В ПРОИЗВЕДЕНИИ Ф. ИСКАНДЕРА «САНДРО ИЗ ЧЕГЕМА»

В статье рассматривается феномен окказионального словообразования, который определяется как трансформирующими возможностями фразеологизмов, так и контекстной зависимостью. Одним из механизмов возникновения окказиональных фразеологизмов является создание по существующим моделям, замена лексического компонента, дополнительная семантизация и т. д.

Ключевые слова: окказионализм, фразеологизм, трансформация, неологизм, дополнительная семантизация.

Фазиль Искандер – классик советской литературы, чье творчество посвящено описанию определенной советской эпохи не только целой страны, но и жизни абхазского народа, волею судеб вовлеченного в события исторической ломки и становления государственности.

Произведения писателя отличаются индивидуальностью стиля, одним из средств создания авторского видения действительности является трансформация фразеологических единиц. Фразеологическая трансформация в произведении «Сандро из Чегема» (122 единицы) представлена следующими способами:

1) Замена одного из лексических компонентов (50 единиц). При этом наблюдается:

- замена двух лексических компонентов, введение добавочного компонента, призванного конкретизировать факт, при сохранении структуры и общего значения (2 единицы): *жизнь держится на алкогольной ниточке; одной ногой быть там;*

- замена одного из лексических компонентов (48 единиц): *болтать чушь; больной зуб; взять на бога; время.. великий лекарь; вся Абхазия у тебя в кармане; входить в азарт, в самозабвение труда; вытянуть ноги; глаз охотничий; духовная баланда; застукать на месте преступления; извести до смерти; из-под земли вытащить; из-под земли раздобыть; ирония истории; как верная свинья; как врытая; козлиная голова; корни протянуть; лопнуть от достатка; мозги лечить; на веревке не затащишь; надорвать терпение; нам не страшен скорпион; насмерть усесться; незлопамятные времена; отдать справедливость; отразиться рикошетом; пальцы покушаешь; переступить границу; под балдой; подхлестывать на подвиги; получилась осечка; последняя соломинка; прийти в свирепость; прикрыть глаза; прикусить сердце; припереть к тупику; пытать судьбу; с места в галоп брать; сгрести в одну кучу; слепые духом; сотрясение черепа; тамада всех времен и народов; толстая печень; третейский судья; тыквенная голова; утолять душу; цела и здорова.*

Например: во фразеологизме *взять на бога* происходит замена компонента: *на арапа* → *на бога*, что приводит к созданию контекстуального фразеологического синонима: *Все же три раза стреляю в асфальт, чтобы **взять их на бога**, и теперь даю драпака* («Сандро из Чегема»).

2) «Расщепление» фразеологизма (20 единиц). Процесс сопровождается:

- введением добавочного компонента, призванного конкретизировать факт, при сохранении структуры и общего значения: *без всякого внешнего повода; без всякой пользы для дела; биты и потасканы жизнью; влачить слабоумное существование; выносить сор из избы... мелкий сор; гореть меж двух огней; дело моих обычаев; ехать во глубину сибирских руд; загнать в моральный тупик; красиво сорить деньгами; лить воду не совсем на ту мельницу; мелкий здравый смысл; на деле и растак и разэтак; не из слишком робких; недоблудивший блудный сын; по доброй старой памяти;*

причислить к лику революционных святых; пустой номер, кислородский воздух; света божьего невзвидеть; срывать смутную злобу.

Например: добавочный компонент во фразеологизме *недоблудивший блудный сын* конкретизирует факт и дает характеристику поведенческой деятельности героя: *При тихий дядя Сандро сидел рядом с отцом, как **недоблудивший блудный сын**, загнанный обстоятельствами в родной дом и вынужденный пребывать в застольном смиренности* («Сандро из Чегема»).

3) Полное разрушение грамматической конструкции фразеологизма и использование его отдельного лексического компонента в изолированном виде с последующим расширением состава (10 единиц): *всему приходит срок; девочку строить не надо; душа опустилась в желудок; душа поперек горла; золотой гвоздь; не забудь за меня словечко; пока рок не занес карающую руку; рок заносит неумолимую руку; суесловное употребление; такие номера не кушаем.*

Например: наблюдается использование отдельной лексемы в изолированном виде с последующим расширением состава фразеологизма: *номер не пройдет→такие номера не кушаем: Он снова садится на свой стул, кладет голову на подоконник и фантазирует храп. Ну, думаю, **такие номера** мы **не кушаем*** («Сандро из Чегема»).

4) Дополнительная семантизация (9 единиц): *выйти из строя* (в значении 'перестать быть любовником'); *золотой дождь* (в значении 'цыплята', цветовая аналогия); *лишний рот* (в конструкции *совесть – лишний рот*); *напрасный труд* (вынесение фразеологизма в название организации); *принять за чистую монету* (в значении 'за искреннюю благодарность'); *рука руку моет* (в значении 'линия поведения / образ, склад жизни'); *сидеть сложа руки* (в значении 'думать'); *старая дева* (в значении 'всегда оставаться трусостью'); *хрустальная душа* (в значении 'невзяточник').

Например: *старая дева* (в значении 'всегда оставаться трусом'): *И не надо говорить, что трусость – это храбрость в девичестве. Такому девичеству быть в **старых девах*** («Сандро из Чегема»).

5) Создание нового фразеологизма по существующим моделям (9 единиц): *в расцвете сил; возвращать с мифических высот; есть спина; как за большой крепостью; мяться в мою пользу; напечатано судьбой; написано в книге судьбы; не таких китов гарпунил; сам кушает и им дает кушать.*

Например: по аналогии с фразеологизмом *живи и жить давай другим* создается авторский фразеологизм: *И он видит все, что они говорят, что они думают и куда поворачивают. Нет, кушать дает. **Сам кушает и им дает кушать*** («Сандро из Чегема»).

6) Использование фразеологизма для перенесения действия, присущего человеку, на животных (5 единиц): *знать себе цену; знать толк; как неприкаянный; с перцем; тыкать в глаза.*

Например: *То бродил **как неприкаянный** (о буйволе) по котловине Сабиды, то нарочно заходил в самые колючие дебри, чтобы колючки, больно оцарапывая шкуру, заглушали внутреннюю боль* («Сандро из Чегема»).

7) Варьирование грамматических особенностей фразеологизма (5 единиц): *вводиться в гиблые заблуждения; выкинуть коленца; газетный волчонок; легкость на ногу; после зрелых раздумий.*

Например: варьирование грамматических особенностей при замене одного из лексических компонентов наблюдается у фразеологизма: *морской волк→газетный волчонок: – Ограничь свою задачу, – сказал я ему, уже будучи **газетным волчком**, – помощью молодым талантливым писателям* («Сандро из Чегема»).

8) Эллипсис (4 единицы): *в целости; громом среди ясного неба; до поры; с неба свалиться.*

Например: *в целости и сохранности→в целости: Если они вернут нашу девочку **в целости** – пириество будет в самый раз* («Сандро из Чегема»).

9) Инверсия составных частей (3 единицы), которая может сопровождаться:

• варьированием грамматических особенностей одного из компонентов: *дело не из легких*;

• «расщеплением» фразеологизма, введением добавочного компонента, призванного конкретизировать факт, при сохранении структуры и общего значения: *сгущаются районные тучи*;

• заменой лексических компонентов: *ни пером описать, ни языком рассказать*.

Например: наблюдается инверсия составных частей и «расщепление» фразеологизма при введении добавочного компонента. Фразеологизм дан в значении ‘недовольство районного начальства’: *Последнее обстоятельство не давало возможности пренебречь ухом мальчика как классово чуждым, и над темпераментным ботаником стали сгущаться районные тучи* («Сандро из Чегема»).

10) Создание авторского фразеологизма (2 единицы): *комплекс Пизанской башни; комплекс несовместимости с начальством*.

Например: созданный авторский фразеологизм *комплекс несовместимости с начальством* употреблен в значении ‘нетерпимость / неуживчивость’: *По-видимому, кроме всех остальных прелестей тюрьма еще развивает в человеке комплекс несовместимости с начальством* («Сандро из Чегема»).

11) Обыгрывание фразеологизма – использование переносного значения в прямом (2 единицы): *божий дар; выпить кровь*.

Например: происходит использование переносного значения фразеологизма *божий дар* в прямом значении ‘подарки’: *Нередко по дороге попадались ребятишки и тогда им из машины бросали конфеты и печенье. Дети кидались собирать божий дар* («Сандро из Чегема»).

12) Использование фразеологизма, обозначающего действие, присущее животным, для передачи действия человека (1 единица): *делать стойку*.

Например: *Я как только ее увидел, сразу стойку делаю: красуля – ни пером описать, ни языком рассказать* («Сандро из Чегема»).

13) Использование образа (1 единица): *Дон Кихоты всего мира, по коням!*

Например: используется образ известного героя при трансформации лексической структуры фразеологизма: *пролетарии*→*Дон Кихоты*; *соединяйтесь*→*по коням*. Фразеологизм дан в значении ‘альтруисты / романтики’: *Культура должна опередить цивилизацию и возглавить племя людей. Возможно ли? Не будем унывать. Дон Кихоты всего мира, по коням!* («Сандро из Чегема»).

14) Изменение звуковой оболочки одного из слов (1 единица): *десять очей*.

Например: *очков*→*очей*: *Старику под восемьдесят лет, но нам, молодым, десять очей вперед даст, потому что каждое утро пьет стакан свежесубойной крови* («Сандро из Чегема»).

Выявленные трансформационные процессы передают авторскую специфику толкования фактов и явлений, характеристики героев, стремятся создать ассоциацию, семантически замещающую узуальную. Данные процессы неизбежны в художественной литературе и являются индивидуальной чертой стилистической системы писателя.

Список использованных источников

1. Искандер, Ф. Сандро из Чегема... / Ф. Искандер. – М. : Время, 2005. – (Собрание). – 1, [гл. 1–11]. – 2005. – 684 с.
2. Искандер, Ф. Сандро из Чегема... / Ф. Искандер. – М. : Время, 2005. – (Собрание). – 2, [гл. 12–21]. – 2005. – 700 с.
3. Искандер, Ф. Сандро из Чегема... / Ф. Искандер. – М. : Время, 2005. – (Собрание). – 3, [гл. 22–32]. – 2005. – 668 с.

The phenomenon of occasional word creation is determined by transforming possibilities of phraseological units as well as contextual dependance. One of the mechanisms of occasional phraseological units' occurrence is creating by using existing models, replacement of the lexical component, additional semantisation, etc.

Keywords: occasional word, phraseological unit, transformation, neologism, additional semantisation.

УДК 811.161.3`25`373:398.9

К. Л. Хазанова

АБ ПЕРАЎЗНАЎЛЕННІ ФРАЗЕАЛАГІЧНАГА ЛАДУ Ў ПЕРАКЛАДЗЕ, АБО ВУЧЫМСЯ Ў КЛАСІКАЎ

Супастаўленне ідыяматыкі перакладу Я. Купалы п'есы Е. Жулаўскага з арыгіналам на польскай мове паказала творчае стаўленне да іншамоўнага арыгінала. Я. Купала напоўніў перакладны варыянт беларускім нацыянальна-моўным кампанентам, што наблізіла твор да беларускага чытача і спрыяла трываламу ўваходжанню перакладнога твора ў беларускую літаратурна-моўную традыцыю.

Ключавыя словы: пераклад, арыгінал, фразеалагізм, фальклор, эквівалентнасць, стылістычная адпаведнасць.

Дваццатыя гады ХХ ст. сталі для беларускай культуры часам росквіту і інтэнсіўнага ўдасканалення, што адбілася ва ўсіх культурных галінах. Беларусізацыя і перавод на беларускую мову адукацыі стымуляваў шпаркае развіццё мовазнаўства, значная актывізацыя назіраецца ў беларускай літаратуры тых часоў, удасканалваецца прафесійны беларускі тэатр.

Пра станаўленне ў сусветным кантэксце сведчыла з'яўленне ў беларускай літаратуры дваццатых гадоў ХХ ст. розных па ідэйна-тэматычнай і жанрава-стылявой накіраванасці твораў. Пісьменнікі, якія ў дваццатыя гады ХХ ст. ужо адносіліся да класікаў, таксама звяртаюцца да творчых эксперыментаў у жанравых адносінах. Янка Купала выпрабоўваў свае перакладчыцкае майстэрства ў працэсе стварэння беларускамоўнага тэксту фантастыка-алегарычнай драмы польскага пісьменніка і драматурга Ежы Жулаўскага “Эрос і Псіха”.

Цікавае выклікае падыход беларускага перакладчыка да фразеалагічнага ладу польскага арыгінала. Вядома, што перакладаць фразеалогію практычна немагчыма. У працэсе падрыхтоўкі іншамоўнага тэксту можна казаць хіба толькі пра пераўзнаўленне фразеалагічных адзінак арыгінала і пра спробу перакладчыка прапанаваць чытачам-носьбітам мовы перакладу больш-менш роўнакаштоўныя ў семантычных і стылістычных адносінах моўныя адзінкі.

Прыгадаем, што для мастацкага перакладу найбольш важным уяўляецца ўзнаўленне вобразнасці арыгінала. Гэта вымагае ўліку стылявых, выяўленчых і экспрэсіўных функцый мастацкіх сродкаў тэксту.

Выбар Я. Купалам-перакладчыкам беларускіх моўных сродкаў для адпаведнікаў фразеалогіі польскага арыгінала абумовілі семантычны, структурны і стылявы крытэрыі. У многіх выпадках падчас творчай працы над перакладам беларускі паэт імкнуўся да надзялення тэксту перакладу беларускім нацыянальна-культурным кампанентам: *Sroki mogą sobie skakać do woli* [1, с. 11] – *Сарокі могуць скакаць сабе, колькі ўлезе* [2, с. 58]; *Echu rzysać pieśni jako pragne!* [1, с. 9] – *Кідаць водгулю песні без ліку!* [2, с. 56]. Падставай перакладчыцкіх замен у прыведзеных радках стала семантыка (‘вялікі памер’)

і стылістычная характарыстыка фраземы. Унутраны вобраз і структурная мадэль беларускіх фразеалагізмаў, прапанаваных Я. Купалам за адпаведнікі польскіх выразаў, адрозніваюцца.

У перакладчыцкай творчасці з іншымі радкамі беларускі перакладчык абапіраўся на стылістычныя адценні тэксту і ўлічваў пазалінгвістычныя фактары. Пры параўнанні радкоў польскага арыгінала і беларускага перакладу магчыма выявіць разыходжанні функцыянальна-стылявых разрадаў фразеалагічных адзінак: *Przy stole rzymskiego prefekta wznosicie okrzyk* [1, с. 47] – *У застоллі рымскага сеўшы прэфекта, Б’іцё віваты* [2, с. 83]. У сэнсавых адносінах неабходна канстатаваць падобнасць выразаў *wznosić okrzyk* і *біць віваты* ‘вітаць’. Адсутнічаюць адрозненні таксама ў сінтаксічнай будове выразаў. І ў польскім арыгінале, і ў беларускім перакладзе прапанаваны дзеяслоўны выраз з залежным назоўнікам. Аднак функцыянальна-стылявая афарбоўка разнамоўных адпаведнікаў адрозніваецца. Фразема арыгінала *wznosić okrzyk* мае кніжную афарбоўку. Такі кантэкст падказваў перакладчыку за адпаведнік кніжную фразему з лацінізмам у складзе: *біць віваты* – *wivat* ‘няхай жыве’. Варыянт, пададзены перакладчыкам, мае падставай сітуацыю, апісаную ў арыгінале. Гаворка, нагадаем, ідзе пра дзеянні рымскага прэфекта, што стварае арганічнае ўваходжанне слоў лацінскага паходжання ў моўную тканіну перакладнога твора.

Я. Купала ў працэсе творчасці па пераўзнаўленні польскай фантастыка-алегарычнай драмы імкнуўся пазбегнуць калькавання, хаця яно часам і сустракаецца. Перакладчык-творца, беларускі паэт і драматург звяртаўся да лексіка-структурных трансфармацый, калі адзінкавае слова арыгінала знаходзіла за адпаведнік у беларускім перакладзе фразеалагічную адзінку. Цікава, што ў такіх выпадках у перакладны тэкст прыцягваюцца зніжаныя лаянкавыя фраземы: *Biegaj jeno żwawo i przynieś kosze* [1, с. 10] – *Бяжы, каб ця звадка! Ёй цягні кашолкі* [2, с. 56]. Выраз з адмоўнай ацэнчнасцю стаў варыянтам перакладу стылістычна нейтральных слоў. Фразеалагічны выраз перакладу меў дастаткова высокі эмацыянальна-экспрэсіўны зарад, на які паўплывалі нерэальнасць унутранага вобраза, міфалагічнае паходжанне (*звадка* ‘хвароба’) і прастамоўная афарбоўка фраземы. У той час як акалічнасць, выражаная прыслоўем арыгінала, толькі ўказала абставіны дзеяння. Фразеалагічны выраз перакладу адлюстравваў эмоцыі гаворачага, перадаў неадабрэне і асуджэнне бяздзейнасці аб’екта гаворкі.

Неабходна канстатаваць, што ў мастацкім творы даволі часта фразеалагічныя адзінкі з’яўляюцца своеасаблівымі паказчыкамі сацыяльнага статусу персанажа, чые вусны прамаўляюць выраз, адметнымі ідэнтыфікатарамі маўлення героя. У такіх выпадках наяўнасць у перакладзе фразеалагічных адзінак, закладзеных у мову персанажа, становілася яго трапнай візітоўкай, дзейным сродкам індывідуалізацыі мовы: [Laida]: *I co ci [Charmjonowi] o niego [Arystosa]!* [1, с. 60] – [Ляіда]: *На які чорт ён [Арыстос] табе [Харміёну]!* [2, с. 95]. Прастамоўны выраз з грубавата-зніжаным зместам адлюстравваў і выпукла выявіў рэзкасць і вульгарнасць персанажа. Разам з тым пераклад захаваў семантычную эквівалентнасць арыгіналу.

За кошт фразеалагічных адзінак беларускі нацыянальны каларыт атрымалі і іншыя перакладныя радкі: *nie spojrzysz [Psyche] nawet na twoje służebne* [1, с. 7] – *не кінеш вокам [Псіха] на слуг* [2, с. 53]. Лексема *spojrzeć* ‘глянуць, зірнуць’ і фразеалагізм *кінуць вокам* ‘паглядзець’ семантычна амаль роўныя. Фразеалагізм, даданы Я. Купалам у перакладны беларускі тэкст, надаў большую эмацыянальнасць і экспрэсіўную насычанасць за кошт алагічнасці і сэнсавай несумяшчальнасці. Акрамя таго, фразема выканалі функцыі маўленчай характарыстыкі.

Выразнасць перакладнога беларускага тэксту дасягалася Я. Купалам таксама дзякуючы ўвядзенню іншых фразеалагізмаў у якасці адпаведнікаў нефразеалагічных адзінак: *pije się z nimi [grekami] przyjemnie i gładko* [1, с. 57] – *п’ецца з імі [грэкамі] са смакам і гладка* [2, с. 92]. Двухпланаванасць і паралелізм значэнняў узніклі пры ўжыванні

выразу *са смакам* ‘смачна’, разам з наданнем неўласцівай яму семантыкі ‘добра, радасна’. Кантэкст дадаў да першаснай семантыкі другасную, вытворную, не знішчыўшы асноўную.

Пры разглядзе фразеалагічных адзінак як сродкаў стварэння нацыянальна-культурнага кампанента мовы мэтазгодна прыгадаць і пра сакавітыя, яскравыя слоўцы, уласцівыя многім беларускім фальклорным творам і ўдала і дарэчна выкарыстаныя Я. Купалам у працэсе пераўзнаўлення сродкамі беларускай мовы драмы Е. Жулаўскага.

Выхапленыя са скарбніц самай народнай гушчыні, такія словы садзейнічаюць лепшаму ўваходжанню перакладнога тэксту ў беларускі дыскурс: *Jak was spodlila niewola* [1, с. 46] – *Як вас няволя збыдлячыла* [2, с. 83]. Дзеяслоў *збыдлячыць* сваёй мудрагелістасцю і забаўнасцю пераўзыходзіць польскае *spodlić* ‘разбэсціць’, ‘зрабіць подлым’. Эквівалентнасць арыгінала і перакладу дасягаецца не толькі за кошт падобнасці семантыкі суадносных слоў, але і праз аднолькавасць словаўтваральных мадэляў лексем арыгінала і перакладу. Аднакарэнны з названым дзеясловам прыметнік *podły* ў перакладзе набыў таксама аўтарскі перакладчыцкі адпаведнік: *Arystos* [do Filosafo]: **Podły!** [1, с. 56] – *Арыстос* [да Філософа]: **Нікчэмнік!** [2, с. 92]. Перакладчык абраў лексему, якая, на яго думку, больш за ўсе іншыя варыянты (субстантываваны прыметнік *подлы* ці грубае, лаянкавае *падлюга*) адпавядала сітуацыі.

Неабходна заўважыць, што паказаныя слоўцы адносяцца да каштоўных каменьчыкаў у скарбніцах жывой народнай лексікі. Я. Купала надзвычай чуйна ўспрымаў мову роднага краю і атаясамліваў лексічныя адметнасці беларускай гаворкі са створанымі ў мастацкім тэксце псіхалагічнымі абставінамі. Яшчэ раз заўважым, што некаторыя спецыфічныя беларускія лексемы сталі, па волі перакладчыка, асноўным сродкам моўнай характарыстыкі персанажаў твора. Адмоўны персанаж п’есы, парабак Блякс, ужыў выраз: *W ślepią mnie [zorza] razi* [1, с. 19]. У перакладзе адшукваецца стылістычна адпаведны варыянт: *Ў зеркачы мяне [зорка] разіць* [2, с. 64]. Для стылявой адэкватнасці арыгінала і перакладу Я. Купала прыцягнуў беларускае размоўнае слова *зеркачы* ‘вочы’, што падкрэсліла іранічнасць выказвання.

Эмацыянальна-экспрэсіўная афарбоўка прысутнічала ў іншых рэпліках названага персанажа, якія для перакладчыка важна было перадаць беларускай мовай з апорай не на семантыку лексем, а на іх стылістычнае значэнне. Сялянку Гагну, службовую дзяўчыну Псіхі, Блякс назваў *dzierlatka* [1, с. 20] ‘чубатка’. Вобразна-метафарычная намінацыянасць (‘дзяўчына-падлетак’, ‘гарэза’) моўнай адзінкі за кошт другаснай семантызацыі стала грунтам перакладу *dzierlatka – сарока* [2, с. 64]. Эраса Блякс у арыгінале польскай п’есы назваў *chłystek* ‘юнак’, ‘прайдзісвет’: *jakieś chłystek gładki o cienkich tydkach i jak gęs skrzydlaty grucha sobie z krolewną!* [1, с. 28]. Канатацыя польскага наймення *chłystek* была ўлічана ў перакладзе: *нейкі гладкі блазнюк з тонкімі лыткамі і, як гусак крылаты, зюзюкае сабе з каралеўнай!* [2, с. 71]. Слова *блазнюк* ‘блэзан, забаўнік’, ‘неразумны, несур’ёзны чалавек’ выразіла негатыўныя адносіны гаворачага да аб’екта выказвання, якія ў беларускім тэксце падкрэсліў таксама размоўны дзеяслоў *зюзюкаць* ‘весці вольную, ласкавую размову’ – адпаведнік польскага *gruchać*.

У радках беларускага перакладу гучыць і натуральная, непасрэдная мова іншых персанажаў. Эмацыянальна-ацэначная лексема *mazgaj* ‘няўклюд’ ў звароце сялянкі-пакаёўкі Гедоны да Блякса патрабавала падобнага ў функцыянальных адносінах беларускага адпаведніка: *Wstawajże, mazgaju, rusz się nareszcie* [1, с. 10] – *Ну, устань жа, ламака, Зрухніся ўрэшце* [2, с. 56].

Перакладчык праз названыя прыёмы творчай перакладчыцай працы з фразеалагічнымі адзінкамі і лексэмамі-маркерамі нацыянальна-культурнага кампанента мовы імкнуўся ўвесці перакладны мастацкі твор у беларускую літаратурна-моўную традыцыю. Простанародныя слоўцы-фарбы арганічна спалучыліся ў перакладзе Я. Купалы са стылістычна нейтральнымі моўнымі выразамі. Прыведзеныя лексемы і фраземы для

перакладчыка сталі своеасаблівымі сродкамі травесціравання, пры дапамозе якіх дзеючыя асобы пераўтварыліся ў звычайных беларускіх сялян.

Праведзенае супастаўленне ідыяматыкі беларускіх перакладных тэкстаў з арыгіналам на польскай мове паказала творчае стаўленне класіка беларускай літаратуры і аднаго са стваральнікаў беларускай літаратурнай мовы да іншамоўнага арыгінала. Перакладны твор Я. Купалы набыў беларускія нацыянальна-спецыфічныя моўныя асаблівасці. Я. Купала напоўніў перакладны варыянт беларускім нацыянальна-моўным кампанентам, што наблізіла твор да беларускага чытача і спрыяла трываламу ўваходжанню перакладнога твора ў беларускую літаратурна-моўную традыцыю.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Żuławski, Jerzy. Eros i Psyche / Jerzy Żuławski. – Lwow : Nakładem księgarni H. Altenberga, 1870. – 260 s.

2. Купала, Янка. Збор твораў: у 7 т. / Янка Купала / Акад. навук БССР. Ін-т літаратуры імя Янкі Купалы. Т. 7. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – 561 с.

The comparison of the idiomatics of Y. Kupala's translation of the play by E. Zhulavsky with the original in Polish showed creativity with the foreign original. Y. Kupala filled the translated version with the Belarusian national linguistic component, which brought the work closer to the Belarusian reader and contributed to the firm entry of the translated work into the Belarusian literary and linguistic tradition.

Keywords: translation, original, phraseological unit, folklore, equivalence, stylistic correspondence.

УДК 811.162.1: 81'35

Wiktor Szetela

O FRAZEOLOGII I PAREMIOLOGII POETYCKICH TEKSTÓW JANA KOCHANOWSKIGO

Dany artykuł poświęcony jest frazeologii i paremiologii, jako specyficznych jednostek w poetyckich tekstach Jana Kochanowskiego wzbogacających język polski XVI wieku w dobie tzw. „Złotej polskiej kultury”. Językowe środki wypowiedzenia u Kochanowskiego, często nowatorskie, źródło których znajdujemy w narodowej i ludowej spuściznie. Przypuszcza się, że te wartości odgrywały dla poety rolę wskaźnika w tworzeniu językowych nowacji nazywających nowe dla polskiej kultury pojęcia i wpływały dodatkowo na autorskie poetyckie słowotwórstwo. Gatunki literackie w jakich tworzył poeta dyktowały jemu najbardziej odpowiednie tym gatunkom środki poetyckiego wypowiedzenia się.

Słowa kluczowe: frazeologia i paremiologia, jednostka, nowacja, pojęcie, słownik, słowotwórstwo, środek poetyckiego wypowiedzenia.

Тэматыка канферэнцыі „Словаńska frazeologia i paremiologia” пазваляе вызначыць актуальны стан і статус адзінак frazeologicznаgо і paremiologicznаgо тыпу ў слоўніках кожнага ў адрозненні з моў славянскіх, існуючага патэнцыялу ў развоі моў ў тым zakresie, а рўннеч, як нам сія выдае, пазваляе заірае ў прашае пастванаіа такіх элементў.

Літарака спуічна творцаў прашаеі ствара нам така моілівоіе.

Творчае піра знакомиго поета „Златого віку польской культуры”, XVI віку, Јана Кочановского (1530–1584) знаало выраз, в его драматических utworach, poematach,

pieśniach, psalmach, trenach, tłumaczeniach „Psałterza Dawidow”, fraszkach, w których odnajdujemy nowe autorskie dla danego okresu jednostki frazeologicznego i paremiologicznego typu.

Jan z Czarnolasu stwarzał wielosłowne wyrażenia dla jak najbardziej adekwatnego odzwierciedlenia swoich uczuć i oceny zachodzących w świecie zmian.

Mottem do Jego twórczości mogą posłużyć słowa poety wypowiedzane im w poemacie „Jezda do Moskwy” (1583 r.) adresowane Radziwiłłom: *ja, na świeże patrząc twego wojska znaki, Pióro puszcze za tobą, a w którą szedł stronę, Rzeki, jeziora, dwory, miasta przypomionę* [3, s. 163].

I wieczne zapytanie: *Kto mi dał skrzydła, kto mię oddział pióry I tak wysoko postawił, że z góry Wszystek świat widzę, a sam, jako trzeba, Tykam się nieba?* [1, t. 1, s. 279].

Wiadomo, że gatunki literackie w jakich tworzył – **pióro puszczał** – Jan Kochanowski wymagały od niego odpowiednich środków wypowiedzania się i poszukiwań odpowiednich jednostek charakteryzujących właśnie te gatunki literackie. Nie zawsze poeta odnajdywał właściwe środki poetyckiego wypowiedzenia w języku ojczystym po przyczynie braku podobnych. Poeta musiał te środki stworzyć.

W literaturze, nauce, szkolnictwie itd. w tym czasie dominowała łacina. Wiedza zawarta w łacińskich tekstach wymagała odpowiednich leksykonów.

Jak to pięknie było powiedziane o słowniku Mączyńskiego: „Żebyś do szkoły nie po wszystko chodził, Ale sam czasem drugiemu dogodził, Wielką mieć pomoc z tych ksiąg, gościu, będziesz, Gdy nad łacińskim językiem usiedzisz. Nie bądźcie hardzi swym żakom, mistrzowie, Wszystko tu najdzie, co wy macie w głowie” [4]. (ortografia i interpunkcja oryginału tekstu, w tym i inych przypadkach, zachowana).

Wchodzący w swoje prawa język polski w zakresie tworzenia dzieł literackich nie zawsze był gotowym przyjąć na siebie taką funkcję. Tylko w XV wieku powoli ukształtowała się w świadomości inteligencji tamtego czasu ważność utworzenia polskiego języka literackiego, walki o jego ekologię i o kulturę polskiej mowy. Zob.: [7].

Jan Kochanowski wyszedł naprzeciw tym dążeniom. Zachował za sobą dwa nurty w swojej twórczości: pozostawiając za sobą prawo tworzenia w języku łacińskim, tworzył również w języku polskim, opierając się na język narodowy w tworzeniu polskich jaskrawych środków poetyckiego wypowiedzania się.

Nie trzeba zapominać i o innych. Nie zapominajmy o Mikołaju Reju (1505–1569) z jego maksymą: „A niechaj narodowie wždy postronni znają, iż Polacy nie gęsi, iż swój język mają”. Oprócz tego proszę pamiętać, że w kościele św. Anny w Warszawie pochowany został w swoim czasie błogosławiony Władysław z Gielniowa. To wydarzenie upamiętniono tablicą, która wiele wyjaśnia: „W tym kościele pochowany został Bł. Władysław z Gielniowa *1440–1505. Kompozytor-twórca pieśni religijnej w języku polskim. Patron: Warszawy. Królestwa Polskiego i Wielkiego Księstwa Litewskiego”. Jak widzimy, w Polsce byli autorzy tworzący w języku ojczystym religijne poetyckie teksty zadługo do Kochanowskiego.

Nie tylko ten gatunek literacki charakteryzował twórczość pana Jana z Czarnolasu. Z przyjemnością czytamy jego lekkie na pozór fraszki, ale pamiętajmy przy tam o specyfice poetyckich środków wypowiedzania się w nich. Często żartobliwa i rubaszna frazeologia i premiologia fraszek pana Jana, do takiego stopnia frywolna, że ze względów cenzuralnych nie może być tutaj przetoczana, mogła być zapożyczona z języka pospółstwa, drobnego szlachectwa, język której najbardziej odpowiadał właśnie charakterowi takiemu gatunkowi literackiemu. Niektóre z nich, przynajmniej, mogą mieć ogólnostylistyczny charakter, tzn. obsługiwać i inne gatunki literackie. We fraszkach odnajdujemy frazeologizmy o różnym znaczeniu, często egzotyczne jednostki, możliwe, że wzięte z łacińskiej literatury przyrodniczej, przetłumaczone zatem na polski przez autora *łyż krokodylowe* w znaczeniu „fałszywe łyż”, „fałszywy płacz, żal po czymś”: *Zmyślone skargi, bo to łyż krokodylowe*

[1, t. 1, s. 228]. Inne przykłady, np., w znaczeniu „bać się”, „serce zgubić”: *Serce mi zbiegło, a nie wiem inaczej, Jedno do Hanny, tam bywa naraczaj* [1, t. 1, s. 152]; w znac. „oszukiwać”: *Że białogłowy na to sie ćwiczyły, Aby nas za nos, prostaki, wodziły* [1, t. 1, s. 184]; „pijus”: *kapelana Doma nie znaleziono, bo pilnował dzbana* [1, t. 1, s. 186]; lub we fraszce z frazeologizmem w dzisiejszym znaczeniu „nie zwracać sobie głowy”: *Nie chcę w tej mierze głowy psować sobie* [1, t. 1, s. 186]; w znac. „nabrać w dwie dłonie”: *Statku tam nabierz obiema rękoma!* [1, t. 1, s. 192].

Ludowa mądrość u Jana Kochanowskiego zawarta jest w maksymach: o przemijalności tego świata: *Jesli masz umrzeć, a cóż ci po złocie?* [1, t. 1, s. 172]; o damskiej wietrzności: *Ale co komu rzece białagłowa, Pisz jej na wietrze i na wodzie słowa* [1, t. 1, s. 157]; o tym, że nie zawsze szczęście dopisuje: *Przy jednym szczęściu dwie szkodzie Bóg daje* [1, t. 1, s. 175]; o tym, że w zasadzie, to nie ty rozporządzasz się pieniędzmi, a to one mają nad tobą władzę: *nie tyś miał pieniądze – one miały ciebie* [1, t. 1, s. 181]; przestroga: *Pijaństwo zbytnie zdrowiu szkodzi* [1, t. 1, s. 193]; *Szczęśliwy, komu grzechy odpuszczono* [2, t. 2, s. 72].

Przy tym autor nie zapomina o narodowym przysłowiu: *Polak mądry po szkodzie*, które przytacza w swojej pieśni: *Ciesz mnie ten rym: „Polak mądry po szkodzie”*; *Lecz jesli prawda i z tego nas zbodzie, Nową przypowieść Polak sobie kupi, Że i przed szkodą, i po szkodzie głupi* [1, t. 1, s. 318]. Autor cytuje ją dość często, a w tym przypadku nawet dopełnia ją od siebie.

Porzekadło tamtych czasów **dziś lepszy karany** synonimiczne **mądry po szkodzie**: *Błądziłem, pókim trosk nie znał, dziś lepszy karany* [2, t. 2, s. 267].

Tzw. „środki masowej informacji” tamtego czasu, środki wypowiedzania się tamtego okresu, charakteryzujące polszczyznę XVI w., dyktowały użycie ich w utworach o tematyce polityczno-społecznej. Zauważmy, że teksty podobnego charakteru tworzone są przez Kochanowskiego zwykłą polską mową z wplątaną czasami w nią łacińskim sposobem wyrażenia myśli. Np., niektóre frazy „Psałterza Dawydow” w tłumaczeniu Kochanowskiego stworzone są w/g łacińskiego wzorca: *Ciebie zawsze mój głos brzmi* [2, t. 2, s. 156], co w dzisiejszej polskiej mowie było by: *Ciebie mój głos opiewa*. Na ten fakt naszą uwagę zwrócił autor przypisów do „Dzieł” J. Kochanowskiego, zob.: [2, t. 2, s. 358].

Często takie pospolite środki ogólnego wypowiedzania się były bazą dla stworzenia nowych form wypowiedzi. A nawet, w naszym przypadku, jak widzimy, wypowiedzi specyficznego gatunku – środków poetyckiego wyrażenia. Poetycka nowacja pana Jana może świadczyć, o czym była mowa wyżej, o głębokim związku jego twórczości z narodową (polską), a czasami i ludową (mowa chłopstwa, drobnej szlachty) podstawą twórczości, ale już te nowe zasadą słowotwórstwa, jak nam się wydaje, powstały jego staraniem. Metaforyczna treść wielu z nich to również zasługa pana Jana z Czarnolasu.

W tekście dramatu „Odprawa posłów greckich”, gdzie ku przestrodze Rzeczypospolitej poruszana jest tematyka Wojny Trojańskiej odnajdujemy wyrażenia pochodzenia Biblijnego, np.: *ręka rękę myje* + inne wyrażenia: *Ręka umywa rękę, noga nogi wWspiera, przyjaciel port przyjacielowi* [1, t. 3, s. 94]; cytata w wypowiedzi Posła: *„Krew nie woda”* [1, t. 3, s. 101]; w znaczeniu „niewoli”: *już próżno Miotać się, kiedy jarzmo na szyję założą* [1, t. 3, s. 105]; w znaczeniu „wojny”: *Grekowie Heleny nie tylko przez posły, Ale nawet i przez miecz domagać się będą* [1, t. 3, s. 103].

Gdzieniedzie poprzez język w wątku Wojny Trojańskiej wygląda szlachciura czystej wody, np.: *Szabla ostra przy boku to pan: ta rozstrzygnie, Kto komu czołem bić* [1, t. 3, s. 105].

Tzw. „środki masowej informacji” tamtego czasu poeta nie uniknął w poemacie „Jezda do Moskwy”, w których odnajdujemy nowe wyrażenia odzwierciedlające stan rzeczy w Rzeczypospolitej XVI w. i w państwach ościennych. Np.: *Z Uświata pod któryś ty z żołnierzami przodkował ... Skądś zaś przed wszystkimi, jak w tańcu rej wodząc,*

Pod Wielkie Łuki przyszedł najmniej się nie bojąc [3, s. 163]. Słowami ***jak w tańcu rej wodząc*** opisana jest łatwość z jaką odbywał się przemarsz wojsk przez Moskwę.

Przyroda pomagała w tym przedsięwzięciu. Rzeka nie prosto omywała stanowisko wojsk, a ***lizala je***, zob.: *ostatniś od Pskowa W mili tylko nocleg miał, gdzie Czerecha blisko Podchadzając lizala twoje stanowisko* [3, s. 169]. Wyrażenie ***prędka ręka*** charakteryzuje wojskowe umiejętności żołnierzy. W danym fragmencie zwracają na siebie uwagę rusycyzy my zapożyczone Kochanowskim: miasto ***Rusa***, słowo ***dijak***, imię ***Putiła***: *W drodze z Rusy dijaka na imię Putiła Czujących Kozaków prędka ręka załapila* [3, s. 168].

Nieco inne wyrażenia odnajdujemy w psalmach nacechowanych religijnymi motywami, pełnych lamentów, żalów i prośbą o pomoc, o łaskę, o wybaczenie: ***Wzywam Cię, Boże, świadku mojej niewinności*** [2, t. 2, s. 12]; ***Tyś jest, Panie, moja zasłona*** [2, t. 2, s. 11]; ***Boże litości!*** [2, t. 2, s. 34]; ***Boże; wieczny Boże*** [2, t. 2, s. 134]; ***Chciej mię z rąk srogich wybawić ...Abych Twe sprawy mógł słać W cerkwi Twojej wybranej*** [2, t. 2, s. 24]; ***...nawiedźcie Jego cerkiew złotą!*** [2, t. 2, s. 223].

Szczególnie religijne motywy w twórczości poety wymagały od niego tworzenia, możliwe że często z uwagą na łaciński pierwowzór, ale z realizacją polskiego materiału dla budowy nowych frazeologicznych i paremiologicznych wielosłownych jednostek tego typu.

W historii polskiej literatury Jan Kochanowski na Czarnolesie zaznaczył się mocnymi głoskami. Równy Jemu pojawił się wiele lat później i imię jego było – Adam Mickiewicz. Każda z tych nietuzinkowych postaci stwarzała nowy dla swojej epoki język poetyckiego wypowiedzania się. Jan Kochanowski był u źródeł powstania polskiego języka poezji, literackiego polskiego języka, a Adam Mickiewicz był twórcą współczesnego języka literatury.

Dramat „Odprawa posłów greckich” Jana Kochanowskiego i inne jego utwory wchodziły w spis obowiązkowej lektury szkolnej.

Spis wykorzystanych źródeł

1. Kochanowski, J. *Jezda do Moskwy i posługi z młodych lat aż i przez wszystkie czasy przyszłej wojny z Moskiewskim ojczyźnie swej i panom swym czynione jego m. i pana Krzysztofa / J. Kochanowski // Dzieła polskie / J. Kochanowski. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1953. – T. III. – S. 156–170.*
2. Kochanowski, J. *Dzieła polskie / J. Kochanowski. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1953. – T. I–III.*
3. Kochanowski, J. *Na słownik Mączyńskiego / J. Kochanowski // Dzieła polskie / J. Kochanowski. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1953. – T. I. – S. 257.*
4. Zdunkiewicz-Jedynak, D. *Wykłady ze stylistyki / D. Zdunkiewicz-Jedynak. – Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 2008. – 218 s.*
5. Kochanowski, J. *Psalterz Dawidów / J. Kochanowski // Dzieła polskie / J. Kochanowski. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1953. – T. II. – S. 7–322.*

This article is dedicated to phraseology and paremiology, as specific units in the poetic texts of Jan Kochanowski enriching the Polish language of the 16th century in the era of the so-called “Golden Polish culture”. Kochanowski's linguistic means of expression, often novel, are found in national and folk heritage. It is supposed that these values played an indicator role for the poet in creating linguistic novations naming concepts new to Polish culture and positively influenced his poetic vocabulary. The literary genres in which the poet created dictated to him the most appropriate means of poetic expression.

Keywords: phraseology and paremiology, unit, novation, concept, dictionary, vocabulary, means of poetic expression.

Г. В. Юдзянкова, С. Б. Кураш

ДА ПЫТАННЯ АБ КУЛЬТУРНЫМ ФОНЕ ОНІМАЎ ЯК КАМПАНЕНТАЎ ПАРЭМІЙ МАЗЫРСКАГА ПАЛЕССЯ

Артыкул прысвечаны выкарыстанню ўласных імёнаў (антрапонімаў, тапонімаў і хранонімаў) у складзе парэміялагічных адзінак, зафіксаваных у фальклорных запісах А. Сержпутоўскага. Культурны фон імёнаў, якія маюць міфалагічную, сакральную, паэтычную “гісторыю” ўжывання, з’яўляецца дадатковым сродкам дэманстрацыі матываў і ідэй фальклорных твораў. Анамастычныя адзінкі як важныя носьбіты нацыянальна-культурнай інфармацыі даюць уяўленне пра традыцыі і абрады беларусаў-палешукоў, іх працоўны вопыт, адлюстроўваюць сістэму поглядаў і вераванняў, нацыянальны характар і светаўспрыманне народа, што ў сукупнасці складае план зместу парэміялагічных адзінак.

Ключавыя словы: парэмія, антрапонім, тапонім, хранонім, культурны фон.

Онімы, ужытыя ў фальклорных тэкстах, уяўляюць своеасаблівую разнавіднасць паэтонімаў. Шырокае выкарыстанне ў складзе парэміялагічных адзінак атрымалі ўласныя імёны, якія маюць міфалагічную, сакральную, паэтычную “гісторыю” ўжывання. Культурны фон такіх імёнаў з’яўляецца дадатковым планам дэманстрацыі матываў і ідэй фальклорнага твора.

Так, уласнае імя ў парэміялагічных кантэкстах часцей за ўсё выконвае рэпрэзентатыўную функцыю і ўжываецца замест азначальных займеннікаў *усякі, кожны: Што будзе, тое будзе, а Саўка (Грышка) на куце не будзе; Я яму пра Фаму (Кузьму, Хомку), а ён мне пра Ярому (Яромку); Па Сеньку (Хомку, Юрку) і шапка.*

Як адзначае Н. П. Лобань, некаторыя імёны ў прыказках, прымаўках і фразеалагізмах паўстаюць з ацэнчым, характарыстычным падтэкстам і нават набываюць абагульнена-сімвалічнае значэнне: *аднаго Юрку запусцілі, а ўся хата заюрылася; набрацца як Марцін за рубля; Антось да Тадора – што лапаць ды абора; якая Агатка, такая ў яе і хатка; гэты Яўхім і з вады вылезе сухім* [1, с. 38].

Г. І. Басава выявіла, што ўласныя імёны ў парэміялагічных адзінках могуць дапаўняць чалавека як пэўную асобу і, становячыся значымымі, валодаць пэўнымі этнапсіхалагічнымі характарыстыкамі: *Хадот і Халімон* уяўляюцца беднымі сялянамі: *Багаты Хадот: сабака ды кот; І Халімон танцуе, калі яму шанцуе; Сава, Апанас, Марцін* – з пэўнымі недахопамі: *Які Сава, такая і слава; Пайшоў Апанас па квас, дык ні Апанаса, ні кваса; для Сымона і Барыса* характэрны ўпартасць і незгаворлівасць: *Каму што, а Сымону селядца; Каму што, а Барысу ладкі; кемлівыя, практычныя Зміцёр, Саўка: Хіцёр Зміцёр, але ж і Саўка не дурны* [2, с. 40]. Такім чынам, з’яўляючыся першапачаткова чыста намінатыўнай адзінкай і ідэнтыфікуючы пэўную асобу, уласнае імя ў прыказках і прымаўках набывае абагульнены сэнс, які замацоўваецца за іменем і становіцца яго значэннем.

Г. В. Параскевіч, разгледзеўшы ўжыванне антрапонімаў у прыказках (у 6000 прааналізаваных парэміях даследчыца выявіла 296 асабовых імёнаў), апісала іх асноўныя стылістычныя функцыі (ацэначна-сімвалічную, якая звязана з дэанімізацыяй, і аб’ектыўна-інфармацыйную) і прыйшла да высновы, што ў прыказках уласныя імёны губляюць прамое намінатыўнае значэнне, захоўваючы толькі знешнюю форму, і па сутнасці ператвараюцца ў патэнцыяльныя словы [3, с. 71].

В. Г. Гарбачова, якая праводзіла даследаванне анамастычнай прасторы на матэрыяле рускіх казак, адзначае, што на асноўную – моўную – функцыю ўласнага імені накладваецца эстэтычная (мастацкая) функцыя, якая складаецца з шасці

кампанентаў: характарыстычнага, стылістычнага, сацыяльнага, культурна-гістарычнага, этнічнага і ідэалагічнага [4, с. 9–10].

Асаблівай інфармацыйнай насычанасцю сярод онімаў валодаюць тапонімы, што тлумачыцца іх спецыфічнай структурай і лексіка-семантычнымі характарыстыкамі. Тапонімы – гэта памяткі мінуўшчыны, у якіх увасоблена жыццё і быт народа, адлюстраваны гістарычныя падзеі і сацыяльна-геаграфічныя ўмовы былых часоў. У казках і парэміях, запісаных А. Сержпутоўскім на Мазырскім Палессі, намі выяўлены: астыонімы (*Кіеў, Мінск, Нясвіж, Кракаў, Слуцк, Варшава, Бабруйск*), камонімы (*Лютавічы, Піварчыцы, Гаўрыльчыцы, Заполле, Навасёлкі*), харонімы (*Каўказ, Палессе, Сібір*), гідронімы (*Дон, Свіслач*), мікратапонімы (*Чортава балота, Рышавая гара*).

Паколькі фальклорныя тэксты складаліся, як правіла, жыхарамі вёскі, то астыонімы ўжываліся ў іх як апазіцыя камонімам – і па памерах пасялення, і па ладу жыцця: *У месце Слуцку ўсё не па-люцку* [5, с. 59]; *У Мінску беражыся, за кішэню дзяржыся* [5, с.184]; *У Нясвіжы людзі хіжы: салому таўкуць, блінцы пякуць; сена смажаць, блінцы мажуць* [5, с. 155]. Другая ж група тапонімаў не мае лакальнай прывязкі і, як правіла, ужываецца для абазначэння вялікай адлегласці: *На канцы языка Кіеў стаіць* [5, с. 102]; *Хоць да Кракава, усюды аднакава* [5, с. 76].

Традыцыйна ўсе тапанімічныя назвы мастацкага твора падзяляюцца на рэальныя і створаныя фантазіяй аўтара. У тэкстах фальклору Мазырскага Палесся амаль усе онімы з’яўляюцца рэальнымі найменнямі, сярод якіх пераважае месца займаюць астыонімы, што выконваюць намінацыйную і ацэначную (нехарактэрную для такіх онімаў) функцыі.

Напрыклад: *Кіеў* – сталіца, палітычны, эканамічны, навуковы і культурны цэнтр Украіны. Астыонім *Кіеў* – рэальная, агульнаўжывальная тапанімічная назва, якая ўведзена ў парэміі, каб паказаць на вялікую адлегласць: *Язык Кіева дапытае* [5, с. 99]; *Язык у Кіеў прывядзе, і ў гасподу завядзе* [5, с. 248]. Этымалагічна ўсе прымаўкі з ужываннем тапоніма *Кіеў* паходзяць ад тых часоў, калі падарожныя хадзілі ў гэты паўднёвы горад на багамолле.

Кракаў – горад на поўдні Польшчы: *Хоць да Кракава, усюды аднакава* [5, с. 76]. Айконім сёння не мае дакладнай сувязі з сэнсам прыказкі і ўжываецца ў ёй зыходна з патрэбы ў рыфмоўцы.

Нясвіж – горад у Мінскай вобласці. Як вядома, прымаўкі не ўзнікаюць без прычын і заўсёды ўтрымліваюць якую-небудзь падставу. Часцей за ўсё ў аснове такіх парэмій знаходзяцца камічныя сітуацыі, у якія нібы траплялі жыхары таго ці іншага горада: *У Нясвіжы людзі хіжы: салому таўкуць, блінцы пякуць; сена смажаць, блінцы мажуць* [5, с. 155]. Ва ўтварэнні дадзенага айконіма назіраецца сувязь асновы з тэрмінам “свідзь” – свідзіна, зараснікі кустарнікаў каля ракі, возера. Такім чынам, *Нясвіж* – месца каля ракі ці вадаёма без узбярэжных зараснікаў. У дадзенай прымаўцы характарыстыцы тапонім мае адмоўную ацэнку, паколькі ўтрымлівае негатыўную інфармацыю пра яго жыхароў. Магчыма, гэта абумоўлена тым, што *Нясвіж* быў рэзідэнцыяй Радзівілаў – самага багатага роду ў Вялікім Княстве Літоўскім.

Слуцк (Слуцьк) – раней павятова горад, цэнтр Слуцкага павета, цяпер – цэнтр Слуцкага раёна Мінскай вобласці на рацэ Случ, ад якой і атрымаў назву: *Случ+ск→Слуцк*. У кантэксце парэміі онім *Слуцк* набывае абагульняльнае значэнне і ўжываецца для рытмічнай арганізацыі прымаўкі: *У месце Слуцку ўсё не па-люцку* [5, с. 59].

Касмаганічная сімволіка балота звязана з яго рэальнымі ўласцівасцямі – гэта беспарадкавая сумесь зямлі і вады, першасных элементаў, з якіх утварыўся будучы Космас. Таму балоты – “улюбёныя месцы бытавання розных нячысцікаў, якія пераймаюць функцыі антаганіста Бога ў акце стварэння” [6, с. 41]. Такім чынам, невыпадкова гэты гелонім узыходзіць да апелятыва *чорт*, паколькі сярод жыхароў Палесся была (ды і зараз застаецца актуальнай) думка – “*гдзе балото, там і чорт*” [7, с. 179].

Такім чынам, кожнае тапанімічнае найменне ўтрымлівае ў сабе пэўную частку гісторыі, звычайў, традыцый беларусаў, адлюстроўвае змены ў грамадстве, непаўторнасць і самабытнасць беларускай нацыянальнай культуры.

Ярка выражаную нацыянальна-культурную семантыку нясуць у сабе і такія структурныя кампаненты лінгвакраіназнаўчай інфармацыі, як святы і прысвяткі, якія з’яўляюцца неад’емнай часткай жыцця грамадства і кожнага чалавека асабіста і ў наш час. У сучаснай анамастычнай навуцы існуе некалькі думак наконт наймення такіх адзінак. Так, Г. Параскевіч, разглядаючы каляндарныя прыказкі, звярнула ўвагу на метанімію ўласных імёнаў у іх, ідэнтыфікуючы назвы святаў і прысвяткаў як *тэанімы* (ад грэч. *theos* – бог) [8, с. 433]. А. Рогалеў адносіць назвы святаў, памятных дат, фестываляў, урачыстасцяў да *гератонімаў* [9, с. 12]. Некаторыя даследчыкі (Н. Ступчык) для намінацыі святаў выкарыстоўваюць тэрмін *фэстонім* (ад лац. *festum* – свята, англ. *the festival*, ням. *das Fest*, бел. (уст.) – *фэст*) [10, с. 347]. Мы ж будзем прытрымлівацца пункту погляду В. Шура, які такія найменні адносіць да хранонімаў (грэч. *chronos* – час) [11, с. 4], што, на нашу думку, з’яўляецца найбольш мэтазгодным, паколькі святы так ці інакш указваюць на пэўны адрэзак часу.

Як вядома, асноўным заняткам нашых продкаў было земляробства. Таму земляробчы каляндар усходніх славян, у тым ліку і беларусаў, толькі фармальна быў звязаны з царкоўнымі святамі. У аснове яго фарміравання ляжала сялянская праца. Найважнейшымі земляробчымі святамі спрадвеку лічыліся *Мікола, Юр’я, Купала, Пятро, Ілля, Прычыстая, Пакровы, Спас*. Усе яны знайшлі шырокае адлюстраванне ў парэміях, запісаных А. Сержпутоўскім.

Разгледзім некалькі прыкладаў.

Ілля (Лья) – свята народнага земляробчага календара ў гонар старазапаветнага прарока, якога ўшаноўвалі як боства (2 жніўня). Пасля прыняцця хрысціянства ў народным уяўленні онім *Ілля* зліўся з язычніцкім богам *Перуном*, увабраўшы ў сябе яго рысы і функцыі. У міфалогіі і старажытных вераваннях беларусаў *Ілля* – распарадчык дажджоў і навальніц. У прыказках і прымаўках з хранонімам *Ілля* атаясамліваюцца наступныя падзеі: атрыманне доўгачанага хлеба: *На Ілью налью перапеч поўну печ* [5, с. 105]; пераход да чарговага сезона, пачатак пахаладання і дажджоў: *Да Ільі і пад кустом трава сохне, а на Ільі на куце гіне* [5, с. 229]. Ва ўсіх парэміях онім ужываецца ў размоўным варыянце *Лья*, што адлюстроўвае фанетычную адметнасць гаворак рэгіёна – непаслядоўнае падаўжэнне мяккіх зычных гукаў.

Купалле (Купало) – старажытная абрадавая ўрачыстаць, прымеркаваная да летняга сонцастаяння – найвышэйшага росквіту жыватворных сіл зямлі (ноч з 6 на 7 ліпеня). У гэты ж дзень хрысціяне адзначаюць дзень нараджэння прарока Іаана Прадцечы. Вынікі зліцця элементаў язычніцтва і хрысціянства знайшлі адлюстраванне ў наступнай парэміі: *На Купалу чэрці ў вадзе купаюцца* [5, с. 160].

Пакроў (Пакровы) – межавая дата ў працоўным календары беларусаў (14 кастрычніка). Праваслаўная царква само слова тлумачыць як ‘пакроў (пакрывала) Божай Маці’, што адлюстравана і ў афіцыйным рэлігійным варыянце храноніма – *Пакроў Прасвятой Багародзіцы*. У гэтую вясельную пару хлопцы па вёсках выглядалі сабе нявест, а тыя няпярэдадні *Пакрова* варажылі на замужжа. Адсюль і ўзніклі парэміі, звязаныя з нязбыўнымі марамі аб жаніху: *Праходзіць Пакрова – раве дзеўка бы карова* [5, с. 149].

Спас – старажытнае земляробчае свята, звязанае з высыпаннем пладоў. Найбольшае распаўсюджанне ў парэміях атрымаў так званы “яблычны” *Спас* (19 жніўня): *Добра яблычка к Спасу* [5, с. 208]. Хранонім *Спас*, згодна з народнай этымалогіяй, узыходзіць да дзеяслова *спаць*, таму сцвярджалася, што зямля ў гэты дзень спіць, а значыць трывожыць яе сон і працаваць нельга. У народзе *Спас* лічылі днём адлёту буслоў, што сведчыла пра набліжэнне зімы: *Прышоў Спас – пад нагамі шась (ліст)* [5, с. 239].

Юр'я (Юр'е) – старажытныя святы народнага календара (6 мая і 9 снежня) у гонар святога – заступніка свойскай жывёлы і сялянскай нівы (у хрысціянскі перыяд замяніў *Ярылу*). Веснавы *Юрый* знаменаваў сабою сапраўдны пачатак вясны, з якім звязваўся, як правіла, першы выпас жывёлы (запасаў і корму для яе павінна было хапіць як мінімум да гэтага дня): *Да Юр'я корму і ў дурня* [5, с. 170]; *Сена да Юр'я павінна быць і ў дурня* [5, с. 240]. Вясенні і зімовы *Юр'і* ў многіх парэміях выступаюць разам: *У гаду два Юр'і ды абодва дурні: адзін галодны, другі халодны* [5, с. 161].

На Беларусі з даўніх часоў захаваліся прысвяткі, у якасці назваў якіх у парэміялагічных адзінках выступаюць асабовыя мужчынскія і жаночыя імёны святых, што прапаведвалі Хрыстovu веру: *Пракоп, Сцяпан, Рыгор, Ігнат, Алексій, Нупрэі, Магдалена, Алена* і інш. Але з цягам часу адзінкаваць паняцця страцілася і ўласныя імёны набылі яскрава выражаны характар агульнага назоўніка і выконвалі абагульняльныя функцыі. Святыя аказаліся “патрэбнымі” аграрнаму календару, бо дапамагалі пераўтварыць веды селяніна ў стройную і зручную сістэму для адліку часу. Прымеркаванне святых да дзён гадавога цыклу сваімі каранямі ўзыходзіць да хрысціянства, а да язычніцтва – размеркаванне паміж святымі клопатаў аб надвор'і, здароўі людзей, іх працы. Поўная залежнасць ад прыроды прымусіла земляроба вывучыць акаляючы яго свет, убачыць заканамернасці паміж прыроднымі з'явамі, што прывяло да стварэння пэўных правіл правядзення сельскагаспадарчых работ, прыкмет і тонкіх метэаралагічных назіранняў, якія ўяўляліся асабліва важнымі ў земляробчай дзейнасці.

Андрэй – святая народнага календара ўсходніх славян (13 снежня); царквою ўшаноўваецца памяць аднаго з апосталаў Ісуса Хрыста – святога *Андрэя Першаазваннага*. Гэты дзень непарыўна звязаны з любоўна-шлюбнай сімволікай і найперш – з дзявочымі варажбамі (дзявочае свята). Найбольш пашыраны від варажбы – “сеянне” ільну ці канапель: *Святы Андрэю – канпелькі сею* [5, с. 161].

Зміцер (Змітро) – прысьвятак (8 лістапада), “хітры” дзень, канец надзеі выйсці замуж у гэтым годзе: *Да Змітра дзеўка хітра* [5, с. 136]. На *Змітра* не пралі, не ткалі і ў полі не працавалі. У парэміі онім ужываецца ў адаптаваным да мясцовых гаворак варыянце *Змітро*.

Мікола – святая народнага календара ўсходніх славян, якое на працягу года адзначалася двойчы: вясною (*Мікола веснавы (вешні)* – 22 мая і зімою (*Мікола зімовы*) – 19 снежня. Лічылася, што да *веснавога Міколы* сяляне шмат чаго павінны былі пасадзіць, у прыватнасці, у жыцце ўжо павінна схавацца варона: *На вешняга Міколу варона ў рунь схаваецца* [5, с. 324]. З *зімовым Міколам* у народзе звязвалася наступнае назіранне: *Дачакаўшыся Міколы халадоў няма чаго баяцца* [5, с. 316]. Хранонім узыходзіць да ўласнага імя *Мікалая Мірлікійскага (Мікалая Цудатворца, Мікалая Угодніка)* і ўжываецца ў размоўным варыянце *Мікола*.

Як сведчыць прадстаўлены матэрыял, анамастычныя адзінкі з'яўляюцца важнымі носьбітамі нацыянальна-культурнай інфармацыі, даюць уяўленне пра традыцыі і абрады беларусаў, іх працоўны вопыт, адлюстроўваюць сістэму поглядаў і вераванняў, нацыянальны характар і светаўспрыманне нашага народа.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Лобань, Н. “Лёсу кірунак, долі выснова”: Уласнае імя ў мастацкім тэксе / Н. Лобань // Роднае слова. – 2001. – № 12. – С. 38–41.
2. Басава, Г. “Ні сюды Мікіта, ні туды Мікіта”: Уласнае імя як носьбіт нацыянальна-культурнага кампанента значэння слова / Г. Басава // Роднае слова. – 2001. – № 10. – С. 40–41.
3. Параскевіч, Г. В. Назоўнік у беларускіх прыказках / Г. В. Параскевіч. – Мінск : Універсітэцкае, 1984. – 107 с.

4. Горбачева, О. Г. Ономастическое пространство русских народных и авторских сказок : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. Г. Горбачева ; Брян. гос. ун-т. – Брянск, 2008. – 25 с.
5. Касько, У. К. Палескі дзівасіл: Бел. нар. прыказкі, прымаўкі, выслоўі: са скарбніцы А.К. Сержпутоўскага / У. К. Касько. – Мінск : Выш. шк., 2005. – 383 с.
6. Беларуская міфалогія : энцыклапед. слоўнік / С. Санько [і інш.]; склад. І. Клімковіч. – 2-ое выд., дап. – Мінск : Беларусь, 2006. – 599 с.
7. Сержпутоўскі, А. К. Казкі і апавяданні беларусаў-палешукоў / А. К. Сержпутоўскі. – Мінск : Універсітэцкае, 1999. – 191 с.
8. Параскевіч, Г. В. Прыказкі і прымаўкі / Г. В. Параскевіч // Беларуская мова: Энцыкл. / Беларус. энцыкл.; Пад рэд. А. Я. Міхневіча; Рэдкал.: Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1994. – С. 432–433.
9. Рогалев, А. Ф. Имя и образ: Художественная функция имён собственных в литературных произведениях и сказках / А. Ф. Рогалев. – Гомель : Барк, 2007. – 224 с.
10. Ступчык, Н. Фэстонімы Каляды і Ражаство ў перыядычным друку (на матэрыяле газеты “Звязда”) / Н. Ступчык // Мова – Літаратура – Культура : матэрыялы V Міжнароднай канферэнцыі (да 80-годдзя прафесара Л. М. Шакуна), 16–17 лістапада 2006 г. / Беларускі дзярж. ун-т. – Мінск : Права і эканоміка, 2007. – С. 347–349.
11. Шур, В. Беларускія ўласныя імёны: Беларуская антрапаніміка і тапаніміка : дапам. для настаўнікаў / В. Шур. – Мінск : Маст. літ., 1998. – 239 с.

The article deals with the usage of proper names (anthonyms, toponyms and chrononyms) as a part of paremiological units, which are written down in folklore notes by A. Serzhputovskiy. The cultural background of proper names, which have mythological, sacral, poetic “history” of usage, serves as additional means of demonstrating the motives and ideas of folklore works. Onomastic units as important source of national and cultural information characterize the traditions and rituals of Polesye Belarusians, their work experience, they reflect the system of views and beliefs, national character and their worldview; all these factors make up the content of paremiological units.

Keywords: paroemia, anthonym, toponym, chrononym, cultural background.

УДК 81'42:398.9(=161.2):140.8

О. В. Яковлева

МОВНЕ ВИРАЖЕННЯ КОРДОЦЕНТРИЗМУ В УКРАЇНСЬКИХ ПРИСЛІВ'ЯХ І ПРИКАЗКАХ

Стаття присвячена багатозначному філософському поняттю «кордоцентризм» як світоглядній домінанті в ментальності українців, що виражається мовними засобами в паремійних текстах. Кордоцентризм як спосіб пізнання світу напряму пов'язаний з духовністю народу. У статті аналізувались прислів'я та приказки з лексемою «серце» в одній із сучасних збірок серії «Народна творчість».

Ключові слова: кордоцентризм, паремії, прислів'я, приказки, ментальність, духовність.

Для відродження духовності в сучасному світі, й у першу чергу, в гуманітарних науках, корисними вважаємо думки письменника й науковця В. Буряка, який писав про те, що в умовах інтелектуальної інтеграції народів у єдиний інформаційно-культурний простір від кожної нації вимагається особлива увага до своїх духовних витоків, бережне їх примноження та поглиблення [1, с. 3]. Отже, для духовності ХХІ ст., незважаючи на те, що на арену життя виходить homo economicus, залишається пріоритетним акцент на людських властивостях. На перший погляд, усе дуже просто. Але проблема відродження духовності набагато складніша і лежить в іншій площині, тому що сучасний

інтелект практично втратив живу езотеричну глибину, або, іншими словами, було втрачено *синтез розуму і серця* [2, с. 8–9], про який у свій час писав ще Г. Сковорода. Цей філософ є гордістю національної філософської думки. З іншого боку, як зауважив Д. Чижевський: «ні про одного філософа у світі не висловлено таких розбіжних думок», тому що «твори Сковороди справляли на декого з дослідників враження непрохідного лісу», а може, і тому, що ми до кінця не усвідомили, ким він був: курйозом чи дивом в історії українського духу [3, с. 36–44].

Особливе значення для нас у теорії Г. Сковороди має думка про те, що «супроти людського тіла – сила руху зветься “думка” або “серце”»... [4, с. 105].

Сучасні філософи мають різні думки стосовно того, хто започаткував розробку поняття «серце» в українській філософії. Однак більшість вважає, що пріоритет у цьому питанні належить Г. Сковороді, який у своїх творах звертається до поняття «серце» більше тисячі разів [5, с. 7].

Відомо, що одним із методологічних принципів сучасного мовознавства є експансіонізм, який передбачає впровадження до лінгвістики теоретичного доробку, зокрема й поняттєвого апарату з інших наук. Термін «кордоцентризм» було запозичено з філософії. Більше десятиліття у філософській україністиці триває дискусія щодо українського кордоцентризму як нашого національного вчення про серце. Автором концепта «український кордоцентризм» був Я. Гнатюк, який у 2005 р. захистив кандидатську дисертацію на тему: «Український кордоцентризм: історико-філософський аналіз». Автор дослідження зауважив, що цей метафілософський термін був створений на базі понять: «серце», «філософія серця» й «кордоцентризм». Автором поняття «філософія серця» (від грецьк. «philos» – «любов», «sophia» – «мудрість»; «друг сердечної мудрості») вважається Д. Чижевський, а винахідником терміна «кордоцентризм» (від латин. «cordis» – «серце», «centrum» – «центр кола»; «серце як єдність та цілісність людини») – О. Кульчицький. Посилаючись на інших науковців, Я. Гнатюк наголосив, що поняття «кордоцентризм» належить передусім до царини філософії і по-різному тлумачиться фахівцями. Наприклад, воно означає «домінанту серця, переважання почуття над логічним міркуванням, а образу – над поняттям»; або кордоцентризм – це спосіб пізнання, який «полягає в осягненні людиною навколишнього світу й самого себе не стільки мисленням («головою»), скільки «серцем» – емоціями, чуттями, здоровим глуздом». На думку В. Кременя, кордоцентризм є «розуміння дійсності не стільки мисленням («головою»), скільки «серцем» – емоціями, почуттями, внутрішнім, «душею» [5, с. 5–9].

Поняття «український кордоцентризм» Я. Гнатюк вважає складним феноменом, який неможливо визначити однозначно. Описати його сутність та особливості можна лише через низку визначень, характеристик і порівнянь. У метафілософському сенсі український кордоцентризм є національною філософією, яка в художніх образах і теоретичних поняттях виражає усвідомлення цілісності людини та розуміння нерозривної єдності людини з Богом, замежовою реальністю. Отже, це поняття є трансцендентним [5, с. 10].

Фундаторами українського кордоцентризму як національної філософії автор вважає Г. Сковороду, М. Гоголя, П. Юркевича та П. Куліша. Саме вони одними з перших в історії християнської філософії Заходу створили самобутню й оригінальну ідею першості серця перед розумом. Засновник українського кордоцентризму як національної філософії Г. Сковорода сформулював цю ідею у такому вигляді: «Голова всього в людині – людське серце», оскільки «без зерна горіх є ніщо, а людина без серця» [там само, с. 16].

Оригінальний український принцип переваги серця над розумом був заново відкритий Ч. Пірсом – одним із засновників американського прагматизму. Спираючись на досвід людства й здоровий глузд, дослідник сформулював життєву аксіому та вивів правильний метод дії: «У ставленні до найголовніших життєвих турбот людина мудра йде за своїм серцем й не довіряє своїй голові. Такий метод повинен взяти на озброєння кожен, яким би могутнім інтелектом він не володів» [цит. за Я. Гнатюком, с. 16–17].

Лінгвістичний аналіз концепту «серце» на матеріалі російської та англійської мов було зроблено М. Піменовою [6].

Відомо, що пареміологічний і фразеологічний фонди будь-якої мови – це невичерпне джерело смислів, які були й залишаються в центрі різноаспектних мовознавчих досліджень як білоруських, так і українських науковців. Ціннісні характеристики паремій вивчала О. Нічипорчик [7]; базові концепти фразеологічної картини світу білорусів описала О. Лящинська [8]; склад, семантику і походження фразеологізмів у народній духовній культурі дослідив В. Коваль [9]; лінгвофраземній аксіології у парадигмально-категорійному вимірі присвячена монографія Ж. Краснобаєвої-Чорної [10]; семантику, синтактику і прагматику українських паремій проаналізувала В. Калько [11].

Матеріалом для нашої розвідки, присвяченій мовному вираженню кордоцентризму українців, методом суцільної вибірки ми обрали прислів'я і приказки з лексемою *серце* зі збірки, упорядкованої відомим українським фольклористом М. Дмитренком [12], який розмежовує ці поняття за структурою: прислів'я складаються з двох частин; приказка ж має одночленну будову [там само, с. 4–5]. У цьому питанні ми приєднуємось до позиції, висловленої В. Калько щодо прислів'їв і приказок. Вирішуючи одну з теоретичних проблем пареміології – розмежування прислів'їв і приказок, науковиця трактує ці терміни як синоніми, об'єднуючи їх поняттям *паремія* [11, с. 90]. З іншого боку, розуміючи поняття *фразеологічна одиниця* в широкому значенні, вважаємо, що прислів'я і приказки є різновидами таких одиниць.

Отже, справедливим є твердження, що всі без виключення фразеологічні знаки мають «особливу образність, виразність, експресивність, аксіологічність, що ґрунтуються на комплексі відчуттів, почуттів, уявлень народу, інтерсеміотичних сценаріях культури певного етносу або цивілізації, адже деякі звороти є «уламками» інших текстів: міфів, пісень, казок, байок тощо» [13, с. 12].

У народних віруваннях серце уподібнюється сонцю в середині людини. Променисте сонце і палаюче серце – ці образи часто стоять поряд [14, с. 470]. У прислів'ях про природу закарбоване уявлення про зимове сонце, яке асоціюється з холодним серцем, що має негативні характеристики, а от весняне сонце символізує молодість: *У зимі сонце, як мачушине серце: світить, та не гріє. Зимове сонце, як удовине серце. Весняне сонце – як дівчини серце* [12, с. 10–11].

Особливе ставлення українців до матері відзеркалено в концепті «серце матері»: *До людей по розум, до матері по серце; У дитини заболить пальчик, а в матері – серце; Від малих дітей болить голова, а від великих – серце; Добрі діти їдять кашу, а злії – серце й душу нашу; Малі діти їдять хліб, а великі – серце* [там само, с. 102–105].

Для характеристики людини, зокрема й чоловіка, найважливішою є оцінка його серця: *Аби чоловіка розпізнати, треба його за серце взяти* [12, с. 125]. Серед частин тіла людини, про які йдеться у прислів'ях та приказках зазначеної збірки, на першому місці – *голова* (39 паремій); на другому – *око* (очі) (32 паремії); на третьому – *рука* (руки) (24 паремійних тексти); *серце* в цьому плані на четвертому місці. Ця лексема наявна у 14 пареміях, серед яких заслуговують на увагу тексти, де порівнюються серце і голова, серце і руки: *Два серця розуміються ліпше, ніж дві голови* [12, с. 135]; *Коли руки холодні, то серце гаряче* [там само, с. 137]. Очевидно, що при порівнянні українці вважають серце важливішим за будь-який інший орган людського тіла: *Серце чує, а не скаже; Що з серця походить, те й до серця доходить* [там само, с. 135].

Серце – найважливіший орган, бо воно першим реагує на всі негаразди і на гарні події в житті людини: *Вразив у саме серце; Черв'як серце точить* [12, с. 135]; *Гостре словечко коле сердечко* [там само, с. 146]; *Журба плугом по серцю оре; Виплачя, легше серцю стане* [там само, с. 216–217]; *Снав йому камінь із серця* [там само, с. 135]. Наведені приклади уяскравлюють кордоцентризм українців, який є характерною ознакою нашої ментальності.

Основна діяльність предків – землеробство, що відзеркалено і в паремійних текстах, де серце порівнюється з приправами, які полюбляють українці: *З перцем чи не з перцем, аби з щирим серцем. Серце з перцем, а душа з часником. Ми до них з серцем, а вони до нас з перцем* [12, с. 135].

Багата чи то бідна людина в народних віруваннях характеризується не тільки наявністю грошей, а й серця: *Хто дає серце, той дасть і гроші* [там само, с. 135]; *Багато до серця не промовиш* [там само, с. 223].

Українці завжди цінували рідний край і, незважаючи на те, що багато хто з них в різні часи вимушені були покинути свою землю, вони все життя пам'ятали про неї. Ці почуття знайшли відображення й у паремійних текстах: *Свій край, як рай, а чужа країна, як домовина; За своїм краєм серце болить* [12, с. 231].

В проаналізованій збірці прислів'їв та приказок не було паремійних текстів про кохання, хоча, як зауважує в монографії В. Калько, ядро глибинного змісту паремій породжує аналогізацію людських почуттів, зокрема любові, кохання тощо із процесами та результатами дії вогню. Авторка наводить такі приклади: *Якби ти знав, що в моєму серці діється: доторкнися, то загорішся; Яка-небудь юбка, а серце горить, як губка* [11, с. 270].

Відомо, що в «Енеїді» Вергілія кохання порівнюється з вогнем. Про це говорить цариця Карфагена, яка довгі роки зберігала вірність своєму загиблому чоловікові. Та коли вона зустріла Енея, знов відчула вогонь, який палав у неї в далекому минулому [15, с. 553].

Образ кохання, що порівнюється з вогнем у серці, закріплений в українських народних піснях: *... Як погляну я на нього, в мене серденько горить* [16, с. 314]. Частотними в таких текстах є звертання до коханого чи коханої, які своїм образом заповнюють серце: *Ой Романе, моє серце, остав води хоть відерце* [там само, с. 300]; *Зажурилася я, що стояла сама, ожидала тебе, моє серденько* [там само, с. 318]; *Сидить голуб на дубочку, а голубка на вишині, ой скажи, скажи, серце дівчино, а що в тебе на мислі?* [16, с. 346]. Закарбований у текстах народних пісень і образ страждаючого від кохання серця як дівчини, так і парубка: *Ой на ставу, на ставочку качечка ночує, не будь мені з милим в парі, серце моє чує* [16, с. 309]; *Козак (якого полюбила дівчина – О. Я.) має жінку ще й діточок двое, а моє серденько крається надвое* [16, с. 317]; *Тяжко-важко на серденьку, як невірна світ зав'яже, тяжко-важко на серденьку, як нелюба світ зав'яже* [там само, с. 353].

В результаті проведеної розвідки, можна стверджувати, що в ментальності українців кордоцентризм є однією з найважливіших ознак. Наші предки не мали тих знань, якими володіє зараз людство. Вони були обмежені й у розповсюдженні інформації. Вжити допомагала інтуїція, що ґрунтується на умінні прислуховуватись до свого серця. Кордоцентризм як спосіб пізнання світу виражається мовними засобами у традиційній культурі нашого народу. Домінуючий з часів Аристотеля логіцизм у ментальності сучасних людей має й негативні наслідки, і тут мається на увазі, в першу чергу, проблема бездуховності світу. «Сучасність потребує, – писав С. Кримський, – духовного піднесення всього людства, тому що ХХІ століття або буде століттям духовності, або його зовсім не буде» [17, с. 6].

Кордоцентризм українців сфокусовано в мікроконцептах: *серце матері; гаряче серце; золоте серце; кам'яне серце; серце як жива істота* тощо, які потребують подальшого глибокого дослідження як на матеріалі різножанрових текстів усної народної творчості, так і на матеріалі текстів класичної та сучасної української літератури.

Список використаних джерел

1. Буряк, В. Д. Поетика інформаційно-художньої свідомості : [еволюція форм і методів вираження інформації (факту) в контексті інтелектуалізації творчої свідомості] / В. Д. Буряк. – Дніпропетровськ : Вид-во Дніпропетр. ун-ту, 2001. – 329 с.

2. Ключников, С. Ю. Символика и наследие «каирского отшельника» / С. Ю. Ключников // Генон Р. Символы священной науки = Simboles de la sciens sacree / Р. Генон ; [пер. с фр. Н. Тирос]. – М. : Беловодье, 2004. – С. 7–24.
3. Чижевський, Д. Філософія Г. С. Сковороди / Д. Чижевський. – Харків : Акта, 2003. – 432 с.
4. Сковорода, Г. Твори : у 2 т. / Г. Сковорода ; ред. кол.: М. Жулинський, М. Сулима, О. Прицак [та ін.]. – 2-ге вид., виправ. – К. : Обереги, 2005. – Т. 2 : Трактати. Діалоги. Притчі. Переклади. Листи. – 2005. – 479 с.
5. Гнатюк, Я. С. Український кордоцентризм у конфлікті міфологій та інтерпретацій : монографія / Я. С. Гнатюк. – Івано-Франківськ : Симфонія форте, 2010. – 184 с.
6. Пименова, М. В. Концепт *сердце*: Образ. Понятіе. Символ : монографія / М. В. Пименова. – Кемерово : КемГУ, 2007. – 500 с.
7. Ничипорчик, Е. В. Отражение ценностных ориентаций в поговорках / Е. В. Ничипорчик ; М-во образования РБ, Гом. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – 358 с.
8. Ляшчынская, В. А. Базавыя канцэпты фразеалагічнай карціны свету беларусаў / В. А. Ляшчынская. – Мінск : РІВШ, 2015. – 224 с.
9. Коваль, В. И. Фразеология народной духовной культуры: состав, семантика, происхождение : монография / В. И. Коваль. – Минск : РИВШ, 2011. – 196 с.
10. Краснобаева-Чорна, Ж. В. Лінгвофраземна аксіологія: парадигмально-категорійний вимір : монографія / Ж. В. Краснобаева-Чорна. – 2-е вид., випр. і доп. – Вінниця : ТОВ «Нілан-ЛТД», 2016. – 416 с.
11. Калько, В. Українські паремії: семантика, синтактика, прагматика : монографія / В. Калько. – Черкаси : Видавець Чабаненко Ю. А., 2019. – 562 с.
12. Прислів'я та приказки / упоряд., передмова М. Дмитренко. – К. : Ред. часопису «Народознавство», 2000. – 248 с.
13. Селіванова, О. О. Нариси з української фразеології (психологічний та етнокультурний аспекти) : монографія / О. О. Селіванова. – К.- Черкаси : Брама, 2004. – 276 с.
14. Войтович, В. М. Українська міфологія / В. М. Войтович ; передмова В. Шевчука. – вид. 2-е, стер. – К. : Либідь, 2005. – 664 с.
15. Крылатые латинские выражения / Авт.-сост. Ю. С. Цыбульник. – М. : ООО «Издательство АСТ»; Харьков : «Фолио», 2003. – 830 с.
16. Народні пісні / записи Людмили Єфремової. – К. : Наукова думка, 2006. – 575 с.
17. Кримський, С. Б. Заклики духовності ХХІ століття : [з циклу щорічних пам'ятних лекцій ім. А. Оленської-Петришин, 2002 р.] / С. Б. Кримський. – К. : Академія, 2003. – 32 с.

The article is devoted to a multifaceted philosophical concept “Cordocentrism” as a worldview dominant in the mentality of Ukrainians, which is expressed by linguistic means in paremic texts. Cordocentrism is a way of knowing the world directly related to the spirituality of the people. The article analyzes proverbs and sayings with the word “heart” in one of the modern collections of the series “Folk Art”.

Keywords: cordocentrism, paremias, proverbs, sayings, mentality, spirituality.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ничипорчик Е. В.</i> О слове мастера (в честь юбилея профессора В. М. Мокиенко)	4
<i>Абакумова О. Б.</i> Концептуальная метафора и конструирование образа женщины в русских пословицах с гендерным компонентом	10
<i>Абакумова О. Б., Проскурякова Е. В.</i> Пословица, оценка и речевое воздействие в текстах СМИ (на материале газетного текста)	13
<i>Абрамова В. И.</i> Символика ветра в русской и болгарской вербальных культурах (на материале фразеологических и паремиологических единиц)	17
<i>Андрианова Д. В.</i> Об эпитете «рогатый» в восточнославянских пословицах	22
<i>Арефьева Н. Г.</i> Временной лингвокультурный код в русских говорах Одесщины (на материале фразеологии)	25
<i>Артемова О. А.</i> Фразеологическая актуализация дейксиса в белорусском и английском языках: общее и специфическое	31
<i>Асенчик Е. Ф., Бойкова С. Н.</i> Особенности функционирования фразеологизма <i>лебединая песня</i>	38
<i>Бакина А. Д.</i> К вопросу о библейской фразеологии в контексте современных фразеологических исследований	42
<i>Балаш Д. Б., Холявко Е. И.</i> <i>Каинова печать</i> : семантика и прагматика фразеологизма	47
<i>Беженару Л. Е.</i> <i>Все течет, все меняется</i> : новые слова и устойчивые словесные комплексы COVID-ной тематики (на материале русскоязычных СМИ)	52
<i>Важенина О. Г.</i> Явище парадоксу в українській етнопареміології	59
<i>Валуева А. В., Федуленкова Т. Н.</i> Безэквивалентные фразеологизмы русского языка с компонентами-антропонимами	63
<i>Гарбера І. В.</i> Структурна класифікація фразеологізмів східностепових українських говірок із архісеомою 'людина'	67
<i>Генералова Е. В.</i> Пословицы как иллюстративный материал в историческом словаре	71
<i>Глазкова Е. А.</i> Мем как современная разновидность фразеологизма	75
<i>Гнездилова Н. С.</i> Метафора камня как способ образной характеристики событий и действий человека (на материале польского языка)	79
<i>Головачева О. А., Стародубец С. Н.</i> Фразеологизмы в статьях Н. С. Лескова «Русский драматический театр в Петербурге» как манифестанты авторской позиции	82
<i>Гомонова И. Г.</i> О проекте электронного словаря «Паремии в корпусе текстов»	86
<i>Гримашевич Г. І.</i> Лексикографічна репрезентація сучасної фразеологічної системи поліського наріччя	90
<i>Дронов П. С.</i> Фразеосхема: между пословицей, идиомой и коллокацией	94
<i>Евтухова И. Г.</i> Устойчивое выражение <i>бел-горюч камень Алатырь</i> в фольклоре и художественной литературе	97
<i>Завгородня Д. О.</i> Порівняльний аналіз ціннісних пріоритетів арабів та східних слов'ян у стосунках батьки / діти (за матеріалами східнослов'янських та арабських прислів'їв)	102
<i>Зеніна А. В.</i> Оригінальність художнього україномовного перекладу повісті-казки К. Грехема «Вігер у верболозі»: фразеологічний рівень	106
<i>Ильминская В. И.</i> Пословица как косвенный речевой акт	111
<i>Каліта І. У.</i> Да питання етимології фразеологізма <i>напицца як бэля</i>	115
<i>Ковалевич И. О.</i> Функционирование фразеологизмов и паремий в речи детей дошкольного и школьного возраста	122
<i>Коваль В. И.</i> <i>Черная дыра</i> : от термина к фразеологизму (по данным Национального корпуса русского языка)	127
<i>Ковшова М. Л.</i> Теория языка и лексикография: Словарь антропонимов в русских паремиях и фразеологизмах	130

<i>Корнакова В. И.</i> Семантико-денотативная организация фразеосемантического поля «беспокойство, тревога» в русском и белорусском языках.....	136
<i>Краснобаева-Чорна Ж. В.</i> Аксиологія байдужості у фразеологіі.....	140
<i>Кулік Л. У.</i> Рэпрэзентацыя базавых канцэптаў у беларускай саматычнай фразеалогіі..	144
<i>Лакомська І. В.</i> Фразеологізми українських медіазаголовків у прагмалінгвістичному аспекті.....	148
<i>Лапацін Г. І.</i> <i>І вышываць, і ткаць, і чорту падковы падкаваць...</i> Жаночыя рамёствы ў парэміялагічнай карціне жыцця п. Амяльное Веткаўскага раёна Гомельскай вобласці.....	152
<i>Ляшчынская В. А.</i> Семантыка кашы ў культуры і мове беларусаў (на матэрыяле фразеалагізмаў).....	158
<i>Меркулова И. А.</i> Фразеологическая активность кашубской лексики.....	165
<i>Мокиенко В. М.</i> Дружба и псевдодружба в баснях И. А. Крылова.....	170
<i>Никитина Т. Г.</i> Трансформации паремий: динамика аксиологического содержания...	177
<i>Новак О. Н.</i> Аксиологическое пространство фразеологизмов с компонентом <i>душа</i> в сербском языке.....	180
<i>Новогран Ю. В.</i> Эквивалентность интернациональных фразеологизмов.....	183
<i>Огольцева Е. В.</i> Прилагательное с деривационным значением ‘сделанный из материала’ в структуре устойчивого сравнения.....	185
<i>Омакаева Э. У.</i> Аксиологический потенциал русских пословиц семейно-брачной тематики на фоне калмыцких и английских паремий.....	191
<i>Орлова О. С.</i> Когнитивно-культурологическое описание загадок о явлениях природы	194
<i>Петрачкова И. М.</i> Прецедентные имена как экспликаторы идиоматических и паремиологических смыслов в постмодернистских пьесах Д. М. Липскерова.....	199
<i>Рудакова С. В., Дудля О. А.</i> Особенности перевода пословиц и поговорок с английского на русский язык (на материале выражений о счастье и удаче).....	205
<i>Рудакова С. В., Жавнерович М. С.</i> Аксиологическая картина мира современного общества в русских антипословицах о счастье и несчастье.....	209
<i>Савіцкая І. У., Сахончык А. П.</i> Семантычныя асаблівасці фразеалагічных адзінак з колераабзначэннем (на матэрыяле беларускай, рускай і англійскай моў).....	213
<i>Северская О. И.</i> Коронавирусная фразеология и паремиология.....	217
<i>Селезнева Л. В.</i> Фразеологические модификации коронавирусного режима.....	220
<i>Стоянова Р. С.</i> Формально-структурные модели терминологических фразеологизмов в болгарской и русской экономической терминологии.....	223
<i>Стрижак А. Л.</i> Семантические трансформации фраземы <i>люди государевы</i> в русскоязычных белорусских масс-медиа.....	230
<i>Тарса Я.</i> <i>Тише едешь, дальше будешь</i> глазами поляков.....	234
<i>Тимошенко Е. И.</i> К семантической характеристике описательных глагольно-именных оборотов в русском языке.....	237
<i>Ульянова В. О.</i> Гендерні особливості відображення аксіологічних орієнтацій в українських паремійних текстах.....	240
<i>Урбанович И. Г.</i> Фразеологизмы-неологизмы в произведении Ф. Искандера «Сандро из Чегема».....	244
<i>Хазанова К. Л.</i> Аб пераўзнаўленні фразеалагічнага ладу ў перакладзе, або вучымся ў класікаў.....	247
<i>Szetela W.</i> O frazeologii i paremiologii poetyckich tekstów Jana Kochanowskiego.....	250
<i>Юдзянкова Г. В., Кураш С. Б.</i> Да пытання аб культурным фоне онімаў як кампанентаў парэмій Мазырскага Палесся.....	254
<i>Яковлева О. В.</i> Мовне вираження кордоцентризму в українських прислів'ях і приказках.....	258

Научное издание

**СЛАВЯНСКАЯ
ФРАЗЕОЛОГИЯ И ПАРЕМИОЛОГИЯ**

**ТРАДИЦИОННЫЕ И НОВАТОРСКИЕ
РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ**

К 80-летию со дня рождения
профессора В. М. Мокиенко

Сборник научных статей

Подписано в печать 27.11.2020. Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 30,92. Уч.-изд. л. 26,93.
Тираж 70 экз. Заказ 554.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017.
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013.
Ул. Советская, 104, 246019, Гомель.

